891
К73

Котляревский Н.

Декабристы.

2 7 4

891-Г
К. 73 д
Кн
поб 3 5 9
№ 4977
п-81
3²
1927, 28, 45
П-38
91-28
РАЙОННО-ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА г. ТЮМЕНЬ
31
414

ДЕКАБРИСТЫ

КН. А. И. ОДОЕВСКІЙ И А. А. БЕСТУЖЕВЪ-МАРЛИНСКІЙ

ИХЪ ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

Н. КОТЛЯРЕВСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 л., 28
1907

3530

День 14 декабря 1825 года—скорбный день въ лѣтописяхъ нашей словесности. Изъ немногочисленной литературной семьи того времени вспышка политической страсти вырвала сразу нѣсколько молодыхъ даровитыхъ писателей. На долгіе годы затерялись они въ толпѣ своихъ товарищей по несчастію — каторжныхъ, поселенцевъ и солдатъ.

Въ кружкѣ декабристовъ поэзія и поэтическое творчество были, какъ извѣстно, въ большомъ почетѣ. Политика не мѣшала, а способствовала культу искусства. Но истинныхъ новаторовъ въ творчествѣ среди этихъ политическихъ дѣятелей не было; были люди лишь съ болѣе или менѣе крупнымъ дарованіемъ.

Исторія нашего литературнаго развитія сохранитъ на своихъ страницахъ имена К. Ѳ. Рылѣева, А. А. Бестужева, князя А. И. Одоевскаго и В. К. Кюхельбекера.

Ихъ жизнеописанію и литературнымъ трудамъ посвящены эти очерки.

Теперь настало время, когда на могилѣ этихъ писателей можно поставить достойный ихъ памятникъ, и авторъ смотрѣлъ на свою работу какъ на первый шагъ къ выполненію этого долга.

Люди, о которыхъ онъ хотѣлъ напомнить читателю, имѣли въ жизни своей двѣ святыни: гуманный идеалъ, проясненный политической мыслью, за которую они по-

страдали, и художественную мечту, которая радовала ихъ въ дни свободы и утѣшала въ дни несчастія. Въ очеркахъ, посвященныхъ ихъ памяти, должно быть удѣлено одинаковое вниманіе, и политическимъ ихъ мыслямъ, и поэтическимъ ихъ грезамъ.

Авторъ и руководствовался этимъ соображеніемъ. Онъ стремился достигнуть наибольшей полноты въ подборѣ фактовъ, относящихся къ біографіи упомянутыхъ писателей, и въ подборѣ свѣдѣній объ ихъ политической дѣятельности. Возможно бо́льшую точность и полноту хотѣлъ соблюсти онъ и въ обзорѣ ихъ литературныхъ трудовъ, не считаясь съ тѣмъ, что эти труды отъ времени сильно пострадали.

КНЯЗЬ

Александръ Ивановичъ

Одоевскій

Стихотворенія князя Александра Ивановича Одоевскаго[1] почти совсѣмъ забыты; и даже имя его въ перечнѣ нашихъ поэтовъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ упоминается рѣдко.

Причины такого забвенія болѣе чѣмъ понятны. Александръ Ивановичъ родился поэтомъ, и очень искреннимъ поэтомъ, но онъ таилъ свои стихи отъ чужого глаза и рѣдко кому позволялъ ихъ подслушать[2]. Почти всѣ его стихотворенія были записаны его друзьями, иногда по памяти, и онъ самъ, вѣроятно, менѣе чѣмъ кто-либо могъ думать, что эти импровизаціи, эти слова, сказанныя въ утѣшеніе самому себѣ или товарищамъ, составятъ современемъ сборникъ, который не позволитъ забыть о немъ, какъ о поэтѣ. Было ли это скромностью или гордыней художника, который считаетъ „ложью" всякое „изреченное" слово, безсильное передать глубину мысли и чувства, его породившихъ, было ли это просто безпечностью съ его стороны[3]—но только Одоевскій составлялъ исключеніе въ семьѣ художниковъ; и глубоко вѣрующій въ безсмертіе своей души, совсѣмъ не желалъ безсмертія для тѣхъ звуковъ, какими она откликалась на мимолетныя впечатлѣнія жизни. Онъ самъ торопилъ для себя наступленіе минуты забвенія.

Она должна была наступить быстро и въ силу внѣшнихъ обстоятельствъ. Одоевскому было 22 года, когда его сослали на каторгу, и его стихи были, какъ онъ самъ выражался, „пѣснями изъ гроба". Это вѣрно также и въ томъ смыслѣ,

что всѣ его стихотворенія, кромѣ одного, появились въ печати уже послѣ его кончины. Само собою разумѣется, что подъ ними первое время не могло стоять имени автора. Но даже если бы это имя и стояло, стихи Одоевскаго, взятые порознь, едва ли могли произвести большое впечатлѣніе и остаться надолго въ памяти: они—какъ тѣ цвѣты, которые издаютъ сильный ароматъ лишь тогда, когда собраны и связаны въ цѣломъ букетѣ.

Въ исторіи русской лирики двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ поэзія Одоевскаго можетъ занять свое мѣсто въ ряду тѣхъ непринужденно-искреннихъ, пережитыхъ и прочувствованныхъ, сильныхъ своей простотой и почти совсѣмъ неэффектныхъ лирическихъ стихотвореній, которыя подписывались въ тѣ годы Пушкинымъ и его друзьями. Пѣсня Одоевскаго той же высокой пробы, что и лирика этой плеяды. Въ ней поражаетъ та же тщательная отдѣлка стиха, рѣдкое гармоничное сочетаніе формы съ содержаніемъ при отсутствіи въ этой формѣ излишне узорнаго или недосказаннаго, неяснаго, та же способность мѣнять и тонъ, и ритмъ, та же способность одинаково просто выражать весьма разнообразныя настроенія и чувства. Стихи Одоевскаго, изданные въ свое время, т.-е. въ концѣ тридцатыхъ годовъ, завершили бы собой тотъ циклъ художественной лирики, которая въ Пушкинѣ нашла себѣ лучшаго выразителя и въ которую затѣмъ Полежаевъ, Лермонтовъ и Огаревъ внесли новую рѣзкую ноту душевной тревоги и эффектнаго, иногда вычурнаго, самолюбованія. Пѣсня Одоевскаго могла бы быть одной изъ послѣднихъ пѣсенъ, въ которыхъ выразилось уже отходившее въ прошлое религіозно-сентиментальное, въ общемъ оптимистическое міросозерцаніе, не позволявшее человѣку слишкомъ болѣзненно ощущать разладъ мечты и жизни.

И, дѣйствительно, Александръ Ивановичъ, который болѣе чѣмъ кто-либо имѣлъ основаніе быть въ обидѣ на жизнь и людей, избѣгалъ подчеркивать то противорѣчіе, въ какомъ его личность, умственно и нравственно высокая, стояла къ

окружающей его обстановкѣ и къ историческому моменту, свидѣтелемъ котораго онъ явился. Въ его міросозерцаніи было много религіознаго идеалистическаго элемента[4], который не мѣшалъ поэту жить страстями, но какъ-то не позволялъ этимъ страстямъ обращать всѣ душевные порывы, всѣ набѣгающія мысли въ предлогъ для непримиренно враждебнаго отношенія къ жизни вообще и къ людямъ въ частности. Знакомясь съ духовной жизнью нашего писателя, насколько, конечно, эта полная смысла жизнь отражается въ его случайныхъ поэтическихъ замѣткахъ, видишь, что первой житейской мудрости онъ учился у того сентиментальнаго либерализма, который, несмотря на всѣ предостереженія; былъ такъ силенъ во все царствованіе Александра I, и что поэту не остались чужды тѣ оптимистическіе взгляды на міръ и судьбу человѣка, къ которымъ вообще имѣли пристрастіе люди его времени, серьезно воспитанные на идеалистической философіи запада или только усвоившіе себѣ ея конечные выводы.

Этотъ религіозный складъ ума Одоевскаго и спокойствіе его духа подтверждаются не только его стихами, но и тѣмъ впечатлѣніемъ, которое онъ производилъ на людей, способныхъ оцѣнить эти рѣдкія, не бросающіяся въ глаза душевныя качества. Если Огаревъ, который встрѣтилъ Одоевскаго въ концѣ тридцатыхъ годовъ, солдатомъ, на Кавказѣ, былъ не только пораженъ, но и умиленъ его личностью, то это понятно: самъ Огаревъ въ эти годы искалъ въ религіи разгадки смысла жизни. Но любопытно, что такое же глубокое впечатлѣніе Одоевскій произвелъ на натуру, совсѣмъ съ нимъ несходную, на Лермонтова, съ которымъ тотъ же случай свелъ его на Кавказѣ. Для пониманія Одоевскаго Лермонтовъ былъ по своему темпераменту и по своимъ взглядамъ мало подготовленъ, но и онъ преклонился передъ „гордой вѣрой Одоевскаго въ людей и жизнь иную“, хотя и придалъ его облику оттѣнокъ горделивой замкнутости и разлада со „свѣтомъ“ и „толпой“—эти, ему самому, Лермонтову—столь привычныя ощущенія.

Когда затѣмъ Лермонтовъ говорилъ, обращаясь къ Одоевскому:

Дѣла твои и мнѣнья,
И думы—все исчезло безъ слѣдовъ,
Какъ легкій паръ вечернихъ облаковъ:
Едва блеснутъ: ихъ вѣтеръ вновь уноситъ—
Куда они? зачѣмъ? откуда?—кто ихъ спроситъ...

онъ былъ не совсѣмъ правъ. Если бы онъ зналъ эти думы, какъ знаемъ ихъ мы, онъ не задалъ бы имъ вопроса, зачѣмъ они и откуда; онъ призналъ бы въ нихъ, какъ и въ поступкахъ поэта—проявленіе цѣльнаго міросозерцанія, оптимистическаго, съ большой дозой благодушія, довѣрчиваго къ судьбѣ и къ людямъ, либеральнаго и полнаго религіозной вѣры сначала въ близкое, а затѣмъ въ конечное торжество своего гуманнаго идеала.

Лермонтовъ, типичный представитель разочарованнаго протеста, скептикъ и сынъ Николаевской эпохи, могъ видѣть въ Одоевскомъ живой примѣръ старшаго поколѣнія. Передъ нимъ былъ также одинъ изъ протестовавшихъ, но примирившійся съ проигрышемъ идеалистъ, человѣкъ, котораго никакія житейскія невзгоды не заставили усомниться въ томъ, во что онъ вѣрилъ, каторжникъ со „звонкимъ дѣтскимъ смѣхомъ и живой рѣчью, постоянно бодрый и веселый, снисходительный къ слабостямъ своихъ ближнихъ, христіанинъ, сердце котораго было обильнѣйшимъ источникомъ чистѣйшей любви, гражданинъ, страстно любящій родину, свой народъ и свободу въ высокомъ смыслѣ общаго блага и порядка[5]“.

Такимъ либераломъ и сентименталистомъ александровской формаціи умеръ этотъ человѣкъ случайно въ 1839 году, наканунѣ эпохи, когда, послѣ десятилѣтней растерянности и долгаго выжиданія, сталъ слагаться новый типъ пѣвца, болѣе сердитаго, желчнаго, недовѣрчиваго, скептически относящагося ко многимъ прежнимъ иллюзіямъ, а потому порой и большого пессимиста.

А какъ много основаній имѣлъ Александръ Ивановичъ стать пессимистомъ!

I.

О жизни Одоевскаго сохранилось немного свѣдѣній, да и само слово „жизнь“ какъ то не подходитъ къ тому, что съ нимъ въ жизни случилось.

Родился онъ въ 1802 году, вмѣстѣ съ годами великихъ обѣщаній Александровскаго царствованія, въ одной изъ самыхъ родовитыхъ и старыхъ дворянскихъ семей Россіи. Семья была большая, богатая, патріархальная по нравамъ, и жила она очень дружно. Александръ Ивановичъ былъ окруженъ въ ней любовью и лаской.

Особенно нѣжное чувство любви привязывало его къ матери, которую онъ потерялъ рано и память о которой стала однимъ изъ самыхъ дорогихъ и поэтичныхъ образовъ его фантазіи.

Вся сокровенная сущность его нѣжной и сентиментальной души открывается намъ въ его словахъ и воспоминаніяхъ объ этой женщинѣ. „Я воспитывался,—говорилъ онъ своимъ судьямъ,—дома моею матерью, которая не спускала меня съ глазъ по самую свою кончину. Ея неусыпное попеченіе о моемъ воспитаніи, 18 лѣтъ ея жизни, совершенно посвященные на оное, — все это можетъ подать нѣкоторое понятіе о правилахъ, мнѣ внушенныхъ. Мать моя была моею постоянною и почти единственною наставницею въ нравственности[6]“. Онъ называлъ ее въ письмахъ къ друзьямъ „вторымъ своимъ Богомъ“; онъ не могъ думать о ней, этой „ангельской матушкѣ“ безъ глубокаго волненія лѣтъ шестнадцать спустя послѣ ея смерти[7].

А въ первую минуту разлуки съ ней онъ былъ совсѣмъ подавленъ. Онъ писалъ тогда:

„Жестокая потеря унесла съ собой лучшую часть моихъ чувствъ и мыслей. Я былъ какъ шальной. Я грустенъ былъ,

я былъ веселъ какъ не бываю ни веселъ, ни грустенъ. Самая тонкая и лучшая струна лопнула въ моемъ сердцѣ[8]".

„Я лишился ее и еще наслаждаюсь жизнью! Конечно, ужъ это одно испытаніе доказываетъ нѣкоторую твердость или разслабленіе моего воображенія, которое не въ силахъ представить мнѣ всего моего злосчастія. Я слабъ, слабѣе, нежели самый слабый младенецъ, и потому кажусь твердымъ. Я перенесъ все отъ слабости!"

„Она была для меня матерью, наставникомъ, другомъ, божествомъ моимъ. Я лишился ея, когда сердце уже могло вполнѣ чувствовать ея потерю;—вотъ что̀ судьба опредѣлила мнѣ въ самыя радостныя минуты зари нашей жизни"[9].

Черезъ годъ послѣ смерти матери (1820) поступилъ онъ на службу въ Конногвардейскій полкъ[10] и „пять лѣтъ былъ неизмѣнно хорошаго поведенія" *), — какъ онъ самъ себя аттестуетъ.

Жилось ему весело: отъ матери онъ получилъ достаточное наслѣдство въ 1.000 душъ и одинъ управлялъ ими. Онъ былъ „богатъ, счастливъ, любимъ и уважаемъ всѣми. Никогда никакого не имѣлъ неудовольствія ни по службѣ, ни въ прочихъ отношеніяхъ его жизни". „И чего было мнѣ желать?"— восклицалъ онъ съ грустью въ одномъ изъ своихъ показаній.

Служба была, конечно, легкая, если не считать разныхъ походовъ и стоянокъ въ западномъ краѣ, гдѣ его полку случалось бывать на маневрахъ. Но Одоевскій былъ такъ жизнерадостенъ, что и послѣ такихъ утомительныхъ и не веселыхъ прогулокъ чувствовалъ въ себѣ какую-то жажду наслажденія жизнью. „Другой воздухъ, другая жизнь въ моихъ жилахъ, писалъ онъ однажды послѣ такой экспедиціи. Я въ отечествѣ! Я въ Россіи! Лица русскія человѣческія. Молодцы русскіе исподлобья какъ жиды не смотрятъ, русскія дѣвушки насъ не убѣгаютъ, какъ бѣловолосыя уніатки! Я

*) Въ корнеты онъ былъ произведенъ 23 февраля 1823 г.

почувствовалъ, что я человѣкъ въ тотъ самый мигъ, какъ мы перешли за роковой столбъ, отдѣляющій Бѣлоруссію отъ нашей милой отчизны. Я отягченъ полнотою жизни! Я пламенѣю восторгомъ, какимъ-то чувствомъ вожделѣнія, жаждой наслажденій[11].

Жизнерадостность, которую подмѣчали въ немъ его товарищи и въ тяжелые годы несчастія, была основной чертой его характера. Если вчитаться въ его юношескія письма, то рядомъ съ неизбѣжной и обязательной для того времени сентиментальной грустью находишь цѣлую струю веселаго, бодраго, порой юмористическаго настроенія. Онъ упоенъ жизнью и надеждами. Онъ о себѣ и своемъ умѣ высокаго мнѣнія. Онъ знаетъ цѣну своего отзывчиваго и нѣжнаго сердца. Онъ боится излишнихъ умствованій, излишней серьезности во взглядѣ на жизнь, онъ хочетъ быть идеалистомъ безъ тревожныхъ раздумій и страданій.

„Задача наша,—разсуждалъ онъ въ тѣ юные годы,—испытать радость жизни, но сохраняя полноту и остроту чувствъ:

Rien ne me révolte plus que la froideur surtout dans un jeune homme... A la vérité j'ai entendu dire souvent que pour etre heureux, il faut être insensible; mais nommerai je le bonheur la privation des plaisir de la vie?.. Un être impossible ne vit pas, il végète. La sensibilité est la fleur de notre existence, et si c'est une fleur qui se fane, au moins laisse-t-elle après elle un parfum qui embaume le dernier de nos jours et ne s'éxhale qu'avec le dernier soupir. Et s'il est une autre vie, les souvenirs d'un homme sensible sont la volupté de l'éden[12]".

Самъ Александръ Ивановичъ тогда о „кончинѣ дней своихъ" и о „послѣднемъ вздохѣ" думалъ, однако, мало. Мало думалъ онъ и о такъ называемой „философіи", которая грозитъ человѣку испортить непосредственный и здоровый вкусъ къ жизни.

Его двоюродный братъ, тогда тоже еще мальчикъ—Владиміръ Ѳедоровичъ Одоевскій, съ которымъ Александръ Ивановичъ находился въ очень интимной перепискѣ,—дѣлалъ

тщетныя усилія направить умъ своего брата на серьезные отвлеченные вопросы. Всѣмъ своимъ увлеченіемъ нѣмецкой философіей, къ которой В. Ѳ. Одоевскій съ дѣтства привязался, онъ находилъ въ письмахъ своего друга рѣшительный отпоръ, и ему было, вѣроятно, очень непріятно читать такія строки:

„Я замѣтилъ,—писалъ ему Александръ Ивановичъ,—что ты не только философъ на словахъ, но и на самомъ дѣлѣ, пбо первое правило человѣческой премудрости быть счастливымъ, довольствуясь малымъ. Ну, не мудрецъ ли ты, когда ты довольствуешься одними словами, а что касается до смысла, то, по добротѣ своего сердца, просишь у Шеллинга—едва-едва только малую толику? Ты, право, философъ на самомъ дѣлѣ! Желаю тебѣ дальнѣйшихъ успѣховъ въ практическомъ любомудріи. Мой жребій теперь, мое дѣло быть весьма довольнымъ новымъ состояніемъ своимъ и обстоятельствами. И я философъ! — Я смотрю на свои эполеты, и вся охота къ опроверженію твоихъ сужденій исчезла у меня. Мнѣ, право, не до того. Вѣрю всему, что ты пишешь; вѣрю честному твоему слову, а самъ беру шляпу съ бѣлымъ султаномъ и спѣшу—на Невскій проспектъ[13]“.

Его корреспондентъ могъ тѣмъ болѣе разсердиться, что за два года передъ этимъ Александръ Ивановичъ давалъ ему понять, и совсѣмъ серьезно, что онъ въ себѣ чувствуетъ нѣкоторое родство съ геніями. „Я веселъ,—писалъ ему тогда Александръ Ивановичъ,—по совсѣмъ другой причинѣ, нежели мой Жанъ-Жакъ бывалъ веселымъ. Онъ радовался свободѣ, а я — неволѣ. Я надѣлъ бы на себя не только кирасу, но даже—вериги, для того только, чтобы посмотрѣть въ зеркало, какую я дѣлаю рожу: ибо—le génie aime les entraves. Я не почитаю себя геніемъ, въ этомъ ты увѣренъ, но признаюсь, что духъ мой имѣетъ что-то общее avec le génie. Я люблю побѣждать себя, люблю покоряться, ибо знаю, что испытанія ожидаютъ меня въ жизни сей, испытанія, которыя, вѣрно, будутъ требовать еще бо́льшаго напряженія

моего духа, нежели все, что ни случилось со мною до сихъ поръ[14]".

Наблюдая, однако, въ продолженіе нѣкотораго времени за поведеніемъ своего двоюроднаго брата, В. Ѳ. Одоевскій могъ убѣдиться, что онъ ведетъ жизнь совсѣмъ не подобающую „геніальной натурѣ". Онъ, кажется, и сдѣлалъ ему по этому поводу довольно откровенный выговоръ. Писемъ Владиміра Ѳедоровича мы не имѣемъ, но отвѣты Александра Ивановича сохранились. И онъ очевидно былъ также разсерженъ тономъ этой переписки, потому что наговорилъ своему брату-философу много колкостей; а въ письмахъ, кстати сказать, онъ умѣлъ быть и остроумнымъ и желчнымъ *).

„Восклицаніе за восклицаніемъ!" начинаетъ вышучивать Александръ Ивановичъ своего брата. Но если бы пламень горѣлъ въ душѣ твоей, то и не пробивая совершенно твердыхъ сводовъ твоего черепа нашелъ бы онъ хотя скважину, чтобъ выбросить искру. Гдѣ она? Видно ты на огнѣ Шеллинга жаришься, а не горишь...

Я скажу все, какъ вижу изъ-подъ козырька моей каски, который, однако, не мѣшаетъ всматриваться въ тебя; потому что не нужно для этого (съ вашимъ дозволеніемъ) считать на небѣ звѣзды. Ты еще пока въ людской кожѣ, какъ и ни лѣзешь изъ нея.

Корифей мыслитъ, а въ смыслѣ его—лепечутъ! Отличишь ли ты плевелы? Если нѣтъ, то хороша пища! Заболитъ желудокъ. Но весь философскій лепетъ не столь опасенъ, какъ журнальный бредъ и кругъ писакъ товарищей полу-авторовъ и цѣльныхъ студентовъ.

Худо перепятое мудрствованіе отражается въ твоихъ вѣч-

*) Въ его письмахъ попадаются иногда очень милыя остроты:

Лежачихъ не бьютъ, а особливоословъ; ты ихъ тѣмъ заставишь только встать, чтобы снова лягаться.

Береги свою желчь, ибо и ее можно употребить на что-нибудь путное въ сей странной жизни.

ныхъ восклицаніяхъ и доказываетъ, что кафтанъ не по тебѣ. Вмѣсто того, чтобы дышать внѣшними парами, не худо было бы заняться внутреннимъ своимъ созерцаніемъ и взвѣсить себя.

Ты желаешь душой своей разлиться по цѣлому и какъ дитя принимаетъ горькое лѣкарство, такъ ты черезъ силу вливаешь въ себя всѣ понятія, которыя находишь въ теоріи, полезной, прекрасной (все, что хочешь), но не замѣняющей самостоятельности.

Истинно возвышенная душа, т.-е. творческая, сама себѣ удовлетворяющая, и потому всегда независимая, даруется свыше благословеннымъ. Такая душа превращаетъ и чужое въ личное свое достояніе, ибо архетипъ всего прекраснаго лежитъ въ ея глубинѣ. Внѣшняя сила становится для нея одной только случайной причиной. Она вездѣ беретъ свою собственность. Возвышенный умъ за нею слѣдуетъ, но какъ завоеватель! Для него нужны труды высокіе и поприще благородное! Иначе все, что онъ ни присвоитъ, будетъ казаться пристройкой лачужки къ великолѣпному храму.

Въ сей высшей сферѣ нельзя брать—въ заемъ; и иногда почти невозможно постигать размышленіемъ то, что постигается чувствомъ.

Учись мыслить, но не говори, что ты достигъ цѣли, стоящей внѣ круга моей жизни. Ты еще ничего не достигъ. Ты едва ли еще на пути, хотя ищешь его какъ кажется. Откуда же взялась такая смѣшная самонадѣянность? *Ты старше лѣтами*, но я—перегналъ, я *старше*—чѣмъ?- душой. Но гдѣ душа? Ты какъ будто ищешь ее внѣ себя, въ философіи Шеллинга; а я—ее не искалъ.

Сойди въ глубину своего ума—признайся, что набросать слова звучныя, нанизать нѣсколько нитокъ фальшиваго жемчуга и потомъ, сѣвъ на курульскія кресла съ важностью римскаго сенатора, судить человѣка, совсѣмъ незнакомаго—весьма легко! Да! незнакомаго... Я не совсѣмъ оправился, но однако начинаю ступать съ нѣкоторою довѣренностью

къ себѣ. Какъ-то мыслю, какъ-то чувствую — иду, но не считаю, какъ ты, шаговъ моихъ; и не мѣрю себя вершками! У всякаго свой обрядъ. У меня есть что-то—пусть идеалъ—но безъ мѣры и безъ счету. Шагаю себѣ, можетъ быть лечу, но самъ не знаю какъ; и вмѣстѣ съ тѣмъ въ нѣкоторыя мгновенія наслаждаюсь истинно возвышенною жизнію, всегда независимой и которая кипитъ во мнѣ какъ полная чаша Оденова меду.

Чѣмъ же ты меня такъ перещеголялъ? Внутреннимъ бытіемъ? Ты моего не знаешь. Печатнымъ бытіемъ?—я его презираю[15]".

Послѣднія слова очень характерны: Александръ Ивановичъ на всю жизнь сохранилъ это презрѣніе къ печати и если бы его друзья не записывали за нимъ его стихотвореній, то всѣ они такъ навсегда-бы и пропали.

А писать стихи онъ сталъ очень рано. „Въ крылатые часы отдохновенія", какъ онъ выражался въ одномъ неизданномъ стихотвореніи 1821 г., онъ питалъ въ себѣ огонь воображенія и мнилъ себя поэтомъ[16]", и кажется, что плоды этой мечты были очень обильны. По крайней мѣрѣ когда его братъ просилъ у него стиховъ для „Мнемозины", которую онъ издавалъ, то Александръ Ивановичъ въ выборѣ затрудненъ не былъ: „Стихи пишу и весьма много бумагу мараю, отвѣчалъ онъ брату... Люблю писать стихи, но не отдавать въ печать; но чуждый журнальнаго словостяженія прислалъ бы десятокъ одъ, столько же посланій, пять или шесть элегій—и начала двухъ поэмъ, которыя лежатъ подъ столомъ, полуразодранныя и полусожженныя[17]".

Хотя Александръ Ивановичъ и не любилъ типографскаго станка, но къ словесности онъ питалъ страсть очень нѣжную, равно какъ и къ русскому языку, которымъ владѣлъ въ

совершенствѣ *). Къ этой страсти онъ былъ подготовленъ и тѣмъ начальнымъ образованіемъ, которое получилъ въ дѣтствѣ и юношествѣ. Это образованіе было преимущественно литературное **). На вопросъ судей: „въ какихъ предметахъ старались вы наиболѣе усовершенствоваться?“ — онъ отвѣчалъ, что въ словесности и математикѣ. „Юридическими науками, утверждалъ онъ я никогда не занимался или политическими какими либо твореніями. Не только ни одного лоскутка бумаги не найдете, который могъ бы служить противъ меня доказательствомъ, но даже ни единой книги, относящейся до политики или новѣйшей философіи. Я занимался словесностью, службою; жизнь моя цвѣла“. И Одоевскій говорилъ правду. Если въ юности его прельщали какіе лавры, то развѣ только лавры писательскіе; и онъ позволялъ себѣ иногда въ частной перепискѣ задуматься надъ вопросомъ: а нѣтъ ли въ немъ сходства съ Торквато Тассо или со Стерномъ[19].

Любовь къ словесности заставляла Одоевскаго, конечно, искать знакомства и дружбы литераторовъ. Широкихъ литературныхъ связей у него не было, но въ молодой литераторской компаніи онъ былъ принятъ какъ свой. Рылѣева и А. Бестужева[20] онъ любилъ прежде всего какъ писателей и затѣмъ уже подпалъ подъ ихъ вліяніе какъ политиковъ. Есть указаніе, что онъ былъ знакомъ съ Хомяковымъ, съ

---

*) Генералъ Раевскій, подъ началомъ котораго онъ служилъ на Кавказѣ, продиктовавъ свои реляціи, присылалъ ихъ обыкновенно рядовому Одоевскому для просмотра и поправокъ[18].

**) Воспитывался у моихъ родителей, писалъ онъ въ одномъ показаніи; учители мои были: россійскаго языка и словесности д. с. с. непремѣнный секретарь Императорской Россійской Академіи Соколовъ; французскаго: Геро, Шопенъ; нѣмецкаго: Катерфельдъ; англійскаго: Дайлингъ; латинскаго: Бѣлюстинъ, а потомъ Дицъ; греческаго: Поповъ; исторіи и статистики: Арсеньевъ; (короткое время) и Дицъ; чистой математики Темясенъ; фортификаціи: Полевой и долговременной: Фарантовъ; физикѣ: профессоръ Делонъ; законоучители протоіереи Каменскій и Мансвѣтовъ.

которымъ вступалъ въ политическіе споры *). Но наиболѣе тѣсная дружба соединяла его съ Грибоѣдовымъ. При какихъ условіяхъ завязалась эта дружба—неизвѣстно, но Одоевскій былъ постояннымъ спутникомъ Грибоѣдова въ домахъ знакомыхъ и въ театрахъ[22], а въ 1824 г. во время наводненія рисковалъ жизнью, спасая своего друга.

Въ началѣ 1825 г. они даже жили вмѣстѣ на одной квартирѣ. Зналъ ли Грибоѣдовъ о политическихъ замыслахъ Одоевскаго—опредѣлить трудно; изъ письма, которое онъ писалъ ему въ крѣпость, видно — что не зналъ **), и потому можно предположить, что ихъ дружба была дружбой личной и завязалась вѣроятно также на почвѣ литературныхъ интересовъ.

Литературные друзья и приняли Александра Ивановича въ члены тайнаго общества.

II.

„Заимствовалъ я сей нелѣпый противузаконный и на однихъ безмозглыхъ мечтаніяхъ основанный образъ мыслей отъ сообщества Бестужева и Рылѣева, не болѣе какъ съ

---

*) Хомяковъ увѣрялъ Одоевскаго, что онъ (Одоевскій) вовсе не либералъ, а только предпочитаетъ единодержавію тиранство вооруженнаго меньшинства[21].

**) Письмо было писано, впрочемъ, при такихъ условіяхъ, что принимать его всецѣло на вѣру невозможно. Каковы бы ни были, однако, эти условія, письмо могло бы быть мягче. «Братъ Александръ! писалъ ему Грибоѣдовъ: подкрѣпи тебя Богъ! Я сюда прибылъ на самое короткое время. Государь наградилъ меня щедро за мою службу. Бѣдный другъ и братъ! зачѣмъ ты такъ несчастливъ?... Осмѣлюсь-ли предложить тебѣ утѣшеніе въ нынѣшней судьбѣ твоей! Но есть оно для людей съ умомъ и чувствомъ. И въ страданіи заслуженномъ можно сдѣлаться страдальцемъ почтеннымъ. Есть внутренняя жизнь, нравственная и высокая, независимая отъ внѣшней. Утвердиться размышленіемъ въ правилахъ неизмѣнныхъ, сдѣлаться въ узахъ и въ заточеніи лучшимъ, нежели въ самой свободѣ,—вотъ подвигъ, который тебѣ предлагаю... Кто завлекъ тебя въ эту гибель? Ты былъ хотя моложе, но основательнѣе прочихъ. Не тебѣ бы къ нимъ примѣшаться, а имъ у тебя уму и добротѣ сердца позаимствовать[23]!

годъ. Родители же мои дали мнѣ воспитаніе, приличное дворянину русскому, устраняя отъ меня какъ либеральныя, такъ вообще и всякія противныя нравственности сочиненія. Единственно Бестужевъ и Рылѣевъ (а болѣе послѣдній) совратили меня съ прямого пути. До ихъ знакомства я гнушался сими мыслями"—такъ писалъ Александръ Ивановичъ въ тюрьмѣ въ первые дни своего ареста, ошеломленный катастрофой, испуганный насмерть, и подъ угрозой приступа настоящаго душевнаго разстройства.

Одоевскій познакомился съ Бестужевымъ въ концѣ 1824 г. *). „Я любилъ, разсказываетъ онъ, заниматься словесными науками; это насъ свело. Мѣсяцевъ черезъ пять послѣ перваго нашего свиданья въ пріятельскомъ разговорѣ мы говорили между прочимъ о Россіи, разсуждали о пользѣ твердыхъ неизмѣнныхъ законовъ. „Доставленіе со временемъ нашему отечеству незыблемаго устава" сказалъ онъ мнѣ, должно быть цѣлью мыслящаго человѣка. Къ этой цѣли мы стремимся; Богъ знаетъ, достигнемъ ли когда? Насъ нѣсколько людей просвѣщенныхъ. Единомысліе насъ соединяетъ. Иного ничего не нужно. Ты также мыслишь какъ я, стало быть ты—нашъ". Вотъ и все. Послѣ разговора моего съ Бестужевымъ онъ долго ничего не сказывалъ мнѣ о чемъ либо подобномъ. Когда пріѣхалъ Рылѣевъ, то онъ познакомилъ меня съ нимъ. Съ Рылѣевымъ я также коротко познакомился, и часто разсуждалъ о законахъ, о словесности и проч. Слова его о будущемъ усовершенствованіи рода человѣческаго принималъ я по большей части за мечтанія, но самъ мечталъ съ нимъ **). Въ этомъ не запираюсь, ибо воображеніе иногда заносится".

---

*) Бестужевъ одно время жилъ въ квартирѣ Одоевскаго и къ нему же на квартиру скоро пріѣхалъ Кюхельбекеръ; это подало поводъ Каховскому сказать на допросѣ, что иногда для совѣщаній заговорщики собирались у Одоевскаго.

**) «Одоевскій по пылкости своей сошелся болѣе съ Рылѣевымъ и очень ревностно взялся за дѣло»—показывалъ А. Бестужевъ.

Одоевскій говорилъ чистѣйшую правду: онъ, дѣйствительно, всего больше „заносился мечтой“,—чѣмъ кажется и заслужилъ неудовольствіе своихъ товарищей. „Рылѣевъ и Бестужевъ—признавался онъ,—которые право только безумные, извините за выраженіе, а люди добрые, добрые—говорили мнѣ: „что ты не работаешь?“ хотя и не давали мнѣ права принятія. Они мнѣ немного надоѣли (особенно Рылѣевъ) и я ихъ обманывалъ. Говорилъ имъ: „я работаю“, а между тѣмъ почти ничего не дѣлалъ“.

„Дѣлалъ“ онъ очень мало, чтобы не сказать ничего. Изъ достовѣрно установленныхъ фактовъ видно, что онъ принялъ въ члены общества корнета лейбъ-гвардіи коннаго полка Рынкевича (въ іюлѣ 1825), что 14 декабря утромъ послѣ присяги онъ пріѣхалъ къ Сутгофу и упрекалъ его въ томъ, что онъ измѣнилъ своему слову и не идетъ на площадь *); что съ поручикомъ Ливеномъ заводилъ нѣсколько разъ либеральный разговоръ въ неясныхъ и неопредѣленныхъ словахъ; что онъ принялъ Плещеева, которому говорилъ, что цѣль общества была просить Е. И. Величество дать конституцію, не объясняя ему (Плещееву) какимъ образомъ; наконецъ, Рылѣевъ полагалъ, что Одоевскій принялъ въ Общество Грибоѣдова **). Одоевскому ставили въ вину также, что онъ высказывалъ радость по поводу того, что наступило время дѣйствовать ***) обвиняли его также въ томъ, что на одномъ изъ собраній у Рылѣева онъ восторженно говорилъ: „мы умремъ! ахъ! какъ славно мы умремъ!“ ****).

По этимъ отрывочнымъ даннымъ нельзя, конечно, составить себѣ никакого представленія о политическихъ взгля-

*) Въ своихъ показаніяхъ Одоевскій отрицалъ этотъ фактъ.

**) Чего не было.

***) Одоевскій отвергалъ это показаніе Бестужева.

****) Одоевскій въ произнесеніи этихъ словъ также сначала не сознался, и утверждалъ, вопреки истинѣ, это онъ *никогда* не бывалъ на совѣщаніяхъ общества; затѣмъ онъ призналъ, что слова дѣйствительно произносилъ, но настаивалъ на томъ, что на совѣщаніяхъ никогда не былъ.

РАЙОННО-ЦЕНТРАЛЬНАЯ ... ТЮМЕНЬ

дахъ Одоевскаго. Да и были-ли они у него? Если вѣрить ему, то къ политической мысли онъ былъ совсѣмъ не подготовленъ; онъ могъ быть политически *настроенъ* и въ такое настроеніе по всѣмъ вѣроятіямъ и выливалось все его политиканство. Изъ показаній на судѣ видно, напр. что онъ даже плохо зналъ уставъ общества, потому что думалъ, что существуетъ конституція, написанная Рылѣевымъ и Оболенскимъ. Самъ онъ ни устно, ни письменно по политическимъ вопросамъ не высказывался. Извѣстно только, что онъ вмѣстѣ съ Бестужевымъ и Рылѣевымъ останавливалъ Якубовича отъ цареубійства; Рынкевичъ, кромѣ того, показывалъ, что Одоевскій въ разговорахъ былъ умѣренъ и говорилъ, что Россія не въ такомъ положеніи, чтобы имѣть конституцію. Въ своихъ собственныхъ показаніяхъ Одоевскій неоднократно говорилъ, что все это дѣло считалъ шалостью и ребячествомъ. „Оно въ самомъ дѣлѣ иначе не могло казаться, ибо 30 или 40 человѣкъ, по большей части ребятъ и пять или шесть мечтателей не могутъ произвести перемѣны; это очевидно“ *). Такъ могъ Одоевскій думать въ тюрьмѣ, но передъ катастрофой думалъ, вѣроятно, нѣсколько иначе. Признать себя передъ судомъ открыто членомъ общества онъ не хотѣлъ; утверждалъ, вопреки очевидности, что никого не принималъ въ члены, такъ какъ самого себя никогда не почиталъ таковымъ; говорилъ, что рѣшительно не можетъ назвать себя членомъ, такъ какъ не дѣйствовалъ и считалъ существованіе самого общества испареніемъ разгоряченнаго мозга Рылѣева; отрицалъ, что онъ *принятъ* въ общество, а признавалъ только что онъ *увлеченъ*, такъ какъ на слова Бестужева: „Ты нашъ?“ онъ отвѣчалъ ни да, ни нѣтъ, потому что почиталъ общество ребячествомъ и однимъ мечтаніемъ; наконецъ, говорилъ, что хвастался изъ движенія

*) «Все же принятіе въ чемъ состоитъ? «Нашъ ли ты?»—Вашъ!—шалость, конечно, противузаконная преступная сдѣлалась по милости Рылѣева ужасною».

самолюбія (не христіанскаго и не разсудительнаго), желая показать, что имѣетъ нѣкоторый вѣсъ въ этомъ обществѣ— однимъ словомъ Одоевскій путался въ показаніяхъ желая заднимъ числомъ оттѣнить ту мысль, которая ему пришла въ голову въ тюрьмѣ и на которой онъ надѣялся построить свою защиту.

Хотѣлъ онъ также убѣдить судей въ томъ, что и главная цѣль общества была ему неизвѣстна. Это ему однако не удалось, такъ какъ товарищи единогласно показали, что о конституціи онъ говорилъ неоднократно. Такъ, напр., вмѣстѣ съ Рынкевичемъ онъ желалъ представительнаго правленія *), но не надѣялся дожить до него; графа Ливена наводилъ онъ на мысли о томъ же, словами: „поговариваютъ о конституціи"; Плещееву 2-му онъ сообщилъ, что общество хочетъ *просить* царя о конституціи; князю Голицыну онъ говорилъ, что есть общество, желающее распространить либеральныя мысли, дабы искоренить деспотизмъ и перемѣнить правительство и говорилъ онъ это, по словамъ Голицына, „свойственнымъ ему языкомъ неосновательности разсужденій". Наконецъ, Никита Муравьевъ утверждалъ, что передъ отъѣздомъ своимъ изъ Петербурга, осенью 1825 г., онъ далъ Одоевскому копію со своей конституціи **).

Противъ такихъ уликъ бороться было трудно и Одоевскій въ концѣ концовъ согласился, что онъ былъ принятъ въ общество, стремящееся къ достиженію конституціи, но что все-таки это общество почиталъ шалостью и ребячествомъ.

Изъ всего этого ясно, что конечная цѣль пропаганды была извѣстна Одоевскому, но въ какой формѣ онъ рисовалъ себѣ конституцію—это неизвѣстно и легко можетъ быть, что онъ прошелъ совсѣмъ мимо этого вопроса.

*) Цѣль общества, какъ Одоевскій говорилъ Рынкевичу, было достиженіе представительнаго правленія посредствомъ распространенія просвѣщенія (?)

**) Несмотря на очную ставку Одоевскій показывалъ, что не получалъ этой копіи и не читалъ конституціи.

III.

Въ концѣ 1825 года Одоевскій взялъ отпускъ во Владимірскую губернію въ деревню къ отцу, съ которымъ давно не видался. Между членами общества было условлено, что въ случаѣ предстоящаго какого-нибудь важнаго происшествія каждый изъ нихъ, гдѣ бы онъ ни былъ, явится въ Петербургъ. Узнавъ въ Москвѣ о смерти Императора Александра Павловича, Одоевскій 8 декабря 1825 г. вернулся въ столицу[24]. Для членовъ тайнаго общества наступили суетливые и тревожные дни.

11-го декабря Одоевскій говорилъ Рынкевичу: „я чувствую что-то, что скоро умру, что-то страшное такое меня кажется ожидаетъ".

На засѣданіи 13 декабря у Рылѣева Одоевскаго не было, такъ какъ утромъ того числа онъ вступилъ въ караулъ, въ Зимнемъ дворцѣ, откуда могъ смѣниться только утромъ 14 декабря. Но 12-го числа вечеромъ, послѣ собранія у Рылѣева, онъ еще побывалъ у князя Оболенскаго, куда собрались офицеры разныхъ полковъ за послѣдними инструкціями касательно будущихъ дѣйствій[25].

14 декабря утромъ Одоевскій стоялъ еще во внутреннемъ караулѣ. Уже послѣ, когда открылось его участіе, вспомнили, что онъ безпрестанно обращался къ придворнымъ служителямъ съ распросами о всемъ происходившемъ — обстоятельство, которое въ то время приписывали одному любопытству[26].

Присягнувъ новому Императору, Одоевскій пошелъ къ Рылѣеву, который „сказалъ ему дожидаться на площади доколѣ прійдутъ войска". „Я пришелъ на площадь, показываетъ Одоевскій, не найдя на ней никого, пошелъ домой и у воротъ встрѣтилъ Рынкевича, коего взялъ сани, поѣхалъ черезъ Исаакіевскій мостъ въ Финляндскій полкъ, дабы узнать,

приняли-ли присягу. Здѣсь встрѣтилъ я квартирмейстерскаго офицера, котораго видалъ у Рылѣева и который извѣстилъ меня, что Гренадерскій полкъ не подымается и звалъ меня ѣхать къ оному. Прибывъ туда, нашелъ нѣкоторыхъ офицеровъ на галлереѣ, отъ коихъ узналъ, что полкъ присягнулъ, но что Кожевниковъ арестованъ, о чемъ мы соболѣзновали. Пріѣхавъ назадъ на Исаакіевскую площадь, нашелъ уже толпу московскаго полка и нѣкоторыхъ изъ моихъ друзей, къ коимъ я присталъ. Съ ними кричалъ я: ура! Константинъ[27]!"

Какъ только Одоевскій прибылъ на площадь, ему сейчасъ дали въ команду взводъ для пикета, во главѣ котораго онъ и сталъ съ пистолетомъ въ рукахъ *). Поставилъ его на этотъ постъ кн. Оболенскій, но Одоевскій не долго оставался во главѣ пикета и возвратился въ каре. Ни одного командnаго слова онъ не произносилъ.

На площадь Одоевскій пришелъ въ большомъ возбужденіи и все время находился, какъ онъ самъ говорилъ, въ полусознаніи. „Я простоялъ,—писалъ онъ царю,—24 часа во внутреннемъ караулѣ, не смыкалъ глазъ, утомился; кровь бросилась въ голову, какъ со мной часто случается; услышалъ: „ура!" крики толпы и въ совершенномъ безпамятствѣ присоединился къ ней".

„Я весь ослабѣлъ, здоровья же я вообще слабаго, потому что отъ лошадей грудь разбита и голова; кровь безпрестанно кидалась въ голову; я весь былъ въ изнеможеніи. Двадцать разъ я хотѣлъ уйти; то тотъ, то другой заговорятъ **); конно-

*) У Одоевскаго при себѣ было 2 пистолета; одинъ онъ уступилъ В. Кюхельбекеру. Одоевскій долженъ былъ признать этотъ фактъ, хотя сначала отрицалъ его. Есть указаніе, что въ пистолетъ, который онъ далъ Кюхельбекеру, онъ насыпалъ песку, зная шальной нравъ своего товарища.

**) Другое показаніе: «Я двадцать разъ хотѣлъ уйти, но тутъ меня обнимали, цѣловали, и чтобы не показаться трусомъ, я остался, изъ дружбы также, самъ не знаю отчего».

гвардія окружила; тутъ я совсѣмъ потерялся, не зналъ куда дѣться; снялъ султанъ: у меня его взяли, надѣвали мою шубу *). Щепинъ вывелъ меня на показъ конной гвардіи: „Вѣдь это вашъ?“ Въ другой разъ я вышелъ и удержалъ московскихъ солдатъ отъ залпа и спасъ, можетъ быть, жизнь многихъ“.

„На площади, показывалъ В. Кюхельбекеръ[28], я съ Одоевскимъ снова увидѣлся. Находился онъ неотлучно при московцахъ; удалялъ чернь изъ боязни напраснаго кровопролитія (когда она приближалась къ рядамъ), не только не поощрялъ, но унималъ солдатъ, стрѣлявшихъ безъ спросу, а при ожидаемомъ на насъ нападеніи конницы, увѣщевалъ ихъ мѣтить не въ людей, а лошадямъ въ морды; караульному же офицеру, который грозился велѣть выстрѣлить по насъ обоихъ, подошедшихъ слишкомъ близко къ сенатской гауптвахтѣ, онъ отвѣчалъ: „Monsieur! on ne meurt qu'une fois“. Наконецъ, увидѣлъ я Одоевскаго, тѣснимаго толпою мимо его бѣгущихъ солдатъ гвардейскаго экипажа и замѣтилъ, какъ онъ снималъ султанъ съ своей шляпы“.

Суматоха на площади, какъ видимъ, была большая и среди этой суматохи роль Одоевскаго была ничтожна. Собственно никакой вины за нимъ, кромѣ самого присутствія на площади, и не было. Были даже заслуги. „Въ самомъ дѣлѣ,—писалъ онъ царю,—въ чемъ моя вина? Ни одной капли крови, никакого злого замысла нѣтъ на душѣ у меня. Я кричалъ какъ и прочіе; кричалъ „ура!“ Но состояніе безпамятства можетъ послужить мнѣ оправданіемъ. Еслибы у меня малѣйшій былъ бы замыселъ, то я не присоединился бы одинъ, а остался бы въ своемъ полку“ **).

---

*) Шинель Одоевскаго, дѣйствительно, кто-то съ него снялъ и затѣмъ въ ней парадировалъ.

**) Свою растерянность и отсутствіе всякаго замысла Одоевскій поясняетъ въ своихъ показаніяхъ иногда умышленной и вѣроятно ложной бравадой. «Смѣнившись съ дворцоваго караула,—писалъ онъ,—и присягнувъ, я возвратился домой, раздѣлся, и надѣвъ сюртукъ, сначала и поѣхалъ въ конфектную

На площади съ Одоевскимъ, дѣйствительно, начинался тотъ длинный пароксизмъ безпамятства, который разрѣшился острымъ душевнымъ кризисомъ въ тюрьмѣ.

„Въ колоннѣ остался я, пишетъ Одоевскій, доколѣ оная была разстроена и разогнана картечью. Тогда пошелъ я Галерной и чрезъ переулокъ на Неву, перешелъ черезъ ледъ на Васильевскій островъ къ Чебышеву *). Оттуда возвратился въ городъ и заѣхалъ къ Жандру **), живущему на Мойкѣ. Здѣсь далъ мнѣ сей послѣдній фракъ, всю одежду и 700 руб. денегъ. Я пошелъ въ Екатерингофъ, гдѣ купилъ тулупъ и шапку и прошелъ къ Красному Селу. Наконецъ,

---

лавку, а потомъ зашелъ къ Рылѣеву для того, чтобы посмѣяться надъ его мечтаніями, ибо все было тихо и я полагалъ, что уже всѣ предположенія его, всѣ его надежды рушились. Онъ отвѣчалъ мнѣ: «иди на Исаакіевскую площадь, посмотри еще: можетъ быть, что и будетъ». Я повторю, что въ полки я поѣхалъ единственно изъ любопытства. Это должно быть согласно не только со всѣми прочими показаніями, но оно явствуетъ изъ самого дѣла. Если были какія-либо на кого возложены обязанности, то конечно не на меня, ибо *они* не могли на меня ни надѣяться, ни полагаться».

*) «Чебышевъ—человѣкъ достаточный, пишетъ Одоевскій въ другомъ показаніи, добрый, съ которымъ я уже знакомъ года два; что я зашелъ къ нему, то это по весьма естественному случаю. Когда начали толпу разгонять, я пошелъ по Галерной улицѣ и поворотилъ въ переулокъ. Потомъ зная, что все окружено войсками, некуда было мнѣ идти болѣе, какъ черезъ Неву. Я перешелъ ее, увидѣлъ, что отрядъ Конной Гвардіи идетъ по Васильевской набережной. Чтобы не встрѣтиться съ нимъ, пошелъ я налѣво вдоль домовъ по троттуару; Конная Гвардія была уже очень близка. Я очутился близко дома Чебышева и зашелъ къ нему. Сперва стоялъ я въ сѣняхъ и думалъ: идти ли мнѣ или нѣтъ? Наконецъ рѣшился. Сперва я увидѣлъ однѣхъ его племянницъ, которыя были въ большомъ страхѣ и разспрашивали меня. Я сѣлъ и почти ничего не отвѣчалъ. Потомъ вошелъ и самъ Чебышевъ. «Ты откуда?» Я скрѣпился духомъ, отвелъ его въ другую комнату и сказалъ ему, что я замѣшанъ въ этомъ безумномъ и преступномъ возмущеніи. Я употребилъ слово тогда «шалости», но теперь не смѣю и повторить такое непристойное слово, когда дѣло идетъ о злодѣяніяхъ. «Тебѣ дѣлать нечего иного, какъ идти отдать шпагу и просить прощенія у Государя». Я худо, очень худо сдѣлалъ, что тотчасъ же не послѣдовалъ совѣту этого добраго человѣка, но я былъ почти безъ памяти».

**) Писатель А. А. Жандръ, «родственницу котораго Одоевскій спасъ, вытаща ее изъ воды». Разсказывали, что Жандръ не выдалъ Одоевскаго, явившимся къ нему въ домъ сыщикамъ[29].

вчерась возвратился въ Петербургъ, гдѣ и прибылъ къ дядѣ Д. С. Ланскому, который отвелъ меня къ Шульгину (полиціймейстеру).

О томъ, какъ Одоевскій вернулся въ домъ своего дяди Ланского, существуетъ нѣсколько разсказовъ, съ истиной едва-ли вполнѣ согласныхъ.

Разсказывали, что онъ пѣшкомъ пошелъ по Парголовскому шоссе; но у дачи дяди его Мордвинова (?) люди узнали его, а Мордвиновъ вернулъ его въ Петербургъ и представилъ куда слѣдуетъ[30].

Одинъ современникъ утверждалъ, что гусары, казаки и драгуны дѣлали ночью обходъ, чтобы ловить преступниковъ и Одоевскій, спасаясь отъ нихъ, провелъ ночь подъ дугой какого-то моста, но затѣмъ, окоченѣвъ отъ холода, спасся къ Ланскому[31].

Другой современникъ разсказываетъ, что 14 декабря вечеромъ Одоевскій исчезъ. На другой день около взморья одинъ унтеръ-офицеръ наткнулся на прорубь, которая начала уже замерзать и увидалъ, что около проруби лежитъ шпага, пистолетъ, военная шинель и фуражка конно-гвардейскаго полка. Шинель вырубили изо льда и начали поиски тѣла. Вещи были доставлены на квартиру Одоевскаго, котораго искали. Прислуга признала ихъ и рѣшили, что Одоевскій утонулъ; а онъ черезъ нѣсколько дней, въ простомъ полушубкѣ, какъ мужикъ, пришелъ къ Ланскому. Ланской обѣщалъ будто бы его спрятать, отвелъ его въ дальнюю комнату, заперъ въ ней, а самъ поскакалъ съ докладомъ во дворецъ[32].

Разсказывали, наконецъ, что Ланской не далъ Одоевскому ни отдохнуть, ни перекусить, а прямо повезъ его во дворецъ[33].

17 декабря въ 2 ½ ч. дня Одоевскій и Пущинъ были доставлены въ Петропавловскую крѣпость съ запиской отъ императора, въ которой онъ писалъ: „Присылаемыхъ присемъ Пущина и Одоевскаго посадить въ Алексѣевскій равелинъ“.

IV.

Въ равелинѣ Одоевскій сидѣлъ рядомъ съ Н. Бестужевымъ. „Одоевскій, разсказываетъ М. А. Бестужевъ, былъ молодой пылкій человѣкъ и поэтъ въ душѣ. Мысли его витали въ областяхъ фантазіи, а спустившись на землю, онъ не зналъ, какъ угомонить потребность дѣятельности его кипучей жизни. Онъ бѣгалъ какъ запертой львенокъ въ своей клѣткѣ, скакалъ черезъ кровать или стулъ, говорилъ громко стихи и пѣлъ романсы. Однимъ словомъ, творилъ такія чудеса, отъ которыхъ у стражей волосы подымались дыбомъ; что̀ ему ни говорили, какъ ни стращали -все напрасно. Онъ продолжалъ свое, и кончилось тѣмъ, что его оставили. Этотъ-то пылъ физической дѣятельности и былъ причиною, что даже терпѣніе брата Николая разбилось при попыткахъ передать ему нашу азбуку. Едва братъ начиналъ стучать ему азбуку, онъ тотчасъ отвѣчалъ такимъ неистовымъ набатомъ, колотя руками и ногами въ стѣну, что братъ въ страхѣ отскакивалъ чтобъ не обнаружить нашего намѣренія[34].

Такое поведеніе Одоевскаго въ тюрьмѣ неоднократно обращало на себя вниманіе его біографовъ, и всѣ приписывали эти странности его пылкому темпераменту. Теперь, когда показанія его передъ нами, поведеніе его объясняется иначе: онъ былъ психически боленъ, разстроенъ до потери сознанія. На него напалъ паническій страхъ и ужасъ его положенія притупилъ въ немъ всѣ другія чувства, лишая его иногда даже связной рѣчи. И понятно, что такое разстройство могло овладѣть его духомъ. Слишкомъ былъ онъ не подготовленъ къ испытанію, слишкомъ не увлеченъ своимъ дѣломъ, чтобы не пасть духомъ. Слишкомъ былъ онъ молодъ, богатъ, красивъ, уменъ, талантливъ, полонъ надеждъ, чтобы не ужаснуться грядущаго. А это грядущее рисовалось ему, какъ нѣчто невообразимо страшное и безпросвѣтное.

Онъ словно угадывалъ свою судьбу и отбивался отъ ея призрака.

И много лишнихъ заклинаній произнесъ онъ, отбиваясь отъ него.

Ходъ перваго допроса въ присутствіи самого царя оставилъ слабый слѣдъ въ его разстроенной памяти. „При первомъ допросѣ,—пишетъ онъ,—пройдя черезъ рядъ комнатъ дворца, совершенно обруганный, я былъ весьма естественно въ совершенномъ замѣшательствѣ, какого еще родясь не испытывалъ". Одоевскій просилъ поэтому не засчитывать ему въ обвиненіе тѣ показанія, которыя на первомъ допросѣ записаны рукой генерала Левашова.

Ему вскорѣ была предоставлена возможность самому письменно отвѣчать на вопросы.

Сначала онъ отвѣчаетъ витіевато и краснорѣчиво, не теряя самообладанія.

„Смѣю испросить,—пишетъ онъ,—у Высочайше учрежденнаго комитета нѣсколько минутъ терпѣливаго вниманія, хотя бы оный и нашелъ въ моихъ отвѣтахъ подробное повтореніе показаній, уже мною учиненныхъ на духу *). Я былъ совершенно чистъ въ продолженіе 23 лѣтъ: я говорю это безъ самолюбія, ибо едва ли какое-либо самолюбивое побужденіе мнѣ дозволяется въ теперешнемъ моемъ состояніи. Я потому говорю о моемъ прежнемъ поведеніи, что въ такомъ дѣлѣ, гдѣ одна минута безумія всю участь мою рѣшила, все пріемлется въ уваженіе и мои чувства, и образъ моихъ мыслей и прежнее мое поведеніе. Я строго исполнялъ свои обязанности и былъ совершенно непороченъ до 14 декабря. Это самое покорнѣйше прошу поставить на видъ Государю Императору, ибо какъ его правосудію, такъ равно и его человѣколюбію необходимо все знать и взвѣсить на вѣсахъ своихъ и жизнь

*) Очень характерно, что такія показанія онъ предполагалъ извѣстными. Когда его потомъ спрашивали, кто убійца Милорадовича, то онъ высказалъ свои подозрѣнія и готовъ былъ также повторить ихъ на духу.

и честь мою. Кто знаетъ? Неисповѣдима воля Господня и, можетъ быть, неисчерпаемы и кротость и милосердіе Государя. Еще я не погибъ, но ежели мнѣ суждено погибнуть, да исполнится воля Царя. Если же единымъ своимъ животворящимъ словомъ воскреситъ онъ меня, то я увѣренъ въ себѣ, что моею безпредѣльною благодарностью и искреннимъ раскаяніемъ и цѣлою жизнью изглажу я свою вину. Раскаяніе все передъ Богомъ. Я увѣренъ, что оно—много передъ Государемъ. Да простятъ мнѣ мое отступленіе. Въ послѣднія минуты моей жизни (!) утѣшительно и необходимо было мнѣ изложить мои чувства передъ людьми почтенными, которыхъ мнѣніемъ истинно долженъ дорожить и которыхъ, быть можетъ, однихъ остается мнѣ видѣть на землѣ *). Какъ видимъ тонъ рѣчи Одоевскаго, хоть и очень смиренный, но въ общемъ спокойный. „Послѣднія минуты жизни“ представляются ему пока еще не столько реальностью, сколько хорошимъ поэтическимъ оборотомъ. Одоевскій кромѣ того озабоченъ, какъ бы его первыя показанія, записанныя не его рукой, ему не повредили. Онъ принимаетъ мѣры предосторожности и заявляетъ прямо, въ письмѣ къ царю отъ 21 декабря, что тогда, когда онъ давалъ эти показанія, онъ „по трехдневномъ голодѣ и безсонницѣ былъ въ совершенномъ разстройствѣ и душевныхъ и тѣлесныхъ силъ“. „Несвойственно было бы твоему правосудію, Государь,— пишетъ онъ,— принять за доказательства противъ меня слова человѣка, ума лишеннаго. Къ сожалѣнію долженъ я признаться, что съ самаго времени смутныхъ обстоятельствъ, я чувствую безпорядокъ въ моихъ мысляхъ: иначе не умѣю истолковать всѣхъ моихъ дѣйствій. Я скрылся не знаю зачѣмъ, ходилъ Богъ знаетъ гдѣ и наконецъ самъ, по собственному побужденію, возвратился въ городъ и явился къ Тебѣ, Государь. Теперь начинаю я опамятоваться и не могу довѣрить себѣ: я ли это? Я былъ въ горячкѣ. Внутрен-

*) Послѣ этихъ словъ вступленія начинаются самыя показанія, съ которыми мы уже знакомы.

няго сознанія въ благородствѣ моихъ чувствъ я не утратилъ и никогда не утрачу, но внѣшнее посрамленіе, которымъ ты уже наказалъ меня, Государь, сильно врѣзалось мнѣ въ сердце. Я хотѣлъ скрыться подъ землю, подъ ледъ *), чтобы избавиться отъ стыда и поношенія и, не доѣзжая крѣпости, бросился съ моста (??) **). Люди изъ любопытства всматривались въ меня, какъ враны заглядываютъ въ глаза умирающаго, будущей ихъ добычи (!?)... При вступленіи Твоемъ на престолъ само Провидѣніе даровало Тебѣ способъ оказать себя благостнымъ передъ всѣмъ міромъ и однимъ всемогущимъ словомъ привязать къ себѣ сердца тысячи тысячъ людей, и таковой первый опытъ Твоей благости увѣнчаетъ тебя вѣчнымъ сіяніемъ. Прости заблужденныхъ, а меня единаго казни, если найдешь сіе необходимымъ, но не лишай меня добраго имени. Я готовъ Твои колѣна облить не слезами, а кровью своею. Внемли моему моленію. Я и теперь еще чувствую разстройство въ себѣ: оно было всему причиною"...

Уже въ этомъ письмѣ замѣтна тревога и нѣкоторая растерянность мысли. Черезъ мѣсяцъ Одоевскій пишетъ второе письмо царю: страхъ за свою участь начинаетъ въ немъ проступать совсѣмъ ясно, разбродъ мыслей увеличивается и тонъ становится непріятенъ.

„Чѣмъ болѣе думаешь объ этихъ злодѣяніяхъ,—пишетъ Одоевскій, — тѣмъ болѣе желаешь, чтобы корень зла былъ совершенно исторгнутъ изъ Россіи. Но Вы, Всемилостивѣйшій Государь, при началѣ Вашего царствованія сіе и совершите. Желаніе же каждаго подданнаго, который имѣетъ совѣсть, споспѣшествовать по возможности сему священному дѣлу: это долгъ его ради утвержденія государства и для спасенія честныхъ людей, ибо когда корень зла пустилъ

*) Ср. разсказъ о проруби.

**) Неподтвержденный фактъ. Слова, вѣроятно, продиктованы разстроеннымъ воображеніемъ.

вѣтви, то не трудно запутаться въ нихъ и самому честному." Одоевскій доноситъ затѣмъ царю, „Ему Единому", о существованіи второго южнаго общества, въ сравненіи съ которымъ сѣверное общество — шалость. Онъ называетъ царю Пестеля какъ главу общества и полагаетъ, что „ангельская кротость царя будетъ спасительна для нихъ, а мудрость и твердость положатъ преграды ихъ намѣреніямъ и разлитію яда". Наговоривъ много льстивыхъ словъ по адресу Августѣйшей Семьи, Одоевскій продолжаетъ: „какъ начнешь размышлять, говоритъ онъ, гдѣ Государи кротче? Какъ не быть приверженнымъ всею душою и благодарнымъ всею душою Всеавгустѣйшей Фамиліи? Всѣ благословляютъ Васъ и всѣ довольны, а если есть неудовольствія, то разсѣиваются они обществами. Чего они хотятъ? Желѣзной розги. Но эти проклятыя игрушки нашего вѣка будутъ, слава Богу, наконецъ, растоптаны Вашими стопами. Если я самъ, хотя слѣпое, безумное орудіе и безвредное, а не участникъ ихъ, долженъ погибнуть, то все, все радуюсь всѣмъ сердцемъ для другихъ и для того я и осмѣлился донести Вамъ, Государь, о томъ обществѣ. Зародышъ зла всего опаснѣе, отъ него молодые благородные душою люди, которые могли бы быть самыми усерднѣйшими слугами своего Государя и украшеніемъ своихъ семействъ и жить всегда и въ счастіи и въ чести — лишаются всего, что есть священнаго и любезнаго на свѣтѣ и ядъ этихъ обществъ тѣмъ опаснѣе, что разливается нечувствительно"...

„Также пріятно мнѣ и въ моемъ несчастіи подумать, что, не причинивъ въ продолженіе моей жизни никому вреда, кромѣ себя, я могъ услужить, принести хотя малую пользу моему кроткому и милосердному императору и нашему порфироносному ангелу, будущему Александру Второму. О, еслибы мое счастіе было первымъ его благодѣяніемъ! Его черты такъ кротки, что еслибы онъ узналъ о моей мольбѣ къ нему, онъ умилостивилъ бы Васъ; и съ какою любовью, съ какою приверженностью благословлялъ бы я Его во всю

жизнь, называя моимъ ангеломъ-избавителемъ. Вы всего меня знаете. Я все сказалъ"... и Одоевскій вновь пересказываетъ всю исторію своего завлеченія и кончаетъ письмо такими новыми подробностями изъ послѣдняго дня своей жизни на свободѣ: „Я хотѣлъ броситься Вамъ въ ноги. Пришелъ я къ Жандру: старуха одна, которая меня очень любитъ, его родственница, завыла „спасайтесь!" Кинула мнѣ деньги. Я пуще потерялъ голову. Пошелъ куда глаза глядятъ. На канавѣ, переходя ее, попалъ въ прорубь; два раза едва не утонулъ (!) сталъ замерзать (!!) смерть уже чувствовалъ, наконецъ высвободился, но совсѣмъ ума лишенный: черезъ сутки опамятовался; явился къ Вамъ. О, Государь! Какія мученія! Тѣ, которыя готовитъ Ваше милосердное правосудіе, едва ли жесточе! Но еслибы Вы спасли меня! О, Государь Всемилостивѣйшій, Боже!"

Письмо, какъ видимъ, становится настоящимъ воплемъ отчаянія и страхъ диктуетъ всѣ эти рѣчи, столь мало соотвѣтствующія общему складу души несчастнаго юноши.

Спустя двѣ недѣли послѣ этого письма къ Государю Одоевскій пишетъ совершенно полоумное письмо Г. А. Татищеву „Благодать Господа Бога сошла на меня, говоритъ онъ, духъ бодръ, умъ свѣжъ, душа спокойна, сердце такъ же, какъ и прежде, чисто и молодо, а все отъ совершенно чистаго раскаянія и благодати Божіей... Допустите меня сегодня въ комитетъ Ваше Превосходительство! Дѣло закипитъ. Душа моя молода, довѣрчива. Какъ не быть ей таковою? Она порывается къ Вамъ. Я жду съ нетерпѣніемъ минуты явиться передъ Васъ. Я надумался; все въ умѣ собралъ. Вы найдете корень. Дѣло закипитъ. Я уже имѣлъ честь донести Вашему Высокопревосходительству, что я наведу на корень: это мнѣ пріятно. Но прежде я колебался отъ слабоумія, а теперь—съ убѣжденіемъ... Дозвольте придти мнѣ пораньше, ибо дѣла будетъ много. Я постараюсь всѣми силами. Вы увидите. Жаль, что давно сего не исполнилъ, но Вы изволите знать, что я былъ слабъ, былъ въ умѣ разстроенъ.

Теперь же въ полномъ разумѣ и все придумалъ. Молюсь съ радостью и убѣжденіемъ въ добромъ дѣлѣ".

Черезъ четыре дня онъ пишетъ тому же лицу: „Если когда будетъ свободная минута, то прикажите опять мнѣ явиться. Я донесу систематически: 1) о извѣстныхъ мнѣ выбывшихъ членахъ; 2) о тѣхъ, коихъ подозрѣваю въ большомъ ихъ кругѣ: 3) о принадлежащихъ ко 2 арміи; 4) разберу по полкамъ; ни одного не утаю изъ мнѣ извѣстныхъ, даже такихъ назову, которыхъ ни Рылѣевъ, ни Бестужевъ не могутъ знать"...

Одоевскій, когда писалъ эти строки, забылъ, что во всѣхъ своихъ показаніяхъ онъ упорно утверждалъ, что къ обществу не принадлежитъ и дѣлъ общества не знаетъ. Впрочемъ, онъ все забылъ и только дрожалъ отъ страха... Дѣйствительно, только паническимъ страхомъ можно объяснить въ томъ же письмѣ къ Татищеву такія, напр., строки, почти лишенныя смысла: „Одно меня только мучаетъ всѣ эти дни: не погубилъ ли я священника? Онъ, право, не виноватъ въ томъ, что я узналъ о Кюхельбекерѣ (т.-е. что онъ пойманъ), я виноватъ; я сталъ первый говорить, что зачѣмъ Кюхельбекеръ убѣжалъ, что онъ всѣхъ невиннѣе, ибо онъ принадлежалъ обществу дней съ 8-мь, что его же схватятъ, что въ Россіи не уйдешь, а священникъ кивнулъ головою. Я и заключилъ, что онъ (Кюхельбекеръ) здѣсь. Спасите священника. Эта мысль меня очень мучитъ, что я погубилъ его. Боже, Боже мой! Какой я несчастный! Спасите, сдѣлайте милость, спасите его. Онъ, кажется, человѣкъ почтенный"...

Характерны въ этомъ письмѣ и послѣднія строки, которыя ясно показываютъ, что Одоевскій совсѣмъ не сознавалъ того, что онъ говорилъ и дѣлалъ. „Что касается до моего показанія о членахъ, пишетъ онъ, то у меня, знаете ли, Ваше Высокопревосходительство, какое было еще опасеніе, кромѣ страха запутать и погубить новыя лица?—опасеніе прослыть въ тайникѣ души Вашей и всѣхъ гг. членовъ за доносчика. Вы бы, какъ судьи, воспользовались моими объ-

явленіями, но могли бы подумать: „Какъ неблагороденъ этотъ молодой человѣкъ. Для своего спасенія губитъ людей. Но теперь мнѣ кажется, что Вы проникли до глубины души моей, что нѣтъ иной побудительной причины моихъ показаній, какъ совершенно чистое раскаяніе, какъ убѣжденіе въ добромъ дѣлѣ. Наконецъ еще причина моихъ показаній: желаніе, самое пламенное желаніе отвратить незаслуженное подозрѣніе Правительства отъ невинныхъ лицъ и отъ всей Россіи, ибо я подозрѣваю, что главныя лица оставляютъ Васъ въ неизвѣстности, дабы подозрѣніе летало надъ невинными головами, а ничего нѣтъ ужаснѣе для сердца, какъ подозрѣніе кроткаго правительства. Вотъ мои чувства... Русскій человѣкъ — все русскій человѣкъ: мужикъ ли, дворянинъ ли, несмотря на разность воспитанія, все то же. Пока древніе наши нравы, всасываемые съ молокомъ (особенно при почтенныхъ родителяхъ), пока вѣра въ Христа и вѣрность Государю его одушевляютъ, то онъ храбръ, какъ шпага, твердъ какъ кремень; онъ опирается о плеча 50 милліоновъ людей; единомысліе 50 милліоновъ его поддерживаетъ, но если онъ сбился съ законной колеи, то у него душа какъ тряпка. Я это испыталъ. Я съ природы не робокъ. Военнаго времени не было, то лишняго нечего говорить; но мнѣ и другимъ казалось, что я въ душѣ солдатъ; былъ всегда отважнымъ мальчикомъ: грудь, голова, ноги, руки, все избито (?). Но теперь Боже мой! Я не узнаю себя или, лучше сказать, узнаю, ибо въ теперешнемъ моемъ состоянія точно такъ должно чувствовать, какъ я чувствую. У меня, глядя на почтенныхъ людей, душа замираетъ. Мнѣ все кажется не Государь ли Императоръ изъ-за Васъ на меня смотритъ? Ибо онъ Вамъ поручилъ свою волю. Все боюсь я, нѣтъ ли на лицахъ Вашихъ презрѣнія ко мнѣ? *) Но теперь я покойнѣе. Вы въ самомъ дѣлѣ проникли до глубины

*) «И какъ увижу, пишетъ онъ въ другомъ показаніи, Вашу снисходительность то весь отъ чувствъ разстроюсь и половину забуду».

души моей. Слава, слава Господу Богу, Іисусу Христу, моему Спасителю, ибо Онъ спасаетъ меня въ Вашихъ сердцахъ".

Неизвѣстно, какъ судьи отнеслись къ этому бреду, но тотъ фактъ, что послѣ всѣхъ этихъ писемъ и, очевидно, послѣ тайныхъ допросовъ, они вновь стали присылать Одоевскому дополнительные вопросные пункты, и притомъ самые точные, показываетъ намъ, что насчетъ психическаго состоянія подсудимаго они не заблуждались. И мы теперь, читая эти показанія, не должны изъ нихъ дѣлать вывода слишкомъ невыгоднаго для Одоевскаго. Онъ былъ нервно или, вѣрнѣе, душевно боленъ; онъ былъ измученъ до послѣдней крайности, сбитъ совершенно съ толку; онъ былъ кромѣ того довѣрчивъ и думалъ о людяхъ лучше, чѣмъ они этого заслуживали; наконецъ онъ сознавалъ себя несчастнымъ въ полномъ смыслѣ слова, такъ какъ дѣло, за которое онъ погибалъ, было не его дѣломъ и онъ до извѣстной степени былъ правъ, когда говорилъ, что былъ *увлеченъ* въ это общество, а не принятъ въ него. Онъ почти ничего не зналъ, а долженъ былъ отвѣчать, какъ будто бы все творилось съ его вѣдома.

Все это, конечно, не снимаетъ съ него вины за тонъ его рѣчей, но эта настоящая вина блѣднѣетъ передъ той карой, какую онъ понесъ за вину совсѣмъ ничтожную. Инымъ словомъ и нельзя назвать тѣ обвинительные пункты, которые противъ него были установлены коммиссіей о разрядахъ. Въ ея донесеніи сказано: „Корнетъ Гвардіи коннаго полка князь Александръ Одоевскій, 25 лѣтъ. По собственному признанію: По второму пункту (бунтъ) участвовалъ въ умыслѣ распространенія тайнаго общества принятіемъ одного члена. По мятежу: лично дѣйствовалъ въ мятежѣ безъ возбужденія другихъ, но съ пистолетомъ въ рукахъ[35]".

13 іюля 1826 года надъ головой Александра Ивановича сломали его шпагу, сняли съ него мундиръ и сожгли его,

надѣли на него лазаретный халатъ и отвели опять въ крѣпость.

Окончаніе дѣла вернуло Одоевскому спокойствіе духа „Противъ насъ, разсказываетъ Басаргинъ[36], сидѣлъ князь Одоевскій, очень молодой и пылкій юноша-поэтъ. Онъ, будучи веселаго, простосердечнаго характера оживлялъ нашу бесѣду (въ казематѣ, послѣ окончанія дѣла) и нерѣдко мы проговаривали по цѣлымъ ночамъ".

1-го февраля 1827 года Одоевскаго, Нарышкина и двухъ Бѣляевыхъ увезли въ Сибирь. „Комендантъ Сукинъ, разсказываетъ А. Бѣляевъ, заявилъ намъ, что имѣетъ высочайшее повелѣніе, заковавъ насъ въ цѣпи, отправить по назначенію. При этомъ онъ далъ знакъ, по которому появились сторожа съ оковами; насъ посадили, заковали ноги и дали веревочку въ руки для ихъ поддерживанія. Оковы были не очень тяжелы, но оказались несовсѣмъ удобными для движенія. Съ грохотомъ мы двинулись за фельдъегеремъ, которому насъ передали. У крыльца стояло нѣсколько троекъ. Насъ посадили по одному въ каждыя сани съ жандармомъ, которыхъ было четверо, столько же, сколько и насъ, и лошади тихо и таинственно тронулись. Городомъ мы проѣхали мимо дома Кочубея, великолѣпно освѣщеннаго, гдѣ стояли жандармы и пропасть каретъ. Взглянувъ на этотъ балъ, Одоевскій написалъ потомъ свою думу, озаглавленную „Балъ мертвецовъ[37]".

V.

По разряду наказаній Одоевскій попалъ въ четвертую группу и былъ приговоренъ къ 15-лѣтней каторгѣ. Конфирмаціей Императора этотъ срокъ былъ сокращенъ до 12-ти лѣтъ.

Въ Нерчинскіе рудники Одоевскій поступилъ 20 марта 1827 года.

О жизни декабристовъ въ Сибири сохранилось много разсказовъ[38].

Въ началѣ положеніе ихъ было очень тяжелое. „Власть дѣлала много стѣсненій, производила обыски, относилась къ заключеннымъ съ большой подозрительностью и придирчиво. Дѣйствія власти имѣли видъ иногда чисто одного недоброжелательства и личной непріязни, такъ какъ они не оправдывались уже никакими даже и ошибочными политическими опасеніями[39]".

Каторжная работа была, впрочемъ, не такъ страшна.

„Насъ помѣстили, разсказываетъ А. Бѣляевъ, въ одну изъ боковыхъ, довольно большую комнату, гдѣ были сдѣланы нары для ночлега и сидѣнья. Въ углу между печью и окномъ могли помѣститься трое и эти трое были: Н. И. Лореръ, Нарышкинъ и М. А. Фонъ-Визинъ. На большихъ же нарахъ вдоль стѣнъ помѣщались мы съ братомъ, Одоевскій, Шишковъ и еще кто—не помню. (Въ углу стояла знакомая парашка). На ночь насъ запирали. Выходить за двери могли не иначе, какъ съ конвоемъ; выходить не куда-нибудь изъ тюрьмы, а въ самой тюрьмѣ. Гулять дозволялось по двору, обставленному высокимъ частоколомъ. Весной намъ дозволили заняться устройствомъ на дворѣ маленькаго сада. Эти работы мы дѣлали въ свободное отъ казенныхъ работъ время и въ праздники. Казенныя же работы производились при постройкѣ большого каземата, гдѣ должно было помѣститься потомъ все общество и куда насъ къ зимѣ и перевели. Мы копали канавы для фундамента, а такъ какъ земля еще была мерзлая, то прорубали ледъ кирками. Но казематъ этотъ не могъ поспѣть ранѣе зимы. Лѣтомъ работали плотники, а насъ водили на конецъ этого маленькаго селенія зарывать оврагъ. Около этого оврага росло нѣсколько роскошныхъ бальзамическихъ тополей, подъ тѣнью которыхъ мы отдыхали. Туть обыкновенно читали, бесѣдовали, играли

въ шахматы, и, возвращаясь домой къ обѣду, обыкновенно пѣли, и по большей части: Allons, enfants de la patrie, такъ какъ эта пѣсня, дѣйствительно, подходила къ намъ, разумѣется только этими начальными словами, хотя остальными вовсе не подходила уже къ мирному настроенію большей части товарищей[40]".

Въ этомъ же духѣ разсказываетъ и Д. Завалишинъ про ихъ работу.

„Вотъ выходятъ—пишетъ онъ—и кто беретъ лопату для забавы, а кто нѣтъ. Неразобранныя лопаты несутъ сторожа или везутъ на казематскомъ быкѣ. Офицеръ идетъ впереди, съ боковъ и сзади идутъ солдаты съ ружьями. Кто-нибудь изъ насъ запѣваетъ пѣсню, подъ тактъ которой слышится мѣрное бряцаніе цѣпей. Очень часто пѣли итальянскую арію „Un pescator del onda fidelin"... Но чаще всего раздавалась революціонная пѣсня: „Отечество наше страдаетъ подъ игомъ твоимъ". И вотъ, и офицеры, и солдаты спокойно слушаютъ ее и шагаютъ подъ тактъ ей, какъ будто такъ и слѣдуетъ быть. Мѣсто работы превращается въ клубъ; кто читаетъ газеты, кто играетъ въ шахматы; тямъ и сямъ кто-нибудь для забавы насыпаетъ тачку и съ хохотомъ опрокинетъ землю съ тачкою въ оврагъ, туда же летятъ и носилки вмѣстѣ съ землею; и вотъ присутствующіе при работѣ зрители, чующіе поживу, большею частью мальчишки, а иногда и кто-нибудь изъ караульныхъ, отправляются доставать изо рва за пятакъ тачку или носилки. Солдаты поставятъ ружья въ козлы, кромѣ двухъ-трехъ человѣкъ, и залягутъ спать; офицеръ или надзиратель за работой угощаются остатками нашего завтрака или чая, и только завидя издали гдѣ-нибудь начальника, для церемоніи вскакиваетъ со стереотипнымъ возгласомъ: „Да что-жъ это вы, господа, не работаете?" Часовые вскакиваютъ и хватаются за ружья; но начальникъ прошелъ (онъ и самъ старается ничего не видѣть) и все возвращается въ обычное нормальное-ненормальное положеніе[41]".

Это „нормальное" положеніе было въ началѣ очень скучнымъ, за частоколомъ и въ тѣснотѣ *), но затѣмъ община заключенныхъ съорганизовалась **).

Они „получали газеты, даже запрещенныя, въ которыя завертывались посылки. Казематъ выписывалъ однихъ газетъ и журналовъ на разныхъ языкахъ на нѣсколько тысячъ рублей".

Заключенные „занимались взаимнымъ обученіемъ. Такъ, напр., Лукинъ и Оболенскій учились у Завалишина по-гречески, Барятинскій, Басаргинъ и др. высшей математикѣ у него же, Бѣляевъ, Одоевскій и др. у него по-англійски".

Между товарищами было много хорошихъ музыкантовъ и знатоковъ пѣнія ***). У нихъ часто бывали вокальные и инструментальные концерты. „Однихъ фортепіано было восемь, какъ ни дорого стоила въ то время присылка громоздкихъ инструментовъ. Дѣтей также обучали и музыкѣ и пѣнію, и обученіе церковному пѣнію подало предлогъ къ учрежденію школы[44]".

„Вскорѣ мы устроили общія поучительныя бесѣды—разсказываетъ Басаргинъ. Воскресенье утромъ читали вслухъ что-нибудь религіозное, напр., собственные переводы знаменитыхъ иностранныхъ проповѣдниковъ, англійскихъ, нѣмец-

*) «Къ частоколу въ разныхъ мѣстахъ видѣлись дорожки, протоптанныя стопами нашихъ незабвенныхъ добрыхъ дамъ—пишетъ Бѣляевъ. Каждый день по нѣсколько разъ подходили онѣ къ скважинамъ, образуемымъ кривизнами частокола, чтобы поговорить съ мужьями, пожать имъ руки, можетъ быть погрустить вмѣстѣ, а можетъ быть и ободрить другъ друга въ перенесеніи наложеннаго тяжелаго креста. Сколько горячихъ поцѣлуевъ любви, преданности, благодарности безграничной уносили эти ручки, протянутыя сквозь частоколъ! Сколько, можетъ быть, слезъ упало изъ прекрасныхъ глазъ этихъ юныхъ страдалицъ на протоптанную тропинку. Всю прелесть, всю поэзію этихъ посѣщеній мы всѣ чувствовали сердцемъ; а нашъ милый поэтъ Ал. Ивановичъ Одоевскій воспѣлъ ихъ чудозвучными и полными чувства стихами[42]».

**) Существовала цѣлая коммиссія для выработки устава внутренняго управленія этой «общиной». Въ коммиссіи принималъ участіе и Одоевскій[43].

***) Одоевскій былъ очень хорошій музыкантъ.

кихъ, французскихъ, проповѣди извѣстныхъ духовныхъ особъ русской церкви и кончали чтеніемъ нѣсколькихъ главъ изъ Евангелія, Дѣяній Апостоловъ или Посланій *). Два раза въ недѣлю собирались мы также и на литературныя бесѣды. Тутъ каждый читалъ что-нибудь собственное или переводное изъ предмета имъ избраннаго: исторіи, географіи, философіи, политической экономіи, словесности, поэзіи и т. д. Бывали и концерты или вечера музыкальные. Звучные и прекрасные стихи Одоевскаго, относящіеся къ нашему положенію, согласные съ нашими мнѣніями, съ нашей любовью къ отечеству, нерѣдко пѣлись хоромъ, подъ звуки музыки собственнаго сочиненія кого-либо изъ нашихъ товарищей-музыкантовъ[46]. Занятія политическими, юридическими и экономическими науками были общія и по этимъ предметамъ написано было много статей".

„Для обсужденія всѣхъ новыхъ произведеній были устроены правильныя собранія, которыя называли въ шутку „академіей". Очень развита была также легкая и сатирическая литература; для нѣкоторыхъ стихотвореній была сочинена и музыка (напр., для пьесы Одоевскаго „Славянскія дѣвы" на мотивъ „Стояла старица"), чѣмъ преимущественно занимался Вадковскій[47]".

„Между нами, разсказываетъ другой участникъ академіи Лореръ, были отличные музыканты, какъ-то: Ивашевъ, Юшневскій, Витковскій, оба брата Крюковы; они въ совершенствѣ владѣли разными инструментами. Явились вскорѣ рояли, скрипки, віолончели, составились оркестры, а одинъ изъ товарищей, Свистуновъ, зная отлично вокальную музыку, составилъ изъ насъ превосходный хоръ и дирижировалъ имъ. Бывало, народъ обступитъ частоколъ нашей тюрьмы и слушаетъ со вниманіемъ гимны и церковное пѣніе... Строгія правила инструкціи мало-по-малу забывались, да и не-

*) Среди декабристовъ въ Читѣ образовалось цѣлое религіозное общество, которое называлось «конгрегація». О немъ вѣроятно и идетъ рѣчь у Басаргина[45].

возможно было за всѣмъ услѣдить. Напримѣръ, у насъ отобрали серебряныя ложки и хранили ихъ у коменданта, а изъ Петербурга намъ прислали столовые приборы изъ слоновой кости, гораздо цѣннѣе самого серебра. Устроивъ мало-по-малу свое матеріальное довольство, мы не забыли и умственнаго. Стоило появиться въ печати какой-нибудь примѣчательной книгѣ, и феи наши уже имѣли ее у себя для насъ. Газеты, журналы выписывались многими, а Никита Муравьевъ даже перевезъ въ Сибирь всю богатую библіотеку своего отца для общаго употребленія. Между нами устроилась академія и условіемъ ея было: все написанное нашими читать въ собраніи для обсужденія. Такъ, при открытіи нашей каторжной академіи, Николай Бестужевъ, братъ Марлинскаго, прочиталъ намъ исторію русскаго флота, братъ его, Михаилъ, прочелъ двѣ повѣсти, Торсонъ — плаваніе свое вокругъ свѣта и систему нашихъ финансовъ, опровергая запретительную систему Канкрина и доказывая ея гибельное вліяніе на Россію. Розенъ въ одно изъ засѣданій прочелъ намъ переводъ „Stunden der Andacht“ (часы молитвы). Александръ Одоевскій, славный нашъ поэтъ, прочиталъ стихи, посвященные Никитѣ Муравьеву, какъ президенту Сѣвернаго Общества. Онъ читалъ отлично и растрогалъ насъ до слезъ. Дамы наши прислали ему вѣнокъ. Корниловичъ прочелъ намъ разысканіе о русской старинѣ; Бобрищевъ-Пушкинъ тѣшилъ насъ своими прекрасными баснями[48]“...

„Въ долгіе зимніе вечера — говоритъ баронъ Розенъ — для развлеченія и поученія, нѣсколько товарищей спеціалистовъ согласились читать лекціи: Никита Муравьевъ — стратегіи и тактики, Ф. Б. Вольфъ—химіи и физики, П. С. Бобрищевъ-Пушкинъ — прикладной и высшей математики, А. О. Корниловичъ и П. А. Мухановъ—русской исторіи, К. П. Торсонъ—астрономіи и А. И. Одоевскій—русской словесности *)“.

*) Самъ баронъ Розенъ поясняетъ своимъ товарищамъ личное осво-

Баронъ Розенъ разсказываетъ далѣе обстоятельно о томъ, какъ Одоевскій справлялся со своей задачей. Разсказъ любопытенъ, такъ какъ показываетъ, какимъ богатымъ запасомъ знанія обладалъ Александръ Ивановичъ еще до ссылки, т.-е. какъ литературно и даже учено-литературно былъ образованъ этотъ свѣтскій молодой человѣкъ.

„А. И. Одоевскому, говоритъ Розенъ, въ очередной день слѣдовало читать о русской литературѣ: онъ сѣлъ въ углу съ тетрадью въ рукахъ, началъ съ разбора пѣсни о походѣ Игоря, продолжалъ нѣсколько вечеровъ и довелъ лекціи до состоянія русской словесности въ 1825 году. Окончивъ послѣднюю лекцію, онъ бросилъ тетрадь на кровать, и мы увидѣли, что она была бѣлая, безъ замѣтокъ, безъ чиселъ хронологическихъ, и что онъ все читалъ на память. Упоминаю объ этомъ обстоятельствѣ не какъ о подвигѣ или о желаніи выказаться, но, напротивъ того, какъ о доказательствѣ, до какой степени Одоевскій избѣгалъ всякихъ писаній; можетъ быть, онъ держалъ пустую тетрадь въ рукахъ для контенанса; въ первую лекцію, воспламенившись вдохновеніемъ, онъ изрѣдка краснѣлъ, какъ бывало съ нимъ при сочиненіи риомованныхъ экспромптовъ[49]“ *).

божденіе крестьянъ Прибалтійскихъ губерній изъ крѣпостной зависимости безъ надѣловъ земли, безъ всякихъ выкупныхъ договоровъ, но съ общимъ правомъ пріобрѣтенія земельной собственности по обоюднымъ соглашеніямъ.

*) Одоевскій сочинилъ въ казематѣ даже цѣлую грамматику русскаго языка[50], и Розенъ хранилъ у себя основныя правила этой грамматики, записанныя рукой Одоевскаго[51]. Къ собранію сочиненій Одоевскаго Розенъ приложилъ письмо Александра Ивановича (очевидно къ князю Вяземскому, какъ утверждаетъ Розенъ), изъ котораго видно, что декабристы имѣли намѣреніе издавать альманахъ «Зарница» – въ пользу невольно заключенныхъ и просили у столичныхъ литераторовъ содѣйствія[52]. Письмо подписано Z. Z. но, судя по стилю и тону, едва ли принадлежитъ Одоевскому.

VI.

Въ 1831 году Одоевскій вмѣстѣ съ другими товарищами былъ переведенъ изъ читинскаго острога въ Петровскую тюрьму (за Байкаломъ), при балагинскомъ желѣзномъ заводѣ[53].

„Работы наши, разсказываетъ Розенъ, продолжались какъ попрежнему въ Читѣ, лѣтомъ на дорогахъ, въ огородѣ, зимою мололи на ручныхъ мельницахъ; въ досужное время каждый занимался по своей охотѣ; въ книгахъ не было недостатка, для ученія было болѣе удобствъ. Александръ Ивановичъ Одоевскій дважды въ недѣлю работалъ со мною[54]".

Совсѣмъ въ веселомъ тонѣ говоритъ объ этой Петровской жизни и А. Бѣляевъ. „Работы наши и здѣсь продолжались также на мельницѣ, точно въ такомъ же порядкѣ, какъ и въ Читѣ; только, такъ какъ насъ здѣсь было болѣе числомъ, то выходили на работу по-очередно и по партіямъ, а не всѣ каждый день. Изъ всего этого видно, что заключеніе было весьма человѣколюбивое и великодушное; мы лишены были свободы, но кромѣ свободы мы не были ни въ чемъ стѣснены и имѣли все, что только образованный, развитой человѣкъ могъ желать для себя. Къ тому еще, если прибавить, что въ этомъ замкѣ или острогѣ были собраны люди дѣйствительно высокой нравственности, добродѣтели и самоотверженія и что тутъ было такъ много пищи для ума и сердца, то можно сказать, что заключеніе это было не только отрадно, но и служило истинной школой мудрости и добра[55]".

Въ концѣ 1832 года, по случаю рожденія В. К. Михаила Николаевича, убавили по нѣсколько лѣтъ каторжной работы тому разряду, въ которомъ находился Одоевскій, и срокъ его каторги кончился. Онъ выѣхалъ изъ Петровской тюрьмы на поселеніе въ началѣ 1833 года[56].

VII.

Одоевскій былъ поселенъ въ селеніи Еланскомъ, Иркутской губерніи *), гдѣ онъ прожилъ три года. Нужды онъ не терпѣлъ **), но жизнь была очень скучная. Онъ жилъ въ собственномъ деревянномъ домикѣ, который онъ себѣ купилъ за 400 руб., и обзавелся кое-какимъ хозяйствомъ ***).

*) Свѣдѣнія о сибирской жизни Одоевскаго и переписка его отца съ властями по вопросу о перемѣщеніи сына въ разные города Сибири и о свиданіи съ нимъ хранятся въ Архивѣ III отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи[57].

**) Онъ располагалъ суммой въ 1.000 руб. ежегодно.

Въ 1833 г. Одоевскій пожелалъ помочь изъ своихъ денегъ тремъ товарищамъ, которые были выпущены на поселеніе и очень нуждались. Онъ просилъ своего дядю Ланского высылать ему ежегодно 6.000 руб. и хотѣлъ 3.000 р. изъ этой суммы удѣлить товарищамъ. Дѣло о разрѣшеніи этой присылки дошло до Государя, который отказалъ въ просьбѣ. Одоевскому было выставлено на видъ, что по своему положенію онъ имѣетъ право получать лишь 1.000 р. ежегодно.

***) Инвентарь этого хозяйства сохранился по описи Волостного Головы, который ее составилъ когда Одоевскій покидалъ Елань и передавалъ барону Штейнгелю свое имущество. Опись довольно любопытна. Вотъ она съ сохраненіемъ орфографіи оригинала.

Наименованіе имуществу.

Земли самимъ расчищенной—1½ дес.
Земли нанятой у крестьянъ на разные сроки отъ 4-хъ до 20 лѣтъ – 16½ дес.
Изъ нихъ засеянныхъ разнымъ хлѣбомъ—13 дес.
Домъ деревянный съ пристроенною горницею отъщекоторенную внутри -1.
При немъ анбаръ.
Скотниковъ съ повѣтами—2.
Огородъ.
Въ горницѣ благословеніе Божіе образъ святителя Иннокентія безъ оклада
Мебели: Картина масленными красками писанная въ золотыхъ рамахъ.
Другая гравированная въ черныхъ рамахъ съ прозолот. по краямъ.
Столярной работы изъ березоваго дерева шкафъ со стеклами.
Книжныхъ шкафовъ—2, ширмы, диванъ, кроватъ, бараметръ.
Форто-пьяна (оставлена съ тѣмъ чтобы зимою переслать).

Съ судьбой поселенца Одоевскій мирился туго. По крайней мѣрѣ въ первый же годъ жизни въ Елани онъ писалъ царю письмо, въ которомъ обращался съ просьбой о прощеніи ему его вины. Онъ говорилъ, что вполнѣ заслужилъ кару, но что чѣмъ больше убѣждается въ винѣ своей, тѣмъ сильнѣе тяготѣетъ надъ нимъ имя преступника. Онъ просилъ дать ему возможность утѣшить скорбнаго и нѣжнаго

Разныхъ вещей: ложекъ серебренныхъ—разливальная; хлебальныхъ большихъ—2, чайныхъ—2, поднос лаковый, чайникъ фарфоровый, чашекъ фарфоровыхъ—3 пары, скатерть, салфетокъ—2, кофейная мелница, графинъ хрустальный, рюмокъ—3, стаканъ, миска фаянцовая, тарелокъ глубокихъ—2, тарелокъ мелкихъ—2. Блюдо.

Кухонной посуды: кастрюль большихъ—1, малыхъ—1, сковородъ—2, ножъ поварской, ухватъ, сковородникъ.

При домѣ: лошадей. . . 4
корова 1
свиней. . . . 4 изъ коихъ двѣ пропали и одну убили.

Карабокъ съ 4 камнями уборными,
телегъ. 3
сани 1
дровень 2
дроговъ 6
сохъ 4
боронъ желѣзныхъ. . . 3
» деревянная . . . 1
хомутовъ наборныхъ. . 1
» простыхъ . . 6
шлей. 5
Ненеустковъ 3
уздъ 5
дугъ 2
топоровъ ускихъ 2
» широкихъ. . . 1
долотъ. 2
седелка желѣзная. . . . 1
серповъ новыхъ. 6
» старыхъ 3
косъ новыхъ. 4
» старыхъ 3
горбушъ 2

отца, усладить преклонныя лѣта его, и принять его прощальный взоръ и послѣднее отеческое цѣлованіе. Онъ обѣщалъ, что сердечная преданность Государю будутъ направлять отнынѣ всѣ стези его жизни, и что онъ посвятитъ на оправданіе своихъ словъ всѣ силы, „сколько осталось ихъ отъ возрастающаго грудного изнеможенія“ *).

О переводѣ Одоевскаго въ другое мѣсто изъ „дикой Елани, гдѣ климатъ такъ суровъ и гдѣ лѣса горятъ отъ бѣглыхъ“, началъ въ то же время хлопоты и его отецъ—князь Иванъ Одоевскій. Онъ писалъ частыя и длинныя письма ген.-адъютанту Бенкендорфу, прося его исходатайствовать сыну облегченіе его участи. Старикъ просилъ сначала опредѣлить сына въ солдаты и разрѣшить ему отдохнуть въ его имѣніи, но такъ какъ думать объ исполненіи этой просьбы онъ не смѣлъ, то просилъ перевести сына хоть въ Курганъ, гдѣ находились бар. Розенъ и Нарышкинъ. Если нельзя въ Курганъ **), то хоть въ Ишимъ. Старикъ мотивировалъ свою просьбу тѣмъ, что климатъ Елани вреденъ для его сына ***).

На опасенія отца о здоровьи сына исправляющій должность Генералъ-Губернатора Восточной Сибири писалъ, что Александръ Одоевскій „здоровъ, не жалуется и ведетъ себя хорошо“.

---

*) Иркутскій ген.-губернаторъ подтверждалъ искренность раскаянія Одоевскаго и дѣйствительность его недуга. Письмо Одоевскаго было оставлено, однако, безъ производства.

**) Гдѣ князь Иванъ Одоевскій бывалъ самъ, когда командовалъ драгунскимъ полкомъ въ Сибири.

***) Тяжело читать эти письма. Желая задобрить Бенкендорфа, князь Иванъ Одоевскій не скупится на бранныя слова по адресу товарищей своего сына, этихъ «мерзавцевъ», которые его увлекли: онъ говоритъ, что стыдится сына и что и его слѣдовало повѣсить, какъ тѣхъ «монстровъ». Онъ восторженно отзывается объ Императорѣ Николаѣ, пишетъ какъ онъ боялся, чтобы царь и Бенкендорфъ не простудились на смотру, выражаетъ свой неописуемый восторгъ по поводу подавленія Польскаго возстанія, поздравляетъ восторженно Бенкендорфа съ графскимъ титуломъ и все это затѣмъ, чтобы въ концѣ каждаго письма напомнить о сынѣ и просить за него.

23 мая 1836 года царь разрѣшилъ наконецъ перевести Одоевскаго изъ Елани въ Ишимъ. Въ іюлѣ 1836 года Одоевскій былъ отправленъ въ Тобольскъ подъ надзоромъ одного казака, которому выдано 1.000 руб., принадлежащихъ Одоевскому, для расходованія ихъ по мѣрѣ надобности. Въ концѣ августа онъ былъ въ Ишимѣ.

Съ этого же времени старикъ сталъ хлопотать о свиданіи съ сыномъ.

„Ah! combien je suis heureux de vous savoir plus prés de moi,—писалъ онъ сыну,—en pensant que par le premier trainage je pourrai venir vous presser contre mon coeur, et vous couvrir de tendres baisers. *L'idée seule* que mes yeux pourront voir les votres, que je pourrai me jeter dans vos bras—fait toute ma félicité".

Это письмо сдѣлалось извѣстнымъ генер.-губ. П. Д. Горчакову, который, усматривая въ немъ какъ бы выражаемое желаніе княземъ Одоевскимъ навѣстить своего сына на новомъ мѣстѣ поселенія, счелъ необходимымъ просить гр. Бенкендорфа дать ему указанія къ руководству на будущее время о томъ, возможно ли допускать свиданія родственниковъ съ поселенцами изъ государственныхъ преступниковъ.

Переписка была длинная, пока наконецъ въ 1836 г. 25 ноября Бенкендорфъ не увѣдомилъ Горчакова, что родственникамъ находящихся въ Сибири государственныхъ преступниковъ не можетъ быть дозволяемо пріѣзжать въ Сибирь для свиданій и „что-буде кто либо изъ родственниковъ означенныхъ преступниковъ отправится въ тотъ край, не испросивъ предварительно на сіе дозволенія, то мѣстное начальство обязано немедленно его выслать[58]".

Въ январѣ 1837 года старикъ князь Иванъ Одоевскій черезъ императрицу возобновилъ свое ходатайство о поселеніи сына въ своемъ имѣніи во Владимірской губерніи, но согласія на это ходатайство и на этотъ разъ не послѣдовало.

Александръ Ивановичъ съ своей стороны ходатайствовалъ передъ Бенкендорфомъ о разрѣшеніи вступить рядо-

вымъ въ армію, дѣйствовавшую на Кавказѣ. Это прошеніе было уважено царемъ 19 іюня 1837 года. Разсказываютъ, что царь уступилъ главнымъ образомъ подъ впечатлѣніемъ, какое на него произвело стихотвореніе Одоевскаго „Посланіе къ отцу", переданное царю Бенкендорфомъ вмѣстѣ съ ходатайствомъ Одоевскаго.

До Казани Александръ Ивановичъ шелъ этапнымъ путемъ, а затѣмъ на собственный счетъ покатилъ на почтовыхъ съ жандармомъ, торопясь не опоздать въ экспедицію противъ горцевъ.

Въ Казани состоялось наконецъ его свиданіе съ отцомъ, который выѣхалъ ему на встрѣчу. Н. И. Лореръ такъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ про эту трогательную встрѣчу.

„70-лѣтній князь Одоевскій также пріѣхалъ двумя днями ранѣе насъ, чтобъ обнять на пути своего сына, и остановился у губернатора Стрекалова, своего давнишняго знакомаго. Въ день нашего въѣзда въ Казань, узнавъ, что его любимое дѣтище, Александръ Одоевскій, уже въ городѣ, старикъ хотѣлъ бѣжать къ сыну, но его не допустили, а послали за юношей. Сгорая весьма понятнымъ нетерпѣніемъ дряхлый князь не выдержалъ и при входѣ своего сына все-таки побѣжалъ къ нему на встрѣчу по лѣстницѣ; но тутъ силы ему измѣнили, и онъ, обнимая сына, упалъ, увлекши и его съ собою. Старика подняли, привели въ чувство и оба счастливца плакали и смѣялись отъ избытка чувствъ. Послѣ первыхъ восторговъ князь-отецъ замѣтилъ сыну: „да ты, братъ, Саша, какъ будто и не съ каторги, у тебя розы на щекахъ". И, дѣйствительно, Александръ Одоевскій въ 35 лѣтъ былъ красивѣйшимъ мужчиной, какихъ я когда-нибудь зналъ. Стрекаловъ оставилъ обоихъ Одоевскихъ у себя обѣдать, а вечеромъ всѣ вмѣстѣ провели очень весело время.

28 августа мы оставили Казань. Старый Одоевскій провожалъ сына до третьей станціи, гдѣ дороги дѣлятся, одна

ицетъ на Кавказъ, другая на Москву. При перемѣнѣ лошадей, готовясь черезъ нѣсколько минутъ проститься съ своимъ Сашей, бѣдный отецъ грустно сидѣлъ на крылечкѣ почтоваго дома и почти машинально спросилъ проходившаго ямщика: „дружище, а далеко будетъ отсюда поворотъ на Кавказъ?“ „Поворотъ не съ этой станціи, отвѣчалъ ямщикъ, а съ будущей“.. Старикъ князь даже подпрыгнулъ отъ неожиданной радости: еще 22 версты глядѣть, обнимать своего сына!... и онъ подарилъ ямщику 25 руб., что очень удивило послѣдняго. Однако, рано или поздно, разставанье должно было осуществиться. Чувствовалъ ли старикъ, обнимая сына, что въ послѣдній разъ лобызаетъ его?[259] “

VIII.

Одоевскій ѣхалъ въ новый, неизвѣстный ему край, „отъ 40 градусовъ мороза къ 40 град. жару“. Какъ бывшій кавалеристъ, онъ былъ опредѣленъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ, который стоялъ тогда въ урочищѣ Кара-Агачъ близъ Царскихъ-Колодцевъ, верстахъ въ 100 отъ Тифлиса.

О пребываніи Одоевскаго на Кавказѣ сохранилось много, хотя и отрывочныхъ, свѣдѣній въ воспоминаніяхъ современниковъ. Сопоставимъ эти свѣдѣнія, и мы получимъ довольно полную картину послѣднихъ лѣтъ жизни поэта.

Первая его стоянка была въ Ставрополѣ, гдѣ онъ засталъ многихъ изъ своихъ товарищей.

„Осенью 1837 года, разсказываетъ Н. Сатинъ, въ Ставрополь привезли декабристовъ Нарышкина, Лорера, Розена, Лихарева и Одоевскаго. Несмотря на 12 лѣтъ Сибири, всѣ они сохранили много жизни, много либерализма и мистически-религіозное направленіе, свойственное царствованію Александра I. Но изъ всѣхъ веселостью, открытой физіономіей и игривымъ умомъ отличался Александръ Одоевскій. Это былъ дѣйствительно „мой милый Саша“, какъ его про-

звалъ Лермонтовъ. Ему было тогда 34 года, но онъ казался гораздо моложе, несмотря на то, что былъ лысый. Улыбка, несходившая почти съ его губъ, придавала лицу его этотъ видъ юности".

„Я и Майеръ отправились провожать нашихъ новыхъ знакомыхъ до гостинницы, въ которой они остановились—продолжаетъ Сатинъ. Между тѣмъ, пошелъ сильный дождь и они не хотѣли отпустить насъ. Велѣли подать шампанскаго и пошли разные либеральные тосты и разные разсказы о 14 декабря и обстоятельствахъ, сопровождавшихъ его. Можете представить, какъ это волновало тогда наши еще юныя сердца, и какими глазами смотрѣли мы на этихъ людей, изъ которыхъ каждый казался намъ или героемъ, или жертвой грубаго деспотизма!

Какъ нарочно, въ эту самую ночь въ Ставрополь долженъ былъ пріѣхать Государь. Наступила темная осенняя ночь, дождь лилъ ливмя, хотя на улицѣ были зажжены плошки, но, заливаемыя дождемъ, онѣ трещали и гасли и доставляли болѣе вони, чѣмъ свѣта.

Наконецъ, около полуночи прискакалъ фельдъегерь, и послышалось отдаленное „ура". Мы вышли на балконъ; вдали, окруженная горящими (смоляными) факелами, двигалась темная масса.

Дѣйствительно, въ этой картинѣ было что-то мрачное.

— Господа!—закричалъ Одоевскій.—Смотрите, вѣдь это похоже на похороны! Ахъ! еслибы мы подосиѣли!.. И, выпивая залпомъ бокалъ, прокричалъ по-латыни: . . . . . .*).

— Сумасшедшій!—сказали мы всѣ, увлекая его въ комнату,—что вы дѣлаете? вѣдь васъ могутъ услыхать, и тогда бѣда!

— У насъ въ Россіи полиція еще не училась по-латыни,—отвѣчалъ онъ, добродушно смѣясь[60]".

---

*) Латинскія слова въ воспоминаніяхъ Сатина опущены.

Въ Ставрополѣ товарищамъ вообще жилось весело. „У командира Моздокскаго казачьяго полка Баранчеева собирались декабристы Кривцовъ, Палицынъ, Лихачевъ, Черкасовъ, Одоевскій, Нарышкинъ и Коновницынъ и цѣлый кружокъ офицеровъ. Углублялись не въ политику и не въ философію (?), которыя надоѣли и измучили ихъ. Коротали долгіе вечера—бостономъ, копѣечнымъ бостономъ и доигрывались до изнеможенія силъ, пока карты изъ рукъ не падали“ — такъ разсказываетъ одинъ изъ участниковъ этихъ веселыхъ вечеровъ[61].

Мы встрѣчаемъ затѣмъ Одоевскаго въ Тифлисѣ.

„Одоевскаго засталъ я въ Тифлисѣ, разсказываетъ А. Розенъ, гдѣ онъ находился временно, по болѣзни. Часто онъ хаживалъ на могилу своего друга Грибоѣдова, воспѣлъ его память, воспѣлъ Грузію звучными стихами, но все попрежнему пренебрегалъ своимъ дарованіемъ. Всегда безпечный, всегда довольный и веселый, какъ истый русскій, онъ легко переносилъ свою участь; былъ самымъ пріятнымъ собесѣдникомъ, заставлялъ много смѣяться другихъ, и самъ хохоталъ отъ всего сердца. Въ томъ же году я еще два раза съѣхался съ нимъ въ Пятигорскѣ и въ Желѣзноводскѣ. Просилъ и умолялъ его дорожить временемъ и трудиться по призванію,—мое предчувствіе говорило мнѣ, что не долго ему жить; я просилъ совершить трудъ на славу Россіи[62]“.

Въ 1839 году лѣтомъ Одоевскій былъ въ Пятигорскѣ, гдѣ съ нимъ встрѣтился Н. П. Огаревъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ Огаревъ сохранилъ намъ мастерской портретъ своего друга[63]:

„Одоевскій былъ,—пишетъ Огаревъ,—безъ сомнѣнія, самый замѣчательный изъ декабристовъ, бывшихъ въ то время на Кавказѣ. Лермонтовъ писалъ его съ натуры. Да, „этотъ блескъ лазурныхъ глазъ, и звонкій дѣтскій смѣхъ, и рѣчь живую“ не забудетъ никто изъ знавшихъ его.

Въ этихъ глазахъ выражалось спокойствіе духа, скорбь не о своихъ страданіяхъ, а о страданіяхъ человѣка, въ нихъ выражалось милосердіе. Можетъ быть, эта сторона, самая

поэтическая сторона христіанства, всего болѣе увлекла Одоевскаго. Онъ весь принадлежалъ къ числу личностей христоподобныхъ. Онъ носилъ свою солдатскую шинель съ тѣмъ спокойствіемъ, съ какимъ выносилъ каторгу и Сибирь и съ тою же любовью къ товарищамъ, съ той же преданностью своей истинѣ, съ тѣмъ же равнодушіемъ къ своему страданію. Можетъ быть, онъ даже любилъ свое страданіе; это совершенно въ христіанскомъ духѣ... да не только въ христіанскомъ духѣ, но въ духѣ всякой преданности общему дѣлу, дѣлу убѣжденія, въ духѣ всякаго страданія, которое не вертится около своей личности, около неудачъ какого-нибудь мелкаго самолюбія. Отрицаніе самолюбія Одоевскій развилъ въ себѣ до крайности. Онъ никогда не только не печаталъ, но и не записывалъ своихъ многочисленныхъ стихотвореній, не полагая въ нихъ никакого общаго значенія. Онъ сочинялъ ихъ наизусть и читалъ наизусть людямъ близкимъ. Въ голосѣ его была такая искренность и звучность, что его можно было заслушаться.. Онъ обыкновенно отклонялъ всякое записыванье своихъ стиховъ. Хотѣлъ ли онъ пройти въ свѣтѣ „безъ шума, но съ твердостью“, пренебрегая всякой славой... что бы ни было, но

дѣла его имѣнія
И думы—все исчезло безъ слѣдовъ..
Какъ легкій паръ вечернихъ облаковъ..

и у меня въ памяти осталась музыка его голоса—и только. Мнѣ кажется, я сдѣлалъ преступленіе, ничего не записывая...

Встрѣча съ Одоевскимъ и декабристами возбудила всѣ мои симпатіи до состоянія какой-то восторженности. Я стоялъ лицомъ къ лицу съ нашими мучениками, я—идущій по ихъ дорогѣ, я—обрекающій себя на ту же участь... Это чувство меня не покидало. Я написалъ въ этомъ смыслѣ стихи, которые, вѣроятно, были плохи по формѣ, потому что я тогда писалъ много и черезчуръ плохо, но которые по содержанію навѣрно были искренни, до святости, потому что иначе не могло быть. Эти стихи я писалъ къ Одоевскому

послѣ долгихъ колебаній истиннаго чувства любви къ *нимъ* и самолюбивой застѣнчивости. Часа черезъ два я самъ пошелъ къ нему. Онъ стоялъ середь комнаты; мои стихи лежали передъ нимъ на стулѣ. Онъ посмотрѣлъ на меня съ глубокимъ, добрымъ участіемъ и раскрылъ объятія; я бросился къ нему на шею и заплакалъ какъ ребенокъ. Нѣтъ! и теперь не стыжусь я этихъ слезъ: въ самомъ дѣлѣ, это не были слезы пустого самолюбія. Въ эту минуту я слишкомъ любилъ его и ихъ всѣхъ, слишкомъ чисто былъ преданъ общему дѣлу, чтобъ какое-нибудь маленькое чувство могло имѣть доступъ до сердца. Они были чисты эти минуты, какъ рѣдко бываетъ въ жизни. Дѣло было не въ моихъ стихахъ, а въ отношеніи къ начавшему, къ распятому поколѣнію—поколѣнія, принявшаго завѣтъ и продолжающаго задачу.

Съ этой минуты мы стали близки другъ къ другу. Онъ—какъ учитель, я—какъ ученикъ. Между нами было слишкомъ десять лѣтъ разницы; моя мысль была еще не устоявшаяся; онъ выработалъ себѣ цѣлость убѣжденій, съ которыми я могу теперь быть несогласенъ, но въ которыхъ все было истинно и величаво. Я смотрѣлъ на него съ религіознымъ восторгомъ. Онъ былъ мой критикъ.

Но гораздо большее вліяніе онъ имѣлъ на меня въ теоретическомъ направленіи, и на моей хорошо подготовленной романтической почвѣ быстро выростилъ христіанскій цвѣтокъ—блѣдный, унылый, съ наклоненной головою, у котораго самая чистая роса похожа на слезы. Вскорѣ я могъ съ умиленіемъ читать Ѳому Кемпійскаго, стоять часы на колѣняхъ передъ распятіемъ и молиться о ниспосланіи страдальческаго вѣнца... за русскую свободу. Отъ этого первоначальнаго стремленія, основного помысла, ни онъ никогда не могъ оторваться, ни я, и къ нему, какъ къ единой окончательной цѣли, примыкало наше религіозное настроеніе, съ тою разницею, что онъ уже носилъ страдальческій вѣнецъ, а я его жаждалъ.

РАЙОННО... ТЮМЕНЬ

Былъ ли Одоевскій католикъ(?) или православный... не знаю. Припоминая время, въ два десятка лѣтъ уже такъ много поблѣднѣвшее въ памяти, мнѣ кажется, я долженъ придти къ отрицанію того и другого. Онъ былъ просто христіанинъ, философъ или, скорѣе, поэтъ христіанской мысли, внѣ всякой церкви. Онъ въ христіанствѣ искалъ не церковнаго единства, какъ Чаадаевъ, а исключительно самоотреченія, чувства преданности и забвенія своей личности; къ этому вели его и обстоятельства жизни съ самой первой юности, и самый складъ мозга; это настроеніе было для него естественно. Но отъ этого самаго онъ не могъ быть и православнымъ; церковный формализмъ былъ ему чуждымъ. Вообще церковь была ему не нужна; ему только было нужно подчинить себя идеалу человѣческой чистоты, которая для него осуществилась въ Христѣ.

„Мечты, которой никогда
Онъ не ввѣрялъ заботамъ дружбы нѣжной...“

т.-е. мечты какого-нибудь личнаго счастія, онъ не ввѣрялъ, потому что ее у него не было. Его мечта была только самоотверженіе. Ссылка, невольное удаленіе отъ гражданской дѣятельности, привязала его къ религіозному самоотверженію, потому что иначе ему своей преданности некуда было дѣвать. Но можетъ быть и при другихъ обстоятельствахъ, онъ былъ бы только поэтомъ гражданской дѣятельности; чисто къ практическому поприщу едва ли была способна его музыкальная мысль. Что въ немъ отразилось направленіе славянства, это свидѣтельствуетъ пѣснь славянскихъ дѣвъ, набросанная имъ въ Сибири, случайно, вслѣдствіе разговоровъ и для музыки, и конечно принадлежащая къ числу его неудачныхъ, а не его настоящихъ, съ нимъ похороненныхъ стихотвореній. Она важна для насъ, какъ памятникъ, какъ свидѣтельство того, какъ въ этихъ людяхъ глубоко лежали всѣ зародыши народныхъ стремленій; но и въ этой пѣснѣ выразились только заунывный напѣвъ русскаго сердца и

тайная вѣра въ общую племенную будущность, а о православіи нѣтъ и помину.

Въ августѣ мы поѣхали въ Желѣзноводскъ. Одоевскій переселился туда же. Жизнь шла мирно въ кругу такъ для меня близкомъ.

Я помню въ особенности одну ночь. Н., Одоевскій и я, мы пошли въ лѣсъ, по дорожкѣ къ источнику. Деревья по всей дорожкѣ дико сплетаются въ крытую аллею. Мѣсяцъ просвѣчивалъ сквозь темную зелень. Ночь была чудесна. Мы сѣли на скамью, и Одоевскій говорилъ свои стихи. Я слушалъ, склоня голову. Это былъ разсказъ о видѣніи какого-то свѣтлаго женскаго образа, который передъ нимъ явился въ прозрачной мглѣ и медленно скрылся,

«Долго слѣдилъ я эѳирную поступь»...

Онъ кончилъ, а этотъ стихъ и его голосъ все звучали у меня въ ушахъ. Стихъ остался въ памяти; самый образъ Одоевскаго, съ его звучнымъ голосомъ, въ поздней тишинѣ лѣса, мнѣ теперь кажется тоже какимъ-то видѣніемъ, возникшимъ и исчезнувшимъ въ лунномъ сіяніи Кавказской ночи“ *).

IX.

Походная жизнь на первыхъ порахъ, кажется, не очень тяготила Одоевскаго: онъ даже увлекся ея удалью.

„Какимъ знали мы его въ тюрьмѣ, разсказываетъ А. Бѣлевъ, такимъ точно и остался онъ до конца: всегда или

*) Огаревъ и въ стихахъ вспоминалъ своего друга—

«Кого я глубоко любилъ,
Онъ—мужъ по твердости и нѣжный какъ ребенокъ,
Чей взоръ былъ милосердъ и полонъ кроткихъ силъ,
Чей стихъ мнѣ былъ какъ пѣснь серебряная звонокъ,—
Въ свои объятія меня онъ заключилъ,
И память мнѣ хранитъ сердечное лобзанье,
Какъ брата старшаго святое завѣщанье“.

серьезный, задумчивый, во что-то углубленный, или живой, веселый, хохочущій до изступленія. Онъ имѣлъ порядочную дозу самолюбія, а какъ здѣсь онъ увидѣлъ во всемъ блескѣ удальство линейныхъ казаковъ, ихъ ловкость на конѣ, поднятіе монетъ на всемъ скаку, то захотѣлъ непремѣнно достигнуть того же, безпрестанно упражнялся и, конечно, не разъ леталъ съ лошади[64]".

На бивуакахъ жилось Одоевскому тоже, и весело, и привольно, если вѣрить Н. И. Лореру. „У Одоевскаго, говоритъ онъ, былъ собственный шатеръ, и онъ предложилъ мнѣ поселиться съ нимъ, на что я съ удовольствіемъ, конечно, согласился, любя его искренно и пріобрѣтая въ немъ пріятнаго собесѣдника. Ко всѣмъ пріятностямъ собесѣдничества у Одоевскаго присоединялся отличный поваръ, и мы съ нимъ согласились дать обѣдъ. Для этой цѣли накупили у маркитанта всего необходимаго вдоволь и составили пригласительный списокъ. Приглашенныхъ набралось до 20 человѣкъ и въ Ивановъ день, 24 іюня, въ трехъ соединенныхъ палаткахъ, съ разнокалиберными приборами, занятыми у званыхъ же, всѣ мы собрались. Капитанъ Масловичъ былъ именинникъ, и мы пили радушно его здоровье и веселились на славу. Послѣ обѣда, Пушкина, знавшаго наизусть всѣ стихи своего брата и отлично читавшаго вообще, мы заставили декламировать, и онъ прочелъ намъ „Цыганъ"[65].

Настроеніе духа Одоевскаго измѣнилось рѣзко въ іюлѣ мѣсяцѣ 1839 года, когда до него дошла вѣсть о кончинѣ его отца. „Мой милый другъ, писалъ онъ своему товарищу по несчастію М. А. Назимову, я потерялъ моего отца: ты его зналъ. Я не знаю, какъ я былъ въ состояніи перенести этотъ ударъ—кажется, послѣдній; другой, какой бы ни былъ, слишкомъ будетъ слабъ, по сравненію. Все кончено для меня. Впрочемъ, я очень, очень спокоенъ. Мой добрый, мой нѣжный отецъ попросилъ передъ кончиной мой портретъ. Ему подали сдѣланный Волковымъ. „Нѣтъ, не тотъ", сказалъ онъ слабымъ голосомъ. Тотъ портретъ, который ты пода-

рилъ ему, онъ попросилъ положить ему на грудь, прижалъ его обѣими руками и—умеръ. Портретъ сошелъ съ нимъ въ могилу... Я спокоенъ... говорить—говорю, какъ и другіе; но когда я одинъ передъ собою или пишу къ друзьямъ, способнымъ раздѣлить мою горесть, то чувствую, что не принадлежу къ этому міру[66]".

„Одоевскій, получившій недѣли двѣ тому назадъ горестное извѣстіе о кончинѣ своего отца, продолжаетъ Лореръ, совершенно измѣнился и душевно и физически Не стало слышно его звонкаго смѣха; онъ грустилъ не на шутку, по цѣлымъ днямъ не выходилъ изъ палатки и рѣшительно отказался ѣхать съ нами въ Керчь. „Je reste ici comme victime expiatoire"; были его послѣднія слова на берегу. Чтобы отсрочить хоть нѣсколько горестную минуту разлуки, Одоевскій сѣлъ съ нами въ лодку и пожелалъ довезти насъ до парохода. Тамъ онъ сдѣлался веселѣе, шутилъ и смѣялся· „Вѣдь еще успѣютъ перевезти твои вещи: ѣдемъ вмѣстѣ",—уговаривалъ я его. „Нѣтъ, любезный другъ, я остаюсь". Лодка съ Одоевскимъ отвалила отъ парохода, я долго слѣдилъ за его бѣлой фуражкой, мы махали фуражками и платками, и пароходъ нашъ, пыхтя и шумя колесами, скоро повернулъ за мысъ и мы разстались съ нашимъ добрымъ, милымъ товарищемъ. Думалъ ли я, что это было послѣднее съ нимъ свиданіе въ здѣшнемъ мірѣ[67]?"

Одоевскій, дѣйствительно, смотрѣлъ на себя, какъ на искупительную жертву и сталъ напрашиваться на опасность. Г. И. Филипсонъ имѣлъ случай наблюдать его въ этомъ возбужденномъ состояніи.

„Я пошелъ навѣстить князя Одоевскаго, разсказываетъ онъ, который былъ прикомандированъ къ 4 баталіону Тенгинскаго полка. Я нашелъ его на горѣ: онъ только-что получилъ извѣстіе о смерти своего отца, котораго горячо любилъ. Онъ говорилъ, что порвалась послѣдняя связь его съ жизнью; а когда узналъ о готовящейся серьезной экспедиціи, обрадовался и сказалъ рѣшительно, что живой оттуда не

воротится, что это перстъ Божій, указывающій ему развязку съ постылой жизнью. Онъ былъ въ такомъ положеніи, что утѣшать его или спорить съ нимъ было бы безразсудно. Поэтому, придя къ себѣ, я тотчасъ измѣнилъ диспозицію: 4-ый баталіонъ Тенгинскаго полка оставилъ въ лагерѣ, а въ словесномъ приказаніи поставилъ частнымъ начальникамъ въ обязанность, подъ строгою отвѣтственностью, не допускать прикомандированія офицеровъ и нижнихъ чиновъ изъ одной части въ другую для участвованія въ предстоящемъ движеніи. Но и это не помогло. Вечеромъ я узналъ, что князь Одоевскій упросилъ своего полкового командира перевести его заднимъ числомъ въ 3-ій баталіонъ, назначенный въ дѣло. Я рѣшился на послѣднее средство: пошелъ къ Н. Н. Раевскому и просилъ его призвать къ себѣ князя Одоевскаго и лично строго запретить ему на другой день участвовать въ дѣйствіи. Я разсказалъ ему причину моей просьбы, и, казалось, встрѣтилъ съ его стороны участіе. Призванный кн. Одоевскій вошелъ въ кибитку Раевскаго и, оставаясь у входа, сказалъ на его холодное привѣтствіе солдатскую формулу: „здравія желаю Вашему Пр-ву". Раевскій сказалъ ему: „Вы желаете участвовать въ завтрашнемъ движеніи: я вамъ это дозволяю". Одоевскій вышелъ, а я не вѣрилъ ушамъ своимъ и не могъ понять, насмѣшка ли это надо мною или слѣдствіе ихъ прежнихъ отношеній? Наконецъ, такого тона на Кавказѣ не принималъ ни одинъ генералъ съ декабристами. Оказалось, что все это произошло просто отъ разсѣянности Раевскаго, которому показалось, что я именно прошу его позволенія Одоевскому участвовать въ движеніи. Такъ, по крайней мѣрѣ, онъ меня увѣрялъ. Я побѣжалъ къ князю Одоевскому и объяснилъ ему ошибку. Вѣроятно, я говорилъ не хладнокровно. Это его тронуло; мы обнялись и онъ далъ мнѣ слово беречь свою жизнь. Это глупое недоразумѣніе насъ еще болѣе сблизило, и я съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю часы, прове-

денные въ бесѣдѣ съ этою свѣтлою, поэтическою и крайне симпатичною личностью. Этихъ часовъ было немного[68]".

Желаніе Одоевскаго исполнилось скоро, но не совсѣмъ такъ, какъ онъ надѣялся. Умеръ онъ не на полѣ брани, а палъ случайной жертвой изнурительной горячки, которая свирѣпствовала на восточномъ берегу Чернаго моря, въ Лазаревскомъ форту, гдѣ Одоевскій жилъ на позиціяхъ.

„Черезъ мѣсяцъ, когда мы были уже въ Псезуапе, продолжаетъ Филипсонъ, я долженъ былъ ѣхать съ Раевскимъ на пароходѣ по линіи и зашелъ къ Одоевскому проститься. Я нашелъ его на кровати, въ лихорадочномъ жару. Въ отрядѣ было множество больныхъ лихорадкою; жары стояли тропическія. Одоевскій приписывалъ свою болѣзнь тому, что наканунѣ онъ начитался Шиллера въ подлинникѣ на сквозномъ вѣтру чрезъ поднятыя полы палатки[69]".

„5-го августа, по словамъ Розена, Одоевскій былъ у всенощной въ полковой церкви. Товарищъ его Загорѣцкій встревожился, увидѣвъ лицо его необыкновенно раскраснѣвшимся, и считалъ это дурнымъ признакомъ. На другой день, 6-го августа, Одоевскій слегъ. Въ недостроенной казармѣ приготовили для него помѣщеніе въ одной комнатѣ: до этого пролежалъ онъ три дня въ походной палаткѣ, но не переставалъ быть веселымъ и разговорчивымъ и нисколько не сознавалъ опасности своего положенія, читалъ импровизованные стихи на счетъ молодого неопытнаго лекаря. Въ день Успенія, 15 августа, въ 3 часа пополудни, прислуга отлучилась; Загорѣцкій остался одинъ съ больнымъ, которому понадобилось пересѣсть на кровать. Загорѣцкій помогъ ему, придерживая его: вдругъ онъ, какъ снопъ, свалился на подушку, такъ что, при всей своей силѣ, Загорѣцкій не могъ удержать его; призвали лекаря и фельдшера; они рѣшили, что больной скончался... Такъ отдалъ онъ Богу послѣдній вздохъ безпредѣльной любви[70]".

„Когда я возвратился изъ своей поѣздки, разсказывалъ Филипсонъ, недѣли черезъ двѣ, Одоевскаго уже не было, и

я нашелъ только его могилу съ большимъ деревяннымъ крестомъ, выкрашеннымъ красною масляною краскою. При послѣднихъ его минутахъ былъ нашъ добрый Сальстетъ, котораго покойный любилъ за его дѣтскую доброту и искренность.

Но для Одоевскаго еще не все кончилось смертью. Черезъ часъ послѣ его кончины Сальстетъ увидѣлъ, что у него на лбу выступилъ потъ крупными каплями, а тѣло было совсѣмъ теплое. Всѣ бросились за лекарями; ихъ прибѣжало шесть или семь, но всѣ мѣры къ оживленію оказались безполезными: смерть не отдала своей жертвы. Много друзей проводило покойнаго въ его послѣднее жилище. Отрядъ ушелъ, кончивъ укрѣпленіе, а зимой послѣднее было взято горцами. Когда въ 1840 году мы снова заняли Псезуапе, я пошелъ навѣстить дорогую могилу. Она была разрыта горцами, и красный крестъ опрокинутъ въ могилу. И костямъ бѣднаго Одоевскаго не суждено было успокоиться въ этой второй странѣ изгнанія?!!"

Правдивость этого разсказа подтверждена и Н. И. Лоремъ.

„Болѣзнь Одоевскаго, пишетъ онъ, не уступала всѣмъ стараніямъ медиковъ. Раевскій, съ перваго дня его болѣзни, предложилъ товарищамъ больного перенести его въ одну изъ комнатъ въ новоустроенномъ фортѣ, и добрые люди, на своихъ рукахъ, это сдѣлали. Ему два раза пускали кровь, но надежды къ спасенію не было. Весь отрядъ и даже солдаты приходили справляться о его положеніи; а когда онъ скончался, то всѣ штабъ и оберъ-офицеры отряда пришли въ полной формѣ отдать ему послѣдній долгъ съ почестями, и даже солдаты нарядились въ мундиры. Говорятъ, что когда Одоевскій лежалъ уже на столѣ, на лицѣ его вдругъ выступилъ потъ... Всѣ возымѣли еще лучъ надежды, но скоро и онъ отлетѣлъ! До могилы его несли офицеры. За новопостроеннымъ фортомъ, у самаго обрыва Чернаго моря, одинокая могила съ большимъ крестомъ; но и этотъ вещественный

знакъ памяти недолго стоялъ надъ прахомъ того, кого всѣ любили. Горцы сняли этотъ символъ христіанскій[72]".

„Касательно могилы Одоевскаго, пишетъ Розенъ, есть разногласныя мнѣнія: одни увѣряютъ, что весною 1840 года горцы овладѣли фортами, построенными на восточномъ черноморскомъ берегу, гдѣ эпидемія значительно уменьшила личный составъ гарнизона. Непріятель не только перерѣзалъ въ фортахъ весь гарнизонъ, но и вырылъ изъ земли мертвыя тѣла и бросилъ ихъ на съѣденіе шакаламъ. Другое преданіе гласитъ, что между этими дикими горцами былъ начальникомъ офицеръ, бывшій прежде въ русской службѣ, и знавшій лично Одоевскаго; онъ удержалъ неистовыхъ враговъ, которые почтили могилу Одоевскаго, когда услышали, чей прахъ въ ней покоится[73]".

X.

Таковы свѣдѣнія о жизни этого несчастнаго человѣка...

Всѣ, съ кѣмъ случай его сталкивалъ, остались подъ обаяніемъ его личности, „красивой, кроткой, доброй и пылкой[74]". „Кромѣ исторіи или повѣствованія о великихъ событіяхъ, говорилъ одинъ изъ его товарищей, всего ближе къ нему стоявшій, есть исторія сердца, достигающая широкихъ размѣровъ въ самой тѣсной темницѣ, а сердце Одоевскаго было обильнѣйшимъ источникомъ чистѣйшей любви; оттого онъ всегда и вездѣ сохранялъ духъ бодрый, веселый и снисходительный къ слабостямъ своихъ ближнихъ[75]". „Этотъ злополучный юноша скорѣе собою пожертвуетъ другому, чѣмъ спасется гибелью невиннаго",—говорилъ про него другой пріятель[76], и не нашлось ни одного человѣка, который сказалъ бы про него дурное слово, кромѣ его самого: „Я отъ природы безпеченъ, немного вѣтренъ и лѣнивъ"—говорилъ онъ своимъ судьямъ; и, дѣйствительно, помимо этихъ прегрѣшеній, едва ли кто могъ бы указать на иныя въ его характерѣ.

Былъ моментъ въ его жизни, когда, подъ тяжестью обрушившейся, какъ ему казалось непоправимой, бѣды, онъ въ полусознаніи бормоталъ безсвязныя рѣчи и въ страхѣ былъ слишкомъ откровененъ — но, кто рѣшится осудить его за это? Надо простить этотъ невольный грѣхъ, тѣмъ болѣе, что онъ вытекъ изъ одного лишь чистосердечія и сентиментальной довѣрчивости къ начальству, въ которомъ онъ видѣлъ прежде всего „людей", а потомъ уже „судей". Пусть былъ грѣхъ, но было и искупленіе. И въ этомъ искупленіи Одоевскій проявилъ большую твердость духа...

Но лучшимъ оправданіемъ его служитъ та теплота и нѣжность, какой онъ согрѣвалъ всѣхъ, съ кѣмъ дѣлилъ чашу жизни. Онъ остался въ памяти людей какъ поэтичный образъ кроткаго страданія, нѣжной дружбы и любви къ людямъ. Такимъ перешелъ онъ и въ потомство, которое, какъ многіе надѣялись и хотѣли, должно было забыть его, но не забыло.

Еще при его жизни одна изъ его знакомыхъ В. С. Миклашевичъ хотѣла спасти его образъ отъ забвенія и посвятила вымышленному описанію его жизни цѣлый романъ „Село Михайловское" *). Герой этого романа Александръ Зарин-

*) Романъ «Село Михайловское или помѣщикъ XVIII столѣтія» былъ написанъ въ 1828 — 1836 годахъ, но по цензурнымъ условіямъ увидѣлъ свѣтъ лишь въ 1866 году. Три главныхъ дѣйствующихъ лица этого романа: Зарянскій, Ильменевъ и Рузинъ списаны—какъ утверждаютъ близкіе знакомые автора—съ кн. Одоевскаго, Рылѣева и Грибоѣдова Дѣйствіе разсказа происходитъ въ XVIII вѣкѣ, въ кругу старой помѣщичьей жизни и вертится главнымъ образомъ вокругъ разныхъ любовныхъ интригъ, описанныхъ и развитыхъ въ стилѣ старыхъ романовъ «съ приключеніями». Авторъ подражалъ очевидно Вальтеръ Скотту, но не вполнѣ удачно. Разсказъ страшно растянутъ (4 тома) и полонъ совсѣмъ невѣроятныхъ драматическихъ положеній. Романъ имѣетъ, впрочемъ, и свои достоинства (которыя заставили Пушкина похвалить его когда онъ прочелъ первыя главы въ рукописи). Несмотря на всѣ невѣроятности интриги (даже мертвые воскресаютъ), разсказъ въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ правдивъ и реаленъ. Хороши, напр., описанія быта духовенства высшаго и низшаго (въ литературѣ 30-тыхъ годовъ нѣтъ этимъ описаніямъ параллели—въ чемъ ихъ большая цѣнность) и очень правдивы разсказы о разныхъ помѣщичьихъ насиліяхъ надъ крестьянами (эти страницы и сдѣлали

скій—призванный спасать всѣхъ угнетенныхъ и есть нашъ скромный Александръ Ивановичъ. „Онъ былъ необыкновенно пріятной наружности. Бѣлъ, нѣженъ; выступающій на щекахъ его румянецъ, обнаруживая сильныя чувства, часто нескромностью своей измѣнялъ его тайнамъ. Носъ у него былъ довольно правильный; брови и рѣсницы почти черныя; большіе синіе глаза, всегда нѣсколько прищуренные, что придавало имъ очаровательную прелесть; улыбка на розовыхъ устахъ, открывая прекрасные бѣлые зубы, выражала презрѣніе ко всему низкому". Кто не умѣлъ понять его души, тотъ считалъ его гордецомъ и „философомъ", считалъ его даже опаснымъ человѣкомъ, умѣющимъ наизусть цитировать Вольтера. Но Заринскій былъ только массонъ и никогда еще въ истинномъ рыцарѣ не было столько христіанскаго смиренія, благочестія и доброты. Онъ былъ ангелъ-хранитель и защитникъ простого народа; онъ защищалъ его въ деревняхъ отъ помѣщиковъ, въ судахъ отъ судей, въ кабинетѣ губернатора отъ чиновниковъ, и народъ боготворилъ его. Конечно, въ награду за свои добродѣтели онъ получилъ нѣжную любящую супругу и всѣ блага тихой счастливой семейной жизни[78]

Бѣдный Александръ Ивановичъ за свои добродѣтели вознагражденъ въ сей жизни не былъ и портретъ его въ этомъ романѣ, конечно, сильно идеализированъ. Но надобно было имѣть много доброты и тепла въ своей душѣ, чтобы послужить оригиналомъ для столь рыцарски благороднаго портрета.

Лермонтовъ глубже проникъ въ душу Одоевскаго, когда писалъ:

Онъ былъ рожденъ для нихъ, для тѣхъ надеждъ
Поэзіи и счастія... Но безумный —

невозможнымъ появленіе романа въ печати). Нужно отмѣтить, что во всемъ ходѣ разсказа нѣтъ рѣшительно ничего схожаго съ исторіей декабрьскаго происшествія или съ исторіей жизни того или другого декабриста[77].

Изъ дѣтскихъ рано вырвался одеждъ
И сердце бросилъ въ море жизни шумной
И свѣтъ не пощадилъ, и Богъ не спасъ!
Но до конца среди волненій трудныхъ,
Въ толпѣ людской и средь пустынь безлюдныхъ
Въ немъ тихій пламень чувства не угасъ:
Онъ сохранилъ и блескъ лазурныхъ глазъ,
И звонкій дѣтскій смѣхъ, и рѣчь живую,
И вѣру гордую въ людей и жизнь иную.
Но онъ погибъ далеко отъ друзей...
Миръ сердцу твоему, мой милый Саша!
Покрытое землей чужихъ полей,
Пусть тихо спитъ оно, какъ дружба наша
Въ нѣмомъ кладбищѣ памяти моей.
Ты умеръ, какъ и многіе, безъ шума,
Но съ твердостью. Таинственная дума
Еще блуждала на челѣ твоемъ,
Когда глаза сомкнулись вѣчнымъ сномъ:
И то, что ты сказалъ передъ кончиной,
Изъ слушавшихъ не понялъ ни единый.
И было-ль то привѣтъ странѣ родной,
Названье ли оставленнаго друга,
Или тоска по жизни молодой,
Иль, просто, крикъ послѣдняго недуга, —
Кто скажетъ намъ? Твоихъ послѣднихъ словъ
Глубокое и горькое значенье
Потеряно. Дѣла твои и мнѣнья,
И думы—все исчезло безъ слѣдовъ,
Какъ легкій паръ вечернихъ облаковъ:
Едва блеснутъ: ихъ вѣтеръ вновь уноситъ —
Куда они? зачѣмъ? откуда?—кто ихъ спроситъ...
И послѣ нихъ на небѣ нѣтъ слѣда
Какъ отъ любви ребенка безнадежной,
Какъ отъ мечты, которой никогда
Онъ не ввѣрялъ заботамъ дружбы нѣжной...
Что за нужда? Пускай забудетъ свѣтъ
Столь чуждое ему существованье:
Зачѣмъ тебѣ вѣнцы его вниманья
И тернія пустыхъ его клеветъ?
Ты не служилъ ему. Ты съ юныхъ лѣтъ
Кровавые его отвергнулъ цѣпи...

Къ счастію слѣды отъ думъ Одоевскаго, вопреки его собственной волѣ, остались. Друзья не дали затеряться его стихотвореніямъ и въ нихъ сохранили для насъ настоящій

смыслъ его страдальческой жизни,—жизни въ мечтахъ и въ раздумьи. Это была жизнь очень интимная, рядъ бесѣдъ съ самимъ собою, въ которыхъ воспоминанія задвигали собой всѣ надежды и упованія, и раздумье брало верхъ надъ непосредственнымъ ощущеніемъ дѣйствительности.

XI.

Современники цѣнили высоко поэтическій отголосокъ этой интимной жизни. Товарищи считали Одоевскаго способнымъ „свершить поэтическій трудъ на славу Россіи[79]“, они утверждали что лира его „всегда была настроена, что онъ имѣлъ большое дарованіе и даръ импровизаціи[80]“. Одинъ изъ нихъ говорилъ, что „Одоевскій великій поэтъ и что если бы явленія были свѣту его многія тысячи (?) стиховъ, то литература наша отвела бы ему мѣсто рядомъ съ Пушкинымъ, Лермонтовымъ и другими первоклассными поэтами[81]“. Конечно, всѣ эти похвалы—преувеличеніе, но людей, готовыхъ преувеличить его силы какъ поэта, было среди его современниковъ много. Въ 1839 году графиня Ростопчина писала въ одномъ частномъ письмѣ В. Ѳ. Одоевскому: „Сюда на дняхъ долженъ прибыть вашъ двоюродный братъ и я горю нетерпѣніемъ съ нимъ познакомиться. Въ дѣтствѣ моемъ семейство Репкевичевыхъ представляло мнѣ его идеаломъ ума и души... Говорятъ, что онъ много написалъ въ послѣдніе года и что дарованіе его обѣщаетъ замѣнить Пушкина, и говорятъ это люди умные и дѣльные, могущіе судить о поэзіи[82]“.

Но вѣрнѣе, чѣмъ его поклонники, свои силы оцѣнивалъ самъ Александръ Ивановичъ.

Въ Читѣ въ 1827 году онъ отозвался на смерть Веневитинова *) такимъ глубокопрочувствованнымъ стихотвореніемъ:

Всѣ впечатлѣнья въ звукъ и цвѣтъ
И слово стройное тѣснились;

*) Съ Д. В. Веневитиновымъ Одоевскій первый и единственный разъ встрѣтился въ 1824 г. на балу у гр. Аракчеева. Веневитиновъ произвелъ

И Музы юношей гордились
И говорили: «Онъ поэтъ!».
Но нѣтъ; едва лучи денницы
Моей коснулися эѣницы, —
И свѣтъ во взорахъ потемнѣлъ;
Плодъ жизни свѣлнъ недоспѣлый!
Нѣтъ! Сновъ небесныхъ кистью смѣлой
Одушевить я не успѣлъ;
Глась пѣсни, мною недопѣтой
Не дозвучитъ въ земныхъ струнахъ,
И я—въ нетлѣніе одѣтый...
Ее дослышу въ небесахъ.
Но на землѣ, гдѣ чистый пламень
Огня души я не излилъ,
Я умеръ весь... И грубый камень,
Обычный кровъ нѣмыхъ могилъ,
На черепъ мой остывшій ляжетъ
И соплеменнику не скажетъ,
Что рано выпала изъ рукъ
Едва настроенная лира,
И не успѣлъ я въ стройный звукъ
Излить красу и стройность міра. [Умирающій художникъ].

Въ Вонвитиновѣ Одоевскій отпѣвалъ самого себя.

XII.

Литературное наслѣдство Одоевскаго не равнаго достоинства. Одоевскій лирикъ, поэтъ личныхъ чувствъ и настроеній, несравненно выше Одоевскаго литератора, защитника и проводника извѣстнаго литературнаго направленія въ нашей словесности.

А князь Одоевскій, несмотря на свои юношескіе годы, еще на свободѣ успѣлъ себя приписать къ опредѣленному литературному лагерю, успѣлъ даже тиснуть двѣ статейки, въ которыхъ попробовалъ свои силы, какъ критикъ и жур-

на Одоевскаго глубокое впечатлѣніе своей «меланхоліей, полной грусти улыбкой и прощей». Стихи Вонвитинова Одоевскій цѣнилъ высоко за ихъ «глубокое чувство, столь рѣдко встрѣчающееся въ русскихъ стихотвореніяхъ».

нальный наѣздникъ[83]. Онъ выступалъ въ нихъ, какъ все его поколѣніе, поборникомъ „романтической“ поэзіи и тѣсно связанной съ ней „народности“. Какъ большинство его соратниковъ въ этомъ дѣлѣ, онъ едва ли могъ теоретически вывести формулу пресловутаго „романтизма“, не запутавшись въ противорѣчіяхъ; да онъ, впрочемъ, и не пытался выводить ее, а просто заявлялъ при случаѣ о своемъ недовольствѣ пріемами стараго классическаго искусства и тѣмъ несоотвѣтствіемъ этого искусства съ „природой“, какое онъ подмѣчалъ въ старыхъ образцахъ. Въ своей критической статейкѣ „О трагедіи Ротру „Вѣнцеславъ“, онъ, послѣ многихъ колкостей по адресу старины, призывалъ нашихъ поэтовъ не бояться нововведеній, „когда таковыя, не касаясь законовъ природы и искусства, клонятся къ избавленію отъ излишнихъ узъ“.

При такой любви къ новизнѣ въ искусствѣ Одоевскій имѣлъ, однако, большое пристрастіе къ старинѣ народной. Онъ былъ патріотъ въ искусствѣ и хотѣлъ, чтобы народный сюжетъ и по возможности народная форма проникли въ нашу поэзію.

Эта любовь къ самобытной русской литературѣ заставила его еще въ самые юные годы заняться изученіемъ нашей словесности со временъ самыхъ древнихъ.

Ролью историка литературы Одоевскій, однако, не ограничился: ему хотѣлось иллюстрировать свои историческія знанія собственными поэтическими произведеніями съ болѣе или менѣе широкимъ общимъ замысломъ.

До насъ дошли двѣ такихъ попытки, за которыми остается извѣстное историко-литературное значеніе, хотя ихъ художественная стоимость болѣе чѣмъ скромная. Упомянуть о нихъ, однако, необходимо, чтобы указать на внѣшнюю связь поэзіи Одоевскаго съ господствующимъ въ тѣ времена стремленіемъ къ „народности“ и „романтизму“.

Насколько въ своихъ лирическихъ стихотвореніяхъ нашъ поэтъ самобытенъ и оригиналенъ, настолько въ этихъ опы-

тахъ въ „романтическомъ“ и „народномъ“ стилѣ онъ рабъ установившагося литературнаго шаблона. Такимъ является, онъ напр., въ своей неоконченной романтической поэмѣ „Чалма“, которая—не что иное, какъ варіація на старую тему борьбы свободнаго, страстнаго и наивнаго женскаго сердца съ утонченно цивилизованнымъ эгоизмомъ сердца мужского. Эту тему еще въ двадцатыхъ годахъ разрабатывалъ Пушкинъ, ее повторялъ затѣмъ Марлинскій. Подъ перомъ Лермонтова она, какъ извѣстно, была исчерпана, дополнена богатыми мотивами съ рѣзкой соціальной и этической тенденціей и стала очень удобнымъ предлогомъ для обличенія различныхъ извращеній и недочетовъ нашей культуры. Одоевскому такое обличеніе было совсѣмъ несвойственно, и въ поэзіи его было слишкомъ мало страстности, чтобы удачно овладѣть хотя бы только самой романической завязкой этой темы, какъ, напр., овладѣлъ ею Пушкинъ въ своемъ „Кавказскомъ Плѣнникѣ“. „Чалма“ вышла какимъ-то недоноскомъ: вмѣсто настоящаго пыла страсти получилось лишь нагроможденіе довольно откровенныхъ картинъ и не совсѣмъ скромныхъ образовъ; вмѣсто яркаго восточнаго колорита, дана была лишь мозаика изъ нѣкоторыхъ общеупотребительныхъ восточныхъ словъ, и, наконецъ, разсказъ былъ начатъ въ такомъ тонѣ, что трудно было понять, чѣмъ онъ долженъ былъ кончиться — драмой или комедіей. Первый опытъ въ романтическомъ стилѣ оказался промахомъ; Одоевскій понялъ это, и отъ дальнѣйшей работы надъ поэмой отказался.

Несравненно болѣе удачна была другая попытка Одоевскаго выйти изъ сферы стихотвореній чисто личнаго характера. Это была длинная, въ четырехъ пѣсняхъ, историческая поэма объ ослѣпленіи князя Василька[84]. Одоевскій работалъ надъ ней, кажется, около трехъ лѣтъ (1827—30). Трудъ былъ не изъ малыхъ—какъ можетъ подтвердить любой лирикъ, котораго обязали бы написать на одну тему 150 строфъ по 8 строкъ каждая. Одоевскій предпринялъ

этотъ подвигъ умышленно, въ интересахъ словесности „народной и самобытной".

Опытъ этотъ показалъ прежде всего, что еще до ссылки поэтъ успѣлъ запастись весьма солидными историческими и археологическими свѣдѣніями. Ихъ хватило не на какую-нибудь балладу или пѣсню, а на цѣлую бытовую картину далекихъ туманныхъ временъ.

Такихъ поэмъ, какъ „Василько", писалось въ тѣ времена не мало. Онѣ были весьма популярны, какъ первыя попытки использовать народный сюжетъ для литературныхъ и, главнымъ образомъ, патріотическихъ цѣлей и при томъ использовать его на новый ладъ, въ стилѣ западно-европейскаго романтизма. Читая поэму Одоевскаго, можно, дѣйствительно, подумать, что она — переложеніе на русскіе нравы какой-нибудь риѳмованной повѣсти Вальтеръ-Скотта. Даже „чудесное", которое Одоевскій особенно тщательно старался выдержать въ русскомъ стилѣ, смахиваетъ на простое подражаніе столь распространенному тогда на западѣ фантастико-мистическому символизму.

Содержаніе поэмы умышленно запутанное. Краткій лѣтописный разсказъ объ ослѣпленіи Василька давалъ мало пищи для вдохновенія. Автору пришлось разбавлять разсказъ собственнымъ вымысломъ. Этотъ вымыселъ мало оригиналенъ: авторъ либо повторяетъ общеевропейскіе мотивы романтики рисуетъ соотвѣтствующіе мрачнымъ дѣяніямъ мрачные ночные пейзажи, описываетъ таинственныя появленія и исчезновенія дѣйствующихъ лицъ, разсказываетъ о тайныхъ собраніяхъ и свиданіяхъ, изображаетъ ужасъ темницъ и подземелій и т. д., либо онъ повторяетъ опять-таки условныя, въ изобиліи тогда встрѣчавшіеся, но уже русскіе, народные мотивы: описываетъ какую-нибудь отеческую бесѣду князя съ народомъ, въ которой князь обнаруживаетъ всю свою патріархальную душевную благость, а народъ — свойственную ему покорность и смѣтливость; разсказываетъ о княгинѣ, которая льетъ горючія слезы и полна страха въ виду зло-

вѣщаго сна или гаданія; описываетъ красоты престольнаго Кіева града, съѣздъ князей и обѣдъ, который по сему случаю былъ предложенъ и боярамъ, и нищимъ; разсказываетъ, какъ на этотъ княжій пиръ является неизбѣжный Баянъ — совсѣмъ какъ трубадуръ или менестрель въ рыцарскій замокъ...

Поетъ этотъ Баянъ хвалу кіевскому князю Святополку за его гостепріимство, но примѣшиваетъ къ своей хвалѣ зловѣщее пророчество объ ослѣпленіи Василька, и, пользуясь правомъ, которое ему на сей случай пожелалъ дать Одоевскій, говоритъ съ укоризной пирующимъ князьямъ о слезахъ родного „убогаго“ народа:

«Видѣлъ я міра сильныхъ князей,
Видѣлъ царей пированья;
Но на пиру, но въ сонмѣ гостей
Братій Христовыхъ не видѣлъ.
Слезы убогихъ искрами бьютъ
Въ чашахъ шипучаго меда.
Гости смѣются, весело пьютъ
Слезы родного народа.
Слава тебѣ! Ты любишь народъ,
Чествуешь бѣдныхъ и старцевъ
Слава изъ рода въ будущій родъ,
Солнышку нашему слава!
Ты съ Мономахомъ Русь умирилъ
Кроткой, могучей десницей;
Тучи развѣя, ты озарилъ
Русское небо денницей.
Слава князьямъ! Но въ стаѣ орловъ
Слышите, граетъ и воронъ.
Онъ напитался тукомъ гробовъ;
Лоснятся перья отъ крови:
Очи — красу молодого чела —
Очи, подобны денницѣ,
Онъ расклевалъ — и кровью орла
Рдѣется въ орлей станицѣ».

Баяна смѣняетъ опять традиціонное лицо злодѣя, который вступаетъ въ союзъ съ темными силами, чтобы погубить свою несчастную жертву. Вокругъ Василька сплетается

цѣлая адская интрига, впрочемъ, не вполнѣ намъ ясная, такъ какъ третья часть поэмы утрачена. Въ послѣдней части описывается, и при томъ весьма реально, вся омерзительная сцена ослѣпленія.

Не трудно догадаться, что̀ именно заставило Одоевскаго остановиться на этой совсѣмъ неблагодарной темѣ. Для него въ ней крылся символическій смыслъ. Несчастный князь Василько̀, низвергнутый нежданно съ высоты своего положенія въ такую пучину несчастія и смирившійся духомъ—былъ историческимъ призракомъ, въ который Одоевскій облекъ свое собственное настроеніе,—то преклоненіе передъ высшей волей, которой онъ самъ свою несчастную судьбу довѣрилъ.

Религіозная тенденція поэмы, дѣйствительно, выступаетъ наружу очень ясно. Авторъ, вопреки исторіи, перенесъ умышленно въ эпоху, когда жилъ Василько̀, ту рѣзкую борьбу христіанства и язычества, которая отмѣчала собой первые годы христіанскаго просвѣщенія Россіи. Все чудесное и фантастическое въ поэмѣ пригнано къ этому мотиву борьбы двухъ религіозныхъ началъ. Какъ въ историческихъ романахъ изъ жизни императорскаго Рима, — передъ нами два русскихъ Кіева, одинъ надземный—христіанскій, другой языческій—подземный, и этотъ подземный, пожалуй, красивѣе правовѣрнаго. Одоевскій съ особой тщательностью украшалъ его разными фантастическими и археологическими подробностями, желая быть по возможности „самобытнымъ.“ Чтобы дать образецъ этой „самобытности“, конечно, поддѣльной, приведемъ нѣсколько строфъ изъ той славянской „Вальпургіевой ночи“, которую поэтъ вклеилъ въ свою поэму. Она несмотря на всю фальшь, — самый образный и поэтическій эпизодъ его разсказа.

Авторъ разсказываетъ, какъ князь Давидъ, главный виновникъ погубленія Василька̀, шелъ совѣщаться съ подземными силами въ пещеру около Кіева, гдѣ по ночамъ совершались жертвоприношенія уже давно поверженному Перуну.

Разсказъ длинный, съ подробнымъ описаніемъ пещеры и привидѣній, которыя ограждаютъ къ ней доступъ, съ описаніемъ какой-то страшной дѣвы, съ мечомъ и свѣточемъ въ рукѣ, не то прорицательницы, не то фуріи,—однимъ словомъ, съ богатымъ инвентаремъ романтическихъ ужасовъ. Упоминаются, конечно, и всѣ истинныя и мнимыя божества русской миѳологіи,—Перунъ, Стрибогъ, Велесъ, Купала, Коляда, Ладо и Дажбогъ. Въ присутствіи всѣхъ этихъ зловѣщихъ призраковъ разыгрывается сцена заклинанія и проклятія христіанскаго Кіева. И вотъ какіе мелодичные стихи попадаются въ этой сценѣ:

Хоръ жрецовъ.

Грудныхъ младенцевъ, непричастныхъ
Грѣху отцовъ,
Несите, вѣдьмы и русалки,
Предъ ликъ боговъ!
Мы на кострѣ сожжемъ начатки
Отъ ихъ волосъ.
Чтобъ сынъ славянъ богамъ славянскимъ
Во славу росъ.

Три вѣдьмы.

Мы змѣею зашипѣли
И какъ вихорь понеслись;
Съ визгомъ въ теремы влетѣли
И дѣтей изъ колыбели
Мы схватили и взвились.

Всѣ вѣдьмы.

Цѣпки у вѣдьмы медвѣжія лапы,
Лёгокъ нашъ конь, помело,
Свищемъ и скачемъ, пока на востокѣ
Не разсвѣло.

Русалки.

Неслышной стопою
Касаясь земли,
Мы руку съ рукою,
Какъ вѣтви, сплели.

Мы пѣснь напѣвали
И въ лунныхъ лучахъ,
Какъ тѣни, мелькали
На Лысыхъ Горахъ
Мы дѣвъ заманили
На пѣсенный гласъ,
Вкругъ липы водили,
И съ каждой изъ насъ,
Смѣясь, цѣловались
Онѣ сквозь вѣнокъ
И съ нами сплетались
Въ русальный кружокъ.
Вотъ сходимъ. Какъ птицы
Поемъ и летимъ,
Со смѣхомъ въ свѣтлицы
Порхнемъ къ молодымъ;
То шопотомъ сладко
Надъ люлькой поемъ,
Поемъ и украдкой
Дитя унесемъ, etc.

Всѣмъ этимъ бѣсовскимъ призракамъ Одоевскій готовилъ въ концѣ своей поэмы полное посрамленіе. Свершить злое дѣло имъ удалось, но всѣ ихъ чары были безсильны надъ духомъ праведника. Ослѣпленный Василько утратилъ способность зрѣть внѣшній свѣтъ; но тѣмъ ярче продолжалъ ему свѣтить свѣтъ внутренній.

И нигдѣ религіозная идея всей поэмы не выражена такъ ясно, какъ въ заключительныхъ словахъ, которыми священникъ поясняетъ всѣмъ присутствующимъ значеніе совершившагося предъ ихъ лицомъ преступленія:

Предъ Спасомъ не виновенъ Василько,
И предъ людьми страдалецъ не виновенъ:
Пройдутъ князья, пройдетъ и судъ князей;
Но истина на небѣ и въ потомствѣ,
Какъ солнце просіяетъ!

Съ извѣстнымъ правомъ эти слова можно отнести и къ самому автору.

И для него, которому перестала свѣтить „денница жизни“, которому „цѣлый міръ сталъ темницей“—и ему продолжалъ

свѣтить тотъ внутренній свѣтъ, въ которомъ и заключался весь смыслъ и все движеніе его земной жизни.

Какой обликъ приняла духовная сторона этой жизни подъ лучами такого свѣта—намъ покажутъ сейчасъ стихотворенія, писанныя имъ для себя, въ свое утѣшеніе и свою защиту, а не для обороны чего-либо посторонняго, хотя бы и столь дорогого писателю, какъ „самобытная“ литература его родины.

XIII.

Въ одномъ стихотвореніи, посвященномъ памяти отлетѣвшихъ отъ него милыхъ образовъ, Одоевскій очень картинно и вѣрно назвалъ всю свою духовную жизнь „воспоминаніемъ о красотѣ міра сквозь сонъ“. Дѣйствительно, онъ жилъ только воспоминаніями, и въ нихъ ему всегда свѣтила красота недоступнаго для него міра. Жизнь успѣла подарить Одоевскому только первую свою улыбку — именно въ тѣ ранніе годы, когда человѣкъ смотритъ на такую улыбку, какъ на залогъ грядущаго долгаго счастья, какъ на намекъ возможнаго въ мірѣ блаженства; и нашъ поэтъ, въ силу особыхъ условій его блестящей и счастливой юности, могъ быть легче, чѣмъ кто-нибудь, прельщенъ такимъ раннимъ привѣтомъ жизни. Когда онъ готовился провѣрить ея обѣщанія, когда онъ ей задалъ первый серьезный вопросъ и поставилъ первое свое требованіе,—онъ, въ одинъ день и навсегда, потерялъ сразу все, что люди теряютъ постепенно и къ чему они, въ виду такой медленной утраты, становятся мало-по-малу равнодушны. Одоевскій очутился въ совсѣмъ особомъ положеніи; онъ не зналъ медленнаго угасанія надеждъ, не испыталъ, какъ одна за одной гаснутъ путеводныя звѣзды, его сразу окутала тьма, и онъ продолжалъ любить, безумно любить жизнь, создавая въ мечтахъ ея плѣнительный образъ по тѣмъ мимолетнымъ воспоминаніямъ, которыя сохранилъ о ней.

При всемъ печальномъ колоритѣ его стихотвореній—печальномъ потому, что правдивомъ—въ его стихахъ нѣтъ и тѣни пессимизма. Какъ бы онъ ни скорбѣлъ о себѣ — онъ былъ далекъ отъ всякой скорби о жизни; онъ привѣтствовалъ ее гдѣ только могъ, и каждый, самый мимолетный веселый лучъ ея, случайно падавшій въ его темницу, онъ встрѣчалъ съ благодарностью и радостью.

Эта веселая благодарность была привѣтомъ той жизни, которая съ ея свѣтомъ и движеніемъ, какъ неизвѣстный заповѣдный рай, начиналась за оградой его собственнаго существованія.

Міръ мечты не могъ быть для Одоевскаго тѣмъ, чѣмъ онъ былъ для многихъ другихъ, которые, идя свободно своей дорогой, пресытясь обманами жизни говорили, что все, кромѣ мечты суета и разочарованіе, что красота и блаженство не въ сближеніи съ міромъ, а въ отдаленіи отъ него, что счастіе—въ мечтахъ, а не на землѣ. Для Одоевскаго такое утѣшеніе въ мечтахъ существовало лишь наполовину. Его мечта была лишь „воспоминаніемъ о красотѣ *жизни*“, которая не обманула его, не надоѣла ему, а, наоборотъ, прельщала его издали.

Мечта, поэтическое творчество, и тотъ веселый „міръ“, красоту котораго онъ силился припомнить, слились въ его представленіи въ одно неразрывное цѣлое. Одоевскій вѣрилъ, что если всѣ матеріальныя его связи съ этимъ міромъ порваны, то все-таки въ его мечтѣ осталась одна связь, неуловимо тонкая, но вмѣстѣ съ тѣмъ самая крѣпкая, которая пока цѣла и не дастъ ему погибнуть въ одиночествѣ. Провожая послѣдній „лучезарный хороводъ блеснувшихъ надеждъ“, онъ молилъ эту воздушную дѣву-мечту запоздать своимъ отлетомъ; ее одну, „неотлетнаго друга“, просилъ онъ побыть съ нимъ, въ залогъ того, что всякая мечта не есть случайное видѣніе, что въ ней дано общеніе съ другими людьми, что она можетъ присниться и другому и на ту же высоту вознести думы ближняго:

Промелькнулъ за годомъ годъ,
И за цѣлью дней минувшихъ
Улетѣлъ надеждъ блеснувшихъ
Лучезарный хороводъ.
Лишь одна изъ дѣвъ воздушныхъ
Запоздала. Сладкій взоръ,
Легкій шопотъ устъ послушвыхъ,
Твой небесный разговоръ
Внятны мнѣ. Тебѣ охотно
Я ввѣряюсь всей душой...
Тихо плавай надо мной,
Плавай, другъ мой неотлетный!
Всѣ исчезли. Ты одна
На яву, во время сна,
Павѣваешь утѣшенье.
Ты въ залогъ осталась мнѣ,
Завѣрял, что онѣ
Не случайное видѣнье,
Что приснятся и другимъ
И зажгутъ лучомъ своимъ
Думъ высокихъ вдохновенье!
[1829 «Послѣдняя надежда» Е. А. Баратынскому].

Мечта, не какъ убѣжище для скорбящаго и оскорбленнаго духа, а какъ живая связь съ другими людьми — вотъ какой являлась Одоевскому эта богиня-фантазія, съ которой большинетво его современниковъ любили встрѣчаться не иначе, какъ вдвоемъ, въ тишинѣ, въ уединеніи, вдали отъ людей и по возможности о нихъ не думая.

„Какъ я давно поэзію оставилъ!“ — говорилъ однажды Одоевскій —

Я такъ ее любилъ: я черпалъ въ ней
Всѣ радости, усладу скорбныхъ дней,
Когда въ снѣгахъ пустынныхъ міръ я славилъ,
Его красу и стройность вѣчныхъ дѣлъ,
Господнихъ дѣлъ, грядущихъ къ высшей цѣли
На небѣ, гдѣ мнѣ звѣзды не яснѣли,
И на землѣ, гдѣ въ узахъ я коснѣлъ...
Я тихо пѣлъ пути живаго Бога,
И всей душой Его благодарилъ,
Какъ ни темна была моя дорога,
Какъ ни терялъ я свѣжесть юныхъ силъ...

Въ поэзіи,—въ глаголахъ провидѣнья,
Всепреданный искалъ я утѣшенья —
Живой воды источникъ я нашелъ!
О, другъ, со мной въ печаляхъ нераздучный,
Поэзія! Слети и мнѣ повѣй
Опять твоимъ божественнымъ дыханьемъ!
Мой вѣрный другъ! когда однимъ страданьемъ
Я мѣрилъ дни, считалъ часы ночей —
Бывало, кто приникнетъ къ изголовью
И шепчетъ мнѣ, цѣлитъ меня любовью
И сладостью возвышенныхъ рѣчей?
Слетала ты, мой ангелъ утѣшитель! [«Поэзія» 1837—39].

И за что же поэтъ такъ превозносилъ эту гостью? Не за то, что она ему давала забвеніе и подъ своимъ узорнымъ покровомъ стремилась скрыть отъ него всѣ мрачныя стороны бытія, не за то, что она убаюкивала его мысль и смиряла тревогу сердца,—наоборотъ, лишь за то, что—высшее проявленіе жизни — она учила его любить эту жизнь и въ конечномъ мірѣ чуять безконечность духа. Она была—Божьимъ глаголомъ, вдыхающимъ жизнь и вѣчность въ Божій свѣтъ, и отнюдь не призывомъ къ забвенію того, что на этомъ свѣтѣ творится:

Поэтъ
Въ свой тѣсный стихъ вдыхаетъ жизнь и вѣчность,
Какъ самъ Господь вдохнулъ въ свой Божій свѣтъ —
Въ конечный міръ всю духа безконечность.
[«Поэзія» 1837 - 39].

Чѣмъ же былъ милъ Одоевскому этотъ Божій свѣтъ и о какой его красотѣ могъ нашъ двадцатилѣтній узникъ вспомнить? Такъ мало было прожито, что само слово „воспоминаніе“ звучитъ какъ-то странно; можно было бы подумать, что оно по ошибкѣ поставлено вмѣсто слова „надежда“, если бы мы не знали, что для себя лично Одоевскій навсегда отъ всякихъ надеждъ отказался.

Но онъ, дѣйствительно, любилъ міръ, и любилъ его неэгоистично, не для себя, и зналъ, за что любилъ.

Его ровное и ясное міросозерцаніе опиралось и на общія

размышленія о красотѣ и цѣнѣ жизни, и на память о тѣхъ раннихъ впечатлѣніяхъ бытія, въ которыхъ для него было столько намековъ на возможное въ мірѣ блаженство.

XIV.

Первое, что въ глазахъ Одоевскаго придавало міру его высокую цѣну и что одѣвало его въ особую красоту, было Божіе присутствіе въ немъ, религіозный смыслъ всего бытія. Одоевскій, какъ большинство людей его времени, былъ, искренно вѣрующимъ человѣкомъ, и притомъ христіаниномъ. Для него тайна Искупленія и тайна Воскресенія были двумя актами непосредственнаго Божьяго вмѣшательства въ дѣла міра,—два дара, въ которыхъ залогъ не только возможности спастись за гробомъ, но и залогъ того, что и здѣсь, на землѣ, часть обѣтованнаго блаженства станетъ истиной.

Воскресеніе не для неба, а для земли — вотъ одинъ изъ лучей вѣры, который вспыхнулъ ярко въ душѣ поэта въ первые же дни его несчастья. Въ казематѣ Петропавловской крѣпости въ пасхальную ночь 1826 года онъ писалъ:

Я, на колѣнахъ стоя, пѣлъ;
Съ любовью къ небесамъ свободный взоръ летѣлъ...
И серафимовъ тьмы внезапно запылали
Въ надзвѣздной вышинѣ;
Ихъ пѣсни слышались мнѣ.
Съ ихъ гласомъ всѣ міры гармонію слинали.
Средь горнихъ силъ воскресшій Богъ стоялъ,
И день, блестящій день сіялъ
Надъ сумраками ночи;
Стоялъ Онъ радостный средь волнъ небесныхъ силъ
И полныя любви, божественныя очи
На міръ спасенный низводилъ.
И славу Вышняго, и на землѣ спасенье
Я тихимъ гласомъ воспѣвалъ
И мой, мой также гласъ къ Воскресшему взлеталъ:
Изъ гроба пѣлъ я воскресенье.

[«Полночь» 1826].

Когда въ другомъ стихотвореніи („Рѣка Усьма") поэтъ говорилъ, что „цѣль всей жизни нашей — отрадный Спасовъ Крестъ" - онъ всегда разумѣлъ торжество этого Креста здѣсь, среди насъ, и никогда не отчаявался въ своей завѣтной мысли о „спасеніи на землѣ" и о воскресеніи изъ гроба не для безсмертія, а для жизни.

Въ Господѣ предѣлъ
Путей земныхъ и всѣхъ благихъ дѣяній —

говорилъ онъ, и весь земной путь, проходимый человѣчествомъ, былъ въ его глазахъ такимъ благимъ путемъ къ благой цѣли. Онъ, какъ сынъ своего поколѣнія, воспитавшійся въ эпоху религіозно-сентиментальнаго просвѣтленія духа,— вѣрилъ въ прогрессъ и въ торжество „гуманизма". Сквозь туманъ вѣковъ ему было видимо это торжество, какъ видимы были и всѣ трудности и опасности земной дороги.

Человѣкъ все-таки смертный пришлецъ великаго безсмертнаго міра, думалъ поэтъ. Не все въ этомъ мірѣ создано для него и не все созданіе его рукъ.

Высится пышный дворецъ, горитъ онъ блескомъ алмазовъ, бѣлѣетъ подъ нимъ снѣжный фундаментъ и мрачный лѣсъ лежитъ у его ногъ. Это—Глетчеръ. Дивнымъ рѣзцомъ изваяны его стѣны, блеститъ и горитъ онъ своимъ убранствомъ. Вокругъ него стоятъ алтари изъ снѣга и, чистыя, лежатъ на нихъ приношенія. Кто ваятель этого дворца и кто его житель? Ваятель—Вѣкъ, отрасль вѣчности — мысль Творца, а житель его—царь роковой смерти. Человѣку нѣтъ въ этомъ дворцѣ мѣста. Сюда не взойдетъ онъ; для него, если ужъ онъ рѣшился подняться на высоту—есть иное жилище. Тамъ, у подножія дворца, стелется темный лѣсъ, необозримый для слабаго человѣческаго зрѣнія; частый, густой и дикій лѣсъ. Въ немъ, если захочетъ, пусть живетъ человѣкъ и съ высоты смотритъ долу. Сирый жилецъ міра фантазіи, пусть онъ тихо смотритъ по сторонамъ и поддерживаетъ пылкій духъ своихъ мечтаній. Несчастный! въ мірѣ

повсюду онъ зритъ сусту, зритъ нищету чистыхъ стремленій... Взглянетъ онъ въ высь — передъ нимъ недоступная холодная вершина, посмотритъ онъ долу—подъ нимъ сельская жизнь въ своей вѣковой неподвижности. (Стихотвореніе „Глетчеръ“ 1838).

Въ такихъ символическихъ образахъ рисовалась Одоевскому земная жизнь человѣка, поставленнаго среди не имъ созданной и непобѣдимой природы, безразличной и холодной во всей ея божественной красотѣ. Выйти изъ инертной сельской жизни, изъ первобытнаго своего состоянія—человѣкъ долженъ. Пылкій духъ заставляетъ его идти впередъ, влечетъ его на высоту и мирная жизнь смѣняется для него блужданіемъ въ непроглядномъ лѣсу, у подножія таинственнаго храма природы, созданной вѣчностью и творческой мыслью Бога. Состязаться съ Богомъ въ такомъ творчествѣ онъ — смертный пришлецъ — не можетъ, но онъ не можетъ также и остаться въ долинѣ: она тѣсна для него и таинственная высь его манитъ.

Необузданъ бываетъ человѣкъ въ своихъ стремленіяхъ, мысляхъ и чувствахъ. Великъ и ничтоженъ онъ въ своихъ порывахъ. Онъ какъ—лавина.

Рванулась она и катится по скату крутогора.... для трепетнаго взора она кажется орудіемъ неба; громъ ея гремитъ по полянамъ. Для нея нѣтъ препятствій. Утесъ дрожитъ подъ ея ударомъ и лѣсъ ложится на землю. Жестока бываетъ она въ своемъ страшномъ, свирѣпомъ бореньи: гибнутъ стада, гибнутъ люди. Все поглощаетъ она и стремглавъ несется къ озеру. И вотъ, когда она, полная ярости, въ вихрѣ снѣга и пара, мнитъ, что уничтожитъ и это препятствіе... она сама гибнетъ. На нее падаетъ лучъ солнца, и грозный шаръ, тая, обращается въ воду. („Лавина“).

Опять рядъ символовъ: великъ и грозенъ бываетъ человѣкъ когда даетъ просторъ своей силѣ — хочетъ сказать поэтъ. Все, что становится поперегъ дороги этой силѣ, можетъ погибнуть, и страшная жестокость сопровождаетъ

иногда ея проявленіе. Но есть и для этой разрушительной силы нежданная могила и — что́ важнѣе — есть въ мірѣ солнце, есть свѣтъ духа, который обращаетъ грубую и опасную снѣговую глыбу въ мирныя и ясныя воды.

Много въ жизни человѣческой и загадочно-страшнаго и жестоко-несправедливаго, но какъ бы ни былъ труденъ путь земной, онъ все-таки есть движеніе отъ худшаго къ лучшему.

Этотъ непостижимый путь волнуетъ насъ своей мучительной тайной. Какъ скудно наслажденіе сердца въ этой жизни, какъ смѣшаны на этомъ похоронномъ пирѣ скорбь съ радостью! Иногда все кажется тѣнью и весь міръ какъ бы обширная гробница—

Но вѣченъ родъ! Едва слетятъ
Потомковъ новыхъ поколѣнья,
Иныя звенья замѣнятъ
Изъ цѣпи выпавшія звенья;
Младенцы снова расцвѣтутъ,
Вновь закипитъ младое племя,
И до могилы жизни бремя,
Какъ даръ безъ цѣли донесутъ
И сбросятъ путники земные...
Безъ цѣли! Кто мнѣ дастъ отвѣтъ?
Но въ насъ порывы есть святые,
И чувства жаръ и мыслей свѣтъ,
Высокихъ мыслей достоянье!
Въ лазурь небесъ восходитъ зданье:
Оно незримо, каждый день,
Трудами возрастаетъ вѣка;
И со ступени на ступень
Вѣка возводятъ человѣка. [«Элегія» 1830].

И возведутъ они его, наконецъ, на ту высоту, съ которой онъ, въ сознаніи своей нравственной побѣды, сможетъ спокойно обозрѣть пройденный имъ страдальческій путь разочарованій, ошибокъ и преступленій.

За этотъ-то глубокій смыслъ, вложенный самимъ Богомъ въ жизнь человѣка, смыслъ, освященный тайной Искупленія

и символически выраженный въ тайнѣ Воскресенія, Одоевскій любилъ жизнь.

Итакъ, онъ любилъ ее, прежде всего за ея духовную красоту, за то, что она была ареной для нравственныхъ подвиговъ человѣчества, ареной торжества, обѣщаннаго человѣку и дарованнаго ему Богомъ.

XV.

Кромѣ этой духовной красоты поэтъ любилъ въ мірѣ и его красоту внѣшнюю. Это была его вторая любовь—живая и сильная въ его поэтической душѣ. Много великолѣпныхъ поэтическихъ образовъ, взятыхъ изъ жизни природы, разсыпалъ Одоевскій въ своихъ случайныхъ стихотвореніяхъ. Онъ не могъ пройти мимо этой внѣшней красоты, не почувствовавъ прилива любви къ творенью и наплыва религіозныхъ чувствъ.

Поэзія—не Божій ли глаголъ,
И пѣніемъ птицъ, и бурями воспѣтый?
То въ радугу, то въ молнію одѣтый,
И въ цвѣтъ полей, и въ звѣздный хороводъ,
Въ порывы тучъ, и въ глубь бездонныхъ водъ.
Единый ввѣкъ и вѣчно разнозвучный?

[«Поэзія» 1837—39].

спрашивалъ онъ.

Свою пѣсню онъ нерѣдко дѣлалъ отзвукомъ этой таинственной рѣчи Создателя, но всегда въ его описаніяхъ и сравненіяхъ зерномъ мысли и родникомъ чувства остался человѣкъ — созерцатель и сожитель этой нѣмой величаво-красивой природы.

Не затѣмъ, чтобы забыть о людяхъ присматривался и прислушивался Одоевскій къ природѣ, а лишь затѣмъ, чтобы найти соотвѣтствіе между ней и человѣкомъ. Мы встрѣчали уже нѣсколько такихъ описаній въ его символическихъ картинахъ природы, мы встрѣтимъ ихъ много и въ его чисто

лирическихъ стихотвореніяхъ. Всегда въ его пейзажахъ заключенъ скрытый или явный намекъ на какое-нибудь чисто человѣческое чувство. Рисуетъ ли поэтъ зеленое море родныхъ полей, рощъ и холмовъ и пышную сѣнь лѣсовъ, вдоль которыхъ бѣжитъ простая русская рѣчка, „одѣтая, какъ невѣста въ небесную лазурь“ („Рѣка Усьма“ 1837)—мы чувствуемъ, что эта картинка набросана изгнанникомъ въ первую минуту свиданія съ отчизной:—такъ много въ ней игривой радости, такъ эта рѣчка бросается въ объятія къ склоненному надъ ней влюбленному лѣсу, такъ она шалитъ и радуется, какъ ребенокъ, такъ, рѣзвясь, она разгульными струями бѣжитъ вдоль рощъ и полей...

Рисуетъ ли Одоевскій дикій горный пейзажъ, изображаетъ ли онъ „великановъ въ ледяныхъ шлемахъ, за плечами которыхъ гремятъ колчаны полные молній, туманы, которые какъ поясъ облегаютъ ихъ станъ, сорвавшуюся вблизи нихъ шумную лавину“—онъ пріурочиваетъ эти грозныя и мрачныя картины къ прославленію какого-нибудь великаго акта человѣческой воли, какъ, напр., къ переходу черезъ Альпы Наполеона, вслѣдъ за которымъ, по тому же пути, пройдетъ и сынъ той страны, гдѣ „въ полночной мглѣ, среди снѣговъ высится на своемъ пьедесталѣ конь и его мѣдный всадникъ“ [„Сенъ-Бернаръ“ 1831 г.].

И часто Одоевскій пояснялъ красоту человѣческихъ помысловъ, чувствъ и дѣяній такими картинами, въ которыхъ изображалась красота столь имъ любимой природы. И самъ онъ на фонѣ этой вѣчной красоты, сначала въ снѣгахъ Сибири, а затѣмъ въ горахъ Кавказа, былъ какимъ-то поэтическимъ видѣніемъ.

Любилъ ты моря шумъ, молчанье синей степи—

говорилъ, прощаясь съ нимъ, Лермонтовъ,

И мрачныхъ горъ зубчатые хребты.
И вкругъ твоей могилы неизвѣстной
Все, чѣмъ при жизни радовался ты,

Судьба соединила такъ чудесно:
Нѣмая степь синѣетъ, и вѣнцомъ
Серебрянымъ Кавказъ ее объемлетъ.
Надъ моремъ онъ, нахмурясь, тихо дремлетъ,
Какъ великанъ, склонившись надъ щитомъ,
Разсказамъ волнъ кочующихъ внимая.
А море Черное шумитъ не умолкая.

Послѣ Бога, о которомъ Лермонтовъ вспоминалъ рѣдко, и послѣ людей, о которыхъ онъ вспоминалъ въ большинствѣ случаевъ недружелюбно, ему оставалось говорить только о природѣ, если онъ, дѣйствительно, хотѣлъ упомянуть о томъ, чѣмъ этотъ міръ былъ дорогъ его другу.

XVI.

У Одоевскаго была, впрочемъ, и еще одна привязанность, чисто земная. Онъ былъ большимъ патріотомъ. Судьбы Россіи были для него предметомъ особаго культа. Онъ вѣрилъ въ великое призванье своей отчизны и мечталъ объ ея всеславянской миссіи, и, какъ нѣкоторые изъ его современниковъ, онъ упреждалъ въ данномъ случаѣ славянофиловъ.

Патріотическія думы Одоевскаго дошли до насъ, конечно, въ весьма неполномъ видѣ. Въ своихъ стихахъ онъ говорилъ о родинѣ часто, говорилъ возвышенно и хвалебно,— и въ большинствѣ случаевъ безъ всякой тѣни критическаго отношенія къ ея настоящему.

Но такое критическое отношеніе не умирало въ душѣ Одоевскаго. Какъ бы молодъ онъ ни былъ и какъ бы ни были шатки его политическіе взгляды, въ основѣ своей его патріотизмъ былъ далеко не изъ самодовольно-миролюбивыхъ.

Несмотря на то покаянное настроеніе, которое охватило поэта въ тюрьмѣ и выразилось, какъ мы помнимъ, въ полномъ отреченіи отъ всякихъ „заблужденій“, Одоевскій, и въ казематѣ, ощущалъ иногда приливъ боевого пыла и писалъ:

Таится звукъ въ безмолвной лирѣ,
Какъ искра въ темныхъ облакахъ;
И пѣснь, незнаемую въ мірѣ,
Я вылью въ огненныхъ словахъ.
Въ темницѣ есть пѣвецъ народный;
Онъ не поетъ для суеты:
Скрываетъ онъ душой свободной
Небесъ безсмертные цвѣты;
Но похвалой не обольщенный,
Не ищетъ ранняго вѣнца. —
Почтите сонъ его священный,
Какъ предъ борьбою сонъ борца. [«Сонъ поэта» 1826].

Поэтъ цѣнилъ, мы видимъ, свою пѣснь какъ пѣсню „народную", и она была ему нужна для „борьбы", отъ которой онъ, повидимому, не думалъ отказываться,—по крайней мѣрѣ въ риѳмованныхъ мечтахъ, которыя никто не могъ подслушать.

Мысли о родинѣ сохранили свой боевой характеръ и во второй годъ испытанія. На привѣтственные стихи Пушкина—

Во глубинѣ сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье:
Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье.
. . . . . .
Оковы тяжкія падутъ,
Темницы рухнутъ — и свобода
Васъ приметъ радостно у входа,
И братья мечъ вамъ отдадутъ —

Одоевскій отвѣчалъ извѣстнымъ стихотвореніемъ „А. С. Пушкину въ отвѣтъ на его посланіе „Въ Сибирь":

Струнъ вѣщихъ пламенные звуки
До слуха нашего дошли!
Къ мечамъ рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрѣли.
Но будь покоенъ, бардъ: цѣпями,
Своей судьбой гордимся мы,
И за затворами тюрьмы
Въ душѣ смѣемся надъ .....
Нашъ скорбный трудъ не пропадетъ:
Изъ искры возгорится пламя —

И православный нашъ народъ
Сберется подъ святое знамя.
Мечи скуемъ мы изъ цѣпей
И вновь зажжемъ огонь свободы,
И съ нею грянемъ на ..... —
И радостно вздохнутъ народы[85]. [1827].

Къ числу боевыхъ нужно отнести и стихотвореніе „При извѣстіи о польской революціи“, если только оно принадлежитъ Одоевскому.

Оно было написано въ 1831 году подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ іюльскаго переворота. „Можно сказать навѣрное, разсказываетъ Д. Завалишинъ, что мрачное состояніе духа имѣло бы очень вредное вліяніе на многихъ и дурныя послѣдствія при вступленіи въ такую мрачную жизнь, какова была въ Петровскомъ казематѣ сначала, если бы тутъ не подоспѣло кстати извѣстіе о французской революціи, возбудившее надежды въ другомъ отношеніи, и увлекшее снова всѣ мысли и желанія въ политическую и умственную сферу, чѣмъ и отвлекло насъ отъ мрачнаго настоящаго положенія и не давало вполнѣ предаваться ощущенію тягости его. Полученныя газеты измѣнили разомъ общее настроеніе. Все оживилось интересомъ самихъ извѣстій, независимо даже отъ неосновательныхъ надеждъ, возбужденныхъ у многихъ событіями въ Европѣ. Всѣ занялись чтеніемъ, пошли разговоры, сужденія; даже на самаго коменданта явно подѣйствовали нежданныя извѣстія. Онъ впалъ въ раздумье, что̀ и отразилось на смягченіи многихъ безполезныхъ строгостей[86]“.

Возможно, что извѣстіе о французской революціи поэтически отозвалось въ сердцѣ Одоевскаго, но полонофильскія строки стихотворенія „При извѣстіи“ позволяютъ усумниться въ томъ, что оно принадлежитъ перу Одоевскаго, который, при всемъ своемъ либерализмѣ, былъ большимъ патріотомъ *).

*) Вотъ это стихотвореніе:

Недвижимы, какъ мертвые въ гробахъ,

Этими стихотвореніями исчерпываются всѣ политическіе мотивы въ поэзіи Одоевскаго. Воинствующій либерализмъ исчезаетъ вмѣстѣ съ годами его молодости, уступая мѣсто уравновѣшенному и созерцательному взгляду на жизнь, смягчающему всякую рѣзкость чувства.

Ни отъ одного изъ тѣхъ гуманныхъ убѣжденій, за которыя пришлось пострадать, Одоевскій не отрекся, и только

Невольно мы въ болѣзненныхъ сердцахъ
Хоронимъ чувствъ привычные порывы;
Но ихъ объялъ еще не вѣчный сонъ,
Еще струна издастъ бывалый звонъ —
Она дрожитъ — еще мы живы!
Едва дошелъ съ далекихъ береговъ
Небесный звукъ спадающихъ оковъ
И вздрогнули въ сердцахъ живыя струны—
Всѣ чувства вдругъ въ созвучіе слились...
Нѣтъ, струны въ нихъ еще не порвались!
Еще, друзья, мы сердцемъ юны!
И въ комъ оно отъ чувствъ не задрожитъ?
Вы слышите: на Вислѣ брань кипитъ! —
Тамъ съ Русью ляхъ воюетъ за свободу
И въ шумѣ битвъ поетъ за упокой
Несчастныхъ жертвъ, проливших лучъ святой
Въ спасенье русскому народу.
Мы братья ихъ! Святыя имена
Еще горятъ въ душѣ: она полна
Ихъ образовъ, и мыслей и страданій.
Въ ихъ имени таится чудный звукъ:
Въ насъ будитъ онъ всю грусть минувшихъ мукъ,
Всю цѣпь возвышенныхъ мечтаній.
Нѣтъ, въ насъ еще не гаснутъ ихъ мечты!
У насъ въ сердца ихъ врѣзаны черты,
Какъ имена въ надгробный камень.
Лишь вспыхнетъ огнь во глубинѣ сердецъ,
Пять жертвъ встаютъ предъ нами; какъ вѣнецъ,
Вкругъ выи вьется синій пламень...
Сей огнь пожжетъ чело ихъ палачей,
Когда предъ судъ властителя царей
И палачи и жертвы станутъ рядомъ...
Да судитъ Богъ!... А насъ, мои друзья,
Пускай утѣшитъ мирная кутья
Своимъ таинственнымъ обрядомъ [87]. [1831].

о способѣ проведенія этихъ убѣжденій въ жизнь онъ теперь хранилъ молчаніе. Оставляя за собой право критически относиться къ нѣкоторымъ сторонамъ русской жизни и, вѣроятно, критикуя ихъ въ частныхъ бесѣдахъ, поэтъ въ своихъ стихахъ говорилъ лишь о тѣхъ явленіяхъ русской дѣйствительности, которыя не вызывали въ немъ иного чувства, кромѣ радости, и иныхъ пожеланій, кромѣ самыхъ восторженныхъ.

Вотъ почему въ его стихахъ такъ часто превозносится внѣшній блескъ русской державы и ея международное призваніе. Одоевскій въ данномъ случаѣ не составлялъ исключенія, такъ какъ въ началѣ царствованія императора Николая I патріотическая восторженная рѣчь о могуществѣ Россіи была обычнымъ явленіемъ въ устахъ даже очень умныхъ и осторожныхъ людей.

Военная слава Россіи нашла себѣ въ Одоевскомъ пѣвца очень искренняго, а подъ конецъ его жизни, когда онъ солдатомъ служилъ на Кавказѣ, и одного изъ своихъ терпѣливыхъ и выносливыхъ слугъ, умѣющихъ умирать безгласно.

Оригинальной красотой и силой патріотическія стихотворенія Одоевскаго, однако, не блещутъ.

Подвиги старыхъ князей кіевскихъ и новгородскихъ, восхваленіе князей-собирателей земли русской, подвигъ Ермака, гражданская доблесть Минина и Пожарскаго, затѣмъ Великій Петръ и его побѣды, затѣмъ Суворовъ, пылающая Москва и нашествіе Галловъ, наконецъ, побѣды нашего оружія на Востокѣ, „бракъ русскаго царства съ Грузіей"—всѣ эти кровавыя страницы родной исторіи приходили часто на память нашему мирному поэту, и такъ же часто поэзія и вымыселъ заступали въ его рѣчахъ мѣсто исторической правды. Иногда, впрочемъ, онъ позволялъ себѣ помечтать и о грядущемъ, и тогда его стихотвореніе выходило столь типично славянскимъ, что подъ нимъ охотно подписался бы любой изъ членовъ кружка Хомякова. Таково, напр., его стихотвореніе „Славянскія дѣвы".

Во образѣ дѣвъ рисуется Одоевскому вся великая славянская семья. Быстры и нѣжны напѣвы дѣвъ ляшскихъ, просты и дики пѣсни дѣвъ сербскихъ; дышатъ любовью и славой пѣсни чешскихъ дѣвъ — отчего же всѣ эти дѣвы не поютъ согласно святыя пѣсни минувшихъ временъ и не сольютъ всѣхъ своихъ голосовъ въ единый голосъ? И отчего такъ грустны пѣсни старшей дочери въ славянскомъ семействѣ, почему она проводитъ свои дни, какъ ночи, въ теремѣ, почему заплаканы ея очи? „Отчего ты не выйдешь въ чистое поле“, спрашиваетъ поэтъ старшую сестру, „отчего не разгуляешь своей грусти? Спѣши въ поле на встрѣчу меньшимъ сестрамъ, веди за собой ихъ хороводъ и, дружно сплетя свои руки съ ихъ руками, запой пѣсню свободы!“

Боже! Когда же сольются потоки
Въ рѣку одну, какъ источникъ одинъ!
Да потечетъ сей потокъ исполинъ,
Ясный, какъ день, какъ море широкій,
И, увлажая полміра собой,
Землю украситъ могучей красой. [«Славянскія Дѣвы»].

Въ стихахъ, въ которыхъ Одоевскій говорилъ о Россіи, ему приходилось неоднократно вспоминать о томъ лицѣ, противъ котораго онъ нѣкогда поднялъ оружіе. За исключеніемъ тѣхъ раннихъ стиховъ, на которые уже указано, Одоевскій во всѣхъ своихъ словахъ о царѣ выдерживалъ тонъ восторженнаго почтенія. Этотъ тонъ не былъ ему насильно навязанъ обстоятельствами, такъ какъ никто не заставлялъ его говорить объ императорѣ, и если бы онъ питалъ къ нему прежнія враждебныя чувства—онъ могъ молчать. Нельзя видѣть въ этихъ словахъ также и умышленной лести;—въ словахъ, которыя были сказаны въ тѣсномъ кругѣ, написаны для себя и не посланы по адресу.

Впрочемъ, одно стихотвореніе Одоевскаго было написано съ прямымъ умысломъ и надеждой на то, что оно дойдетъ по адресу. Это—извѣстное стихотвореніе „Посланіе къ отцу“ (1836) *).

*) Оно ходило по рукамъ въ массѣ списковъ 88.

Одни укоряли Одоевскаго за это стихотвореніе[89], другіе извиняли его тѣмъ, что поэту все дозволяется, и кадить и льстить, и проклинать, и благословлять, лишь бы онъ дѣлалъ это отборными музыкальными стихами. Самъ же поэтъ смотрѣлъ на эти стихи какъ на единственную пилу, которою онъ могъ перепилить желѣзную рѣшетку своей темницы и выйти наволю[90]. Дѣло въ томъ, что это посланіе кончалось такимъ обращеніемъ къ императору:

Займется ли заря,
Молю я солнышко-царя,
И вотъ къ нему мое моленье:
Меня, о, солнце, воскреси
И дай мнѣ на святой Руси
Побыть, вздохнуть одно мгновенье!
Взнеси опять мой бѣдный чёлнъ,
Игралище безумныхъ волнъ,
На океанъ твоей державы,
Съ небесъ мнѣ кроткій лучъ пролей
И грѣшной юности моей
Не помяни ты въ царствѣ славы!

—и ходили слухи, что императоръ, растроганный стихотвореніемъ, услышалъ просьбу Одоевскаго и разрѣшилъ ему переводъ изъ Сибири на Кавказъ *).

Если этотъ слухъ былъ вѣренъ, то всетаки не должно забывать, что у Одоевскаго были и другія стихотворенія, въ которыхъ онъ говорилъ о царѣ въ тѣхъ же выраженіяхъ и которыя шефу жандармовъ не были переданы. Заподозрить эти стихи въ льстивой тенденціи нѣтъ основанія, да и написаны они къ тому же съ большой искренностью.

Остается предположить—и въ этомъ не будетъ никакой натяжки—что у Одоевскаго какъ и у многихъ другихъ его товарищей—очень скоро послѣ катастрофы исчезло непріязненное чувство къ тому лицу, которое ихъ такъ жестоко пока-

*) Ср. стр. 46 «Слѣдуетъ замѣтить, справедливо указываетъ Н. Мазаевъ, что эта милость коснулась не одного Одоевскаго, а одновременно и другихъ декабристовъ, находившихся съ нимъ въ одномъ разрядѣ[91]».

рало. И это понятно. Они были врагами не какого-либо лица, а извѣстной системы, извѣстнаго государственнаго порядка. Этотъ порядокъ не могъ въ ихъ представленіи соединяться съ личностью молодого императора Николая Павловича, котораго они мало знали; они были свидѣтелями только единственнаго и притомъ самаго тревожнаго дня его царствованія; государственная тенденція этого новаго царствованія опредѣлилась позднѣе, въ тѣ годы, когда декабристы не имѣли уже возможности пристально слѣдить за ея развитіемъ. Такимъ образомъ они могли на первыхъ порахъ лишь съ извѣстной натяжкой перенести свою нелюбовь къ императору Александру на его брата. Кромѣ того, при ихъ религіозно-сентиментальномъ міровоззрѣніи и при ихъ житейской неопытности они могли питать надежду на то, что новое царствованіе не пожелаетъ повторить или усугубить ошибокъ прошлаго. Наконецъ, нельзя забывать и того, что извѣстнымъ залогомъ этой надежды имъ могли служить тѣ частичныя льготы, которыми правительство изрѣдка смягчало непомѣрно тяжелыя условія ихъ жизни.

Въ 1837 году Наслѣдникъ Александръ Николаевичъ совершилъ свое путешествіе по Сибири. Для Одоевскаго это событіе было предлогомъ цѣлаго ряда патріотическихъ стихотвореній („На проѣздъ Наслѣдника Престола“ и четыре стихотворенія „На пріѣздъ въ Сибирь Наслѣдника Цесаревича“). Одоевскій привѣтствовалъ Наслѣдника отъ имени забытой и въ опалѣ находящейся Сибири. Если въ своихъ обращеніяхъ къ императору поэтъ держался патетически возвышеннаго тона, то въ привѣтствіяхъ его сыну онъ этотъ тонъ еще болѣе повысилъ. Его стихи были торжественнымъ гимномъ въ честь гостя, котораго Сибирь встрѣчала какъ исполнителя своихъ завѣтныхъ мечтаній о томъ, чтобы „пришелъ, наконецъ, владыко и извелъ для великаго свѣта всѣхъ сидящихъ въ узахъ темноты“.

Когда Одоевскій писалъ эти строфы, предчувствовалъ ли онъ, какое въ нихъ заключалось пророчество? Угадывалъ

ли онъ, что съ именемъ юноши, пріѣздъ котораго онъ благословлялъ, будетъ связана память о паденіи тѣхъ „узъ темноты“, за борьбу противъ которыхъ погибалъ онъ и его товарищи?

Во всякомъ случаѣ, поэтъ былъ преисполненъ чувствъ и надеждъ самыхъ радостныхъ.

XVII.

Міръ, какъ воплощеніе Божьей мысли и воли, и какъ арена для нравственнаго подвига человѣка, міръ, какъ воплощеніе красоты вѣчной и, наконецъ, среди этого міра Россія съ ея настоящей и грядущей славой—вотъ мысли, которыя вдохновляли поэта и вотъ источникъ той любви къ жизни, которую не могли заглушить въ немъ печали его личнаго существованія.

Что же дала ему жизнь, ему самому, какъ человѣку, чтобы „воспоминаніе объ ея красотѣ“ могло скрасить его настоящее?

Отмѣтимъ прежде всего, что вся личная жизнь поэта исчерпывалась, дѣйствительно, одними воспоминаніями.

Какъ недвижимы волны горъ,
Обнявшихъ тѣсно мой обзоръ
Непроницаемою гранью!
За ними—полный жизни міръ,
А здѣсь я одинокъ и сиръ
Отдалъ всю жизнь воспоминанью—
[«Посланіе къ отцу» 1836].

признавался онъ тому человѣку, котораго любилъ больше всего на свѣтѣ.

Стихи, въ которыхъ онъ велъ эти одинокія бесѣды со своимъ прошлымъ, должны были носить, конечно, характеръ самый интимный.

Въ одномъ граціозномъ по замыслу стихотвореніи „Роза и соловей“ поэтъ заставляетъ соловья жаловаться на то,

что роза, склонивъ печально свою голову, не глядитъ на него и его не слушаетъ. „Зачѣмъ мнѣ слушать тебя?“—отвѣчаетъ роза—„ты про свою любовь поешь слишкомъ громко, и мнѣ грустно: если ты поешь не для меня одной, то значитъ ты меня не любишь“. „Отдай мнѣ всю твою душу—говоритъ ей въ отвѣтъ соловей—не расточай ее другимъ, и тогда я буду пѣть тихо“.

Пѣснь Одоевскаго о своемъ прошломъ была именно такой тихой пѣснью любви, при которой и пѣвецъ, и то, къ чему онъ обращался, принадлежали неразрывно другъ другу и въ своихъ бесѣдахъ не желали имѣть свидѣтелей. „Скромный, пустынный цвѣтъ, цвѣтущій надъ могилой пѣвца“—вотъ какъ самъ поэтъ называлъ эти свои завѣтныя думы. Но хоть эти цвѣты и росли надъ могилой и говорили о смерти, въ нихъ, тѣмъ не менѣе, было затаено глубокое и сильное очарованіе жизнью.

Само собою ясно, что о медленномъ увяданіи и смерти поэту приходилось думать и говорить очень часто. Еще въ Петропавловской тюрьмѣ онъ писалъ:

Какъ много сильныхъ впечатлѣній
Еще душѣ недостаетъ!
Въ тюрьмѣ минула жизнь мгновеній,
И медленъ и тяжелъ полетъ
Души моей необновленной
Явленій новыхъ красотой....
Однообразна жизнь моя,
Какъ океана безконечность
Но онъ кипитъ... свои главы
Подъемлетъ онъ на вызовъ бури,
То отражаетъ свѣтъ лазури
Бездоннымъ сводомъ синевы,
Пылаетъ въ заревахъ, кровавый
Онъ брани пожираетъ слѣдъ;
Шумитъ въ отвѣтъ на громы славы
И клики радостныхъ побѣдъ.
Но мысль моя—едва живая—
Течетъ, въ себѣ не отражая
Великихъ міра перемѣнъ.
Все прежній міръ она объемлетъ.

И за оградой душныхъ стѣнъ—
Востока узница—не внемлетъ
Восторгамъ западныхъ племенъ.

[«Дума узника» 1827].

Тюрьма смѣнилась каторгой, и мысль о настоящемъ стала еще мрачнѣе.

Одоевскій узналъ о смерти Грибоѣдова и писалъ:

О, дайте горькихъ слезъ потокомъ
Его могилу оросить,
Ее согрѣть моимъ дыханьемъ!
Я съ ненасытимымъ страданьемъ
Вопьюсь очами въ прахъ его,
Исполнюсь весь моей утратой
И горсть земли, съ могилы взятой,
Прижму, какъ друга моего.
Какъ друга!.. Онъ смѣшался съ нею,
И вся она родная мнѣ.
Я тамъ одинъ съ тоской моею,
Въ ненарушимой тишинѣ,
Предамся всей порывной силѣ
Моей любви, любви святой
И приросту къ его могилѣ,
Могилы памятникъ живой.
Но подъ иными небесами
Онъ и погибъ, и погребенъ;
А я—въ темницѣ! Изъ-за стѣнъ
Напрасно рвуся я мечтами:
Онѣ меня не донесутъ,
И капли слезъ съ горячей вѣжды
Къ нему на дернъ не упадутъ.
Я въ узахъ былъ; но нѣтъ надежды
Взглянуть на взоръ его очей,
Взглянуть, сжать руку, звукъ рѣчей
Услышать на одно мгновенье....
Не измѣнилось заточенье;
Но отъ надеждъ, какъ отъ огня,
Остались только дымъ и тлѣнье.
Онѣ—мнѣ огнь; уже давно
Все жгутъ, къ чему ни прикоснутся;
Что годъ, что день, то связи рвутся;
И мнѣ, мнѣ даже не дано
Въ темницѣ призраки лелѣять,
Забыться мигъ веселымъ сномъ

И грусть сердечную развѣять
Мечтанья радужнымъ крыломъ.

[«Дума на смерть А. С. Грибоѣдова» 1829].

Такъ текли годы, и мысль о близкой смерти все настойчивѣе и настойчивѣе тревожила фантазію поэта. Одоевскій писалъ отцу:

Меня чужбины вихрь умчалъ
И бросилъ на девятый валъ
Мой чёлнъ, скользившій безъ кормила;
Очнулся я въ степи глухой,
Гдѣ мнѣ не кровною рукой,
Но вьюгой вырыта могила.

[«Посланіе къ отцу» 1836].

Но вотъ каторга смѣнилась поселеніемъ; окончились и годы поселенія: Одоевскій ѣхалъ на Кавказъ. На пути, за нѣсколько верстъ до Ставрополя, онъ и его товарищъ М. А. Назимовъ, сидѣвшій съ нимъ въ одной повозкѣ, увидѣли стаю журавлей, летѣвшихъ къ югу. „Привѣтствуй ихъ!"— сказалъ Назимовъ своему товарищу, и Одоевскій отвѣтилъ на этотъ вызовъ стихами, въ которыхъ опять прозвучало привѣтствіе смерти:

Куда несетесь вы, крылатыя станицы?
Въ страну-ль, гдѣ на горахъ шумитъ лавровый лѣсъ,
Гдѣ рѣютъ радостно могучія орлицы
И тонутъ въ синевѣ пылающихъ небесъ?
И мы—на югъ! туда, гдѣ яхонтъ неба рдѣетъ,
И гдѣ гнѣздо изъ розъ себѣ природа вьетъ;
И насъ, и насъ далекій путь влечетъ...
Но солнце тамъ души не отогрѣетъ,
И свѣжій миртъ чела не обовьетъ.
Пора отдать себя и смерти, и забвенью!
Но тѣмъ ли, послѣ бурь, намъ будетъ смерть красна,
Что насъ не сѣвера угрюмая сосна,
А южный кипарисъ своей покроетъ тѣнью? *)

[«Экспромптъ» 1838].

*) Перечитывая черезъ годъ это стихотвореніе въ спискѣ бар. Розена Одоевскій прибавилъ слѣдующія строки:

«И что не мерзлый ровъ, не снѣговой увалъ
Насъ мирно подарятъ послѣднимъ новосельемъ,

И чѣмъ ближе подходилъ поэтъ къ 1839 году, послѣднему въ его жизни, тѣмъ все явственнѣе слышался ему этотъ призывъ смерти. Среди его стихотвореній есть одно, очень сильное и мрачное, написанное неизвѣстно по какому случаю и обращенное къ какому-то женскому образу, если подъ этимъ образомъ не разумѣть души самого поэта. Это—очень яркое изображеніе предсмертной агоніи.

Зачѣмъ ночная тишина
Не принесетъ живительнаго сна
Тебѣ, страдалица младая?
Уже давно заснули небеса;
Какъ усыпительна ихъ сонная краса
И дремлющихъ полей недвижимость ночная!
Спустился мирный сонъ, но сонъ не освѣжитъ
Тебя, страдалица младая!
Опять недугъ порывомъ набѣжитъ,
И жизнь твоя, какъ листъ предъ бурей, задрожитъ.
Онъ жилы нѣжныя, какъ струны напрягая,
Идетъ, бѣжитъ, по нимъ ударитъ, и въ отвѣтъ
Ты вся звучишь и страхомъ и страданьемъ.
Онъ жжетъ тебя, мертвитъ своимъ дыханьемъ,
И по листу срываетъ жизни цвѣтъ...
И каждый мигъ усиливая муку,
Онъ въ грудь твою впился, онъ царствуетъ въ тебѣ.
Ты вся изнемогла въ мучительной борьбѣ;
На шею съ трепетомъ ты наложила руку;
Ты вскрикнула, огнь брызнулъ изъ очей,
И на одрѣ безрадостныхъ ночей
Привстала, бѣдная: въ очахъ горитъ мученье,
Страдальческимъ огнемъ блеститъ безумный взоръ,
Блуждаетъ жалобный и молитъ облегченья...
Еще проходитъ мигъ; вновь тянутся мгновенья
И рвется изъ груди чуть слышимый укоръ:
«Нѣтъ жалости у васъ! Постойте! вы такъ больно.
«Такъ часто мучите меня,
«Минуты нѣтъ покойной. Нѣтъ! довольно
«Страдала я въ сей жизни; силъ нѣтъ...»

Но кровью жаркою обрызганный чакалъ
Гостей бездомныхъ прахъ разброситъ по ущельямъ? 92

Приведенныя стихотворенія говорятъ достаточно ясно о томъ, какое безотрадное настроеніе охватывало поэта всякій разъ, когда онъ начиналъ размышлять о своемъ настоящемъ.

Особенно печально былъ онъ настроенъ въ самые послѣдніе годы своей жизни. Его предсмертная тоска всего яснѣе отразилась на его стихотвореніи „Моя Пери“, которое онъ сочинилъ въ Карагачѣ, въ Грузіи, въ 1838 году, т.-е. за годъ до кончины. Это единственное изъ всѣхъ его произведеній, въ которомъ онъ измѣнилъ своей любви къ людямъ и жизни, почувствовалъ полное свое одиночество и съ радостью готовъ былъ промѣнять земную жизнь на любую воздушную отчизну. Въ сборникѣ его стихотвореній, эти мрачныя строки— однѣ изъ самыхъ граціозныхъ.

Взгляни, утѣшь меня усладой мирныхъ думъ,
Степныхъ небесъ заманчивая Пери;
Во мнѣ грусть тихая смѣнила бурный шумъ,
Остался дымъ отъ пламенныхъ повѣрій...
Теперь, топлю ли грусть въ волненіи людей,
Меня смѣшитъ ихъ суетная радость;
Ищу я думою подернутыхъ очей.
Люблю рѣчей задумчивую сладость.
Меня тревожитъ смѣхъ дряхлѣющихъ дѣтей,
Съ усмѣшкою гляжу на нихъ угрюмый;
Но жизнь моя цвѣтетъ улыбкою твоей,
Твой ясный взоръ съ моей сроднился думой.
О, Пери! улети со мною въ небеса
Въ твою отчизну, гдѣ все нѣгой вѣетъ,
Гдѣ тихо и свѣтло, и времени коса
Предъ цвѣтомъ жизни цѣпенѣетъ.
Какъ облако плыветъ въ иной, прекрасный міръ
И таетъ, просіянъ вечернею зарею,
Такъ полечу и я, растаю весь въ эоирѣ
И обовью тебя воздушной пеленою.

XVIII.

Была и еще область чувствъ и ощущеній, куда поэтъ спасался всякій разъ, когда тягота дѣйствительности давала себя слишкомъ чувствовать. Это были его личныя воспоминанія. Они въ немъ были такъ свѣжи, что передъ ними блѣднѣло настоящее.

Такъ много цѣннаго, свѣтлаго и радостнаго было въ этихъ воспоминаніяхъ, что жизнь, которая хоть на мгновеніе могла дать человѣку такую радость и такой свѣтъ, была въ глазахъ поэта навсегда оправдана.

Одоевскому даровано было радостное безоблачное утро, и мы знаемъ какъ оно было согрѣто материнской любовью. Любовь къ покойницѣ, столь рано отлетѣвшей, Одоевскій сочеталъ со своей любовью къ людямъ:

Тебя ужъ нѣтъ, но я тобою
Еще дышу;
Туда, въ лазурь, я за тобою
Спѣшу, спѣшу!
Когда же ласточкой взовьюсь я
Въ тотъ лучшій міръ,
Растаю и съ тобой сольюсь я
Въ одинъ эоиръ—
Чтобъ съ неба пасть росой жемчужной,
Алмазомъ слезъ
На бѣдный міръ, гдѣ крестъ я дружно
Съ тобою несъ.
Но на землѣ блеснувъ слезами,
Взовьюся вновь
Туда, гдѣ вѣчными зарями
Блеститъ любовь.

[«Къ отлетѣвшей» 1828].

Такое же глубокое чувство питалъ онъ и къ своему отцу, котораго, къ счастію для себя, пережилъ, хотя всего лишь нѣсколькими мѣсяцами. Трудно найти болѣе нѣжное стихо-

твореніе, чѣмъ то, съ какимъ онъ обращался къ отцу въ 1836 году. Онъ писалъ ему:

Всю жизнь, остатокъ прежнихъ силъ,
Теперь въ одно я чувство слилъ,
Въ любовь къ тебѣ, отецъ мой нѣжный,
Чье сердце такъ еще тепло,
Хотя печальное чело
Давно покрылось тучей снѣжной.
Проснется-ль тайный сводъ небесъ,
Заговоритъ ли дальній лѣсъ,
Иль золотой зашепчетъ колосъ—
Въ лунѣ, въ туманной выси горъ
Всегда мнѣ видится твой взоръ,
Вездѣ мнѣ слышится твой голосъ.
Когда-жъ объ отчій твой порогъ
Пыль чуждую съ изсохшихъ ногъ
Стряхнетъ твой первенецъ—изгнанникъ!
Войдетъ—растаетъ весь въ любовь,
И небо въ душу приметъ вновь,
И на землѣ не будетъ странникъ?
Нѣтъ, не входить мнѣ въ отчій домъ
И не молиться мнѣ съ отцомъ
Передъ домашнею иконой;
Не утѣшать его сѣдинъ,
Не быть мнѣ отъ заботъ, кручинъ
Его младенцевъ обороной!
[«Посланіе къ отцу» 1836].

Въ раздумьи надъ своей судьбой Одоевскій спрашивалъ однажды Провидѣнье:

Зачѣмъ земли онъ путникъ былъ,
И ангелъ смерти и забвенья,
Крыломъ сметая поколѣнья,
Его коснуться позабылъ?
Зачѣмъ мучительною тайной
Непостижимый жизни путь
Волнуетъ трепетную грудь?
Какъ званый гость, или случайный,
Пришелъ онъ въ этотъ чуждый міръ,
Гдѣ скудно сердца наслажденье
И скорби съ радостью смѣшенье
Томитъ какъ похоронный пиръ?— [Элегія 1830].

На этомъ похоронномъ пиру онъ имѣлъ, однако, друзей, которыхъ любилъ искренно.

Дружба, мы знаемъ, не измѣняла ему ни разу во всю его жизнь. Онъ былъ любимцемъ своихъ товарищей, Веніаминомъ въ ихъ семьѣ; и сколько счастливыхъ минутъ эта дружба принесла ему! Когда одинъ изъ товарищей привезъ ему привѣтъ отъ курганскихъ ссыльныхъ, онъ, чувствуя какую волну до самозабвенія радостныхъ воспоминаній этотъ привѣтъ поднялъ въ его сердцѣ, писалъ имъ:

Такъ путники идутъ на богомолье
Сквозь огненно-песчаный океанъ,
И пальмы тѣнь, студеныхъ водъ приволье
Манятъ ихъ въ даль... лишь сладостный обманъ
Чаруетъ ихъ; но ихъ бодрѣютъ силы,
И далѣе проходитъ караванъ,
Забывъ про зной пылающей могилы.

[«А. М. Янушкевичу» *). 1836].

Кажется, что и любовь, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, была одной изъ тѣхъ красотъ міра, которыми Одоевскій успѣлъ насладиться. Намъ, впрочемъ, ничего неизвѣстно объ его сердечныхъ привязанностяхъ, но въ двухъ стихотвореніяхъ есть несомнѣнный ихъ отблескъ, есть намекъ на счастье, которое могло бы осуществиться, еслибы поэтъ нечаянно не умеръ заживо. Оба стихотворенія написаны въ очень минорномъ тонѣ, но въ этихъ грустныхъ словахъ заключена радость очарованья:

Еще твой образъ свѣтлоокій
Стоитъ и дышитъ предо мной;
Какъ въ душу онъ запалъ глубоко!
Тревожитъ онъ ея покой.

*) Съ А. М. Янушкевичемъ Одоевскій познакомился въ Ишимѣ. Янушкевичъ, польскій патріотъ, человѣкъ очень образованный и много путешествовавшій, былъ сосланъ въ Сибирь за антиправительственную агитацію. Съ Одоевскимъ въ Ишимѣ онъ подѣлился той кипарисной вѣткой, которую сорвалъ въ Италіи на могилѣ Лауры, и Одоевскій отблагодарилъ его въ трогательномъ стихотвореніи «А М Янушкевичу, раздѣлившему со мною вѣтку съ могилы Лауры[93]».

Я помню грустную разлуку:
Ты мнѣ на мой далекій путь,
Какъ старый другъ, пожала руку
И мнѣ сказала: «не забудь»!
Тебя я встрѣтилъ на мгновенье,
На вѣкъ разстался я съ тобой!
И все—какъ сонъ! Ужель видѣнье—
Мечта души моей больной?
Но если только сновидѣнье
Играетъ бѣдною душой,
Кто дастъ мнѣ сонъ безъ пробужденья?
Нѣтъ, лучше смерть и образъ твой!
[«Мой непробудный сонъ» 1827].

Какъ носятся тучи за вѣтромъ осеннимъ,
Я мыслью ношусь за тобою;
А встрѣчусь - забьется въ груди ретивое,
Какъ листъ запоздалый на вѣткѣ.
Хотѣлъ-бы—какъ небо въ глубь синяго моря—
Смотрѣть и смотрѣть тебѣ въ очи!
Привѣтливой рѣчи, какъ пѣсни родимой
Въ изгнаньи хотѣлъ бы послушать:
По свѣта въ пространствѣ падучей звѣздою
Мелькнешь, ненаглядная, мимо—
И снова невидно, и снова тоскую,
Усталой душой сиротѣя. [«Къ **»].

Но ощущеніе сиротства не могло поколебать вѣры поэта въ святость и силу любви: ему стоило только оглянуться, чтобы имѣть передъ глазами примѣръ такой самоотверженной и ни передъ чѣмъ не отступающей привязанности; и Одоевскій преклонился передъ подвигомъ тѣхъ женъ и невѣстъ, которыя послѣдовали въ Сибирь за своими избранными и мужьями. Объ этихъ „ласточкахъ“, которыя прилетѣли въ ихъ тюрьму, этихъ „ангелахъ, низлетѣвшихъ съ лазури, небесныхъ духахъ, видѣніяхъ, одѣвшихъ прозрачныя земныя пелены“, объ этихъ „благихъ вѣстникахъ Провидѣнья“, которыя каждый день садились у ограды ихъ тюрьмы и умиротворяли ихъ печали, поэтъ вспоминалъ съ истиннымъ умиленіемъ („Далекій путь“ 1831 г.[*]) „Въ альбомъ М. Н. Волконской“ 1829 г.).

*) «Съ другомъ любо и въ тюрьмѣ!»

Одоевскій могъ вспомнить также съ благодарностью и о чисто внѣшнемъ блескѣ жизни, который тѣшилъ его во дни его свободы. И изъ этого круга свѣтскаго веселья онъ также не вынесъ ни одного непріятнаго воспоминанія. Обычнаго, очень распространеннаго тогда, глумленія надъ пустотой и безсердечностью этого свѣтскаго круга мы не находимъ въ его стихахъ; мы встрѣчаемъ, наоборотъ, рѣдкую способность смотрѣть съ высоты на внѣшнія прикрасы жизни, смотрѣть на нихъ философски, не гоняясь за ними, и не тоскуя о нихъ, какъ тосковали нерѣдко многіе самые злые ихъ обличители...

Вотъ въ какихъ словахъ прощался поэтъ съ этимъ вихремъ веселья *):

Открылся балъ. Кружась, летѣли
Чета младая за четой;
Одежды роскошью блестѣли,
А лица—свѣжей красотой.
Усталый, изъ толпы я скрылся,
И жаркую склоня главу,
Къ окну въ раздумьи прислонился
И заглядѣлся на Неву.
Она покоилась, дремала,
Въ своихъ гранитныхъ берегахъ,
И въ тихихъ, сребрянныхъ водахъ
Луна, купаясь, трепетала.
Стоялъ я долго; залъ гремѣлъ...
Вдругъ безъ размѣра полетѣлъ
За звукомъ звукъ. Я оглянулся;
Морозъ по тѣлу пробѣжалъ.

Въ душѣ мыслитъ красна дѣвица
«Свѣтъ онъ мнѣ въ могильной тьмѣ...
«Встань, неси меня, метелица,
«Занеси въ его тюрьму!
«Пусть, какъ птичка домовитая,
«Прилечу и я къ нему,
«Притаюсь, людьми забытая».

*) Онъ сложилъ это стихотвореніе когда ночью на пути въ Сибирь онъ проѣзжалъ мимо дома кн. Кочубея, гдѣ въ тотъ вечеръ былъ блестящій балъ см. стр. 34.

Свѣтъ меркнулъ... Весь огромный залъ
Былъ полонъ остововъ... четами
Сплетясь, толпясь, другъ друга мча.
Обнявшись желтыми костями
Кружася, по полу стуча,
Они залъ быстро облетали.
Лицъ прелесть, становъ красота,
Съ костей ихъ всѣ покровы спали;
Одно осталось: ихъ уста,
Какъ прежде, все еще смѣялись.
Но одинаковъ былъ у всѣхъ
Широкихъ устъ безгласный смѣхъ.
Глаза мои въ толпѣ терялись:
Я никого не видѣлъ въ ней:
Всѣ были сходны, всѣ смѣшались:
Плясало сборище костей.

[«Балъ» 1827)].

Въ этой пляскѣ смертей насъ не можетъ не поразить ея философское спокойствіе. Въ отличіе отъ всѣхъ danses macabres въ ней нѣтъ ни сатиры, ни злорадства: ясный, трезвый взглядъ на тлѣнность всего мірского, среди котораго человѣкъ счастливъ, если можетъ сохранить улыбку. Этотъ безгласный смѣхъ пляшущихъ остововъ—не насмѣшка надъ весельемъ міра, а какъ бы оправданіе улыбки среди неизбѣжнаго крушенія.

Когда живешь окруженный могилами, какъ жилъ Одоевскій, остается либо пожелать самому лечь скорѣе въ землю—чего Одоевскій никогда не желалъ, либо стремиться почерпнуть въ этихъ гробахъ новыя силы для подвига жизни—что̀ нашъ поэтъ всегда и дѣлалъ.

Въ одномъ очень интимномъ стихотвореніи („Два Образа“ 1832) поэтъ самъ говоритъ вполнѣ откровенно о томъ, чѣмъ для него въ жизни были могилы.

Въ ранней юности, говоритъ онъ, предстали мнѣ два образа, вѣчно ясные слились они въ созвѣздіе надъ моимъ сумрачнымъ путемъ; я возносился къ нимъ съ благодарной

молитвой, слѣдилъ ихъ мирный свѣтъ и жаждалъ ихъ огня; и каждая черта ихъ свѣтозарной красы западала мнѣ въ душу. Въ отливѣ ихъ сіянія передо мной открылся міръ чудесъ, онъ цвѣлъ ихъ лучами—

И жаждалъ я на все пролить ихъ вдохновенье,
Блестящій ими путь сквозь бури провести...
Я въ море бросился и бурное волненье
Пловца умчало въ даль по шумному пути.
Свѣтились двѣ звѣзды: я видѣлъ ихъ сквозь тучи;
Я ими взоръ поилъ; но всталъ девятый валъ,
На влажную главу подъялъ меня могучій,
Меня недвижнаго понесъ онъ и примчалъ—
И съ пѣной выбросилъ въ могильную пустыню;
Что шагъ—то гробъ, на жизнь—отвѣтной жизни нѣтъ;
Но я еще хранилъ души моей святыню,
Завѣтныхъ образовъ небесный огнь и свѣтъ.

Но, наконецъ, померкло мое небо и обѣ звѣзды упали на камни двухъ могилъ. Онѣ разсыпались и смѣшались съ прахомъ и слить ихъ въ живую полноту я теперь безсиленъ—

И только въ памяти, какъ на плитахъ могилы,
Два имени горятъ: когда я ихъ прочту,
Какъ струны задрожатъ всѣ жизненныя силы,
И вспомню я сквозь сонъ всю міра красоту.

То, что въ этихъ стихахъ сказано о какихъ-то образахъ, земное имя которыхъ отъ насъ скрыто, можно отнести ко всѣмъ впечатлѣніямъ и образамъ, съ которыми Одоевскому пришлось столкнуться въ короткіе дни его счастливой и вольной жизни. Всѣ его воспоминанія были кладбищемъ, и всѣ свѣтлыя и радостныя чувства и ощущенія—могильными плитами, говорившими о прошломъ, но зато о такомъ хорошемъ и красивомъ прошломъ, что поэтъ ни разу не пожалѣлъ о томъ, что остается среди живыхъ и что ему приходится скрашивать свои будни созерцаніемъ раскинувшагося передъ нимъ кладбища.

XIX.

Можно спросить, однако, неужели декабрьскаго дня было недостаточно для того, чтобы отнять у этого человѣка всякую любовь къ жизни и всякую охоту миролюбиво ею восхищаться? Неужели этотъ день, день страшнаго разочарованія, не могъ навсегда оставить въ сердцѣ человѣка осадокъ горечи и злости, достаточный, чтобы вызвать въ немъ не только осужденіе переживаемой минуты, но, вообще, отрицательное отношеніе къ самому процессу жизни, къ ея радостямъ, благамъ и идеаламъ?

А между тѣмъ пессимистическій взглядъ на жизнь, на судьбу человѣка и на его нравственную стоимость былъ чуждъ всѣмъ декабристамъ, даже наиболѣе пострадавшимъ изъ нихъ, конечно, за исключеніемъ тѣхъ, на которыхъ несчастіе такъ сильно подѣйствовало, что ихъ душевное равновѣсіе было навсегда поколеблено. Какъ бы ни было тяжело ихъ несчастіе, они не переносили своей печали съ почвы личныхъ ощущеній на почву историко-философскихъ обобщеній.

Такая устойчивость въ міросозерцаніи вытекала изъ непоколебимой вѣры въ правоту тѣхъ основныхъ гуманныхъ взглядовъ и тѣхъ общественныхъ идеаловъ, которые заставили ихъ стать въ ряды недовольныхъ; и исторія оправдала эту вѣру тѣмъ, что въ шестидесятыхъ годахъ выполнила часть намѣченной ими программы а въ наши дни обѣщаетъ выполнить и остальную. Катастрофа 14-го декабря была въ ихъ глазахъ крушеніемъ боевого плана, но не отрицаніемъ самого мотива борьбы, и этотъ роковой день не отозвался въ ихъ сердцѣ ни колебаніемъ увѣренности въ правотѣ ихъ убѣжденій, ни подрывомъ довѣрія къ нравственнымъ силамъ человѣка вообще.

XX.

Кто былъ рожденъ для вдохновеній
И міръ въ себѣ очаровалъ,
Но съ юныхъ лѣтъ пилъ желчь мученій
И въ гробѣ заживо лежалъ;
Кто ядомъ облитъ былъ холоднымъ
И съ разрушительной тоской
Еще пылалъ огнемъ безплоднымъ
И порывался въ міръ душой,
Но порывался изъ могилы...
Тотъ жилъ! Онъ духомъ былъ борецъ:
Онъ, искусивъ всѣ жизни силы,
Стяжалъ страдальческій вѣнецъ.—[«Элегія» 1830].

—писалъ Одоевскій въ одной изъ своихъ элегій.

Эти слова— его эпитафія: такъ сжато и полно выражена въ нихъ вся сущность его внутренней жизни—а иной онъ не имѣлъ.

Поэтическое вдохновенье, какъ даръ природы... любовь къ міру и къ людямъ.. очарованіе красотой этого міра... пылъ душевнаго огня, презирающій опасность... мимолетная улыбка свободы и счастья... живая могила... разрушительная тоска, и все-таки жизнь, жизнь полная духовной борьбы... и надъ всѣмъ этимъ вѣнецъ страданія...

Александръ Александровичъ

Бестужевъ

„Многіе цѣнятъ слишкомъ высоко мои сказки, никто—меня самого, никто—моей печальной исторіи", писалъ однажды Александръ Бестужевъ въ одномъ частномъ письмѣ.

Дѣйствительно, въ богатомъ собраніи повѣстей этого, нѣкогда столь популярнаго, романиста недостаетъ одной, быть можетъ, самой интересной, это—повѣсти объ его жизни. Разсказъ о ней могъ бы скрасить все собраніе—такъ своеобразенъ былъ психическій міръ этого художника, такъ богата приключеніями была эта жизнь, печальная и бурная жизнь агитатора, поселенца и лихого солдата.

Личность Бестужева—одна изъ самыхъ яркихъ личностей той эпохи. На различныхъ поприщахъ проявляла она свою силу въ тогдашнемъ обществѣ: ее можно было встрѣтить въ свѣтскихъ, литературныхъ и политическихъ кружкахъ и она въ нихъ никогда не оставалась въ тѣни, а стояла на первомъ планѣ; съ ней можно было столкнуться на страницахъ журнала, въ отдѣлѣ критики, гдѣ она задорно и рѣзко полемизировала и выдѣлялась новизной своихъ критическихъ взглядовъ и пріемовъ; наконецъ, она же проглядывала такъ ясно въ цѣломъ рядѣ повѣстей и разсказовъ, всегда занимательная, оригинальная, съ умными мыслями, бурными чувствами, хотя, правда, съ нѣсколько однообразнымъ настроеніемъ. Нельзя было пройти мимо нея, ея не замѣтивъ.

I.

Семья, въ которой Бестужевъ (род. 1797) выросъ, была одной изъ самыхъ образованныхъ семей своего времени. Глава семьи—отецъ троихъ декабристовъ, Александра, Николая и Михаила Бестужевыхъ—Александръ Ѳедосѣевичъ былъ не только человѣкъ очень просвѣщенный, но и писатель съ талантомъ. Имя его въ исторіи русской мысли тѣсно связано съ судьбой одного стараго либеральнаго журнала („С.-Петербургскій Журналъ" 1798), издававшагося въ самое нелиберальное время. А. Ѳ. Бестужевъ былъ его редакторомъ вмѣстѣ съ другимъ извѣстнымъ дѣятелемъ того времени — И. П. Пнинымъ. Журналъ, не чуждый вопросовъ политическихъ и соціальныхъ, былъ, конечно, недолговѣченъ и скоро скончался, но литературная дѣятельность его редактора не измѣнила своего направленія; онъ оставался попрежнему вѣренъ своему просвѣщенному и либеральному образу мыслей, и въ царствованіе Александра I сталъ извѣстенъ какъ педагогъ и публицистъ. Написанныя имъ книги, посвященныя главнымъ образомъ вопросу о воспитаніи военнаго юношества, проповѣдывали педагогику и мораль самую гуманную. Старый либералъ основывалъ свою программу воспитанія на взаимномъ довѣріи, на развитіи естественныхъ склонностей ребенка, на возбужденіи въ немъ симпатіи къ ниже его стоящимъ, на эстетическомъ образованіи души, на полномъ отказѣ отъ наказаній тѣлесныхъ, на чувствѣ солидарности, и, вообще, на всѣхъ благородныхъ человѣческихъ инстинктахъ и взглядахъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что отецъ придерживался всѣхъ этихъ правилъ въ воспитаніи, какое давалъ своимъ собственнымъ дѣтямъ (ихъ было у него пять сыновей и три дочери); по крайней мѣрѣ, все, что намъ извѣстно о дѣтствѣ его сына Александра, подтверждаетъ всѣ параграфы этой педагогической системы.

Съ „прилежнымъ Сашей", любимцемъ своего родителя, мы знакомимся впервые въ отцовской библіотекѣ, когда онъ, съ огромной книгой въ рукахъ, сидитъ, маленькій, въ большихъ вольтеровскихъ креслахъ и забавляетъ своихъ братьевъ разсказами о бытѣ разныхъ инородцевъ, калмыковъ, самоѣдовъ и алеутовъ, почему-то очень его интересовавшихъ. Впрочемъ, чѣмъ только этотъ ребенокъ тогда не интересовался? Въ кабинетѣ отца помѣщался цѣлый музей минераловъ, камней, древностей и всякихъ рѣдкостей... стояли шкафы съ книгами, и висѣли картины знаменитыхъ художниковъ, эстампы граверовъ, модели пушекъ, крѣпостей и архитектурныхъ зданій. Все это возбуждало дѣтское любопытство ребенка; но больше всего оно было возбуждено книжными шкафами, ключи отъ которыхъ отецъ довѣрялъ своему любимцу. Мальчикъ перетаскалъ не мало книгъ изъ этихъ шкафовъ, и его братъ запомнилъ заглавія наиболѣе любимыхъ. Это были—„Видѣніе въ прирейнскомъ замкѣ", „Ринальдо Ринальдини", „Тысяча и одна ночь" и тому подобные страшные и причудливые разсказы.

Чтеніе, возбуждавшее фантазію ребенка, дополнялось бесѣдами, которыя образовывали его умъ. Въ домѣ отца, который тогда служилъ при Академіи Художествъ, собиралось избранное общество ученыхъ и артистовъ, и ребенокъ могъ „всасывать всѣми порами тѣла благотворные элементы окружающихъ его стихій"—какъ выражался, поддѣлываясь подъ стиль своего брата—Михаилъ Бестужевъ въ своихъ запискахъ.

Во всякомъ случаѣ, это было счастливое дѣтство. „Дружескія бесѣды безъ принужденія, гдѣ веселость смѣнялась дѣльными разсужденіями, споры безъ желчи; поучительные разсказы безъ претензіи на ученость, нѣжная любовь родителей, ихъ доступность и ласки безъ баловства и безъ потворства къ проступкамъ; полная свобода дѣйствій съ завѣтомъ не переступать черту запрещеннаго"—таковы были

первыя впечатлѣнія и правила, которыми жизнь отвѣтила на чуткую любознательность и впечатлительность ребенка.

На десятомъ году Александръ Бестужевъ былъ отданъ въ Горный Корпусъ. Спеціальное заведеніе, вѣроятно, по контрасту, повысило въ немъ его пристрастіе къ словесности. Съ перваго дня поступленія въ Корпусъ мальчикъ принялся за дневникъ, гдѣ далъ большую волю своему юмору и сентиментальности, своей саркастической рѣчи и пылкому воображенію. Дневникъ этотъ, кажется сожженный въ 1825 г., былъ украшенъ очень стильнымъ эпиграфомъ: „рука дерзкаго откроетъ; другу я самъ покажу", и тотъ другъ, которому мальчикъ показалъ его, разсказываетъ, что сентиментальныя страницы этихъ дѣтскихъ признаній были всѣ испещрены художественно исполненными каррикатурами: недаромъ нашему кадету и его старшему брату Николаю лучшіе профессора живописи давали уроки рисованія.

Прирожденные Бестужеву сарказмъ и насмѣшка и рѣчь „съ пѣной и брызчикомъ шампанскаго" -какъ выражался его братъ Михаилъ—проявились, какъ видимъ, очень рано.

Рано стала сказываться въ Бестужевѣ и та черта характера, которая потомъ развилась въ немъ съ особенной силой, и, дѣйствительно, какъ брызги шампанскаго, придавала особую игру его стилю, именно—экзальтація чувства. Еще кадетомъ пародировалъ онъ не то Карла Моора, не то Ринальдо, изображалъ начальника шайки разбойниковъ, и готовъ былъ даже рисковать жизнью своей и своихъ товарищей въ разныхъ довольно опасныхъ экспедиціяхъ на водѣ и сушѣ. Все это были, конечно, шалости, но въ нихъ-то темпераментъ человѣка прежде всего и обнаруживается.

Мальчикъ вносилъ эту экзальтацію и въ свои школьныя занятія. „Желаніе первенствовать, отличаться во всемъ и надъ всѣми было уже въ тѣ лѣта преобладающимъ элементомъ его характера—разсказываетъ его братъ Михаилъ—и потому онъ очень болѣзненно воспринималъ всякій учебный неуспѣхъ въ классѣ. Онъ бралъ штурмомъ хорошую отмѣтку,

но это онъ дѣлалъ, кажется, больше для насыщенія своего самолюбія, чѣмъ утоленія своей жажды знанія. Спеціалистомъ горнаго дѣла онъ никогда бы не сталъ, тѣмъ болѣе, что ненавидѣлъ математику и попрежнему продолжалъ любить литературу".

Бестужева очень занимала тогда разработка одного литературнаго сюжета, которому онъ подобралъ романтическое заглавіе: „Очарованный лѣсъ". „Въ этомъ „лѣсу" авторъ уже являлся передъ публикой не замарашкой, какъ въ дневникѣ—говоритъ его братъ—а въ костюмѣ мальчика, выѣхавшаго впервые на гулянье". „Очарованный лѣсъ" была довольно большая пьеса, въ пять актовъ, составленная для кукольнаго театра, который кадеты устроили общими силами. Все, что Бестужевъ только могъ замѣтить особеннаго въ „Днѣпровской русалкѣ", „Князѣ невидимкѣ", „Волшебной флейтѣ" или „Тысячѣ и одной ночи", все было пересоздано и помѣщено въ этой пьесѣ. Тутъ были храбрый князь и очарованная княжна, волшебницы, русалки и черти. Языкъ дѣйствующихъ лицъ былъ очень хорошо приноровленъ къ характерамъ, хоры охотниковъ и русалокъ были написаны стихами, а рѣчи подземныхъ обитателей мѣрною прозой".

Этотъ „лѣсъ", кажется, также погорѣлъ въ роковомъ 1825 году.

Простая случайность прервала совсѣмъ неожиданно теченіе школьной жизни Бестужева въ Корпусѣ. Его старшій братъ Николай былъ назначенъ въ крейсерство съ гардемаринами и взялъ къ себѣ на фрегатъ нашего кадета. Два мѣсяца проплавалъ онъ на этомъ фрегатѣ и заявилъ, что въ нѣдра земли спускаться больше не желаетъ, что предпочитаетъ своимъ шахтамъ свободу и раздолье на морѣ. Онъ чрезвычайно быстро приноровился къ новой обстановкѣ моряка, съ которой вообще такъ трудно новички сживаются. Его братъ дивился быстрому перелому въ его вкусахъ и интересахъ, сначала обуздывалъ его пылъ и не позволялъ ему жить жизнью настоящаго матроса, но потомъ

уступилъ, и нашъ кадетъ бросился въ матросскій омутъ, очертя голову. У офицера замирало сердце когда онъ видѣлъ, какъ его братъ изъ молодчества бѣжалъ, не держась, по рѣ, или спускался внизъ головою по одной веревкѣ съ самаго верха мачты, или, катаясь на шлюпкѣ въ крѣпкій вѣтеръ, несъ такіе паруса, что бортомъ черпалъ воду. Мальчикъ живьемъ проглотилъ матросское мастерство, матросскую терминологію вооруженія и командныя слова.

Результатомъ этой морской прогулки были опять-таки прежде всего литературные планы. Бестужевъ рѣшилъ написать романъ или драму изъ жизни моряковъ, въ герои которой выбралъ своего родителя. Онъ въ данномъ случаѣ не навязывалъ своему отцу никакой романтической роли. Александръ Ѳедосѣевичъ, дѣйствительно, въ молодости своей служилъ во флотѣ и участвовалъ въ битвѣ близъ острова Сескара, гдѣ съ корабля „Всеволодъ“ палилъ изъ пушекъ и былъ тяжело раненъ обломкомъ доски, оторванной отъ борта шведскимъ ядромъ. Его сочли убитымъ и ему предстояло быть выброшеннымъ за бортъ; но нижніе чины команды, которые его очень любили, упросили начальство сберечь его тѣло для христіанскихъ похоронъ на берегу. По окончаніи сраженія при обмываніи тѣла обнаружилось, что онъ живъ[1]: ему отворотило только нижнюю челюсть.

Вотъ эту быль и хотѣлъ пересказать Бестужевъ, всецѣло охваченный впечатлѣніями своей морской прогулки. Ради этого романа забросилъ онъ и свой театръ, вмѣсто котораго явилась теперь модель фрегата—новый предметъ его увлеченія. Съ рѣдкимъ умѣніемъ и терпѣньемъ приготовлялъ и приспособлялъ онъ разныя микроскопическія принадлежности къ вооруженію этой модели. Поперемѣнно онъ переходилъ къ разнообразнымъ техническимъ занятіямъ; онъ то кроилъ и шилъ паруса, то скручивалъ оснастку, то работалъ ножемъ, долотомъ или стругомъ, то отливалъ оловянныя пушки, то раззолачивалъ кормовую рѣзьбу или рѣзалъ носовую фигуру, то красилъ рангоутъ и корпусъ фрегата.

Даже игры его приняли теперь совсѣмъ морской отгѣнокъ. Къ самымъ высокимъ деревьямъ прикрѣплялись веревочныя лѣстницы, Бестужевъ съ братьями взбѣгалъ и подымался на веревкахъ на самыя вершины; устраивали они на нихъ площадки, переговаривались съ дерева на дерево сигнальными флагами и когда сильный вѣтеръ нагонялъ грозу, они спѣшили на свои мачты, и тамъ, при сильныхъ размахахъ и скрипѣ тонкой вершины дерева, воображали себя въ бурю на кораблѣ. Внѣшняя красота и тревога морской жизни были, такимъ образомъ, не только извѣданы, но даже искуственно воспроизведены, и мальчикъ подъ властью этихъ внѣшнихъ впечатлѣній думалъ, что истинное его призваніе—военная морская служба.

Онъ рѣшилъ покинуть Горный Корпусъ; отца уже не было въ живыхъ, а убѣдить мать было не трудно. Снявъ горную амуницію, Бестужевъ принялся съ обычнымъ ему рвеніемъ за приготовленіе къ экзамену въ гардемарины. „Но по мѣрѣ того какъ его корабль, оставляя берегъ, приближался къ этимъ завѣтнымъ мірамъ, онъ съ грустью замѣчалъ, что доступъ къ нимъ постоянно замкнутъ рифами дифференціальныхъ и интегральныхъ формулъ, о которыя разбивалось его теченіе: онъ слабѣлъ духомъ, его воздушные замки распадались по частямъ и, наконецъ, пришлось отказаться отъ надежды стать морякомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова“...

Юноша переживалъ, вѣроятно, трудныя минуты, пока не остановился на мысли утилизировать свои накопленныя знанія для новаго дѣла: онъ рѣшилъ, по примѣру отца, стать артиллеристомъ... и опять игры стали перемѣшиваться съ работой. Часы отдыха были посвящены постройкѣ миніатюрныхъ укрѣпленій, которыя онъ съ братомъ разбивалъ стрѣльбою изъ маленькихъ пушекъ и мортиръ, взрыву минъ и занятіямъ по лабораторной части; результатомъ ихъ получились очень милые фейерверки со щитами и фонтанами.

Неизвѣстно, чѣмъ бы окончилась эта вторая военная

игра, если бы генералъ Чичеринъ, другъ семьи Бестужева, не убѣдилъ неусидчиваго молодого человѣка взглянуть на задачу жизни попроще: не требовать отъ дѣла занимательности въ ущербъ его практическому смыслу. Генералъ разсуждалъ правильно, что надо отбыть неизбѣжное и позаботиться прежде всего объ оберъ-офицерскихъ эполетахъ. Онъ предложилъ Бестужеву вступить юнкеромъ въ лейбъ-драгунскій полкъ, которымъ онъ командовалъ, чтобы черезъ полгода, протянувъ солдатскую лямку, онъ могъ стать офицеромъ. Бестужевъ такъ и сдѣлалъ, и въ 1816 году надѣлъ юнкерскій мундиръ, который, однако, „до боли теръ его раздражительное самолюбіе". Но дни бѣжали и скоро закончился срокъ испытанія. Бестужевъ отбылъ его съ благородной гордостью и необыкновеннымъ терпѣніемъ, и въ 1817 г., наконецъ, былъ произведенъ въ офицеры. Лейбъ-драгунскій полкъ стоялъ тогда въ Петергофѣ, Бестужевъ жилъ въ Марли и здѣсь родился „Марлинскій[2]".

II.

Молодой и блестящій офицеръ не терялъ своего времени даромъ. Оно было раздѣлено между обязанностями службы и занятіями литературными, которыя въ очень короткій срокъ выдвинули Александра Александровича въ первые ряды тогдашнихъ литераторовъ. Успѣхи служебные и успѣхи свѣтскіе, завидная роль блестящаго кавалера, производящаго раважъ въ женскихъ сердцахъ, веселая жизнь съ дуэлями изъза каррикатурныхъ рисунковъ, изъ-за остраго словца или, наконецъ, даже изъ-за танцевъ[3], конечно, тѣшили Бестужева, лаская его самолюбіе, тщеславіе и гордость. Но въ вихрѣ разныхъ увлеченій онъ не терялъ интереса къ серьезной сторонѣ жизни, оставаясь типичнымъ представителемъ либеральной военной молодежи, которая въ тѣ годы такъ умѣла сочетать военную выправку съ дисциплиной ума и сердца.

Бестужеву эта дисциплина давалась легко, такъ какъ отъ природы онъ былъ одаренъ сильнымъ умомъ, живой фантазіей и сердцемъ очень добрымъ и мягкимъ, несмотря на внѣшнее бравурство своего поведенія.

Интересъ Бестужева къ умственному теченію тѣхъ годовъ, равно какъ и его участіе въ политическомъ движеніи декабристовъ придаютъ особое значеніе этому періоду его вольной и безпечной офицерской жизни. Сама по себѣ она мало интересна, да и свѣдѣній о ней сохранилось немного. Въ 1820 году онъ былъ произведенъ въ поручики, участвовалъ въ разныхъ маневрахъ и учебныхъ экспедиціяхъ, кочевалъ съ полкомъ по Псковской и Минской губерніи, гдѣ время проводилъ очень весело, на постояхъ у польскихъ пановъ, волочась за красавицами, почитывая съ ними польскія книги и играя на фортепіано. „Vogue la galère“ было тогда его любимымъ изреченіемъ: „пьянствую—писалъ онъ—и отрезвляюсь шампанскимъ. Цимбалы гремятъ, дѣвки бранятся, чудо!..“[4]. Этотъ разсѣянный образъ жизни не мѣшалъ ему, однако, собирать легенды и повѣрія, изучая старину тѣхъ городовъ, гдѣ приходилось веселиться; не мѣшалъ ему также пописывать коротенькіе разсказы и даже сочинить цѣлую остроумную книгу, на манеръ довольно распространенныхъ тогда „путешествій“[5].

Въ 1822 году онъ былъ назначенъ адъютантомъ при главноуправляющемъ путями сообщенія, инженерѣ Бетанкурѣ, затѣмъ въ чинѣ штабсъ-капитана гвардіи состоялъ съ 1823 года въ той же должности при герцогѣ Александрѣ Виртембергскомъ—братѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны—который заступилъ мѣсто Бетанкура. Положеніе, какъ видимъ, было блестящее, обѣщавшее многое въ будущемъ и полное блеска и веселья въ настоящемъ. Бестужеву улыбалась даже надежда стать зятемъ своего начальника Бетанкура и счастливымъ супругомъ очень красивой дѣвицы, но генералъ инженеръ посмотрѣлъ на это сватовство косо, и оно разстроилось. Этотъ неудачный романъ былъ, кажется, единственной

налетѣвшей тучей, бросившей нѣкоторую тѣнь на эту беззаботную жизнь, которая неслась среди смотровъ, ученій, дежурствъ, баловъ, салонныхъ разговоровъ, театральныхъ зрѣлищъ, обѣдовъ, уединенныхъ занятій, а также и шумныхъ бесѣдъ о вопросахъ и дѣлахъ, которые сами же спорящіе называли „тайными“.

Александръ Александровичъ пріобрѣлъ довольно быстро громкую извѣстность въ тогдашнихъ литературныхъ кружкахъ *). Съ нимъ считались и какъ съ авторомъ повѣстей, которыя онъ и тогда уже печаталъ, и какъ съ критикомъ, членомъ литературныхъ обществъ, спорщикомъ на литературныхъ бесѣдахъ, театральнымъ рецензентомъ въ серьезномъ смыслѣ этого слова и, наконецъ, какъ съ издателемъ самаго популярнаго въ то время альманаха „Полярная Звѣзда“.

Само собою разумѣется, что Александръ Александровичъ былъ знакомъ со всѣми кружками литературной молодежи, и, кажется, преимущественно молодежи, такъ какъ, не въ примѣръ большинству своихъ сверстниковъ, онъ не искалъ сближенія съ литераторами старшаго поколѣнія, даже съ такими, какъ, напр., Карамзинъ и Жуковскій. Правда, онъ не иначе говорилъ объ ихъ литературной дѣятельности, какъ съ глубокимъ признаніемъ ихъ заслугъ, но отъ нихъ самихъ онъ сторонился, и они его не любили.

Такъ, въ перепискѣ Бестужева о Жуковскомъ нѣтъ упоминаній, а въ перепискѣ Жуковскаго съ А. И. Тургеневымъ о Бестужевѣ говорится слѣдующее: „Какая сволочь! (т.-е. участники заговора) чего хотѣла эта шайка разбойниковъ?— Вотъ имена этого сброда. Главные и умнѣйшіе Якубовичъ и Оболенскій; все прочее *мелкая дрянь*: *Бестужевы*, Одоевскій, Пановъ и т. д.[7]. Что же касается Карамзина, то Бестужевъ самъ избѣгалъ съ нимъ встрѣчи. „Я зналъ Карамзина хорошо, но несмотря на заботы его поклонниковъ, рѣшительно

*) Въ Москвѣ въ его честь литераторы давали даже праздники[6].

отказался отъ знакомства съ нимъ. Двуличность въ писателѣ его достоинства казалась мнѣ отвратительной[8]". „Никогда не любилъ я бабушку Карамзина, человѣка безъ всякой философіи, который писалъ свою исторію страницу за страницей, не думая о будущей и не справляясь съ предыдущею. Онъ былъ пустозвонъ краснорѣчивый, трудолюбивый, мелочный, скрывавшій подъ шумихою сентенцій чужихъ свою собственную ничтожность"—писалъ Бестужевъ въ интимномъ письмѣ своей матери[9]. Былъ ли онъ правъ или нѣтъ, но только такое смѣлое и критическое отношеніе къ кумиру, за которымъ всѣ ухаживали—очень характерно[10].

Изъ молодыхъ писателей Александръ Александровичъ дружилъ съ Грибоѣдовымъ. Существуетъ разсказъ самого Бестужева объ ихъ знакомствѣ[11]. Бестужевъ разсказываетъ, что онъ былъ предубѣжденъ противъ Грибоѣдова, считая его виновникомъ одной печальной дуэли, и не хотѣлъ съ нимъ знакомиться. Но въ августѣ 1824 года они случайно встрѣтились у одного знакомаго. Привѣтливая и умная внѣшность Александра Сергѣевича поразила Бестужева. Онъ завязалъ съ нимъ литературный споръ, который заставилъ его тотчасъ же оцѣнить всю широту кругозора его собесѣдника. Затѣмъ въ концѣ 1824 г. Бестужеву случилось ознакомиться съ отрывками изъ „Горе отъ ума"; онъ былъ побѣжденъ и обвороженъ; онъ проглотилъ эти отрывки, трижды перечиталъ ихъ и рѣшилъ, что тотъ, кто написалъ эти строки, не можетъ не быть благороднымъ человѣкомъ. Онъ отправился самъ къ Грибоѣдову и послѣ часа разговора союзъ дружбы былъ заключенъ. Бестужевъ сохранилъ память объ этой дружбѣ на всю жизнь. „Въ ихъ домѣ, въ Москвѣ, я былъ какъ родной"—писалъ онъ братьямъ изъ Якутска, когда узналъ о смерти своего друга „Молнія не свергается на мураву—говорилъ онъ по поводу этой смерти—но на высоту башенъ и на главы горъ. Высь души, кажется, манитъ къ себѣ ударъ жребія". И горько плакалъ онъ много лѣтъ спустя, когда въ Тифлисѣ служилъ на могилѣ Грибоѣдова панихиду подъ свѣ-

жимъ впечатлѣніемъ извѣстія о смерти Пушкина. Но еще и раньше, въ 1829 г., тотчасъ послѣ пріѣзда на Кавказъ, посѣтилъ онъ эту могилу и, стоя надъ ней, рыдалъ какъ ребенокъ. „Что этотъ человѣкъ хотѣлъ сдѣлать для меня!—писалъ онъ Булгарину... онъ умеръ и все пошло прахомъ[12]. Бестужевъ намекалъ въ данномъ случаѣ на собственноручную записку Грибоѣдова, которую онъ видѣлъ, и въ которой Грибоѣдовъ бралъ съ Паскевича слово благодѣтельствовать Бестужеву и даже выпросить его у Государя изъ Сибири[13]... „Я стоилъ его дружбы и горжусь этимъ", повторялъ часто Александръ Александровичъ, и если всѣ эти свѣдѣнія вѣрны, то можно предположить, что и Грибоѣдовъ считалъ Бестужева въ числѣ своихъ друзей,—хотя изъ біографіи Грибоѣдова и изъ его переписки мы ничего не узнаемъ объ ихъ отношеніяхъ *).

Съ Пушкинымъ у Бестужева отношенія были не изъ близкихъ, хотя они и говорили другъ другу „ты" и обмѣнивались нерѣдко письмами—правда, чисто-литературнаго содержанія. Знакомство ихъ состоялось, вѣроятно, еще до 1820 г.[15]; но Пушкинъ вскорѣ былъ высланъ, а когда онъ вернулся, былъ сосланъ Бестужевъ. Условія для дружбы были неблагопріятны. Таковой и не было, а было лишь взаимное уваженіе, которое не исключало довольно придирчивой, а

*) Г-жа Саковнина разсказываетъ, что Грибоѣдовъ, зная помыслы декабристовъ, не совѣтовалъ одному изъ своихъ друзей знакомиться съ Бестужевымъ[14].

Самъ Бестужевъ въ своихъ показаніяхъ говорилъ такъ о Грибоѣдовѣ: «съ Грибоѣдовымъ, какъ съ человѣкомъ свободомыслящимъ, я нерѣдко мечталъ о желаніи преобразованія Россіи. Говорилъ даже, что есть люди, которые стремятся къ этому, но прямо объ обществѣ и его средствахъ никакъ не припомню, чтобы упоминалъ. Да и онъ, какъ поэтъ, желалъ этого для свободы книгопечатанія и русскаго платья (?). Въ члены же его не принималъ я, во-первыхъ потому, что онъ меня и старѣе, и умнѣе, а во-вторыхъ потому, что жалѣлъ подвергнуть опасности такой талантъ, въ чемъ и Рылѣевъ былъ согласенъ. Притомъ же прошедшаго 1825 г. зимою, въ которое время я былъ знакомъ съ нимъ, ничего положительнаго и у меня не было».

иногда и несправедливой пикировки въ вопросахъ литературныхъ.

Довольно близкія и дружественныя связи были у Александра Александровича съ Булгаринымъ и Гречемъ. Это не должно удивлять насъ, если мы вспомнимъ, что и тотъ, и другой, плывя тогда по вѣтру, либеральничали и кромѣ того занимали очень выгодное положеніе въ литературномъ мірѣ, какъ издатели и редакторы при собственномъ журналѣ. Они нуждались въ молодыхъ силахъ и могли имъ давать ходъ. Въ ихъ кабинетѣ, дѣйствительно, собиралась тогда пишущая молодежь и литературное образованіе, напр., Греча могло въ извѣстной степени даже импонировать. Надо помнить также, что до 1825 года нравственная и литературная физіономія Булгарина и Греча не опредѣлилась настолько, чтобы заставить сотрудниковъ ихъ журналовъ усомниться въ ихъ искренности, ихъ литературной и гражданской чистоплотности. Михаилъ Александровичъ Бестужевъ говоритъ объ отношеніяхъ своихъ и своего брата къ Булгарину и Гречу очень опредѣленно, но едва ли вѣрно и справедливо. „Знакомство съ Гречемъ—пишетъ онъ—началось у брата Александра въ 1817 году на кораблѣ „Не тронь меня“ и поддерживалось впродолженіе всего времени церемонно холодно, потому что съ Гречемъ, какъ величайшимъ эгоистомъ, сближеніе дружеское было невозможно. Мы всѣ братья посѣщали его домъ какъ фокусъ нашихъ литературныхъ талантовъ, любили умную болтовню хозяина, временемъ горячую полемику гостей, и при прощаніи, переступивъ порогъ, не оставляли за нимъ ничего завѣтнаго. О Булгаринѣ и говорить нечего: это былъ въ глазахъ нашихъ балаганный фигляръ, приманивающій людъ въ свою комедь кривляніями и площадными прибаутками. Братъ Александръ его посѣщалъ довольно часто, но ужъ вовсе не ради его милыхъ глазокъ[16]“. Память въ данномъ случаѣ измѣнила Михаилу Бестужеву или онъ заднимъ числомъ далъ оцѣнку своего отношенія къ старымъ знакомымъ. Александръ Александровичъ говорилъ о нихъ

иначе и писалъ въ одномъ письмѣ: „Гречу я много обязанъ нравственно, ибо въ его домѣ развился мой умъ отъ столкновенія съ другими. Гречъ первый оцѣнилъ меня и далъ ходъ. Гречъ первый послѣ моего потопа предложилъ мнѣ сотрудничество—это было благороднымъ геройствомъ по времени[17]. Въ другомъ письмѣ онъ говорилъ: „Гречъ, такъ сказать, выносилъ меня подъ мышкой изъ яйца: первый ободрилъ меня и первый оцѣнилъ. Ему обязанъ я грамматическимъ знаніемъ языка, и если рѣже прежняго ошибаюсь въ ятяхъ—тому виной опять онъ же. Нравственнымъ образомъ одолженъ я имъ неоплатно, за прежнюю пріязнь и добрые совѣты[18]“.

Что касается Булгарина, то еще въ самомъ началѣ 20-хъ годовъ Бестужевъ писалъ ему дружескія письма, говорилъ ему о томъ, какъ его любитъ, отдавалъ отчетъ въ своихъ занятіяхъ древностями, извѣщалъ, какъ успѣшно идетъ его изученіе польскаго языка, какъ онъ читаетъ Нарушевича, Нѣмцевича, Красицкаго, писалъ ему, что онъ учится по-польски, для него, Булгарина, какъ Булгаринъ учился итальянскому для Альфьери, называлъ его „милый“, и приписывалъ въ концѣ писемъ всякія нѣжности по-польски[19]. „У Булгарина я обыкновенно проводилъ время“—говорилъ Бестужевъ своимъ судьямъ[20].

Пять лѣтъ спустя послѣ катастрофы, Бестужеву пришлось обратиться къ старому другу съ дѣловымъ письмомъ изъ Дербента по поводу помѣщенія въ его журналѣ одной своей повѣсти. Онъ писалъ ему уже на „вы“, думалъ, что онъ забытъ Булгаринымъ, скромно напоминалъ ему о себѣ, присыпалъ даже лести въ свое письмо, назвавъ „Выжигина“ и „Дмитрія Самозванца“ памятниками всесвѣтной литературы... и получилъ отъ Булгарина въ отвѣтъ письмо самое теплое и дружеское. Бестужевъ былъ въ восторгѣ, что старый знакомый его вспомнилъ въ несчастіи: „Я было отпѣлъ тебя изъ немногаго числа своихъ пріятелей—писалъ онъ ему—но старина ожила, и спасибо тебѣ“. „Я не разлюбилъ

тебя“ — говорилъ онъ ему же въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ писемъ, и это была правда, хотя Бестужевъ и не былъ ослѣпленъ насчетъ нѣкоторыхъ сторонъ характера своего добраго знакомаго. „Съ Гречемъ и Булгаринымъ я былъ пріятелемъ, разсказывалъ онъ К. Полевому, но если бы вы знали, какъ я рѣзалъ ихъ (продажность)![21] Это былъ вѣчный припѣвъ моихъ шутокъ, особенно надъ Булгаринымъ—и онъ точно былъ съ этой стороны смѣшонъ (!) до комическаго!“ „Я не сомнѣваюсь, что Булгаринъ любитъ меня—говорилъ Бестужевъ въ другомъ письмѣ тому же Полевому—ибо я ничего не сдѣлалъ такого противъ него, за что бы онъ имѣлъ право меня разлюбить; но что онъ любитъ болѣе всего деньги, въ этомъ трудно усомниться. Впрочемъ, я не потерялъ къ нему пріязни; въ основѣ онъ добрый малый; но худые примѣры и совѣты увлекли его характеръ-самокатъ“. Отзывъ не изъ лестныхъ, какъ видимъ, но все таки дружественный, толкующій въ лучшемъ смыслѣ тѣ факты, надъ которыми Бестужевъ не могъ не задуматься. На разстояніи, конечно, эта дружеская связь должна была терять въ теплотѣ и искренности.

Этого нельзя сказать объ отношеніяхъ Бестужева къ братьямъ Полевымъ: ихъ дружба на разстояніи выиграла, или, вѣрнѣе сказать, она выросла изъ письменнаго обмѣна мнѣній.

Бестужевъ жилъ лѣтомъ 1825 года довольно долго въ Москвѣ, бывалъ у Полевыхъ, но былъ съ ними холоденъ[22]. Въ оцѣнкѣ литературной дѣятельности редактора „Телеграфа“ и въ сужденіяхъ о самомъ журналѣ (который Бестужевъ впослѣдствіи ставилъ очень высоко) онъ держался тогда насмѣшливо-критическаго тона—сводя съ Полевыми какіе-то литературно-личные счеты. Затѣмъ, уже въ 1831 году, завязалась у нихъ переписка. Она длилась до самой смерти Бестужева, и сердечное отношеніе корреспондентовъ возрастало съ каждымъ письмомъ. Бестужевъ довѣрялъ этимъ

письмамъ свои самыя затаенныя мысли и ни съ кѣмъ не бесѣдовалъ такъ нараспашку, какъ съ Полевыми.

Таковъ былъ кругъ людей, съ которыми у Александра Александровича были болѣе или менѣе близкія связи. Какъ видимъ, всѣ эти отношенія не совсѣмъ подходятъ подъ понятіе настоящей сердечной дружбы. Такое душевное, съ обѣихъ сторонъ раздѣляемое, чувство соединяло Бестужева развѣ только съ его братьями, Николаемъ и Михаиломъ, да съ Кондратіемъ Ѳеодоровичемъ Рылѣевымъ.

Съ Рылѣевымъ дѣлилъ Бестужевъ свои думы, свои литературные успѣхи и опасности политической пропаганды. Имена этихъ двухъ „образцовъ чести", какъ называлъ ихъ Булгаринъ въ одномъ письмѣ къ Пушкину[23], неразлучны и въ исторіи нашей литературы, и въ исторіи нашего политическаго движенія 20-хъ годовъ.

„До послѣдней искры памяти не забуду я дружбы Рылѣева"—писалъ Бестужевъ уже изъ Якутска, довѣряя эти опасныя слова бумагѣ. И дѣйствительно, съ именемъ Рылѣева было для Александра Александровича связано воспоминаніе о всѣхъ счастливыхъ годахъ его жизни, о той порѣ, когда, выражаясь его словами, „юность растетъ и живетъ не на счетъ земли, а на счетъ воздуха, подобно цвѣтку въ первую пору его бѣга".

III.

Въ сочиненіяхъ и перепискѣ Бестужева до декабрьскихъ событій нѣтъ никакихъ намековъ даже на самый общій либерализмъ, не говоря уже о политическомъ. Никакихъ проектовъ государственнаго устройства онъ не составлялъ и по вопросамъ этого устройства письменно не высказывался. Вигель въ своихъ запискахъ отмѣчаетъ, что насчетъ своихъ мнѣній Бестужевъ былъ всегда очень скроменъ[24]. Если принять во вниманіе, что самъ Вигель въ своихъ сужденіяхъ о

русскихъ либералахъ скроменъ не былъ, то ему въ данномъ случаѣ приходится повѣрить.

Такъ же скроменъ былъ Бестужевъ во всемъ, что писалъ послѣ катастрофы. Нельзя, конечно, ожидать, чтобы человѣкъ въ его положеніи, при строгости тогдашней цензуры, могъ рѣшиться проводить въ своихъ повѣстяхъ какія-нибудь „идеи“ болѣе или менѣе опасныя; Бестужевъ принужденъ былъ говорить лишь о самомъ невинномъ. Нельзя ожидать также, чтобы Бестужевъ былъ откровенъ въ своей перепискѣ, которая подлежала строжайшему контролю. Вполнѣ понятно, что въ его письмахъ не могло быть рѣчи о политикѣ, и мы поймемъ его когда онъ своимъ корреспондентамъ рекомендуетъ крайнюю осторожность, прося ихъ ограничиться въ перепискѣ съ нимъ одной лишь словесностью, не „оскорбляя общественной нравственности“—какъ онъ выражался. Отсутствіе политическихъ и общественныхъ темъ въ его повѣстяхъ и письмахъ не говоритъ, такимъ образомъ, ни за, ни противъ его интереса къ этимъ вопросамъ.

Но въ письмахъ существуютъ иныя указанія, гораздо болѣе ясныя, которыя прямо свидѣтельствуютъ о томъ, что Бестужевъ отгонялъ отъ себя мысль о всѣхъ тѣхъ вопросахъ, за кратковременное увлеченіе которыми заплатилъ такъ дорого. Онъ при случаѣ всегда говоритъ о своемъ прошломъ съ нескрываемымъ сожалѣніемъ и почти-что раскаяніемъ, и часто подчеркиваетъ свой вѣрноподданническій патріотизмъ и все это очень искренно. Уже въ 1832 году онъ пишетъ, что давно излѣчился отъ химеръ „преобразовать міръ съ вѣникомъ въ рукахъ“, что его искреннее желаніе теперь предаться словесности, жить мирно, уединенно, знаться болѣе съ книгами, чѣмъ съ книжниками, и заглядывать въ свѣтъ для того только, чтобы переводить его на бумагу. „Я не убитъ судьбою—говорилъ онъ—ибо, увидѣвъ неправду своихъ политическихъ начинаній, отступился отъ нихъ и съ тѣхъ поръ совѣсть моя чиста противъ Бога и царя“ [25]. Иной разъ онъ находилъ для своего прошлаго и

болѣе мягкое, хотя не менѣе печальное слово. 14-го декабря 1832 года онъ писалъ: „Сегодня день моей смерти. Въ молчаніи и сокрушеніи правлю я тризну за упокой своей души, и когда найду я этотъ упокой? Воспоминанія лежатъ въ моемъ сердцѣ какъ трупы — но какъ трупы-*мощи*".

Все это указываетъ на то, что въ лицѣ Бестужева мы вовсе не имѣемъ человѣка, для котораго политическая мысль была бы необходимой умственной потребностью и политическая дѣятельность — потребностью темперамента[26].

Тѣмъ не менѣе въ 1823 году В. Туманскій называлъ Бестужева „столбомъ русскаго коренного либерализма"[27].

Это должно понимать въ томъ смыслѣ, что Александръ Александровичъ хоть и не былъ политикомъ по призванію, но любилъ словесно политиканить и притомъ очень громко.

Книги политическаго и публицистическаго характера интересовали его съ молодыхъ лѣтъ и входили въ программу его широкихъ умственныхъ интересовъ *). О знакомствѣ своемъ съ литературой свободомыслящей онъ самъ такъ говорилъ въ своихъ показаніяхъ[28]: „По званію своему я слѣдилъ военныя науки, для забавы занимался литературою, но по наклонности вѣка наиболѣе прилежалъ къ исторіи и политикѣ **). Впрочемъ смѣло сказать могу, что я не оставилъ ни одной вѣтви наукъ безъ теоретическаго или практическаго изученія и ни одно новое мнѣніе въ наукахъ умозрительныхъ, ни одно открытіе въ химіи или механикѣ отъ меня не уходило. Случай, равно какъ и желаніе дали мнѣ свѣдѣнія о статистическомъ состояніи Россіи съ разныхъ сторонъ. Послѣ школы принялся за науки и занимался одинъ,

---

*) Въ формулярномъ спискѣ его образованіе аттестовано такъ:

По россійски, французски, латынски и нѣмецки читать и писать умѣетъ, Высшей математикѣ, физикѣ, исторіи, зоологіи, ботаникѣ минералогіи, политической экономіи, статистикѣ, правамъ, миѳологіи, архитектурѣ, рисованію, фиктованію (обучался) и танцовать знаетъ.

**) Онъ усердно читалъ Адама Смита; увлекался чтеніемъ Нибура и интересовался трудами Гумбольта, Паррота и Араго.

считая свой разсудокъ лучшимъ руководителемъ. Свободный образъ мыслей заимствовалъ изъ книгъ наиболѣе, и восходя постепенно отъ мнѣнія къ другому, пристрастился къ чтенію публицистовъ, французскихъ и англійскихъ до того, что рѣчи въ палатѣ депутатовъ и haus of commons занимали меня какъ француза или англичанина. Изъ новыхъ историковъ болѣе всѣхъ дѣлалъ на меня вліяніе Геренъ, изъ публицистовъ Бентамъ, что же касается до рукописныхъ русскихъ сочиненій, они слишкомъ маловажны и ничтожны для произведенія какого-либо впечатлѣнія. Мнѣ же не случилось читать изъ нихъ ничего, кромѣ о необходимости законовъ (покойнаго фонъ-Визина), двухъ писемъ Михаила Орлова къ Бутурлину и нѣкоторыхъ блестокъ А. Пушкина стихами.

Въ укорененіи сего образа мыслей никого обвинять не хочу—я самъ искалъ такихъ знакомствъ впрочемъ, хотя и не въ оправданіе себѣ скажу, что едва и не треть русскаго дворянства мыслила почти подобно намъ, хотя была насъ осторожнѣе."

Такимъ образомъ объяснять либеральный образъ мыслей Бестужева, какъ объяснялъ его Гречъ[29], неудовлетвореннымъ тщеславіемъ или фанфаронствомъ благородства, или уныніемъ и исканіемъ развлеченія—значило-бы унижать Бестужева, но, съ другой стороны, нѣтъ данныхъ, чтобы считать его либерализмъ глубокимъ выстраданнымъ убѣжденіемъ. Онъ, какъ увидимъ сейчасъ, смотрѣлъ довольно легко на свою политическую агитацію *).

Первый, кто могъ подготовить его къ этой агитаціи, былъ его старшій братъ Николай, котораго онъ очень уважалъ и любилъ; въ чемъ, однако, это вліяніе сказывалось и какъ

*) «Входя въ общество по забужденію молодости и буйнаго воображенія я думалъ чрезъ то принести пользу отечеству въ будущемъ времени, если не дѣломъ, то распространеніемъ либерализма. Приманка новизны и тайны также немало въ томъ участвовали и мало по малу завлекли меня въ преступныя мысли» —говорилъ Бестужевъ въ одномъ изъ своихъ показаній.

Тюмень

далеко простиралось, мы не знаемъ; хотя есть указаніе, что Рылѣевъ, до принятія Бестужева въ тайное общество, старался повліять на него именно черезъ его брата Николая[30]. О томъ, какъ онъ былъ принятъ въ тайное общество, Бестужевъ такъ разсказывалъ своимъ судьямъ:

„Съ 19 лѣтъ сталъ я читать либеральныя книги, и это вскружило мнѣ голову. Впрочемъ, не имѣя никакого положительнаго понятія, я, какъ и всѣ молодые люди, кричалъ на вѣтеръ безъ всякаго намѣренія. Въ 22-мъ году, когда былъ назначенъ я адъютантомъ къ генералу Бетанкуру, свелъ знакомство съ г. Рылѣевымъ, и какъ мы иногда возвращались вмѣстѣ изъ общества Соревнователей просвѣщенія и благотворительности, то и мечтали вмѣстѣ, и онъ пылкимъ своимъ воображеніемъ увлекалъ меня еще болѣе. Такъ грезы эти оставались грезами до 1824 года, въ который онъ сказалъ мнѣ, что есть тайное общество, въ которое онъ уже принятъ и принимаетъ меня. Первымъ условіемъ было честное слово не открывать, что̀ повѣрено будетъ, вторымъ не любопытствовать узнать кто члены, въ третьихъ, повиноваться безусловно принявшему. Цѣль сего общества была распространять понятіе о правахъ людей, и современемъ возстановить ихъ въ Россіи. Кончина Императора Александра Павловича назначена была знакомъ къ началу дѣйствія, если позволятъ силы, но это говорено было только въ началѣ; потомъ, когда сочленъ привыкалъ уже къ этой мысли, ему открывали что если общество будетъ довольно сильно, то надобно дѣйствовать и при жизни его—поднять народъ, войско, и если это удастся, то принудить Императора подписать конституцію.

Въ апрѣлѣ 1825 г. Бестужева выбрали въ Верхній кругъ, т.-е. въ разрядъ убѣжденныхъ, которые имѣли право повѣрять дѣйствія членовъ Думы и требовать отъ нихъ отчета. Это повышеніе Бестужевъ принялъ однако весьма равнодушно.

„Между тѣмъ, становясь опытнѣе, разсказываетъ онъ, я сталъ охладѣвать къ этому обществу. Невозможность что

либо сдѣлать и недовѣріе къ людямъ, которыхъ я увидѣлъ покороче, меня убѣдили въ сумазбродствѣ такого предпріятія. Съ ними, однакожъ, я былъ попрежнему, ибо не хотѣлъ нести ихъ упрековъ, тѣмъ безопаснѣе, чѣмъ дальше казалось дѣло. Наконецъ въ апрѣлѣ, кажется, мѣсяцѣ Рылѣевъ сказалъ мнѣ, что меня выбрали въ верхнюю думу. Я принялъ это очень равнодушно и до сентября мѣсяца ни разу не былъ съ членами ея, покуда въ одинъ вечеръ не позвали меня къ Оболенскому слушать часть конституціи Ник. Муравьева о земской управѣ. Вотъ только однажды, когда былъ я собственно въ такъ называемой думѣ, и тутъ-то уже убѣдился, что общество это ничтожно, рѣшился тянуть съ ними знакомство какъ игрушку, а между тѣмъ какъ у меня и прежде было желаніе ѣхать на зиму въ Москву, тамъ найти себѣ выгодную партію, и тогда съ симъ предлогомъ устраниться отъ общества и уѣхать года на 2 попутешествовать. Но судьба судила иначе".

„Совершенное мое недовѣріе къ средствамъ общества, когда я увидѣлъ верхнюю думу, было причиною беззаботности моей насчетъ ея подробностей и моего невѣдѣнія о многихъ вещахъ, о которыхъ меня спрашивали. Мнѣ все уже казалось нестоющимъ вниманія, и Рылѣевъ и Оболенскій не разъ ссорились со мной, что я шутилъ и дѣлалъ каламбуры, какъ они говорили, изъ важныхъ вещей *)".

„Они называли меня фанфарономъ и не разъ говорили, что за флигельадъютантскій эксельбантъ я готовъ отдать былъ всѣ конституціи. Я же говорилъ имъ, что они мечтатели, а я солдатъ и гожусь не разсуждать, а дѣйствовать. Еще нерѣдко бранились мы за споры, я нарочно спорилъ и pour и contre, чтобы заставить ихъ разбиться въ мнѣніяхъ и тѣмъ замедлить ихъ предположенія".

Бестужевъ страшно обрадовался, когда вдругъ мелькнула надежда, что все ихъ „дѣло" будетъ года на два отложено.

*) Объ его «пустыхъ фразахъ и родомонтадахъ» на совѣщаніяхъ говоритъ и Д. Завалишинъ въ своихъ «Запискахъ»[31].

„26-го числа, показывалъ онъ, т.-е. наканунѣ полученія извѣстія о кончинѣ Государя, пріѣхалъ ко мнѣ ввечеру Оболенскій и сказалъ, что слухъ есть, что Государь Императоръ опасно боленъ. Такъ потолковавши съ нимъ и съ Рылѣевымъ и несовсѣмъ этому довѣряя, мы ничего не знали до 1 ч. утра. Пришелъ Якубовичъ съ подтвержденіемъ того же, но мы никакъ не ожидали, чтобы болѣзнь такъ скоро сразила Императора. Якубовичъ вышелъ и черезъ пять минутъ вбѣжалъ опять, говоря, „Государь умеръ. Во дворцѣ присягаютъ Константину Павловичу — впрочемъ еще это невѣрно; говорятъ, Николаю Павловичу по завѣщанію слѣдуетъ“,—и выбѣжалъ. Это поразило насъ какъ громомъ, я надѣлъ мундиръ и встрѣтился въ дверяхъ съ братомъ Николаемъ: „что уѣхать? Я поѣду узнать въ какой-нибудь полкъ кому присягаютъ“ далѣе право не знаю. Я и поѣхалъ въ Измайловскій, спрашиваю. Одинъ говоритъ Константину, другой Николаю, третій Елисаветѣ. Я поѣхалъ къ е. в. герцогу, но уже встрѣтилъ его ѣдущаго на дорогѣ у дворца, куда я вошелъ и присягнулъ въ глазахъ Его Величества Государя Николая Павловича. Воротясь домой, я нашелъ Рылѣева, который сказалъ, что это доказываетъ, какъ мы ошибались, думая, что солдаты забыли Константина Павловича и что теперь должно ждать. Такъ мы и успокоились. Я поѣхалъ къ герцогу, и напрашивался ѣхать курьеромъ къ Е. В. Константину Павловичу (это можно узнать отъ полковника Варенцова), но послали другого. Рылѣевъ очень заболѣлъ — и тутъ-то стали къ нему стекаться лица, которыхъ прежде я никогда не видывалъ, какъ-то: гвард. экипажа лейт. Арбузовъ, Сутговъ (л. гр.), Рѣпинъ и другіе, и кн. Трубецкой сталъ ходить чаще. Послѣ разныхъ толковъ рѣшили, чтобы всякое дѣло отложить по крайней мѣрѣ на 2 года, а тамъ что̀ покажутъ обстоятельства. Надежды мои ожили. Я съ малолѣтства любилъ Великаго князя Константина Павловича. Служилъ въ его полку, и надѣялся у него выйти, что называется, въ люди. Я недурно ѣзжу верхомъ; хотѣлъ также поднести ему книжку о верховой ѣздѣ, кото-

рой у меня вчернѣ написано было съ три четверти... однимъ словомъ, я надѣялся при немъ выбиться на путь, который труденъ бы мнѣ былъ безъ знатной породы и богатства при другомъ государѣ. Все стихло, какъ вдругъ стали доноситься слухи, что онъ отказывается: что Польша съ Литвой и Подоліей отойдетъ отъ Россіи, дабы не обдѣлить экс-императора.... тогда, признаюсь, закипѣла во мнѣ кровь, и неумѣстный патріотизмъ возмутилъ разсудокъ"....

Легко можетъ быть, что этотъ патріотизмъ, дѣйствительно, возбудилъ его энергію, которая очень слабо откликалась на чисто политическіе споры,

IV.

Въ этихъ политическихъ спорахъ никакой опредѣленной и убѣжденной мысли Бестужевъ не обнаружилъ. Онъ былъ конституціоналистъ и не одобрялъ „южныхъ инстигацій и преступныхъ намѣреній ввести въ Россіи республику", а между тѣмъ, вторя другимъ, соглашался „огласить на Руси республику" *).

Въ щекотливомъ вопросѣ объ устраненіи царствующей фа-

*) «Итакъ положено было въ день присяги, всѣмъ фронтовымъ сочленамъ по полкамъ своимъ говорить противу присяги. Кричать, что Константина Павловича или принудили или обманули, или это недостаточный отказъ по письму: пусть хоть манифестъ дастъ, а лучше всего пусть самъ пріѣдетъ и далѣе, какъ и было произведено. Начальникомъ войскъ избранъ Трубецкой, хотя и думалъ быть имъ нѣсколько времени Якубовичъ. Такъ дѣйствуя, хотѣли мы (и я вторилъ за другими), если увлечемъ своимъ примѣромъ полки, то арестовать царскую фамилію, если же перевѣсъ только на нашей сторонѣ, то послать депутацію къ Константину Павловичу, съ просьбой съ нѣкоторыми ограниченіями царствовать. Впрочемъ дальнѣйшихъ распоряженій ждать отъ кн. Трубецкаго, ибо тутъ уже онъ былъ полномоченъ и наша совѣщательная дума уничтожилась. Знаю только, что при удачѣ хотѣли принудить сенатъ узаконить сдѣланное нами и устранить царствующую фамилію отъ престола, а на Руси огласить республику»—показаніе Бестужева.

миліи онъ также обнаружилъ большую неустойчивость взглядовъ.

Когда на одномъ собраніи при немъ стали говорить о грабежѣ и кровопролитіи, онъ сказалъ: „можно и во дворецъ забраться“ (показаніе кн. Трубецкого); когда Рылѣевъ и Оболенскій упоминали о погубленіи всей императорской фамиліи, онъ присталъ къ сему мнѣнію, но утверждалъ, что присталъ притворно и настаивалъ вмѣстѣ съ Якубовичемъ, что на это нужно не менѣе 10-ти убійцъ, въ надеждѣ, что нельзя будетъ найти такого числа отчаянныхъ изверговъ и тѣмъ устранится ударъ отъ главы священной“. „Я былъ крикунъ, а не злодѣй—писалъ онъ въ своихъ показаніяхъ—хотя предлагалъ себя для совершенія ненавистнаго дѣла, ибо зналъ, что меня Рылѣевъ не употребитъ“; Каховскій призналъ, что Александръ Бестужевъ наединѣ уговаривалъ его не исполнять порученія, даннаго ему Рылѣевымъ 13 декабря (порученіе заключалось въ убійствѣ императора); на одномъ собраніи Александръ Бестужевъ и Каховскій показывали себя пламенными террористами, готовыми на ужаснѣйшія злодѣйства; Бестужевъ признался, что̀ сказалъ: „переступаю за Рубиконъ; а руби-конъ, значитъ руби все, что попало“; однакоже клялся, что сіе было лишь бравадою, пустою игрою словъ; когда покушенія на жизнь императора Николая Павловича требовали, какъ необходимости, князь Оболенскій, Александръ Бестужевъ и князь Трубецкой, ихъ диктаторъ, когда нѣкоторые члены совѣтовали удовольствоваться арестованіемъ императора и всей августѣйшей семьи и когда Рылѣевъ кончилъ споръ словами: „обстоятельства покажутъ, что дѣлать должно“ и просилъ достать карту Петербурга и планъ Зимняго Дворца—Бестужевъ говорилъ со смѣхомъ: „Царская фамилія не иголка, не спрячется, когда дѣло дойдетъ до ареста“.

Всѣ эти бравурныя остроты и рѣзкія выходки указываютъ на совсѣмъ несерьезное отношеніе къ дѣлу.

Тѣмъ не менѣе въ самый день 14 декабря Бестужевъ

проявилъ рѣдкую расторопность и стойкость. У современниковъ имя его осталось въ памяти. Гречъ говорилъ, что онъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ на площади[32]. „Александръ Александровичъ Бестужевъ (сумасбродный критикъ, наглецъ въ обществѣ, писатель не безъ дарованія, но гоняющійся за умомъ, тогда какъ умъ никогда почти не давалъ ему поймать себя)—писалъ другой современникъ[33]—выдалъ себя за адъютанта великаго князя Константина Павловича, клялся солдатамъ, что цесаревичъ схваченъ на дорогѣ, что Михаилъ Павловичъ въ оковахъ, изранилъ частнаго пристава Александрова, искололъ квартальнаго надзирателя и велѣлъ провозглашать „да здравствуетъ конституція!"

„Мятежники были въ ужасномъ изступленіи—разсказывалъ и еще одинъ современникъ. Адъютантъ герцога Виртембергскаго Бестужевъ бѣгалъ между ними съ бѣлой повязкой на рукѣ, вооруженный кинжаломъ и пистолетомъ[34]".

На самомъ дѣлѣ поведеніе Бестужева на площади было хотя рѣшительное, но далеко не такое кровожадное и театральное.

Любопытно, что за три дня до 14 декабря (11-го) онъ писалъ своей матери письмо въ деревню, въ которомъ говорилъ ей очень спокойно о томъ, какъ Петербургъ принялъ вѣсть о смерти Александра I. Онъ извѣщалъ ее, что царствовать надлежитъ Николаю Павловичу, что въ городѣ какъ будто ничего не бывало. „Николай Павловичъ распоряжается всѣмъ и не показываетъ отчаянія—писалъ онъ. Всѣ приняли это хладнокровно; полки присягаютъ не зная кому, но все обходится тихо[35]".

Хотѣлъ ли Бестужевъ успокоить свою мать (но тогда зачѣмъ было вообще писать объ этомъ) или онъ самъ за три дня думалъ, что все обойдется мирно?

V.

14 декабря утромъ, если вѣрить Бестужеву, онъ да и всѣ его товарищи шли на площадь „увѣренные, что они *успѣютъ* или *умрутъ*, и потому ни малѣйшихъ сговоровъ на случай неудачи не сдѣлали".

Направился Бестужевъ въ казармы Московскаго полка, гдѣ и началось возмущеніе.

„Князь Щепинъ-Ростовскій, Михаилъ и Александръ Бестужевы и еще два офицера того же полка, утверждало обвиненіе, ходили по ротамъ 6-ой, 5-ой, 3-ей и 2 ой, уговаривая рядовыхъ не присягать Николаю Павловичу и говорили: „все обманъ, насъ заставляютъ присягать, а Константинъ Павловичъ не отказывался; онъ въ цѣпяхъ; Михаилъ Павловичъ также въ цѣпяхъ". Александръ Бестужевъ прибавлялъ, что онъ присланъ изъ Варшавы съ повелѣніемъ не допускать полки до присяги *).

Генералъ-маіору Фридрихсу, который наскочилъ на него, Бестужевъ пригрозилъ пистолетомъ, которымъ его снабдилъ князь Щепинъ въ казармахъ когда они выходили на дворъ. Грозя генералу, Бестужевъ однако завернулъ назадъ курокъ пистолета и ни въ кого не стрѣлялъ.

Генералу Фридрихсу онъ сказалъ только „отойдите прочь,

---

*) Показаніе Бестужева: «по утру въ 7 часовъ пріѣхалъ ко мнѣ Якубовичъ сказать, что онъ хотя обѣщалъ наканунѣ Арбузову пріѣхать въ экипажъ и идти съ ними къ измайловцамъ, но раздумалъ, а что будетъ ждать войска на улицѣ. Я въ 9 часовъ поѣхалъ въ Моск. полкъ, гдѣ ждали меня братъ мой Михаилъ, котораго прежде я хотѣлъ устранить, но Рылѣевъ воспламенилъ, и князь Щепинъ, Волковъ и Броке. Всѣ они были у меня въ 1-й разъ только за два дня и прежде въ обществѣ не были. Потомъ пошли мы въ роты, какъ я показалъ, гдѣ со Щепинымъ и говорили. Только адъютантомъ Константина Павловича я себя не называлъ, а говорилъ, что служилъ подъ его командою. Говорилъ сильно, меня слушали жадно—и двинулись съ крикомъ: ура! Константинъ!»

генералъ"; и какъ разъ въ этотъ моментъ Щепинъ ударилъ Фридрихса саблей. Генералъ упалъ, а Бестужевъ „отвратился отъ этого кроваваго зрѣлища и вышелъ изъ воротъ". Вмѣстѣ со Щепинымъ онъ вывелъ полкъ изъ казармъ и повелъ на сенатскую площадь. Выходя на берегъ Фонтанки, Щепинъ сказалъ Бестужеву: „Что?! Вѣдь къ чорту конституція! и Бестужевъ отвѣчалъ ему: разумѣется къ чорту"! *).

Съ Московскимъ полкомъ прибылъ Бестужевъ на площадь, гдѣ „построивъ каре, отвращалъ вмѣстѣ со своимъ братомъ (Николаемъ) всѣ сдѣланныя начальствомъ предложенія, удерживая людей отъ стрѣльбы, и находился съ ними доколѣ картечью они не были разогнаны". Насилій онъ никакихъ не творилъ, даже свою „черкескую шашку онъ отдалъ солдату и надѣлъ ее только тогда, когда конная гвардія пошла на нихъ въ аттаку. До этой минуты на немъ была только форменная сабля, тонкая какъ жесть". Только, удерживая отъ стрѣльбы людей, онъ чуть не изрубилъ одного гренадера, который первый выпалилъ въ атакующихъ. Спасъ онъ и генерала Левашова отъ вѣрнаго пораненія, оттолкнувъ какого-то неизвѣстнаго, который въ него цѣлился **).

Самъ Бестужевъ съ большой печалью говорилъ въ своихъ показаніяхъ объ этихъ минутахъ. „Пришедши на площадь и не находя начальниковъ, разсказываетъ онъ, мы потеряли головы. Ожиданіе, страхъ, раскаяніе, атаки—все это представляетъ мнѣ несчастный день этотъ какъ въ чаду страшнымъ сномъ. Я не зналъ, что дѣлать, но лично непо-

*) Показаніе Бестужева: «замѣчательно то, что выходя изъ казармъ, Щепинъ мнѣ сказалъ, къ чорту конституцію? я отвѣтилъ: разумѣется къ чорту—и это было отъ сердца. Съ какими бы глазами сталъ я говорить противъ Константина Павловича?»

Кажется, что въ этотъ моментъ экальтаціи онъ готовъ былъ помириться съ «самодержавіемъ» Императора Константина Павловича.

**) «Онъ размахивалъ саблей на площади и кричалъ впереди увлеченнаго батальона Ура! Константинъ! Долой Николая![36]».

«Вдоль передняго фаса ходилъ какой-то неизвѣстный мнѣ адъютантъ въ мундирѣ и шляпѣ (едва ли не А. Бестужевъ) и что то говорилъ солдатамъ[37]».

виненъ ни въ одной капли крови. Меня утѣшаетъ хоть то, что я удалилъ генерала Нейгарда, и спасъ отъ черни какого-то невысокаго роста Павловскаго капитана; вотъ все, что помню я—но да не причтется мнѣ въ преступленіе если что-либо ускользнуло тутъ. Угрызенія совѣсти прервали нить моихъ воспоминаній, при томъ же я тороплюсь облегчить свою душу признаніемъ. Когда я шелъ въ Московскій полкъ, то прежде молился Богу съ горячими слезами: „если дѣло наше право—помоги намъ, думалъ я, если же нѣтъ, да будетъ Твоя воля". Я призналъ теперь Его волю,—но Божій перстъ и царскій гнѣвъ на мнѣ тяготѣютъ... я чувствую теперь, что во зло употребилъ свои дарованія, что я могъ бы саблею или перомъ принести честь своему отечеству—жить съ пользой и умереть честно за Государя!! Но Царь есть залогъ Божества на землѣ, а Богъ милуетъ кающихся... Если случаемъ бумага сія дойдетъ до Высочайшихъ рукъ, то пусть увидятъ на ней слѣды железъ заслуженнаго наказанія и слезъ искренняго раскаянія".

„Особенно я ожидалъ, говорилъ онъ при другомъ случаѣ, что кончу жизнь на штыкахъ, не выходя изъ полка, ибо мало на московцевъ надѣялся и для того избралъ это мѣсто, какъ нужнѣйшее. На площади подконецъ я увидѣлъ, что мы погибли, но не хотѣлъ взять на себя крови солдатъ, еслибъ повелъ ихъ въ атаку на пушки, и потому молчалъ, слушая разсужденія другихъ что бы дѣлать, ибо видѣлъ, что все безполезно. Я искалъ смерти во время пальбы. Картечь пробила мнѣ шляпу на волосъ отъ головы, но Богъ сохранилъ меня для раскаянія".

Когда наконецъ засвистѣла картечь, Бестужевъ побѣжалъ черезъ Галерную. *) „Забѣжавъ на первый попавшійся дворъ, онъ постучалъ направо въ какія-то двери, гдѣ нашелъ нѣсколько женщинъ, попросилъ у нихъ переждать немного и черезъ часъ вышелъ на Неву, перешелъ черезъ

*) На Галерной онъ вмѣстѣ съ братомъ Николаемъ остановили нѣсколько десятковъ лейбъ-гренадеръ чтобы защитить отступленіе[38].

ледъ и скитался часовъ до 12 вечера, потомъ ходилъ еще цѣлую ночь и цѣлое утро по церквамъ, наконецъ рѣшился пасть къ стопамъ Всемилостивѣйшаго Государя и просить помилованія".

Бестужевъ какъ умный человѣкъ понялъ, что бороться дальше, значило окончательно потопить все дѣло и что только истинное и правдивое освѣщеніе его способно сохранить за этимъ дѣломъ ореолъ глубокаго смысла и извѣстнаго величія. Проигравъ дѣло, нужно было имѣть смѣлость сказать открыто въ чемъ оно заключалось—дабы проигрышъ не усложнился его умаленіемъ. Это соображеніе вѣроятно и побудило Бестужева явиться во дворецъ.

Въ какой моментъ Бестужевъ исчезъ съ площади—неизвѣстно. Гречъ разсказываетъ, что когда мятежники разбѣжались, Бестужевъ успѣлъ уйти и гдѣ-то скрыться. На другой день, услышавъ, что забираютъ людей невинныхъ, что главные зачинщики страются слагать вину на другихъ, онъ явился вечеромъ на гауптвахту Зимняго Дворца и сказалъ дежурному по караульнямъ полковнику:

— Я Александръ Бестужевъ. Узнавъ, что меня ищутъ, явился самъ.

„Это было произнесено спокойно, просто — говоритъ Гречъ. Увидѣвъ моего брата, бывшаго въ караулѣ, онъ сдѣлалъ видъ будто его не знаетъ.

– Вяжите его,—сказалъ солдатамъ одинъ унтеръ-офицеръ.

— Не троньте его,—возразилъ Василій Алексѣевичъ Перовскій, только что назначенный въ флигель-адъютанты, — онъ не взятъ, а самъ явился, и повелъ его къ Государю *) Бестужевъ просто, откровенно и правдиво изложилъ передъ Государемъ все, какъ было, и умѣлъ заслужить вниманіе

*) «Бестужевъ самъ явился во дворецъ съ повинной головою, разсказываетъ бар. Розенъ, онъ былъ одѣтъ какъ на балъ (?) и когда конвою велѣли идти съ нимъ, то онъ самъ скомандовалъ «маршъ» и пошелъ съ нимъ въ ногу40»

прямодушнаго Николая. Слова Бестужева принимаемы были безъ малѣйшаго сомнѣнія[39]").

Послѣ полнаго крушенія дѣла Бестужевъ хотѣлъ воспользоваться послѣднимъ, случаемъ, чтобы съ глазу на глазъ сказать царю кое-какую правду, которая, какъ онъ могъ опасаться, не дошла бы до царя обычнымъ порядкомъ черезъ коммиссію. О чемъ и какъ онъ говорилъ съ императоромъ— мы не знаемъ, но ходилъ разсказъ, что, допросивъ лично его брата Николая, императоръ будто бы сказалъ, что онъ никогда не слыхалъ столько правды[41].

Въ этомъ разсказѣ очевидная неточность: дѣло идетъ не о Николаѣ Бестужевѣ, а объ Александрѣ, что̀ подтверждается извѣстной запиской „о ходѣ свободомыслія въ Россіи",— посланной Александромъ Александровичемъ изъ тюрьмы на имя императора.

А. Д. Боровковъ разсказываетъ, что Александръ Бестужевъ еще до допроса прислалъ въ комитетъ исповѣдь своихъ дѣйствій, изложилъ цѣль и планы общества, не называя, однако, своихъ соумышленниковъ[44],

Эта докладная записка и разговоръ съ императоромъ оказали, безспорно, свое вліяніе на дальнѣйшую судьбу Бестужева.

Въ Донесеніи „коммиссіи, избранной для основанія разрядовъ" конечный выводъ о виновности братьевъ Бестужевыхъ формулированъ такъ:

Штабсъ-Капитанъ Лейбъ Драгунскаго полка Александръ Бестужевъ, 27 лѣтъ—

По собственному признанію: умышлялъ на цареубійство и истребленіе императорской фамиліи; возбуждалъ къ тому другихъ; соглашался также и на лишеніе свободы императорской фамиліи. Участвовалъ въ умыслѣ бунта привлеченіемъ товарищей *) и сочиненіемъ возмутительныхъ стиховъ и пѣсенъ. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ и возбуждалъ къ

*) Изъ видныхъ дѣятелей онъ принялъ только В. С. Батенкова[43].

ономy нижнихъ чиновъ. *Примѣчаніе.* Удерживалъ Каховскаго отъ совершенія цареубійства, хотя прежде оное и одобрялъ: на площади удерживалъ солдатъ отъ стрѣльбы. На другой день явился самъ къ стопамъ Государя Императора, съ самаго начала признался чистосердечно и первый сдѣлалъ важное открытіе о тайномъ обществѣ.

Капитанъ-Лейтенантъ 8 экипажа Николай Бестужевъ, 34 лѣтъ—

Участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ членовъ. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, возбуждалъ нижнихъ чиновъ и самъ былъ на площади.

Штабсъ-Капитанъ лейбъ гвардіи Московскаго полка Михаилъ Бестужевъ, 26 лѣтъ:

Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли онаго. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, возбуждалъ нижнихъ чиновъ и привелъ на площадь роту[44].

Николай и Михаилъ Бестужевы были сосланы на каторгу. Александръ ея избѣжалъ и послѣ короткаго срока заключенія въ крѣпостяхъ былъ сосланъ на поселеніе.

VI.

Тюремное заключеніе Бестужевъ переносилъ не легко. „Чувствую, писалъ онъ въ одномъ показаніи, что не только память, но и умъ мой мутится". Однако, если внимательно прочитать его показанія, то нельзя не удивиться выдержкѣ и ясности его мыслей. На задаваемые ему вопросы онъ отвѣчалъ охотно и пространно—скорѣе какъ свидѣтель, чѣмъ какъ обвиняемый. Иногда эти отвѣты разростались до объема настоящей докладной записки и получали уже не личное, а обще историческое значеніе *).

*) Такова, напр., записка о внутренней организаціи тайнаго общества и характеристики всѣхъ наиболѣе выдающихся членовъ сѣверной группы. Смотри въ концѣ книги приложеніе I и II.

Къ числу такихъ записокъ должно быть отнесено и длинное письмо Бестужева къ Государю, цѣлый трактатъ о ходѣ свободомыслія въ Россіи. Письмо это не нуждается въ комментаріяхъ.—Важный историческій памятникъ своей эпохи, оно вмѣстѣ съ тѣмъ показатель ума и начитанности писавшаго. Откуда и когда могъ Бестужевъ собрать столько свѣдѣній? Вотъ этотъ документъ полностью:

Ваше Императорское Величество!

Увѣренный, что Вы, Государь, любите истину, я беру дерзновеніе изложить передъ Вами историческій ходъ свободомыслія въ Россіи, и вообще многихъ понятій, составляющихъ нравственную и политическую часть предпріятія 14-го декабря. Я буду говорить съ полною откровенностью, не скрывая худого, не смягчая даже выраженій, ибо долгъ подданнаго есть говорить правду Монарху безъ прикрасъ.

Приступаю: Начало царствованія Императора Александра было ознаменовано самыми блестящими надеждами для благосостоянія Россіи. Дворянство отдохнуло, купечество не жаловалось на кредитъ, войска служили безъ труда, ученые учились чему хотѣли: всѣ говорили что думали и всѣ по многому хорошему ждали еще лучшаго.

Къ несчастью, обстоятельства того не допустили и надежды состарились безъ исполненія. Неудачная война 1807 г. и другія много стоющія разстроили финансы, но того еще не замѣчали въ приготовленіяхъ къ войнѣ отечественной. Наконецъ Наполеонъ вторгся въ Россію и тогда то народъ русскій впервые ощутилъ свою силу; тогда то пробудилось во всѣхъ сердцахъ чувство независимости, сперва политической, а впослѣдствіи и народной. Вотъ начало свободомыслія въ Россіи. Правительство само произнесло слова: „Свобода, освобожденіе“. Само разсѣевало сочиненія о злоупотребленіи неограниченной власти Наполеона, и кликъ Русскаго Монарха огласилъ берега Рейна и Сены. Еще война длилась, когда ратники, возвратясь въ домъ, первые разнесли ропотъ въ классѣ народа. „Мы проливали кровь“

говорили они „а насъ опять заставляютъ потѣть на барщинѣ. Мы избавили родину отъ тирана, а насъ вновь тиранятъ господа". Войска отъ генераловъ до солдатъ, пришедши назадъ, только и толковали, какъ хорошо въ чужихъ земляхъ. Сравненіе съ своимъ естественно произвело вопросъ, почему же не такъ у насъ? Сначала, покуда говорили о томъ безпрепятственно, это расходилось на вѣтеръ, ибо умъ, какъ порохъ опасенъ только сжатый. Лучъ надежды, что Государь Императоръ дастъ конституцію какъ онъ то упомянулъ при открытіи Сейма въ Варшавѣ, и попытка нѣкоторыхъ генераловъ освободить рабовъ своихъ еще ласкали многихъ. Но съ 1817 г. все перемѣнилось. Люди, видѣвшіе худое, или желавшіе лучшаго, отъ множества шпіоновъ принуждены стали говорить скрытно и вотъ начало тайныхъ обществъ. Притѣсненіе начальствомъ заслуженныхъ офицеровъ разгорячало умы. Предпочтеніе нѣмецкихъ фамилій передъ русскими обижало народную гордость. Тогда то стали говорить военные и для того ли освободили мы Европу, чтобы наложить ея цѣпи на себя? Для того-ли дали конституцію Франціи, чтобы не смѣть говорить о ней, и купили кровью первенство между народами, чтобы насъ унижали дома?".

Уничтоженіе нормальныхъ школъ и гоненіе на просвѣщеніе заставило думать въ безнадежности о важнѣйшихъ мѣрахъ. А какъ ропотъ народа отъ истощенія и злоупотребленія земскихъ и гражданскихъ властей происшедшій, грозилъ кровавою революціей, то общества вознамѣрились отвратить меньшимъ зломъ большее и начать свои дѣйствія при первомъ удобномъ случаѣ. Теперь я опишу положеніе, въ какомъ видѣли мы Россію.

Войска Наполеона, какъ саранча, оставили за собой надолго сѣмена разрушенія. Многія губерніи обнищали и Правительство медлительными мѣрами или скуднымъ пособіемъ дало имъ вовсе погибнуть. Дожди и засухи голодили другія края. Устройство непрочныхъ дорогъ занимало руки трети

Россіи, а хлѣбъ гнилъ на корню. Злоупотребленія исправниковъ стали замѣтнѣе обѣднѣвшимъ крестьянамъ *) а угнетенія дворянъ чувствительнѣе, потому что они стали понимать права людей **). Запрещеніе винокуренія отняло во многихъ губерніяхъ всѣ средства къ сбыту сѣмянъ, а размноженіе питейныхъ домовъ испортило нравственность и разорило крестьянскій бытъ. Населенія парализовали не только умы, но и всѣ промыслы тѣхъ мѣстъ гдѣ устроились и навели ужасъ на остальныя. Частые переходы полковъ безмѣрно тяготили напутныхъ жителей: рѣдкость денегъ привела крестьянъ въ неоплатные долги—однимъ словомъ всѣ они вздыхали о прежнихъ годахъ, всѣ роптали на настоящее, всѣ жаждали лучшаго до того, что пустой слухъ будто даются мѣста на Амуръ-Дарьѣ, влекъ тысячи жителей Украйны, куда? не знали сами. Цѣлыя селенія снимались и бродили на угадъ и многочисленныя возмущенія барщинъ ознаменовали три послѣдніе года царствованія Александра.

Мѣщане, классъ почтенный и значительный во всѣхъ другихъ государствахъ, у насъ ничтоженъ, бѣденъ, обремененъ повинностями, лишенъ средствъ къ пропитанію. Въ другихъ націяхъ они населяютъ города, у насъ же какъ го-

---

*) О притѣсненіяхъ земскихъ чиновниковъ можно написать книгу. Малѣйшій распорядокъ свыше даетъ имъ поводъ къ тысячѣ насилій и взятокъ. То сберутъ крестьянъ въ сѣнокосъ или жатву и мѣсяцъ ничего не дѣлаютъ. То дадутъ сдѣлать и потомъ ломаютъ, говоря, что это не по формѣ. Назначаютъ на работу ближнихъ въ даль и наоборотъ, чтобы взять за увольненіе нѣсколько рублей съ брата. Да и кромѣ того сбираютъ прибавочные мелочи безъ всякаго вида, такъ что съ души сходитъ втрое противу указныхъ податей и проч.

**) Поведеніе русскихъ дворянъ въ отношеніи (крестьянъ) ужасно. Негры на плантаціяхъ счастливѣе многихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Продавать въ розницу семьи, похитить невинность, развратить женъ крестьянскихъ считается ни во что и дѣлается явно. Не говорю уже о барщинѣ и оброкахъ, но есть изверги, которые раздаютъ борзыхъ щенковъ для выкормленія грудью крестьянокъ. Къ счастью человѣчества такіе примѣры не часты, но къ стыду онаго, они существуютъ.

рода существуютъ только на картѣ *) и вольность ремеслъ стѣсняютъ въ нихъ цѣли, то кочуютъ, какъ цыгане занимаясь щепетильною перепродажею. Упадокъ торговли отразился на нихъ сильнѣе по ихъ бѣдности, ибо они зависятъ отъ купцовъ, какъ мелкіе торгаши или какъ работники на фабрикахъ.

Купечество, стѣсненное гильдіями и затрудненное въ путяхъ доставки потерпѣло важный уронъ въ 1812 году. Многія колоссальныя фортуны погибли, другія разстроились. Дѣла съ казною разорили множество купцовъ и подрядчиковъ, а съ ними и ихъ кліентовъ и ввѣрителей, зятяжкою въ уплатѣ, учетами и неправыми прижимками въ пріемѣ. Лихоимство проникло всюду. Развратъ мнѣнія далъ силу потачки вексельному уставу **). Злостные банкроты умножились и довѣріе упало. Шаткость тарифа привела многихъ фабрикантовъ въ нищету и испугало другихъ, и вывело правительство наше изъ вѣры, равно у своихъ, какъ у чужеземныхъ негоціантовъ. Слѣдствіемъ сего былъ еще большій упадокъ нашего курса (т.-е. внѣшняго кредита) отъ государственныхъ долговъ происшедшій, и всеобщая жалоба, что нѣтъ наличныхъ. Запретительная система, обогащая контрабандистовъ, не поднимала цѣны на наши издѣлія, и слѣдуя модѣ, всѣ платили въ тридорога, за такъ называемые конфискованные товары.

Наконецъ указъ, чтобы мѣщане и мелкіе торговцы или записывались въ гильдіи или платили бы налогъ, нанесъ бы рѣшительный ударъ торговлѣ и удержаніе исполненія не удержало ихъ отъ ропота. Впрочемъ и безъ того упадокъ

---

*) Отчего города наши пустѣютъ - рѣшить не трудно. Нижнія инстанціи не имѣютъ рѣшительно голоса и тяжущіеся ѣдутъ въ столицу; по сей же причинѣ лучшее дворянство уклоняется отъ неуважепныхъ должностей и за крестами спѣшитъ ничего не дѣлать въ какой нибудь министерской канцеляріи. На кого же такъ работать ремесленнику? да и кому? ибо дворянство наше держитъ доморощенныхъ мастеровыхъ.

**) Устраняя прежнее право на личность банкрота (contrainte par corps).

торговли былъ столь великъ, что на главныхъ ярмаркахъ и въ портахъ мѣна и отпускъ заграницу уменьшились третью. Купцы еще справедливо жаловались на иностранцевъ, особенно на Англичанъ, которые вопреки уставу *), имѣютъ по селамъ своихъ агентовъ и, скупая въ первыя руки сырыя произведенія для вывоза заграницу лишаютъ тѣмъ мелкихъ торговцевъ промысла, а Государство обращенія капиталовъ.

Дворянство было тоже недовольно за худой сбытъ своихъ произведеній, дороговизну предметовъ роскоши и долго тою судопроизводства. Оно раздѣляется на 3 разряда: на просвѣщенныхъ, изъ коихъ большая часть составляетъ знать; на грамотныхъ, которые или мучатъ другихъ, какъ судьи, или сами таскаются по тяжбамъ; и наконецъ на невѣждъ, которые живутъ по деревнямъ, служатъ церковными старостами или, уже въ отставкѣ, послуживъ, Богъ знаетъ какъ, въ полевыхъ. Изъ нихъ то мелкопомѣстные составляютъ язву Россіи; всегда виновытые и всегда ропщущіе и, желая жить не по достатку, а по претензіямъ своимъ, мучатъ бѣдныхъ крестьянъ своихъ нещадно. Прочіе разоряются на охоту, на капелы, на столичную жизнь или отъ тяжебъ. Наибольшая часть лучшаго дворянства, служа въ военной службѣ, или въ столицахъ, требующихъ роскоши, довѣряютъ хозяйство наемникомъ, которые обираютъ крестьянъ, обманываютъ господъ и такимъ образомъ $^{9}/_{10}$ имѣній въ Россіи растроено и въ закладѣ.

Духовенство сельское въ жалкомъ состояніи. Не имѣя никакого оклада, оно вовсе предано милости крестьянъ, и оттого принуждено угождать имъ, впадало само въ пороки, для удаленія коихъ учреждено. Между тѣмъ, какъ сельское нищенствовало въ неуваженіи, указъ объ одеждахъ женъ священническихъ привелъ въ волненіе и неудовольствіе богатое городское духовенство.

*) Имъ позволено только заниматься оптовою куплею, не вступаясь въ мелкія сдѣлки.

Солдаты роптали на истому ученьями, чисткою, караулами; офицеры на скудость жалованья и непомѣрную строгость; матросы на черную работу, удвоенную по злоупотребленію *); морскіе офицеры на бездѣйствіе. Люди съ дарованіями жаловались, что имъ заграждаютъ дорогу по службѣ, требуя лишь безмолвной покорности; ученые на то, что имъ не даютъ учить, молодежь на препятствія въ ученьи. Словомъ, во всѣхъ углахъ видѣлись недовольныя лица; на улицахъ пожимали плечами, вездѣ шептались, всѣ говорили къ чему это приведетъ; всѣ элементы были въ броженіи. Одно лишь правительство беззаботно дремало надъ вулканомъ; одни служебныя мѣста блаженствовали, ибо только для нихъ Россія была обѣтованною землею. Лихоимство ихъ взошло до неслыханной степени безстыдства. Писаря заводили лошадей, повытчики покупали деревни и только возвышеніе цѣны взятокъ отличало высшія мѣста, такъ что въ столицѣ подъ глазами блюстителей производился явный торгъ правосудіемъ. Хорошо еще платить бы за дѣло, а то брали, водили и ничего не дѣлали.

Вашему Императорскому Величеству вѣроятно извѣстны теперь сіи злоупотребленія, но ихъ крыли отъ покойнаго императора. Прибыльныя мѣста продавались по таксѣ и были обложены оброкомъ. Центральность судебныхъ мѣстъ, привлекая каждую бездѣлицу къ верху, способствовали апелляціямъ, справкамъ, пересудамъ, и десятки лѣтъ проходили прежде рѣшенія, т.-е. разоренія обѣихъ сторонъ. Однимъ словомъ, въ казнѣ, въ судахъ, въ коммисаріатахъ, у Губернаторовъ, у Генералъ-Губернаторовъ, вездѣ, гдѣ замѣшался интересъ, кто могъ, тотъ грабилъ, кто не смѣлъ, тотъ кралъ.

---

*) Въ Петербургскомъ и Кронштадтскомъ Адмиралтействахъ положено въ 1-мъ 90 лошадей для таскания бревенъ, во 2-мъ не знаю числа. Но дѣло въ томъ, что ни одна лошадь не работаетъ, а возитъ по гостямъ разныхъ чиновниковъ. Вмѣсто же ихъ запрягаютъ несчастныхъ матросовъ. Братъ мой Николай и К. Л. Торсонъ могутъ дать подробнѣйшее свѣдѣніе о многомъ множествѣ злоупотребленій по флоту.

Вездѣ честные люди страдали, а ябедники и плуты радовались.

Вамъ, Государь, уже свѣдомо, какъ воспламененные такимъ положеніемъ Россіи и видя всѣ элементы, готовые къ перемѣнѣ, рѣшились мы произвести переворотъ. Теперь осмѣлюсь изложить передъ Вашимъ Величествомъ, что мы, дѣлая сіе, думали основываться вообще на правахъ народныхъ и въ особенности на затерянныхъ русскихъ. Но кромѣ того Батенковъ и я говорили, что мы имѣемъ въ это время (т.-е. около 14 дек.) на то политическое право, какъ въ чистое междуцарствіе. Ибо Ваше Величество отреклись отъ короны, а мы знали, что отреченіе Государя Цесаревича уже здѣсь *). При томъ же Вы, Государь, ожидая признанія отъ Совѣта и Сената, нѣкоторымъ образомъ признавали верховность народа, ибо Правительство безъ Самодержца есть не иное, какъ верхняя онаго часть. Слѣдственно, мы, дѣйствуя въ лицѣ народа, шли не противу Вашего Величества, но только для попрепятствованія Сенату и Совѣту признавать иное, а не наше назначеніе. Отрицая же право народа во время междуцарствія избирать себѣ правителя или правительство, приводилось бы въ сомнѣніе самое возведеніе царствующей династіи на престолъ Россіи. Далѣе, Правительница Анна, опершись на желаніе народа, изорвала свое обязательство. Великая Екатерина повела гвардію и толпу, ее превозгласившую, противу Петра III-го. Онѣ обѣ на челѣ народа шли противу правительства; неужели же право бываетъ только на сторонѣ удачи? Политика, устраняя лица, смотритъ только на факты. Мы же отъ одной присяги были уволены, а другой не принимали.

Вашему Величеству легко будетъ усмотрѣть шаткость сего предположенія, но въ то же время я былъ увѣренъ въ правотѣ онаго и дѣйствовалъ въ томъ убѣжденіи. Вотъ

*) Ошибка наша состояла въ томъ, что мы не знали о назначеніи Вашего Величества наслѣдникомъ престола.

мечты наши о будущемъ. Мы думали учредить Сенатъ изъ старѣйшихъ и умнѣйшихъ головъ русскихъ, въ который надѣялись привлечь всѣхъ важнѣйшихъ людей нынѣшняго правленія, ибо полагали, что власть и честолюбіе всегда имѣли бы свою приманку. Палату же представителей составить по выбору народа изъ всѣхъ состояній. Какъ неоспоримо, что общаго мнѣнія установить или ему силу нельзя дать иначе, какъ связавъ оное съ интересомъ каждаго, то на семъ правилѣ основывали мы безкорыстіе судей. Каждая инстанція имѣла-бы у насъ свой безпереносный кругъ дѣйствія, притомъ тяжущіеся могли бы избирать по произволу изъ извѣстнаго числа судей любого, такъ что честь и выгода заставили бы ихъ другъ передъ другомъ быть правдивѣе, а публичность судопроизводства, ограниченіе срока онаго и свобода книгопечатанія обличали бы нерадивыхъ и криводушныхъ. Для просвѣщенія нижнихъ классовъ народа хотѣли повсемѣстно завести ланкастерскія школы. А чтобы поправить его нравственность, то возвысить бѣлое духовенство, давъ оному способы къ жизни. Увольненіе почти отъ всѣхъ земскихъ повинностей, свобода винокуренія и улучшеніе казенными средствами дорогъ между бѣдными и богатыми хлѣбомъ мѣстами; поощреніе земледѣлія и вообще покровительство промышленности привело бы въ довольство крестьянъ. Обезпеченіе и постоянство правъ привлекло бы въ Россію множество производительныхъ иноземцевъ. Фабрики бы умножились съ возрастаніемъ запроса на искусственныя произведенія, а соревнованіе поощрило бы ихъ усовершенствованіе, которое возвышается наравнѣ съ благосостояніемъ народа, ибо нужды на предметы довольства жизни и роскоши безпрестанныя. Капиталы, застоявшіеся въ Англіи, завѣренные въ несомнѣнности прибытка на многіе годы впередъ, полились бы въ Россію, ибо въ семъ новомъ, неразработанномъ мірѣ, они выгоднѣе могли бы быть употреблены, чѣмъ въ Остъ-Индіи или въ Америкѣ. Устраненіе или по крайней мѣрѣ ограниченіе запретительной

системы и устройство путей сообщенія не тамъ, гдѣ легче (какъ было прежде), а тамъ, гдѣ необходимѣе *), равно какъ заведеніе казеннаго купеческаго флота, дабы не платить чужеземцамъ фрахта за свои произведенія и обратить транзитную торговлю въ русскія руки, дало бы цвѣсти торговлѣ, сей, такъ сказать, мышцѣ силы Государственной. Финансы же поправить уменьшеніемъ въ треть арміи и вообще всѣхъ платныхъ, но ненужныхъ чиновниковъ. Что же касается до внѣшней политики, то дѣйствовать открыто, жить со всѣми въ мирѣ, не мѣшаясь въ чужія дѣла и не позволяя вступаться въ свои, не слушать толковъ, не бояться угрозъ, ибо Россія самобытна и можетъ обойтись на случай разрыва безъ пособія посторонняго. Въ ней заключается цѣлый міръ, да и торговыя выгоды другихъ націй никогда не допустили бы ее въ чемъ-либо нуждаться. Я умалчиваю о прочемъ, уже извѣстномъ Вашему Величеству или изъ конституціи Никиты Муравьева, которая однакоже была не что иное, какъ опытъ, или изъ показаній прочихъ членовъ. Что же касается собственно до меня, то, бывъ на словахъ ультра-либераломъ, дабы выиграть довѣріе товарищей, я внутренно склонялся къ монархіи, аристократіею умѣренной. Желая блага отечеству, признаюсь, не былъ я чуждъ честолюбію. И вотъ почему соглашался я на мнѣніе Батенкова, что хорошо было бы возвести на престолъ Александра Николаевича **). Льстя мнѣ, Батенковъ говорилъ, что какъ историческій дворянинъ и какъ человѣкъ, участвовавшій въ переворотѣ, я могу надѣяться попасть въ правительную аристократію, которая при

*) Зачѣмъ, напр., существуетъ сѣверный каналъ, по которому въ годъ плыветъ по двѣ лодки? Зачѣмъ преднамѣренъ Кубинскій? Чѣмъ намъ торговать съ полюсомъ? Для чего начать Сестрицкій? ибо удобовозимые гужомъ предметы роскоши, изъ Петербурга въ Москву посылаемые не есть главная необходимость жизни.

**) Я не помню упоминалъ ли о семъ въ показаніяхъ комитету, ибо считая себя виновнымъ безъ числа, не прибѣгалъ къ частнымъ извиненіямъ.

малолѣтнемъ царѣ произведетъ постепенное освобожденіе Россіи. Но какъ мы оба видѣли препятствіе въ особѣ Вашего Величества - истребить же Васъ, Государь, по чести, никогда не входило мнѣ въ голову, то въ рѣшительныя минуты обратился я мыслью къ Государю Цесаревичу, считая это легчайшимъ средствомъ къ примиренію всѣхъ партій и дѣломъ, болѣе ласкавшимъ мое самолюбіе, ибо я считалъ себя конечно не хуже Орловыхъ временъ Екатерины. Въ пренія думы почти не вступался, ибо зналъ, что дѣло сильнѣе пустыхъ споровъ и признаюсь Вашему Величеству, что если бы присоединился къ намъ Измайловскій полкъ, я бы принялъ команду и рѣшился на попытку атаки, которой въ головѣ моей уже вертѣлся планъ. Впрочемъ, если бы не роковое 14-ое число, я бы присталъ къ совѣту Батенкова (человѣка изо всѣхъ насъ съ здравѣйшею головою), чтобы идти впередъ и, ставъ на важныя мѣста въ правленіи, понемногу производить перемѣну или властью, заимствованною отъ престола, или своими мнѣніями, въ другихъ вперѣнными. Мы уже и хотѣли это сдѣлать въ отношеніи къ Государю Цесаревичу, разговаривая о семъ предметѣ у Его Королевскаго Величества, Герцога Виртембергскаго.

Да будетъ еще, Ваше Императорское Величество, доказательствомъ уваженія, которое имѣю къ великодушію Вашему, признаніе въ томъ понятіи, что мы имѣли о личномъ характерѣ Вашемъ прежде. Намъ извѣстны были дарованія, коими наградила Васъ природа; мы знали, что Вы, Государь, занимаетесь дѣлами Правленія и много читаете. Видно было и по Измайловскому полку, что солдатство, въ которомъ Васъ укоряли, была только дань политикѣ. Притомъ же занятія дивизіи, Вамъ ввѣренной, на маневрахъ настоящимъ солдатскимъ дѣломъ доказывали противное. Но анекдоты, носившіеся о суровости Вашего Величества, устрашали многихъ, а въ томъ числѣ и насъ. Признаюсь, я не разъ говорилъ, что Императоръ Николай съ Его умомъ и суровостью будетъ деспотомъ, тѣмъ опаснѣйшимъ, что Его проница-

тельность грозитъ гоненіемъ всѣмъ умнымъ и благонамѣреннымъ людямъ; что онъ, будучи самъ просвѣщенъ, нанесетъ мѣткіе удары просвѣщенію; что участь наша рѣшена съ минуты его восшествія, а потому намъ все равно гибнуть сегодня или завтра. Но опытъ открылъ мнѣ мое заблужденіе, раскаяніе омыло душу, и мнѣ отрадно теперь вѣрить благости путей Провидѣнія... Я не сомнѣваюсь, по нѣкоторымъ признакамъ, проникнувшимъ въ темницу мою, что Ваше Императорское Величество посланы Имъ залечить бѣды Россіи, успокоить, направить на благо броженіе умовъ и возвеличить отечество. Я увѣренъ, что небо даровало въ Васъ другого Петра Великаго... болѣе чѣмъ Петра, ибо въ нашъ вѣкъ и съ Вашими способностями, Государь, быть имъ— мало. Эта мысль порой смягчаетъ мои страданія за себя и за братьевъ и мольбы о счастіи отечества, неразлучномъ съ прямою славою Вашего Величества, летятъ къ престолу Всевышняго.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшій слуга
Александръ Бестужевъ[45].

VII.

По окончаніи дѣла, въ августѣ 1826 года, Бестужевъ былъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ товарищей отправленъ въ Финляндію, въ крѣпость „Фортъ-Слава“.

Послѣ тюрьмы поѣздка по Финляндіи до мѣста новаго заключенія была освѣжающей и довольно веселой прогулкой. И. Д. Якушкинъ, который въ своихъ запискахъ[46] оставилъ намъ свѣдѣнія объ этихъ годахъ жизни Бестужева, разсказываетъ, какъ на станціяхъ ожидали ихъ родственники, какъ послѣ долгой разлуки одна уже возможность поговорить другъ съ другомъ была для товарищей большимъ облегченіемъ. Говорили они свободно, говорили даже о 14-мъ

декабря и на какой-то станціи, въ присутствіи провожатаго, Якушкинъ доказывалъ Бестужеву, что они со всѣмъ этимъ дѣломъ поторопились, и что проиграли его потому, что захотѣли сами пожать плоды отъ дѣлъ своихъ, тогда какъ назначеніе ихъ было не вылѣзать наружу, а быть лишь подземнымъ основаніемъ дѣла, ни для кого незамѣтнымъ.

Прогулка кончилась, однако, скоро, и Бестужевъ, Муравьевъ, Арбузовъ, Тютчевъ и Якушкинъ были поселены въ Финляндіи въ „Фортѣ-Слава". Жилось имъ здѣсь плохо. Ихъ начальникъ былъ человѣкъ странный: то попускалъ, то запрещалъ. Иной разъ распивалъ со своими узниками чай и повѣствовалъ имъ о своей жизни, иной разъ позволялъ имъ быть вмѣстѣ, а въ дурную минуту запиралъ ихъ на ключъ по одиночкѣ и даже днемъ не выпускалъ на воздухъ. Любезное чаепитіе не мѣшало ему также кормить ихъ тухлой солониной—отъ которой они болѣли, и такъ топить печи, что они угорали, какъ это случилось съ Бестужевымъ, который отъ угара однажды чуть-чуть не умеръ.

Тяжелѣе, впрочемъ, чѣмъ эти неудобства, давалъ себя чувствовать голодъ духовный: у заключенныхъ не было книгъ и имъ пришлось пробавляться случайными находками.

Бестужевъ съ тоски, кажется, приналегъ на поэзію. Стиховъ онъ писалъ вообще очень мало, а здѣсь, въ фортѣ, надумалъ сочинить цѣлую поэму. Героемъ ея онъ избралъ князя Андрея Переяславскаго, но чѣмъ былъ знаменитъ этотъ Андрей, мы не знаемъ, такъ какъ поэма осталась не оконченной. „Писалась она въ Финляндіи, разсказывалъ самъ Бестужевъ, гдѣ у меня не было ни одной книги; написана она была жестянымъ обломкомъ, на которомъ я зубами сдѣлалъ расщепъ и на табачной оберткѣ, по ночамъ. Чернилами служилъ толченый уголь. Можете судить объ отдѣлкѣ и вдохновеніи!"[47]

Когда безъ его вѣдома поэма потомъ была напечатана его друзьями, Бестужевъ очень разсердился.

„Лица въ моемъ сочиненіи были замысловаты не по своему вѣку—оправдывался онъ—рѣчи пышны не по людямъ, однимъ словомъ: я обулъ въ русскіе лапти нѣмецкую философію". Слѣдовъ нѣмецкой философіи въ поэмѣ однако не обрѣтается. Въ ней остался одинъ только слѣдъ гуманныхъ и либеральныхъ воззрѣній самого автора. Можно, конечно, разсердиться на князя Андрея за то, что онъ съ разнымъ полузвѣрьемъ половецкимъ и русскимъ разговариваетъ какъ съ людьми разумными, но нельзя не полюбить его за такія, напр., рѣчи:

Я не умру въ бездонной мглѣ,
Но сѣдиной вѣковъ юнѣя,
Раскинусь благомъ по землѣ,
Воспламеняя и свѣтлѣя!
И прокатясь ключемъ съ горы
Подъ сѣнью славы безымянной,
Столь отдаленной и желанной,
Достигну радостной поры,
Когда, познавъ законъ природы,
Завѣтный плодъ во мглѣ временъ
Людьми посѣянныхъ сѣмянъ
Пожнутъ счастливые народы.
Когда на землю снидутъ вновь
Покой и братская любовь,
И свяжетъ радуга завѣта
Въ одинъ народъ весь смертный родъ,
И вѣра всѣ предѣлы свѣта
Волной живительной сольетъ,
Какъ море благости и свѣта!
Въ надеждѣ сей познай
Мою сладчайшую отраду,
Мою мечту, мою награду,
Мое безсмертіе и рай!

Въ 1827 году смѣнили коменданта форта. Новый начальникъ не внесъ ничего новаго въ жизнь узниковъ если не считать того обстоятельства, что пріѣхалъ съ полувзрослой дочерью. Ея присутствіе отозвалось довольно страннымъ образомъ на заключенныхъ. Если вѣрить Якуш-

кину, то Бестужевъ, Арбузовъ и Тютчевъ изъ чувства соревнованія выщипали себѣ бороды, которыхъ имъ не брили, а Бестужевъ кромѣ того сталъ повязывать себѣ голову краснымъ шарфомъ въ видѣ чалмы. Наводить на себя красоту Бестужеву пришлось, однако, не долго, такъ какъ въ концѣ октября 1827 года его увезли изъ форта.

Покидалъ онъ Финляндію въ необычайно шутливомъ, „отличномъ“ расположеніи духа[48].

Проѣздомъ черезъ Петербургъ онъ имѣлъ свиданіе съ графомъ Дибичемъ, который ему объявилъ, что отъ каторжныхъ работъ онъ освобожденъ и что ему даже позволено писать и печатать „съ условіемъ, однако, не писать никакого вздору“.

Спустя нѣсколько дней фельдъегерь увозилъ Бестужева въ Якутскъ. Спутникомъ его былъ Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ.

Вотъ что онъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ[49] объ этомъ перегонѣ ихъ этапной жизни. „Фельдъегерь везъ насъ черезъ Ярославль, Вятку, Пермь и Екатеринбургъ. Тутъ остановились мы у почтмейстера, принявшаго насъ съ особеннымъ радушіемъ. Послѣ краткаго отдыха въ залѣ, открылись настежь двери въ столовую, гдѣ роскошно накрытъ былъ обѣденный столъ. Собралось все семейство хозяина, и мы, послѣ двухлѣтняго тяжкаго и скорбнаго заточенія, отвыкшіе уже отъ всѣхъ удобствъ жизни и усталые отъ томительной дороги, очутились негаданно посреди гостепріимныхъ хозяевъ, осыпавшихъ насъ ласками и угощавшихъ съ непритворнымъ радушіемъ. Осушались бокалы за наше здоровье, и хотя положеніе наше не предвѣщало намъ радостей, но мы забыли на часъ свое горе и отъ всей души заявили признательность свою за необъяснимое для насъ радушіе пріема“.

Путешественники нашли дружескій пріемъ и у чиновниковъ болѣе высокопоставленныхъ: тобольскій губернаторъ Д. Н. Бантышъ-Каменскій и красноярскій губернаторъ Бѣ-

гичевъ—оба писатели—встрѣтили своихъ собратьевъ по перу не какъ преступниковъ, а какъ добрыхъ знакомыхъ.

„По дорогѣ изъ Тобольска—разсказываетъ Муравьевъ—насъ все время смущало неисполненное желаніе догнать ѣхавшихъ передъ нами товарищей нашихъ, въ числѣ коихъ находились двое братьевъ Бестужевыхъ, Николай и Михаилъ. Нетерпѣніе Марлинскаго видѣться съ ними оборвалось на мнѣ. Нашъ оффиціальный спутникъ, принявъ въ соображеніе особое ко мнѣ расположеніе тобольскаго губернатора, обращался почтительно ко мнѣ на всякой станціи съ вопросомъ: желаю ли я отдохнуть, или приказать закладывать лошадей? Изъ этого Александръ Бестужевъ заключилъ, что отъ меня бы зависѣло уговорить квартальнаго доставить намъ возможность повидаться съ его братьями, но узнавъ отъ нашего пѣстуна, что ему строжайше предписано не съѣзжаться на станціяхъ съ опередившимъ насъ поѣздомъ, и жалѣя его, я не рѣшился вводить его въ искушеніе. Разногласіе это не разъ возбуждало между нами горячія пренія, не разстроившія, впрочемъ, нисколько нашихъ дружескихъ отношеній. При его впечатлительности и страстной натурѣ, Александръ Бестужевъ одаренъ былъ любящимъ сердцемъ, съ рѣдкою уживчивостью".

„Въ концѣ ноября мы прибыли въ Иркутскъ поздно вечеромъ и остановились у крыльца губернаторскаго дома, гдѣ насъ объяло звуками бальнаго оркестра. Мы тутъ долго ожидали распоряженія начальника губерніи; наконецъ выскочилъ на крыльцо какой-то вспотѣвшій отъ танцевъ чиновникъ и приказалъ вести насъ въ острогъ. Отворилась дверь внутренняго арестантскаго помѣщенія и я, не переступая порога, успѣлъ только замѣтить, что тамъ насъ ждутъ А. П. Юшневскій и Спиридовъ, какъ вдругъ чувствую, что меня кто-то обнялъ и лобызаетъ; это былъ не кто иной, какъ часовой, стоявшій подъ ружьемъ у дверей. Я призналъ въ немъ рядового Андреева, переведеннаго изъ стараго семе-

новскаго полка на службу въ Сибирь, вслѣдствіе разгрома, постигшаго этотъ славный полкъ".

„Не безъ утѣшенія бываетъ и самая горькая доля! На другой день подоспѣли къ намъ двое Бестужевыхъ, Николай и Михаилъ, Якушкинъ, Арбузовъ и Тютчевъ. Пожаловалъ къ намъ и губернаторъ и послѣ краткаго привѣтствія извинился передъ А. Бестужевымъ и мною, что насъ заключили въ острогъ по ошибкѣ, такъ какъ мы избавлены отъ работъ и, хотя мы просили не разлучать насъ съ товарищами, онъ, ссылаясь на какой-то законъ, приказалъ помѣстить насъ на квартиру. Горько показалось намъ неумѣстное смягченіе участи нашей [60]".

„Послѣ трехдневнаго пребыванія въ Иркутскѣ мы съ А. Бестужевымъ отправились, въ сопровожденіи молодого казачьяго урядника, къ мѣсту своего назначенія"...

24 декабря, наканунѣ Рождества, добрались они до Якутска, и здѣсь Муравьевъ съ Бестужевымъ простился. Муравьевъ ѣхалъ въ ссылку въ Вилюйскъ, а Бестужевъ остался на поселеніи въ Якутскѣ.

VIII.

О новыхъ условіяхъ жизни, въ какія попалъ теперь Александръ Александровичъ, и о новыхъ ощущеніяхъ, какія эти условія вызвали въ его душѣ, намъ даютъ довольно подробный отчетъ письма, которыя онъ писалъ въ Читу къ своимъ братьямъ Николаю и Михаилу—„къ кровнымъ и картечнымъ братьямъ", какъ онъ называлъ ихъ. Письма эти сохранились[61], хотя конечно не всѣ: и надо удивляться, что они вообще уцѣлѣли, такъ какъ, чтобы попасть изъ Якутска въ Читу, они должны были прежде побывать въ Петербургѣ въ жандармскомъ управленіи. Въ этихъ интимныхъ письмахъ собранъ очень интересный матеріалъ и біографическій, и литературный и даже этнографическій.

Жизнь Александра Александровича на дальнемъ сѣверѣ, „гдѣ кровь мерзнетъ и даже винный спиртъ прячется въ шарикъ", была не изъ веселыхъ, но нельзя назвать ее и жизнью лишеній и горя: она была скучная и томительная жизнь.

Ссыльный не находилъ себѣ мѣста въ окружающемъ обществѣ. Можно было, конечно, интересоваться жизнью и бытомъ якутовъ, приглядываться къ ихъ лѣни и нечистотѣ, къ разнымъ ихъ лукавствамъ, чтобы вывести, наконецъ, заключеніе, что „они имѣютъ пріятное качество соединять въ себѣ пріобрѣтеніе всѣхъ пороковъ образованія, съ потерею всѣхъ доблестей простоты"—эти наблюденія могли дать кое-какую пищу остроумію и ироніи; можно было также тратить все свободное время (а оно къ сожалѣнію все было свободно) на охоту, чтобы промерзать зимой до костей, а лѣтомъ убѣждаться, что дичь неучтива, лѣса безмолвны, какъ могила, и стрѣлять некого—эти прогулки могли развлечь, заставить подчасъ съострить и сказать отборной французской рѣчью: Le gibier dans les environs de Petersburg a plus d'urbanité et se laisse plomber avec meilleure grâce - но все это, конечно, быстро пріѣдалось. А въ окружающемъ городскомъ обществѣ едва ли можно было найти что-нибудь, что отвлекло бы интересъ отъ якутовъ и неразысканной дичи *). „Я мало вѣрилъ доселѣ трактатамъ господъ физіологовъ о вліяніи климата на темпераментъ, ибо въ сѣверной Пальмирѣ своей встрѣчалъ всѣ страсти Италіи хоть рѣдко, но несомнѣнно—писалъ Бестужевъ; зато здѣсь невѣріе мое склонилось подобно магнитной стрѣлкѣ: при каждомъ философскомъ взорѣ болѣе и болѣе убѣждаешься въ этой истинѣ. Здѣсь умъ и чувства людей въ какой-то спячкѣ: движенія ихъ неловки и тяжелы, рѣчь однозвучна и протяжна: сидѣть

*) Есть впрочемъ свѣдѣніе, что Бестужевъ въ Якутскѣ давалъ уроки дѣтямъ А. П. Злобина—начальника соляваренныхъ заводовъ въ Якутской области 52

есть величайшее ихъ удовольствіе и молчать—не трудъ, даже женщинамъ. Здѣсь движутся только желчныя страсти: корысть, зависть, тщеславіе. Все это течетъ съ кровью мерзло и безжизненно". Эти слова, какъ можно заключить изъ общаго контекста, сказаны Бестужевымъ о простомъ народѣ,—но и о томъ, что называется „обществомъ", онъ былъ не лучшаго мнѣнія. „У здѣшнихъ жителей—пишетъ онъ—нѣтъ ни добродушія, ни одной благородной черты въ характерѣ и дѣлать зло, чтобы показать, что они могутъ что-нибудь дѣлать, есть ихъ первое наслажденіе. Можете себѣ представить, что я не избѣгъ ихъ злословія, или за то, что самъ не кланяюсь, или за то, что мнѣ иные кланяются. Но я, какъ и всегда, мало о томъ забочусь"... „Истинное гостепріимство обледенѣло въ этомъ отечествѣ сорока-градусныхъ морозовъ: тутъ только выставка. Я не посѣщаю собраній и знакомъ только съ двумя домами. Иногда меня навѣщаютъ и наводятъ на меня скуку; видѣлъ я у себя даже хорошенькихъ дамъ. Но да будетъ тому стыдно, кто превратно истолкуетъ мои слова".

Къ дамамъ Александръ Александровичъ былъ всегда неравнодушенъ; и позднѣе, какъ мы увидимъ, онѣ вносили большое разнообразіе и даже большую тревогу и печаль въ его походную жизнь. Но въ Якутскѣ—насколько видно изъ его писемъ—однообразное теченіе этой жизни ихъ вторженіемъ не прерывалось, и Бестужевъ влачилъ свои дни, хотя—не безъ мысли о дамахъ—и изображалъ собой, какъ онъ самъ говорилъ, „модную картинку". Сердце „просило практики", но, кажется, что въ Якутскѣ этой практики не было...

Жизнь вообще была очень скучная, если не считать тѣхъ рѣдкихъ моментовъ, когда судьба заносила на сѣверъ какого-нибудь нежданнаго гостя; но, конечно, и съ этими гостями отношенія были далеки отъ сердечности и притомъ не по винѣ Бестужева. Единственный человѣкъ, съ которымъ Бестужевъ могъ подѣлиться если не чувствомъ, то хоть мыслями, былъ проѣзжій нѣмецкій ученый, докторъ филосо-

фіи Эрманъ, съ которымъ у Бестужева завязалась потомъ ученая переписка *).

„Жизнь моя весьма однообразна—писалъ онъ братьямъ. Одолѣваемъ лѣнью, но только вовсе не „сладкой", я порой лежу по цѣлымъ днямъ, поднявъ ноги на стѣну и вперивъ глаза въ потолокъ... иногда брожу одинъ, иногда съ Захаромъ (т.-е. съ его товарищемъ по поселенію гр. Захаромъ Чернышевымъ) по полямъ и болотамъ съ ружьемъ. Иногда выѣзжаю въ гору на лошади, которую нанялъ я здѣсь, и тамъ, при жужжаніи комаровъ и шумѣ тальника, мечтаю о томъ, о семъ, а пуще о ничемъ. Просыпаюсь рано, но какъ мое первѣйшее наслажденіе лежать въ постели, то нерѣдко Захаръ стаскиваетъ меня къ чаю. Около часа обѣдаемъ, иногда за чашкой кофе заводимъ полугрустный разговоръ о Читѣ, иногда переживаемъ снова петербургскіе вечера, въ 6 пьемъ чай, потомъ гуляемъ, вмѣстѣ или порознь, какъ случится; около 11-ти ужинаемъ, и обыкновенно тутъ питаемся мечтами вмѣсто десерта. Потомъ тоже, что вчера".

Скоро пришлось Бестужеву разстаться и съ Чернышевымъ. „Онъ, мой compagnon des larmes, non d'armes, уѣхалъ такъ поспѣшно, что едва успѣлъ выговорить adieu, такъ что послѣднее Dieu относилось болѣе къ путешественнику, нежели ко мнѣ—писалъ Бестужевъ въ мартѣ 1829 г... Я не предаюсь, однако, плаксивнымъ жалобамъ, я въ ровномъ расположеніи духа"—Что впрочемъ означало это слово „ровное"? „Моя жизнь хуже, чѣмъ ничто—говорилъ онъ вскорѣ послѣ отъѣзда товарища.—Обычныя слова часовыхъ при смѣнахъ: „все обстоитъ благополучно", могутъ служить ей эпиграфомъ. Такое классическое однообразіе опротивѣло мнѣ... попиваю чай и покуриваю трубку; отъ времени до времени примѣшиваются нѣсколько вздоховъ, которыхъ никто не

*) Ученое письмо Бестужева изъ Сибири Эрманъ не получилъ и только спустя много лѣтъ прочиталъ его въ собраніи сочиненій Бестужева.

можетъ раздѣлить, и зѣвота, которую никакой сонъ не въ состояніи унять"...

Такъ протекли полтора года (декабрь 1827—іюль 1829.) Настроеніе духа Бестужева оставалось ровнымъ: ни вспышекъ надеждъ, ни вспышекъ отчаянія. „Невымышленныя горести подостойнѣе тѣхъ, которыя имѣли честь безпокоить меня на раздольѣ"—говорилъ онъ, и терпѣливо „переживалъ" свою участь... Иной разъ самъ себя увѣрялъ, что скучать не должно, что сердце полно важнѣйшихъ чувствъ и въ селезенкѣ нѣтъ мѣста для сплину... въ другую, болѣе печальную минуту, не могъ не сказать себѣ правды въ глаза и признаться, что вчера для него обнажено отъ воспоминаній, а завтра отъ надеждъ, что всѣ чувства, которыя роятся около сердца и мысли, которыя около ума сверкаютъ—роятся и сверкаютъ даромъ; иногда его начинала пугать мысль о томъ, что Якутскъ конечный этапъ его жизни; и онъ рядилъ эту мысль въ иронію, говоря, что не рискуетъ послѣ смерти промочить ноги въ оледенѣлой землѣ Якутска, и что кости его когда-нибудь будутъ найдены вмѣстѣ со скелетомъ мамонта...

Но тяжелѣй всего ложилась ему на душу мысль о братьяхъ Михаилѣ и Николаѣ. Чита съ ея острогомъ и каторгой грезились ему и отравляли ему рѣдкія минуты, не радости—ея не было—а просто покоя: „Боже мой, Боже мой!—говорилъ онъ. Зачѣмъ вы не со мною? какъ часто я думаю, принимаясь за ложку: я бы былъ счастливъ, если бы они дѣлили скромный обѣдъ мой—думаю, и обѣдъ мой стынетъ неприкосновенъ". Бестужевъ любилъ, глубоко любилъ этихъ братьевъ, жизнь которыхъ была „безотвѣтна какъ могила"...

Свою собственную жизнь Александръ Александровичъ стремился, впрочемъ, нѣсколько разнообразить литературной работой. Въ книгахъ недостатка не было; его мать наслала ему цѣлую гору... Его товарищъ Чернышевъ снабжалъ его также иностранными классиками въ оригиналахъ. Читалъ

Бестужевъ много, преимущественно по нѣмецки. Онъ, какъ самъ выражался, плотно принялся за германизмъ,—сразу засѣлъ за труднѣйшихъ авторовъ, осиливалъ „Валленштейна“ Шиллера, и ломалъ голову надъ „Фаустомъ“ Гете, и сталъ разбирать Данта въ подлинникѣ. Трудъ былъ не напрасный, потому что спустя мѣсяцъ упорнаго чтенія онъ могъ понимать этихъ авторовъ безъ посторонней помощи. Чтобы лишить себя всякаго развлеченія, онъ даже обрилъ себѣ голову и благодаря этой энергической мѣрѣ „могъ черпать съ жадностью изъ сокровищницы наслажденій“... Читалъ онъ много и по-англійски: услаждалъ себя Томасомъ Муромъ, который сумѣлъ такъ „объитальянить“ неблагородный англійскій языкъ и чувства котораго были „знойны и томны, какъ климатъ Петрарки“... читалъ запоемъ Байрона и исподволь малыми порціями воспринималъ красоты Гомера, который „подавлялъ его своимъ величіемъ и заставлялъ изнемогать его разумъ подъ тяжестью возбуждаемыхъ имъ мыслей“...

Въ своей ученой книгѣ „Reise um die Erde“ Эрманъ, встрѣтившій Бестужева въ Якутскѣ, вспомнилъ о своемъ мимолетномъ знакомомъ и набросалъ довольно живую картинку его жизни въ Якутскѣ.

„Однажды вечеромъ, разсказываетъ Эрманъ, когда въ присутствіи многихъ Якутовъ, я производилъ мои астрономическія наблюденія, меня въ темнотѣ поразили французскія слова и вопросъ одного человѣка, который спросилъ меня пожелаю ли я повидать его, хотя онъ и зовется Бестужевымъ? Я разсѣялъ его сомнѣніе, отвѣтивъ ему казацкой поговоркой „гора съ горой не сходится, а человѣкъ съ человѣкомъ“, и затѣмъ въ моемъ одинокомъ жилищѣ я имѣлъ возможность насладиться очень занимательнымъ разговоромъ. Въ человѣкѣ, который звуками цѣпей и въ тюрьмѣ былъ пробужденъ ото сна свободы, который затѣмъ ожидая позорной смерти, какъ благодѣяніе принялъ изгнаніе—въ такомъ человѣкѣ я могъ бы ожидать встрѣтить извѣстную

черствость или стоическое равнодушіе. Здѣсь же былъ предо мной человѣкъ, который въ чертахъ лица, словахъ и фигурѣ сохранилъ всю свѣжесть юности и блескъ благороднаго таланта. Онъ признался мнѣ, что веселость настроенія въ немъ противъ воли всегда заново зарождается; что тяжесть прошлаго и безнадежнаго будущаго должно было бы естественно давить его, но что въ немъ все-таки достаточно любви къ настоящему и смѣлости, чтобы имъ пользоваться.

Александръ Бестужевъ вступилъ въ кругъ заговорщиковъ задолго до взрыва революціи. Убѣжденный въ даровитости русскаго народа, онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые хотѣли сразу пробудить ее изъ крѣпостного рабства, къ жизни законной и свободной [zu einer freien Verfassung].

Это освобожденіе было ихъ главной цѣлью, когда они рѣшились на крайнее и они надѣялись, что они одержатъ верхъ надъ нѣкоторыми ихъ сотоварищами по заговору, которые были имъ подозрительны, вслѣдствіе ихъ корыстнаго честолюбія(?).

Бурными рѣчами, какія подсказало ему мгновеніе, Бестужевъ воспламенилъ сердца солдатъ. Никто изъ офицеровъ полка не измѣнилъ своей присягѣ и все-таки 5 ротъ солдатъ захватили въ арсеналѣ полка ружья и патроны. Они двинулись въ строю, съ развѣвающимися знаменами къ площади Исакія и во главѣ ихъ шелъ только одинъ ихъ ораторъ Бестужевъ, который нашелъ для нихъ чисто русскія слова. А между тѣмъ почти всѣ они видѣли его въ первый разъ и на немъ былъ мундиръ для нихъ чуждый.

Извѣстно какъ Императоръ своимъ рыцарскимъ презрѣніемъ къ смерти вызвалъ въ вожакахъ раскаяніе, а въ массахъ – покорность. Всѣ казалось были покорены нравственной силой его побѣды. Думать о пощадѣ нельзя было, но тѣмъ не менѣе никто не воспользовался возможностью бѣжать, хотя эта возможность и представлялась въ минуты первой тревоги. Бестужевъ въ теченіи этого дня избѣгъ всѣхъ преслѣдованій, но ночью возвратился изъ отдаленнаго

предмѣстья и прошелъ незамѣченнымъ сквозь сторожевые артиллерійскіе посты, которые стояли при горящемъ огнѣ около орудій. Онъ отправился въ Императорскій дворецъ, гдѣ его съ ужасомъ встрѣтилъ одинъ изъ его знакомыхъ, который былъ въ караулѣ. Цѣпи, которыя онъ носилъ сначала въ Петропавловской крѣпости, а затѣмъ въ одной финляндской цитадели, и смерть его друзей, умершихъ рядомъ съ нимъ на эшафотѣ отъ руки палача, не смогли въ изгнанникѣ потушить память объ одномъ моментѣ той первой страдальческой ночи. Онъ еще и теперь съ потрясеніемъ разсказываетъ какъ Императоръ одинъ вышелъ ему навстрѣчу въ большой и почти темной комнатѣ дворца и съ непокоримой силой во взглядѣ [Hoheit des Blickes] говорилъ ему о вѣрноподданныхъ чувствахъ его отца генерала Бестужева и о вырожденіи [Entartung] его сыновей...

Здѣсь въ Якутскѣ Бестужевъ, самъ о томъ не стараясь, расположилъ къ себѣ всѣ сердца живостью своего ума, красотой, энергичнымъ лицомъ и фигурой. Въ домѣ губернатора каждый сожалѣлъ что только рѣдко можно видѣть этого, самаго интереснаго изъ жителей Якутска. Сибиряки и якуты, для которыхъ всѣ европейскія событія проходятъ безслѣдно, и они не стѣснялись выказывать свою симпатію къ этому новому ихъ согражданину. Они ему давали лошадей, чтобы онъ могъ ѣздить на охоту или въ сосѣдніе лѣса къ близъ-лежащимъ юртамъ. Эта доля свободы была предоставлена ссыльному, которому въ случаѣ его бѣгства грозила бы участь несравненно болѣе тяжкая чѣмъ та, въ которой онъ обрѣтался...

Бестужевъ только что за нѣсколько недѣль разстался со своимъ товарищемъ по несчастію, котораго помиловали и котораго я встрѣтилъ въ Иркутскѣ. Въ наслѣдство отъ него ему осталась та хижина, въ которой они вдвоемъ жили и которую украсили странной смѣсью якутской утвари и нѣкоторыми остатками европейской обстановки Здѣсь находилось также нѣсколько книгъ, которыя разрѣшено было

посылать ссыльнымъ. Среди нихъ я нашелъ экземпляръ „Фауста“ Гете, вѣроятно первый экземпляръ въ странѣ, столь же холодной, какъ сѣверный полюсъ.

Бестужевъ утѣшалъ себя также наблюденіями той удивительной обстановки, въ которой онъ очутился. Многіе нравы якутовъ онъ записалъ и изобразилъ въ рисункахъ и помышлялъ конецъ своей жизни посвятить изученію языка якутовъ и тѣмъ этнографическимъ вопросамъ, которые съ ихъ бытомъ связаны[53]“.

IX.

Писалъ Бестужевъ въ Якутскѣ очень мало, и это его тревожило; онъ все отыскивалъ причину такого „зла“—и думалъ, что она въ лѣни, которая разрослась въ немъ, какъ добрая крапива... Но онъ напрасно мучилъ себя этими мыслями: его талантъ не шелъ на убыль, а наоборотъ какъ будто собирался съ силами, чтобы сразу развернуться. Правда, ничего крупнаго и цѣльнаго Бестужевъ за время своей жизни въ Якутскѣ не создалъ; ему какъ то совсѣмъ не писалось прозой, но за то челнокъ его воображенія, какъ онъ говорилъ, запутался въ нитяхъ риѳмъ. Онъ писалъ стихи и писалъ ихъ много. „Его ртутная фантазія, какъ летучая рыбка, кидалась въ разные элементы, не проникая ихъ“, и плодомъ этихъ полетовъ были все стихотворныя мелочи, которымъ самъ авторъ не набивалъ особенно цѣны, судя по тому, что закуривалъ ими иногда свою трубку.

За длинныя и серьезныя темы онъ не брался, предпочитая лирическую пѣснь, описательное стихотвореніе или балладу. Въ хорошемъ балладномъ стилѣ разработалъ онъ напр. Якутскую легенду о невѣрной женѣ „Саатырь“. Много мѣстныхъ красокъ въ описаніи якутскихъ похоронъ и вѣрованій о шаманахъ перемѣшано въ этой балладѣ съ обычными красками западнаго романтизма... Много чувства и живости

воображенія въ описаніи водопада Шебутуй, который наводилъ Бестужева на грустныя мысли:

Тебѣ подобно, гордый, шумной,
Отъ высоты родимыхъ скалъ,
Влекомый страстію безумной,
Я въ бездну гибели упалъ.
Зачѣмъ же моего паденья,
Какъ твоего паденья дымъ,
Дуга небеснаго прощенья,
Не озаритъ лучемъ своимъ!

Попадаются въ его тетрадкахъ какъ бы „байроническіе“ мотивы на тему о черепахъ и Наполеоновой колесницѣ; есть и переводы изъ Гете въ тонѣ очень мажорномъ...

Встрѣчаются пейзажи, полные поэтическаго настроенія:

Тяжко ходятъ волны хладныя,
Буйно вѣтръ шумитъ крыломъ,
Только вьются чайки жадныя,
На поморіи пустомъ.
Только блещетъ за туманами,
Какъ созвѣздіе морей,
Надъ зыбучими полянами
Стая позднихъ лебедей.
Только съ хищностью упорною
Ихъ медлительный отлетъ
Надъ твердынею подзорною,
Дикій беркутъ стережетъ...
Какъ осеннее дыханіе,
Красоту съ ея чела,
Такъ съ души моей сіяніе,
Длань судьбины сорвала...
Вѣй же пѣсней усыпительной
Перелетная мятель,
Хладъ забвенія мирительный
Сердца тлѣющаго цѣль...
Хоть порой улыбка пѣжная
Озаритъ мои черты,
— Это радуга наснѣжная
На могильные цвѣты.

Иногда настроеніе мѣнялось и удивительно жизнерадост-

ный „тостъ“ посылалъ тогда Бестужевъ своимъ братьямъ въ ихъ безпросвѣтную тюрьму:

Вы со мной—и ледъ сомнѣнья
Растопилъ отрадный лучъ,
И невольно, цѣпенѣнья
Изъ души пробился ключъ!
Раздавайся-жъ кликъ заздравный:
Благоденствіе—живи,
На Руси перводержавной
Въ лонѣ правды и любви!
И слезами винограда
Изъ чистѣйшаго сребра,
Да прольется ей услада
Просвѣщенья и добра!

Но послѣ такого подъема печаль вновь заволакивала его сердце:

«Давно-ль меня
Съ родимаго порога,
Сманила жизнь на пышный пиръ?
И какъ безгранная дорога
Передо мной открылся міръ!
И случай, преклоняя темя,
Держалъ мнѣ золотое стремя,
И гордо бросивъ повода,
Я поскакалъ туда, туда!.
. . . . . .
Очнулся я отъ страшной грезы,
Но все душа тоски полна,
И мнилось гнутъ меня желѣзы
Къ веслу убогаго челна...
На чуждомъ небѣ тьма ночная;
Какъ сонъ бѣжитъ далекій брегъ
И шуму жизни чуть внимая
Стремлю туда невольный бѣгъ,
Гдѣ вѣченъ ледъ, и вѣчны тучи,
И вѣчносѣемая мгла,
Гдѣ жизнь зачахнувъ, умерла,
Среди пустынь и тундръ зыбучихъ....
Забвенья токъ меня лелѣетъ,
Мечта уснула надъ весломъ,
И время въ тихій парусъ вѣетъ
Своимъ мирительнымъ крыломъ.

Все мертво у меня кругомъ,
И близко бездна океана,
Бѣлѣетъ саваномъ тумана *).

*) Стихи, какъ видимъ, не блещутъ отдѣлкой. Но въ нихъ есть порой и образность, и сила. Любопытны также неологизмы—къ которымъ Бестужевъ вообще питалъ пристрастіе

Въ числѣ запрещенныхъ стихотвореній декабристовъ, помѣщаются обыкновенно 2 стихотворенія («Пѣсня» и Дума «Прокаженный»), приписываемыя А Бестужеву. Имъ ли они написаны, и гдѣ они сочинены—неизвѣстно[54].

Одно изъ нихъ описаніе битвы подъ Бѣлой Церковью, 2 января, 1826 г. гдѣ сражался возставшій батальонъ Черниговскаго полка подъ начальствомъ Сергѣя Ивановича Муравьева-Апостола

Пѣсня.

(на голосъ: «Ужъ какъ палъ туманъ на сине море».)

Что не вѣтеръ шумитъ во сыромъ бору—
Муравьевъ идетъ на кровавый пиръ.
Съ нимъ Черниговцы идутъ грудью стать,
Сложить голову за Россію мать!
И не бурей палъ долу крѣпкій дубъ,
А измѣнникъ—червь подточилъ его.
Закатилася воля—солнышко—
Смерти ночь легла въ поле бранное...
Какъ на полѣ томъ бранный конь стоитъ:
На землѣ предъ нимъ витязь младъ лежитъ.
Конь мой, конь! скачи въ святой Кіевъ-градъ;
Тамъ товарищи, тамъ мой милый братъ.
Отнеси ты къ нимъ мой послѣдній вздохъ,
И скажи: «цѣпей я нести не могъ...
Пережить нельзя мысли горестной,
Что не могъ купить кровью вольности!» 1827 г.

Другое стихотвореніе какъ будто варіяція на тему о «Пророкѣ» съ очень гуманной тенденціей:

Прокаженный.

Дума.

Народъ зоветъ его безумнымъ, прокаженнымъ;
Но умъ его покрытъ таинственною мглой:
Въ немъ старецъ опытный съ младенцемъ откровеннымъ,
Граничатъ въ жизни межъ собой.

X.

Бестужевъ скучалъ, и 10 февраля 1829 года рѣшился попытать счастія. Онъ написалъ графу Дибичу письмо, въ ко-

---

Въ изодранномъ рубищѣ, какъ труженикъ убогій,
Я зрѣлъ, какъ онъ спѣшитъ къ играющимъ птенцамъ,
Какъ мрачно онъ взиралъ на пышные чертоги,
И радостно на Божій храмъ.
Онъ взоры отвращалъ, встрѣчаяся съ преступнымъ,
Какъ будто-бъ мысль его мгновенно онъ проникъ;
И человѣчеству казался недоступнымъ
Его двусмысленный языкъ.
На страждущую чернь чего-то содрогаясь,
Съ тупымъ вниманіемъ, какъ часто онъ глядѣлъ,
На хартію судебъ какъ будто опираясь,
Онъ что то высказать хотѣлъ.
Съ молитвою въ устахъ, въ движеньяхъ изступленныхъ,
Для нищей братіи онъ милостынь молилъ,
И страждущихъ сиротъ, и вдовъ изнеможенныхъ,
Рукой изсохшею крестилъ.
И твердый какъ скала противъ ударовъ грома,
Безропотно носилъ страдальческій вѣнецъ:
Скитаясь по свѣту безъ кровныхъ и безъ дома,
Казалось, былъ живой мертвецъ.
Я самъ внималъ ему, когда онъ безъ боязни,
Злодѣю сильному паденье предрекалъ;
Я зрѣлъ его, какъ онъ на страшномъ мѣстѣ казни,
За осужденнаго страдалъ.
Какъ жадно онъ внималъ напѣвамъ погребальнымъ,
И смерть благословлялъ, какъ грань земной борьбы,
Объятья простиралъ къ развалинамъ печальнымъ,
Онъ самъ—развалина судьбы.
Таинственный глаголъ, чувствъ праведныхъ избытокъ,
Какъ цѣпи узника томили старика,
И тщетно передъ нимъ развертывала свитокъ
Временъ маститая рука.
Миръ праху твоему! Всевышняго избранникъ,
Предвѣдѣній твоихъ никто не оцѣнитъ,
Лишь я, младой пѣвецъ, родной земли изгнанникъ,
Твой подвигъ думаю почтить.

торомъ говорилъ между прочимъ: „великодушная снисходительность Вашего Сіятельства, которую имѣлъ я счастіе испытать, осмѣливаетъ меня вознести до взора вашего просьбу равно покорную и пламенную: о предстательствѣ Вашимъ Сіятельствомъ предъ Особою милостивѣйшаго Монарха о дозволеніи вступить мнѣ рядовымъ подъ знамена, коимъ вы указываете слѣдъ къ побѣдамъ. Высокой душѣ, воспитанной въ битвахъ, понятны страданія военнаго, осужденнаго тлѣть въ праздности, когда слава русскаго оружія гремитъ надъ колыбелью древняго міра и надъ гробомъ Магометовымъ. Но испрашивая сію милость, ищу не выгодъ и отличій—ищу только случая пролить кровь мою за славу Государя и съ честью кончить жизнь, имъ дарованную, чтобы на прахѣ моемъ не тяготѣло имя преступника“.

Письмо было писано въ надеждѣ, что оно попадетъ въ тѣ руки, для которыхъ собственно было предназначено. И оно попало. Оно было доложено Императору, и 13 апрѣля 1829 г. состоялось повелѣніе: Александра Бестужева опредѣлить рядовымъ въ дѣйствующіе полки Кавказскаго корпуса, съ тѣмъ, чтобы и за отличіе не представлять къ повышенію, но донести только, какое именно отличіе имъ сдѣлано“[55].

Черезъ два мѣсяца Бестужевъ былъ уже въ Иркутскѣ, а затѣмъ спустя еще мѣсяцъ на Кавказѣ *).

„Богъ одинъ знаетъ, что̀ перенесъ я въ эти 5 лѣтъ, писалъ онъ, вспоминая прожитое время. Строгое испытаніе

---

*) 18 сентября 1829 онъ былъ переведенъ рядовымъ въ 41-ый Егерскій полкъ.

8 декабря 1829 назначенъ въ Грузинскій линейный батальонъ № 10.

9 декабря 1833 переведенъ въ Грузинскій линейный батальонъ № 2.

4 іюня 1835 произведенъ въ унтеръ-офицеры и переведенъ въ Черногорскій линейный батальонъ въ экспедицію противъ горцевъ.

3 мая 1836 за отличіе произведенъ въ прапорщики и переведенъ въ Черногорскій батальонъ № 5.

18 октября 1836 переведенъ въ Черногорскій батальонъ № 10.

7 іюня 1837 убитъ.

ждало меня и здѣсь, но крыло Провидѣнія вѣяло надо мною, и я не упалъ духомъ: казалось онъ закалился въ тучѣ страданій. Я совлекся многихъ заблужденій, развилъ и нашелъ много новыхъ идей, укрѣпился опытомъ, и вѣра въ Провидѣніе, зиждущее изъ частныхъ бѣдъ общее благо человѣчества, и любовь къ этому слѣпому человѣчеству грѣютъ, одушевляютъ меня посреди зимы моей участи. Даже воображеніе мое, пажъ-чародѣй, порою приподнимаетъ цѣпь судьбы какъ хвостъ знатной дамы, и я не слышу тогда ея тяжести[56].

Бестужевъ покидалъ Якутскъ съ легкимъ сердцемъ, въ самомъ веселомъ настроеніи и всю дорогу не переставалъ быть веселъ. Она занимала его своими опасностями и красотами. „Дорога моя—разсказываетъ онъ[57]—была живописное путешествіе. Вся сибирская природа тогда оживала наравнѣ съ моими надеждами. Дикій, пустынный берегъ Лены, по которому скакалъ я верхомъ, на каждомъ поворотѣ представлялъ новые, прелестные виды. Я долженъ былъ ѣхать по гребню горъ и весьма часто по краю отвѣснаго берега, и самая опасность прибавляла наслажденія. Нерѣдко также приходилось спускаться на затопленный берегъ и ѣхать по поясъ въ водѣ, не зная, что за шагъ обрывъ или яма встрѣтитъ тебя, и потомъ объѣзжать съ самой рѣки скалу, заступившую дорогу. Переправа черезъ широкія рѣки могла бы одна потребовать тома: иногда въ бродъ по гребню камней водопада, ревущаго подъ ногами, иногда въ берестяномъ челнѣ плывя сзади коней, готовыхъ его опрокинуть, иногда на срубленной соснѣ, иногда вплавь... Случалось не разъ, что мы принуждены бывали класть жерди съ сучка до сучка потопленныхъ деревъ и по нимъ переправляться черезъ болотистую рѣчку, перенося на плечахъ чемоданы и балансируя надъ пучиной. Случалось, въѣзжая къ верховью поперечныхъ рѣкъ для пріиска броду, прорубать себѣ дорогу въ чащѣ, въ которой отъ вѣка не была стопа человѣческая. Наконецъ, во многихъ случаяхъ опасныхъ, встрѣчаясь

раза два съ медвѣдями, носомъ къ носу, я прибылъ въ Иркутскъ".

Въ Иркутскѣ стоянка была не долгая, всего лишь недѣлю. 4 іюля Бестужевъ вмѣстѣ съ Толстымъ, однимъ изъ своихъ „картечныхъ" братьевъ, отправились въ покойномъ экипажѣ дальше. Они скоро оставили за собой волнистыя долины Иркутской губерніи; скоро Обь и Енисей зашумѣли за ними и они, напутствуемые во всю дорогу зноемъ, въѣхали въ печальную тундру Барабинской степи. Стоячія болота заражали воздухъ; кони въ деревняхъ валились тысячами и язва перешла на людей. Они проѣзжали съ опасностью сквозь и около зараженныхъ деревень и нерѣдко впрягали жеребятъ въ повозки, имѣя на козлахъ привидѣніе вмѣсто кучера. Наконецъ, черезъ двѣ недѣли они покинули Сибирь и въѣхали въ Россію, оставя за собой уральскій хребетъ и богатые, прелестные его уголки и деревни. Черезъ Екатеринбургъ скакали они, не ночуя, нигдѣ не останавливаясь до самаго Симбирска. Тамъ пересѣли въ телѣги и ровно черезъ мѣсяцъ увидали снѣжные верхи Кавказа.

Путь ихъ лежалъ прямо на Тифлисъ, по теперешней военно-грузинской дорогѣ. Она привела Бестужева въ восхищеніе. Нашъ любитель эффектовъ не могъ вдоволь насмотрѣться на гряды льдовъ, озаренныхъ лучами солнца. „Все это стоитъ кисти Сальватора", говорилъ онъ, вполнѣ вѣрно опредѣляя характеръ раскинувшагося передъ нимъ пейзажа.

Въ Тифлисѣ Бестужевъ оставался не долго; онъ спѣшилъ къ дѣйствующей арміи и черезъ восемь дней былъ въ Эрзерумѣ, гдѣ и встрѣтился со своими братьями Павломъ и Петромъ, съ которыми неоднократно потомъ приходилось ему, на радость и на горе, встрѣчаться и жить вмѣстѣ.

Изъ Эрзерума Бестужевъ, сгорая нетерпѣніемъ принять участіе въ „дѣлѣ", направился дальше, но кампанія уже кончалась и ему пришлось участвовать лишь въ штурмѣ Байбурта. Въ этомъ первомъ дѣлѣ онъ обнаружилъ впервые ту

геройскую храбрость и выдержку, которыми такъ славился потомъ на Кавказѣ.

„Завладѣвъ высотами, мы кинулись въ городъ,—разсказываетъ онъ,—ворвались туда черезъ засѣки, прошли его насквозь, преслѣдуя бѣгущихъ и, наконецъ, верстъ пять далѣе вступили въ дѣло съ Лазами, сбили ихъ съ горы и пошла рукопашная. Я былъ ужасно утомленъ усиліями карабкаться по каменистой крутой горѣ, пересѣченной оврагами, въ полной аммуниціи и въ шинели. Но вся добыча, которую я себѣ позволилъ, состояла въ кисти винограда и въ турецкомъ молитвенникѣ: хозяинъ заплатилъ за это жизнью. Возвращаясь по полю, усѣянному мертвыми тѣлами, разумѣется обнаженными, и видя иныхъ еще дышущими, съ запекшеюся кровью на устахъ и лицѣ, видя всюду грабежъ, насиліе, пожаръ,—словомъ всѣ ужасы, сопровождающіе приступъ и битву, я удивлялся, не чувствуя въ себѣ содраганія; казалось, какъ будто я выросъ въ этомъ, какъ будто это должно было такъ быть: какъ скоро привыкаетъ человѣкъ къ этимъ картинамъ! Сознаніе, что ты не въ состояніи помочь, ни отвратить, дѣлаетъ тебя почти равнодушнымъ. Ввечеру зрѣлище было ужасно великолѣпно. Городъ пылалъ, и кровавое зарево отражалось на купахъ утесовъ, на высокихъ тополяхъ и въ гремучихъ струяхъ Чароха. Невнятный гулъ раздавался въ серединѣ города, отданнаго на разграбленіе; пѣсни и выстрѣлы изъ взятыхъ ружей раздавались въ станѣ. Солдаты, сгибаясь подъ ношею, тащили всякую всячину: мѣняли, продавали; золоченыя рамы, пестрые шкафы трещали въ кострахъ бивачныхъ, на которыхъ жарили, варили и пекли съ масломъ и медомъ. Радость и веселье одушевляли всѣхъ. Я сѣлъ на коня и поѣхалъ посмотрѣть Байбуртъ. Онъ походилъ на печь: огонь и дымъ стлался поверху; по улицамъ бродили толпы солдатъ, доискивая остатковъ, ломая все, что ломается, разбивая объ уголъ даже глиняные горшки. Дома, большею частью съ навѣшеннымъ этажомъ, рухали вдругъ всею массою. Нѣсколько армян-

скихъ семействъ глядѣли на пожаръ издали, и плакали тихо. Тамъ рыдала турчанка-старуха надъ тѣломъ сына... Тамъ... Но я опускаю завѣсу"...

Послѣ этихъ бурныхъ дней наступили для Бестужева опять долгіе годы совсѣмъ неожиданнаго затишья. Байбуртъ былъ взятъ, армія съ главнокомандующимъ ушла на квартиры, оставивъ лишь нѣсколько отрядовъ на границѣ, и Бестужевъ, побродивъ по развалинамъ царства Армянскаго, повидавъ печальную страну завоеванной Персіи, потоптавъ подножіе Арарата, побывавъ въ Сардарабазѣ, въ зачумленной Эривани,—больной очутился въ Тифлисѣ. Мечты его не исполнились, надежды на бурную военную жизнь и на возможность отличиться не оправдались; штрафной рядовой ничего не выигралъ и только фантазія поэта обогатилась новыми впечатлѣніями, да сердце—встрѣчею съ братьями и съ товарищами.

Случай чуть-чуть не свелъ его въ это время съ Пушкинымъ. „Скажите, что нѣтъ судьбы—писалъ онъ К. Полевому. Я сломя голову скакалъ по утесамъ Кавказа, встрѣтя его (т.-е. Пушкина) повозку. Мнѣ сказали, что онъ у Бориса Чиляева, моего стараго однокашника. Спѣшу, пріѣзжаю—гдѣ онъ? Сейчасъ лишь уѣхалъ, и какъ нарочно ему дали провожатаго по новой околесной дорогѣ, такъ что онъ со мной и не встрѣтился. Я рвалъ на себѣ волосы съ досады—сколько вещей я бы ему высказалъ, сколько узналъ бы отъ него и случай развелъ насъ на долгіе, можетъ быть, на безконечные годы".

Въ Тифлисѣ зимой 1830 г. Бестужеву жилось довольно весело *).

„Въ зиму 1830 г., разсказываетъ Гангебловъ, декабристы проживали въ Тифлисѣ подъ разными законными и незаконными предлогами. Бестужевъ тогда только-что выздоровѣлъ. Въ настроеніи духа декабристовъ нисколько не замѣчалось,

*) Въ Тифлисѣ онъ съѣхался со своими братьями Павломъ и Петромъ.

чтобы они пріуныли, чтобъ выражали сожалѣніе о томъ, что жизненныя надежды каждаго изъ нихъ имъ измѣнили. Гдѣ ни встрѣчались, гдѣ ни сходились они, начиная съ Арзрума, всегда они казались веселыми, привѣтливыми какъ между собой, такъ и съ другими“ [58].

Душой этихъ бесѣдъ былъ Александръ Александровичъ. Любопытный портретъ его сохранился въ запискахъ одного современника, въ ту пору проживавшаго въ Тифлисѣ. „Я имѣлъ случай встрѣчать его часто у его брата Павла—разсказываетъ этотъ современникъ [59]. Какъ человѣкъ, онъ отличался благородствомъ души, былъ слегка тщеславенъ, въ обыкновенномъ свѣтскомъ разговорѣ ослѣплялъ бѣглымъ огнемъ остротъ и каламбуровъ, при обсужденіи же серьезныхъ вопросовъ путался въ софизмахъ, обладая болѣе блестящимъ, чѣмъ основательнымъ умомъ. Онъ былъ красивый мужчина и нравился женщинамъ не только какъ писатель, о чемъ въ мое время кое-что поговаривали въ Тифлисѣ“.

Это послѣднее замѣчаніе оттѣняетъ одну черту въ характерѣ нашего писателя, которая теперь начнетъ проступать все яснѣе и яснѣе наружу, а именно—его волокитство. Частью по врожденной склонности къ донъ-жуанству, склонности, которой онъ славился еще въ Петербургѣ, частью отъ скуки, онъ сталъ усиленно разнообразить свою жизнь всевозможными подвигами любви. Началось это съ Тифлиса. Впрочемъ, здѣсь ему не пришлось отдыхать долго.

Доносы, которые писались куда слѣдуетъ *) и въ которыхъ говорилось о той опасности, какая можетъ возникнуть отъ сближенія молодыхъ офицеровъ съ людьми, осужденными закономъ за политическія преступленія, сдѣлали быстро свое дѣло [61] и веселыхъ друзей, собравшихся такъ неожиданно

*) Еще при командированіи въ армію за Бестужевымъ приказано было имѣть тайный бдительный надзоръ. Слѣдили очень ревностно и строго. Паскевичъ даже смѣстилъ Тифлисскаго коменданта Бухарина, у котораго бывалъ Бестужевъ, когда для закупки различныхъ потребностей онъ вмѣстѣ съ другими нижними чинами пріѣзжалъ въ Тифлисъ въ ноябрѣ 1829 года [60].

въ Тифлисѣ, разослали по разнымъ мѣстамъ. „Ихъ разослали съ жандармами, разсказываетъ Гангебловъ. Дѣло вышло изъ-за Бестужева, котораго обвинили въ томъ, что онъ будто бы подбивалъ на ослушаніе офицеровъ, которые пренебрегали своими служебными обязанностями, и жилъ неизвѣстно по какому праву въ Тифлисѣ. Но Бестужевъ былъ не при чемъ и офицерскія собранія, на которыхъ онъ участвовалъ, были самаго невиннаго свойства“ [62].

Бестужева перевели въ Дербентскій гарнизонный батальонъ въ 1-ую роту и ему пришлось проскучать и пострадать въ Дербентѣ цѣлыхъ четыре года (1830 – 1834)[63].

Разочарованіе Александра Александровича было полное. Онъ ѣхалъ на Кавказъ съ большими надеждами: ему хотѣлось служить, служить въ первыхъ рядахъ нашей арміи, онъ жаждалъ подвиговъ и отличія, а на долю его выпала теперь скучная, тяжелая безцѣльная гарнизонная служба. Ему сначала не вѣрилось, что судьба съ нимъ такъ зло поступила, и онъ на первыхъ порахъ даже попытался бороться съ нею. Онъ умолялъ свою мать написать А. Х. Бенкендорфу „о предстательствѣ его передъ тономъ за несчастливца, желающаго быть переведеннымъ въ какой-либо армейскій полкъ, для того только, чтобъ участвовать въ открывающейся кампаніи противъ горцевъ“. „Истлѣвая въ гарнизонѣ,— писалъ онъ,—могу ли я загладить минувшее? А я полумертвый готовъ былъ бы отправиться въ походъ, такъ сильно во мнѣ желаніе заслужить кровью прежній проступокъ передъ Государемъ Императоромъ, котораго уважаю, какъ великодушнаго Монарха, и уважаю, какъ великаго человѣка“.

Бестужевъ все прислушивался къ военному шуму, который издали до него доносился, онъ все спрашивалъ, не будетъ ли что съ Персіей или съ Дагестаномъ, чтобы туда ринуться, но ему пришлось сидѣть спокойно на мѣстѣ и рядовымъ отбывать безполезную службу въ крѣпости. „Мы вьемъ изъ песку веревку—писалъ онъ съ ироніей своимъ

братьямъ въ Сибирь—трудъ безконечный, но чрезвычайно-полезный"; и, не будучи въ состояніи идти врагамъ на встрѣчу, превозмогая свою „хорьковую дремоту", онъ сидѣлъ и ждалъ, когда они сами придутъ къ нему.

Столь ожидаемая имъ буря, наконецъ, налетѣла осенью 1831 г. Знаменитый кавказскій герой Кази-Мула подступилъ къ самымъ стѣнамъ Дербента и восемь дней держалъ въ осадѣ городъ. Каждый день подъ стѣнами были у нашихъ „гомеровскія стычки" съ непріятелемъ, при которыхъ не упускалъ случая порыскать и Бестужевъ. Горцы готовились штурмовать городъ, настроили огромныхъ лѣстницъ и неизвѣстно, чѣмъ бы дѣло кончилось, если бы на выручку не приспѣлъ генералъ Кохановъ. Горцы бѣжали и гарнизонъ изъ оборонительнаго положенія перешелъ въ наступательное. „Я дышалъ эту осень своей атмосферой—писалъ Бестужевъ своимъ братьямъ въ ихъ Петровское кладбище—я дышалъ дымомъ пороха, туманомъ горъ. Я топталъ снѣга Кавказа, я дрался съ сынами его—достойные враги! Какія куклы передъ ними персы и турки, какъ искусно умѣютъ они сражаться, какъ геройски рѣшаются умирать! Имя русское здѣсь только въ одномъ мѣстѣ изъ цѣлаго свѣта не наводитъ трепета. Я былъ въ нѣсколькихъ жаркихъ дѣлахъ всегда впереди, въ стрѣлкахъ; не разъ былъ въ мѣстахъ очень опасныхъ; но Богъ, который выводилъ меня изъ челюстей львиныхъ и прежде, не далъ укусить ни одной свинцовой мухѣ. А онѣ, впрочемъ, крѣпко до меня добирались: шинель моя пробита въ двухъ мѣстахъ и (это чуть не чудо) ружье мое прострѣлено сквозь обѣ стѣнки, такъ что пуля изломала пополъ: такихъ случаевъ, впрочемъ, въ одномъ дѣлѣ я видѣлъ пять".

Такъ бравурно писалъ Бестужевъ и въ каждой строкѣ чувствовалось довольство собой и дѣломъ. Но это были единственные дни подъема духа за всю его дербентскую жизнь. Помимо скуки, дербентская жизнь была и въ иномъ смыслѣ жизнью тяжелой. Начальникъ Бестужева—баталіонный ко-

мандиръ былъ человѣкъ грубый и злой: онъ вымещалъ на Бестужевѣ свое умственное и нравственное ничтожество, заставлялъ его нести солдатскую службу со всей ея тяготой и выжидалъ только минуты, чтобы ослушанье дало ему право по-солдатски расправиться съ этимъ штрафованнымъ гвардейскимъ офицеромъ *). Бестужевъ понималъ это и потому безпрекословно повиновался грубой силѣ.

Не находилъ онъ себѣ поддержки и въ обществѣ офицеровъ, обыкновенно доброжелательно относящихся къ своимъ штрафнымъ товарищамъ. Это была не грубая, но очень пустая среда; съ ними—какъ говорилъ Бестужевъ—надо было или пить, или терпѣть отъ нихъ: первое для Александра Александровича было бы, конечно, весьма нетруднымъ дѣломъ, если бы петербургская компанія не научила его мѣшать вино съ сердечностью, умомъ и остроуміемъ, а этихъ-то прикрасъ веселой пирушки и не было въ Дербентѣ. Исключеніемъ среди всѣхъ этихъ лицъ былъ только одинъ дербентскій комендантъ Шнитниковъ, въ семействѣ котораго Бестужевъ встрѣчалъ и ласку и вниманіе: зато ему и приходилось, по приказанію баталіоннаго командира, всего чаще отстаивать на часахъ именно передъ комендантскимъ домомъ.

„Какъ бы то ни было,—писалъ Бестужевъ братьямъ,—но въ воображеніи я еще живу, хотя по сущности бытіе мое Богъ знаетъ что такое: смертью назвать грѣшно, а жизнью

---

*) А штрафованный офицеръ носилъ солдатскую шинель изъ тонкаго сѣраго сукна, особаго, довольно красиваго, имъ самимъ изобрѣтеннаго фасона[64]. Я. И. Костенецкій, который тогда съ нимъ встрѣчался, такъ описываетъ его наружность. «Ко мнѣ вышелъ Бестужевъ въ персидскомъ халатѣ и шелковой на головѣ шапочкѣ. Это былъ мужчина довольно высокаго роста и плотнаго тѣлосложенія, брюнетъ, съ небольшими сверкающими карими глазами и съ самымъ пріятнымъ и добродушнымъ выраженіемъ лица. Здѣсь замѣчу, что всѣ гравированные его портреты, какіе мнѣ случалось видѣть, нисколько на него не похожи: они изображаютъ его какимъ-то суровымъ человѣкомъ, тогда какъ лицо у него было самое доброе и симпатичное[65].

совѣстно. Русскій, для котораго водка не есть элементъ, какъ вода для рыбы, есть здѣшній Робинзонъ на необитаемомъ острову: съ желаніемъ узнать что-нибудь, онъ не вымѣняетъ ни одной человѣческой, не только европейской идеи" **).

Думы и сны Александра Александровича летѣли отъ этой скучной стороны къ далекому, далекому прошлому; часто вспоминалась ему его туманная родина—его сѣверъ, гдѣ онъ цвѣлъ ребенкомъ, гдѣ жилъ юношей, гдѣ страдалъ и погибъ... тамъ, казалось ему, схоронено его сердце, а здѣсь блуждаетъ лишь его лживый призракъ.

„Неужели кровь моя стынетъ?—спрашивалъ онъ себя со страхомъ. Зачѣмъ же кипитъ еще мое сердце! Зачѣмъ сны наяву волнуютъ его, а оно не оживляетъ моихъ сновидѣній по прежнему? Да, въ эту ночь я видѣлъ себя ребенкомъ видѣлъ отца моего, добраго, благороднаго, умнаго отца; видѣлъ будто мы ждемъ его къ обѣду отъ графа Александра Сергѣевича Строганова, который бывалъ именинникъ въ одинъ день съ нами... И всѣ заботы хозяйства, раскладка вареньевъ на блюдечки, раскупорка бочонка съ виноградомъ, и столъ, блестящій снѣгомъ скатерти, льдомъ хрусталя, и миндальный пирогъ съ сахарнымъ амуромъ посреднѣ, и себя въ новой курточкѣ расхаживающаго между огромными подсвѣчниками, въ которые ввертываютъ восковыя свѣчи, и все это видѣлось мнѣ точь въ точь какъ бывало. Но кругомъ было сумрачно, внутри меня холодно:—я былъ уже зритель, не дѣйствовалъ на этомъ праздникѣ. Я проснулся съ досадою... И такъ лучъ мороза судьбы проникаетъ даже въ воображеніе, даже въ сонъ—горькое открытіе, горькое сознаніе![67]".

На эти думы о прошломъ, о родинѣ и о тѣхъ, кто остался

**) «Меня беретъ досада, что я такъ удаленъ отъ европейской образованности: она едва долетаетъ сюда по каплѣ, а я жажду выпить Сену, и Темзу, и Рейнъ... О! какъ много души надо на терпѣніе», Изъ письма 1832 г.][66].

жить тамъ на сѣверѣ, въ мирной и теперь опустѣвшей печальной усадьбѣ наводили Бестужева его братья Павелъ и Петръ, которые изрѣдка у него гостили. Это были радостныя встрѣчи и вмѣстѣ съ тѣмъ очень печальныя. Бестужевъ любилъ этихъ братьевъ не менѣе, чѣмъ другихъ двухъ, схороненныхъ въ Сибири. Особеннымъ его любимцемъ былъ братъ Павелъ, любовь къ которому была у Александра Александровича смѣшана съ чувствомъ нѣкоторой своей виновности передъ нимъ. Онъ не могъ забыть, что этотъ братъ былъ сосланъ на Кавказъ только потому, что носилъ фамилію Бестужева;[68] и хоть присутствіе брата и грѣло его сердце, хоть онъ расцвѣталъ и духомъ и тѣломъ, когда тотъ сидѣлъ съ нимъ рядомъ, но Александръ Александровичъ безумно обрадовался, когда узналъ, что брату разрѣшено вернуться на родину, обрадовался, несмотря на какое-то тайное предчувствіе, которое говорило ему, что онъ съ нимъ болѣе не увидится. Но мысль о томъ, что братъ спасенъ для матери, для сестеръ и для вольной жизни, одна эта мысль искупала чувство скуки и тяготу одиночества, отъ которыхъ такъ страдалъ Бестужевъ, когда подлѣ себя не имѣлъ „Ваплика", какъ онъ звалъ своего любимца. И, дѣйствительно, только онъ одинъ служилъ ему утѣшеніемъ, а мысль о другихъ была всегда источникомъ страданія. „И гдѣ твой даръ—писалъ онъ брату Николаю—гдѣ твои таланты, твое сердце, которому не найти пары въ подлунной—схоронено, зарыто, тлѣетъ, какъ виноградъ на корню; Боже мой, Боже! Лучъ солнца утопленъ въ омутѣ, звѣзда, упавшая съ неба, гаснетъ во мракахъ ада!" „Тебѣ братъ,- говорилъ онъ, обращаясь къ другому брату, Михаилу—тебѣ я отдаю терновый вѣнокъ терпѣнія, ты весело несешь свой крестъ и, какъ забытый цвѣтокъ на этомъ сѣнокосѣ всѣхъ радостей, веселишь сердца родныхъ, души знакомыхъ. О! да сохранитъ провидѣніе неизмѣннымъ этотъ высокій въ тебѣ характеръ, эту покорность къ волѣ небесной... Со слезами говорю далекое прощай, вамъ, недоплаканные живые мертвецы. Потомство бы рыдало, если бы

прочло эти строки"... Еще ужаснѣе, чѣмъ эти мысли о далекомъ Петровскѣ, отзывались на душѣ Бестужева страданія его брата Петра... Разсудокъ этого несчастнаго человѣка медленно угасалъ на глазахъ у Александра Александровича. Сначала какой-то сплинъ сталъ заволакивать его душу: „все черныя мечты машутъ около него своими перепончатыми крыльями"—писалъ о немъ съ тревогой его братъ; потомъ эта меланхолія стала медленно переходить въ манію преслѣдованія; больной пересталъ ѣсть и, однажды, просидѣлъ семь сутокъ впроголодь. Бестужевъ выхлопоталъ ему разрѣшеніе погостить въ Дербентѣ, но это свиданіе братьевъ не принесло, ни облегченія больному, ни утѣшенія здоровому. Больной не выходилъ изъ палатки, свои мечты принималъ за существенность: ему вездѣ слышались голоса, вездѣ видѣлось чудо, то жуки съ человѣческими глазами, то мыши во образѣ кого-нибудь. Онъ говорилъ, что его судятъ какія то существа, что собаки ему поклоняются, что онъ высокое созданіе, обреченное на гибель; толковалъ онъ что-то и объ Аракчеевѣ... наконецъ, сталъ подозрѣвать и своего брата въ томъ, что онъ хочетъ завладѣть его способностями, что онъ ему завидуетъ, что онъ посредствомъ магіи собираетъ собакъ и терзаетъ его слухъ... Бестужевъ страдалъ невыносимо, пока, наконецъ, не получено было разрѣшеніе отправить больного къ матери въ деревню; но мысль о старухѣ, на рукахъ которой теперь очутился сумасшедшій, не могла же назваться облегченіемъ.

Такъ испытывала судьба Бестужева, который надѣялся, „что пять лѣтъ страданій дадутъ ему нѣкоторое право на надежду лучшаго". Но это лучшее не наступало и вся дербентская жизнь Бестужева была почти сплошнымъ терзаніемъ и духа, и плоти *). Случалось впрочемъ—но это было такъ рѣдко—что онъ покидалъ Дербентъ и уѣзжалъ

*) «Пусть бы меня, какъ Прометея терзали орлы и коршуны ...но сносить ляганье осла!» [Изъ письма 1832 г.][69]

въ горы: тамъ отдыхалъ онъ среди горцевъ, которые, какъ онъ самъ признавался, были всѣ отъ него безъ ума и съ которыми онъ позволялъ себѣ иной разъ довольно шумное веселье. Среди дикой природы, которую онъ такъ любилъ— онъ чувствовалъ себя легче. Ни газетъ, ни вѣстей, ни даже русскаго слова не слыхалъ онъ; около него каркали лезгины и самъ онъ болталъ только по-татарски; съ людьми было скучно, но зато, что за воздухъ, что за природа были здѣсь! Онъ по цѣлымъ часамъ прислушивался къ ропоту горныхъ рѣчекъ и любовался игрой свѣта на свѣжей зелени и яркой бѣлизнѣ снѣговъ *).

Но вотъ что̀ писалъ онъ изъ этихъ горныхъ ущелій своимъ братьямъ: „я топталъ снѣжныя вершины Кавказа, но и въ тотъ мигъ, когда восхищенный забывалъ все, въ сердцѣ лежало что-то свинцовое: это было чувство одиночества; это былъ гвоздь, прибивавшій меня къ землѣ".

Да, Бестужевъ былъ одинокъ, очень угнетенъ и печаленъ и, быть можетъ, это минорное настроеніе духа и было источникомъ того ухарства и бравурства, которые отмѣчаютъ его

---

*) «Дорога была трудна, но такъ прелестна, что я помнить ее буду, какъ самую сладостную прогулку объ руку съ природою—пишетъ онъ въ одномъ письмѣ. Этого ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать. Да и какъ написать въ самомъ дѣлѣ чувство? Ибо тогда я весь былъ чувство, умъ и душа,—душа и тѣло. Эти горы въ дѣвственномъ покрывалѣ зимы, эти рѣки вздутыя тающими снѣгами, эти бури весны, эти дожди, разсыпающіеся зеленью и цвѣтами, и свѣжесть горъ, и дыханіе луговъ и небосклонъ, обрамленный радугою хребтовъ и облаковъ... О! какая кисть подобна персту Божію? Тамъ, только тамъ можно забыть, что въ насъ подлѣ сердца есть желчь, что около насъ горе. Надъ головой кружились орлы и коршуны, но въ головѣ ни одна хищная мысль не смѣла шевельнуть крыломъ; вся жизнь прошлая и будущая сливалась въ какую-то сладкую дрему: міръ совершался въ груди моей безъ отношеній къ человѣку, безъ отношеній къ самому себѣ; я не шарилъ въ небѣ, какъ метафизикъ, не рылся въ землѣ, какъ рудокопъ, я былъ радъ, что далекъ отъ людей, отъ ихъ исторіи, спящей во прахѣ, отъ ихъ страстишекъ, достойныхъ праха... Я жилъ не чувствуя жизни. Говоръ ручьевъ и листьевъ, наводилъ на меня мечты безъ мыслей, усталость дарила сонъ безъ грезы. Но кратки промежутки жизненной лихорадки!»[70]

поведеніе съ женской половиной дербентскихъ обитателей. Онъ велъ себя въ Дербентѣ какъ записной ловелась и даже хвастался своими подвигами.

Выпишемъ нѣсколько строкъ изъ его переписки, чтобы показать, чѣмъ и какъ нашъ приниженный и печальный поэтъ разнообразилъ свои скучные и тяжелые дни. Эти признанія освѣтятъ намъ съ новой стороны его характеръ.

Вотъ эти записи, которыя было бы неделикатно перепечатывать, если бы мы не имѣли дѣла съ исторической личностью, съ которыми принято не церемониться.

„Я съ новаго года (1832)—пишетъ Бестужевъ брату—пустился въ волокитство, и очень счастливо: владѣю лучшею дамочкой изъ цѣлаго города. Elle fait des folies pour moi, и я будто переживаю годы молодости. Впрочемъ, ты, я думаю, помнишь меня въ Арзерумѣ? Я еще довольно свѣжъ для 33-лѣтняго возраста, а сводить съ ума женщинъ мнѣ не новинка. Итакъ – vogue la galère. Оттого, правда, мои занятія идутъ плохо, но зато я живу для себя—а это развѣ бездѣлица!“

„Я было попался въ кляпцы со своими амуреттами, да вывернулся; но теперь глядятъ за дамой во сто глазъ. Пришлось поневолѣ или по охотѣ пробовать другихъ“. Похожденія нашего героя кончались иногда совсѣмъ не мирно: героиня отдѣлывалась тумаками, которые получала отъ своего ревниваго мужа, а Бестужевъ принимался чистить свои пистолеты. „Всегда рука на ручкѣ кинжала, писалъ онъ, и ухо—на часахъ... и переодѣванье ея, и прогулки и визиты ко мнѣ... и удачные забавные обманы аргусовъ—о! я прелюбопытный романъ вродѣ Фобласа! Я всегда былъ такъ счастливъ съ женщинами, что не постигаю, чѣмъ я это заслужилъ. И что осталось послѣ всего этого? Фейерверкъ кончился... грязныя доски, дымъ, угаръ, сожженныя платья, растерянныя вещи и раскаяніе потеряннаго времени!“ Характерная замѣтка, въ которой нашъ Донъ-Жуанъ обнаруживаетъ свое родство съ разочарованными типами. Еще характернѣе

ТЮМЕНЬ

другая замѣтка, которая искупаетъ всю, иной разъ циничную, откровенность нашего ловеласа. „Не повѣришь—пишетъ онъ брату—какъ глубоко трогаетъ меня всякое паденіе невинности: всякій развратъ въ другихъ меня оскорбляетъ, меня, который, конечно, не стоикъ, но сердце у меня чисто, несмотря на то, что умъ XVIII вѣка на этотъ счетъ".

Въ общемъ всѣ эти романы были веселыми эпизодами его печальной жизни въ Дербентѣ. Въ нихъ было много задора, таинственности, маскарадной интриги и много опасности, если принять въ разсчетъ, что его соперниками выступали восточные люди или, что̀ еще страшнѣе, его начальники—подчасъ очень грубые[71]. Но счастливая звѣзда какъ-то Бестужева хранила и изъ всѣхъ этихъ опасностей онъ выходилъ такъ же невредимъ, какъ изъ боевой перестрѣлки съ горцами.

Только однажды судьба разсчиталась съ нимъ сразу и жестоко за все его донжуанство, и, какъ всегда бываетъ при случайностяхъ, она обрушилась на его голову тогда, когда онъ всего менѣе былъ виновенъ. Случилось это въ Дербентѣ въ февралѣ 1834 года. Къ нему иногда ходила за шитьемъ на квартиру одна дѣвушка—унтеръ-офицерская дочь Ольга Нестерцова. Пришла она къ нему 23 февраля, часу въ девятомъ вечера, и ненашедши его въ комнатѣ, послала за нимъ денщика. Когда Бестужевъ пришелъ, у нихъ завязался какой-то разговоръ очень живой и смѣшной. Бестужевъ хохоталъ во все горло. Дѣвица вела себя также очень весело: бросалась на кровать, „рѣзвилась" на ней, какъ выражается Александръ Александровичъ, прилегала на подушки и вдругъ кинулась на нихъ правымъ плечомъ, обратясь лицомъ къ стѣнѣ. Подъ подушкой у Бестужева всегда лежалъ заряженный пистолетъ и кинжалъ—на всякій случай, въ виду частой рѣзни и грабежа въ Дербентѣ. Когда Нестерцова бросилась на подушку, пистолетъ, скатившійся дуломъ вдоль кровати, отъ сильнаго ли движенія подушекъ,

зацѣпясь ли собачкою за косму ковра, а можетъ быть и по иной причинѣ, выстрѣлилъ и ранилъ несчастную дѣвушку въ плечо, такъ что пуля прошла внутрь груди. На крикъ „помогите! прощайте!“ Бестужевъ кинулся къ свѣчкѣ, чтобы посвѣтить и посмотрѣть что случилось, но, запнувшись за крюкъ кровати, уронилъ свѣчу и побѣжалъ внизъ за свѣтомъ къ хозяину своей квартиры. Когда онъ вернулся, онъ нашелъ Ольгу въ обморокѣ. Тотчасъ же извѣстили коменданта, послали за лѣкаремъ и скоро вокругъ несчастной собрались и священникъ и наряженные комендантомъ для слѣдствія секретарь и одинъ поручикъ. Когда раненая пришла въ себя, она разсказала все, и наединѣ и при другихъ, и въ бреду подтверждала, что во всемъ этомъ несчастіи Бестужевъ виноватъ не былъ. Она жила пятьдесятъ часовъ и затѣмъ въ страшныхъ мученіяхъ умерла отъ изліянія крови въ легкія.

Такъ разсказываетъ этотъ печальный случай самъ Бестужевъ въ своихъ письмахъ. Онъ, довольно откровенно говорившій всегда о своихъ любовныхъ похожденіяхъ, на этотъ разъ клянется и божится, что несчастная Нестерцова никогда не была его любовницей. „Развѣ не могъ я находить удовольствіе быть съ нею безъ грубыхъ наслажденій?—спрашивалъ онъ брата...—Она любила бывать со мной, какъ съ человѣкомъ просвѣщеннымъ; я желалъ быть съ ней, какъ съ умною и доброю дѣвушкой, вотъ и все. Надѣюсь, что человѣкъ, далекій отъ грубой чувственности, могъ провести съ дѣвушкой нѣсколько вечеровъ безвинно“. И онъ очень ревниво оберегалъ ея честь, словно честь своей невѣсты, и дѣйствительно, когда мать Ольги хотѣла проклясть ее, уже больную и умирающую, онъ остановилъ старуху словами: „Ольга моя невѣста“ *).

---

*) Этотъ романтическій эпизодъ изъ жизни Бестужева такъ разсказанъ въ воспоминаніяхъ Я. И. Костенецкаго:

«Въ 8 часовъ вечера 23 февраля 1833 г. А. А. Бестужевъ сидѣлъ за

Случай этотъ тяжело отозвался на Бестужевѣ, на всемъ его нравственномъ составѣ—если такъ можно выразиться. Но это несчастіе имѣло для него и иныя послѣдствія. Ба-

---

чаемъ у шт.-кап. Жукова, который жилъ съ нимъ въ одномъ домѣ, этажемъ выше. Въ это время въ его квартиру вошла дѣвица Ольга Нестерцова и, не заставши его дома, попросила денщика Жукова, Аксена Сысоева, который часто бывалъ въ комнатѣ Бестужева и прислуживалъ ему, чтобы онъ попросилъ Александра Александровича сойти на нѣсколько минутъ внизъ. Нестерцова приходила къ Бестужеву часто, знали объ этомъ всѣ, даже ея мать, которую она увѣряла, что ходитъ къ Бестужеву, потому что взялась шить ему бѣлье. Бестужевъ явился на зовъ и засталъ Нестерцову сидѣвшей на его кровати. Спустя четверть часа послѣ входа Бестужева, между нимъ и Нестерцовой завязался разговоръ, принявшій скоро оживленный характеръ. Собесѣдники много хохотали, Нестерцова, въ порывѣ веселости, соскакивала съ кровати, прыгала по комнатѣ и потомъ бросалась опять на кровать. Она «весело рѣзвилась», по ея собственному выраженію; но вдругъ комната оглушилась выстрѣломъ, и Бестужевъ услышалъ отчаянные возгласы: «помогите! умираю!»

Выстрѣлъ произошелъ изъ пистолета, который постоянно лежалъ за подушкой; Бестужевъ клалъ его туда, чтобы быть постоянно готовымъ защищаться отъ разбойниковъ, число которыхъ въ то время въ Дербентѣ значительно увеличилось отъ бывшаго голода. Бестужевъ говорилъ, что, не страшась опасности въ бою, онъ содрогался при мысли, что можетъ быть исподтишка убитъ какимъ-нибудь презрѣннымъ воромъ. Пистолетъ этотъ лежалъ обыкновенно между подушками и стѣной, Бестужевъ обращался съ нимъ неосторожно: при малѣйшемъ шумѣ почью онъ взводилъ курокъ и нерѣдко въ такомъ положеніи клалъ его на мѣсто. Весьма вѣроятно, что въ такомъ положеніи пистолетъ былъ и въ то время, когда Нестерцова рѣзвилась. Она могла такъ налечь на подушку, что курокъ опустился и произошелъ выстрѣлъ. Нестерцова ранила себя въ правое плечо, въ то мѣсто, гдѣ плечевая кость соединяется съ лопаткой. Въ испугѣ Бестужевъ схватилъ свѣчу, но уронилъ ее,—она погасла; онъ побѣжалъ къ хозяину за огнемъ. Когда онъ воротился и приблизился къ Нестерцовой, то она лежала уже безъ чувствъ. Наскоро осмотрѣвъ ее и увидѣвши въ чемъ дѣло, Бестужевъ побѣжалъ позвать свидѣтелей и попросилъ дать знать о случившемся коменданту крѣпости маіору Шнитникову. По зову Бестужева въ его комнату очень скоро явились шт.-капитаны Кирсановъ и Жуковъ, доктора Рождественскій и Тимофеевъ, священникъ Демьяновичъ и другіе.

Нестерцова успѣла уже очнуться и разсказывала, что всему причиной она одна, что выстрѣлъ произошелъ единственно оттого, что она «рѣзвилась», прыгала и бросалась на подушки, совсѣмъ не подозрѣвая, что за ними лежалъ пистолетъ. Затѣмъ она разсказывала, что Бестужевъ стоялъ

тальонный командиръ, къ нему столь нерасположенный, пожелалъ въ своихъ видахъ воспользоваться смертью Нестерцовой. Онъ не повѣрилъ слѣдствію, которое было ведено комендантомъ, и нарядилъ другое. Онъ и его ближайшій помощникъ поручикъ Рославцевъ стремились истолковать эту смерть, какъ результатъ развратной жизни и буйной ревности штрафного солдата. Они утверждали, что Нестерцова была убита самимъ Бестужевымъ. Обвиненіе было правдоподобно, такъ какъ несчастіе произошло безъ свидѣтелей, и хотя командиру и не удалось доказать и оправдать свои подозрѣнія, онъ все-таки достигъ своего, оставивъ Бестужева подъ подозрѣніемъ и способствуя тѣмъ самымъ росту и быстрому распространенію всевозможныхъ сплетенъ, которыя и обратили этотъ эпизодъ изъ жизни Бестужева въ цѣлую легенду, для него очень невыгодную *).

отъ нея поодаль, около печки и при выстрѣлѣ бросился-было къ ней, но уронилъ свѣчу и убѣжалъ изъ комнаты. Что произошло затѣмъ, она не помнила. Все это Нестерцова разсказывала нѣсколько разъ и всѣмъ совершенно одинаково, даже въ бреду, до самой смерти, которая послѣдовала на третій день, она твердила, «что она сама всему виновата и чтобы не обвиняли въ ея смерти Бестужева»[72].

*) Эта легенда жила очень долго и даже проникла въ литературу. Ее подхватилъ Александръ Дюма, путешествовавшій по Кавказу, и разсказалъ со свойственной ему развязностью и ухарствомъ. Онъ даже воспѣлъ могилу Нестерцовой, довольно впрочемъ красивыми, стихами. Эту же легенду повторилъ затѣмъ В. И. Немировичъ-Данченко, который положительно утверждалъ, что Нестерцова была убита Бестужевымъ въ припадкѣ ревности. Свои свѣдѣнія В. И. Немировичъ-Данченко почерпнулъ отъ нѣкоего Кочергина, дербентскаго старожила, который читалъ по подлиннымъ документамъ все это дѣло[73]. А. Зиссерманъ утверждалъ также на основаніи положительныхъ свѣдѣній, что Бестужевъ застрѣлилъ Нестерцову. Онъ тоже читалъ дѣло о смерти Нестерцовой и говоритъ, что, по всѣмъ даннымъ, смерть ея была умышленнымъ убійствомъ и Бестужевъ былъ виновенъ, но что въ немъ принимали такое участіе (?) всѣ дербентскія власти (?), что дѣлу данъ былъ оборотъ, якобы Нестерцова застрѣлилась сама нечаянно. Такого же мнѣнія былъ и графъ Евдокимовъ[74]. М. И. Семевскій утверждалъ обратное[75], наконецъ Я. И. Костенецкій заявилъ, что и онъ читалъ выписку изъ слѣдственныхъ дѣлъ хранящихся въ архивѣ Дербентской полиціи (№ 839 и № 1232) и что эта выписка подтверждаетъ полную невинность Бестужева.

Дѣло, конечно, темное, но рѣшительно нѣтъ никакихъ основаній не вѣрить Бестужеву и еще меньше основаній не вѣрить самой пострадавшей...

Легенда однако росла и летѣла, и долетѣла, наконецъ, куда слѣдуетъ—въ Петербургъ. Незадолго до этого пришло въ Петербургъ другое донесеніе, представлявшее Бестужева къ наградѣ. Онъ имѣлъ всѣ права на эту награду. Храбрость, которую онъ проявилъ во всѣхъ экспедиціяхъ и, главнымъ образомъ, во время осады Дербента Кази-Муллою, создала ему широкую извѣстность среди военныхъ. Онъ ею гордился по праву и, конечно, желалъ отличія, хотя и говорилъ съ грустью: „знаю, что мнѣ ничего не дадутъ, хоть бы я взялъ звѣзду съ неба". И вотъ въ 1832 году за осаду Дербента были присланы въ батальонъ два георгіевскихъ креста. „Какъ достойнѣйшаго—писалъ Бестужевъ матери—выбрали меня солдаты, ротные командиры и самъ подполковникъ (его злѣйшій врагъ Васильевъ). Но онъ трусъ. Вмѣсто того, чтобы по общему порядку возложить на меня крестъ и донести о томъ, онъ спрашиваетъ разрѣшенія — возложить ли? Разумѣется, это пошло въ долгій ящикъ и, можетъ, даромъ. Вотъ какъ мимо текутъ всѣ мои награды. Сами всѣ боятся наградить, а представить царю лѣнятся" .. Дѣлу о награжденіи Бестужева крестомъ былъ, однако, данъ ходъ, бумага странствовала долго, дошла, конечно, до высшей инстанціи и въ результатѣ получился отказъ. Начальство отвѣтило его батальонному командиру, что Бестужеву отказано въ крестѣ, такъ какъ изъ дѣла увидали, что онъ живетъ „роскошно". „Я, я живу роскошно? Боги безсмертные!" восклицалъ онъ. Отговорка была, дѣйствительно, странная и если принять во вниманіе, что ближайшее начальство (кромѣ Васильева) было къ нему расположено, то надо предположить, что когда отказъ послѣдовалъ свыше, само начальство не знало, какъ объяснить его и ухватилось за первый безсмысленный предлогъ. Слово „роскошно" могло быть, впрочемъ, понято въ смыслѣ „разгульно" и тогда очевидно,

что несчастная исторія съ Нестерцовой не осталась безъ вліянія на ходъ всего этого дѣла. Во всякомъ случаѣ эта исторія очень навредила Бестужеву и отдалила его прощеніе. „Когда же могу я вновь заслужить сей крестъ, трижды заслуженный—и на окопахъ Байбурта и подъ стѣнами Дербента и на мосту Чиркея? - спрашивалъ онъ. Какой герой хотѣлъ бить лежачаго? кто постарался очернить меня?... Чудно и непостижимо для меня все это, но да будетъ воля Бога. Несчастіе даетъ силы переносить несчастіе; я унижу себя отчаяніемъ, хотя безнадежность будущаго разверзается передо мной со всѣми ужасами“...

Такъ тянулась жизнь, безцѣльная при жаждѣ дѣла, скучная при живомъ темпераментѣ, полная опасностей и лишеній при отсутствіи надежды отъ нихъ избавиться и полная униженій и оскорбленій, при сознаніи своего достоинства и преимущества. Такъ жилъ человѣкъ, который незамѣтно для самого себя, въ какія-нибудь пять лѣтъ сталъ литературной знаменитостью—по тому времени чуть ли не перваго ранга.

Несмотря на то, что условія для самообразованія и чтенія были въ Дербентѣ еще менѣе благопріятны, чѣмъ въ Якутскѣ *), Бестужевъ работалъ и писалъ много, какъ никогда раньше. За эти годы дербентской жизни были написаны имъ всѣ крупнѣйшія и лучшія его произведенія: „Наѣзды“, „Лейтенантъ Бѣлозоръ“, „Страшное Гаданье“, „Аммалатъ-Бекъ“, „Письма изъ Дагестана“, „Фрегатъ Надежда“.

Въ 1832 году вышло первое полное собраніе его сочиненій—правда, безъ имени автора, даже безъ его псевдонима—и симпатіи читающей публики были завоеваны быстро. Литературныя связи съ обѣими столицами были установлены прочно, лестнаго для себя въ журналахъ приходилось читать часто и много—и все это въ то время, когда сознаніе

---

*) «Кавказъ черезчуръ гранитенъ для авторства, мнѣ нуженъ другой верста къ»—писалъ Бестужевъ въ одномъ частномъ письмѣ 76.

невозможности распоряжаться своею жизнью всего сильнѣе угнетало художника. Литературный успѣхъ только увеличивалъ тяготу жизни, такъ какъ рѣзче подчеркивалъ противорѣчіе между правами и обязанностями. Бестужевъ не радовался своимъ литературнымъ побѣдамъ; по крайней мѣрѣ, онъ въ письмахъ не выражалъ этой радости.

„Меня гнететъ какая-то свинцовая лѣнь, признавался онъ, вмѣсто гармоніи нахожу я въ себѣ вѣтеръ пустынный, шепчущій въ развалинахъ. Подъ крестомъ моимъ, тяжкимъ крестомъ (и болѣе нравственно, чѣмъ вещественно) падалъ я хоть на часъ, но не однажды. Духъ мой окрѣпъ; но это больше окаменѣніе, чѣмъ твердость. Двѣ только драгоцѣнности вынесъ я изъ потопа: это гордость души и умиленіе передъ всѣмъ, что̀ прекрасно. Чуденъ сталъ внутренній міръ мой; прочтите The Darkness Байрона, и вы схватите что-то похожее на него; это океанъ „задавленный тяжелою мглой, недвижимый, мрачный и нѣмой, надъ которымъ мелькаютъ какіе-то неясные образы. Зима судьбы погрузила меня въ спячку... о, если бы эта зима сохранила въ свѣжести чувства мои для красныхъ дней! Напрасная мольба... холодъ сохраняетъ только мертвецовъ въ своемъ лонѣ, онъ убійца жизни. Слышу упрекъ совѣсти: „ты погребаешь талантъ свой“, и на мигъ хватаюсь за перо. Вотъ почему не написалъ я доселѣ ничего полнаго, развитого до послѣдней складки. Мои повѣсти разорванныя звенья электрической цѣпи, вязавшей умъ мой съ сердцемъ; но я самъ не разберу концовъ, не сцѣплю обрывковъ. Впрочемъ съ неохотой принимаясь за дѣло, я съ любовью веду его. Только въ чтеніи, только въ сочиненіи оживаю... Правда, я живу тогда не своею жизнью: плавкое мое воображеніе принимаетъ всѣ виды: оборотень, оно влѣзаетъ въ кожу, оно, какъ рукавицу, надѣваетъ понятія лицъ, созданныхъ мною или другими; я смѣюсь и плачу надъ листкомъ... но это мигъ... я скоро простываю: слова мнѣ кажутся такъ узки, перо такъ медленно, и потомъ читатели такъ далеки, путь къ ихъ серд-

цамъ нравственно и физически такъ невѣренъ... и потомъ, когда вздумаю, что эта игра или страданіе души все таки поденщина для улучшенія своего быта, кисну, холодѣю, тяну, вяжу узлы какъ-нибудь. Нѣтъ, нѣтъ, для полнаго разлива, для вольнаго разгула дарованія надо просторъ; нѣтъ, я недоволенъ своими созданіями! Это дѣти, иногда забавныя, иногда милыя, порой даже умненькія, но дѣти, но карлы, а я живу въ сторонѣ исполинскихъ горъ, въ мірѣ исполиновъ, мечтаній"...

Но въ той мѣрѣ, въ какой возрастали силы творчества, убывала въ писателѣ сила физическая: здоровье Александра Александровича шло медленно, но вѣрно на убыль. Въ Сибири, въ трудахъ, непогодахъ, въ холодѣ, его здоровье было крѣпче. Правда, онъ и теперь все еще считалъ себя „желѣзнымъ" и утверждалъ, что можетъ на колѣни быка поставить, но силы угасали, несмотря на строгій режимъ въ ѣдѣ и питьѣ, котораго онъ придерживался. А такой режимъ былъ необходимъ, въ виду повальныхъ свирѣпствовавшихъ вокругъ болѣзней.

Жизнь его была постоянно въ опасности. То оспа, то горячка, то, наконецъ, чума не переводились, уносили вокругъ него массу жертвъ и онъ блуждалъ въ этомъ царствѣ смерти, ожидая своей очереди.

Но онъ выходилъ какъ-то невредимъ изо всѣхъ этихъ опасностей и его—вѣроятно, минутами очень искреннее—желаніе умереть не осуществлялось.

Наконецъ, въ судьбѣ его произошла перемѣна. Его перевели изъ Дербента въ Ахалцыхъ. Переводъ этотъ не обѣщалъ ему, однако, на первыхъ порахъ никакой перемѣны, кромѣ климата—который въ Ахалцыхѣ былъ еще болѣе вреденъ, чѣмъ въ Дербентѣ. Служба была опять гарнизонная; и съ мечтами о подвигахъ и выслугѣ приходилось снова проститься.

Но прощаніе съ Дербентомъ обѣщало все-таки нѣчто

новое. Это прощаніе—если вѣрить одному изъ разсказчиковъ—было довольно необычное.

„Бестужевъ, разсказываетъ Я. И. Костенецкій, зналъ очень хорошо персидскій и татарскій языки, на которыхъ говорилъ совершенно свободно, поэтому онъ былъ знакомъ почти со всѣмъ народонаселеніемъ Дербента и по своей благотворительности никогда не отказывалъ въ помощи и словомъ и дѣломъ всякому нуждающемуся азіатцу. Съ болѣе образованными жителями онъ находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, которые часто его посѣщали и всегда находили особенное удовольствіе въ бесѣдѣ съ нимъ. Разъ при мнѣ посѣтили его четверо или пять знатнѣйшихъ и ученыхъ персіянъ, которымъ онъ, усадивши на диваны и предложивши имъ трубки и сладости, началъ потомъ разсказывать какую-то очень занимательную восточную повѣсть, которую они слушали съ большимъ вниманіемъ и восторгомъ. Вообще всѣ жители Дербента очень его уважали и любили, и когда онъ, по производствѣ въ прапорщики, уѣзжалъ изъ Дербента къ новому своему мѣсту служенія, то почти все городское народонаселеніе провожало его и верхомъ и пѣшкомъ, верстъ за двадцать отъ города, до самой рѣки Самура, стрѣляя на пути изъ ружей, пуская ракеты, зажигая факелы; музыканты били въ бубны и играли на своихъ инструментахъ, другіе пѣли, плясали... и вообще вся толпа старалась всячески выразить свое расположеніе къ любимому своему Искендеръ-беку“.[78]

Быть можетъ въ этомъ разсказѣ кое-что и преувеличено; о Бестужевѣ ходило много легендъ, но очевидно разсказчикъ былъ убѣжденъ, что Бестужевъ могъ заслужить такія проводы и мы знаемъ изъ собственныхъ писемъ Александра Александровича, что въ Дербентѣ онъ, дѣйствительно, пользовался среди народа большой популярностью.

Самъ онъ прощался съ Дербентомъ безъ всякаго шума. Онъ выѣхалъ на берегъ моря и направилъ разъяреннаго

карабахца прямо въ прибой Каспійскаго моря. „Одинъ мигъ и конь мой сталъ среди валовъ, изумленный ихъ ревомъ и плескомъ,—разсказываетъ Бестужевъ. Какъ дикіе степные кони, разметавъ гриву на вѣтеръ, стадами рыскали, прядали они кругомъ, набѣгали отбѣгали вдаль; и конь строптиво, недовѣрчиво поводилъ своими раскаленными и черными, какъ уголь, глазами, вздувалъ дымныя ноздри, обнюхивалъ незнакомыхъ ему товарищей и каждый разъ, когда всплески расшибались въ пѣну о грудь его, онъ злобно отрясалъ брызги съ ушей, билъ копытомъ и, оскаливъ зубы, готовился грызнуть неуловимыхъ зачинщиковъ. Буйный сѣверный вѣтеръ гналъ волны свистящими крылами своими на берегъ, какъ гонитъ орелъ лебединое стадо. Сѣро было небо; лучи солнца разсыпались вѣеромъ сквозь летучія струи облаковъ и порой зажигали бисерною радугой брызги надъ валами. Я склонилъ навстрѣчу этому привѣтливому дождю лицо свое и мнѣ чудились говоръ родныхъ, давно разлученныхъ со мною, голоса друзей, давно погибшихъ для сердца, пѣніе соловьевъ надъ Волховомъ, звонъ столичнаго колокола. Мнѣ казалось, онъ напоенъ дыханіемъ милой, свѣжестью снѣговъ, ароматомъ цвѣтовъ туманной отчизны моей; онъ вѣялъ, пахалъ на меня поминками юности, и на кличъ сердца отозвались всѣ любимыя мечты былого: онѣ слетѣлись какъ ласточки, засверкали какъ звѣзды, брызнули изъ земли какъ цвѣты... Но, все исчезло. Только вѣтеръ шумитъ, только бушуетъ море. Негостепріимное, пустынное, печальное море. Я, однакожъ, съ грустью покидаю тебя. Ты было вѣрнымъ товарищемъ юныхъ думъ, неизмѣннымъ наперсникомъ чувствъ моихъ. Въ твои горькія воды лились горькія слезы мои, шумъ твоихъ непогодъ заглушалъ, безмолвилъ мои душевныя бури. Да! я видѣлъ не одно море, и полюбилъ всѣ, которыя видѣлъ, но тебя, Каспій, но тебя—болѣе другихъ! Ты былъ моимъ единственнымъ другомъ въ несчастіи, ты хранилъ и тѣло, и духъ мой отъ истлѣнія. Какъ обломокъ кораблекрушенія, выброшенъ былъ я бурей на пустынный

берегъ природы и одинокъ, я нелестно узналъ ее и научился безкорыстно наслаждаться ею. Но, кромѣ того, меня влекло къ тебѣ сходство твоей судьбы съ моею. Ниже другихъ и горче другихъ твои воды. Заключенное въ песчаную тюрьму дикихъ береговъ, ты—одинокое, стонешь, не сливая волнъ твоихъ ни съ кѣмъ. Ты не вѣдаешь ни прилива, ни отлива, и даже въ порывѣ гнѣва не можешь перебросить буруна моего за черту, указанную тебѣ перстомъ довѣчнымъ. И кто разгадалъ твои огнедышащіе подводные вулканы, рядомъ съ вулканами, извергающими грязь? Не лѣта, а бури бросаютъ морщины на чело твое, бури—страсти небесъ. Страшенъ, мутенъ, шуменъ бываешь ты тогда; зато, порой, прозрачный и тихій, ты даешь лучамъ солнечнымъ и взорамъ человѣка купаться въ своемъ лонѣ и засыпать, играя раковинками приморья, какъ младенецъ, напѣвая лепетомъ самъ себѣ колыбельную пѣсню! Да! Каспій! Во мнѣ есть много стихій твоихъ, въ тебѣ много моего, много—кромѣ воли и познанія вещей. Ты не можешь быть иначе, какъ есть,—а я могъ!.. Скажу вмѣстѣ съ Байрономъ: Терны, мной пожатые, взлелѣяны собственной рукой: они грызутъ меня, кровь брызжетъ. Пускай! Развѣ не зналъ я, каковы плоды должны созрѣть отъ подобнаго сѣмени? Величественъ вѣнецъ изъ лучей, плѣнителенъ изъ вѣтвей лавра или дуба, милъ изъ благовонныхъ цвѣтовъ, но чѣмъ же не вѣнокъ изъ терновъ? Прощай, Каспій—еще разъ прощай! Я желалъ видѣть тебя—я увидалъ нехотя. Неохотно разстаюсь я съ тобой, но свидѣться опять не хочу... Развѣ ты постелешь волны свои широкимъ путемъ на родину?“[79]

Въ такихъ эффектныхъ, цвѣтистыхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сердечныхъ, словахъ изливалъ Бестужевъ свою несвободную душу передъ свободной стихіей. Какъ ни безотрадно было грядущее, онъ все-таки вѣрилъ, что оно будетъ лучше настоящаго, и необычайно веселое настроеніе и подъемъ духа, который онъ ощутилъ въ себѣ, какъ только выѣхалъ изъ Дербента, поддержали въ немъ эту вѣру.

XI.

А Бестужевъ былъ, дѣйствительно, очень весело настроенъ во все время пути къ мѣсту своего новаго назначенія. Онъ описалъ это путешествіе въ разсказѣ „Путь до города Кубы“[80].

Это—не то разсказъ, не то дневникъ, безъ опредѣленной завязки, но очень цѣнный своими лирическими отступленіями, въ которыхъ видна ликующая душа на волю вырвавшагося человѣка. И на самомъ дѣлѣ путешествіе въ Ахалцыхъ, какъ и прежняя поѣздка Бестужева изъ Сибири на Кавказъ были единственными эпохами его невольнической жизни, когда онъ былъ освобожденъ отъ надзора и со свободой передвиженія пріобрѣталъ полную свободу чувства и мысли. Хоть онъ и признавался, что онъ отдалъ бы всѣ грозди въ мірѣ за кустъ рябины, склонившейся надъ зеркальнымъ потокомъ его родины, но никогда красота кавказской природы не возбуждала въ немъ такого повышеннаго чувства восторга, какъ въ эти краткіе дни вольнаго скитанія по горамъ. Онъ выѣхалъ изъ Дербента въ началѣ апрѣля при расцвѣтающей природѣ, но изъ города Кубы, поворотивъ въ горы, опять въѣхалъ въ зиму. „Дорога была трудна, но такъ прелестна—пишетъ онъ—что я помнить ее буду, какъ самую сладостную прогулку объ руку съ природой. Этого ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать, да и какъ написать, въ самомъ дѣлѣ, чувство? ибо тогда я весь былъ чувство, умъ и душа, душа и тѣло. Эти горы въ дѣвственномъ покрывалѣ зимы, эти рѣки, вздутыя тающими снѣгами, эти бури весны, эти дожди, разсыпающіеся зеленью и цвѣтами, и свѣжесть горъ, и дыханіе луговъ, и небосклонъ, обрамленный радугою хребтовъ и облаковъ... О! какая кисть подобна персту Божію? Такъ, только такъ можно забыть, что въ насъ подлѣ сердца есть желчь, что около насъ горе. Надъ головой кружились

орлы и коршуны, но въ головѣ ни одна хищная мысль не смѣла шевельнуть крыломъ: вся жизнь прошлая и будущая сливалась въ какую-то сладкую дрему, миръ совершился въ груди моей безъ отношеній къ человѣку, безъ отношеній къ самому себѣ; я не шарилъ въ небѣ, какъ метафизикъ, не рылся въ землѣ, какъ рудокопъ, я былъ радъ, что далекъ отъ людей, отъ ихъ исторіи, спящей во прахѣ, отъ ихъ страстишекъ, достойныхъ праха... я жилъ, не чувствуя жизни". И подъ обаяніемъ этихъ ощущеній, подъ бурей судьбы, надъ мракомъ отчаянія возникла теперь радуга надежды, которая озаряла утѣшеніемъ его минувшее и опытомъ—его будущее. А тамъ въ недоступной вышинѣ, всходили къ небу, ничѣмъ не омраченные, ничѣмъ не возмущаемые ледники, символъ чистоты и мира души, и миръ нисходилъ на его истерзанную душу. Съ ѳиміамомъ мольбы развертывалась его душа и къ прежней его любимой молитвѣ „Да будетъ воля Твоя" теперь присоединялось робкое моленіе о счастіи и слова благодарности за спасеніе...

И въ эти же спокойныя минуты восторга и примиренія въ душѣ странника съ особой силой встрепенулось поэтическое чувство. Въ своемъ дневникѣ Бестужевъ былъ очень щедръ на лирическія отступленія, и одно изъ нихъ мы припомнимъ, какъ образецъ символической картины, въ которой онъ хотѣлъ выразить свое прощаніе съ прошлымъ и свои надежды на будущее. Это два пейзажа, которые любопытны уже потому, что своей внѣшней формой—романтической, колоритной и нѣсколько вычурной,—напоминаютъ слегка описанія природы у Гоголя.

Бестужевъ вспоминалъ свое прошлое:—

„Я поднялъ голову: надо мной склонялось шатромъ унылое полярное небо; передо мной тянулась цѣпь кангаласскаго камня, возникали его хребты, щетинясь кедрами и сосной, какъ стада огромныхъ дикобразовъ. Съ ружьемъ за плечами, задумавшись, стоялъ я на берегу одного изъ пустынныхъ озеръ, дремлющихъ вѣчно у подножія якутскихъ предгорій,

стоялъ, очарованный дикою поэзіей сѣверной природы. То было въ сентябрѣ мѣсяцѣ, но уже при начаткахъ зимы листъ палъ или падалъ съ жалобнымъ шорохомъ, отрываемый вѣтромъ отъ родныхъ вѣтокъ. Нагія березы и тальники дрожали, казалось, отъ холода и тѣснились въ частыя купы. Въ облакахъ, чуть видимы, неслись клиновидныя вереницы запоздалыхъ усталыхъ гусей, летящихъ къ новому лѣту юга—неслись, роняя на вѣтеръ печальные крики. И вотъ облака стали падать клубами ниже и ниже, будто сѣрые волки, отряхая дождь съ мохнатой шубы. Онъ сѣялся мелкими зернами и тихо, тихохонько падалъ туманомъ, не возмущая поверхности озера, не колебля сухого листа, который обнизывалъ онъ изморозью. Вдругъ пахнулъ вѣтерокъ изъ ущелья, и тамъ, гдѣ за мигъ волновались полупрозрачные пары, леталъ и плавалъ уже бѣлый снѣжокъ, легкій, чистый, блестящій, будто пухъ прямо съ крыльевъ ангела, непомерклый еще отъ прикосновенія къ землѣ. Онъ порхалъ онъ кружилъ, онъ вился и взбирался опять, будто не рѣшаясь разстаться съ воздухомъ, будто не хотя упасть на болото. Еще повѣвъ вѣтерка, еще взоръ, и все измѣнило видъ, все засіяло; косвенные лучи солнца пронзили облако и зажгли снѣжный туманъ яркими полосами. Казалось, млечный путь со своими міріадами звѣздъ просыпался съ неба, или солнце вылилось изъ него цвѣтами сѣвернаго сіянія: кристаллы инея, перемѣшанные съ каплями дождя, то сверкали золотомъ и пурпуромъ въ оранжевой струѣ свѣта, то померкали яхонтами въ фіолетовой полосѣ; и вновь загорались и опять гасли. Каждое дыханіе холода изъ пасти ущелья заставляло блѣднѣть этотъ потокъ замерзающаго воздуха и оживляющаго свѣта; каждый приливъ лучей растоплялъ снѣгъ въ алмазныя искры, между тѣмъ какъ золотыя нити отъ облаковъ до земли сновались и переливались. Наконецъ, начало отѣпенѣнія перемогло; мгла задушила небосклонъ, все померкло. Снѣгъ уже падалъ хлопьями, опушая

вмѣсто листьевъ деревья и прибрежный тростникъ озера, тусклаго какъ свинецъ...

„Я очнулся—

„И не леденѣющая, не безжизненная природа полюса, но оживающая, но живая, воскресшая природа востока красовалась предо мною, свѣжая прелестью весны, полная желаній и обѣтовъ, какъ невѣста. Она блещетъ, цвѣтетъ, поетъ жаворонкомъ, воркуетъ горлицей, вздыхаетъ нѣгой наслажденія въ вѣткѣ, кипитъ ключемъ. Влюбленное солнце пьетъ ея ароматическое дыханіе, нѣжитъ ее теплотой, цѣлуетъ лучами и съ каждымъ поцѣлуемъ печатлѣетъ новыя красоты на ея смѣющемся личикѣ. О, моя душечка, какъ ты обворожительна теперь! Со всѣмъ уваженіемъ къ чужой собственности я готовъ кинуться на грудь твою съ сѣдла и обнять тебя, расцѣловать тебя. Да, электрическій огонь восточной весны льетъ кипятокъ юности въ грудь, бросаетъ измѣнническія искры причудъ въ зарядный ящикъ воображенія, въ воздухѣ слышится чей-то милый голосъ, атласный шелестъ какого-то платья, благоуханный повѣвъ прерывнаго дыханья. Сердце замираетъ, духъ занимается“[81]...

Какъ въ самомъ дѣлѣ эти узорныя слова искренни и непринужденны! Они подсказаны сердцемъ, которое послѣ долгихъ испытаній готово было надѣяться и вѣрить, и не знало, что оно и на этотъ разъ должно обмануться.

Весной 1834 года Бестужевъ былъ въ Тифлисѣ и затѣмъ сквозь горы и Боржомское ущелье направился въ Ахалцыхъ. Проѣзжалъ онъ опять по страшнымъ, но прелестнымъ мѣстамъ вдоль бушующей разлившейся Куры, пока, наконецъ, не прибылъ въ маѣ въ Ахалцыхъ съ карманами, набитыми туго обломками базальта и иныхъ камней, которые онъ подобралъ на дорогѣ, вспоминая отцовскій кабинетъ и его коллекціи.

„Климатъ въ Ахалцыхѣ русскій,—писалъ онъ,—окрестности наги, но горы красятъ все. Крѣпость—куча развалинъ. Скука, я думаю, не съѣстъ меня здѣсь, я буду отражать ее перомъ“.

Скука его, дѣйствительно, здѣсь не съѣла, и его опасенія, что ему придется сидѣть въ гарнизонѣ, также не оправдались: его завѣтная мечта стала, наконецъ, осуществляться, и прежняя, ему столь ненавистная сидячая жизнь смѣнилась жизнью на бивуакахъ. Но эта жизнь не принесла ему радости и только съ необычайной быстротой разрушала его здоровье.

Надо удивляться, какъ вообще онъ могъ выносить такой образъ жизни. За періодъ времени отъ 1834 года до 1837 (годъ его смерти) его жизнь уходила вся на походы и постоянныя кочевки по разнымъ областямъ и городамъ Кавказа. Въ 1834 году мы встрѣчаемъ Бестужева въ Тифлисѣ (май), Ахалцыхѣ (май), Ставрополѣ (августъ), на рѣкѣ Лбени (октябрь) и опять въ Ставрополѣ (ноябрь); въ 1835 году на Невинномъ мысѣ (февраль), въ Екатеринодарѣ (февраль), Пятигорскѣ (іюль и августъ), опять въ Екатеринодарѣ (августъ), въ Закубаньи (сентябрь) и въ Ивановкѣ въ Черноморіи (ноябрь и декабрь); въ 1836 году въ Екатеринодарѣ (февраль), въ Гиленджикѣ (апрѣль), въ Керчи (іюнь), въ лагерѣ на Кубани (сентябрь), въ Анапѣ (октябрь), опять на Кубани (ноябрь) и въ Тамани (декабрь); въ 1837 году въ Тифлисѣ (февраль), Кутаисѣ (апрѣль), Цебельдѣ (май) Сухумѣ (май) и противъ мыса Аллера (іюнь), гдѣ онъ и сложилъ свою буйную голову. Исключая того времени, которое Бестужевъ проводилъ въ большихъ городахъ (онъ бывалъ въ нихъ всегда на короткій срокъ), какъ, напр., въ Ставрополѣ, Екатеринодарѣ, Тифлисѣ и Кутаисѣ, и исключая Пятигорска, гдѣ онъ лѣчился нѣсколько мѣсяцевъ,—все остальное время было имъ проведено въ походахъ и набѣгахъ при самыхъ ужасающихъ условіяхъ.

Эти походы начались очень скоро послѣ пріѣзда Бестужева въ Ахалцыхъ. Осенью 1834 года мы находимъ Александра Александровича въ лагерѣ на рѣкѣ Абени, въ землѣ шапсуговъ—одного изъ самыхъ воинственныхъ племенъ Кавказа. „Я видѣлъ много горцевъ — пишетъ Бесту-

жевъ—но признаться, лучше шапсуговъ не видалъ; они постигли въ высшей степени правило вредить намъ какъ можно болѣе, подвергаясь какъ можно менѣе вреду". Каждый клокъ сѣна и сучекъ дерева, даже пригоршня мутной воды стоила отряду многихъ трудовъ и иногда многихъ людей. Бестужевъ дышалъ дымомъ пороха и пожаровъ. Почти каждый день, а часто и ночь, садился онъ на коня и джигитовалъ безъ устали на пистолетный выстрѣлъ передъ непріятелемъ. Шли ли стрѣлки занимать лѣсъ, аулъ, рѣки—онъ кидался впереди. Ему было весело, когда пули свистали мимо. „Забава мнѣ стрѣляться съ закубанскими наѣздниками—писалъ онъ—и закубанцы, чортъ меня возьми, такіе удальцы, что я готовъ бы расцѣловать иного! Вообразите, что они стоятъ подъ картечью и кидаются въ шашки на пѣшую цѣпь,—прелесть что за народъ! Надо самому презирать опасность *) во всѣхъ видахъ, чтобы оцѣнить это мужество въ дикарѣ. У меня въ числѣ ихъ есть знакомцы, которые не стрѣляютъ ни въ кого, кромѣ меня, выѣхавъ поодаль; это родъ поединка безъ условій.

Отрядъ, въ которомъ служилъ Бестужевъ, двигался подъ командой Засса и генерала Вельяминова къ крѣпости Гиленджикъ, лежащей на берегу Чернаго моря. Отрядъ долженъ былъ идти по совершенно дикой мѣстности, отвоевывая себѣ каждый шагъ. Дѣло было зимой, и нашимъ, даже въ своихъ русскихъ границахъ, приходилось дѣлать переходы ночью. Въ Закубаньи, чрезъ которое лежалъ путь, отряду пришлось очень круто. Нужно было пробираться въ горы сквозь ужас-

---

*) Бестужевъ цѣнилъ и понималъ поэзію опасности и храбрости, хотя и началъ уставать очень быстро.

«Природа—писалъ онъ—не обдѣлила меня животною дерзостью, которую величаютъ храбростью; но я уже не запальчивъ, какъ бывало. Слава не заслоняетъ мнѣ опасностей своими лазоревыми крылышками, и надежда не золотитъ порохового дыма. Я кидаюсь впередъ, но это болѣе по долгу, чѣмъ по вдохновенію. Труды и усталость и непогоду сношу терпѣливо: никто не слыхалъ, чтобъ я роптalъ на что-нибудь: потерявъ голову, по бородѣ не плачутъ».[82]

ныя ущелья, выдерживать схватки, стоя по колѣно въ снѣгу. Приходилось дѣлать переходы по шестидесяти верстъ, и въ ту же ночь подкрадываться къ ауламъ... Солдаты дрались за каждую пядь земли, завоевывая дорогу кирками и штыками, наконецъ, перевалили черезъ охранный хребетъ со всѣми тяжестями и достигли Гиленджика; Бестужевъ выдержалъ стойко этотъ походъ, ежедневно рисковалъ жизнью, чуть не свалился въ пропасть, но, наконецъ „пересталъ вѣрить, чтобы свинецъ могъ его коснуться, и свистъ пуль сталъ для него то же, что свистъ вѣтра, даже менѣе". „Воровской образъ этой войны, ночные, невѣроятно быстрые переходы, въ своей и вражеской землѣ; дневки въ балкахъ безъ говора, безъ дыма днемъ, безъ искры ночью, особыя ухватки, чтобъ скрыть походъ свой, и, наконецъ, вторженіе ночью въ непроходимыя доселѣ разсѣлины, чтобы угнать стада, или взять аулы—все это было такъ ново, такъ дико, такъ живо, что я очень радъ случаю еще съ Зассомъ отвѣдать бою"—писалъ онъ тогда, очевидно въ очень бодромъ настроеніи *).

Но скоро пришлось расплатиться за это напряженіе. Александръ Александровичъ заболѣлъ неожиданно и очень серьезно: съ нимъ стали дѣлаться припадки, приливы крови къ сердцу и головѣ, онъ страдалъ безсонницей, звонъ въ ушахъ мѣшалъ заснуть и разыгравшееся воображеніе, ожидало съ минуты на минуту настоящаго удара. Наконецъ, въ одну ночь, въ январѣ, когда онъ послѣ похода находился въ Ставрополѣ, его хватилъ, если не настоящій ударъ, то нѣчто очень на него похожее. Легъ онъ въ одиннадцать часовъ спать съ головной болью, заснулъ и вдругъ вскочилъ, словно сраженный молніей. Голова его кружилась, сердце билось, какъ будто готово было разорваться, кровь ударяла

*) Бестужевъ описалъ походъ въ Гиленджикъ въ особой реляціи, которую думалъ напечатать въ «Сѣверной Пчелѣ». Эта реляція была написана увлекательно, живо и въ очень повышенномъ патріотическомъ тонѣ. Военная цензура ее, однако, не пропустила, боясь вѣроятно, какъ бы на ея автора не было обращено слишкомъ много вниманія.[83]

въ голову. Онъ закричалъ отъ ужаса, сталъ задыхаться, бросился въ сѣни, чтобы захватить свѣжаго воздуха—все было напрасно: онъ почувствовалъ холодъ смерти, пульсъ исчезалъ,, сердце умолкало, и только, голова была ясна попрежнему. Четыре такихъ приступа испыталъ онъ въ одну ночь, но къ утру ему стало легче. Это была болѣзнь сложная, зародыши которой восходили еще къ тому времени, когда онъ въ фортѣ „Слава" принужденъ былъ питаться тухлой солониной. Затѣмъ эта болѣзнь (tenia) развилась, и за отсутствіемъ леченія осложнилась общимъ истощеніемъ организма отъ кавказскихъ лихорадокъ и всѣхъ лишеній походной жизни. Состояніе больного потребовало систематическаго и долгаго лѣченія, разрѣшеніе ка которое Бестужеву и было выхлопотано.

Лѣтомъ 1835 года онъ перекочевалъ въ Пятигорскъ. и на нѣсколько мѣсяцевъ въ его жизни наступило затишье.

Въ Пятигорскѣ онъ узналъ, что произведенъ въ унтеръ-офицеры и это какъ будто указывало на то, что о немъ были хорошаго мнѣнія. На самомъ дѣлѣ, однако, за нимъ зорко слѣдили и какъ разъ въ Пятигорскѣ разыгрался инцидентъ, который не могъ не отозваться гяжело на его настроеніи. Еще до переѣзда Бестужева въ Пятигорскъ графъ Бенкендорфъ писалъ барону Розену, главнокомандующему на Кавказѣ, что Государь Императоръ получилъ частнымъ образомъ свѣдѣнія о неблагонамѣренномъ расположеніи Бестужева, которымъ хотя не даетъ полной вѣры, но не менѣе того Высочайше повелѣлъ, дабы внезапнымъ образомъ осмотрѣть всѣ вещи и бумаги Бестужева и о послѣдующемъ донести Его Величеству. Производство этого обыска было возложено на жандармскаго подполковника Казасси, который, вмѣстѣ съ пятигорскимъ комендантомъ, 24 числа іюля и учинилъ въ 5 часовъ утра внезапный осмотръ на квартирѣ Бестужева всѣмъ бумагамъ его и вещамъ. По тщательному разсмотрѣнію отдѣлилъ онъ два письма К. Полевого, при одномъ изъ коихъ отправлена была къ Бестужеву сѣрая

шляпа, въ которой вложены были книги: „Миргородъ“, Записки Данилевскаго и повѣсти Павлова. Прочія бумаги, не заключающія въ себѣ ничего подозрительнаго или преступнаго, онъ перенумеровалъ, прошнуровалъ, приложилъ печать свою, скрѣпилъ подписомъ, потомъ возвратилъ Бестужеву, взявъ съ него подписку, что онъ сохранитъ бумаги въ цѣлости, и обязавъ его словомъ никому не разглашать о сдѣланномъ на его квартирѣ осмотрѣ *). Донесеніе объ этомъ баронъ Розенъ отослалъ Бенкендорфу, доложивъ при этомъ, что болѣзнь Бестужева серьезная, осложненная скорбутными ранами. Два мѣсяца спустя тотъ же Казасси перерылъ всѣ вещи Бестужева, оставленныя имъ въ Екатеринодарѣ, въ Ставрополѣ и въ Абинскомъ укрѣпленіи.[85]

Дальнѣйшихъ послѣдствій это дѣло не имѣло **), но на Бестужевѣ, конечно, отозвалось тяжело. Еще раньше онъ сталъ подозрѣвать, что есть въ Петербургѣ люди, которые задались цѣлью клеветать на него, которые распускали слухи о томъ, что онъ спился и развратничаетъ[86]—теперь эти подозрѣнія какъ будто оправдывались. Бестужевъ очень тревожился. Впрочемъ, его походная жизнь скоро пошла опять своимъ чередомъ.

---

*) Г. И. Филипсонъ такъ разсказываетъ объ этомъ случаѣ:

«Въ третій годъ бытности на Кавказѣ докторъ Майеръ очень сблизился съ А. Бестужевымъ и С. Палицынымъ—декабристами, которые изъ каторжной работы были присланы на Кавказъ служить рядовыми. Оба они были люди легкомысленные и тщеславные, и во всѣхъ отношеніяхъ не стоили Майера. Бестужеву Полевой прислалъ бѣлую пуховую шляпу, которая тогда въ Западной Европѣ служила признакомъ карбонари. Донось о такомъ важномъ событіи обратилъ на себя особенное вниманіе усерднаго ничтожества, занимавшаго должность губернскаго жандармскаго штабъ-офицера. При обыскѣ квартиры, въ которой жили Майеръ, Бестужевъ и Палицынъ, шляпа найдена въ печи. Майеръ объявилъ, что она принадлежитъ ему, основательно соображая, что, въ противномъ случаѣ, кто-нибудь изъ его товарищей долженъ былъ немпнуемо отправиться обратно въ Сибирь. За эту дружескую услугу, по распоряженію высшаго начальства, Майеръ выдержалъ полгода подъ арестомъ въ Темнолѣсской крѣпости.[84]

**) Хотя Государь еще разъ подтвердилъ свое приказаніе, «строго смотрѣть за Бестужевымъ».

При производствѣ въ унтеръ-офицеры Бестужевъ былъ переведенъ въ 3-й Черноморскій батальонъ въ уже знакомую намъ крѣпость Гиленджикъ. Въ эту крѣпость онъ попалъ не сразу и провелъ всю осень 1835 года опять на Кубани, въ Ивановкѣ, въ штабъ-квартирѣ своего Тенгинскаго полка. „Послѣ пятимѣсячной болѣзни—пишетъ онъ—которая меня держала въ пеленахъ, въ люлькѣ, я опять подъ летучею палаткой, сплю подъ грохотомъ барабановъ и ржанье коней". Спалось, ему однако, не очень сладко. „Ну—писалъ онъ своему брату Павлу въ ноябрѣ 1835 г. -усталъ я отъ послѣдней экспедиціи до самаго нельзя. Богъ ты мой, что за погода! Вообрази себѣ, что въ теченіе двухъ недѣль не имѣли мы двухъ часовъ сухихъ! Дождь, ливень, градъ; градъ, ливень и потокъ канальскій; проницательный, прозаическій мелкій дождикъ, который сѣчетъ до костей,—вотъ что давало намъ небо. Грязь по ступицу, потоки выше груди, волчцы и тернія, которые дерутъ долой кожу, не только одежду, и разуваютъ весьма неучтиво,—вотъ подарки матушки земли. Люди потчивали насъ шашками и свинцомъ. Правду сказать, и мы къ нимъ не съ добромъ пожаловали: мы жгли ихъ села, истребляли ихъ хлѣба, сѣно и пометали золу за собой. Никто бы не повѣрилъ, увидѣвъ меня по возвратѣ изъ Пятигорска, чтобы я могъ выдержать военные труды и при хорошей погодѣ: до того я былъ худъ, блѣденъ, болѣзненъ, и что жъ? я вынесъ втрое противъ здоровыхъ, потому что батальоны чередовались ходить въ дѣло, а я, прикомандированъ будучи къ черноморскимъ пѣшимъ стрѣлкамъ для введенія у нихъ военнаго порядка, ходилъ безъ отдыха каждый день въ цѣпи съ утра до вечера, не зная, что такое сухая одежда... я не чувствовалъ ни мокроты, ни холода и втянулся въ труды, какъ разбитая почтовая лошадь. Теперь, пришедши вчерашнюю ночь въ свою штабъ-квартиру, я начинаю чуять усталость и, вѣроятно, во мнѣ отзовется походъ съ лихвою... По правдѣ сказать, жизнь безъ радостей мнѣ наскучила; жизнь, преисполненная горечи, меня тяготитъ и

Богъ не хочетъ послать мнѣ доброй пули, которая бы меня съ нимъ соединила".

Вся осень 1835 года, проведенная Бестужевымъ въ Черноморіи, протекла въ этой постоянной ежедневной борьбѣ съ врагомъ и съ природой. Природа была, пожалуй, опаснѣе врага, такъ какъ отъ нея, отъ этого зноя, холода, безпрестанной мокроты и изнуряющихъ лихорадокъ не спасала никакая храбрость и предосторожность. „Въ костяхъ, въ желудкѣ, въ головѣ, можетъ быть, въ самомъ мозгу отзывалось это повседневное напряженіе" и силы Бестужева быстро таяли. „Меня такъ высушила лихорадка—говорилъ онъ—что меня можно вставить въ фонарь вмѣсто стекла".

Гиленджикъ, куда онъ, наконецъ, попалъ весной 1836 года, не обѣщалъ ничего хорошаго. Это была маленькая крѣпость на берегу Чернаго моря, плохо огражденная отъ нападенія непріятеля и еще менѣе защищенная отъ разныхъ повѣтрій. Куча землянокъ, душныхъ въ жаръ, грязныхъ въ дождь, сырыхъ и темныхъ во всякое время, вотъ каково было то гнѣздо, въ которомъ ему пришлось теперь „несть орлиныя яйца". Условія жизни были самыя плачевныя. „Здѣсь нечего ѣсть, въ самомъ точномъ значеніи слова—писалъ онъ. Питаются поневолѣ солониной, да изрѣдка рыбой; но какъ послѣдняя въ здѣшнемъ климатѣ вѣрный проводникъ лихорадокъ, ѣсть ее опасно... Я такъ всегда бывалъ твердъ въ испытаніяхъ, насылаемыхъ на меня судьбой, что, конечно, не упаду ни духомъ, ни тѣломъ, отъ лишеній всѣхъ родовъ, не паду на зло скорбуту и лихорадкамъ, которыя жнутъ здѣсь солдатъ безпощадно". Смертность въ Гиленджикѣ достигала, дѣйствительно, такихъ размѣровъ, что присланъ былъ дивизіонный докторъ произвесть о томъ слѣдствіе. Гарнизонъ буквально вымиралъ, проживая въ землянкахъ, гдѣ вода стояла по колѣно и гдѣ при малѣйшемъ дождѣ сапоги на ногахъ плѣсневѣли.

Въ одинъ изъ такихъ дней, когда Бестужевъ лежалъ больной въ Гиленджикѣ, въ своей сырой землянкѣ, онъ про-

читалъ въ „Инвалидѣ“ о своемъ производствѣ въ офицеры. Его обуяла неописанная радость, въ силѣ которой сказалась вся тяжесть вынесенныхъ имъ униженій и оскорбленій... „Я едва не испыталъ на себѣ—писалъ онъ—что неожиданная радость можетъ убить скорѣе, чѣмъ нежданная бѣда... Я могъ прочесть въ „Инвалидѣ“ только свое имя, не замѣчая перевода, и въ глазахъ у меня потемнѣло. Перейти вдругъ отъ безыменной вещи въ лицо, имѣющее права, отъ совершенной безнадежности къ обѣтамъ семейнаго счастья (!), отъ униженія, которое могъ я встрѣтить отъ всякаго, къ неприкосновенности самой чести—о! это была не ребяческая радость моего перваго офицерства, когда бѣлый султанъ и шитый воротникъ сводили меня съ ума, когда я готовъ былъ расцѣловать перваго часового, который отбрякнулъ мнѣ на караулъ. Нѣтъ, тутъ открылась для меня частичка міра, хоть не рая, которую выстрадалъ я и выбилъ штыкомъ; тутъ сверкнулъ лучъ первой позволенной надежды, можетъ быть, обманчивой, какъ и прежнія, но, все-таки, позволенной надежды *). Однимъ словомъ, эта вѣсть сдѣлала переломъ въ моей болѣзни, и съ того дня, хотя медленно и съ частыми возвратами лихорадки, я сталъ на ноги и понемногу поправляюсь .. но съ грустью вижу, что мое здоровье исчезаетъ быстро“...

Извѣстіе о производствѣ въ офицеры сопровождалось, впрочемъ, новой угрозой. Изъ Гиленджика Бестужева переводили въ ужасную по климату Абхазію, въ батальонъ, расположенный въ Гагрѣ и Пицундѣ, въ самыхъ гробовыхъ

*) «Съ декабристомъ Бестужевымъ-Марлинскимъ—разсказываетъ И. Ховенъ, я познакомился за обѣдомъ у начальника отряда ген.-лейт. А. Л. Вельяминова. Бестужевъ только-что былъ произведенъ въ прапорщики. Я его нашелъ въ столовой юртѣ, въ которой обыкновенно обѣдали адъютанты начальника отряда и состоящіе при его штабѣ офицеры. Въ новенькомъ мундирѣ, напомаженный, надушенный, онъ представлялся въ этотъ день генералу, и невольно обратилъ на себя общее вниманіе отрядныхъ офицеровъ, составлявшихъ съ нимъ полный контрастъ. Онъ потѣшалъ всѣхъ своими остротами».[87]

мѣстахъ черноморскаго прибрежья. Бестужевъ зналъ, куда его назначили, и въ его словахъ о новомъ своемъ назначеніи проглядываетъ подозрѣніе, что этотъ переводъ есть, въ сущности, осужденіе на смерть.

„Есть на берегу Чернаго моря въ Абхазіи впадина между огромныхъ горъ—писалъ онъ своимъ друзьямъ въ Москву. Туда не залетаетъ вѣтеръ; жаръ тамъ отъ раскаленныхъ скалъ нестерпимъ, и, къ довершенію удовольствій, ручей пересыхаетъ и превращается въ зловонную лужу. Въ этомъ ущельѣ построена крѣпостишка, въ которую враги бьютъ со всѣхъ высотъ въ окошки; лихорадки тамъ свирѣпствуютъ до того, что полтора комплекта въ годъ умираетъ изъ гарнизона, а остальные не иначе выходятъ оттуда, какъ съ смертоносными обструкціями или водяною. Тамъ стоитъ 5-й Черноморскій батальонъ, который не иначе можетъ сообщаться съ другими мѣстами, какъ моремъ, и, не имѣя пяди земли для выгоновъ, круглый годъ питается гнилою солониной. Однимъ словомъ, имя Гагры, въ самой гибельной для русскихъ Грузіи, однозначаще со смертнымъ приговоромъ".

Таково было новое мѣсто испытанія, которое Бестужеву отводилось. Нѣтъ сомнѣнія, что попади онъ въ Гагры, онъ былъ бы выведенъ въ расходъ очень скоро, но эта опасность благополучно его миновала, хотя, какъ увидимъ, его жизнь отъ этого днями не обогатилась. Онъ не попалъ въ Гагры и всю осень и начало зимы 1836 года провелъ частью въ походахъ, частью въ переѣздахъ все въ той же Черноморіи, сначала опять на Кубани, затѣмъ въ Анапѣ, въ Тамани и въ Керчи. Здѣсь, въ Керчи, здоровье его было попрежнему плохо, но походы и случайности войны возбуждали его силы и онъ, какъ самъ выражался, жилъ „гальваническою жизнью". Любимой его мыслью было немедленно, при первой возможности, выйти въ отставку. Онъ даже надѣялся на довольно благополучное осуществленіе этого плана; ему мечталось, что ему отведутъ уголокъ, гдѣ бы онъ могъ поставить свой посохъ и, служа въ статской службѣ Государю, служить перомъ

русской литературѣ. „Кому было бы хуже, еслибъ мнѣ было немного лучше?“—спрашивалъ онъ простодушно, разстроенный и опечаленный тѣмъ, что планъ его имѣлъ мало шансовъ на успѣхъ. Планы эти, дѣйствительно, разлетѣлись, но зато онъ былъ избавленъ отъ заключенія въ Гаграхъ.

Въ Керчи съ нимъ встрѣтился графъ Воронцовъ, принялъ живое участіе въ его судьбѣ, и видя, какъ гибеленъ для него кавказскій климатъ, попросилъ Государя о переводѣ его на статскую службу въ Крымъ *). Самъ Бестужевъ о томъ же съ своей стороны написалъ графу Бенкендорфу. Хлопоты не увѣнчались успѣхомъ, такъ какъ наверху на этотъ переводъ не согласились, но изъ Гагръ Бестужева все таки перевели въ Кутаисъ, куда онъ и долженъ былъ ѣхать къ новому 1837 году.

Въ эти послѣдніе два года своей жизни Бестужевъ сталъ подумывать о тихомъ уголкѣ и семейномъ счастіи, которое въ принципѣ стало возможно, какъ только ему вернули его офицерскій чинъ **).

„Лѣта уходятъ—писалъ онъ—черезъ два года мнѣ сорокъ, а гдѣ за Кавказомъ могу я жениться, чтобъ кончить дни въ семействѣ, чтобъ хоть ненадолго насладиться жизнью! Дорого яичко въ Христовъ день, а моя пасха проходитъ безъ розговѣнья“... Эти жалобы на одиночество, высказываемыя въ кругу друзей, и заставили, вѣроятно, кого-то изъ нихъ присватать ему заочно невѣсту. Сватовство шло успѣшно и намѣченная невѣста была одна изъ поклонницъ Марлинскаго—

*) На должность чиновника особыхъ порученій при керченскомъ губернаторѣ. Къ этому времени относится, кажется, и попытка В. А. Перовскаго перевести Бестужева на службу въ Оренбургскій край, «чтобы описать край и ознакомить читателей съ кочующими жителями степей». На свое прошеніе Перовскій получилъ будтобы сверху отвѣтъ, что «Бестужева слѣдуетъ послать не туда, гдѣ онъ можетъ быть полезнѣе, а туда гдѣ онъ можетъ быть безвреднѣе»[88].

**) «Одна и единственная мольба передъ Отцомъ Монархомъ есть: увѣнчать свои благодѣянія дарованіемъ затишья этой бѣдами и раскаяньемъ измученной душѣ»—писалъ онъ Царю 13 іюля 1836 г.[89]

такъ, по крайней мѣрѣ, можно думать, судя по одному отрывку изъ письма Бестужева къ брату. „Я писалъ сватовское письмо въ Москву—пишетъ онъ—хочу жениться на княжнѣ Дашѣ У-ой, воспитанницѣ матери Валерьяна Г... Очень умная, бойкая, свѣтская дѣвушка. Мила, но нехороша, sera bien dotée. Не знаю, удастся ли; но если и нѣтъ, *то не съ ея стороны* будетъ отказъ. Жду на дняхъ отвѣта". Пусть эти слова и не совсѣмъ вяжутся съ представленіемъ о романтической страсти, о которой Бестужевъ такъ много говорилъ въ своихъ романахъ, но ему въ данномъ случаѣ было не до страстей: въ своихъ отношеніяхъ къ княжнѣ онъ хотѣлъ довольствоваться однимъ лишь разумомъ... но ему самому скоро вся эта комедія надоѣла. Черезъ мѣсяцъ послѣ отсылки „сватовскаго письма" онъ извѣщаетъ своего брата весело и откровенно, что всѣ его маріажные планы разлетѣлись какъ дымъ и что онъ отъ этого въ восхищеніи, такъ какъ узналъ недавно, что въ смыслѣ денегъ у его невѣсты ничего нѣтъ и что это его совсѣмъ не устраиваетъ. „Я пока еще не имѣю никакого отвѣта, ни положительнаго, ни отрицательнаго, но эта задержка даетъ мнѣ, слава Богу, поводъ во что бы то ни стало отказаться". Всю эту любовную заочную интригу мы можемъ смѣло счесть капризомъ и забавной шуткой тѣмъ болѣе что Бестужевъ въ самый разгаръ этой интриги отдавалъ свое сердце искренно и охотно многимъ встрѣчнымъ дамамъ.

Дамы играютъ вообще довольно видную роль въ эти послѣдніе годы его жизни. Нашъ полумертвый и усталый воинъ находилъ всегда время подумать о женщинахъ. Странно какъ-то читать въ его письмахъ, писанныхъ на бивуакахъ и въ землянкѣ, въ этихъ—какъ мы видѣли, скорбныхъ письмахъ, въ которыхъ столько искреннихъ слезъ—странно читать въ нихъ, какъ подробно и настойчиво онъ проситъ своихъ корреспондентовъ выслать ему разныя принадлежности женскаго туалета; то платки, то чулки, то перчатки. Онъ ловеласничалъ это время напропалую. „Жилъ я въ

Керчи у стараго знакомца и товарища по несчастію, Б., — разсказываетъ Бестужевъ объ этомъ веселомъ времени. У него жена—женщина, какихъ я не встрѣчалъ до сихъ поръ: собой и душой—прелесть; монастырка до конца ногтей, женщина до нитей сердца. Вышла замужъ по страсти; но, видя охлажденіе мужа, сперва изъ отмщенія, потомъ по страсти кинулась ко мнѣ на шею. Что мнѣ стоило, однакожъ, овладѣть ею вполнѣ, этого и чортъ не знаетъ: она провела меня черезъ всю гамму безумства, но, наконецъ, пала Не могу выразить какъ мнѣ тяжко было разставаться съ нею, чтобъ ѣхать въ отрядъ, тѣмъ болѣе, что мужъ сталъ подозрѣвать и были ужасныя сцены. Въ декабрѣ я поѣхалъ опять въ Керчь; не найдя катера, я кинулся въ дрянную лодку и съ однимъ гребцомъ цѣлыя полтора сутки былъ въ опасности жизни, носился по морю, и вообрази мое счастіе: мужъ въ отлучкѣ, и я цѣлый мѣсяцъ занималъ его мѣсто... Я былъ вполнѣ счастливъ: c'était une femme divine: j'ai manquè d'ailleurs d'avoir deux duels pour elle avec son mari d'abord et un officier depuis. Но то ли готовъ я былъ для нея сдѣлать! Я хотѣлъ ее развести или увезти, но двое дѣтей помѣшали: она осталась съ мужемъ, но я люблю ее до сихъ поръ".

Не успѣлъ онъ, однако, уѣхать изъ Керчи въ Ставрополь, какъ завязались другія связи, а въ Тифлисѣ, куда онъ попалъ на пути въ Кутаисъ, его ожидала новая побѣда. Très jolie, coquette et femme auteur—аттестуетъ онъ даму своего сердца. „Я началъ свою кампанію очень удачно, мужъ только-что уѣхалъ въ экспедицію: elle est charmante. Дней пять я было думалъ, что влюбленъ, и глупостей съ обѣихъ сторонъ было довольно. Elle est folle d'amour pour moi"... „Ей Богу, mon cher—говорилъ онъ брату—безъ женщинъ не стоило бы жить на свѣтѣ. Сперва къ нимъ писать, а потомъ о нихъ писать—вотъ цѣль моей жизни"...

Такую любовную ретивость придали ему офицерскіе эполеты... Но какъ ошибся бы тотъ, кто на основаніи этихъ словъ подумалъ бы, что жажда наслажденія и веселья оттѣ-

снила въ его душѣ всѣ серьезныя думы и чувства. Никогда не былъ онъ такъ глубоко меланхолически настроенъ, какъ въ эти послѣдніе годы своей жизни. Если онъ такъ неистовствовалъ въ своихъ амурахъ, то, кто знаетъ, быть можетъ, этотъ неудержимый порывъ любви былъ послѣдней вспышкой сильнаго сердца, которое предчувствовало, что скоро угаснетъ. Яркіе слѣды такого предчувствія остались на одной его повѣсти, послѣдней, которая была имъ написана. Она озаглавлена „Онъ былъ убитъ“ (1836). Это дневникъ какого-то офицера, очевидно самого Бестужева, какъ можно догадываться по многимъ очень яснымъ намекамъ.

„Облака стадились по хребтамъ Маркотча—заноситъ герой повѣсти въ свою записную книжку,—горный вѣтеръ кружилъ изсохшими листьями; грустная дума запала мнѣ въ голову—грустная и отрадная вмѣстѣ была она: мнѣ не долго жить, и зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, разводить водой безрадостную жизнь мою? Я съ раскаяніемъ обращался къ прошлому, съ мольбою простиралъ руки къ будущему: нѣтъ отвѣта, нѣтъ привѣта. Иногда на прежнее можно купить то, что будетъ; у меня бездна призываетъ бездну... кто спроситъ, кто разскажетъ про меня? Тѣ, кто бы могли, не захотятъ, а кто бы желалъ, не можетъ!.. Я сирота и въ грядущемъ“. При мракѣ въ прошломъ и въ грядущемъ, при ожиданіи близкой смерти, приманкой жизни для него осталась лишь страшная жажда любви, неистовой, испепеляющей любви да восторгъ передъ силой фантазіи и поэтическимъ подъемомъ духа. Вся жизнь его свелась къ любви и вдохновенію. „Хотѣлъ бы выразить себя ревомъ льва—говоритъ авторъ дневника, — пѣснью вольнаго вѣтра, безмолвнымъ укоромъ зеркала, клятвой пожигающаго взора, хотѣлъ бы пронзить громовою стрѣлой, увлеченною бурнымъ водопадомъ,—и чтобы эхо моей тоски роптало, стонало въ душахъ слушателей,—чтобы молнія страстей моихъ раскаляла, плавила, сжигала ихъ сердца,—чтобы они безумствовали моею радостью, и замерзали ужасомъ вмѣстѣ со мной! Не могу я

такъ выражаться, а иначе не хочу: это бы значило пускаться въ бѣгъ со скованными ногами"...

„Я пробужденъ жаждою, неутомимою жаждою нѣги... я хочу цѣлаго юга, цѣлой Африки любви. Не для меня счетные поцѣлуи. Жажду пить наслажденія черезъ край и до капли—пить и не напиться. О, дайте мнѣ черныхъ, бездонныхъ глазъ, которые поглощаютъ сердце въ звѣздистой влагѣ своей! Дайте устъ, которыхъ ароматноое дыханье упояетъ пламенемъ; дайте вздоховъ, освѣжающихъ лучше вѣтерка въ зной лѣта; дайте слезъ восторга, сладкихъ какъ роса медвочная и отрадныхъ какъ счастье друга; дайте поцѣлуевъ, которые расплавляютъ кровь въ нектаръ, улетучиваютъ тѣла въ душу, уносятъ душу къ небу!..."

Такъ безумствовалъ въ своемъ дневникѣ молодой мечтатель и такъ на дѣлѣ безумствовалъ Бестужевъ, какъ бы желая остановить бѣгъ времени, удержать насильно свою молодость, молодость, „съ которой умираетъ въ человѣкѣ все безотчетно-прекрасное въ чувствахъ, въ словахъ, въ дѣлѣ..." какъ говорилъ онъ.

И въ самый разгаръ такой вакханаліи чувствъ и фантазіи въ головѣ этого пылкаго мечтателя тѣснились самыя грустныя мысли о смерти. „Я бы желалъ отдать послѣдній вздохъ тому краю, который внималъ моему первому крику—писалъ нашъ незнакомецъ въ своемъ дневникѣ.—Какъ всѣ младенцы, я плакалъ, когда родился. Отравленный напитокъ—воздухъ бытія, но въ отчизнѣ, по крайней мѣрѣ, мы вдыхаемъ отраву безъ горечи. Въ отчизнѣ я бы уложилъ свои кости рядомъ съ прахомъ отца моего,—и мягче, и легче была-бъ для меня родная земля! Врагъ не сорвалъ бы креста съ моей могилы; прохожій помолился бы за грѣшную душу мою по-русски. Если же паду на чужбинѣ, я бы хотѣлъ быть схороненнымъ на берегу моря, у подножія горъ, глазами на полдень,—я такъ любилъ горы, море и солнце! Пускай и по кончинѣ согрѣваетъ меня взоръ Божій; пусть вѣетъ мнѣ

горный вѣтерокъ; пусть кипучія волны прибоя напѣваютъ и лелѣютъ вѣчный сонъ мой"...

„Дайте же мнѣ скорѣе волну въ изголовье; плотнѣе задерните пологъ ночи; пусть даже безсмертныя звѣзды, не только смертныя очи туда не заглядываютъ. Пусть не будитъ меня пѣтухъ раннимъ-рано. Хочу спать, долго и крѣпко, покуда ангелъ не разбудитъ меня лобзаніемъ примиренья".[90]

„Теперь посылаю еще„ Отрывки изъ журнала убитаго"— писалъ Бестужевъ Полевому—и если вы не будете плакать, ихъ читая, или вы, или я безъ сердца". Какъ видимъ, этотъ дневникъ убитаго былъ на самомъ дѣлѣ исповѣдью умиравшаго...

XII.

Въ концѣ февраля 1837 года Бестужевъ проживалъ въ Тифлисѣ на пути въ Кутаисъ. Здѣсь получилъ онъ извѣстіе о томъ, что Россія потеряла Пушкина. Новость эту ему передала une femme charmante... Въ молчаніи ночи и въ одиночествѣ ядъ печали проникъ въ его сердце; онъ не смыкалъ глазъ всю ночь и утромъ на разсвѣтѣ поднялся на гору, въ монастырь св. Давида. Тамъ призвалъ онъ священника и заказалъ ему панихиду на могилѣ Грибоѣдова, на могилѣ, попираемой ногами, могилѣ безъ камня и безъ надписи. Онъ плакалъ горючими слезами, плакалъ о другѣ и о товарищѣ по оружію, плакалъ налъ самимъ собой. Когда священникъ провозгласилъ „за убіенныхъ боляръ Александра и Александра", онъ зарыдалъ до истерики—такъ грустно звучали для него эти слова, звучали не только воспоминаніемъ, но и предсказаніемъ. „Да, я чувствую—писалъ онъ брату, разсказывая ему объ этой панихидѣ—что и моя смерть будетъ насильственна и необычна; она близка: слишкомъ много горячей крови во мнѣ, которая кипитъ въ моихъ жилахъ, годы мои не угомонятъ ее; объ одномъ прошу только, не умереть на одрѣ болѣзни, ни на дуэли".

Страннос впечатлѣніе производитъ все въ цѣломъ это письмо Бестужева о смерти Пушкина. Неизбѣжная femme charmante... при этомъ клятва убить на дуэли Дантеса при первой же встрѣчѣ съ нимъ и затѣмъ сейчасъ же разговоръ о тифлисской погодѣ и, наконецъ, въ концѣ письма сообщеніе о томъ, что 18 февраля у барона Розена былъ блестящій балъ на его серебряную свадьбу, что баронъ былъ изумительно привѣтливъ и все шло какъ нельзя лучше[91]. Все это подтверждаетъ, что въ Пушкинѣ Бестужевъ терялъ человѣка, котораго уважалъ, но едва ли любилъ сильно. Самое любопытное мѣсто въ письмѣ это—дума о судьбѣ Грибоѣдова, Рылѣева и Пушкина. „Вотъ трое погибло и какою смертью!"—и затѣмъ сейчасъ же мысль о собственномъ близкомъ концѣ.

А конецъ былъ близокъ.

Назначеніе въ Кутаисъ не принесло съ собой ожидаемаго отдыха отъ походовъ. Бестужевъ былъ въ Кутаисѣ въ апрѣлѣ 1837 г., но тотчасъ же принужденъ былъ ѣхать обратно на берегъ Чернаго моря, такъ какъ былъ прикомандированъ къ грузинскому гренадерскому полку, который долженъ былъ дѣйствовать въ Абхазіи, двинуться къ мысу Адлеру и очистить его отъ непріятеля.

Эта экспедиція въ маѣ 1837 года имѣла стоянку въ Цебельдѣ. Командовалъ ею самъ главнокомандующій баронъ Розенъ. Покончивъ съ цебельдинцами, отрядъ возвратился въ Сухумъ, гдѣ онъ долженъ былъ сѣсть на суда, чтобы отплыть къ мысу Адлеру. Здѣсь въ Сухумѣ Бестужеву пришлось послѣдній разъ взяться за перо. Онъ перевелъ съ татарскаго поэму Мирзы Фетх-Али, въ которой этотъ мусульманинъ, служившій въ русскомъ отрядѣ, оплакивалъ смерть Пушкина[92]. Второй разъ тѣнь Пушкина напоминала Бестужеву о близкой смерти.

7 іюня, когда эскадра съ отрядомъ барона Розена бросила якорь противъ мыса Адлера, Александръ Александровичъ обнаружилъ совсѣмъ для него необычную предосторож-

ность: посылая послѣднее имъ написанное письмо къ матери, онъ адресовалъ его брату и просилъ задержать письмо до слѣдующаго извѣстія, чтобы не дать матери напраснаго безпокойства. „Ты знаешь—писалъ онъ брату—что я любилъ тебя много. Впрочемъ, это не эпитафія: я не думаю и не надѣюсь умереть скоро, но все-таки, на всякій случай, лучше проститься".

Когда эскадра стала уже въ виду мыса Адлера, Бестужевъ написалъ—въ первый разъ въ своей жизни—краткое духовное завѣщаніе; брату завѣщалъ онъ свои бумаги и деньги, а денщику свое платье.

Онъ былъ, однако, бодръ духомъ, и боевая патріотическая пѣсенка, сочиненная имъ въ тотъ день и подхваченная всѣмъ отрядомъ, показываетъ, въ какомъ онъ пребывалъ воинственномъ настроеніи. Однако, когда пришлось садиться въ лодки, чтобы начать высадку, онъ на слова одного товарища о завтрашнемъ днѣ отвѣчалъ задумчиво: „Богъ знаетъ, когда наступитъ мое завтра"[93].

Это вѣчное завтра наступило очень скоро.

Стрѣлки подплыли къ берегу въ шлюпкахъ подъ градомъ пуль, которыми ихъ осыпали черкесы изъ-за окоповъ, сдѣланныхъ на самомъ берегу. Выскочить на берегъ, броситься на черкесовъ, засѣвшихъ въ вырытой вдоль берега канавѣ, вродѣ шанцевъ, и прогнать ихъ въ лѣсъ, росшій въ пятнадцати или двадцати шагахъ отъ берега, наконецъ, добѣжать до него, было дѣломъ одной минуты. Стрѣлки-егеря, въ разсыпную, устремились въ чащу лѣса за уходившими, на этотъ разъ безъ выстрѣла, горцами; егеря углубились въ лѣсъ, шаговъ на пятьдесятъ или шестьдесятъ. Въ это время явился въ лѣсъ капитанъ драгунскаго Нижегородскаго полка Альбрантъ и принялъ команду надъ цѣпью... Не принявъ во вниманіе ни той мѣстности, среди которой онъ дѣйствовалъ, ни возможности обхода со стороны черкесовъ, въ то время какъ резерва не было еще видно, Альбрантъ тотчасъ скомандовалъ „впередъ!" Шагъ за шагомъ пробирались или, лучше

сказать, продирались егеря сквозь страшную колючку, папоротникъ и разную чащу.

Бестужевъ находился въ этой передовой цѣпи. Несмотря на предостереженія начальниковъ, онъ самъ пожелалъ примкнуть къ ней.

„Само собою разумѣется—разсказываетъ свидѣтель дѣла Давыдовъ—что при движеніи впередъ этой цѣпи не могло быть порядка, такъ какъ иногда въ двухъ шагахъ ничего не было видно, а ужъ о наблюденіяхъ, что дѣлается впереди, съ боковъ и сзади на большое пространство, и говорить нечего.

— Господинъ офицеръ! — крикнулъ Бестужевъ. — Господинъ офицеръ!

— Что вамъ угодно?—отвѣчалъ я, оглядываясь и торопясь отвѣтомъ.

— Куда вы идете? Куда?

— Не знаю.

— Какъ не знать! Вы вѣдь офицеръ! Растолкуйте мнѣ хоть что-нибудь!

— Что-жъ мнѣ толковать, когда ничего не знаю! А вотъ направо есть какой-то адъютантъ съ эполетами, а налѣво начальникъ цѣпи, они вамъ и растолкуютъ.

— Да что же это такое! цѣпь или что другое?

— Была первая цѣпь, а теперь что̀ мы такое, не знаю.

Бестужевъ пожалъ плечами, махнулъ рукой и отправился влѣво, гдѣ я ему указалъ начальника цѣпи. Бестужевъ былъ совершенно одинъ, безо всякаго конвоя...

Когда Бестужевъ, махнувъ рукой отправился отъ меня влѣво, кажется, менѣе, нежели черезъ миуту, послышалась сзади насъ жаркая перестрѣлка и въ то же время посыпались на насъ пули спереди. „Играй!“ закричалъ я горнисту, и онъ протрубилъ сигналъ: строить кучки и каре. Увы! это была послѣдняя пѣснь лебедя; вмѣстѣ съ послѣднею нотой горнистъ упалъ къ моимъ ногамъ мертвый. Однако-жъ, дѣло было сдѣлано, и ко мнѣ начали собираться

солдаты-охотники, да вдобавокъ еще кавказскіе, а это была не бездѣлица, они умѣли постоять за себя. Когда прошли первыя мгновенія какъ-бы нечаяннаго испуга и когда я, наконецъ, нѣсколько опомнился, я увидалъ, что Бестужевъ стоитъ, прислонившись къ дереву въ изнеможеніи, и что грудь его въ крови. Въ это время бѣжали мимо него нѣсколько солдатъ. Я закричалъ имъ: „Ей, ребята, взять офицера и тащить!“ Два солдата отдѣлились и взяли Бестужева подъ руки: съ помощью ихъ онъ имѣлъ еще силу идти, но помню, что голова его клонилась уже долу, а пули сыпались и сыпались. Черкесы все гикали и гикали.

Мы все отступали и отступали шагъ за шагомъ, крѣпко огрызаясь, но безъ всякаго разумнаго сознанія, что̀ мы дѣлаемъ, а такъ, въ одиночку, что̀ кому вздумается, тотъ то и дѣлалъ. Но судьбѣ угодно было, чтобы люди, которые вели Бестужева, отбились отъ главной толпы, въ которой я былъ вродѣ командира“.

На эту горсть людей набросились черкесы; солдатамъ пришлось оставить раненаго на землѣ и самимъ искать спасенія. Свидѣтель этого видѣлъ, какъ надъ Бестужевымъ засверкали черкесскія шашки. На вопросъ Давыдова, не говорилъ ли чего Бестужевъ, когда его вели солдаты, они отвѣчали, что раненый офицеръ только стоналъ, но не сказалъ ни слова.

„На другой день—разсказываетъ Давыдовъ—былъ размѣнъ тѣламъ, взятыхъ у черкесовъ на нашп, оставшіяся въ лѣсу, и, разумѣется, было приложено особенное стараніе добыть тѣло Бестужева. Но мы ничего не добились, да и сами черкесы не могли различить его тѣло отъ прочихъ, такъ какъ они обдираютъ убитыхъ и даже раненыхъ начисто; а что Бестужевъ былъ обобранъ, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, потому что милиціонеры, кажется, гурійской милиціи, нашли у одного убитаго черкеса пистолетъ и полы сюртука Бестужева. Могло быть еще и то, что тѣло было поругано

черкесами и они имѣли настолько совѣсти, или, вѣрнѣе, страху, чтобы не выдавать его въ этомъ видѣ".

Спустя нѣсколько дней въ „Инвалидѣ" было опубликовано о награжденіи Бестужева орденомъ св. Анны за храбрость.

XIII.

Такъ умеръ онъ и желаніе его было исполнено: морская волна легла въ его изголовье и земля его глазъ не засыпала.

Но со смертью Бестужева его жизнь не окончилась: смерти его не хотѣли вѣрить. Такъ живо запечатлѣлся въ памяти многихъ его поэтическій образъ, любимый образъ его повѣстей и разсказовъ, что легенда очень скоро начала отождествлять этотъ образъ съ личностью самого автора, и были люди, которые вѣрили этой игрѣ фантазіи. Кто говорилъ, что онъ перешелъ на сторону горцевъ, бѣжалъ въ горы, и на бѣломъ конѣ скакалъ впереди вражескихъ отрядовъ, даже рубилъ наше каре. Кто разсказывалъ, что онъ женился и живетъ съ женой въ Лезгистанѣ... кто утверждалъ, что онъ неизвѣстно куда дѣвался; нашелся, впрочемъ, и такой, который утверждалъ, что видѣлъ въ спирту его мизинецъ.[95]

И легенда была права; она и намъ подсказываетъ, гдѣ мы должны искать матеріалъ для полной характеристики нашего писателя. Онъ данъ не только въ фактахъ его грустной удалой жизни, но также и въ его мечтахъ, тѣхъ мечтахъ, которыми онъ эту жизнь стремился скрасить. Для такого человѣка, какъ Бестужевъ, мечта имѣла часто бо́льшій житейскій смыслъ, чѣмъ сама дѣйствительность; мечтѣ довѣрялъ онъ многія мысли и чувства, которыя не могли найти своего обнаруженія въ его подневольной жизни.

Перейдемъ же отъ этой жизни дѣйствительной къ той воображаемой, которая развертывается передъ нами

въ повѣстяхъ и разсказахъ уже не Бестужева, а Марлинскаго.

XIV.

Александръ Александровичъ былъ литераторъ съ очень живымъ и порывистымъ темпераментомъ. Во всѣ минуты жизни, когда какая-нибудь мысль стучалась въ его голову, или какое-нибудь чувство на него налетало, онъ поспѣшно брался за перо и писалъ быстро, какъ бы боясь утратить свѣжесть впечатлѣнія. Долго обдумывать что-нибудь, развивать и расчленять мысль въ подробностяхъ, чистить и полировать фразу, въ которую она должна быть замкнута; долго вынашивать какое-нибудь чувство и одѣвать его во внѣшній нарядъ, наиболѣе соотвѣтствующій его силѣ и сущности, Марлинскій не любилъ и не могъ: онъ весь былъ порывъ и стремленіе, и все, что онъ писалъ, было непосредственнымъ, быстрымъ отзвукомъ, либо самой жизни, либо того поэтическаго представленія, какое онъ имѣлъ о ней.

Впечатлительность бойкаго ума, тревога души, неустойчивой въ своихъ настроеніяхъ и, наконецъ, быстрый темпъ рѣчи—свободной, яркой и нескупящейся на метафоры—источникъ и всѣхъ достоинствъ Марлинскаго какъ писателя, и всѣхъ его недостатковъ. Достоинствомъ нужно признать разнообразіе идей, замысловъ, типовъ и психологическихъ проблемъ, какихъ успѣлъ коснуться нашъ писатель; недостаткомъ должно назвать неумѣніе художника найти подходящую достойную форму всему этому богатству. О чемъ бы ни говорилъ Марлинскій, онъ всегда умѣлъ выбрать живую тему, онъ всегда былъ интересенъ какъ наблюдатель, мыслитель и психологъ; писалъ ли онъ критическую статью - онъ былъ оригиналенъ въ своихъ взглядахъ; набрасывалъ ли онъ юмористическую картинку нравовъ—онъ былъ остроуменъ и чуждъ всякой банальности; сочинялъ ли

онъ повѣсть—онъ каждому типу умѣлъ придать своеобразную рельефность; даже когда онъ писалъ стихи, онъ и въ этой, самой неблагодарной и блѣдной своей роли, иногда умѣлъ тронуть читателя. И при всѣхъ этихъ достоинствахъ каждое его созданіе скорѣе—обѣщаніе, чѣмъ выполненіе: талантъ блеститъ, онъ имѣетъ свою игру, но этотъ талантъ передъ нами безъ подходящей оправы и на немъ, какъ на алмазѣ, иногда неправильная, поспѣшная грань. Вездѣ чувствуется человѣкъ, который спѣшитъ; и тотъ, кто знаетъ жизнь Марлинскаго, проститъ ему эту торопливость сначала юноши, храбраго офицера, берущаго смѣло литературные барьеры, а затѣмъ загнаннаго человѣка, который сознавалъ, что жизнь его таетъ какъ свѣча, горящая съ двухъ концовъ сразу.

Отъ Марлинскаго не осталось ни одного крупнаго произведенія, которое своей художественной силой могло бы спорить со временемъ. Остались мелкія критическія статьи и обзоры литературныхъ новостей, любопытные по новизнѣ критическихъ пріемовъ, смѣлости и вѣрности отдѣльныхъ замѣчаній, но разрозненные и не сводящіе въ одно цѣлое всего, что имѣлъ сказать авторъ о законахъ прекраснаго; остались публистическіе очерки, очень остроумные, съ большой дозой яда, но бѣглые и случайные; остались этнографическія замѣтки, обнаруживающія хорошее знаніе сибирскаго и кавказскаго быта, но опять-таки замѣтки, набросанныя наскоро; остались стихи, на которые самъ авторъ сердился, когда они попадали въ печать и, наконецъ, осталось нѣсколько десятковъ повѣстей и разсказовъ, которые нѣкогда читались съ животрепещущимъ интересомъ, но были лишь эскизами въ самыхъ разнообразныхъ литературныхъ стиляхъ, изъ которыхъ ни одинъ не былъ вполнѣ выдержанъ. Марлинскій, какъ сентименталистъ и романтикъ старой школы, превосходилъ своихъ современниковъ силою воображенія и блескомъ рѣчи, но эта старая литературная манера не нашла себѣ въ немъ художественнаго выразителя; точно такъ же и

нарождавшаяся повѣсть реальная, которая очень многимъ ему обязана, не нашла себѣ въ немъ поэта, который даровалъ бы ей рѣшительную побѣду. Нашъ авторъ остался талантливымъ писателемъ на перепутьи двухъ литературныхъ направленій—мастеромъ, умѣющимъ хорошо писать и въ старомъ, и въ новомъ стилѣ, безъ способности создать въ томъ или въ другомъ что-нибудь совершенное. Марлинскій, правда, хорошій психологъ и созданные имъ типы нерѣдко жизненны и правдивы,—но ни одинъ изъ нихъ не обладаетъ тѣми свойствами, которыя мы привыкли цѣнить въ типахъ, созданныхъ большими мастерами: либо психическій міръ этихъ людей недостаточно глубокъ и сложенъ, либо несложный типъ не исчерпанъ авторомъ вполнѣ. Исключеніе составляетъ только одна центральная фигура его повѣстей, а именно его собственный портретъ—портретъ восторженнаго идеалиста александровской эпохи, борющагося и неунывающаго подъ ударами несчастія.

Любовь читателя далась Марлинскому легко и быстро, несмотря на исключительное его положеніе. Карающая власть, какъ извѣстно, озаботилась не только о томъ, чтобы лишить его возможнаго общенія съ живыми людьми, но и о томъ, чтобы имя его изъ памяти живыхъ исчезло. Первое собраніе его повѣстей появилось въ свѣтъ даже безъ его псевдонима, и когда въ альманахѣ „Сто русскихъ литераторовъ“ былъ отпечатанъ его портретъ, то портретъ этотъ приказано было вырѣзать. Тѣмъ не менѣе читатель не переставалъ любить своего анонимнаго разсказчика и узнавалъ повѣсти Марлинскаго даже безъ подписи.

Обратимся же къ обзору этихъ повѣстей, чтобы ознакомиться поближе и съ самимъ авторомъ, и съ многочисленными его поклонниками. Прочитать эти повѣсти—пріятно и въ наше время: Марлинскій умѣлъ разсказывать. Гораздо труднѣе обозрѣть эти повѣсти и дать о нихъ понятіе тѣмъ, кто не имѣлъ случая ихъ перелистывать.

Трудность заключается прежде всего въ необычайномъ

разнообразіи сюжетовъ, часто съ очень запутанной интригой. Не меньшую трудность для классификаціи повѣстей Марлинскаго представляетъ и невыдержанность стиля, въ какомъ онѣ написаны. Нашъ авторъ, какъ мы уже замѣтили, стоялъ на распутіи двухъ литературныхъ теченій. Онъ любилъ повѣсть стараго типа сентиментальную и романтическую, въ которой вымышленная красота и эффектность въ типахъ, описаніяхъ, веденіи самой интриги брала верхъ надъ правдивымъ изображеніемъ жизни; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ же былъ однимъ изъ первыхъ нашихъ реалистовъ, и очень часто красивый вымыселъ замѣнялъ житейской правдой, иной разъ достаточно сѣрой. Вотъ почему романтизмъ въ замыслѣ и изложеніи у него часто соединенъ съ очень реальнымъ описаніемъ обстановки, и съ реальной обрисовкой типовъ или, наоборотъ, въ реальный замыселъ вплетены совсѣмъ романтическіе эпизоды и въ обрисовкѣ характеровъ дѣйствующихъ лицъ допущена условность стараго литературнаго стиля.

Такой произволъ не позволяетъ распредѣлить его разсказы по литературнымъ пріемамъ ихъ выполненія, и потому, чтобы держаться хоть какой-нибудь руководящей нити при ихъ обзорѣ, остается классифицировать ихъ по содержанію, хотя и такое распредѣленіе не можетъ быть вполнѣ выдержано, такъ какъ у Марлинскаго часто въ одной и той же повѣсти развиваются сразу нѣсколько совершенно самостоятельныхъ темъ, и при томъ не однородныхъ; такъ, напримѣръ, въ бытовую картину вплетается фантастическій разсказъ, въ историческую повѣсть жанровыя сценки, въ описанія путешествій и походовъ автобіографическія признанія и т. д. Почти во всѣхъ повѣстяхъ царствуетъ характерный безпорядокъ, столь соотвѣтствующій темпераменту самого писателя. Если, однако, съ этимъ безпорядкомъ не считаться, то повѣсти Марлинскаго могутъ быть раздѣлены на слѣдующія группы:

I) Повѣсти сентиментально-романтическія по стилю и за-

мыслу, въ большинствѣ случаевъ историческія, сюжетъ которыхъ взятъ либо изъ далекаго прошлаго, либо изъ болѣе близкихъ временъ.

II) Повѣсти или очерки съ сильнымъ преобладаніемъ этнографическаго элемента, т.-е. разсказы изъ сибирской или изъ кавказской жизни, частью вымышленные, частью написанные съ натуры.

III) Повѣсти бытовыя изъ современной жизни или очень близкой къ современности; въ нихъ авторъ рисуетъ либо военную жизнь своего времени, либо по памяти разсказываетъ о жизни свѣтскаго круга, въ которомъ онъ вращался; наконецъ—

IV) Автобіографическіе разсказы съ очень интимными страницами—своего рода дневники или листки изъ записной книги автора. Эта послѣдняя группа—самая цѣнная и для біографа, и для историка. Руководясь матеріаломъ, который она даетъ, біографъ можетъ глубже вникнуть въ сложную психику оригинальной личности писателя, а историкъ найдетъ въ этомъ матеріалѣ отвѣтъ на вопросъ, чѣмъ именно Марлинскій обязанъ своей славой и какія мысли и настроенія пришлись особенно по душѣ цѣлому широкому кругу русскихъ читателей тридцатыхъ годовъ.

XV.

Едва только успѣлъ Александръ Александровичъ обмѣнять юнкерскій мундиръ на офицерскій, какъ слава литератора затмила въ его глазахъ славу военнаго. Блестящій свѣтскій кавалеръ, онъ поступилъ въ ряды анонимныхъ литературныхъ застрѣльщиковъ. Во всѣхъ лучшихъ журналахъ двадцатыхъ годовъ попадались его замѣтки, критики, антикритики и отвѣты на антикритику, либо совсѣмъ не подписанные, либо помѣченные буквами (А. Б. или А. Б—евъ), статейки, въ которыхъ сквозило очень драчливое настроеніе.

Всегда интересующійся послѣдней литературной новинкой, всегда остроумный и очень веселый, любящій щегольнуть самыми разнообразными свѣдѣніями, выступалъ этотъ рыцарь съ поднятымъ или закрытымъ забраломъ, во имя словесности, къ которой питалъ нѣжнѣйшую страсть. Онъ вездѣ выглядывалъ ея враговъ или недостойныхъ поклонниковъ, и скоро самъ рѣшился показать имъ, какъ ей служить должно. Не покидая выгодной позиціи критика, онъ одновременно сталъ и самъ себя подставлять подъ удары, какъ настоящій „сочинитель“.

Александръ Александровичъ, назвавшись Марлинскимъ, преобразился; совсѣмъ молодой человѣкъ, онъ вмѣсто того, чтобы говорить о настоящемъ, все сворачивалъ на старину; развалины предпочиталъ всякому комфорту, соловья непрочь былъ вымѣнять на сову, и даже вмѣсто слова „сентябрь“ сталъ писать какъ бы совсѣмъ по-русски „рюэнь“. Пылкій молодой человѣкъ и къ дамамъ весьма неравнодушный, онъ со всѣмъ жаромъ своего краснорѣчія сталъ заступаться за святость семейнаго очага и за честь мужей, хотя бы и выслужившихъ всѣ сроки; къ выговорамъ, вѣроятно, весьма чувствительный, онъ сталъ выговаривать и дѣвицамъ за легкомысліе, и дамамъ за непостоянство, и молодымъ людямъ за недостатокъ скромности; человѣкъ безспорно общительный, всегда на виду, онъ обнаружилъ вдругъ любовь къ уединенію, и дикіе камни, обросшіе мохомъ, и обгорѣлые пни сталъ предпочитать софѣ и постели; съ ближними весьма обходительный, онъ свелъ предосудительное знакомство съ разбойниками, которымъ иной разъ отдавалъ предпочтеніе передъ людьми съ исправнымъ паспортомъ; наконецъ, человѣкъ безспорно просвѣщенный, увѣровалъ въ знахарство, колдовство, заклинанія, напустилъ въ свои повѣсти вѣдьмъ, чертей, мертвецовъ и таинственныхъ незнакомцевъ, иногда болѣе коварныхъ, чѣмъ самъ дьяволъ, которому они служатъ.

Въ своихъ первыхъ разсказахъ, написанныхъ имъ въ пе-

ріодъ его вольной жизни, Александръ Александровичъ былъ, какъ видимъ, чистокровнымъ сентименталистомъ и романтикомъ. Вкусъ къ такимъ сюжетамъ и къ такимъ пріемамъ творчества не покидалъ его и позже, когда онъ изъ забавнаго разсказчика обратился въ бытописателя; но въ юные годы онъ почти исключительно плавалъ въ вольныхъ моряхъ романтики, мало заботясь о томъ, что на твердой землѣ дѣлалось.

Въ тѣ молодые годы нашей словесности, родная старина во всѣхъ ея видахъ была въ большой модѣ. Стариной интересовались изъ любви къ исторіи, изъ патріотизма, изъ религіозныхъ чувствъ, а также нерѣдко изъ либерализма; однимъ словомъ —старину пристегивали ко всѣмъ живымъ и ходкимъ теченіямъ мысли и настроенія александровскаго царствованія. Стариной нерусской занимались также не безъ современной тенденціи. Поэзію древняго міра, съ которой расправлялись весьма самовольно, любили потому, что она давала готовыя формы для выраженія и жизнерадостности всѣхъ видовъ и оттѣнковъ, которой было проникнуто тогдашнее поколѣніе, и политическаго либерализма, тогда сильно распространеннаго; средневѣковую старину любили за то, что въ ея монашескомъ и рыцарскомъ духѣ можно было найти поясненіе и выраженіе собственныхъ религіозныхъ чувствъ и чувства героизма, въ тѣ годы также весьма сильнаго. Литературная археологія александровскаго царствованія была такимъ образомъ отнюдь не безпристрастна, и можно было жить мечтой въ старинѣ, а умомъ и сердцемъ въ настоящемъ.

Такъ жилъ и Марлинскій въ первые годы своей литературной дѣятельности, когда писалъ свои сказки съ сентиментальнымъ, романтическимъ, историческимъ и фантастическимъ содержаніемъ.

Какъ взоръ любви, или обѣты славы,
Плѣнительна святая старина,
Прапрадѣдовъ дѣянья величавы

И тихій бытъ, и грозная война!
Призывъ ея чарующій внимая,
Душа гудитъ, какъ арфа золотая!—

писалъ нашъ авторъ въ предисловіи къ своей поэмѣ о князѣ Андреѣ Переяславскомъ. Онъ, дѣйствительно, искалъ въ старинѣ все больше взоровъ любви и обѣтовъ славы, и потому всѣ его историческія повѣсти сентиментальны по основному мотиву и героичны по настроенію. Иногда въ нихъ — въ особенности въ разсказахъ изъ русской старины—замѣтна нѣкоторая либеральная тенденція, но очень слабая. Марлинскій въ этотъ періодъ своей дѣятельности преимущественно трубадуръ, при случаѣ русскій патріотъ и большой моралистъ на весьма несложныя нравственныя темы.

О самостоятельности въ замыслѣ или объ оригинальности въ пріемахъ разработки такихъ историческихъ картинъ говорить нечего. Нашъ писатель находился въ полной зависимости отъ господствующаго тогда литературнаго вкуса и стиля, и кромѣ того, не могъ уберечь себя отъ подражанія образцамъ западнымъ. Слѣдъ хорошаго чтенія Вальтеръ-Скотта на его повѣстяхъ остался; въ любовныхъ мотивахъ слышны отзвуки поэзіи Мура, и нѣкоторые герои былыхъ временъ въ своихъ сентенціяхъ какъ будто упредили Байрона. Но такая зависимость не тяготитъ читателя, потому что Марлинскій, дѣйствительно, очень искусный разсказчикъ, а, главное, хорошій психологъ. Если въ его историческихъ повѣстяхъ есть безспорное достоинство, помимо вѣрности деталей, то оно въ этой правдоподобной мотивировкѣ иногда очень повышенныхъ романтическихъ чувствованій. Марлинскій не оставляетъ безъ поясненія ни одного психическаго движенія, всегда подготовляетъ къ нему читателя и въ этомъ весь реализмъ его неистовой иногда романтики. Но, и кромѣ этого, талантъ Марлинскаго иногда порываетъ съ романтической традиціей и даетъ волю своему остроумію и своей наблюдательности. Тогда какой-нибудь мнимо-свѣтскій разговоръ давнихъ лѣтъ обнаруживаетъ въ авторѣ искусство

настоящей салонной болтовни; и какая-нибудь страница, въ разсказѣ почти лишняя, какая-нибудь бесѣда автора со встрѣчнымъ и поперечнымъ, съ крестьяниномъ (а Марлинскій съ ними въ своихъ повѣстяхъ всегда охотно бесѣдуетъ), съ рыбакомъ, съ солдатомъ показываетъ намъ въ нашемъ писателѣ тонкаго наблюдателя, умѣющаго схватывать даже языкъ своего собесѣдника,—что̀ совсѣмъ не удавалось нашимъ романтикамъ. Во всякомъ случаѣ историческіе разсказы и повѣсти Марлинскаго были лучшими образцами творчества этого литературнаго рода въ двадцатыхъ годахъ, когда пушкинская историческая повѣсть прошла для литературы безслѣдно, а повѣсть Гоголя еще не появлялась.

Нѣкоторыя драматическія положенія этихъ раннихъ повѣстей Марлинскаго до сихъ поръ сохранили свою красоту и свой романтическій ароматъ. Въ свое время они плѣняли читателя. Какъ долженъ былъ тогда нравиться, напримѣръ, задумчивый юноша, когда на берегу озера онъ сидѣлъ на разбитой молніей соснѣ и вѣтеръ сдувалъ съ его волосъ крупныя капли недавняго дождя. Разорванныя тучи разлетались по небу, громоздились на краю небосклона, волны катились на берегъ, и юноша думалъ о старинѣ, о псковитянахъ и крестоносцахъ, зрѣлъ предъ собой Александра Невскаго, исполнялся патріотизма и невольно мысль его неслась на встрѣчу другому Александру. („Листокъ изъ дневника гвардейскаго офицера“ 1821—3 г.). Сколь многимъ могъ нравиться образъ дѣвы съ отуманенными печалью глазами, дѣвы, похожей на лилію, спрыснутую вешней росой, образъ ангела, который нѣженъ и кротокъ, но находитъ силы героя, когда нужно защищать свое сердце. Гдѣ-нибудь, опять на берегу озера, сидитъ эта дѣва... мирно лежатъ воды въ своихъ берегахъ, посреди нихъ недвижно плыветъ лебедь, будто созерцая небосклонъ, отраженный водами, подобіе чистой души надъ безмятежнымъ моремъ думъ, въ коихъ свѣтлѣетъ далекое небо истины... („Наѣзды“ 1831 г.)

Тотъ, кто любилъ, чтобы страницы разсказа были залиты

кровью, могъ съ восторгомъ прочитать, напр., повѣсть Марлинскаго „Гедеонъ“, гдѣ нашъ авторъ вспоминалъ своего предка Гедеона Бестужева, грознаго громителя ливонскихъ городовъ и великаго патріота, непризнавшаго Лжедимитрія; онъ могъ прочитать это страшное описаніе свадьбы дочери Гедеона Евпраксіи, когда въ палату пиршества ворвался нежданно рыцарь Шрейтерфельдъ, отца котораго зарубилъ Бестужевъ и младенцевъ сестеръ и братьевъ котораго дружина Бестужева размозжила на камнѣ. Теперь этотъ рыцарь въ свою очередь неистовствовалъ на пиру своего недруга, перекололъ его гостей, поджегъ его хоромы и увелъ въ плѣнъ для страшной казни старика Гедеона, его дочь и ея жениха. Старику и жениху удалось бѣжать, но бѣдную Евпраксію Шрейтерфельдъ застрѣлилъ въ лѣсу, чтобы потомъ вмѣстѣ съ подоспѣвшимъ на выручку женихомъ полетѣть въ бездну и оставить несчастнаго отца надъ тѣломъ дочери... [„Гедеонъ“ 1821 г.].

Не меньше ужасовъ находилъ читатель и на страницахъ другой повѣсти „Измѣнникъ“, гдѣ авторъ разсказывалъ о соперничествѣ двухъ братьевъ изъ-за переяславскаго воеводства и сердца прелестной Елены. Полякамъ и злымъ духамъ продалъ старшій братъ свою душу и вмѣстѣ съ полками Лисовскаго обложилъ родной городъ. Во время приступа къ стѣнѣ столкнулся онъ со своимъ меньшимъ братомъ и убилъ его. Но онъ самъ палъ пронзенный и, умирая побѣдителемъ, услышалъ свой приговоръ: два польскихъ мародера кляли его имя, и не пожелали даже снять съ него богатаго платья, такъ какъ оно было обрызгано братнею кровью. [„Измѣнникъ“ 1825 г.].

Читатель, котораго такіе страхи утомляли, могъ отдохнуть на другихъ страницахъ. Онъ могъ съ удовольствіемъ перелистать, напр., повѣсть изъ смутнаго времени подъ заглавіемъ „Наѣзды“—исторію жизни и смерти несчастной дворянки Варвары Васильчиковой, которая во время польскихъ наѣздовъ на русскую землю была увезена разбойниками и

затѣмъ уступлена вельможному пану Колонтаю Рѣжицкому. Но въ семьѣ этого пана вмѣсто преслѣдованій и страданій она нашла любовь и ласку. Рыцарь безъ страха и упрека, образецъ дворянскаго благородства, сынъ пана Колонтая—Левъ полюбилъ ее, и она также потеряла свободу своего сердца. Но это сердце принадлежало не только ей, но и ея родинѣ, по которой она тосковала. Она не могла полюбить какъ должно поляка, иноземца и иновѣрца; она ждала своего избавителя—русскаго. И онъ явился въ лицѣ друга ея дѣтства князя Серебрянаго, который накрылъ шайку разбойниковъ, нѣкогда ее увезшихъ, узналъ, гдѣ она и, презирая всѣ опасности, подъ чужимъ польскимъ именемъ, явился въ домѣ Колонтая. Въ моментъ, когда онъ хотѣлъ бѣжать съ плѣнницей, онъ былъ узнанъ и брошенъ въ тюрьму. Онъ погибъ бы лютой казнью, если бы его не спасъ его соперникъ, благородный Левъ Колонтай, который подавилъ въ себѣ и любовь, и ревность и, не пожелавъ неволить чужого сердца, ночью провелъ къ Серебряному Варвару, а къ воротамъ темницы двухъ коней. Наши узники бѣжали благополучно, но на границѣ попали подъ перестрѣлку русскихъ и поляковъ, и случайная пуля поразила на смерть Варвару.

Марлинскій разсказалъ эту трогательную исторію съ большимъ искусствомъ. Ему въ особенности удались всѣ сцены изъ польской жизни, къ которой онъ имѣлъ случай присмотрѣться въ годы своихъ офицерскихъ экспедицій. Онъ не польстилъ характеру польскихъ пановъ, но отдалъ должное ихъ храбрости и рыцарскимъ чувствамъ. Панъ у себя въ домашней обстановкѣ, панъ въ гостяхъ, въ бесѣдѣ съ дамой, панъ на балу, панъ въ разговорѣ съ крестьяниномъ и жидомъ,—обрисованъ нашимъ авторомъ съ большимъ юморомъ и правдой, которая лишь кое-гдѣ лишь нарушена въ угоду патріотизму.

Любовь къ отчизнѣ заставляла Марлинскаго не только говорить колкости по адресу разныхъ нашихъ супостатовъ, но также не всегда справедливые комплименты нашимъ предкамъ.

Иногда какой-нибудь новгородскій герой, заслуживший своею храбростью и своимъ страданіемъ руку прелестной дѣвы, которую ему не желала уступить спесивая и богатая ея родня, какой-нибудь молодой русскій рыцарь удалый на „игрушкахъ военныхъ“ (т.-е. на турнирахъ), иногда онъ на вѣчѣ произноситъ рѣчь, которой могъ бы позавидовать любой либералъ александровскаго времени. Онъ говоритъ съ жаромъ о самоуправленіи церковномъ и государственномъ, о разныхъ тонкостяхъ международнаго права, о необходимомъ тѣсномъ сліяніи Руси съ западомъ, „откуда намъ текутъ искусства, рукодѣлія и всѣ новыя изобрѣтенія“... онъ старается подорвать вѣру во всемогущество Москвы, высказывается противъ всякой уступки политическихъ правъ, признавая, что такая уступка всегда становится чужимъ правомъ... [„Романъ и Ольга“ 1823 г.].

Всякій такой психологическій и историческій анахронизмъ могъ и долженъ былъ тогдашнему читателю нравиться, но онъ становился, конечно, поперекъ дороги свободному творчеству автора.

Эти либеральные и благомыслящіе наши предки были, какъ художественные образы,—фальшивы; неестественными выходили и тѣ скорбныя фигуры, которыя авторъ позволялъ себѣ иногда рядить въ старый костюмъ. Когда онъ создавалъ въ стилѣ общеевропейской романтики задушевный скорбный типъ какого-нибудь морского офицера Рональда, влюбленнаго въ адмиральскую дочь—счастливаго на кораблѣ и затѣмъ потерявшаго сердце своей Мэри, унесенной волнами свѣтской жизни, и ими загубленной [„Ночь на кораблѣ, изъ записокъ гвардейскаго офицера, на возвратномъ пути въ Россію, послѣ кампаніи 1814 года“. 1822 г.]—когда Марлинскій набрасывалъ такіе туманные образы обиженныхъ и страдающихъ любовниковъ, то онъ просто копировалъ какой-нибудь западный оригиналъ; но онъ несъ всю отвѣтственность передъ художественной правдой, когда эту скорбную мину недовольнаго людьми человѣка или демоническую улыбку

скептика придавалъ русскимъ боярамъ давняго времени. А онъ это иногда дѣлалъ, и тогдашній читатель бывалъ доволенъ, когда характеристику какого-нибудь героя XVI и XVII вѣка авторъ заканчивалъ, напр., такими словами: „кто знаетъ, любовь или гнѣвъ волновали его душу, когда лицо его то пылало кровью, то вновь тускнѣло какъ булатъ? Кто знаетъ, гордость ли воздымала такъ высоко его брови, презрѣніе ли двигало уста? Высокія-ль думы, или тяжкое преступленіе провело морщины на челѣ? Иногда взоръ его сверкалъ огнемъ, но потухалъ столь мгновенно, что наблюдатель оставался въ сомнѣніи, видѣлъ ли онъ то, или такъ ему показалось.—Его жизнь, его страсти, его замыслы оставались неразрѣшенною загадкой".

Съ бо́льшимъ историческимъ чутьемъ, чѣмъ такіе разсказы изъ родной старины, написаны Марлинскимъ его повѣсти изъ исторіи остзейскаго рыцарства. Онъ очень интересовался судьбой этихъ рыцарей, хорошо зналъ ихъ исторію и потратилъ не мало времени на изученіе древностей Прибалтійскаго края. Еще въ самомъ началѣ своей литературной дѣятельности онъ задумалъ—вѣроятно, по примѣру Стерна—описать одно свое путешествіе въ Ревель, и написалъ тогда цѣлую книгу, которую и издалъ отдѣльно [„Поѣздка въ Ревель" 1820—1821 г.]

Легче указать на то, чего нѣтъ въ этой книгѣ, чѣмъ на ея содержаніе; безпорядокъ въ ней царитъ полный и самъ авторъ проситъ читателя простить „вѣтреннаго кавалериста за то, что онъ бросалъ свои невыровненные періоды съ пера, очиненнаго саблею, въ быстрые промежутки забавъ и усталости, даже подъ холоднымъ крыломъ сна". Таланта въ книгѣ немного, но зато много знанія; стерновскаго остроумія нѣтъ, но есть цѣнный матеріалъ для біографа. На разныхъ станціяхъ между Петербургомъ и Ревелемъ, Марлинскій садится писать свой дневникъ, и болтаетъ обо всемъ, объ исторіи, археологіи, этнографіи, географіи, возвращается часто къ вопросамъ литературнымъ и позволяетъ себѣ кое-

гдѣ чисто личныя признанія. Изъ всѣхъ этихъ замѣтокъ видно, какъ хорошо онъ зналъ древности тѣхъ окраинъ, по которымъ путешествовалъ.

Этими знаніями онъ и воспользовался для нѣкоторыхъ историческихъ повѣстей. Онѣ—лучшее, что имъ написано въ этомъ родѣ. Много движенія, жизни и красокъ, напр., въ разсказѣ о „ревельскомъ турнирѣ", который такъ счастливо кончился для купеческаго сына Эдвина, влюбленнаго въ Минну, единственную дочь рыцаря Буртнека. Этого Буртнека изобидѣлъ большой забіяка рыцарь Унгернъ, и обиженный старикъ рѣшилъ отдать свою прелестную дочь замужъ за того, кто на турнирѣ опрокинетъ его обидчика. Эдвинъ, какъ купецъ, не имѣлъ права сражаться съ рыцарями, но съ закрытымъ забраломъ все-таки проникъ за рѣшетку и побѣдилъ. Его, какъ побѣдителя, и не судили. Старикъ Буртнекъ, у „котораго въ гербѣ не было сердца, но зато было сердце въ груди отеческой" покапризничалъ, но отдалъ дочь за купца, и далъ нашему автору возможность прочитать хорошую мораль, для дворянъ вообще не безполезную. Мораль и для того времени была не новая; но что было ново, такъ это—детальная и живая картина рыцарскихъ нравовъ и жизни въ рыцарскомъ замкѣ [„Ревельскій Турниръ" 1825 г.]

Марлинскій любилъ реставрировать эти замки, развалины которыхъ попадались ему на глаза во время его стоянокъ и походовъ. Такъ реставрировалъ онъ „Замокъ Венденъ", „Замокъ Эйзенъ" и „Замокъ Нейгаузенъ". Это очень мрачныя легенды. То это исторія одного жестокаго крестоносца-магистра, который пользуется своей властью для личной прихоти, разоряетъ своихъ вассаловъ, роняетъ честь своего ордена, готовъ надругаться надъ тѣмъ, кто рѣшается ему напомнить о правдѣ; исторія недостойнаго властителя, который, наконецъ, погибаетъ отъ меча оскорбленнаго имъ дворянина, ночью проникшаго въ его неприступный замокъ [„Замокъ Венденъ" 1832 г.] То это разсказъ о свирѣпомъ

баронѣ, мучителѣ своихъ крестьянъ и всѣхъ сосѣдей, который на старости лѣтъ отнялъ у племянника невѣсту и женился на ней... Онъ бросилъ этого несчастнаго Регинальда въ тюрьму и хотѣлъ сгноить его въ подвалѣ, но въ его отсутствіе племянникъ бѣжалъ и затѣмъ при встрѣчѣ убилъ его. Всѣ вздохнули свободно и Регинальдъ уже стоялъ у налоя съ невѣстой, которую у него отняли, когда прискакалъ братъ убитаго барона и въ свою очередь убилъ убійцу и закопалъ невѣрную жену живою въ землю [„Замокъ Эйзенъ“ 1825 г.]

То, наконецъ, это исторія дьявольскаго коварства одного рыцаря, который, влюбившись въ жену своего друга Эвальда, оклеветалъ ее передъ мужемъ, заставилъ его повѣрить, что чистая душой Эмма измѣнила ему и отдалась новгородцу Всеславу, который, какъ плѣнникъ, жилъ на правахъ друга въ его замкѣ. Онъ, безсовѣстный злодѣй, оклеветалъ и самого Эвальда передъ страшнымъ тайнымъ судомъ, бросилъ его въ тюрьму и готовился своими руками зарѣзать его, чтобы овладѣть Эммой, которую успѣлъ уже похитить, но въ критическій моментъ подоспѣлъ новгородецъ со своей дружиной и злодѣй былъ выброшенъ изъ окошка, а Эмма перехвачена и освобождена [„Замокъ Нейгаузенъ“ 1824 г.]

Такія страшныя сказки разсказывалъ Марлинскій, придавая имъ особую ходкость блестящимъ литературнымъ изложеніемъ. Читатель того времени находилъ въ нихъ все по своему вкусу: и запутанную интригу, и нѣжныя романтическія чувства, и прелесть грознаго и страшнаго и, наконецъ, для сердца радостный патріотизмъ.

Тотъ, кто въ особенности любилъ страшное, могъ зачитаться повѣстями нашего автора, такъ какъ изъ всѣхъ писателей двадцатыхъ годовъ, не исключая и Жуковскаго, Марлинскій всего чаще прибѣгалъ къ этому романтическому эффекту.

Онъ былъ, напр., очень искуснымъ разсказчикомъ страшныхъ разбойничьихъ исторій. Разбойникъ—типичное лицо

во многихъ его повѣстяхъ. Иногда это простой грабитель и злоумышленникъ—воплощеніе безсердечія и кровожадности, передъ которымъ безгласна и женская красота, и невинность ребенка; въ такой концепціи разбойникъ—олицетвореніе изнанки рода человѣческаго, хорошій фонъ, чтобы на немъ лучше выдвинуть человѣческую красоту и добродѣтель [„Вечеръ на Кавказскихъ водахъ“ 1830 г. „Наѣзды“ 1831 г. „Еще листокъ изъ дневника гвардейскаго офицера“ 1821 г.] Но иногда разбойникъ, примѣръ душевной красоты и добродѣтели, является жертвой случайности или соціальной неурядицы. Тогда онъ, при всемъ антисоціальномъ образѣ своей жизни, рыцарь благородства, тонкихъ чувствъ и самоотверженнаго патріотизма.

Симпатіи автора, конечно, на его сторонѣ, и онъ русскому мужику позволяетъ иногда пародировать Карла Моора или падшаго ангела, который груститъ объ утраченномъ раѣ [„Романъ и Ольга“ 1823 г.].

„Нынче дамы нерѣдко назначаютъ свиданіе на кладбищѣ“, шутилъ однажды Марлинскій и, угождая вкусу не только дамъ, но и весьма солидныхъ мужей того времени, переносилъ мѣсто дѣйствія своихъ разсказовъ нерѣдко въ такія мѣста, которыя ночью обходишь.

Таинственное и фантастическое попадается въ его повѣстяхъ очень часто. Иногда такое вторженіе сверхчувственнаго есть лишь одна изъ формъ мнимой народности, столь распространенной въ тѣ годы. Колдуны, вѣдьмы, разныя формулы заклинаній и наговоровъ были излюбленными археологическими деталями любой романтической повѣсти, и очень часто теряли всякій ароматъ таинственности, вырождаясь въ совершенно шаблонныя вставки и описанія. И Марлинскій не всегда умѣлъ избѣжать такого шаблона, но изъ всѣхъ нашихъ писателей до Гоголя ему одному удалось дать намъ почувствовать дѣйствительно „народное“, кроющееся въ суевѣріи. Онъ достигъ этого тѣмъ, что изображалъ съ большимъ реализмомъ именно ту народную среду,

въ которой такія вѣрованія пускаютъ свои корни. Такъ сдѣлалъ онъ, напр., въ повѣсти „Страшное гаданье“.

Фабула разсказа—страшный сонъ, приснившійся какому-то ловеласу, который ночью скакалъ на балъ, гдѣ долженъ былъ сдѣлать набѣгъ на чужое семейное счастіе. Дѣло было зимой, въ деревнѣ. Метель занесла дорогу, и нашъ пылкій любовникъ вмѣсто бала попалъ на сельскія посидѣлки; здѣсь судьба свела его съ какимъ-то парнемъ, который предложилъ ему погадать „страшнымъ гаданьемъ“, заклявъ нечистаго на воловьей кожѣ. Они отправились на кладбище, гдѣ и уснули [„Страшное гаданіе“ 1831 г.] Самое характерное въ повѣсти это—очень живое описаніе крестьянскихъ посидѣлокъ: участники ихъ разсказываютъ другъ другу всякіе страхи, то про чортовъ свадебный поѣздъ, то про чернаго ангела, про эфіопа, который завсегда у каждаго человѣка за лѣвымъ плечомъ стоитъ, то про мертвеца, который пришелъ въ гости требовать себѣ отнятый у него саванъ... и всѣ эти разсказы переданы такимъ правдоподобнымъ народнымъ языкомъ и впечатлѣніе, произведенное ими на суевѣрную аудиторію схвачено такъ живо, что эти простонародныя легенды дѣйствуютъ на читателя сильнѣе, чѣмъ накопленіе какихъ угодно романтическихъ ужасовъ. Реальное воспроизведеніе слышаннаго оказалось въ данномъ случаѣ дѣйствительнѣе расходившагося воображенія.

Иногда фантастическое проявляется у Марлинскаго и не въ такой простой народной формѣ. Нашъ авторъ проводитъ его въ повѣсть инымъ литературнымъ пріемомъ, которому его обучила западная романтика, а именно среди дѣйствующихъ лицъ появляется вдругъ какая-нибудь таинственная личность съ неизвѣстнымъ прошлымъ и съ очень загадочнымъ поведеніемъ въ настоящемъ. Замѣчанія этого таинственнаго лица рѣзки, шутки ядовиты, слова отзываются какой-то насмѣшкой надо всѣмъ, что люди привыкли уважать, злая улыбка презрѣнія ко всему окружающему безпрестанно бродитъ у него на устахъ, и когда онъ поводитъ свои прон-

зающія очи, невольный холодъ пробѣгаетъ по кожѣ. Веселье гаснетъ при его приближеніи и добрые люди становятся способны на злое... Иногда этотъ таинственный гость—искуситель и вмѣстѣ съ тѣмъ палачъ своей жертвы *), иногда же цѣль его вмѣшательства въ нашу жизнь остается совсѣмъ неизвѣстной и мы ощущаемъ только какое-то вѣяніе чудеснаго, которое очень умѣло передано авторомъ. Въ маленькомъ сборникѣ страшныхъ разсказовъ, который авторъ озаглавилъ „Вечера на кавказскихъ водахъ въ 1824 году"—появляется такая личность венгерскаго дворянина Коралли, искателя какого-то таинственнаго клада. По ночамъ онъ долго и пристально сиживалъ за какими-то книгами и тщательно запиралъ ихъ въ другое время... неясные звуки вырывались изъ груди его, даже во снѣ тяжело стоналъ онъ, словно совѣсть его была подавлена какимъ-то преступленіемъ и могильная синева лица его, его впалыя, почти неподвижныя очи, рѣчь прерывистая и разсѣянная, обличали гораздо болѣе страданіе души, чѣмъ разрушеніе тѣлесное. Когда онъ умиралъ, въ комнатѣ его слышался ропотъ невнятнаго разговора и затѣмъ пронзительный и страшный кликъ ужаса раздался тамъ вмѣстѣ съ незнакомымъ могильнымъ голосомъ нездѣшняго міра, который произносилъ звуки укора... **) Этотъ незнакомецъ появляется въ повѣсти Марлинскаго какъ какое-то привидѣніе и контрастъ между его мрачной фигурой и веселыми лицами военной молодежи, которая коротаетъ свое время, разсказывая о немъ страшныя сказки—контрастъ очень эффектный.

Таковы въ общихъ очертаніяхъ всѣ романтическіе типы и пріемы въ раннихъ повѣстяхъ Марлинскаго. Они, какъ ви-

---

*) Какъ, напр., въ повѣсти «Страшное гаданіе», гдѣ такой неизвѣстный увлекаетъ героя, правда во снѣ, отъ преступленія къ преступленію

**) Въ повѣсти «Слѣдствіе вечера на кавказскихъ водахъ» 1830 г. Марлинскій попытался этотъ таинственный типъ приблизить къ типу разочарованнаго нелюдима, пострадавшаго отъ эгоизма общества. Повѣсть осталась неоконченной.

димъ, очень разнообразны, красивы и выдержаны въ хорошемъ романтическомъ стилѣ. Для любителя старины, хотя бы и поддѣльной, для патріота, для поклонника героизма въ людяхъ, для цѣнителя нѣжныхъ чувствъ и, наконецъ, для искателя ощущеній таинственнаго и страшнаго, въ сочиненіяхъ Марлинскаго было много приманокъ. Если прибавить къ этому, что нашъ авторъ былъ большимъ моралистомъ, что почти каждый его разсказъ подтверждалъ какую-нибудь нравственную истину и доказывалъ торжество добродѣтели при всевозможныхъ испытаніяхъ или наказаніе порока, при временномъ его торжествѣ, то Марлинскій въ глазахъ читателя долженъ былъ стать не только занимательнымъ, но и благомыслящимъ писателемъ,—а „благомысліе“ въ тѣ сентиментальные годы цѣнилось очень высоко.

Быстрый ростъ славы писателя вполнѣ понятенъ и законенъ.

И какъ разъ въ то время, когда эта слава была имъ завоевана, его имени пришлось на долгіе годы исчезнуть со страницъ всѣхъ журналовъ; когда затѣмъ, во второй разъ, въ серединѣ тридцатыхъ годовъ, имя Марлинскаго прогремѣло, передъ читателемъ былъ уже иной авторъ. Годы поселенія и солдатской службы научили его многому: углубили его способность понимать человѣческія чувства и мысли и воспроизводить ихъ въ образахъ, расширили кругъ его наблюденій какъ бытописателя, дали много новыхъ мѣстныхъ красокъ для его разсказовъ, заставили его часто вспоминать о нѣкогда бывшемъ и — утѣшая себя — вновь переживать его въ мечтахъ;—и нашъ романтикъ, археологъ, историкъ и духовидецъ сталъ приближаться, какъ художникъ, къ дѣйствительности. Онъ, впрочемъ, недоразвился до настоящаго поэта этой дѣйствительности и остановился на пол-дорогѣ, т.-е. не онъ остановился, а случайная смерть не позволила ему идти дальше.

XVI.

Въ тридцатыхъ годахъ, среди общей массы нашихъ читателей было, вѣроятно, не мало лицъ, которыя впервые получили правильное понятіе о Сибири и о Кавказѣ изъ сочиненій Марлинскаго. Разсказы изъ быта этихъ окраинъ попадались иногда въ литературѣ того времени. Въ поискахъ за разными „мѣстными красками"—которыя такъ высоко ставилъ тогдашній романтизмъ—писатель нерѣдко „летѣлъ мечтой" въ сибирскую тайгу и тундры и въ горы Кавказа. Такое путешествіе, въ особенности въ Сибирь, даже въ мечтахъ было сопряжено съ большими трудностями, но онѣ не испугали, напр., ни И. Дмитріева, ни Хомякова, которые примѣривали разные западные костюмы и латы на Ермака и сибирскихъ шамановъ, заставивъ ихъ предварительно пройти цѣлую школу образцовой реторики. Если эта реторика отсутствовала, то она замѣнялась занимательностью сюжета, т.-е. опять-таки условной запутанностью разсказа, какъ, напр., въ романахъ изъ сибирской жизни достаточно извѣстнаго въ старые годы литератора Калашникова. Марлинскій былъ первый, въ случайныхъ и бѣглыхъ замѣткахъ котораго о Сибири мѣстный колоритъ былъ выдержанъ въ согласіи съ правдой. Онъ же первый говорилъ намъ о кавказскихъ горцахъ и плѣнительныхъ татаркахъ и лезгинкахъ, избѣгая по возможности ссылокъ на Байрона и его учениковъ. Онъ зналъ всѣхъ этихъ восточныхъ людей близко и видѣлъ и слышалъ ихъ, и при словѣ „востокъ" вспоминалъ не долину Кашемира, а базарную площадь въ Якутскѣ или улицы Дербента, которыя, какъ гласитъ легенда, строилъ самъ чортъ, въ потемкахъ планируя ихъ по своему хвосту. Если тѣмъ не менѣе Марлинскій и подкрашивалъ и подмалевывалъ иногда восточные пейзажи и лица, то въ нихъ все-таки оставалось правды настолько, чтобы поставить имя на-

шего писателя на ряду съ первыми по времени этнографами,—учеными покорителями Сибири и Кавказа.

О Сибири Марлинскій говорилъ лишь мимоходомъ и при томъ подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ недавней ссылки. Вотъ почему въ его сибирскихъ очеркахъ *) такъ много говорится о свободныхъ стихіяхъ природы.

„Грязный сынъ этой вѣчно юной матери“ изображенъ во всей его наготѣ и непривлекательности, и видно, что нашъ цивилизованный европеецъ совсѣмъ не увлеченъ простотой первобытной культуры, несмотря на все, что о ней могли ему говорить въ его юности разныя модныя книжки.

Но чѣмъ скучнѣе и грубѣе казался Марлинскому навязанный ему судьбою сибирскій сосѣдъ—обитатель береговъ Лены—тѣмъ сама Лена и вся сибирская природа была ему милѣе. Онъ любилъ говорить о ней, объ ея веселіи и печали, и его „Отрывки изъ разсказовъ о Сибири“—настоящій портфель эскизовъ странствующаго пейзажиста.

На нѣкоторыхъ листкахъ этого портфеля любуешься красотой рисунка.

Разсвѣтъ чуть брезжетъ; красивая полоса зари сквозитъ на краю горизонта и густые пары приподнимаютъ свою завѣсу. Солнце встаетъ какъ огненный шаръ наравнѣ съ землею—и вдругъ тысячи радугъ играютъ по снѣгу, по заледенѣлымъ травамъ болотнымъ и по сучьямъ кустарниковъ. Алмазныя кисти и нити и кружева зыблются, блещутъ, роняютъ искры... и все это на мигъ: солнце запало и съ нимъ исчезаетъ очарованіе; снова стелется мертвое поле подъ саваномъ снѣга; снова чахлые кустарники стоятъ кругомъ, отягчены иннеемъ. Не видать ни птички, не слышно никакого голоса—это что-то страшнѣе могилы!

*) Много этнографическаго матеріала, описаній нравовъ, жизни, характера якутовъ сохранено въ письмахъ Бестужева къ его братьямъ и знакомымъ. Описанію особаго празднества «начатковъ-кумыса» посвящена маленькая статейка «Сибирскіе нравы Исыхъ» 1831 г. Цѣлый рядъ картинъ природы данъ въ статьѣ «Отрывки изъ разсказовъ о Сибири» 1830—2 г.

Катится Лена, сердитая Лена, протекая между багровыхъ скалъ, громоздитъ льдины на льдины. Какъ плавучіе острова, быстро несутся онѣ по теченію и, сокрушаясь, звучатъ подобно гармоникѣ. Въ колѣнахъ, касаясь берега, онѣ точатъ, подрываютъ его и нерѣдко кремнистыя глыбы лежатъ на хребтѣ голубыхъ прозрачныхъ льдинъ; настигающій ледъ лѣзетъ выше и выше: рѣка вздувается, бушуетъ, и вдругъ прорывается хлябь водопадами, у которыхъ каждый валъ—ледяная громада...

Горятъ лѣса... далеко встрѣчаютъ путника, плывущаго по рѣкѣ, облака дыма; видны волны пламени, разливающіяся по горѣ; иной утесъ кажется дракономъ съ огненною гривою; съ трескомъ пожигаетъ пламя валежникъ, сухой лѣсъ и опушку. Высокіе кедры и сосны обгораютъ только до половины... Огонь ползетъ, вьется по нимъ, какъ змѣя; яркое зарево играетъ надъ головою, и путникъ вплываетъ подъ сводъ его, будто въ мрачное жерло ада...

Высятся скалы, которымъ причудливая игра природы дала образованіе длинныхъ колоннадъ, минаретовъ, колоколенъ. Рѣка омываетъ стѣны какого-то дивнаго замка и великанскихъ башенъ его, увѣнчанныхъ зубцами, поросшихъ мохомъ и утлыми деревьями. Тамъ необъятной величины голова будто смотрится въ пучинѣ; тамъ сверкаетъ ключъ въ глубинѣ таинственной пещеры. Какая-то святая тишина лежитъ на дѣвственномъ твореніи, и душа сливается съ дикою, но величественною природой...

Но вотъ берега становятся площе и площе. Лѣсъ рѣже и мельче, мохъ замѣняетъ траву, рѣка течетъ почти по болоту. Самое взморье наводитъ тоску на сердце; милліоны баклановъ, гусей, журавлей, всякихъ птицъ водныхъ гуляютъ по плавучему мху, плаваютъ по заводямъ, перелетаютъ съ озера на озеро, плещутся, играютъ. Стонъ стоитъ отъ ихъ крика на поморьѣ—и это единственный голосъ жизни. Берегъ и море и небо сливаются въ единообразную, туманную черту. Взору не на чемъ отдохнуть въ пустомъ отдаленіи;

ни одинъ цвѣтокъ не манитъ руки: все грустно, все дико... Самое солнце, блѣдное, безлучное солнце, незакатимо ходитъ по небу, какъ труженикъ...

Человѣку среди этой величественно-печальной природы отведено у Марлинскаго очень мало мѣста... Сонъ или, лучше сказать, спячка въ краю, въ которомъ вся зима есть ночь,— необходимо долженъ заполнять большую часть времени... Энергія у этихъ молчаливыхъ и унылыхъ сыновъ сѣвера просыпается лишь въ минуту опасности, въ борьбѣ или дружбѣ со звѣринымъ царствомъ; и своенравная сибирская собака, сѣверный олень, бѣлый медвѣдь и даже барсъ вносятъ въ разсказы Марлинскаго то оживленіе, которое никакъ не могутъ внести люди... вялые и сонные въ городахъ или обреченные на животное и растительное прозябаніе на волѣ, въ тундрахъ и тайгѣ, гдѣ приходится иной женщинѣ оледенѣть надъ груднымъ младенцемъ, который, не найдя молока въ истощенной груди, лежитъ у нея на колѣняхъ мертвый; гдѣ иной разъ находятъ человѣка съ ногами на погасшемъ очагѣ, закоченѣвшимъ, грызя ремень обуви, съ судорожной тоской на лицѣ и поднятыхъ къ небу мертвыхъ глазахъ...

Но если въ комъ бьетъ ключъ настоящей жизни—и если въ комъ видна готовность на всяческую борьбу, такъ это въ самомъ нашемъ авторѣ, который остритъ даже на сорокаградусномъ морозѣ и эпиграфомъ для своихъ разсказовъ изъ царства мрака, холода и смерти беретъ жизнерадостный стихъ Гете:

Dem Schnee, dem Regen,
Dem Wind entgegen,
Im Dampf der Klüfte,
Durch Nebeldüfte,
immer zu, immer zu!
Ohne Rast und Ruh!

XVII.

„Никакой край міра не можетъ быть столь новъ для философа, для историка, романтика, какъ Кавказъ"—писалъ Марлинскій въ одномъ изъ своихъ кавказскихъ очерковъ, и эту мысль онъ стремился подтвердить своими разсказами.

Онъ въ нихъ не мало философствовалъ, пускаясь въ подробные психологическіе очерки страстей и душевныхъ движеній, которыя подмѣчалъ на востокѣ у самыхъ разнообразныхъ горскихъ племенъ; какъ историкъ, онъ вплеталъ въ свои повѣсти разныя историческія справки, описывалъ внѣшній бытъ, всевозможные обряды религіозные и семейные, пересказывалъ повѣрья и легенды; какъ романтикъ, онъ развернулъ передъ нами цѣлый рядъ картинъ изъ жизни кавказской природы, и разсказалъ много причудливыхъ сказокъ объ ея обитателяхъ.

Александра Александровича сердило, что мы такъ мало знаемъ Кавказъ и что свѣдѣнія о немъ текутъ къ намъ сквозь иностранное рѣшето. Всѣ эти иностранцы, писавшіе о Кавказѣ—говорилъ онъ—были въ большинствѣ случаевъ ученые оріенталисты и, конечно, любопытно прочитать у нихъ о новооткрытой на Кавказѣ божьей коровкѣ и о невиданномъ доселѣ репейникѣ, но вѣдь для человѣка есть и нѣчто болѣе важное, есть человѣкъ—съ его нравами, обычаями и привычками, и о немъ-то пока прочитать негдѣ.

Мы, европейцы, всегда съ ложной точки смотримъ на полудикія племена. То мы ихъ обвиняемъ въ жестокости, въ вѣроломствѣ, въ хищеніяхъ, въ невѣжествѣ, то, кидаясь въ другую крайность, восхищаемся ихъ простотой, гостепріимствомъ—и не перечтешь какими добродѣтелями... То и другое напрасно; какъ люди, и горцы носятъ въ себѣ циркулярные недостатки и добрыя качества, свойственныя человѣчеству, но въ оцѣнкѣ этихъ добродѣтелей и недостатковъ

нельзя придерживаться нашего этическаго масштаба. Еще меньше можно руководиться въ своей любви къ нимъ какими-нибудь политическими симпатіями. Набивши свою голову школьными видами правленій, мы мечтаемъ видѣть въ какой-нибудь Кабардѣ или Чечнѣ республики; производимъ черкесскаго князька въ феодальнаго властителя и воображаемъ, что уздень рыцарскій баронъ Все это вздоръ. Если среди горскихъ племенъ встрѣчается утопія Жанъ Жака Руссо, то это грязная, ненарумяненная, нагая утопія, естественное состояніе, совпадающее съ дикостью и звѣриной жизнью. Все это нужно помнить, когда мы говоримъ о Кавказѣ или хотимъ описывать его. Лучше всего побольше непосредственности въ описаніяхъ; пусть будетъ меньше порядка, но больше живости; менѣе учености, но больше занимательности... Облеките все въ драматическія формы говоритъ нашъ писатель—ну хоть по примѣру Вальтера-Скотта, изъ романовъ котораго выносишь больше знанія о Шотландіи, чѣмъ изъ самой исторіи...

Всѣ эти мысли Марлинскаго даютъ намъ ключъ къ пониманію и оцѣнкѣ его очерковъ изъ кавказской жизни. Нашъ авторъ не слѣдуетъ примѣру тѣхъ лицъ, которыя, восхваляя некультурный Кавказъ, желали кольнуть современную имъ цивилизацію, или прославить какую-нибудь слащавую идиллію *). Для нашего безпристрастнаго наблюдателя, востокъ—богатая сокровищница всевозможныхъ любопытныхъ свѣдѣній и явленій. Вотъ почему въ кавказскихъ повѣстяхъ Марлинскаго такъ много отступленій и вставокъ, посвященныхъ обрисовкѣ разныхъ мелочей, интересныхъ для этно-

*) «Поэты сдѣлали изъ (Кавказа) этого великана въ ледяномъ вѣнцѣ и въ ризѣ бурь какой-то миндальный пирогъ, по которому текутъ лимонадные ручьи. Я, какъ умѣлъ, вѣрнѣе старался изобразить ужасающія красоты кавказской природы и дикіе обычаи горцевъ, этотъ доселѣ живой обломокъ рыцарства, погасшаго въ цѣломъ мірѣ. Описалъ жажду славы, по ихъ образцу созданной; ихъ страсть къ независимости и разбою; ихъ невѣроятную храбрость, достойную лучшаго времени и лучшей цѣли», — («Часы и зеркало», 1832 г.).

графа, археолога и историка и малозанятыхъ для простого читателя *).

Всѣ эти мелочи въ его повѣстяхъ совсѣмъ не разсчитаны на эффекты; онѣ, наоборотъ, тормозятъ ходъ дѣйствія, но онѣ казались автору необходимыми именно затѣмъ, чтобы дать намъ возможно вѣрное и полное понятіе о „мѣстномъ колоритѣ", который, какъ извѣстно, подъ перомъ большинства нашихъ романтиковъ всегда имѣлъ одну цѣль, не поучить, а поразить читателя.

Марлинскій, какъ мы сказали, вовсе не былъ увлеченъ прелестями азіатской культуры, о „которой путешественники говорили такъ много вздоровъ", и онъ потому въ своихъ описаніяхъ и разсказахъ былъ свободнѣе многихъ: онъ могъ не только восхищаться этими сынами свободы, гдѣ это было у мѣста, онъ могъ и смѣяться надъ ними, и острить на ихъ счетъ и порицать ихъ. Онъ такъ и дѣлалъ; его повѣсти блещутъ остроумными выходками человѣка, дающаго чувствовать свое умственное и нравственное превосходство. Онъ пришелъ къ этимъ горскимъ племенамъ не за тѣмъ, чтобы чему-нибудь научиться, а за тѣмъ, чтобы изречь свой судъ надъ ними и отдать себѣ отчетъ въ ихъ мысляхъ и чувствахъ. Въ итогѣ этого отчета получался иногда приговоръ самый суровый, лишенный всякой поэзіи. „Месть за кровь и гостепріимство дома, отчаянная храбрость и цѣльный выстрѣлъ на грабежѣ, вотъ итогъ горскихъ достоинствъ. Прибавьте къ этому бѣдность съ неопрятностью,—и вы знакомы съ горцами, ожидающими своего Вальтеръ-Скотта", — писалъ онъ однажды въ недобрую минуту.

Спокойный и безпристрастный наблюдатель быта, Марлин-

*) Почти всѣ свои ученыя наблюденія надъ жизнью кавказскихъ горцевъ Марлинскій вставилъ въ свои повѣсти. Исключеніе представляютъ только двѣ статьи: «Кавказская стѣна» 1831—2 г.—археологическая замѣтка объ остаткахъ старинной стѣны около Дербента, замѣтка написанная необычайно красиво и живо, какъ бы отчетъ о прогулкѣ; и «Шахъ-Гуссеинъ» 1831 г.,—краткое описаніе религіознаго праздника мусульманъ Шагидовъ въ Дербентѣ.

скій какъ писатель попадалъ въ довольно трудное положеніе, когда ему приходилось изображать горцевъ не въ ихъ статическомъ, если можно такъ выразиться, а въ ихъ динамическомъ состояніи. Горецъ былъ занимательнымъ психологическимъ явленіемъ, когда имъ владѣла страсть и вѣрное объясненіе этого явленія трудно давалось Марлинскому потому, что его собственное сердце было веществомъ легко воспламеняющимся: онъ, говоря о страстяхъ, не всегда соблюдалъ мѣру, и, дѣйствительно, въ описаніяхъ психическихъ движеній кавказскихъ героевъ въ нашемъ наблюдателѣ и критикѣ проглядываетъ закоренѣлый романтикъ. Страсти героевъ перенапряжены и почти всегда выходятъ изъ естественныхъ береговъ. Марлинскій самъ это чувствовалъ и старался оправдаться. „Если нашъ ледяной истуканъ цѣломудрія, — говорилъ онъ,—подтаиваетъ отъ дыханія страстей, то въ какую тѣнь спрятаться можно отъ азіатскихъ желаній, стрѣляющихъ каленными ядрами? Словъ нѣтъ, наше сѣверное, игривое воображеніе, протопленное романами и вальсомъ, становится для насъ безвременно жаркимъ климатомъ; пороки у насъ — подснѣжники, взбѣгаютъ необыкновенно рано, а зрѣютъ гораздо ранѣе огурцовъ; но, господа, взгляните на термомертъ Реомюра, прочтите надпись надъ 33 градусами тепла—*жаръ крови* и сознайтесь, что климатъ, который развиваетъ не только раннія страсти да еще раннія для нихъ силы, что-нибудь да значитъ въ животной экономіи. Такія страсти не требуютъ теплицъ, орошенія виномъ и прививки чужихъ прихотей; нѣтъ, онѣ взбѣгаютъ безъ подпоръ и крѣпнутъ на воздухѣ или, лучше сказать, воздухомъ, который зараженъ двойнымъ патрономъ электричества, который дышетъ, вѣетъ, окачиваетъ нѣгой и бросаетъ въ ваше сердце столь причудливыя мечты на яву, что вы подъ русскимъ небомъ и во снѣ такихъ не видывали“...

Присматриваясь къ поведенію и прислушиваясь къ рѣчамъ нѣкоторыхъ героевъ Марлинскаго, дѣйствительно, соглашаешься съ авторомъ, что сердце ихъ „заряжено двой-

нымъ патрономъ электричества", но въ оправданіе Марлинскаго должно сказать, что онъ силился исправить этотъ подмѣченный имъ самимъ недостатокъ. Чтобы приблизиться къ правдѣ жизни онъ, вмѣсто того, чтобы реально изображать человѣческія страсти, противопоставлялъ въ своихъ разсказахъ одну повышенную страсть другой, съ ней несходной. Такимъ образомъ, напр., рядомъ съ храбрецомъ у него стоитъ въ той же степени отъявленный трусъ, рядомъ съ благороднымъ рыцаремъ горъ — простой кровожадный разбойникъ, рядомъ съ пророкомъ религіи—религіозный спекулянтъ и т. д. Иногда въ одномъ и томъ же лицѣ соединены качества разнаго нравственнаго достоинства и все это среди одного племени и среди одинаковыхъ условій жизни. Если изображеніе всѣхъ этихъ страстей и романтично, то такое сопоставленіе все-таки производитъ впечатлѣніе нѣкоторой правдоподобности, и жизнь горцевъ въ ея совокупности является тѣмъ соединеніемъ свѣта и мрака, высокаго и низкаго, которое составляетъ основной законъ всякаго человѣческаго существованія.

Повѣстей изъ кавказской жизни у Марлинскаго не много— всего четыре: два краткихъ очерка — „Красное покрывало" 1831—2 г., „Разсказъ офицера, бывшаго въ плѣну у горцевъ" 1834 г. и два законченныхъ разсказа — „Аммалатъ-Бекъ" 1831 г. и „Мулла-Нуръ" 1835—6 г. Во всѣхъ царитъ большой безпорядокъ, смѣшеніе повѣствовательнаго элемента съ описательнымъ, перетасовка этнографическаго матеріяла со сказочнымъ и чередованіе разсужденій автора съ описаніемъ видѣннаго или вымышленнаго. Но среди этого безпорядка не трудно уловить основные мотивы разсказа. Марлинскій хотѣлъ изобразить горца преимущественно въ тотъ моментъ, когда все существо его охвачено тѣми двумя страстями, къ которымъ сводится все наслажденіе дикой жизни— а именно страстью любви и страстью къ свободѣ. Тема была избитая, если припомнить, какъ много объ этой свободѣ и любви на востокѣ тогда говорилось, но въ пересказѣ Мар-

линскаго эта старая тема не перестаетъ быть и занимательной, и драматичной.

Нашъ авторъ любилъ разнообразіе въ чувствахъ. Взять хотя бы всю скалу любви, которую онъ заставилъ прозвучать передъ нами, всѣ эти различные оттѣнки одного и того же чувства, отъ любви самой возвышенной и глубокой, до любви, почти что звѣриной въ ея непосредственности.

На кладбищѣ Арзерума увидалъ онъ женщину, стоявшую надъ могилой. Она казалась надгробнымъ памятникомъ въ своей неподвижности. Была ночь, близокъ былъ русскій лагерь, ревнивы были жители Арзерума: мужъ, братъ или отецъ могли подумать, что она ушла на свиданіе, а она все-таки не уходила отъ дорогой могилы. Гордое отчаяніе сверкало въ ея безслезныхъ очахъ, горькія жалобы таились въ ея груди, безмолвное чувство трепетало въ каждой жилкѣ красавицы. Она стояла надъ могилой человѣка, который былъ для нея всѣмъ—и отцомъ, и братомъ, и любовникомъ, и супругомъ, и онъ былъ... христіанинъ, русскій офицеръ, котораго она полюбила. Не только для него, но для его тѣни, она готова на всѣ страданія. Съ момента его смерти рука мужчины не смѣла коснуться ея, она умерла для клеветы сосѣдей и для мести родныхъ... Зачѣмъ гордое чувство любви возвысило ее надъ толпою одноземокъ, доступныхъ только рабскому страху или презрительному корыстолюбію? Зачѣмъ чистый пламень страсти утончилъ все ея существо; затѣмъ ли, чтобы она ощутила въ сердцѣ жало разлуки или затѣмъ, чтобы научить ее смерти? А она умерла на глазахъ у разсказчика, изрубленная какимъ-то ревнивцемъ, который настигъ ее на кладбищѣ; умерла безъ борьбы, лишь застонавъ и припавъ къ дорогой могилѣ („Красное покрывало“).

И рядомъ съ этой мученицей, которая такъ глубоко и душевно поняла любовь, сколько у Марлинскаго встрѣчается образовъ, для которыхъ это чувство есть лишь молодое кипѣніе крови, безсознательный порывъ, скорѣе

отнимающій у человѣка силы, чѣмъ придающій ему энергію. Часто описываетъ онъ волненія этой страсти въ юныхъ дѣвическихъ сердцахъ, и мы видимъ предъ собой настоящую восточную женщину, не героиню страсти, способную на подвигъ, а существо робкое, загнанное, лишенное всякой иниціативы, почти безгласное... Онѣ очень нѣжны и красивы, эти невѣсты ауловъ въ повѣстяхъ Марлинскаго, но всѣ онѣ такъ наивны, чтобы не сказать больше, такъ много въ нихъ тѣлеснаго, что когда авторъ заставляетъ ихъ—противъ ихъ воли—разсуждать, то кромѣ самыхъ тривіальныхъ фразъ онѣ ничего сказать не въ силахъ и немудрено, что онѣ, „обуреваемыя то страхомъ дѣвическимъ, то любовью, летаютъ по мятежнымъ бурунамъ противоположныхъ страстей подобно легкимъ пробкамъ“ какъ не совсѣмъ деликатно выразился однажды авторъ .

Во всякомъ случаѣ мы не найдемъ у Марлинскаго столь извѣстной романтической „дѣвы горъ“, у которой всегда въ запасѣ кинжалъ для соперницы и пила для скованнаго любовника. Кавказскія дѣвы Марлинскаго это—милые звѣрьки, которые кусаться не умѣютъ, и если автору приходитъ фантазія такую дѣву преобразить въ героиню, какъ онъ это сдѣлалъ съ женой разбойника Муллы-Нура, которая въ мужскомъ платьѣ сражается и грабитъ вмѣстѣ со своимъ мужемъ, то такую вольность онъ позволяетъ себѣ, конечно, вспоминая воинственную Гурдаферидъ изъ эпопеи Фирдуси. Впрочемъ, онъ очень рѣдко прибѣгаетъ къ такимъ заимствованіямъ и охотнѣе упрощаетъ женскій типъ, чѣмъ усложняетъ его.

Одинъ изъ самыхъ удачныхъ его женскихъ образовъ, это — прелестная Шалиби изъ повѣсти „Разсказъ офицера, бывшаго въ плѣну у горцевъ“. Одинъ русскій офицеръ — разсказываетъ авторъ — былъ взятъ въ плѣнъ горцами и, хоть они его раздѣли до нага, хоть съ веревкой на шеѣ ему и пришлось бѣжать за лошадью своего хозяина, но скоро — научившись быть придворнымъ, какъ онъ выра-

жался, — онъ изъ раба превратился въ друга своего владыки. Этотъ владыка однажды взялъ его съ собою въ экспедицію—не военную, а любовную, въ горы, къ одному изъ своихъ пріятелей который, придерживался стариннаго обычая благодарить друзей за посѣщеніе предоставленіемъ имъ своихъ супружескихъ правъ. Пришлось ему отблагодарить и офицера и изъявить эту благодарность онъ поручилъ своей шестнадцатилѣтней дочери—Шалиби. Марлинскій очень деликатно развернулъ передъ нами душу этого ребенка, и правдиво изобразилъ и сразу вспыхнувшее, чисто физическое, чувство, и страхъ передъ этимъ чувствомъ, и упоеніе имъ, и способность какъ-то отдѣлять его отъ того лица, которое его впервые возбудило. Дѣйствительно, къ удивленію счастливаго офицера, онъ на другой день къ вечеру имѣлъ уже двухъ соперниковъ: двое молодыхъ людей пришли предлагать себя въ женихи Шалиби къ великой радости ея родителя, который благодарилъ офицера за то, что онъ способствовалъ славѣ его дочери. Хоть женихи и опечалили рѣзвую Шалиби своимъ предложеніемъ, но она не отвернулась отъ нихъ и когда, вступивъ изъ-за обладанія ею въ единоборство, они оба съ утеса полетѣли въ пропасть, она съ крикомъ сожалѣнія протянула руки, чтобы удержать ихъ. Она по всѣмъ вѣроятіямъ и вышла бы за одного изъ нихъ замужъ, такъ какъ первая ея любовь была очень кратковременна: спустя три дня гости уѣхали, чтобы больше не возвращаться, ретиваго горца зарубили на дорогѣ аварцы, а нашъ офицеръ благополучно добрался до русскихъ форпостовъ.

Мужская половина обитателей горъ, если вѣрить Марлинскому, въ любви такія же дѣти природы, какъ и ихъ невѣсты. Влюбленному горцу нашъ писатель оставилъ многія изъ красивыхъ сторонъ его характера, какъ, напр., его храбрость, рѣшимость, самопожертвованіе и др., но зато онъ отнялъ у него „романтичность“ любовныхъ порывовъ, усиливъ ее до неистовства. Герой Марлинскаго въ минуту лю-

бовной горячки почти всегда свирѣпѣетъ и любовь приближаетъ его не къ Богу, а къ звѣрю. Нашъ писатель, какъ этнографъ и наблюдатель, исправилъ въ данномъ случаѣ ошибку романтиковъ и былъ, конечно, правъ. „Только неистовый Отелло можетъ дать идею о тропической страсти Аммалата, говорилъ Марлинскій про одного изъ своихъ героевъ. Я люблю внимать его огнедышащему краснорѣчію. Порой—это мутный водопадъ, извергнутый глубокою пещерою; порой—это пламенный ключъ нефти бакинской: какія звѣзды сыплютъ тогда его очи, какою зарницей играютъ щеки, какъ онъ прекрасенъ бываетъ тогда! Въ немъ нѣтъ ничего идеальнаго, но зато земное величаво, плѣнительно". „Идеальнаго", дѣйствительно, нѣтъ въ этихъ герояхъ, но и плѣнительнаго мало: любовь кипитъ въ нихъ, какъ лава, разжигаетъ ихъ на разные подвиги, но очень рѣдко на подвиги благородства: всего чаще она ожесточаетъ ихъ и безъ того дикій нравъ. Эта дикость, впрочемъ, какъ-то сразу исчезаетъ въ ихъ обращеніи съ женщиной и, вопреки правдѣ, они становятся вдругъ сентиментальны и даже языкъ ихъ начинаетъ отдавать литературной изысканностью.

Марлинскій часто говорилъ о героизмѣ горцевъ, не скупился на описанія подвиговъ ихъ храбрости въ борьбѣ за свободу родины, хотя въ этихъ описаніяхъ онъ все-таки оставался русскимъ офицеромъ,—побѣдителемъ, и при томъ нѣсколько раздосадованнымъ тѣмъ, что слишкомъ дорого заплатилъ за побѣду. Но не этотъ родъ героизма привлекалъ къ себѣ преимущественно его вниманіе; ему хотѣлось найти на востокѣ вообще выдающуюся крупную личность, сильную не однимъ лишь подъемомъ патріотическаго чувства, а иными дарами духа. Возсозданіе такой личности въ образѣ оказалось задачей не по силамъ нашему автору. Онъ дважды за нее принимался и портретъ героя вышелъ малоправдоподобнымъ.

Образецъ сильнаго и необузданнаго въ своихъ страстяхъ человѣка данъ въ лицѣ татарскаго бека Аммалата, именемъ

котораго названа одна изъ наиболѣе крупныхъ по размѣру повѣстей Марлинскаго. Это -очень занимательная исторія, полная драматизма, иллюстрированная массою бытовыхъ картинъ и пейзажей, въ сущности исторія несчастной любви. Аммалатъ,—одинъ изъ вліятельныхъ татарскихъ князей, живущій въ мирѣ съ русскими и облагодѣтельствованный ими, подпалъ подъ вліяніе самаго яраго и непримиримаго нашего врага—Султанъ Ахметъ-Хана. Онъ вмѣстѣ съ нимъ поднялъ знамя возстанія и былъ взятъ въ плѣнъ. Но еще раньше взяла его въ плѣнъ прелестная дочь Ахмета. Она полонила его душу, и русскимъ досталось только одно его тѣло. Приговоренный къ смерти Ермоловымъ, онъ былъ спасенъ заступничествомъ одного русскаго полковника, который взялъ его къ себѣ на поруки въ надеждѣ перевоспитать его. На первыхъ порахъ полковнику какъ будто и удалось это, но любовь Аммалата пересилила въ немъ всѣ благородныя чувства: суровый Ахметъ соглашался съ радостью отдать за него дочь, если онъ измѣнитъ русскимъ и принесетъ ему, какъ выкупъ за невѣсту, голову своего благодѣтеля. Аммалатъ, обманутый несправедливыми наговорами на полковника, дѣйствительно, убилъ его, откопалъ ночью его трупъ на кладбищѣ и съ драгоцѣнной ношей поскакалъ за невѣстой. Онъ засталъ Ахмета на одрѣ смерти, въ страшной болѣзни, растерзаннаго и душевно, и тѣлесно, и старикъ его проклялъ за неумѣстный подарокъ. Невѣста отъ него отвернулась и убійца бѣжалъ, терзаемый ревностью, отчаяніемъ, злобой и страхомъ передъ призракомъ убитаго имъ друга. Нѣсколько лѣтъ спустя мрачный измѣнникъ погибъ отъ русскаго ядра во время осады Анапы.

Много сказочнаго въ этой повѣсти, но есть и правда. Она—въ вѣрномъ изображеніи и въ правильной оцѣнкѣ того перевѣса, какой имѣетъ чувство надъ мыслью во всякой непосредственной полудикой натурѣ. Аммалатъ—дитя природы; и повѣсть о немъ—исторія неудачной попытки его перевоспитанія. Какъ бы гуманно къ нему ни отнеслись

враги, онъ не подумаетъ надъ значеніемъ этого явленія; подъ наплывомъ чувства онъ поклянется въ вѣрности, но продастъ и убьетъ благодѣтеля, какъ только въ немъ будетъ поколеблено это чувство, а чтобы поколебать его достаточно простого подозрѣнія или сказки, дѣйствующей на его нервы. Если сильное чувство его охватило, то никакіе доводы не уменьшатъ исключительной власти этого чувства надъ нимъ. Его воспитатель—довѣрчивый полковникъ—пробуетъ воздѣйствовать на его умъ книгой, и стоитъ прочитать любопытнѣйшіе отрывки изъ дневника этого татарина, чтобы увидать, что исходной точкой его сужденій о всѣхъ серьезнѣйшихъ вопросахъ жизни является его любовная лихорадка. Стоитъ также присмотрѣться ко всѣмъ его поступкамъ и мы будемъ имѣть подтвержденіе другой истины, а именно, что для этихъ восточныхъ людей существуетъ одно лишь сегодня, а о томъ, что будетъ завтра, они не думаютъ.

Такимъ образомъ, при всѣхъ романтическихъ странностяхъ повѣсти „Аммалатъ-Бекъ“ она безспорно восточная и по колориту, и по вѣрному освѣщенію основной психологической задачи.

Нельзя того же сказать про повѣсть о разбойникѣ „Мулла-Нурѣ“, котораго нашъ авторъ возвелъ въ настоящаго романтическаго героя—въ рыцаря правды и чести. Въ разсказѣ двѣ параллельно идущихъ фабулы... Вниманіе читателя раздѣлено между повѣстью о любовныхъ приключеніяхъ нѣкоего Искандеръ-бека и жизнеописаніемъ грознаго разбойника Мулла-Нура, который своимъ вмѣшательствомъ приводитъ къ благополучному концу сватовство Искандера. Разсказъ о любви Искандера—этого благороднаго, цѣломудреннаго, храбраго и необычайно мягкаго въ своихъ чувствахъ юноши, не представляетъ особаго интереса. Это — поэтичная любовная идиллія съ обычными эпизодами тайныхъ свиданій, первыхъ признаній и опасеній, всевозможныхъ препятствій, которыя нужно преодолѣть и, наконецъ, съ самымъ счастливымъ концомъ къ общей радости жениха и невѣсты.

Новаго во всемъ этомъ очень мало, если не считать тѣхъ необычно нѣжныхъ красокъ, какими обрисованъ типъ молодого бека. Онъ—прямая противоположность Аммалату, и, кажется, сочиненъ нашимъ авторомъ затѣмъ, чтобы искупить всѣ преступленія своего суроваго и дикаго соплеменника, искупить ихъ любовью къ русскимъ, состраданіемъ къ слабому и умѣньемъ хоть сколько-нибудь обуздывать свои порывы. Но все-таки не онъ герой разсказа. Эта роль выпадаетъ на долю таинственной и вмѣстѣ съ тѣмъ исторической личности Мулла-Нура. О жизни этого разбойника въ повѣсти говорится мало, но зато очень подробно объ его благородныхъ чувствахъ и поступкахъ. Одинъ порядокъ чувствъ въ этомъ человѣкѣ изображенъ Марлинскимъ согласно съ дѣйствительностью, другой присочиненъ имъ для эффекта. Когда Мулла-Нуръ является орудіемъ правосудія, когда онъ защитникъ угнетенныхъ и гроза сильныхъ, онъ—историческій разбойникъ, котораго любили и уважали на Кавказѣ; когда онъ философъ, исповѣдникъ міровой скорби, грустный отшельникъ, онъ не кто иной, какъ самъ Александръ Александровичъ въ минуту дурного настроенія духа.

Мулла-Нуръ грабитъ очень учтиво, очень полюбовно и рѣдко беретъ съ головы болѣе двухъ рублей серебромъ... онъ облагаетъ пошлиной, но только богатыхъ; бѣдный всегда находитъ себѣ въ немъ защитника; многихъ земляковъ своихъ выручалъ онъ изъ бѣды и всегда на благородный помыселъ откликается его сердце. „Пожалѣлъ ли ты нищаго?—спрашиваетъ разбойникъ одного муллу, котораго обобралъ до нитки,—пожалѣлъ ли ты умирающаго съ голоду! Бездушный корыстолюбецъ, злой грѣшникъ!.. Толкователь святыни, ты чеканилъ деньги изъ каждой буквы Корана и, проповѣдникъ мира, ты для выгодъ своихъ смущалъ семейства и разлучалъ сердца“... и много такихъ благородныхъ и грозныхъ рѣчей говоритъ нашъ самозванный судья и мститель. Въ этой мести пороку все оправданіе его собственнаго порочнаго гражданскаго положенія; а онъ нуж-

дается въ такомъ оправданіи и утѣшеніи, такъ какъ, если не на самомъ дѣлѣ, то въ повѣсти Марлинскаго, тяготится своей вольной жизнью и своей миссіей. „У всякаго есть своя звѣзда,—говоритъ онъ Искандеру, котораго полюбилъ за его чистоту сердца и за правдивость,—не завидуй мнѣ, не ходи по моему слѣду; опасно жить съ людьми, но и безъ нихъ скучно... Дружба ихъ—безумящій и усыпительный опіумъ, зато и вражда къ нимъ горьче полыни. Не охотой, а судьбой выброшенъ я изъ ихъ круга. Прекрасенъ вольный свѣтъ, но развѣ нельзя наслаждаться имъ, не бывъ изгнанникомъ? Раздолье въ глуши человѣку, но пустыня всегда пустыня: никакія думы не веселятъ ея, никакія чародѣйства не обратятъ камней въ товарищей. Было время,—я ненавидѣлъ людей, было время,—я презиралъ ихъ: теперь устала душа отъ того и другого. На одинъ годъ станетъ забавы для гордаго внушать своимъ именемъ страхъ и недовѣрчивость; но страхъ—игрушка, подобная всѣмъ другимъ игрушкамъ: она скоро опостылѣетъ. Потомъ наступаетъ злая охота унижать людей, насмѣхаться надъ всѣмъ, чѣмъ они хвастаютъ, обнажая на дѣлѣ ихъ гнусности, топча подъ ноги все, чѣмъ дорожатъ они болѣе души... Жалкая потѣха! Она забавляетъ на мигъ, а даетъ желчи на мѣсяцъ, потому что какъ ни дуренъ человѣкъ, а все-таки онъ братъ намъ. Но въ концѣ концовъ, отрадно ли, подобясь коршуну, въ каждомъ живомъ существѣ видѣть только добычу, оставлять въ каждомъ встрѣчномъ новаго врага? при молитвѣ думать о проклятіяхъ, посылаемыхъ заочно на мою голову? засыпать и ждать измѣны самыхъ близкихъ; пугать собою, не довѣрять никому"?.. Признаніе нѣсколько странное въ устахъ человѣка, который порвалъ всѣ связи съ людьми, объявилъ имъ войну и насквозь видитъ всю ихъ лукавую и порочную душу... но, конечно, это признаніе дѣлаетъ не горецъ разбойникъ, а самъ Александръ Александровичъ, неисправимый филантропъ и идеалистъ...

Марлинскій, дѣйствительно, часто позволялъ себѣ гово-

рить за своихъ героевъ, почему многіе изъ нихъ, и мужчины, и женщины, поражаютъ насъ иногда либо такимъ умомъ, на который мы никакъ не могли разсчитывать, либо такими афоризмами, которые не совсѣмъ вяжутся съ ихъ характеромъ и умственнымъ складомъ.

Нашъ авторъ не могъ забыть себя, бесѣдуя съ этими „дѣтьми свободы"; если онъ когда забывался, и то невполнѣ, такъ только въ бесѣдѣ съ природой и въ созерцаніи ея красоты.

Этому созерцательному настроенію обязаны мы очень красивыми страницами въ его кавказскихъ разсказахъ. Никто до него не умѣлъ такъ „живописать" словами. Теперь, конечно, послѣ успѣховъ пейзажной живописи въ нашей литературѣ, послѣ Гоголя, Тургенева и Толстого пейзажи Марлинскаго очень поблѣднѣли, но на нихъ все-таки видна кисть художника и настроеніе его изъ этихъ страницъ не выдохлось. Всѣ эти картинки природы списаны имъ съ натуры и при томъ въ минуты наиболѣе счастливыя его грустной жизни. Онъ рисовалъ ихъ на свободѣ, когда, покинувъ Дербентъ или лагерь, удалялся въ горы, по дѣламъ ли службы, или на прогулку. Эти наброски онъ вставлялъ потомъ въ свои повѣсти, а всего чаще въ свои путевые очерки.

Марлинскій-пейзажистъ не особенно гнался за эффектами: и горы, и долины, и бурное море, и тихое, имѣли въ его глазахъ одинаковое достоинство. Это было также одно изъ преимуществъ его передъ записными романтиками, которые, чтобы описать землю, прежде всего заволакивали небо тучами. У Марлинскаго природа живетъ своей естественной жизнью, сердится, когда хочетъ, улыбается, если ей это угодно, величественно молчитъ или говоритъ всѣми своими таинственными голосами.

Встрѣчаетъ насъ на границѣ Кавказа Казбекъ, на ледяныхъ раменахъ котораго отдыхаютъ облака; вокругъ него неоглядная цѣпь опаловидныхъ горъ и голые утесы ущелій... и все кругомъ такъ мирно, все, кромѣ кровожаднаго чело-

вѣка. Страхъ, какъ ангелъ съ пламеннымъ мечемъ, стерегущій границы рая, сторожитъ этотъ край поэзіи и любви..

Бѣлѣетъ Шахъ-Дагъ своими снѣгами. По снѣгу вспыхиваютъ алыя пятна и тысячи радугъ пересѣкаются на каждомъ шагу. Небо замкнуто для взоровъ лучезарнымъ замкомъ солнца, но зато земля раскрывается внизу тѣмъ прекраснѣе. Весь Кавказъ подъ нами. Все это смѣшеніе свѣта и тѣней, зелени и буризны камня, переливающихся дивными узорами и кой-гдѣ затканныхъ золотою ниткой водъ, волнуется передъ очами какъ покрывало, накинутое рукою Аллаха на тайны земли. На востокѣ, будто стальной повороненный щитъ, окованный горизонтомъ, сверкаетъ море подъ огненной насѣчкой лучей. И все тихо, безмолвно кругомъ; съ высоты снѣговъ не видно никого, ничего не слышно туда не долетаетъ обаятельный лепетъ жизни...

Но начнемъ мы спускаться... передъ нами развивается изумрудное море холмовъ, пересѣченное черными хребтами, конь скользитъ на хвостѣ, или мѣтко перепрядываетъ съ обломка скалы на другой обломокъ, заваливающій узенькую тропинку, по которой и черезъ которую съ шумомъ несутся ручьи тающихъ снѣговъ. Иногда, огибая уголъ утеса, онъ храпитъ и пятится назадъ отъ испуга, не находя опоры для копытъ, а пропасть ущелья зіяетъ и рычитъ внизу, какъ пасть чудовища, какъ гортань неизмѣримаго удава, котораго обаятельное дыханіе непреодолимо влечетъ къ себѣ жертву изъ глубины лѣса, и можетъ высосать жаворонка даже изъ выси небесъ...

Но вотъ вы спустились и въѣхали въ густой лѣсъ орѣшниковъ, потомъ дуба, черешни и еще ниже чинара и чиндара. Разнообразіе, богатство растеній и величавое безмолвіе сѣнистыхъ дубравъ вселяетъ какое-то невольное благоговѣніе къ дикой силѣ природы. Порой изъ ночного мрака вѣтвей, какъ утро, разсвѣтаетъ поляна, украшенная благоуханнымъ ковромъ цвѣтовъ, не мятыхъ стопой человѣка. Тропинка то скрывается въ чащѣ, то выходитъ на край

у теса и подъ нимъ въ глубинѣ шумитъ и сверкаетъ ручей, то пѣнясь между кореньями, то дремля на каменномъ днѣ водоема, подъ тѣнью барбариса и шиповника; фазаны, сверкая радужными хвостами, перелетываютъ въ кустарникахъ, стада дикихъ голубей вьются надъ скалами, то стѣной, то столбомъ восходящими къ небу, и закатъ разливаетъ на нихъ оздушный пурпуръ свой, и тонкіе туманы тихо подымаются въ ущельяхъ—все дышетъ вечерней прохладой...

Счастливы вы, если вамъ удалось весной взглянуть на эти картины. Милліоны розъ обливаютъ утесы своимъ румянцемъ, подобно зарѣ; воздухъ струится ихъ ароматомъ; соловьи не умолкаютъ въ зеленыхъ сумеркахъ рощи. Миндальныя деревья, точно куполы пагодъ, стоятъ въ серебрѣ цвѣтовъ своихъ, и между нихъ высокія раины, то увитыя листьями какъ винтомъ, то возникая стройными столпами, кажутся мусульманскими минаретами. Широкоплечіе дубы, словно старые ратники, стоятъ на часахъ тамъ-индѣ, между тѣмъ, какъ тополи и чинары, собравшись купами и окруженные кустарниками, какъ дѣтьми, кажется, готовы откочевать въ гору, убѣгая отъ лѣтнихъ жаровъ... Но вотъ зарубилъ крупный дождикъ, хоть солнце печетъ и сіяетъ: вы сказали бы, воздухъ таетъ каплями нѣги... Зеленѣющій лѣсъ плодовыхъ деревьевъ, вспрыснутый дождемъ, развертываетъ свою яркую зелень, радостно машетъ въ воздухѣ своими кудрями; цвѣты распускаются подъ стопами; жаворонки — небесные колокольчики—звенятъ въ вышинѣ, земля сверкаетъ и благоухаетъ какъ жертвенникъ...

Но вотъ настала зима: зашумѣли вьюги и замели тропинки снѣжными сугробами. Утромъ, когда востокъ зажигаетъ хрустали ледяныхъ вершинъ, а синіе туманы еще волнуются по ущельямъ, вамъ чудится, будто вы летите надъ приплюснутымъ океаномъ, по которому плаваютъ ледяныя горы... Тѣни, играющія вслѣдъ солнцу, довершаютъ очарованіе... Исполинскія громады тихо движутся, колеблются, возникаютъ, тонутъ. Но когда пары, затканные лучами, сви-

ваются, какъ дымковая фата, на плечахъ горъ, полупрозрачность ихъ, скрадывая обрѣзы, облекаетъ все неизъяснимою прелестью. Въ морозный вечеръ звѣздочки инея неслышно сыплются съ темно-голубого неба, сверкаютъ, вьются, будто зажигаясь на огненной полосѣ луча, пробившагося сквозь разсѣлину...

Не менѣе яркими красками и съ еще большей любовью описывалъ Марлинскій родственную его сердцу стихію—море. Онъ не могъ говорить о немъ спокойно, и морской пейзажъ подъ его перомъ переходилъ невольно въ лирическую исповѣдь. Когда мы будемъ возстановлять эту исповѣдь по отдѣльнымъ признаніямъ, разсѣяннымъ въ его повѣстяхъ и очеркахъ, море послужитъ намъ красивой иллюстраціей, а пока отмѣтимъ только общій романтическій колоритъ всѣхъ его описаній природы.

Они, конечно, не реальны, въ нихъ нѣтъ той величавой простоты, которая есть въ каждомъ, даже самомъ грозномъ и красивомъ явленіи природы. Вездѣ чувствуется литераторъ, живописецъ съ большимъ воображеніемъ. Но уже одно обиліе красокъ и разнообразіе оттѣнковъ приближаетъ живопись Марлинскаго къ самой природѣ. Эта живопись несомнѣнно выше всѣхъ условныхъ романтическихъ и сентиментальныхъ пейзажей, съ ихъ вѣчной лаской и улыбкой или гнѣвомъ и грохотомъ. Даже вычурность нѣкоторыхъ описаній и сравненій у Марлинскаго, мало эстетичная фигурность ихъ, есть уже шагъ впередъ сравнительно съ установившимся шаблономъ.

Вообще, всѣ кавказскія повѣсти нашего автора—извѣстное предвѣщаніе реализма въ искусствѣ; но только предвѣщанье. Романтичность завязокъ и всего чаще развязокъ, слишкомъ большое напряженіе чувствъ, невѣроятность, почти фантастичность нѣкоторыхъ эпизодовъ, мало естественная рѣчь—все указываетъ на тѣсную связь этихъ повѣстей съ выше разсмотрѣнными повѣстями въ чисто романтическомъ стилѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этихъ же повѣстяхъ даны и

поправки и иной разъ дополненія этого романтизма до настоящаго реальнаго воспроизведенія дѣйствительности. Всѣ бытовые аксессуары, иной разъ очень прозаическіе, всѣ подслушанные восточные обороты рѣчи, всѣ вплетенные въ разсказъ историческіе факты, наконецъ, грубость и дикость или наивная простота въ обрисовкѣ нѣкоторыхъ типовъ, и мужскихъ, и женскихъ, психологическая мотивировка ихъ поступковъ—могутъ назваться такими поправками и дополненіями. Правда жизни начинала мало-по-малу торжествовать свою побѣду надъ литературными симпатіями и субъективнымъ настроеніемъ автора.

Эта побѣда еще рѣзче обозначилась въ тѣхъ повѣстяхъ Марлинскаго, въ которыхъ онъ явился бытописателемъ хорошо ему знакомыхъ общественныхъ круговъ—свѣтскаго и въ частности—военнаго.

XVIII.

Александру Александровичу принадлежитъ честь одного важнаго литературнаго открытія. Онъ открылъ русскаго солдата и офицера, того самаго, который у всѣхъ былъ на глазахъ, которымъ всѣ восхищались и о комъ, кромѣ заученныхъ фразъ, не умѣли сказать ничего путнаго. Въ самомъ дѣлѣ, когда вспомнишь, какую видную роль въ нашей политической и культурной исторіи начала XIX вѣка играло воинство, удивляешься скудости военныхъ типовъ въ нашей тогдашней литературѣ. Панегириковъ было сказано и пропѣто много, русскаго воина, одѣтаго въ римскія и средневѣковыя латы, носили на рукахъ, но никто не рѣшался заглянуть ему въ душу. Одинъ Грибоѣдовъ показалъ намъ его съ самой неприглядной стороны, и мы за фронтовикомъ, который умѣлъ лишь „скалить зубы“, забыли совсѣмъ всѣхъ тѣхъ веселыхъ, добродушныхъ, самоотверженныхъ идеалистовъ, либераловъ, образованныхъ и гуманныхъ офицеровъ,

которыхъ было такъ много въ рядахъ нашей арміи александровскаго времени; о солдатахъ же мы знали только одно, что они христолюбивы и побѣдоносны.

Марлинскій былъ первый *), который заговорилъ объ этомъ казенномъ добрѣ, какъ о предметѣ одушевленномъ, и объ его начальникахъ, какъ о людяхъ, которые умѣли командовать не только строемъ, но и собственной мыслью и чувствомъ **). Конечно, какъ писатель, избирающій совершенно новую область жизни для наблюденій, Марлинскій не достигъ полноты въ своихъ картинахъ изъ военнаго быта, и многое

---

*) До него и одновременно съ нимъ эту сторону нашей жизни пытались освѣтить Лажечниковъ, Загоскинъ и Булгаринъ. Лажечниковъ былъ слишкомъ сухъ; Загоскинъ и Булгаринъ — приторно тенденціозны. Одинъ лишь Полевой въ «Разсказахъ русскаго солдата» далъ два яркихъ очерка изъ солдатской жизни.

**) «Чтобы узнать добрый, смышленый народъ нашъ, надо жизнью пожить съ нимъ, надо его языкомъ заставить его разговориться... быть съ нимъ въ розхмѣль на престольномъ праздникѣ, ѣздить съ нимъ въ лѣсъ на медвѣдя, въ озеро за рыбой, тянуться съ нимъ въ обозѣ, драться вмѣстѣ стѣна на стѣну. А солдатъ нашъ? Какое оригинальное существо, какое святое существо, и какой чудный, дикій звѣрь съ этимъ вмѣстѣ! Какъ многогранна его дѣятельность, но какъ отличны его понятія отъ тѣхъ, подъ которыми по формѣ привыкли его рисовать! Этотъ газетный мундиръ вовсе ему не впору... Солдатъ нашъ не гренадеръ старой гвардіи, но и не Храбровъ драмъ Ѳедорова не то какъ описываютъ его старинныя пѣсни, всего менѣе пѣвунъ Ѳедора Глинки. Кто видѣлъ солдатъ только на разводѣ, тотъ ихъ не знаетъ; кто видѣлъ ихъ съ фухтелемъ въ рукѣ, тотъ ихъ и не узнаетъ никогда, хоть бы вѣкъ прослужилъ съ ними. Надо спать съ ними на одной доскѣ въ караулѣ, лежать въ морозную ночь въ секретѣ, идти грудь съ грудью на завалъ, на батарею; лежать подъ пулями въ траншеяхъ, подъ перевязкой въ лазаретѣ; да вездѣлица: ко всему этому надо геніальный взоръ, чтобы отличить перлы въ кучахъ всякаго хлама, и потомъ даръ, чтобы снизать изъ этихъ перлъ ожерелье. О! сколько разъ проклиналъ я безплодное мое воображеніе за то, что изъ столькихъ матеріаловъ, подъ рукою моей разсыпанныхъ, не могъ я состроить ничего доселѣ! Дай Богъ, чтобы время починило дырявые мои карманы, а то все занимательное высыпается изъ нихъ, словно орѣхи у школьника. Я былъ такъ счастливъ (или, пожалуй, такъ несчастливъ) что вблизи разглядѣлъ народъ нашъ и, кажется, многое угадалъ въ немъ; вопросъ: удастся ли мнѣ извлечь когда-нибудь изъ этихъ дробей знаменателя?.. Хочу и сомнѣваюсь.»[96].

въ жизни нашего воина прежнихъ лѣтъ осталось не затронутымъ и не освѣщеннымъ, частью по винѣ автора, а частью, можетъ быть, по обстоятельствамъ, отъ него независѣвшимъ. Его собственное положеніе въ обществѣ, сначала какъ офицера, затѣмъ какъ штрафного солдата, обязывало его соблюдать большую осторожность.

И всетаки Марлинскій совершилъ немалый литературный подвигъ. Въ своихъ разсказахъ онъ собралъ цѣлую галлерею военныхъ типовъ и дополнилъ ее своими автобіографическими признаніями — исповѣдью одного изъ наиболѣе образованныхъ и просвѣщенныхъ офицеровъ того времени.

Военный человѣкъ появляется у нашего автора почти во всѣхъ повѣстяхъ, и въ раннихъ, когда Марлинскій былъ правовѣрнымъ романтикомъ, и позже, когда онъ сталъ бытописателемъ современной ему жизни. Въ раннихъ повѣстяхъ этотъ типъ набросанъ довольно небрежно и освѣщенъ односторонне. Нашъ гвардейскій свѣтскій офицеръ, участникъ парадовъ, маневровъ и учебныхъ экспедицій, не имѣлъ ни времени, ни возможности изучить своего собрата, какъ подобаетъ психологу и бытописателю, и потому, говоря о немъ, онъ показывалъ его лишь въ одной очень благородной, но малохарактерной роли свѣтскаго человѣка или веселаго собутыльника.

Позднѣе, когда Марлинскому пришлось уже въ солдатской шинели испытать на себѣ всю тяжесть походной жизни, картина военной жизни въ его разсказахъ раскинулась шире и оживилась. Типъ военнаго утратилъ свое однообразіе и выигралъ въ драматизмѣ: кромѣ того, рядомъ съ офицеромъ появился и солдатъ, въ которомъ нашъ авторъ видѣлъ раньше лишь подчиненнаго, а теперь увидалъ товарища.

Въ одномъ изъ своихъ публицистическихъ и юмористическихъ очерковъ („Будочникъ-ораторъ“ 1832 г.) Марлинскій писалъ: „Когда подумаешь о терпѣніи и подчиненности нашего солдата, о его безкорыстіи, о его храбрости—онъ защищаетъ отечество снаружи, охраняетъ его внутри, лѣзетъ

въ огонь, очертя голову—когда вообразишь неутомимость трудовъ его въ походахъ и осадахъ, безстрашіе въ битвахъ: такъ уму чудно, а сердце радуется. Съ пудовымъ ранцемъ за плечами прыгаетъ онъ на стѣну, какъ серна, съ голоднымъ брюхомъ дерется, какъ левъ, на приступѣ! Нѣтъ для него горъ непроходимыхъ, нѣтъ крѣпостей неодолимыхъ. Кто измѣритъ ихъ завоеванія, сосчитаетъ подвиги, оцѣнитъ славу!—Кто?"

Нашъ авторъ не только оцѣнилъ эту славу—онъ раздѣлялъ ее съ русскимъ солдатомъ. Когда ему приходилось въ юные годы говорить о солдатѣ, онъ говорилъ о немъ скорѣе какъ литераторъ, одаренный хорошей фантазіей, чѣмъ какъ офицеръ, видавшій солдата въ дѣлѣ; и когда, напр., въ повѣсти „Латникъ" 1830 г. или въ своихъ „Вечерахъ на бивуакѣ" 1823 г. онъ разсказывалъ эпизоды изъ нашей войны съ Наполеономъ, то только благодаря своему литературному чутью умѣлъ онъ дать намъ почувствовать психологію массы, которую не видалъ на полѣ битвы. Онъ умѣлъ описать при случаѣ и битву, въ которой не участвовалъ, и тогда получалась искусная декорація, съ красиво-нарисованными на ней дѣйствующими лицами. Совсѣмъ иное впечатлѣніе производитъ солдатъ въ тѣхъ разсказахъ, которые были Марлинскимъ не только написаны, но и выстраданы, какъ, напр., въ его „Письмахъ изъ Дагестана" 1831 г.—въ этомъ живописномъ очеркѣ дербентской жизни и тѣхъ походовъ, которые гарнизонъ предпринималъ въ горы. Въ этомъ дневникѣ солдатъ—живое лицо съ живой рѣчью, и мы не только созерцатели красивой картины, а и участники очень глубокой драмы. Взять хотя бы страшную сцену осады крѣпости Бурной, обложенной войсками Кази-Муллы, когда немногочисленный гарнизонъ, отрѣзанный отъ всѣхъ русскихъ войскъ, полуизраненный и почти перебитый, ожидалъ съ минуты на минуту смерти, безъ капли воды въ крѣпости; какъ въ мѣру патетично и правдиво-страшно изображена авторомъ эта тоска въ ожиданіи гибели, эта смѣна надежды

и отчаянія и эта радость при первыхъ звукахъ дальней перестрѣлки, возвѣщающей приближеніе русскаго отряда. Ни одного пышнаго слова нѣтъ у Марлинскаго въ этомъ описаніи: все такъ просто и вмѣстѣ съ тѣмъ все такъ выдвигаетъ впередъ главнаго героя—толпу или, вѣрнѣе, горсть солдатъ, которые задержали цѣлыя полчища непріятеля. Тотъ же эффектъ при самыхъ простыхъ словахъ достигнутъ и въ описаніи осады и штурма, который выдержалъ Дербентъ, и гдѣ Марлинскій руководилъ многими вылазками. Стоитъ также перелистать описаніе похода генерала Панкратьева въ Дагестанъ въ 1831 г.,—эти корреспонденціи Марлинскаго изъ разныхъ городовъ и мѣстечекъ стоянокъ—и передъ нами цѣлая военная эпопея съ безымяннымъ героемъ, передъ которымъ блѣднѣетъ имя полководца. Появляется этотъ безымянный герой и въ непроходимыхъ ущеліяхъ, и на недоступныхъ вершинахъ, тонетъ въ снѣгу, вязнетъ въ болотахъ, не ѣстъ, не пьетъ по суткамъ, выводитъ цѣлыя стѣны подъ вражескими выстрѣлами, страдаетъ страшно, но и мститъ съ остервенѣніемъ; послѣ кроваваго пира шутитъ и поетъ онъ, этотъ герой-ребенокъ, не отдающій себѣ въ большинствѣ случаевъ отчета, зачѣмъ онъ что дѣлаетъ. Жизнь его передъ нами вся какъ на ладони, отъ момента, когда онъ рекрутъ, который, не понимая опасности, храбръ до безумія, и кончая той минутой, когда для него роютъ общую братскую могилу.

Въ повѣстяхъ Марлинскаго солдатъ говоритъ отъ своего лица рѣдко и мало и не пускается въ разсужденія, какъ у писателей, которые гонялись за „народностью“; и самъ авторъ — такъ часто многорѣчивый, — совсѣмъ не щедръ на пышныя рѣчи; тѣмъ не менѣе типъ солдата одинъ изъ самыхъ краснорѣчивыхъ и законченныхъ въ его собраніи.

То же можно сказать и про типы, взятыя авторомъ изъ интеллигентнаго круга военныхъ. Они въ повѣстяхъ Марлинскаго испытали также нѣкоторую перемѣну. Въ первыхъ разсказахъ, выдержанныхъ въ сентиментальномъ и романти-

ческомъ стилѣ, они достаточно однообразны, иногда неестественны, какъ, напримѣръ, въ повѣсти „Латникъ", гдѣ въ историческій разсказъ изъ эпохи нашествія Наполеона вплетена зачѣмъ-то полу-фантастическая легенда одной несчастной любви. Самъ латникъ, отыскивающій во французскихъ рядахъ одного польскаго графа, который обманомъ отнялъ у него возлюбленную—лицо совершенно не реальное. „Достойный гость между мертвецами", какъ его называетъ самъ авторъ, онъ—носитель какой-то роковой тайны, обреченный на смерть и совсѣмъ не на мѣстѣ среди обыкновенныхъ ротмистровъ, аудиторовъ и простыхъ русскихъ казаковъ, которые съ нимъ вмѣстѣ выбиваютъ французовъ изъ полуразрушенныхъ польскихъ замковъ. Впрочемъ, Марлинскій только одинъ этотъ разъ и погрѣшилъ противъ правды; всѣ остальные гг. офицеры его первыхъ разсказовъ—простые смертные и очень милые люди, съ которыми авторъ былъ, очевидно, коротко знакомъ въ Петербургѣ, заглядывался на однѣхъ красавицъ, пилъ изъ одного стакана и съ которыми вмѣстѣ кичился своей храбростью.

Этотъ симпатичный, незатѣйливый типъ русскаго офицера выводится въ самой обыденной обстановкѣ. Авторъ разсказываетъ либо военные анекдоты, преимущественно изъ отечественной войны двѣнадцатаго года,—анекдоты веселые и удалые, въ которыхъ его товарищъ является счастливымъ удачникомъ, либо анекдоты свѣтскіе, гдѣ храброму сыну Марса отводится роль въ большинствѣ случаевъ несчастнаго любовника или воздыхателя. Молодой смѣльчакъ, который, проголодавшись, ѣдетъ подъ видомъ парламентера во вражескій лагерь и, весело поужинавъ, благополучно возвращается домой; храбрецъ, которому „великодушная Генріэтта" выдаетъ заговоръ своихъ соотечественниковъ и который съ горстью людей импонируетъ цѣлой толпѣ, и у нея подъ носомъ вывозитъ восемь подводъ съ оружіемъ и фуражемъ; не менѣе храбрый, но еще болѣе лукавый воинъ, умѣвшій въ мирное время путемъ хитрости занять, несмотря на со-

противленіе родителей, выгодную позицію въ каретѣ рядомъ съ „несравненной Александриной“; наконецъ, длинный рядъ менѣе счастливыхъ рыцарей печальнаго и даже фатальнаго образа, людей, на смерть раненыхъ совсѣмъ не страшными легкомысленными дѣвицами, которыя неравнодушны то къ свѣтскому блеску, то, въ особенности, къ генеральскимъ эполетамъ [„Вечеръ на бивуакѣ“ 1823 г. „Второй вечеръ на бивуакѣ“ 1823 г.]—таковы не очень интересные герои, о которыхъ въ юности, еще не понюхавъ пороху, любилъ говорить Марлинскій. Насчетъ умственной стоимости этихъ милыхъ воздыхателей, повѣсъ и секундантовъ, Марлинскій, впрочемъ, не обманывался. У него для нихъ припасено было много ласковыхъ словъ, но много и юмористически-колкихъ, которыя и въ наше время не утратили своей соли.

Какъ игриво, напр., надгробное слово, которое въ одной повѣсти („Испытаніе“ 1830) говоритъ нашъ авторъ надъ „за столомъ и подъ столомъ уснувшими“ своими товарищами по оружію. „Начинаю съ тебя,—говоритъ онъ,—милый корнетъ Посвистовъ, ибо въ царствѣ мертвыхъ послѣдніе могутъ быть первыми. Да покоится твое романтическое воображеніе, которое, будучи орошено ромомъ, пылало какъ плумъ-пудингъ! Тебѣ недоставало только риѳмъ, чтобы сдѣлаться поэтомъ, котораго бы никто не понялъ, и грамматики, чтобы быть прозаикомъ, котораго бы никто не читалъ. Самъ Зевесъ ниспослалъ на тебя сонъ въ отраду ушей всѣхъ ближнихъ!.. Миръ и тебѣ, храбрый ротмистръ Ольстединъ! Ты никогда не опаздывалъ на звонъ сабель и стакановъ. Ты, который такъ затягиваешься, что не можешь сѣсть, и, натянувшись, не можешь встать! Да покоится же твое туловище, покуда звукъ трубы не призоветъ тебя къ страшному разсчету: „справа по три, и по три направо кругомъ!..“—Миръ и твоимъ усамъ, нашъ доморощенный Жомини, у котораго арміи летали, какъ журавли, и крѣпости лопали, какъ бутылки съ кислыми щами! Системы не спасли твоей операціонной линіи... Ты, палъ, ты страшно палъ, какъ Люциферъ или Наполеонъ.

съ верхняго конца въ преисподнюю подстолья!.. Долгій покой и тебѣ, кларнетистъ бе-мольной памяти, Бренчинскій, который даже собаку свою выучилъ лаять по нотамъ. Бывало, ты однимъ духомъ отдувалъ любой актъ изъ Фрейшюца, а теперь одна апликатура V. C. P. со звѣздочкой низвергла тебя, какъ прорванную волынку. И тебѣ, лордъ Байронъ мазурки, Стрепетовъ, кружившій головы дамъ неутомимостью ногъ своихъ въ вальсѣ такъ, что ни одна не покидала тебя безъ сердечнаго біенія—отъ усталости. Ты вѣчно былъ въ разладѣ съ музыкой; зато вѣчно доволенъ самъ собой. Миръ сердцу твоему, честолюбецъ Пятачковъ! Хотя ты и во снѣ хочешь перехрапѣть своихъ товарищей, и тебѣ, другъ Сусликовъ, что глядишь на меня, будто собираешься разсуждать, и, наконецъ, всѣ вы, о которыхъ такъ же трудно что-нибудь сказать, какъ вамъ что-нибудь выдумать".

Большимъ добродушіемъ отзываются всѣ слова Марлинскаго о храбрыхъ воинахъ такого порядка. Если въ его повѣстяхъ о комъ говорится съ желчью и нѣкоторымъ раздраженіемъ, такъ это о салонныхъ кавалерахъ, во мнѣніи которыхъ военный мундиръ своего рода красивый футляръ для ихъ ничѣмъ неоправданнаго самомнѣнія. Одно изъ любимыхъ положеній въ повѣстяхъ нашего автора—перестрѣлка или открытое сраженіе прямодушныхъ, даже нѣсколько грубыхъ, военныхъ людей съ такими выхоленными и блестящими собратіями по оружію. Цѣной побѣды, конечно, почти всегда—женское сердце.

По всѣмъ этимъ типамъ и профилямъ мы, само собою разумѣется, не составимъ себѣ понятія о томъ, какой общественной силой было въ тѣ годы наше военное сословіе. У Марлинскаго, — если не считать его собственныхъ признаній—отсутствуетъ самый интересный типъ этого круга, — а именно военный человѣкъ, побѣдитель запада и вмѣстѣ съ тѣмъ его плѣнникъ и ученикъ во всемъ, что не касается штыковъ и пушекъ. Въ оправданіе Марлинскаго можно, однако, сказать, что послѣ 1825 года о такомъ типѣ говорить было трудно, а нашему автору и совсѣмъ невозможно.

Съ тѣмъ бо̀льшимъ вниманіемъ остановился Марлинскій на типѣ боевого героя, котораго такъ выдвинули наши кавказскія экспедиціи. Въ „Письмахъ изъ Дагестана“, въ повѣсти „Аммалатъ Бекъ“ и въ краткомъ разсказѣ о „Подвигахъ Овечкина и Щербины за Кавказомъ“ (1834), Марлинскій пересказывалъ правдивую страничку изъ длиннаго мартиролога нашей арміи на Кавказѣ. Полковникъ Верховскій—любимецъ солдатъ и гроза непріятеля, былъ очень живо изображенъ въ „Аммалатѣ“. Полковникъ Миклашевскій штурмовалъ на нашихъ глазахъ Агачъ-Кале и умиралъ геройскою смертью („Письма изъ Дагестана“). Умиралъ ужасной смертью и поручикъ Щербина, который съ горстью солдатъ два дня отсиживался въ подожженномъ минаретѣ, пока горцы его не стащили внизъ и полумертвому и полуизжаренному не подрѣзали пятки и не вытянули жилы; штабсъ-капитанъ Овечкинъ отстаивалъ свою крѣпость противъ лезгинъ, одинъ поддерживалъ бодрость духа въ измученныхъ солдатахъ; и, исходя кровью, изнемогая отъ судорогъ, уже въ предсмертномъ оцѣпенѣніи однимъ ударомъ сбивалъ съ ногъ фельдфебеля, который заговорилъ о сдачѣ [„Подвигъ Ивана Овечкина и Щербины за Кавказомъ“ 1834 г.]. О многихъ такихъ герояхъ, слава которыхъ уже тогда шла незаслуженно на убыль, напоминалъ Марлинскій въ своихъ очеркахъ. Читая ихъ, иной разъ думаешь, что читаешь не исторію, а сказку, — такъ невѣроятно смѣлы люди, о которыхъ идетъ рѣчь, и такъ велики ихъ страданія. Но все разсказанное Марлинскимъ—правда.

Незадолго до своей смерти нашъ авторъ задумалъ написать цѣлый романъ изъ своей походной жизни. Повѣсть должна была называться „Вадимовъ“ и главный герой ея былъ не кто иной какъ самъ Александръ Александровичъ. Къ сожалѣнію, романъ остался неоконченнымъ и отъ него уцѣлѣли только отрывки... Это—очень цѣнныя страницы, и какъ матеріалъ для біографіи, и какъ образцы батальной живописи.

Въ литературѣ того времени это была первая удачная попытка развернуть передъ читателемъ детальную картину военной жизни и непосредственно подѣйствовать на его героическое или патріотическое чувство. При всей взвинченности и патетичности рѣчи — двухъ качествъ, отъ которыхъ нашему автору случалось освобождаться лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ—самый ходъ разсказа веденъ естественно и правдиво, а всѣ дѣйствующія лица полны жизни и движенія. Авторъ былъ правъ, когда въ одномъ отрывкѣ своего недописаннаго романа („Выстрѣлъ“) заставилъ военнаго человѣка негодовать на наши лубочныя картины изъ военной жизни. „Ваши батальные живописцы не знаютъ въ своемъ дѣлѣ аза въ глаза,—говоритъ Марлинскій отъ лица какого-то раскипятившагося полковника. — По мнѣ лучше суздальскія лубочныя картинки, которыя, съ тараканами и паутиной, составляютъ неизбѣжныя обои нашихъ станцій; въ нихъ, по крайней мѣрѣ, увидите вы Русь наголо; и духъ, и умѣніе, и просвѣщеніе православныхъ мужичковъ: „Страженія патъ Масквой“, „въ хотъ впаришъ“ „взатіе славной крепасти Карса съ помощью флатиліи“. Глупо, зато смѣшно, зато на этомъ лубкѣ не подписано „рисовано съ природы“. Да, сударь, я повторяю вамъ, ваши художники или не имѣютъ поэтическаго чутья выдумать сраженіе, если его не видали, или не имѣютъ души постичь поэзію битвы, если ее и видѣли“.

Марлинскій имѣлъ право говорить такъ, потому что поэзія и вмѣстѣ съ тѣмъ правда битвы и военной жизни вообще схвачены умѣло и вѣрно въ его предсмертномъ романѣ. Конечно, его батальная живопись не совершенство, не то откровеніе искусства, котораго мы дождались только послѣ Севастополя въ разсказахъ Толстого, но для своего времени такіе разсказы какъ „Осада“ и „Выстрѣлъ“ — были настоящимъ литературнымъ открытіемъ. Все въ нихъ живетъ и движется,—и одушевленные предметы, и неодушевленные.

Читая эти страницы, вы почувствуете, какъ „плѣнительно-ужасно“ поле сраженія часовъ пять послѣ дѣла, когда дымъ

улетитъ въ небо, когда боевыя страсти улягутся въ душѣ зрителя, когда мертвая тишина льется съ блескомъ мѣсяца на эту жатву судьбы, на это безгробное кладбище... Вы почувствуете даже боль отъ раны...—такъ реально изображаетъ авторъ всѣ ощущенія и впечатлѣнія битвы. Военный пылъ новичка, наростаніе храбрости, замираніе души при первомъ выстрѣлѣ—всѣ эти тонкія психическія движенія—передаются читателю, и картины боя превращаются подъ перомъ автора въ движущуюся панораму.

Въ исторіи литературы того времени батальная живопись Марлинскаго была завоеваніемъ новой области для словеснаго искусства. Кто читывалъ тогдашнія описанія битвъ и нашихъ походовъ на востокъ и западъ, тотъ съумѣетъ оцѣнить картину бородинскаго боя, вставленную Марлинскимъ въ его отрывокъ „Осада“. И регіозное настроеніе даже „вольнодумцевъ“ въ ночь передъ битвой, и необычайный задоръ передъ лицомъ, какъ казалось, непобѣдимаго врага—становятся понятны по мѣрѣ того, какъ нашъ авторъ, забывая красоты описанія, углубляется въ тайники человѣческаго сердца; онъ пытается отыскать его даже у неодушевленныхъ предметовъ: и его пушки, его батареи, дѣйствительно, и отдыхаютъ, и просыпаются, и говорятъ, и сердятся.

На фонѣ этихъ реальныхъ картинъ хорошо выдѣляются и живые люди—сѣрые люди, но вмѣстѣ съ тѣмъ настоящіе герои данной минуты. Какой-нибудь командиръ батареи, который спитъ, сидя на землѣ, опустивъ голову въ колѣна и не слышитъ, какъ ядра гудятъ въ ночномъ воздухѣ... но сонъ его—львиный сонъ и пробужденіе бываетъ страшно: тогда на всю батарею гремитъ его голосъ, отъ котораго непріятельская стѣна пустѣетъ и замолкаютъ крѣпостныя орудія—такъ враги боятся мѣткости его выстрѣловъ. И спитъ онъ передъ дѣломъ не изъ безчувствія, а потому что все у него въ исправности, потому что онъ увѣренъ въ успѣхѣ... „Широкая кровеносная жила, которая позволяетъ ему такъ же легко дышать въ пороховомъ дыму, какъ на

чистомъ воздухѣ", сдѣлала изъ него храбреца, который самъ себѣ не ставитъ въ заслугу своей храбрости. И рядомъ съ этимъ полковникомъ-прозаикомъ, который, горько плача и молясь съ отчаяніемъ въ ночь передъ Бородиномъ не забылъ осмотрѣть всѣ заряды, всѣ скорострѣльныя трубки, всякій винтъ на лафетѣ—стоитъ тутъ же на батареѣ молодой мечтатель, задумчивый офицеръ, и мечты его далеки отъ этого мѣста ужаса; онъ весь полонъ одной мечтой, мечтой о *ней* и все, и задумчивость его, и слова, и даже отвага выдаютъ его тайну... Нѣсколько поодаль отъ нихъ стоитъ какой-то высокій, худощавый человѣкъ лѣтъ 50-ти: онъ весь погруженъ въ свои думы, взоры его перелетаютъ и за горы, и за моря; они исчезаютъ въ пространствѣ и тонутъ въ будущемъ. Среди всѣхъ онъ выдѣляется своимъ страннымъ костюмомъ, своимъ живописно на плечахъ брошеннымъ чернымъ плащемъ, подбитымъ малиновымъ бархатомъ... очевидно, волонтеръ, или искатель приключеній... и тутъ же около него молодой, вѣроятно, только-что произведенный офицеръ, который обижается, когда ему говорятъ: „посторонитесь, въ васъ цѣлятъ" и нарочно поднимаетъ голову надъ грудной обороной, чтобы тутъ же упасть мертвымъ подъ ударомъ ядра... И, наконецъ, на почтительномъ разстояніи, вдали адъютантъ, который машетъ фуражкой и кричитъ, чтобы открывали огонь и готовились къ приступу...

Всѣ такія сценки и бѣгло набросанные типы, конечно, эскизы и этюды. но когда ихъ много, то получается цѣлая картина. Она, какъ мы видѣли, далеко не исчерпываетъ всѣхъ характерныхъ оттѣнковъ того круга жизни, который она изображаетъ, но этотъ недостатокъ вознаграждается тѣмъ, что въ военныхъ разсказахъ Марлинскаго читатель имѣетъ несомнѣнно правдивое и яркое отраженіе самой жизни. Въ исторіи русскаго реальнаго романа они займутъ свое мѣсто, какъ первые опыты еще не опредѣлившагося вполнѣ таланта, который, любя въ жизни романтически-эффектное и необычайное, начинаетъ внимательно пригляды-

ваться къ тому, что въ ней есть характернаго и человѣчнаго, хотя бы подъ самой простой и прозаической оболочкой. Этотъ поворотъ нашего романтика къ реализму замѣтенъ и въ тѣхъ его повѣстяхъ, въ которыхъ онъ по памяти возстановляетъ хорошо ему извѣстную жизнь свѣтскаго круга.

XIX.

Александръ Александровичъ былъ довольно строгій обличитель того общественнаго круга, къ которому самъ принадлежалъ, т.-е. круга свѣтскаго; и какъ почти всѣ наши моралисты того времени, онъ самъ былъ весьма неравнодушенъ къ его приманкамъ. Въ юные годы онъ блисталъ въ немъ своимъ умомъ и эполетами; и любилъ, чтобы этотъ блескъ отражался въ глазахъ прелестной собесѣдницы; онъ не прощалъ ей ни старомоднаго платья или неграціозной позы, ни мало обдуманной прически... но что онъ ей прощалъ навѣрное, такъ это — ея кокетство, въ поведеніи и въ рѣчахъ—единственное оружіе, какимъ она располагала въ неравной борьбѣ съ нимъ, который, быть можетъ, въ первый же день знакомства, принимался за осаду или готовился къ приступу.

Тѣмъ не менѣе въ своихъ повѣстяхъ Марлинскій порицалъ довольно откровенно всѣ приманки чисто внѣшней красоты, всю мишуру свѣтскихъ разговоровъ и не щадилъ кокетливыхъ душъ, съ которыми въ жизни любилъ заигрывать. Онъ въ данномъ случаѣ поступалъ какъ почти всѣ наши романтики, которые причисляли себя къ проповѣдникамъ непринужденности и естественности, вѣшали на стѣнку портреты Руссо, даже читали его сочиненія, и думали, что перепечатывать его мысли значитъ продолжать его дѣло.

Въ виду этого обличительная тенденція въ свѣтскихъ повѣстяхъ Марлинскаго едва ли можетъ быть признана

большой общественной заслугой; она заслуга литературная,— хорошій образецъ довольно невиннаго, но игриваго юмора. Авторъ, впрочемъ, не злоупотреблялъ этимъ даромъ и рѣдко, лишь умѣстно, вставлялъ въ свой разсказъ такія юмористическія картинки изъ царства свѣтскихъ призраковъ. Онъ въ общемъ предпочиталъ элегическій минорный тонъ—разсказывалъ ли онъ о какой-нибудь несчастной Софи, которая въ 17 лѣтъ, глядя на часы, думала „какъ они отстаютъ", и затѣмъ въ 23 года говорила „не вѣрьте имъ: они спѣшатъ"— несчастной Софи, съ золотыми цѣпями на рукахъ, углубленной отъ скуки въ чтеніе „исторіи герцоговъ Бургундскихъ", увядающей кокеткѣ, сначала равнодушной къ комплиментамъ, когда они казались ей должной данью, теперь ожидающей ихъ, когда они стали подаркомъ [„Часы и зеркало" 1832 г.]—или опубликовывалъ переписку какого-нибудь неистоваго ревнивца, который изъ ложнаго честолюбія, изъ свѣтскаго самовлюбленія, убилъ на дуэли благороднаго, великодушнаго Эраста за то, что онъ, не считаясь съ его раскаленными взорами, полюбилъ прелестную Адель, не совсѣмъ устойчивую въ своихъ симпатіяхъ [„Романъ въ семи письмахъ" 1824].

„Обаятельна атмосфера большого свѣта,—признавался Марлинскій,—лепетъ гостиныхъ игривъ какъ музыка Россини", и, дѣйствительно, нѣкоторыя страницы въ повѣстяхъ Марлинскаго напоминаютъ легкія и граціозныя мелодіи итальянскаго композитора.

Какой-нибудь салонный разговоръ на балу перелетаетъ на нашихъ глазахъ изъ одного угла залы въ другой, веселый и быстрый, со вспышками остроумія, касаясь разныхъ серьезныхъ вопросовъ, ни одного не рѣшая и по всѣмъ скользя—разговоръ, который въ сущности есть словесный турниръ, испытаніе находчивости и остроумія, иногда злорѣчія двухъ лицъ, и почти всегда кокетства. [Отрывокъ „Месть" 1834—1837 г.].

Случается, что такой салонный разговоръ бьетъ больно

по самолюбію какого-нибудь мечтателя, который „ищетъ въ освѣщенныхъ гостиныхъ настоящаго свѣта и не замѣчаетъ, что скользкій паркетъ вылощенъ причудливыми условіями и потолокъ расписанъ картинками модъ", который не предчувствуетъ, что посѣщенія „отнимутъ у него его мирный уголокъ, что его любовь будетъ отравлена догадками, что насмѣшка отвѣтъ взаимность"... Безжалостенъ свѣтъ ко всѣмъ, кто дерзнетъ въ немъ заявить о правахъ своей личности. Сильная личность, которой иногда на словахъ расточаютъ похвалы, о которой говорятъ съ подобающими восклицаніями, когда хотятъ воскресить, оживить умолкающій и вялый разговоръ, она—мишень для клеветы и сплетень; ея сосѣдства не потерпятъ, если только она чѣмъ нибудь погрѣшитъ противъ свода условныхъ законовъ свѣтскаго приличія.

Трагическую судьбу такой сильной личности, борющейся съ условнымъ свѣтскимъ мнѣніемъ, разсказалъ Марлинскій въ одномъ изъ лучшихъ своихъ разсказовъ „Фрегатъ Надежда" (1832).

„Я чувствую, что въ моей чернильницѣ было мое сердце—говорилъ про эту повѣсть авторъ въ одномъ частномъ письмѣ,—любовь и море, двѣ мои любимыя стихіи, на сценѣ: я разгулялся". Повѣсть, дѣйствительно, написана въ очень ускоренномъ темпѣ, и среди всѣхъ повѣстей Марлинскаго самая бурная. Сюжетъ ея простъ и даже для своего времени достаточно обыченъ. Это разсказъ о любви, бросившей перчатку свѣтскимъ приличіямъ,—тѣмъ самымъ приличіямъ, которыя умѣютъ подчасъ маскировать такъ искусно все свое неприличіе. „Безхарактерный, ледяной свѣтъ, въ которомъ подъ словомъ не дороешься мысли, какъ подъ орденами—сердца, свѣтъ, это сборище пустыхъ и самовлюбленныхъ людей,—пещеръ, съ отголоскомъ, повторяющимъ сто разъ слово „я", это—сборище живописныхъ развалинъ, обломковъ китайской стѣны, готическихъ башенъ, изъ которыхъ предразсудки выглядываютъ какъ совы... свѣтъ, у котораго благодаря евро-

пейскому просвѣщенію и столичному удобству всѣ репутаціи такъ же круглы и бѣлы, какъ бильярдные шары—по какому бы сукну онѣ ни катились"... этотъ свѣтъ служитъ въ повѣсти Марлинскаго сѣрымъ фономъ для двухъ яркихъ фигуръ, которыя на немъ отчетливо выдѣляются. Одна изъ нихъ мужская, другая—женская. Обѣ—выраженіе протеста противъ всякой условности. Капитанъ фрегата—Правинъ, на сторонѣ котораго всѣ симпатіи автора,—образецъ прямодушной смѣлости въ рѣчахъ и поступкахъ, остраго саркастическаго ума и необычайно пылкаго сердца. Онъ истинный сынъ свободной стихіи, которую онъ обуздываетъ своей смѣлостью и своей любовью. Онъ сродни ей: какъ буря бушуетъ въ немъ страсть, какъ вихрь порывистъ онъ въ мысляхъ, и затихаетъ онъ какъ штиль на морѣ передъ опасностью и передъ рѣшительнымъ шагомъ. Правинъ—львиной храбрости; въ страшный штормъ несется онъ на своей шлюпкѣ, самъ бросается въ море, чтобы спасти утопающаго матроса. По образу мыслей своихъ онъ большой демократъ: онъ желаетъ, чтобы каждому человѣку въ обществѣ было отмѣрено по заслугамъ, чтобы не было привиллегій безъ соотвѣтствующаго оправданія: онъ рѣзкій обличитель посредственности и эгоизма, разгуливающихъ по паркетнымъ поламъ; онъ непріятный собесѣдникъ, умѣющій и любящій наступать другимъ на мозоли—когда видитъ, что они эту мозоль считаютъ особымъ знакомъ отличія и преимущества. Правинъ къ тому же просвѣщенный патріотъ—„онъ не выноситъ тѣхъ гостиныхъ, гдѣ отъ собачки до хозяина дома все нерусское и въ нарѣчіи и въ пріемахъ, гдѣ наши баре разсуждаютъ, какъ была одѣта любовница Ротшильда на послѣднемъ раутѣ въ Лондонѣ, гдѣ они получаютъ телеграфическія депеши о привозѣ свѣжихъ устрицъ, а, если ихъ спросятъ, чѣмъ живетъ Вологодская губернія, отвѣчаютъ: Je ne saurais vous le dire au juste, у меня нѣтъ тамъ помѣстьевъ".

Капитанъ, не смотря на свою мѣшковатость и необтесанность, былъ страшенъ всѣмъ такимъ выхоленнымъ людямъ:

сначала они глумились надъ нимъ, затѣмъ стали бояться; но нашлось среди нихъ сердце, которое его полюбило. Правда, княгиня Вѣра, кумиръ свѣтской молодежи и звѣзда многихъ гостиныхъ и залъ, не сразу увлеклась нашимъ героемъ. „Она противилась,—говоритъ нашъ авторъ,—какъ порохъ, смоченный небесною росой, противится искрамъ огнива: сотни ударовъ напрасны, но каждый ударъ сушитъ зерна пороха, и близокъ часъ, когда онъ вспыхнетъ"... Онъ и вспыхнулъ... и бурный капитанъ и нѣжная княгиня погибли отъ этой вспышки. Капитанъ загорѣлся любовью, какъ отъ молніи, предался ей, какъ дикарь .. „Океанъ взлелѣялъ и сохранилъ его дѣвственное сердце, какъ многоцѣнный перлъ—и его то за милый взглядъ бросилъ онъ, подобно Клеопатрѣ въ уксусъ страсти. Оно должно было распуститься въ немъ все, все безъ остатка". Случилось даже хуже: капитанъ измѣнилъ долгу службы и въ критическій моментъ, въ минуту опасности, покинулъ свой фрегатъ, чтобы ночью въ безстрашной шлюпкѣ уплыть на свиданіе съ княгиней. Они жестоко поплатились за эту ночь упоенья; предъ ними какъ призракъ выросъ обманутый мужъ и Правинъ даже не могъ продолжать на пистолетахъ прерваннаго любовнаго разговора, такъ какъ старый князь подавилъ его презрѣніемъ и вызова на принялъ. Старикъ какъ будто угадывалъ, что за него отомстимъ другое существо, любящее и также оскорбленное—и море отомстило. Оно чуть не потопило невинный фрегатъ, и когда на разсвѣтѣ, капитанъ, услыша печальные пушечные выстрѣлы, бросился спасать свой корабль, онъ потерялъ половину матросовъ, съ которыми уплылъ наканунѣ, и самъ былъ смертельно раненъ, когда его шлюпка разбилась въ дребезги о бортъ фрегата. Онъ умеръ, умерла и княгиня Вѣра послѣ долгихъ страданій, всѣми брошенная жертва свѣтскихъ разсказовъ и пересудовъ.

Разсказъ драматичный, какъ видимъ, но не этотъ драматизмъ составляетъ главное достоинство повѣсти. Она при всей романтичности замысла сильна своимъ реализмомъ.

Сколько живыхъ и типичныхъ лицъ изъ общей сѣрой свѣтской массы заставилъ авторъ двигаться и болтать въ разныхъ гостиныхъ, залахъ, ресторанахъ, пока капитанъ ухаживалъ за своей Вѣрой. Большинство изъ нихъ—военные свѣтскаго покроя, начиная съ храбрыхъ, кончая трусами, съ интересныхъ, кончая скучными, начиная съ тѣхъ, при которыхъ дамы падаютъ въ обморокъ, кончая такими, которыхъ шелестъ дамскаго платья изъ живыхъ и говорливыхъ превращаетъ въ безсловесныхъ и неодушевленныхъ отъ избытка души. „Фрегатъ Надежда“ одинъ изъ лучшихъ свѣтскихъ романовъ того времени, и вмѣстѣ съ тѣмъ родоначальникъ цѣлаго ряда разсказовъ и повѣстей изъ матросской жизни.

Корабль и море были издавна любимой темой нашихъ романтиковъ, которые позволяли себѣ, однако, надъ свободной стихіей большое насиліе и смотрѣли на волны, снасти, паруса и матросовъ какъ на фонъ и детали картины, на которой должна была рельефно выступить одна единственная центральная фигура—образъ самого разсказчика съ его мечтами о житейской пучинѣ, бурныхъ страстяхъ, вихрѣ порывовъ или, наоборотъ, съ мечтою объ отмеляхъ жизни, сердечномъ затишьи и безвѣтріи желаній. И Марлинскій нерѣдко садился на корабль или приходилъ на берегъ моря не столько затѣмъ, чтобы любоваться природой, сколько затѣмъ, чтобы она имъ полюбовалась. Но въ повѣсти „Фрегатъ Надежда“ онъ не злоупотребилъ этимъ правомъ романтика, и въ плаваніи отъ Кронштадта до береговъ Девоншира, гдѣ погибъ капитанъ Правинъ, велъ себя скромно, разсказывая печальную исторію своего начальника. И повѣсть эта уцѣлѣла при общемъ крушеніи цѣлой массы романтическихъ разсказовъ о морякахъ. Цѣлый рядъ разнообразныхъ колоритныхъ страницъ изъ жизни самого моря, которое на нашихъ глазахъ живетъ и дышетъ, спитъ, улыбается, рѣзвится, предостерегаетъ, сердится и бушуетъ; страницы, полныя повседневныхъ замѣтокъ и рапортовъ о состояніи фре-

гата, съ удивительнымъ знаніемъ всей его анатоміи и физіологіи, и съ рѣдкимъ умѣніемъ вложить въ неодушевленный предметъ очень сложную душу; наконецъ, цѣлый альбомъ типовъ и силуэтовъ, срисованныхъ съ офицеровъ и солдатъ, людей очень простодушныхъ, добрыхъ, смѣлыхъ и откровенныхъ,—все придастъ „Фрегату Надеждѣ“ значеніе памятника, который можетъ пояснить намъ психическую жизнь цѣлаго круга людей, а не только душу самого наблюдателя.

Для своего времени эта повѣсть открывала новый литературный горизонтъ, оставаясь по своему замыслу сентиментально-дидактической, такъ какъ авторъ, изображая простоту и сердечность людей, плавающихъ по настоящему морю, имѣлъ всетаки въ виду кольнуть тѣхъ, которые лавируютъ въ разныхъ мелкихъ водахъ жизни свѣтской.

Впрочемъ, Марлинскій былъ человѣкъ справедливый, и есть у него одна повѣсть, въ которой онъ сказалъ и много хорошаго о свѣтскомъ кругѣ. Эта повѣсть озаглавлена „Испытаніе“ (1830) *). Сюжетъ ея необычайно простъ. Одинъ бравый офицеръ, удержанный службой далеко отъ столицы, поручаетъ своему другу въ Петербургѣ испытать вѣрность дамы своего сердца. Эта дама—породы кошачей, хотя и не львица. Молодой человѣкъ, отправляясь въ такую опасную экспедицію, выговариваетъ однако, что если онъ, при этомъ испытаніи женской вѣрности, самъ утратитъ свое сердце или нечаянно завоюетъ сердце прелестной Алины, то его другъ не будетъ имѣть права на него сердиться. Предосторожность эта была не лишней: Алина, дѣйствительно, не устояла, хотя

*) По словамъ Греча это была первая повѣсть, которую прислалъ Бестужевъ для напечатанія. Она была прислана изъ Дербента навернутая на деревянную палку, зашитая въ холстѣ безъ всякаго письма. Повѣсть была переписана писарскою рукою и только на тетради рукою Бестужева сдѣлана была на нѣмецкомъ языкѣ приписка безъ подписи; онъ посылалъ поклонъ женѣ Ѳ. Булгарина, съ которою до ссылки былъ очень друженъ и близокъ. Гречъ по слогу тотчасъ узналъ, кто авторъ повѣсти и съ особаго разрѣшенія, впрочемъ безъ имени и псевдонима автора, напечаталъ ее въ издаваемомъ имъ тогда «Сынѣ Отечества»[97].

на этотъ разъ ея искуситель и былъ человѣкъ съ довольно скромными потребностями и вкусами, большой любитель деревенской жизни и совсѣмъ не паркетный кавалеръ. Не выдержалъ своей роли и тотъ другъ, который разрѣшилъ нашему счастливцу свободный набѣгъ на свои обезпеченныя, какъ онъ думалъ владѣнья; онъ воспылалъ ревностью и счелъ себя обиженнымъ. Онъ прилетѣлъ въ столицу чинить судъ и расправу надъ невѣрной и надъ измѣнникомъ-другомъ, велъ себя буйно, вызвалъ товарища на дуэль и чуть-чуть не закончилъ этой веселой исторіи трагично. Но на самомъ мѣстѣ поединка онъ стоялъ уже самъ на смерть раненый сестрой своего противника. Онъ покинулъ эту сестру ребенкомъ, а теперь встрѣтилъ взрослой дѣвицей институткой, невиннымъ ангеломъ, который наивно спрашивалъ „развѣ пѣтухъ не братъ курицы?“, но тѣмъ не менѣе читалъ Шиллера и надъ нимъ плакалъ Когда на мѣсто поединка невзначай пріѣхала эта дѣвица, чтобы стать между своимъ братомъ и его другомъ—къ которому и она питала не одни лишь христіанскія чувства—спорить было уже не о чемъ. Разсерженный другъ былъ вполнѣ вознагражденъ за свою утрату, а Анина вышла замужъ за своего скромнаго ухаживателя, который и увезъ ее въ деревню, чтобы тамъ работать на благо и пользу своихъ крестьянъ.

Пустой анекдотъ, но онъ разсказанъ Марлинскимъ очень живо. Много тонкихъ психологическихъ наблюденій надъ душой свѣтскаго человѣка, который никакъ не можетъ помирить условности своихъ сужденій съ живымъ чувствомъ; яркій типъ крѣпостного слуги, по праву любви ставшаго членомъ семьи; очень живой и вѣрный типъ институтки; тайники души свѣтской дамы, которая рѣшается покинуть мишурный блескъ свѣта ради скромнаго дѣла—таковы цѣнныя детали повѣсти.

Во всѣхъ этихъ свѣтскихъ повѣстяхъ Марлинскій не свободенъ отъ моральной тенденціи, но она не навязывается

читателю и позволяетъ перелистать эти странички безъ скуки.

У нашего автора есть, впрочемъ, одна повѣсть, которая не нуждается ни въ какихъ оговоркахъ—лучшая изъ его повѣстей въ смыслѣ выполненія. Къ сожалѣнію, она не была имъ окончена, но и въ тѣхъ клочкахъ, которые отъ нея остались, видна рука мастера. Она носитъ романтичное заглавіе — „Поволжскіе разбойники (1834)“ хотя въ сущности она картинка современныхъ нравовъ.

Дѣйствіе происходитъ въ 1821 году и съ участниками его, россійскими дворянами помѣщиками, мы знакомимся на короткій мигъ—въ веселый день ихъ псовой охоты. Старинный одноярусный барскій домъ съ неопрятными службами—жилищемъ безчисленной дворни, съ разбитыми стеклами, залѣпленными писаной бумагой, въ другомъ мѣстѣ заткнутыми рубашкой, у которой рукава развѣваются по вѣтру... голубятня, около которой прогуливаются стада чистыхъ и плюмажныхъ, мохнатыхъ и египетскихъ „символовъ вѣрности“, потому что между уѣзднымъ дворянствомъ искусство гонять голубей непремѣнно входитъ въ составъ воспитанія недорослей; на шестѣ флагъ съ гербомъ въ знакъ присутствія хозяина; на дворѣ большое движеніе; толпа слугъ, псарей, доѣзжачихъ и кучеровъ... гончія и борзыя собаки, - это крайнее звено дворянской челяди... босоногіе мальчишки въ однѣхъ рубашкахъ и въ отцовскихъ шапкахъ, падающихъ имъ на плечи... Совсѣмъ реальная жанровая картинка, до деталей списанная съ натуры. И самъ хозяинъ живой портретъ изъ старинной фамильной галлереи. Настоящій русскій помѣщикъ стараго вѣка, человѣкъ, понятія котораго заключались его уѣздомъ, а честолюбіе борзыми собаками, онъ, отслуживъ сержантомъ, заблагоразсудилъ, что ему довольно и капитанскаго чина для пуганія зайцевъ. Каждый день тучное его туловище прокатывалось четверней въ дрожкахъ по работамъ, о которыхъ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія и каждую порошу садился онъ на лошадь,

чтобы отхлопывать звѣрьковъ отъ своихъ удалыхъ собакъ. Въ остальное время зимы онъ, вмѣсто музыки, слушая ворчанье дражайшей своей половины, пускалъ табачный дымъ колечками или игралъ въ шашки съ ловчимъ на воду, заставляя бѣднягу тянуть эту невинную влагу стаканами не только за каждымъ проигрышемъ, но за каждымъ фукомъ. Зѣвалъ онъ по-утру оттого, что недавно проснулся, а ввечеру оттого, что пора спать...

Но осенью это царство дворянской сонливости просыпалось. Хозяинъ отправлялся въ походъ: сѣти, силки, стрѣлы и зубы вездѣ сторожили несчастныхъ гостей водъ и лѣсовъ. Къ помѣщику съѣзжались сосѣди, составляли наступательные союзы и, соединивъ свои войска, отправлялись въ походъ, въ отъѣзжее поле—походъ, правду сказать, гораздо опаснѣйшій для крестьянскихъ красавицъ, для изгородъ и лѣсовъ, чѣмъ для самого пушистаго племени.

Съ приготовленіями къ такому походу и знакомитъ насъ Марлинскій въ своей повѣсти. Двумя-тремя штрихами набрасываетъ онъ нѣсколько портретовъ этихъ старинныхъ воинственныхъ обывателей усадьбы, воюющихъ со скукой... Онъ срисовываетъ ихъ разгоряченныя и живыя лица, какъ они рисуются вокругъ стола, на которомъ сверкаетъ серебряный тазъ, и въ немъ сахарная голова въ волнахъ зажженаго рома. Всѣмъ имъ тѣсно на собственной землѣ и очень бы хотѣлось поохотиться на островахъ ихъ сосѣда. Но этотъ сосѣдъ не подошелъ подъ ихъ масть. Охоту считалъ онъ пустой забавой и для нея не хотѣлъ топтать крестьянскую озимь, не хотѣлъ травить овецъ собаками и палить лѣсъ отъ ночлеговъ... На описаніи сенсаціи, которую производитъ этотъ чудакъ „вольнодумецъ“ среди дворянской братьи и на умыслѣ проучить его какой-нибудь кляузой — обрывается разсказъ нашего автора, къ большой досадѣ читателя.

Какъ бы ни былъ кратокъ отрывокъ этой повѣсти, онъ дополнятъ другіе очерки Марлинскаго и показываетъ, что

нашъ писатель былъ у себя дома и въ гостиныхъ столичныхъ, и въ помѣщичьей усадьбѣ. Вообще въ своихъ повѣстяхъ изъ свѣтской и дворянской жизни нашъ авторъ обнаружилъ большую сноровку письма, которая его, романтика, приближала къ настоящимъ бытописателямъ. Свѣтскій кругъ, съ его блестящей мишурной стороной и съ его безспорной культурностью, общество столичное и деревенское, статское и военное, мужское и, въ особенности, женское, было изображено Марлинскимъ безъ прикрасъ, хотя и безъ особенной глубины пониманія тѣхъ соціальныхъ условій, при которыхъ оно выросло и слагалось. Но для тридцатыхъ годовъ, когда въ литературѣ, любившей говорить объ этихъ свѣтскихъ кругахъ, торжествовали въ большинствѣ случаевъ общіе условные типы благородныхъ резонеровъ, скучающихъ дэнди, сварливыхъ старухъ, молодыхъ кокетокъ и вѣтренницъ — такіе съ натуры писанные, хотя бы недорисованные портреты, какіе давалъ Марлинскій, были находкой. Въ данномъ случаѣ онъ былъ предшественникомъ Лермонтова, котораго онъ опередилъ и какъ жанристъ, странствующій по Кавказу.

Повѣсти Марлинскаго предвѣщали разсвѣтъ реальнаго романа въ нашей литературѣ.

Когда въ сочиненіяхъ его встрѣчаешь страницы, съ которыхъ на насъ смотрятъ какіе-нибудь оригиналы и чудаки [„Военный Антикваріи“ 1829 г.], напоминающіе намъ, однако, нашихъ знакомыхъ, или когда видишь, какъ этотъ романтикъ умѣетъ совершенно естественно говорить и пьяной уличной рѣчью, и столь же типичной рѣчью охранителя порядка [„Будочникъ-ораторъ“ 1832 г.], или когда вмѣстѣ съ нимъ попадаешь на какой-нибудь Кавказскій почтовый трактъ и лицомъ къ лицу встрѣчаешься съ урядникомъ, который и до сего времени не измѣнилъ своей физіономіи [„Путь до города Кубы“ 1832 г.], — то жалѣешь, что писатель мало имѣлъ времени развить въ себѣ это умѣнье интересоваться сѣрой будничной стороной жизни. Есть у Марлинскаго, впро-

чемъ, двѣ повѣсти, въ которыхъ его талантъ бытописателя достигъ значительной зрѣлости.

Повѣсть „Мореходъ Никитинъ“ (1834) пользовалась въ свое время широкой извѣстностью, и вполнѣ заслуженно.

Это—разсказъ, кажется не вымышленный, о подвигѣ одного русскаго купца Савелія Никитина, который въ 1811 году, выѣхавъ на простомъ карбасѣ по своимъ торговымъ дѣламъ, захватилъ въ Бѣломъ морѣ англійскій каперъ и привелъ его въ Архангельскъ, за что и былъ награжденъ военнымъ орденомъ и—рукой Катерины Петровны, добавляетъ авторъ, ради которой собственно Никитинъ и предпринялъ свое плаваніе, такъ какъ хотѣлъ поправить свое финансовое положеніе, которое его будущему тестю не особенно нравилось.

На морѣ Никитинъ попалъ сначала подъ ударъ разбушевавшейся стихіи, которая чуть не разбила въ щепы его карбасъ, а затѣмъ подъ удары непріятельскихъ англійскихъ пушекъ, которыя, дѣйствительно, карбасъ и потопили. Никитинъ и его товарищи были взяты на каперъ и здѣсь, когда однажды ночью весь экипажъ ушелъ на покой, они перебили дежурныхъ и заклепали спускъ въ трапъ,—и англичане очутились ихъ плѣнниками. Съ этой неожиданной добычей они и вернулись на родину.

Достоинство разсказа не въ изложеніи самой фабулы, а въ передачѣ настроенія и тѣхъ сложныхъ чувствъ, которыя волновали участниковъ этого приключенія: веселаго, смѣтливаго, простодушнаго и рѣшительнаго купца и его товарищей:—стараго моряка, который любилъ шутить съ ураганами, не просоленаго новобранца, котораго они съ собой взяли, и еще одного коренастаго морехода съ физіономіей, „какія отливаетъ природа тысячами для вседневнаго расхода“. Вся эта простецкая компанія переживаетъ очень сложную душевную драму сначала во время бури, потомъ въ моментъ плѣна и, наконецъ, въ минуту торжества. Обычное нашимъ сантименталистамъ стремленіе преувеличивать русскую удаль или особенно восторженно оттѣнять вѣру русскаго человѣка въ

Бога въ минуту опасности — не внесла никакой фальши въ разсказъ Марлинскаго. Неизвѣстно откуда явилась у него способность говорить естественной простонародной рѣчью, не щеголяя на этотъ разъ своимъ краснорѣчіемъ, и въ этихъ нѣсняхъ, разсказахъ и разговорахъ мужиковъ о святыхъ угодникахъ соловецкихъ, и о чудесахъ и ужасахъ той стихіи, которая охраняетъ ихъ обитель — возстаетъ передъ нами, дѣйствительно, міросозерцаніе русскихъ простыхъ людей, неподдѣльно благочестивыхъ, суевѣрныхъ и готовыхъ бороться съ любой опасностью, встрѣчающей ихъ на порогѣ жизни и провожающей ихъ въ могилу. Марлинскій въ этой повѣсти рѣшилъ для того времени очень трудную задачу: онъ набросалъ вполнѣ реальный жанровый этюдъ съ четырьмя простонародными физіономіями, другъ отъ друга отличными, которыя къ тому же ни малѣйшаго сходства съ его собственной не имѣли.

Большую технику какъ реалистъ обнаружилъ нашъ авторъ и въ разсказѣ „Лейтенантъ Бѣлозоръ“ (1831), единственной повѣсти изъ нерусскаго быта, которая поднялась выше общаго литературнаго ординара того времени. Наши старые романисты не страшились избирать героями своихъ разсказовъ иностранцевъ, съ жизнью которыхъ они были знакомы только по наслышкѣ; но по рѣчамъ и по поведенію всѣхъ этихъ нѣмецкихъ буршевъ и чиновниковъ, французскихъ вивёровъ и ихъ подругъ, англійскихъ степенныхъ банкировъ и итальянскихъ художниковъ, которые появлялись въ русскихъ повѣстяхъ, видно было, что они родились гдѣ-нибудь на Москвѣ-рѣкѣ или на Фонтанкѣ. Марлинскій тоже не имѣлъ случая изучать иностранцевъ на мѣстахъ ихъ жительства, но талантъ его выручилъ.

„Лейтенантъ Бѣлозоръ“ — историческій разсказъ изъ нашей войны съ Наполеономъ. Русскій офицеръ, блокировавшій на своемъ кораблѣ „Не тронь меня“ французскій флотъ при Флессингенѣ, сталъ героемъ очень любопытныхъ похожденій. Желая во время сильной бури оказать помощь

экипажу одного утонавшаго корабля — безстрашный лейтенантъ съ маленькой командой исчезъ на своей шлюпкѣ въ брызгахъ и пѣнѣ: утонавшихъ онъ не спасъ, но самъ чуть не погибъ, и вмѣстѣ съ товарищами былъ выброшенъ на голландскій берегъ, который былъ занятъ тогда французами. Здѣсь въ первую же ночь, отыскивая ночлегъ и убѣжище отъ непріятеля, онъ попалъ на мельницу, которую грабили французскіе мародеры. Съ истинно русской отвагой прогналъ онъ этихъ негодяевъ и спасъ хозяина мельницы – богатѣйшаго голландскаго купца Саарвайерзена и его милѣйшую дочку Жанни. Въ благодарность за освобожденіе хозяинъ увезъ офицера на свою виллу, гдѣ была чудесная оранжерея и въ ней чудесные цвѣты, къ которымъ Жанни питала большую страсть; офицеръ не особенно интересовался ботаникой, но заходилъ въ оранжерею часто; однажды, и онъ, и Жанни, выйдя оттуда, заявили родителямъ, что разставаться не желаютъ. Старикъ, который очень полюбилъ своего гостя, какъ практичный человѣкъ, сообразилъ, что жениху все-таки прежде всего нужно перейти на легальное положеніе. Онъ предложилъ ему вернуться на свой корабль тѣмъ болѣе, что до французскяго правительства уже дошли слухи о томъ, что онъ—почтенный коммерсантъ — прикрываетъ у себя на дому непріятеля. Слухи эти пустилъ одинъ французскій пьяный капитанъ, который самохвальствомъ и враньемъ хотѣлъ плѣнить сердце Жанни, но былъ довольно неучтиво высаженъ изъ дому. Лейтенанту пришлось пріискивать способъ, чтобы поскорѣй вернуться на корабль, такъ какъ приказъ объ арестѣ его хозяина былъ уже подписанъ. Послѣ разныхъ приключеній весьма романтическаго свойства, ему удалось, наконецъ, отчалить ночью на французской лодкѣ, экипажъ которой онъ вмѣстѣ съ своими матросиками перевязалъ и положилъ на дно лодки въ видѣ балласта. Такъ какъ въ эту же ночь и прелестная Жанни очутилась на берегу одна, преслѣдуемая французскими солдатами, то пришлось взять и ее въ лодку, и нашъ лейтенантъ долженъ былъ, совсѣмъ

для себя неожиданно, предстать передъ очи начальства со спутникомъ, присутствіе котораго закономъ военнаго времени не оправдывалось. Плывя съ невѣстой по морю, нашъ лейтенантъ мимоходомъ успѣлъ совершить и еще одинъ геройскій подвигъ. Онъ хитростью захватилъ непріятельскую французскую брандвахту, заперъ ея экипажъ въ трюмѣ и, какъ мореходъ Никитинъ, вернулся къ своимъ съ этой добычей, хотя самъ чуть-чуть не былъ разстрѣлянъ, такъ какъ брандвахту, на которой онъ ѣхалъ, приняли за непріятельскій брандеръ. Все, впрочемъ, окончилось къ общему благополучію; капитанъ корабля „Не тронь меня", прочиталъ подобающую нотацію лейтенанту, но въ эту же ночь поставилъ его и Жанни къ брачному аналою. Черезъ нѣсколько дней ихъ на англійскомъ берегу встрѣтилъ Сварвайерзенъ, и съ удовольствіемъ повторяя свою излюбленную поговорку „два аршина съ четвертью", развязалъ свой кошелекъ. Спустя нѣсколько лѣтъ ихъ встрѣтилъ и Марлинскій уже въ Кронштадтѣ: Жанни была полная дама, съ ней былъ ея сынишка, она встрѣчала фрегатъ „Амфитриду", на которомъ возвращался домой ея мужъ, уже не лейтенантъ, а капитанъ 2-го ранга.

Рѣдкая повѣсть тѣхъ лѣтъ читается съ такимъ интересомъ, какъ эта, и въ свое время она была встрѣчена всеобщими похвалами. Русскіе типы въ ней хороши, въ особенности типы солдатъ, на этотъ разъ очень разговорчивыхъ; но еще лучше—типы голландскіе. Всѣ страницы разсказа, на которыхъ авторъ описываетъ внутреннюю домашнюю жизнь богатой купеческой голландской семьи, жизнь въ городѣ, на заводѣ, въ деревнѣ, жизнь самихъ господъ и ихъ дворни—рядъ картинъ настоящей фламандской или голландской школы. Гдѣ Марлинскій могъ научиться такому письму неизвѣстно. Указываютъ на разсказы его брата Николая Бестужева [который долго жилъ въ Голландіи и написалъ о ней цѣлую книгу], какъ на источникъ, откуда Марлинскій заимствовалъ свой сюжетъ, но, вѣроятно, все заимствованіе и заключалось

только въ самой фабулѣ — которая, однако, только потому такъ занимательна, что очень хорошо развита и отдѣлана.

XX.

Таковы были сюжеты, которые Марлинскій разрабатывалъ въ своихъ разсказахъ. Значеніе ихъ въ исторіи развитія русской повѣсти и романа опредѣлить не трудно. Ни романтическій стиль письма, ни реальный не доведенъ въ нихъ до совершенства; и все-таки, если скинуть со счетовъ повѣсти Пушкина — немногочисленныя, и при его жизни частью не опубликованныя и частью мало оцѣненныя, — то придется признать, что до Гоголя – Марлинскій былъ самымъ талантливымъ нашимъ нувеллистомъ, писателемъ съ наиболѣе колоритнымъ воображеніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ первымъ по силѣ изъ реалистовъ своего времени.

Марлинскій упредилъ нашихъ романтиковъ прозаиковъ, и въ романахъ и повѣстяхъ Полевого, Загоскина и Лажечникова и др. нѣтъ ничего, чего не было бы уже въ зародышѣ въ повѣстяхъ нашего автора. Занимательность сюжета, романтичность въ его развитіи, драматизмъ страстей, паѳосъ рѣчи, всѣмъ этимъ очень искусно владѣлъ Марлинскій прежде чѣмъ этимъ завладѣли и широко воспользовались другіе. Упредилъ онъ, какъ романтикъ, и Гоголя, въ первыхъ повѣстяхъ котораго романтизмъ, какъ литературная школа, достигъ своего самаго полнаго и художественнаго расцвѣта.

Какъ реалистъ, Марлинскій былъ также прямымъ предшественникомъ Гоголя и Лермонтова. Многія области нашей повседневной жизни были впервые съ подобающей яркостью и правдивостью освѣщены именно имъ; картины другихъ были подновлены и дополнены новыми деталями. Къ новому, что читатель находилъ въ его разсказахъ, должно отнести, напр., этнографическіе очерки изъ сибирской и кавказской жизни, очерки военной жизни, морской и строевой, столич-

ной и походной, — въ частности очерки жизни солдатской. Какъ на дополненіе кътому, что читателю было уже извѣстно, можно указать на разсказы Марлинскаго изъ жизни свѣтской. Много было недочетовъ въ этихъ реальныхъ картинахъ, но никто изъ его современниковъ не обладалъ въ ихъ выполненіи такой правдивой, смѣлой кистью, какъ Марлинскій, въ которомъ, кромѣ того, была очень сильна юмористическая и саркастическая жилка, ни въ комъ до Гоголя не проступавшая такъ игриво...

Марлинскій вполнѣ сознательно и вопреки примѣру многихъ современныхъ ему литераторовъ предпочиталъ прозу стихамъ какъ болѣе удобную форму для проведенія реализма въ искусствѣ *). Въ своихъ произведеніяхъ онъ этотъ реализмъ очень цѣнилъ и очень скорбѣлъ, что ему многое приходится угадывать **).

Насчетъ цѣнности своихъ повѣстей Марлинскій ослѣпленъ не былъ: онъ былъ ими мало доволенъ и жаловался на судьбу, которая не позволяетъ ему распорядиться своимъ талантомъ какъ бы ему хотѣлось. „О еслибы судьба дала мнѣ, писалъ онъ Полевому, хоть одинъ не отравленный людскою злобой годъ, чтобъ я могъ попробовать крылья свои не спутанныя въ цѣпи! А то, едва я пытнулся-было на дѣльную вещь (романъ), судьба одѣла меня грозовою тучей. Я не имѣю ясности духа вылить на бумагу, что кипитъ въ душѣ, но это пройдетъ и я пришлю вамъ отрывокъ, съ коемъ изображу поэта, гибнущаго отъ чумы... поэта, который сознаетъ свой даръ и видитъ смерть, готовую поглотитъ его невзысканныя поэмы, его исполинскія

*) «Никогда никакая проза не замѣнитъ намъ поэзіи, но только для выраженія мечты, а не дѣйствительности. Дѣйствительность такъ разнообразна, что ей не въ пору никакой размѣръ. Тамъ, гдѣ слово должно рифмоваться съ мыслью, созвучіе ребяческая игрушка» [«Опъ былъ убитъ. 1834 г.].

**) «Вообразите себѣ мое положеніе, я не могу жить ни съ стариной, ни съ новизной русскою, я долженъ угадывать все-на все! Можно ли не ошибиться»[98]?

грезы, его причудливыя видѣнія горячки. Пусть не поймутъ меня, но я буду смѣлъ въ этихъ безумствахъ"[99].

Да и успѣху своему Марлинскій не особенно довѣрялъ. „Вы правы, говорилъ онъ тому же Полевому, что для Руси невозможны еще геніи: она не выдержитъ ихъ; вотъ вамъ вмѣстѣ и разгадка моего успѣха. Сознаюсь, что я считаю себя выше Загоскина и Булгарина; но и эта высь по плечу ребенку. Чувствую, что я не недостоинъ достоинства человѣка со всѣми моими слабостями, но знаю себѣ цѣну, и какъ писатель, знаю и свѣтъ, который цѣнитъ меня. Сегодня въ модѣ Подолинскій, завтра Марлинскій, послѣ завтра какой-нибудь Небылинскій и вотъ почему меня мало радуетъ ходячесть моя"[100].

Но одну сторону своего дарованія Марлинскій цѣнилъ, и именно ту, которая потомъ подверглась наибольшимъ нападкамъ. Онъ былъ доволенъ своимъ стилемъ и своей манерой писать. „Перо мое, говорилъ онъ съ гордостью, смычокъ самовольный, помело вѣдьмы, конь наѣзднika. Да: верхомъ на перѣ я вольный казакъ, я могу рыскать по бумагѣ, безъ заповѣди, куда глаза глядятъ. Я такъ и дѣлаю: бросаю повода и не оглядываюсь назадъ, не расчитываю, что̀ впереди. Знать не хочу, заметаетъ ли вѣтеръ слѣдъ мой, прямъ или узоренъ слѣдъ мой. Перепрянулъ черезъ ограду, переплылъ за рѣку, хорошо; не удалось—тоже хорошо. Я доволенъ уже тѣмъ, что наскакался по простору, цѣликомъ, до устали. Надобли мнѣ битые указы вашихъ литературныхъ теорій chaussées, ваши вѣковѣчныя дороги изъ сосновыхъ отрывковъ, ваши чугунныя ленты и повѣшенные мосты, ваше катанье на деревянной лошадкѣ или на разбитомъ конѣ; ваши мартингалы, шлихъ-цигели, и шпанишъ рейтеры.. Бѣшенаго, брыкливаго коня—сюда! Степи мнѣ—бури! легокъ я мечтами—лечу въ поднебесье; тяжелъ думами—ныряю въ глубь моря"... [Мореходъ Никитинъ].

„Въ подраженіи другимъ не виноватъ я—говорилъ онъ. А что касается блестокъ, это я живой. Переиначите мой

слогъ, вы ощиплете его, вы окастратите его[101]". Противъ „бестужевскихъ капель", какъ называли тогда обороты его рѣчи и мысли *), Марлинскій ничего не имѣлъ, частью потому что родился со склонностью къ такому стилю и, какъ утверждаетъ его братъ Михаилъ, обладалъ „не вымышленной, а врожденной цвѣтистостью слога"[102], частью потому, что умышленно воспитывалъ и развивалъ въ себѣ эту способность. Будучи отъ природы остроумнымъ человѣкомъ, онъ нарочно злоупотреблялъ остротами.

„Сухая ученость, неприправленная шуточками, никакъ не понравится юному вкусу нашей публики, говорилъ онъ; словомъ — вниманье читателей надобно привлекать какъ электричество—остротами. Если я точно заслуживаю нареканіе въ желаніи блеснуть остротами, то, увлеченный природною веселостью, я самъ-въ-себѣ не виноватъ въ изысканности [„Поѣздка въ Ревель", „Станція Варгель"].

Литераторъ опытный, онъ стилистическихъ своихъ погрѣшностей не замѣчалъ **) и расплачиваться за нихъ ему пришлось позднѣе.

XXI.

Марлинскій могъ и долженъ былъ нравиться.

На его долю выпалъ сразу необычайный успѣхъ, превышавшій истинную стоимость его произведеній. Публика сред-

---

*) Такъ прозвалъ ихъ Гречъ.

**) Онъ, кажется, былъ въ полномъ довольствіѣ отъ такого, напр., опредѣленія, которое онъ разрѣшилъ своему «вдохновенію», когда вопросъ зашелъ о томъ, что такое творчество: «Хаосъ—предтеча творенія чего-нибудь истиннаго, высокаго поэтическаго. Пусть только лучъ генія пронзитъ этотъ мракъ; враждующія, равносильныя доселѣ пылинки оживутъ любовью и гармоніею, стекутся къ одной сильнѣйшей, смѣнятся стройно, улягутся блестящими кристаллами, возникнутъ горами, разольются моремъ и живая сила испишетъ чело новаго міра своими исполинскими іероглифами, какъ чело нашего міра изборождено ущеліями[103]».

ння отнеслась къ нимъ восторженно, и мы располагаемъ весьма многими указаніями современниковъ, которыя всѣ сходятся въ признаніи того оглушительнаго успѣха, какимъ сопровождалось появленіе въ свѣтъ чуть ли не каждаго разсказа нашего автора. И не только средняя публика, но и очень строгіе судьи признавали за Марлинскимъ выдающееся дарованіе и возлагали на него очень большія надежды.

Исторія пріема его сочиненій у читателя должна войти въ его біографію.

Пушкинъ былъ болѣе чѣмъ доволенъ своимъ другомъ и предлагалъ ему соперничать съ Вальтеръ-Скоттомъ *).

То же соперничество предлагалъ Марлинскому и Вяземскій, прочитавъ его повѣсть „Романъ и Ольга“[105].

Соль Марлинскаго нравилась Грибоѣдову[106].

В. Кюхельбекеръ находилъ въ повѣстяхъ Марлинскаго сходство съ Вашингтономъ Ирвингомъ и Гофманомъ, видѣлъ въ своемъ другѣ „самаго глубокаго умствователя“, и человѣка высокаго таланта, но не одобрялъ неугомонной ловли каламбуровъ и натяжекъ стиля **).

---

*) «Ты—все ты: ты милъ, живъ, уменъ. Прощай мой милый Walter... Да возьмись за романъ. Что тебя держитъ? У насъ ты будешь первый во всѣхъ значеніяхъ слова: въ Европѣ также получишь свою цѣну: во-первыхъ, какъ истинный талантъ; во-вторыхъ, по новизнѣ предметовъ, красокъ etc. Подумай, братъ, объ этомъ на досугѣ... но тебѣ хочется въ ротмистры... Твой «Турниръ» напоминаетъ турниръ W. Sc. Брось нѣмцевъ и обратись къ намъ, православнымъ; да полно тебѣ писать быстрыя повѣсти съ романтическими переходами, это хорошо для поэмы романтической. Романъ требуетъ болтовни; высказывай все начисто... Возьмись-ка за цѣлый романъ и пиши его со всею свободою разговора или письма, иначе все будетъ сбиваться на Коцебятину»[104].

**) «Съ большимъ удовольствіемъ прочелъ я прекрасную повѣсть А. М. «Испытаніе», заноситъ Кюхельбекеръ въ свой дневникъ. Въ ней столько жизни, ума, движенія и чувства, что безъ малѣйшаго сомнѣнія ее должно причислить къ лучшимъ повѣстямъ на нашемъ языкѣ. Автора я, кажется, угадалъ и сердечно радуюсь, если угадалъ. Благослови Богъ того, кто любезному отечеству нашему сохранилъ человѣка съ талантомъ. Sapienti sat.». «Сегодня прочелъ я повѣсть Марлинскаго «Лейтенантъ Бѣлозоръ». Въ ней нарѣдка авторъ сбиваетъ на скоромный ладъ Густава Шиллинга и это истинно жаль, потому что тутъ терпитъ все, даже вкусъ и

Мельгуновъ признавалъ Марлинскаго рѣдкимъ самобытнымъ талантомъ, но говорилъ, что у него нѣтъ психологіи и что онъ ни одного слова не ставитъ на своемъ мѣстѣ, хотя его языкъ все-таки внутренно живой языкъ[108].

Сенковскій признавалъ въ немъ хорошія мысли и много достойнаго, хотя говорилъ, что не ему создать прозу, которую отъ графини до купца второй гильдіи всѣ стали бы читать съ одинаковымъ удовольствіемъ *)[109].

А. П. Бочковъ, литераторъ и большой любитель словесности, по поводу повѣстей (и то раннихъ) Марлинскаго написалъ цѣлую аллегорическую исторію развитія русскаго романа, въ которой отвелъ нашему автору очень почетное мѣсто **).

прелесть слога. Впрочемъ и эта повѣсть несомнѣнное доказательство истиннаго, прекраснаго таланта Марлинскаго и его непмовѣрныхъ успѣховъ. Есть въ ней даже мѣста истинно высокія, хотя цѣлое болѣе въ прежнемъ родѣ Марлинскаго легкомъ, шутливомъ, пѣнящемся, какъ шампанское или неустоявшаяся брага».

«Гдѣ М. даетъ разгулъ не просто шалуну воображенію, а восторгу думъ и поэзіи—талантъ его является въ прекраспомъ, дивномъ блескѣ. Въ повѣсти «Мореходъ Никитинъ» есть нѣсколько картинъ и мыслей такихъ, за которыя я готовъ признать М. самымъ глубокимъ изъ нашихъ умствователей, самымъ вдохновеннымъ изъ нашихъ писателей».

«Особенно мнѣ не понутру это злоупотребленіе остроты и дарованія, эта неугомонная ловля каламбуровъ, иногда впрочемъ удачныхъ, которою Марлинскій въ письмѣ къ Эрману меня иногда совершенно выводитъ изъ терпѣнія».

«Фрегатъ Надежда—изъ лучшихъ сочиненій Марлинскаго. Особенно она мнѣ потому нравится, что тутъ авторъ не такъ расточителенъ на «Бестужевскія Каплп»; ихъ тутъ мало и вездѣ кстати. Единственный недостатокъ этого прелестнаго творенія морскіе варваризмы. Марлинскій—человѣкъ высокаго таланта: дай Богъ ему обстоятельствъ благопріятныхъ! У насъ мало людей, которые могли бы поспорить съ нимъ о первенствѣ. Пушкинъ, онъ и Кукольникъ—надежда и подпора нашей словесности»[107].

*) Но именно Марлинскаго тогда и читала наиболѣе разношерстная публика.

**) Аллегорія эта стоитъ того, чтобы ее выписать.

«Повѣсти Бестужева—удивленье и заглядѣнье. Хочу представить въ иносказаніи его заслуги нашей словесности. Куча сравненій въ моей головѣ, выбираю на удачу, и мнѣ думается, что оно вѣрно.

Карамзинъ ввелъ насъ, нашу поэзію и нашу прозу, изъ густого лѣса, который въ его время начинали уже подстригать по-французски, въ садъ,

Литераторъ П. Каменскій такъ увлекался Марлинскимъ, что перенялъ его „кудрявый слогъ[111]“. Н. Полевой называлъ Марлинскаго „корифеемъ“ новѣйшей повѣсти русской“ *).

Критикъ Телескопа утверждалъ, что у Марлинскаго иногда „сверкаетъ лучъ высшаго всеобъемлющаго прозрѣнія“[113].

нмъ самимъ воздѣланный и обработанный Гладки, ровны были его дорожки, деревца обстрижены и цвѣтки въ куртинахъ; не зная, что его окружаетъ высокая стѣна, мы за нимъ вслѣдъ. Какъ понравилось намъ гулять и отдыхать въ этомъ чистенькомъ паркѣ; мало-по-малу, забывши о своей отчизнѣ, мы въ немъ совсѣмъ обжились; а выбрести изъ него и не думали. Такъ прошло много лѣтъ. Старички и выходъ позабыли, а подростающей молодежи скучно становилось жить хоть въ довольствѣ, да не на привольѣ. Стѣна была закрыта мохомъ давно принятыхъ мнѣній и сорокалѣтнею древностью. Глядь-поглядь повсюду, молодежь догадалась по сказкамъ и по преданіямъ, что есть какая-то благословенная страна, хоть не такъ гладка и ровна, да зато обширная и великолѣпная и куда съ давнихъ временъ и тропы не пролегало. Старичекъ хозяинъ (Карамзинъ) также объ этомъ зналъ и самъ хоть иногда за ограду и хаживалъ и двери за собой не затворялъ, только за нимъ худо смотрѣли, съ мѣста не трогались и нѣкоторые даже такъ приросли къ чужой землѣ, что ихъ теперь не выдернешь, развѣ съ корнемъ Особливо подъ конецъ Карамзинъ ходилъ въ этотъ обѣтованный край для своей исторіи, тамъ былъ для него и воздухъ чище, и внѣшній вѣтерокъ такъ и грѣлъ грудь старика. Молодцы подростали и начинали въ даль заглядывать; и [проложили] слѣдъ; Жуковскій, вышедши изъ французскаго сада, попалъ въ англійскій паркъ и на нѣмецкую аренду и за собой многихъ сманилъ. И Пушкинъ выпрыгнулъ; зашелъ-было въ свою родимую землю, сталъ ею любоваться, да побоялся совсѣмъ потерять дорогу домой, бродилъ то около своей стѣны, то около сосѣднихъ: нѣмецкой и англійской. Наконецъ и Бестужевъ соскочилъ молодцомъ со стѣны и попалъ не на окольную, а на прямую дорогу къ нашей милой отчизнѣ; удивился ея красотѣ, хотя еще не обработанной, но могущественно прекрасной. Долго онъ стоялъ въ онѣмѣніи; посмотрѣлъ на звѣздочки, чтобы и ночью прямо на сѣверъ дороги не потерять. Друзья! товарищи! возопилъ онъ, я нашелъ выходъ, оставьте старичковъ сидѣть на лавочкахъ и ходить по желтенькому песку; ступайте за мною, дальше и дальше,—а самъ пошелъ напередъ. Нужно ли говорить объ открытіяхъ, ими сдѣланныхъ... Вотъ только бѣда: теперь, какъ вожатый пропалъ чтобы, грѣхомъ, опять назадъ не воротились. Помилуй Богъ, какъ это будетъ худо [1826 годъ].[110]

*) «Марлинскій дитя пламеннаго воображенія и въ идеяхъ и въ выраженіи ихъ, яркій колористъ страстей, природы и слова, человѣкъ впечатлительный, но не самобытный, угадчикъ, а не изслѣдователь жизни, былъ корифеемъ новѣйшей повѣсти нашей»[112].

Бурачекъ, признавая, что литература должна быть службой Богу въ лицѣ человѣчества и недовольный въ этомъ смыслѣ Марлинскимъ, приравнивалъ его однако къ Пушкину*).

Число такихъ хвалебныхъ отзывовъ можно было бы увеличить. Рѣдки были люди, которые съ ними были несогласны. Въ кружкѣ Пушкина, напр., надъ Марлинскимъ всегда „хохоталъ“ Нащокинъ[115]. Никитенко, въ самый разгаръ славы Марлинскаго, говорилъ, что онъ „выражается варварскимъ нарѣчіемъ и думаетъ, что онъ удивителенъ по силѣ и оригинальности“[116]. Не одобрялъ его, кажется, и Станкевичъ“[117].

Злѣе другихъ огрызался Загоскинъ, но онъ ненавидѣлъ Марлинскаго какъ „безусловнаго обожателя запада и всѣхъ его мерзостей“ **).

---

*) «Марлинскій въ буквальномъ смыслѣ романтикъ - пѣвецъ современнаго рыцарства подъ фирмою удальства и наѣздничества. Вѣчно восторженный, текучій, блистательный, волшебникъ фразы, академикъ художественнаго построенія повѣстей, съ весьма ординарной философіей, еще меньшею религіозностью, и еще меньшей народностью — блистательнымъ, недостижимымъ успѣхомъ своимъ увлекъ множество молодыхъ и старыхъ подражателей своей неподражаемой фразѣ.

Исторія литературы вѣчно будетъ жалѣть, что Марлинскій и Пушкинъ оба въ молодости попали на превратное направленіе, удовольствовались ограниченнымъ просвѣщеніемъ безъ правильнаго образованія воли. Эти два исполина разрѣшившіеся превосходными игрушками, которыми литературные малолѣтки до сихъ поръ не нарадуются — высоко бы подняли нашу литературу. Все, что они сдѣлали, сдѣлали природнымъ умомъ съ помощью легкой начитанности»[114].

**) «Не понимаю, писалъ Загоскинъ, какъ могъ Бурачекъ назвать Марлинскаго колоссомъ? О, Господи да простится ему этотъ грѣхъ и въ сей и въ будущей жизни! Что такое былъ Марлинскій? Разсказчикъ съ талантомъ и воображеніемъ. Марлинскій, этотъ, по временамъ, самый рабскій подражатель неистовой французской школы—этотъ бонмотистъ, щеголяющій самыми нелѣпыми сравненіями и остротами, этотъ умникъ который, живя на Кавказѣ, описывалъ нравы московскаго общества по Бальзаку и вѣроятно лучше зналъ бытъ дербентскихъ татаръ, чѣмъ русскихъ мужиковъ; этотъ исковерканный, вычурный, осыпанный полинялыми французскими блестками Марлинскій, который говоритъ что *умника* разговора перешла на другой предметъ, и думаетъ, что сказалъ очень умно; этотъ *безусловный обожатель запада и всѣхъ его мерзостей*, этотъ Марлинскій, который находитъ,

Но эти и подобные имъ голоса кредита у публики не имѣли. Марлинскій былъ одно время самымъ модным писателемъ, и, кажется,—болѣе другихъ въ цѣнѣ *).

„Мы всѣ ужасно любили Марлинскаго, писалъ въ своихъ воспоминаніяхъ В. В. Стасовъ,—за молодцоватыхъ и галантерейныхъ героевъ, за казавшуюся намъ великолѣпною страстность чувствъ, наконецъ за яркій и крученый языкъ. Всего больше мы восхищались „Лейтенантомъ Бѣлозоромъ"... Мы съ безпредѣльнымъ восхищеніемъ упивались Марлинскимъ вплоть до самыхъ тѣхъ поръ, когда начались статьи Бѣлинскаго въ „Отечественныхъ Запискахъ"[120].

Дѣйствительно, поворотъ въ опредѣленіи стоимости Марлинскаго какъ литератора начался съ появленія этихъ статей, въ которыхъ, однако, по вѣрному замѣчанію С. А. Венгерова[121] дана односторонняя и лишенная исторической перспективы оцѣнка.

Не страшась „борьбы съ общественнымъ мнѣніемъ, которое приравняло Марлинскаго къ Бальзаку и только лишь мало-по-малу приходитъ въ память отъ оглушительнаго удара, произведеннаго на него полнымъ изданіемъ «Русскихъ Повѣстей и Разсказовъ» — Бѣлинскій рѣшился высказать свое мнѣніе.

что между дикимъ чеченцемъ и русскимъ дворяниномъ менѣе разстоянія, чѣмъ между этимъ послѣднимъ и какимъ нибудь французскимъ маркизомъ или англійскимъ лордомъ, какъ будто бы всѣ маркизы и лорды люди истинно просвѣщенные, и всѣ русскіе дворяне рѣшительно невѣжды, -Марлинскій, у котораго во всѣхъ сочиненіяхъ подобныя нелѣпости разсыпаны тысячами; Марлинскій, который коверкалъ, увѣчилъ, ломалъ, терзалъ безъ всякой пощады русскій языкъ; Марлинскій, который изрѣдка говорилъ языкомъ человѣческимъ и никогда не согрѣвалъ души читателя ни одной высокой религіозной мыслью; наконецъ, Марлинскій, въ которомъ я только потому и признаю истинный талантъ, что, несмотря на всѣ эти дризги, онъ читается съ удовольствіемъ—этотъ Марлинскій—колоссъ! Что же послѣ этого тотъ, кого Бурачекъ называетъ пигмеемъ? Что жъ онъ такое? Инфузоріи?» [18]

*) Онъ утверждалъ самъ, что бралъ по 1000 руб. ассигнаціями за печатный листъ съ Сенковскаго. Вѣрнѣе будетъ, однако, если мы предположимъ, что онъ мечталъ о такомъ гонорарѣ[119].

На безлюдіи истинныхъ талантовъ онъ признаетъ Марлинскаго явленіемъ примѣчательнымъ, писателемъ одареннымъ неподдѣльнымъ остроуміемъ, владѣющимъ способностью разсказа, умѣющимъ иногда снимать съ природы картинки-заглядѣнье, но талантъ его, говоритъ критикъ, чрезвычайно односторонненъ, претензіи на пламень чувства весьма подозрительны, въ его созданіяхъ нѣтъ никакой глубины, никакой философіи, никакого драматизма, всѣ его черты сбиты на одну колодку, онъ повторяетъ себя въ каждомъ новомъ произведеніи, у него больше фразъ чѣмъ мыслей, болѣе реторическихъ возгласовъ, чѣмъ выраженій чувства; онъ пишетъ много, не отъ избытка творческой дѣятельности, а отъ навыка, отъ привычки писать...

И притомъ сколько натяжекъ! Можно сказать, что натяжка у Марлинскаго такой конекъ, съ котораго онъ рѣдко слѣзаетъ. Ни одно изъ дѣйствующихъ лицъ его повѣстей не скажетъ ни слова просто, но вѣчно съ ужимкой, вѣчно съ эпиграммою или съ каламбуромъ или съ подобіемъ; словомъ у Марлинскаго каждая копѣйка ребромъ, каждое слово завиткомъ. У него есть талантъ, но талантъ не огромный, талантъ обезсиленный вѣчнымъ принужденіемъ, избившійся и разстрясшійся о пни и колоды выисканнаго остроумія. Мнѣ кажется, говорилъ Бѣлинскій, что романъ не его дѣло, ибо у него нѣтъ никакого знанія человѣческаго сердца, никакого драматическаго такта. Впрочемъ въ его повѣстяхъ встрѣчаются иногда мѣста истинно прекрасныя, очерки истинно мастерскіе.

Всего страннѣе въ Марлинскомъ, что онъ съ удивительною скромностью недавно сознался въ такомъ грѣхѣ, въ которомъ онъ не виноватъ ни душою, ни тѣломъ: въ томъ, что будто онъ своими повѣстями отворилъ двери для народности въ русскую литературу: вотъ что, такъ ужъ неправда! Эти повѣсти принадлежатъ къ числу самыхъ неудачныхъ его попытокъ, въ нихъ онъ народенъ не больше Карамзина.

ибо его Русь жестоко отзывается его завѣтною, его любимою Ливоніею.

Словомъ, Марлинскій писатель не безъ таланта, и былъ бы гораздо выше, еслибъ былъ естественнѣе и менѣе натягивался [„Литературныя мечтанія“ 1834].

Спустя годъ Бѣлинскій повторяетъ свое осужденіе.

Марлинскій былъ первымъ нашимъ повѣствователемъ, былъ творцомъ, или, лучше сказать, зачинщикомъ русской повѣсти, говорилъ Бѣлинскій. Онъ обладаетъ вдохновеніемъ особымъ, усиленнымъ волею, желаніемъ, цѣлью, расчетомъ, какъ будто пріемомъ опію.

Это не *реальная* поэзія — ибо въ повѣстяхъ Марлинскаго нѣтъ истины жизни, нѣтъ дѣйствительности, такой, какъ она есть, ибо въ нихъ все придумано, все разсчитано по разсчетамъ вѣроятностей, какъ это бываетъ при дѣланіи или сочиненіи машинъ; ибо въ нихъ видны нитки, коими сметано ихъ дѣйствіе, видны блоки и веревки, коими приводится въ движеніе ходъ этого дѣйствія: словомъ, это — внутренность театра, въ которомъ искусственное освѣщеніе борется съ дневнымъ свѣтомъ и побѣждается имъ. Это не *идеальная* поэзія — ибо въ нихъ нѣтъ глубокости мысли, пламени чувства, нѣтъ лиризма, а если и есть всего этого понемногу, то напряженное и преувеличенное насильственнымъ усиліемъ, что̀ доказывается даже самою черезчуръ цвѣтистою фразеологіею, которая никогда не бываетъ слѣдствіемъ глубокаго, страдательнаго и энергическаго чувства.

Но если у Марлинскаго — продолжалъ критикъ — и не было въ повѣстяхъ истины русской жизни, то все-таки онѣ доставили много пользы русской литературѣ, были для нея большимъ шагомъ впередъ.

Въ повѣстяхъ Марлинскаго была новѣйшая Европейская манера и характеръ: вездѣ былъ виденъ умъ, образованность, встрѣчались отдѣльныя прекрасныя мысли, поражавшія и своею новостью, и своею истиною; прибавьте къ этому его слогъ, оригинальный и блестящій въ самыхъ натяжкахъ, въ

самой фразеологіи — и вы не будете болѣе удивляться его чрезмѣрному успѣху [„О русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя“ 1835].

Наконецъ, въ 1840 году Бѣлинскій обрушился на Марлинскаго цѣлой статьей по поводу выхода въ свѣтъ полнаго собранія его сочиненій. Это были годы, когда нашъ критикъ, со страстью относясь къ нѣмецкой философіи, возненавидѣлъ всякую страсть въ поэзіи и потому былъ безпощаденъ ко всѣмъ художникамъ съ болѣе или менѣе неуравновѣшеннымъ темпераментомъ. Марлинскій оказался важнымъ „отрицательнымъ“ дѣятелемъ въ нашемъ литературномъ развитіи.

Марлинскій, писалъ критикъ, явился на поприще литературы романтикомъ; онъ всѣми силами старался приблизиться къ дѣйствительности и естественности въ изобрѣтеніи и слогѣ; онъ силился изображать людей и подслушать живую общественную рѣчь и во имя ея раздвинуть предѣлы литературнаго языка... и появленіе его было ознаменовано блестящимъ успѣхомъ; въ немъ думали видѣть Пушкина прозы и изліяніе похвалъ несомнѣнно доказываетъ, что Марлинскій—явленіе примѣчательное въ литературѣ.

Но его повѣсти принадлежатъ не къ произведеніямъ искусства, а только къ произведеніямъ литературы... Основныя стихіи повѣстей Марлинскаго, приписывамыя имъ общимъ голосомъ, суть—народность, остроуміе и живопись трагическихъ страстей и положеній...

Но поэзія этихъ повѣстей,—поэзія не мысли, а блестящихъ словъ, не чувства, но лихорадочной страсти: это талантъ, но талантъ чисто внѣшній не изъ мысли создающій образы, а изъ матеріи выдѣлывающій красивыя мысли; это вдохновеніе, но не то внутреннее вдохновеніе, которое, неожиданное, безъ воли человѣка, озаряетъ его разумъ внезапнымъ откровеніемъ истины, вдохновеніе тихое и кроткое, широкое и глубокое, какъ море въ ясный и безвѣтренный день, но вдохновеніе насильственное, мятежное, бурливое, раздражительное,

возбужденное волею человѣка, какъ бы отъ пріема опіума... Поэтъ можетъ изображать и страсть, потому что она есть явленіе дѣйствительности; но, изображая страсть, поэтъ не долженъ быть въ страсти...

Настоящій родъ таланта Марлинскаго, это—живой, легкій и шутливый разсказецъ безъ особенныхъ претензій.

Такіе внѣшніе таланты необходимы, полезны, а слѣдовательно и достойны всякаго уваженія. Только незаслуженная слава и преувеличенныя похвалы вооружаютъ противъ нихъ, потому что свидѣтельствуютъ объ испорченности вкуса публики.

Главная заслуга внѣшнихъ талантовъ состоитъ въ томъ, что они отрицательнымъ образомъ воспитываютъ и очищаютъ эстетическій вкусъ публики: пресытясь ихъ произведеніями, многіе обращаются къ истиннымъ произведеніямъ искусства и научаются цѣнить ихъ. [„Полное собраніе сочиненій Марлинскаго 1840“].

Отзывъ учениковъ Бѣлинскаго былъ мягче. Аполлонъ Григорьевъ, замѣтивъ, что Бѣлинскій въ „Литературныхъ мечтаніяхъ“ оцѣниваетъ талантъ Марлинскаго вѣрнѣе, чѣмъ въ своей статьѣ о полномъ собраніи его сочиненій, называетъ Марлинскаго „огромнымъ талантомъ допотопной формаціи, прочнымъ характернымъ нашимъ романтикомъ, и всю чепуху, которую несутъ его герои и героини, ставитъ на счетъ „романтизму“. Этотъ романтизмъ, по имѣнію Григорьева, погубилъ три великихъ таланта, Мочалова, Полежаева и Марлинскаго, этого блестяще даровитаго и энергичнаго Марлинскаго, которому только недостатокъ мѣры и вкуса препятствовалъ быть однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ писателей[122].

Талантъ и силу ума отмѣчаетъ въ Марлинскомъ и Чернышевскій, жалѣя только, что въ его повѣстяхъ нѣтъ и слѣдовъ тѣхъ принциповъ, которые были дороги ихъ автору какъ человѣку[123]. Послѣднее замѣчаніе едва ли вполнѣ справедливо, такъ какъ, если въ повѣстяхъ Марлинскаго нѣтъ политическихъ мотивовъ (для того времени недопустимыхъ),

то на нихъ несомнѣнно остался отпечатокъ его либеральнаго образа мыслей. Это сжато и вѣрно было отмѣчено новѣйшимъ его критикомъ—также къ нему очень строгимъ—С. А. Венгеровымъ.

„Приподнятость Марлинскаго, замѣчаетъ Венгеровъ, была протестомъ противъ пошлости окружающей среды и подготовила ту выработку свободной личности, презирающей житейскую дѣйствительность, которая легла въ основу новой русской общественной жизни“[124].

XXII.

Писатель съ такимъ нервнымъ темпераментомъ, съ такой бурной душой, съ умомъ, торопливо перелетающимъ отъ одной мысли къ другой, человѣкъ, условіями жизни поставленный въ необходимость мечтой заполнять скуку жизни, и къ тому же писатель, стоящій на перепутьи двухъ литературныхъ теченій — не имѣлъ ни способности, ни возможности создать нѣчто художественно законченное; онъ обѣщалъ больше, чѣмъ выполнялъ. И все-таки, болѣе правы были его поклонники, чѣмъ его хулители. Эти поклонники въ равной степени были увлечены и сюжетомъ разсказовъ, и личностью самого писателя.

Прежде чѣмъ говорить объ этой оригинальной личности, поскольку она отразилась въ повѣстяхъ, имѣющихъ автобіографическую цѣнность — мы сдѣлаемъ большое отступленіе.

Александръ Александровичъ славился въ свое время не только какъ романистъ, но и какъ очень злой критикъ и остроумный публицистъ. Намъ необходимо пересмотрѣть эти критики и фельетоны для полноты характеристики Бестужева какъ писателя.

А. Бестужевъ печаталъ свои статьи и замѣтки во всѣхъ самыхъ видныхъ журналахъ двадцатыхъ годовъ, въ „Соревнователѣ Просвѣщенія“, „Литературныхъ Листкахъ“,

„Сынѣ Отечества", „Благонамѣренномъ", и одно время самъ стоялъ во главѣ цѣлаго литературнаго предпріятія—столь извѣстнаго альманаха „Полярная Звѣзда".

Если выкопать теперь изъ стараго журнальнаго хлама всѣ статьи, написанныя Бестужевымъ, — то онѣ окажутся, конечно, весьма не равнаго достоинства. Но пусть Бестужевъ писалъ часто безъ всякаго опредѣленнаго плана, пользовался иногда самыми ничтожными случаями, чтобы поговорить о томъ, что̀ взбредетъ въ голову, пусть онъ тратилъ свои силы по пустякамъ, но на всѣхъ его, даже самыхъ маленькихъ замѣткахъ, осталась печать его пытливаго ума, необычайно разностороняго по своимъ интересамъ.

Дѣйствительно, о чемъ только ни писалъ Бестужевъ! Выступалъ онъ какъ историкъ, этнографъ и археологъ, какъ публицистъ на общія и частныя темы, какъ рецензентъ художественныхъ выставокъ, какъ сатирикъ-фельетонистъ, какъ разсказчикъ анекдотовъ, сказокъ, какъ театральный репортеръ и, наконецъ, какъ присяжный критикъ и обозрѣватель литературныхъ новинокъ. Во всѣхъ своихъ летучихъ статьяхъ и замѣткахъ онъ обнаруживалъ способности настоящаго литературнаго Протея: изъ ученаго превращался сразу въ веселаго разсказчика, изъ общественнаго сатирика въ спеціалиста, хотя бы, напр., по верховой ѣздѣ.

Но даже и въ отдѣльныхъ сферахъ дѣятельности—научной, критической, публицистической—онъ обнаруживалъ необычайную разносторонность.

Такъ, напр., занимаясь исторіей, археологіей и этнографіей, онъ дѣлилъ свой интересъ между Маріей и Елисаветой англійской, египетскими іероглифами и лифляндскими и эстляндскими крестьянами[125].

Нашелъ онъ время написать статью и о деревянныхъ русскихъ постройкахъ[126] статью, въ которой совѣтовалъ какъ можно скорѣе пріучать нашихъ крестьянъ строить жилища изъ кирпича. Онъ исчислялъ всѣ выгоды отъ такой реформы

и среди нихъ приводилъ одинъ очень своеобразный аргументъ. „Деревянные дома горятъ,—говорилъ онъ,—и бренность, невѣрность жилищъ, пріучая умъ къ частой перемѣнѣ, даетъ характеру русскаго народа какую-то безпечность. И не въ одномъ только простомъ народѣ она замѣтна, эта безпечность, но и въ высшемъ классѣ, и все потому, что и въ нашихъ городахъ большинство строеній деревянныхъ, которыя горятъ и ежегодно перестраиваются—и мы, недовольные собой, всегда готовы прельщаться другими странами: ибо тамъ, гдѣ нѣтъ страсти къ своему, тамъ скоро явится пристрастіе къ чужому, а унизительное предпочтеніе иноземцевъ, къ несчастію, слишкомъ это доказываетъ“ (!!).

Странный и неожиданный скачекъ въ область публицистики! Но пусть онъ насъ не удивляетъ: публицистическая мысль почти всегда проглядываетъ въ статейкахъ Бестужева, и, кажется, что иногда она именно и руководила выборомъ самого сюжета.

Такъ, напр., когда Бестужевъ пишетъ статью, въ которой разъясняетъ, что значили иногда уединеніе и ссылка для возвышеннаго и благороднаго ума[127], или когда онъ рисуетъ портретъ Демосѳена и говоритъ объ его власти надъ слушателями и объ его призывѣ къ борьбѣ за свободу[128], или когда пересказываетъ рѣчь Чатама въ пользу мира съ Америкой[129]—онъ публицистъ съ очень опредѣленной гражданской мыслью.

Эту роль благомыслящаго либерала и публициста Бестужеву случалось мѣнять нерѣдко на роль сатирика. Сатира получалась въ общемъ неглубокая, но остроумная, и подчасъ не безъ литературныхъ достоинствъ въ портретахъ и образахъ.

Цѣлый рядъ жанровыхъ сценъ даетъ онъ, напр., въ маленькой статейкѣ, въ которой разсказываетъ исторію похожденій рубля по карманамъ судей, кокотокъ, разныхъ франтовъ, тунеядцевъ, которые „кочуютъ на улицахъ и несутъ всякій политическій вздоръ и думаютъ править свѣтомъ и научать королей“, разныхъ скупцовъ, ростовщиковъ и расто-

чителей, танцовщицъ, у которыхъ „каждый день недѣли имѣлъ свою собственную болѣзнь“, поэтовъ на чердакѣ и честныхъ евреевъ, которые купаютъ деньги въ крѣпкой водкѣ ради опрятности... и, наконецъ, крестьянъ „гдѣ не столько уважаютъ, сколько цѣнятъ рубли, гдѣ рубль служитъ возмездіемъ трудовъ, а не наградою порока“[130].

Бестужевъ былъ мастеръ рисовать такіе силуэты[131] и сценки, иногда даже изъ иностранной жизни[132]. Случалось, что сценка превращалась въ діалогъ, и нашъ авторъ начиналъ поддѣлываться подъ простонародную рѣчь. Выходило это иногда удачно, а иногда и совсѣмъ плохо[133].

Наиболѣе злы и удачны бывали шутки Бестужева надъ родной ему литературной писательской братіей и надъ обстановкой, среди которой ей жить приходится. Очень удачна вышла, напр., характеристика публики — этого существа, не то Полиѳема, не то Ѳемиды, существа, живущаго только въ нашемъ воображеніи и которымъ насъ пугаютъ, какъ ребятъ привидѣніями[134]. Очень забавенъ и остроуменъ былъ также тотъ рекомендательный аттестатъ, который Бестужевъ выдалъ нѣкоему литературному инвалиду Дворняшкину, имущему мѣста застольника при обѣдахъ. Никто въ свѣтѣ не былъ такъ преслѣдуемъ неудачами на словесномъ поприщѣ, какъ этотъ современный литераторъ. „Пегасъ выбилъ его изъ сѣдла и онъ побрелъ пѣшкомъ по столбовой дорогѣ журналовъ, но какъ послѣ петербургскаго наводненія мелкой поэзіей, аршинъ самыхъ пестрыхъ стиховъ сталъ дешевле суздальскаго ситца, а причудливая публика стала требовать если не мысли, то смысла, онъ рѣшился удариться на театръ, будучи прельщенъ театральной десятиной; но и на театрѣ наградили его лишь огарками и совѣтомъ скорѣе носить калоши, нежели котурны. Что было дѣлать несчастному въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ книгопродавцы познакомились съ грамматикой и стали платить чуть не горохомъ за лубочные переводы ВальтеръСкотта съ французскаго и съ тѣхъ поръ, какъ страховое общество взаимнаго

хваленія совсѣмъ вышло изъ вѣры? Теперь этотъ литераторъ готовъ на все, что угодно: его можно употреблять вмѣсто колокольчика, чтобы кликать людей; онъ можетъ быть полезной мебелью въ библіотекѣ, потому что умѣетъ лазить по полкамъ... онъ часто смѣшонъ, иногда забавенъ и всегда доволенъ, лишь бы ему позволили толковать за столомъ о словесности и романтизмѣ, о которомъ онъ смыслитъ едва ли не короче нашего князя Сидора"[135].

Цѣлыя страницы заполнялъ Бестужевъ такимъ легкимъ фельетоннымъ остроуміемъ, и онѣ тогда очень нравились. Можно было, напр., отъ души посмѣяться надъ такими проектами, какіе Бестужевъ предлагалъ осуществить: изобрѣсти, хоть бы, орудіе въ родѣ астролябіи для измѣренія плоскостей русской словесности и неизмѣримыхъ ея пустырей, пустопорожнихъ мѣстъ и тому подобнаго; найти реактивъ для мгновенной осадки немногихъ капель мыслей, здраваго смысла или остроты (буде она случится) изъ любой модной поэмы; опредѣлить удѣльный вѣсъ оригинальныхъ, подражательныхъ, поддѣльныхъ и просто выкраденныхъ мыслей (само собою разумѣется, что сюда не принадлежатъ вещи, которыя по чрезмѣрной тонкости своей неосязаемы чувствами или такъ тяжелы, что неподъемлемы человѣческой силой какъ, напр., русскія разсужденія о романтизмѣ). За рѣшеніе такихъ и подобныхъ задачъ можно было бы, говоритъ Бестужевъ, назначить преміи, какъ-то:—выдавать паровыя машины для приготовленія общихъ мѣстъ къ новымъ историческимъ романамъ, поэмамъ и пьесамъ; при сей машинкѣ можно было бы кромѣ обыкновеннаго валика на манеръ Вальтеръ-Скотта продавать и другіе на манеръ д'Арленкура, Павла Кока, Ирвинга, такъ какъ русскіе валики самороднаго образца заказанные въ Вѣнѣ и Лондонѣ, еще не готовы. Въ премію можно было бы выдать Волочильно-плющильный винтъ для вытягиванія въ проволоку бити и канители эпитетовъ, стихотворный калейдоскопъ для составленія разновидныхъ размѣровъ, ноженки для обстриганія ногтей журналистамъ, кар-

манный будильникъ для особъ, усыпляемыхъ чтеніемъ сочиненій знатныхъ особъ, начальниковъ и вообще людей намъ нужныхъ и т. п.[136].

Иногда къ такому игривому вымыслу примѣшивалась и правда: Бестужевъ собиралъ разные литературные курьезы, попадавшіеся на страницахъ русскихъ журналовъ, и извѣщалъ публику, что у него есть уже цѣлая кунсткамера рѣдкостей: — татарскихъ и вандальскихъ фразъ, гордіанскихъ мыслей, философическихъ пузырей, окаменѣлыхъ сравненій и, словомъ, всѣхъ замѣтныхъ калѣкъ здраваго смысла. „Сколько у меня собрано, напримѣръ, „прыгающихъ пауковъ", „кувшиновъ, вздергивающихъ носъ", „ужей, преклоняющихъ колѣна", „голубей и утокъ съ зубами", „пробокъ, говорящихъ громко", „кровожадныхъ мухоморовъ"[137]... говорилъ Бестужевъ, и ему, конечно, и въ голову не приходило, что современемъ этотъ списокъ курьезовъ можетъ быть при желаніи пополненъ изъ его собственныхъ сочиненій.

Таковы въ общемъ наиболѣе характерныя съ извѣстной литературной и публицистической тенденціей написанныя статейки Бестужева. Но кромѣ этихъ, онъ написалъ массу другихъ.

Среди нихъ попадаются сентиментальныя разсужденія, въ защиту оптимистическаго міросозерцанія[138], афоризмы изъ Бэкона[139], переводы сказокъ съ польскаго и французскаго[140], остроумное изслѣдованіе о томъ, какъ на почвѣ любви нѣкоего вѣроломнаго князя „Препенани" и одной довѣрчивой царевны возникли наши знаки препинанія, служившіе любовникамъ условленнымъ шифромъ[141], простыя шутки водевильнаго характера[142], анекдоты[143] и шарады[144].

Какъ видимъ, все статьи самаго разносторонняго и весьма незатѣйливаго содержанія. Въ числѣ нихъ находятся, впрочемъ, три довольно обстоятельныхъ. Двѣ посвящены вопросу о верховой ѣздѣ и одна — оцѣнкѣ художественной академической выставки. Всѣ написаны съ безспорнымъ знаніемъ дѣла.

Въ своей рецензіи на русскій переводъ „классическаго“ сочиненія Гериньера „О значеніи кавалеріи и верховой ѣзды“, сочиненія, которымъ авторъ, какъ говоритъ рецензентъ, „доставилъ большую услугу берейторамъ, а себѣ славу и мѣсто между знаменитыми людьми XVIII вѣка“[145]—Бестужевъ ограничился лишь указаніемъ на нелѣпости самого перевода, но зато въ другой статьѣ далъ историческій очеркъ развитія верховой ѣзды чуть ли не со временъ Александра Македонскаго до в. к. Константина Павловича[146].

Такая любовь къ лошадямъ нисколько не мѣшала Бестужеву быть хорошимъ знатокомъ картинъ—что онъ и доказалъ въ своей статьѣ объ академической выставкѣ 1820 года, гдѣ разсуждалъ о Рюисдалѣ, о Доминикино и о Теньерѣ[147]... (Не вѣрю,—восклицалъ онъ по поводу послѣдняго,—не вѣрю величію души твоей, гордый Людовикъ XIV, когда ты могъ презирать полезнѣйшій классъ народа!).

На ряду съ этими размышленіями и замѣтками обо всемъ Александръ Александровичъ находилъ еще время писать бѣглыя замѣтки о литературныхъ новинкахъ[148], отчеты о засѣданіяхъ литературныхъ обществъ[149] и театральныя рецензіи. Къ кулисамъ онъ былъ вообще очень неравнодушенъ, но эта любовь была, кажется, преимущественно литературная.

Театральныя его рецензіи не представляютъ большого интереса, и онѣ важны только какъ показатели его добросовѣстнаго отношенія къ театру. Мелкія рецензіи, которыя онъ писалъ въ „Сынѣ Отечества“, онъ не подписывалъ[150], а тѣ, которыя подписаны его именемъ, дѣйствительно, обнаруживаютъ въ немъ желаніе всегда говорить по существу. Случается ли ему критиковать посредственный переводъ какой-нибудь посредственной комедіи, онъ тратитъ много труда на сличеніе оригинала съ переводомъ[151]. Онъ бываетъ иногда при этомъ очень золъ и способенъ больно уколоть своего противника. И должно замѣтить, что когда онъ „разноситъ“—онъ всегда говоритъ дѣло. Такъ разнесъ онъ П. Катенина за его переводъ „Эсфири“ Расина[152] и Шаховского за его

„Липецкія воды“[153], въ которыхъ Шаховской такъ несумѣло хотѣлъ высмѣять Жуковскаго.

Всѣ эти статьи, конечно, только первые опыты, которые показываютъ, что изъ Бестужева могъ выработаться современемъ хорошій театральный критикъ.

XXIII.

Любовь къ журнальной дѣятельности заставила Александра Александровича еще въ юныхъ годахъ подумать о томъ, какъ бы самому стать хозяиномъ журнала.

Въ 1814 году онъ просилъ о разрѣшеніи издавать журналъ подъ заглавіемъ „Зимцерла“ *).

Въ прошеніи онъ говорилъ, что будучи занятъ дѣлами по службѣ, онъ не могъ еще быть извѣстенъ публикѣ, кромѣ двухъ пьесъ „Духъ Бури“ изъ Лагарпа и „О состояніи эстонскихъ и ливонскихъ крестьянъ“. Программа журнала была слѣдующая: Иностранная и отечественная литература, переводы въ стихахъ и въ прозѣ, сочиненія до всѣхъ отраслей гражданскихъ и военныхъ наукъ касающіяся, стихотворенія всѣхъ родовъ поэзіи, библіографія, критика и смѣсь.

С.-Петербургскій комитетъ цензуры въ своемъ отвѣтѣ указывалъ на то, что Бестужеву всего 20 лѣтъ, а программа журнала обширнѣйшая, а главное, что „хотя Бестужевъ обучался многимъ наукамъ, но въ писанной имъ программѣ комитетъ не безъ удивленія замѣтилъ въ десяти не болѣе

*) «О семъ божествѣ намъ мало извѣстно. По одному только словопроизводству утверждаютъ, что Зимцерла была богиня весны, потому что имя ей, говорятъ, составлено изъ слова «зима» и «стереть» [*И. Кайсаровъ* Славянская и россійская миѳологія. Москва 1810, 86]. «Зимцерла—богиня, владычествующая надъ началомъ дня, т. е заря». [*М. Чулковъ*, Абевега русскихъ суевѣрій. Москва 1786. 201]. «Зимцерла» или Зимстерла — весна (зиму стерла) *Г. Глинка*, Древняя религія славянъ Митава 1804, 13]. Сообщено В. И. Саитовымъ.

строкахъ три ошибки противъ правописанія, что̀ доказываетъ по меньшей мѣрѣ невнимательность и небрежность Бестужева. Кромѣ того, добавлялъ комитетъ, его статьи не отличаются ни чистотой слога, ни правильностью языка. Наконецъ, нужно принять во вниманіе и то обстоятельство, что служба можетъ отвлекать Бестужева, и журналъ скоро прекратится, и публика будетъ обманута".

Попечитель округа С. Уваровъ полагалъ, однако, дозволить журналъ, такъ какъ предварительное его запрещеніе „было бы стѣсненіемъ охоты къ ученымъ и можетъ быть очень полезнымъ для публики сего рода занятіямъ".

Главное училищное правленіе положило наконецъ резолюцію, что изданіе должно быть еще на нѣсколько времени удержано, когда издатель успѣетъ пріобрѣсть трудами своими болѣе извѣстности въ ученой публикѣ[164].

Такъ и кончилась эта первая попытка — для Бестужева не совсѣмъ пріятно.

Черезъ три года, однако, онъ былъ уже редакторомъ прославленной „Полярной Звѣзды"[155]. Вмѣстѣ съ К. Ѳ. Рылѣевымъ работалъ онъ надъ этимъ литературнымъ изданіемъ въ продолженіе трехъ лѣтъ, отдавая ему почти все свое свободное время. При изданіи имѣлась въ виду не одна забава публики. Издатели хотѣли, чтобы ихъ альманахъ, не пугая свѣтскихъ людей ученостью, „пробрался на камины, на столики и, можетъ быть, на дамскіе туалеты и подъ изголовья красавицъ[156]". Цѣль была достигнута. „Звѣзда блуждала по красавицамъ и не возвращалась домой", а сотрудники и издатели получили, кромѣ того, хорошее вознагражденіе (Рылѣевъ и Бестужевъ чистаго дохода 2000 асс.).

Но издателямъ удалось достигнуть и кое-чего большаго. Ихъ альманахъ сталъ образцомъ изящнаго вкуса. Всѣ самые видные литераторы, поэты и романисты приняли въ немъ участіе и дали, по крайней мѣрѣ, въ первую книгу, дѣйствительно „образцы" своего творчества. Успѣхъ изданія былъ поразительный. Менѣе нежели въ недѣлю было продано

600 экз.[157], а въ три недѣли раскуплено 1500 экз.—„единственный примѣръ въ русской литературѣ, ибо исключая Исторіи Государства Россійскаго ни одна книга и ни одинъ журналъ не имѣли подобнаго успѣха“[158]. „Издатели имѣли счастіе поднести по экземпляру „Звѣзды“ Ихъ Величествамъ Государынямъ Императрицамъ и удостоились Высочайшаго вниманія. К. Ѳ. Рылѣевъ получилъ два брилліантовыхъ перстня, а А. А. Бестужевъ золотую прекрасной работы табакерку и брилліантовый перстень“[159].

Журналы встрѣтили Альманахъ также очень сочувственно. „Сѣверный Архивъ“ поздравилъ его съ прочнымъ существованіемъ не въ лавкахъ книгопродавцевъ, но въ библіотекахъ истинныхъ любителей отечественной литературы[160]. „Литературные Листки“ Булгарина сказали только одну похвалу[161]. „Русскій Инвалидъ“ привѣтствовалъ „Звѣзду“ въ особенности за то, что она пойдетъ въ гостиныя и туалеты красавицъ, потому что дамы и высшій свѣтъ мало образованы[162]. Болѣе строго отозвался „Московскій Телеграфъ“, и этотъ отзывъ въ кружкѣ Бестужева былъ сочтенъ за злобный[163].

Вообще всѣ остались довольны альманахомъ, кто его стихами, кто прозой, кто критикой, а нѣкоторые всѣмъ вмѣстѣ. Довольство иныхъ доходило до желанія встрѣтить восходъ этой „Звѣзды“ подобающимъ стихотвореніемъ *).

---

*) Скажи мнѣ, звѣздочка златая,
Съ какой счастливой стороны—
Полярныхъ льдовъ отъ пасмурнаго края,
Иль съ неба вѣчныя весны
Ты вѣрной гостьей къ намъ приходишь
Прійдешь, прельстишь, опять уходишь,
Чтобъ въ пору срочную опять
По нашимъ небесамъ гулять!
. . . . . .
И я люблю довольными очами
По своду темному вслѣдъ за тобой блуждать,
Твоей игрой серебристой любоваться,

Когда въ 1825 году она закатилась, о ней искренно жалѣли[165], а самъ издатель унесъ съ собой въ ссылку благодарное и грустное о ней воспоминаніе. „Небо здѣсь еще блѣднѣе,—писалъ онъ изъ Якутска матери. — Я пользуюсь здѣсь сосѣдствомъ большой небесной медвѣдицы, старой своей знакомой; въ хвостѣ ея попрежнему сверкаетъ Полярная звѣзда, и порой лучи ея сыплются на бумагу“[166].

И звѣзда эта справедливо могла служить ему, и утѣшеніемъ, и одобреніемъ. Она напоминала Бестужеву о большой литературной побѣдѣ. Подъ ея знаменемъ онъ рѣшился впервые выступить въ серьезной и отвѣтственной роли судьи надъ художественнымъ творчествомъ своихъ современниковъ.

XXIV.

Роль литературнаго критика, руководителя и законодателя „изящнаго вкуса“ давно улыбалась Бестужеву. Онъ былъ очень высокаго мнѣнія о значеніи этого „вкуса“ въ дѣлѣ нравственнаго и общественнаго развитія. Еще въ самомъ началѣ своей литературной карьеры онъ прочелъ въ Собраніи Вольнаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ рефератъ на тему „О Вкусѣ“. Рефератъ былъ пересказомъ чужихъ мыслей, но выражалъ его собственныя взгляды[167].

„Образовать и очистить вкусъ есть важное государственное дѣло, предлежащее цѣлому народу, говорилъ Бесту-

---

Съ тобой въ дали невѣдомой теряться
И мыслію въ моряхъ безбрежныхъ утопать,
Гдѣ ты, какъ лебедь горделивый,
Плывешь, свершая путь и свѣтлый и красивый.
Люблю смотрѣть, какъ тучи надъ тобой
Покровы черные сбираютъ,
Шумятъ завистницы, затмить тебя мечтаютъ;
Но вдругъ сошлись—и отбѣгаютъ,
Какъ бы невидимой развѣяны рукой[164].

жевъ, повторяя слова извѣстнаго тогда эстетика Сульцера. Вкусъ, безспорно, вліяетъ на нравственность, хотя нѣкоторые люди, исполненные вкуса, предаются порокамъ. Физически прекрасное ведетъ насъ къ нравственно прекрасному. Разумъ, вкусъ и то, что Шафтсбури и Гутчесонъ называютъ моральными чувствами, суть однѣ и тѣ же способности. Магическая сила музыки и поэзіи раскрываетъ невинныя сердца дружеству, состраданію, всѣмъ кроткимъ чувствованіямъ, и вкусъ есть вѣрный вождь ко всему изящному. Сколь благополученъ человѣкъ съ изящнымъ вкусомъ! Онъ при источникѣ чистѣйшихъ, невиннѣйшихъ удовольствій. Вся природа — его наслѣдіе. Вкусъ разливаетъ нѣкоторую прелесть на всѣ поступки человѣка. Истинный вкусъ украшаетъ нравъ человѣка, и дѣлаетъ душу его доступнѣе къ ощущеніямъ всего благого и великаго". Эти мысли, тогда очень ходкія, попадаются часто во всѣхъ статьяхъ Бестужева и всегда эстетическое и этическое сужденіе являются у него тѣсно другъ съ другомъ связанными. Такъ, напр., онъ охотно соглашается съ мнѣніемъ какого-то англичанина, что поэзія „нарѣчіе страстей или воспламененнаго воображенія, заключенное въ извѣстныхъ размѣрахъ, нравясь и плѣняя, даетъ наставленіе и исправляетъ людей"[168].

Онъ даже убѣжденъ, что „безнравственникъ можетъ написать прекрасную статью объ электричествѣ, о хозяйствѣ; но что поэма, высокій романъ и исторія личинъ не знаютъ"[169].

Иногда при разборѣ текущихъ явленій литературы, Бестужевъ совсѣмъ покидалъ всякую эстетическую точку зрѣнія и прямо переходилъ къ разбору моральныхъ идей, заключенныхъ въ разбираемомъ произведеніи. Когда, напр., у насъ были переведены повѣсти для юношества Коцебу — автора очень тогда популярнаго, о которомъ можно было сказать много интереснаго—Бестужевъ обрушился на эти повѣсти, недовольный именно ихъ моралью. Юношамъ, говорилъ онъ, нужно преподносить самую чистую мораль, хотя бы и сухую. А вся мораль Коцебу—утилитарна: „не пренебрегай

бездѣлицами, ибо отъ нихъ въ свѣтѣ зависятъ важныя вещи". „Опасно юношамъ прививать плевелы человѣконенавидѣнія. Не нужно людей показывать черными. Зачѣмъ твердить имъ: мудрецы были чудаки, а великіе люди—эгоисты. Кто выросъ подъ туманомъ подобныхъ мнѣній, тотъ никогда не вспыхнетъ душой при имени правды и отчизны"[170].

Понятно, что при такомъ публицистическомъ взглядѣ на текущія явленія словесности и при укоренившемся убѣжденіи, что мораль и вкусъ тѣснѣйшимъ образомъ другъ съ другомъ связаны,—нашъ авторъ смотрѣлъ на критику какъ на одно изъ лучшихъ орудій нравственнаго воздѣйствія на ближняго.

Критика—краеугольный камень литературы, литература выраженіе господствующаго „вкуса" въ обществѣ, а вкусъ синонимъ личной и государственной морали,—разсуждалъ нашъ моралистъ, и потому не упускалъ случая, гдѣ только было возможно, показать свою критическую сноровку. „Какъ жаль, говорилъ онъ, что нѣтъ критики на все, что выходитъ изъ-подъ печатнаго станка. Публика — дама: она любитъ, чтобы ее водили подъ ручку... Что касается меня, то при каждомъ нашествіи на русскій Парнассъ я буду кричать какъ гусь капитолійскій, чтобы разбудить Манліевъ и Деціевъ"[171].

И онъ исполнилъ свое обѣщаніе: онъ, дѣйствительно, кричалъ иногда какъ гусь—громче всѣхъ остальныхъ; Манліевъ и Деціевъ онъ, конечно, не разбудилъ, но укололъ самолюбіе многихъ и обнаруживалъ подчасъ очень драчливые аллюры *).

Въ выраженіяхъ Бестужевъ не стѣснялся: обругать противника „нетопыремъ, гнѣздящимся въ развалинахъ вкуса[173], поднять кого-нибудь на смѣхъ игриво, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень

*) Пушкинъ, признавая «ѣдкость остроты Бестужева» говорилъ что «Бестужевъ драгунъ» иногда «даетъ карачунъ смыслу». Но большинству читателей эта «драгунская полемика»[172] и «партизанская критика», какъ ее называлъ Вяземскій,—нравилась.

обидно[174], подразнить какого-нибудь автора и затѣмъ спокойно смотрѣть, какъ онъ и его близкіе начнутъ пѣтушиться[175], или въ притворно серьезной формѣ разсужденія начать говорить о томъ, что такое глупцы, насколько степень благоразумія правительства высказывается снисхожденіемъ онаго къ глупцамъ и бездѣльникамъ, что такое дураки и плуты въ политическомъ обществѣ[176]—на все это Бестужевъ былъ мастеръ и все это производило въ то время большое впечатлѣніе.

Конечно, для самого критика не было тайной, что онъ часто тратитъ свои силы по пустякамъ. Онъ понималъ, что критика не должна заниматься мелочами и не должна обнаруживать дурного тона, онъ признавалъ даже, что для обузданія своевольнаго языка, который много болтаетъ при своевольствѣ свободнаго тисненія — нужна цензура[177], но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ зналъ, что ему самому не обойтись безъ мелочей и безъ злоязычія въ своихъ статьяхъ въ виду мелочности самой русской словесности; и не безъ основанія онъ думалъ, что въ общемъ и эти пустяки могутъ оказать на читателя свое хорошее вліяніе.

Въ публицистическомъ очеркѣ „Поѣздка въ Ревель“ Бестужевъ разсказываетъ, какъ на одной станціи, за чашкой соленаго шоколада, онъ на эту тему бесѣдовалъ со своимъ братомъ. Почему,—спрашивалъ его братъ—ты изощряешь шестое твое чувство, т.-е. вкусъ эстетическій, на разныхъ мелочахъ? Во-первыхъ, потому, отвѣчалъ ему авторъ, что не надѣюсь на свои силы... При томъ лѣнь, разсѣянье и служба; наконецъ, о лучшихъ писателяхъ мнѣніе публики уже установилось. Когда же я вижу людей, изъ коихъ одни хотятъ пробить дверь славы мѣднымъ лбомъ самохвальства, а другіе проползть къ ней въ замочную скважину—кровь моя кипитъ и въ зеркалѣ критики Мидасъ любуется своими ушами, которыхъ бы онъ не увидѣлъ иначе. У насъ литературное имя можно подчасъ купить и завтраками, и молодые люди, начинающіе писать, могутъ обольститься ложнымъ блескомъ,

и тогда—прощай образованность. Я знаю, что многіе обрекли меня на остракизмъ, не читавши... благодаря критикѣ, мнѣ часто приписываютъ честь авторства всѣхъ безыменныхъ глупостей Петербурга; наконецъ, вижу, что многія особы изъ прекраснаго пола по наслышкѣ раздѣляютъ мнѣнія о моемъ мнимомъ злоязычіи... Но я ли виноватъ, что у насъ до сихъ поръ слово: „критика“ значитъ одно съ бранью?..

— „Но зачѣмъ облекать разборы свои въ шуточную одежду и засѣвать сужденія остротами, часто обидными?“— спрашивалъ его собесѣдникъ.

„Что дѣлать, отвѣчалъ онъ, сухая ученость, неприправленная шутками, никакъ не понравится юношескому вкусу нашей публики; вниманіе читателей надобно привлекать, какъ электричество—остротами... Но, foi d'un journaliste, я обѣщаюсь исправиться и не обращать рецензій моихъ въ арсеналъ игрушекъ!“

— „А не лучше ли совсѣмъ оставить безплодное поле критики и не критиковать пустяковъ“?

„А я опять повторяю тебѣ, что кого бы и какъ бы ни разбирали, все-таки рано, поздно ли, это принесетъ пользу. Въ спорахъ критическихъ образуется вкусъ, и правила языка принимаютъ твердость... Если пять человѣкъ изъ сотни читающихъ разсудятъ о вещи, какъ должно—намѣреніе выполнено. Критика, какъ благотворный Нилъ разливомъ своимъ истребляетъ вредныхъ насѣкомыхъ, освѣжаетъ атмосферу вкуса и плодотворитъ юныя растенія, оставляя на поляхъ словесности золотой песокъ. Критика была и будетъ краеугольнымъ камнемъ литературы“[178].

XXV.

На этомъ поприщѣ критики, столь важномъ въ его глазахъ, Бестужевъ выступалъ хотя и безъ систематической подготовки, но съ очень разнообразными знаніями. Онъ про-

являлъ ихъ нерѣдко, и иногда по вопросамъ довольно спеціальнымъ. Приходилось ли критиковать книгу ученаго Греча, онъ ставилъ автору рядъ вопросовъ по исторіи языка, народнаго и книжнаго, по миѳологіи и древней литературѣ[179]. При другомъ случаѣ онъ разсуждалъ о языкѣ Несторовой лѣтописи, сравнивалъ языкъ „Русской Правды“ съ языкомъ Библіи, спорилъ съ Катенинымъ, можно ли найти элементы бѣлорусскаго нарѣчія въ языкѣ Слова о Полку, и попутно показывалъ, что онъ знакомъ и съ англійской, и съ французской, и съ испанской литературой[180].

Не страшился Бестужевъ при случаѣ рецензировать и философскія книги.—Изъ его рецензій видно, что онъ съ французской философской литературой XVIII вѣка былъ слегка знакомъ, хотя вообще обнаруживалъ недовѣріе къ новѣйшимъ философамъ. „Философія есть необходимѣйшій предметъ для общественнаго благосостоянія, говорилъ онъ, но чтобы изъ выжитаго уже лимона философіи вытиснуть хоть каплю новаго, надобно родиться съ геніемъ Лейбница и краснорѣчіемъ Платона, а то большая половина философскихъ системъ походитъ на кафтанъ Донъ Ранудо де Коллибрадоса, зачиненный съ лица кусками, изъ спины вырѣзанными“[181].—Самъ Бестужевъ, конечно, въ эту философію не углублялся, но съ эстетическими теоріями былъ знакомъ, и разсуждалъ о Шлегелѣ, о Блерѣ и о Буттервекѣ[182].

Какъ бы отрывочны, иной разъ совсѣмъ незначительны, ни были всѣ эти рецензіи Бестужева, но въ нихъ всегда была, если не серьезная мысль, то серьезное побужденіе. Въ свое время онѣ были, кромѣ того, и самыми остроумными, и вполнѣ самостоятельными отзывами. Это ихъ качество было оцѣнено современниками еще прежде, чѣмъ нашъ авторъ сталъ систематизировать свои отзывы въ цѣлыя „Обозрѣнія словесности“.

Въ 1822 году „Вольное общество любителей россійской словесности“, издававшее „Соревнователь Просвѣщенія и Благотворенія“, избрало Александра Александровича цензо-

ромъ библіографіи на 1823 г.[183]. Въ этомъ же году и „Сѣверный Архивъ“ въ своемъ аннонсѣ говорилъ о Бестужевѣ, какъ о литераторѣ, „извѣстномъ своими остроумными критиками“. Позднѣе, когда въ „Полярной Звѣздѣ“ начали появляться его „Обозрѣнія“—Бестужевъ сталъ въ ряду первыхъ критиковъ, и самъ Пушкинъ не отказывалъ ему въ уваженіи. „Прелестнымъ“ называлъ Пушкинъ его дарованіе, когда первый разъ писалъ ему (21-го іюня 1822 г.). „Ты да Вяземскій—вы одни можете разгорячить меня“ (13-го іюня 1823 г.). „Твои статьи не могутъ почесться уложеніемъ вкуса, писалъ Пушкинъ при другомъ случаѣ Бестужеву (21-го марта 1825 г.), но ты достоинъ создать критику“ (апрѣль 1825)[184].

Бестужевъ критики не создалъ, и по самому характеру своего публицистическаго темперамента и ума врядъ ли бы могъ ее создать, но онъ серьезно воспитывалъ себя для этой работы и въ тѣ годы, когда жилъ на свободѣ, и потомъ—въ ссылкѣ.

Ходъ этой работы можно прослѣдить по его трудамъ съ точностью. Помимо летучихъ критическихъ замѣтокъ общаго и частнаго содержанія, о которыхъ уже упомянуто, въ литературномъ наслѣдствѣ Бестужева сохранились отзывы его о памятникахъ иностранной словесности—очень характерныя для опредѣленія его критическихъ сужденій; сохранились затѣмъ три большихъ обозрѣнія русской литературы за 1823—1825 годы, напечатанныя въ „Полярной Звѣздѣ“; масса мелкихъ замѣтокъ по текущей словесности, попадается и въ его письмахъ, а также иногда и въ его романахъ; наконецъ, ему же принадлежитъ опытъ обозрѣнія чуть ли не всемірной литературы, напечатанный въ 1834 г. въ „Телеграфѣ“.

Попытаемся на основаніи этихъ матеріаловъ прослѣдить ростъ критическихъ пріемовъ и взглядовъ Бестужева, и прежде всего обратимся къ тѣмъ обозрѣніямъ русской словесности, которыя послѣдовательно, въ продолженіе трехъ лѣтъ, появлялись на страницахъ „Полярной Звѣзды“.

Первая статья, появившаяся въ 1823 г. въ этомъ альманахѣ, была озаглавлена „Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи“.

XXVI.

Статья произвела на читателей странное впечатлѣніе необычностью своей формы и невыдержанностью своихъ сужденій. Иначе, впрочемъ, и быть не могло, такъ какъ авторъ поставилъ себѣ задачу почти неразрѣшимую. Онъ хотѣлъ, во-первыхъ, дать очеркъ всего развитія русской литературы съ древнѣйшихъ временъ до 1825 года,—и при томъ на нѣсколькихъ страницахъ, вслѣдствіе чего неизбѣжно принужденъ былъ дѣлать большіе пропуски и ограничиваться самыми общими словами. Онъ хотѣлъ, затѣмъ, высказать нѣсколько общихъ соображеній о малыхъ успѣхахъ русской словесности, о бѣдности ея содержанія и малой самобытности, и, наконецъ, онъ желалъ, насколько возможно, подчеркнуть достоинства и оттѣнить характерныя черты творчества всѣхъ писателей, въ которыхъ онъ замѣчалъ хоть искорку таланта. Такъ какъ въ числѣ этихъ писателей было много лицъ съ нимъ дружныхъ, и еще больше лицъ, которые были ему нужны, какъ сотрудники, настоящіе или будущіе, его альманаха, то естественно, что въ своихъ критическихъ сужденіяхъ о литературной дѣятельности этихъ писателей Бестужевъ былъ не свободенъ: онъ стремился каждому сказать любезность, а въ итогѣ, по его собственному же разсчету, должна была получиться картина упадка и несовершенства той самой литературы, надъ процвѣтаніемъ которой всѣ эти—обласканные авторомъ — писатели трудились. Противорѣчія становились неизбѣжны.

Полнаго очерка развитія русской литературы съ древнѣйшихъ временъ Бестужевъ, конечно, не далъ. Упомянувъ очень глухо объ образованіи русскаго языка и объ его связи

со старо-славянскимъ, указавъ на политическія препоны, которыя замедлили ходъ просвѣщенія и успѣхи словесности въ Россіи, посвятивъ два сухихъ слова лѣтописямъ и Русской Правдѣ и нѣсколько цвѣтистыхъ и теплыхъ словъ пѣснѣ о Полку Игоревѣ,—критикъ „однимъ шагомъ переступаетъ разстояніе пяти столѣтій" и начинаетъ говорить о Петровскомъ и объ Екатерининскомъ времени. Вмѣсто того, чтобы дать общую картину литературныхъ теченій этого времени, онъ пытается охарактеризовать творчество отдѣльныхъ писателей. и, такъ какъ характеристика писателей безъ яркой писательской физіономіи дѣло очень трудное, то онъ и стремится красивыми оборотами рѣчи замѣнить точность опредѣленій.

„Подобно сѣверному сіянію съ береговъ Ледовитаго моря, геній Ломоносова озарилъ полночь. Бездарный Тредьяковскій пресмыкался, какъ муравей, и оставилъ въ себѣ примѣръ трудолюбія и безвкусія... Сумароковъ былъ отцомъ нашего театра, но теперь прежніе вѣнки его вянутъ и облетаютъ... Херасковъ писалъ плавными стихами, хотя кудряво и пространно. Богдановичъ, поэтъ милый и добродушный, разнообразенъ подобно Протею... Въ басняхъ Хемницера геніальная небрежность составляетъ прелесть, которой нельзя подражать, и которой не должно въ немъ исправлять... Фонъ-Визинъ въ своихъ комедіяхъ въ высочайшей степени умѣлъ схватить черты народности и, подобно Сервантесу, привесть въ игру мелкія страсти деревенскаго дворянства... Наконецъ, къ славѣ народа и вѣка явился Державинъ. Лирикъ-философъ, онъ нашелъ искусство съ улыбкою говорить царямъ истину и открылъ тайну возвышать души. Его слогъ неуловимъ, какъ молнія, роскошенъ, какъ природа. Но часто восторгъ его упреждалъ въ полетѣ правила языка, и съ красотами вырывались ошибки. На закатѣ жизни Державинъ написалъ нѣсколько пьесъ слабыхъ, но и въ нихъ мелькаютъ искры генія. Такъ драгоцѣнный алмазъ долго еще горитъ во тьмѣ, будучи напоенъ лучемъ солнеч-

нымъ; такъ курится подъ снѣжной корой трехклиматный Везувій послѣ изверженія, и путникъ въ густомъ дымѣ его видитъ предтечу новой бури. Между тѣмъ блеснулъ Карамзинъ на горизонтѣ прозы, подобно радугѣ послѣ потопа. Онъ двинулъ счастливой новизной ржавыя колеса механизма русскаго языка и далъ ему народное лицо. Время разсудить Карамзина какъ историка (!), но долгъ правды и благодарности современниковъ вѣнчаетъ сего краснорѣчиваго писателя... Бобровъ изобиленъ сильными мыслями и рѣзкими изображеніями. Князь Долгорукій отличенъ свободнымъ разсказомъ и непринужденною веселостью. Муравьевъ писалъ мужественною, чистою, Подшиваловъ безыскусственною прозою. Макаровъ острыми критиками своими оказалъ значительную услугу словесности... Унылая поэзія Востокова дышетъ философіей и глубокимъ чувствомъ... Пнинъ съ дарованіемъ соединялъ высокія чувства поэта... Измайловъ избралъ для предмета сказокъ низшій классъ общества, и современемъ будетъ имѣть въ своемъ родѣ большую цѣну, какъ вѣрный историкъ сего класса народа... Шишковъ сильно и справедливо возсталъ противъ новизны слезлистыхъ полурусскихъ іереміадъ... Стихи Шатрова полны рѣзкихъ мыслей и чувствъ. Князь Шихматовъ имѣетъ созерцательный духъ и плавность въ элегическихъ стихотвореніяхъ и т. д.

Сборникъ такихъ сентенцій отнюдь не можетъ назваться критикой; у автора нѣтъ никакого критическаго масштаба; онъ не различаетъ ни школъ, ни направленій въ словесности онъ лишь кое-гдѣ, какъ, напр., въ своихъ отзывахъ объ Измайловѣ и фонъ-Визинѣ, вѣрно схватываетъ основной мотивъ торчества поэта, но зато тутъ же рядомъ съ такими оригинальными писателями ставитъ совсѣмъ блѣдныхъ и второстепенныхъ, почти не различая степени ихъ силы и своеобразности.

Бестужевъ, въ общемъ столь чуткій къ красотѣ и столь цѣнящій самобытность въ художникѣ — какъ будто въ данномъ случаѣ совсѣмъ не пользуется этимъ своимъ даромъ, и

легко догадаться почему. Онъ хочетъ быть не столько критикомъ, сколько историкомъ: онъ пишетъ историческое обозрѣніе, а не критическую статью, и, выполняя это обозрѣніе, онъ стремится сдержать свои личные вкусы. Такимъ образомъ, всѣ эти страницы Бестужева, при всей пустотѣ ихъ содержанія, имѣютъ свое значеніе какъ первый опытъ историческаго обозрѣнія нашей словесности.

Эти же критическіе промахи повторилъ Бестужевъ и во второй части своей статьи, гдѣ ему пришлось говорить о писателяхъ XIX вѣка, о своихъ современникахъ. Ему удалась только характеристика поэзіи Крылова и Жуковскаго; объ остальныхъ пришлось ему опять говорить языкомъ ничего не говорящимъ.

За басней Крылова Бестужевъ призналъ оригинально-классическое достоинство, отмѣтилъ ея простодушіе, народность ея языка и ея русскій здравый умъ: онъ пожалѣлъ также о томъ, что Крыловъ мало писалъ для театра, такъ какъ при своемъ знаніи нравовъ русскихъ онъ могъ бы придать нашей комедіи истинно народныя черты.

Въ оцѣнкѣ Жуковскаго критикъ проявилъ большое безпристрастіе. Свою нелюбовь къ Жуковскому, какъ къ человѣку, онъ скрылъ, и старался понять поэта, и то, что онъ сказалъ о немъ, было потомъ почти дословно повторено и развито Бѣлинскимъ въ его извѣстной характеристикѣ „романтизма“.

Кто не увлекался мечтательной поэзіей Жуковскаго, чарующаго столь сладостными звуками? — спрашивалъ Бестужевъ. Есть время въ жизни, въ которое избытокъ неизъяснимыхъ чувствъ волнуетъ грудь нашу; душа жаждетъ излиться, и не находитъ вещественныхъ знаковъ для выраженія: въ стихахъ Жуковскаго, будто сквозь сонъ, мы, какъ знакомыхъ, встрѣчаемъ олицетворенными свои призраки, воскресшимъ былое. Намагниченное желѣзо клонится къ безвѣстному полюсу, его воображеніе къ таинственному идеалу чего-то прекраснаго, но неосязаемаго, и сія отвлеченность

проливаетъ на всѣ его произведенія особенную привлекательность. Душа читателя потрясается чувствомъ унылымъ, но невыразимо-пріятнымъ. Можно замѣтить только, что онъ далъ многимъ изъ своихъ твореній германскій колоритъ, сходящій иногда въ мистику, и вообще наклонность къ чудесному; но что значатъ сіи бездѣльные недостатки во вдохновенномъ пѣвцѣ 1812 года?

Эта характеристика единственная болѣе или менѣе подробная и вѣрная въ очеркѣ Бестужева; остальныя опять голословны. Поэзія Батюшкова подобна рѣзвому водомету, который то ниспадаетъ мѣрно, то плещется съ вѣтеркомъ. Тонкая нѣга и страстное упоеніе любви попеременно одушевляютъ его, и, какъ электричество, сообщаются душѣ читателя. Сами Граціи натирали краски, эстетическій вкусъ водилъ перомъ его... Пушкинъ — новый Протей — похитилъ небесный огонь и, обладая онымъ своенравно играетъ сердцами. Каждая пьеса его ознаменована оригинальностью: послѣ чтенія каждой остается что-нибудь въ памяти или въ чувствѣ. Мысли Пушкина остры, смѣлы, огнисты; языкъ свѣтелъ и правиленъ... Остроумный князь Вяземскій щедро сыплетъ сравненія и насмѣшки. Почти каждый стихъ его можетъ служить пословицей, ибо каждый заключаетъ въ себѣ мысль. Онъ творитъ новыя, облагораживаетъ народныя слова и любитъ блистать неожиданностью выраженій... Въ Гнѣдичѣ виденъ духъ творческій и душа воспламеняемая, доступная всему высокому... Въ сочиненіяхъ Ѳ. Глинки отсвѣчивается ясная его душа: стихи его благоухаютъ нравственностью... Амазонская муза Давыдова говоритъ откровеннымъ нарѣчіемъ воиновъ, любитъ бесѣды вокругъ пламени бивуака, и съ улыбкой рыщетъ по полю смерти. Баратынскій нравится новостью оборотовъ; его мысли не величественны, но очень милы. Во многихъ бездѣлкахъ виденъ развивающійся даръ; нѣкоторыя изъ нихъ похищены, какъ кажется, изъ Альбома Грацій... Воейковъ — поэтъ, вдохновенный умомъ, а не воображеніемъ... Притчи Остолопова оригинальны рѣзкостью

и правдою нравоученій... Родзянко, безпечный пѣвецъ красоты и забавы: онъ пишетъ немного, но легко и пріятно... В. Пушкинъ отличенъ вѣжливымъ, тонкимъ вкусомъ, разсказомъ природнымъ и плавностью... Стихи Плетнева можно уподобить гармоникѣ... Дельвигъ одаренъ талантомъ вымысла; но, пристрастясь къ германскому эмпиризму (?) и древнимъ формамъ, нерѣдко вдается въ отвлеченность. Въ бездѣлкахъ его видна не нарумяненная природа... Полуразвернувшіяся розы стихотвореній М. Дмитріева обѣщаютъ въ немъ образованнаго поэта... Филимоновъ вложилъ много ума и нравственности въ свои произведенія... Южаковъ въ бездѣлкахъ своихъ разбросалъ цвѣтки свѣтской философіи... Козловъ, поэтъ-слѣпецъ, пишетъ мило и трогательно, и т. д. въ такомъ же родѣ...

Страницы, посвященныя развитію театра и прозы, писаны въ этомъ же стилѣ съ тою только разницей, что критикъ смотритъ весьма нерадостно на эти области русскаго словеснаго творчества. Русскій театръ безплодное поле, а русская проза—степь. Безлюдье этой степи доказываетъ младенчество нашего просвѣщенія. У насъ множество стихотворцевъ и почти вовсе нѣтъ прозаиковъ, потому что гремушка занимаетъ дѣтей прежде циркуля: стихи, какъ лесть слуху, сносимы даже самые посредственные. Для настоящей прозы мы еще не доросли и, обладая не разработанными сокровищами слова, мы, подобно первобытнымъ американцамъ, мѣняемъ золото онаго на блестящія заморскія бездѣлки...

Сужденіе Бестужева правильно, но странно послѣ этой общей характеристики читать такіе отзывы объ отдѣльныхъ писателяхъ: рѣзкимъ перомъ Каченовскаго владѣетъ языкъ чистый и важный; историческія и критическія статьи его дѣльны, умны и замысловаты... Слогъ переводовъ В. Измайлова цвѣтистъ и правиленъ. Броневскій привлекаетъ вниманіе разнообразіемъ предметовъ, слогомъ цвѣтущимъ, быстротой разсказа... Гречъ соединяетъ въ себѣ остроту и тон-

кость разума съ отличнымъ знаніемъ языка. На пламени его критической лампы не одинъ литературный трутень опалилъ свои крылья. Русское слово обязано ему новыми грамматическими началами... Булгаринъ, литераторъ польскій, пишетъ на языкѣ нашемъ съ особенной занимательностью, онъ глядитъ на предметы съ совершенно новой стороны, излагаетъ мысли свои съ какою-то военной искренностью и правдой, безъ пестроты, безъ игры словъ; обладая вкусомъ разборчивымъ и оригинальнымъ, который не увлекается даже пылкой молодостью чувствъ, поражая не заимствованными формами слога, онъ, конечно, станетъ въ рядъ свѣтскихъ нашихъ писателей... Прямой неровный слогъ Головнина имѣетъ большее достоинство... Слогъ Свиньина небреженъ, но выразителенъ... Нарѣжный въ „Славянскихъ вечерахъ“ своихъ разбросалъ дикіе цвѣты сѣверной поэзіи. Впрочемъ, проза его слишкомъ мѣрна и однозвучна... Д. Княжевичъ пишетъ мило, умно и правильно...

Читая всѣ эти почетные дипломы, не понимаешь, какъ они вяжутся со взглядами автора на отсутствіе у насъ настоящей прозы, да и вообще, вникая во всю эту статью, уснащенную комплиментами, видишь полное несовпаденіе ея основной мысли о нашей литературной незрѣлости съ тѣмъ, что авторъ говоритъ объ отдѣльныхъ работникахъ на литературной нивѣ. Авторъ, повидимому, несвободный въ своей оцѣнкѣ,—самъ не пожелалъ замѣтить этого противорѣчія и въ заключеніе своей статьи подчеркнулъ еще разъ свои основныя положенія: „Въ сей картинѣ, говорилъ онъ, читатели увидятъ, въ какомъ бѣдномъ отношеніи находится число оригинальныхъ писателей къ числу пишущихъ, а число дѣльныхъ произведеній къ количеству оныхъ“.

Какія же тому причины?—спрашиваетъ онъ.

Перечень этихъ причинъ у Бестужева крайне характеренъ: до того произвольно онѣ подобраны и сопоставлены: рядомъ съ весьма важными стоятъ совершенно ничтожныя.

Причина малаго процвѣтанія словесности, — говоритъ

авторъ,—необъятность Имперіи. Эта необъятность препятствуетъ сосредоточиванію мнѣній и замедляетъ образованіе вкуса публики. Университеты, гимназіи, лицеи, институты и училища разливаютъ свѣтъ наукъ, но составляютъ самую малую часть въ отношеніи къ многолюдству Россіи. Недостатокъ хорошихъ учителей, дороговизна книгъ и малое число журналовъ не позволяютъ проницать просвѣщенію въ уѣзды, а въ столицахъ содержать дѣтей не каждый въ состояніи. Феодальная умонаклонность многихъ дворянъ усугубляетъ сіи препоны... Въ столицахъ — одни презираютъ науки, другіе не хотятъ учить своихъ дѣтей. Въ столицахъ разсѣяніе и страсть къ мелочамъ занимаютъ юношей, никто не посвящаетъ себя безвыгодному и безсребренному ремеслу писателя, и—къ чести военнаго званія—должно сказать, что молодые офицеры наиболѣе, въ сравненіи съ другими, основательно учатся... Въ отношеніи къ писателямъ должно замѣтить, что многіе изъ нихъ сотворили себѣ школы, коихъ упрямство препятствуетъ усовершенствованію слова; другіе не дорожатъ общимъ мнѣніемъ, и на похвалахъ своихъ пріятелей засыпаютъ безпробуднымъ сномъ золотой посредственности.

Но главнѣйшая причина, по мнѣнію Бестужева, есть изгнаніе родного языка изъ общества и равнодушіе прекраснаго пола (?!) ко всему, на оном̀ писанному. „Чего нельзя совершить, дабы заслужить благосклонный взоръ красавицы? спрашиваетъ Бестужевъ, выходя изъ роли критика и впадая въ тонъ свѣтской болтовни. Одна улыбка женщины умной и просвѣщенной награждаетъ всѣ труды и жертвы! У насъ почти не существуетъ сего очарованія, и вамъ, прелестныя мои соотечественницы, жалуются музы на васъ самихъ“.

Но утѣшимся, кончаетъ Бестужевъ свою статью, вкусъ публики, какъ подземный ключъ, стремится къ вышинѣ. Новое поколѣніе людей начинаетъ чувствовать прелесть языка родного и въ себѣ силу образовать его. Время невидимо сѣетъ просвѣщеніе, и туманъ, лежащій теперь на полѣ рус-

ской словесности, хотя мѣшаетъ побѣгу, но даетъ большую твердость колосьямъ и обѣщаетъ богатую жатву. [„Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи“ „Полярная Звѣзда“ 1823 стр. 1—44].

Эта статья Бестужева, которая кажется намъ теперь столь незначительной, которая вся—или „общія мѣста или перечень писателей безъ опредѣленія ихъ относительнаго значенія“, статья, въ которой „внѣшняя форма выраженія скрываетъ внутреннюю пустоту“, въ свое время произвела жестокія литературныя пренія и стала „яблокомъ раздора на Парнассѣ“.

Чтобы увидать, какъ нетребователенъ былъ тогда читатель, достаточно привести нѣсколько отзывовъ, которыми эта статья была тогда встрѣчена въ печати. „Взглядъ“ Бестужева былъ принятъ, какъ весьма серьезная работа. Автору выговаривали, правда, за то, что онъ увлекся сравненіями, и не соглашались съ его рѣшительными и краткими приговорами. „Бестужевъ выражается кратко, сильно—писалъ одинъ обозрѣватель, но неровно. Въ немъ много остроты, которая часто показывается изысканною. Онъ до пристрастія любитъ игру словъ. Въ украшеніяхъ его слога нерѣдко вырывается что-то слишкомъ молодое и затѣйливое“,—но зато онъ смотритъ на все своими глазами, самъ мыслитъ, и онъ очень зорокъ,—что доказывается, напр., его разсужденіями о причинахъ упадка нашей литературы“[185].

Почти то же самое говорили и другіе. Въ „Вѣстникѣ Европы“ къ Бестужеву отнеслись всего строже: напали на его слогъ, указали на нѣкоторые пропуски, но оттѣнили его остроумную, колкую, иногда бранчивую критику[186]. Особеннымъ нападкамъ подвергся его слогъ. Читатель никакъ не хотѣлъ простить Бестужеву, что по его терминологіи „языкъ можетъ быть изломанъ, свѣтелъ, разрывчатъ, плавокъ, несправедливъ, развязанъ, звонокъ, рѣшителенъ, картиненъ, упрямъ, вселичный, обжившійся въ обществѣ, кипящій мыслями, а слогъ—сердеченъ, тяжелъ, неуловимъ, вне-

запенъ, замысловатъ, стихи—стопованы, бѣглы, заржавлены", и т. д.[187].

Всего рѣзче отозвался о статьѣ Бестужева Карамзинъ. „Обозрѣніе русской литературы — писалъ онъ Дмитріеву — написано какъ бы на смѣхъ, хотя авторъ и не безъ таланта, кажется"[188].

А. Измайловъ писалъ по поводу этой статьи: „Какое пристрастіе и неосновательность въ сужденіяхъ о новѣйшихъ нашихъ писателяхъ и какимъ шутовскимъ языкомъ все это написано подъ руководствомъ временныхъ засѣдателей нашего Парнасса!"[189].

Бестужевъ не остался равнодушенъ ко всѣмъ этимъ отзывамъ. Въ длинной статьѣ онъ самъ пояснилъ, какія онъ себѣ ставилъ цѣли, когда сочинялъ ее. Недоброжелательные отзывы онъ объяснялъ себѣ, какъ продуктъ раздраженія читателей на него за то, что онъ, въ его годы, посмѣлъ разсуждать вслухъ; кое-какія замѣчанія о своемъ слогѣ онъ принялъ къ свѣдѣнію; „никакому порядку въ своей статьѣ я не слѣдовалъ, говорилъ онъ, потому, что Пантеонъ не рота и ранжировать поэтовъ значило бы повторять анекдотъ капрала, который тесакомъ выровнялъ органы подъ ростъ". „Меня укоряютъ въ неологизмахъ, продолжалъ онъ, но если бы посудили, что я долженъ былъ избѣгать своихъ повтореній и встрѣчи съ русскими и чужеземными писателями характеристикъ, что я разрабатывалъ тощее однообразное поле и потому рѣдко писалъ по вдохновенію, что я принужденъ былъ писать коротко, ново и странно, чтобъ быть понятну, — то, конечно, простили бы мнѣ многое"—и Бестужевъ, слегка разсерженный, прощался съ читателемъ аррогантными словами: „Извините, говорилъ онъ, что скоро оканчиваю—мнѣ пора на дежурство"[190].

Годъ спустя послѣ того, какъ этотъ „Взглядъ" былъ написанъ, въ „Полярной Звѣздѣ" на 1824 годъ Бестужевъ опять принялся за „переборъ всѣхъ нашихъ писателей"— какъ выражался Гречъ[191], и опять впалъ въ тѣ же ошибки.

Свою вторую статью, озаглавленную „Взглядъ на русскую словесность въ теченіе 1823 года“ критикъ начинаетъ опять своей излюбленной мыслью о современномъ оцѣненіи русской словесности. У насъ былъ, говоритъ онъ, періодъ расцвѣта литературы въ великую эпоху 12-го года, но политическая буря утихла; укротился и энтузіазмъ. Отдохновеніе послѣ сильныхъ ощущеній обратилось въ лѣнивую привычку; непостоянная публика приняла вкусъ ко всему отечественному, какъ чувство, и бросило его, какъ моду. Войска возвратились съ лаврами на челѣ, но съ французскими фразами на устахъ, и затаившаяся страсть къ галлицизмамъ захватила вдругъ всѣ состоянія сильнѣй, чѣмъ когда-либо. Слѣдствіемъ этого было совершенное охлажденіе лучшей части общества къ родному языку и поэтамъ, начинавшимъ возникать въ это время, и, наконецъ, совершенное оцѣпенѣніе словесности въ прошедшемъ году... Такъ гаснетъ лампада безъ теченія воздуха; такъ заглушается дарованіе безъ одобреній...

И вотъ, послѣ этой вступительной рѣчи, приступая къ обзору литературныхъ новинокъ, авторъ вновь начинаетъ сбивать съ толку своего читателя... Оказывается, что въ этомъ „бѣдномъ“ году Броневскій и Муравьевъ-Апостолъ написали книги, заслуживающія во всѣхъ отношеніяхъ вниманіе европейцевъ; Булгаринъ далъ свѣжій и разнообразный, быстрый и новый разсказъ объ Испаніи; Мерзляковъ блисталъ убѣжденіемъ, силой и красотой; Гречъ развернулъ совершенно новыя и ближайшія къ природѣ русскаго языка начала; Глинка написалъ Русскую Исторію, достойную быть ручной книжкой въ семействахъ; Загоскинъ сочинилъ хорошія комедіи; Шаховской—даже высокую комедію, не говоря уже о Карамзинѣ, у котораго совершенство слога и сила чувствъ отъ прекраснаго начала шли все выше и выше, какъ орелъ, устремляющійся съ вершины горъ въ небо... Впрочемъ, удивляться нечего, добавлялъ Бестужевъ: шагаемъ мы необычайно быстро. Ученики пишутъ теперь такимъ слогомъ,

котораго самые геніи сперва рѣдко добывали, и, теряя въ числительности твореній, мы выигрываемъ въ чистотѣ слога.

Одинъ недостатокъ: у насъ мало творческихъ мыслей — заканчиваетъ свою статью Бестужевъ. Языкъ нашъ можно уподобить прекрасному усыпленному младенцу: онъ лепечетъ сквозь сонъ гармоническіе звуки или стонетъ о чемъ-то: но лучъ мысли рѣдко блуждаетъ по его лицу. Это младенецъ, но младенецъ Алкидъ, который въ колыбели еще удушалъ змѣй!

„Въ вашей литературной статьѣ много хорошаго, — писалъ кн. П. А. Вяземскій Бестужеву по поводу этого „Взгляда“,—но опять та же выисканность и какая-то аффектація въ выраженіяхъ. Вы не свободны и подчиняете себя побочнымъ условіямъ, околичностямъ. Кому же не быть независимымъ, какъ не намъ, которые пишутъ изъ побужденій благороднаго честолюбія, безкорыстной потребности души? Достоинство писателя у насъ упадаетъ съ каждымъ днемъ и если новому числу избранныхъ не поддержать его, то литература сдѣлается какою-то казенною службою, полицейскимъ штатомъ или, и того хуже—какимъ-то отдѣленіемъ министерства просвѣщенія. Независимость—вотъ власть, которой должны мы служить вѣрой и правдой. Безъ нея нѣтъ писателю спасенія: и умъ, и сердце его, и чернила—все безъ нея заплѣснѣетъ“[192].

Этотъ дружескій, но суровый выговоръ подѣйствовалъ. Годъ спустя, въ третьей книжкѣ „Полярной Звѣзды“ на 1825 годъ Бестужевъ рѣшился еще разъ попытать свои силы какъ обозрѣватель русской словесности. Эта третья статья „Взглядъ на русскую словесность въ теченіе 1824 и началѣ 1825 годовъ“ была болѣе серьезна, чѣмъ предыдущая, и тонъ ея былъ болѣе строгій. Но въ общемъ и она говорила о неустойчивости критическихъ вкусовъ и пріемовъ автора.

Статья начиналась опять съ отрицанія русской словесности. У насъ нѣтъ литературы,—говорилъ Бестужевъ; но тотчасъ же, какъ добрый патріотъ, онъ сталъ думать, чѣмъ бы

возмѣстить этотъ недостатокъ. Если нѣтъ литературы,— утверждалъ онъ,—зато у насъ есть критика: мы пресытились, не вкушая, мы въ ребячествѣ стали брюзгливыми стариками. Почему это? Во-первыхъ, потому, что мы воспитаны иноземцами, мы всосали съ молокомъ безнародность и удивленіе только къ чужому. Къ довершенію несчастія мы выросли на одной французской литературѣ, вовсе не сходной съ нравомъ русскаго народа, ни съ духомъ русскаго языка, и къ тому же мы слишкомъ безстрастны и слишкомъ лѣнивы и недовольно просвѣщены, чтобы и въ чужихъ авторахъ видѣть все высокое, оцѣнить все великое; мы выбираемъ себѣ авторовъ по плечу. Мы только начинаемъ чувствовать и мыслить, но ощупью. Жизнь необходимо требуетъ движенія, а развивающійся умъ—дѣла; онъ хочетъ шевелиться, когда не можетъ летать, но не занятый политикой—весьма естественно, что дѣятельность его хватается за все, что попадется, а какъ источники нашего ума очень мелки для занятій важнѣйшихъ, мудрено ли, что онъ кинулся въ кумовство и пересуды... и критика, единственное, что у насъ есть, и она недалеко ушла въ основательности и приличіи. Она ударилась въ сатиру, въ частности и болѣе въ забаву, чѣмъ въ пользу. И какъ было бы желательно, чтобы критика эта отвергла всѣ личности, всѣ частности, всѣ разсчетные виды, чтобы она не корпѣла надъ запятыми и имѣла бы взоръ болѣе общій, правила болѣе стихійныя. Лица и случайности проходятъ, но народы и стихіи остаются вѣчно...

Но отчего же у насъ нѣтъ геніевъ и мало талантовъ литературныхъ? Говорятъ, что отъ недостатка ободренія. Слава Богу, что нѣтъ такого ободренія. Истинные таланты въ немъ не нуждаются. Скорбь есть зародышъ мыслей, уединеніе ихъ горнило, и пусть таланты страдаютъ въ жизни. Истиннаго поэта зоветъ уединеніе, душа его проситъ природы; богатое неисчерпанное лоно старины и мощнаго свѣжаго языка передъ нимъ разступается: вотъ стихія поэта, вотъ колыбель генія. Нѣтъ, литературы у насъ нѣтъ потому, что у насъ

нѣтъ воспитанія. Мы учимся припѣваючи, и отъ того навсегда теряемъ способность и охоту къ дѣльнымъ, къ долгимъ занятіямъ. При самыхъ счастливыхъ дарованіяхъ, мы едва имѣемъ время на лету схватить отдѣльныя мысли; но связывать, располагать, обдумывать расположенное не было у насъ ни въ случаѣ, ни въ привычкѣ. Сколько людей, которые бы могли прославить дѣломъ или словомъ отечество, гибнутъ, дремля душой въ вихрѣ моднаго ничтожества, мелькаютъ по землѣ, какъ пролетная тѣнь облака? Да и что въ прозаическомъ нашемъ быту, на безлюдьи сильныхъ характеровъ, можетъ разбудить душу, что заставитъ себя почувствовать? Наша жизнь—безтѣнная китайская живопись, нашъ свѣтъ—гробъ повапленый! Такъ ли жили настоящіе просвѣтители народовъ? Не общество увлекло, но они повлекли за собой общества. Римлянинъ Альфьери, неизмѣримый Байронъ сбросили съ себя золотыя цѣпи фортуны, презрѣли всѣми заманками большого свѣта—зато цѣлый свѣтъ подъ ними и вѣчный день славы ихъ наслѣдіе!

Но, кромѣ пороковъ воспитанія, кромѣ затѣйливаго однообразія жизни нашей — насъ одолѣла страсть къ подражанію. Было время, что мы невпопадъ вздыхали по-стерновски, потомъ любезничали по-французски, теперь залетѣли въ тридевятую даль по-нѣмецки. Когда же попадемъ мы въ свою колею? Когда будемъ писать прямо по-русски. Творенія знаменитыхъ писателей должны быть только мѣрой достоинства нашихъ твореній...

Я могъ бы яснѣе и подробнѣе изслѣдовать сказанныя причины,—заключаетъ свое отрывочное введеніе авторъ,—я бы долженъ былъ присовокупить къ нимъ и раннее убаюкиваніе талантовъ излишними похвалами или чрезмѣрнымъ самолюбіемъ...

Всякій согласится, что причины застоя русской литературы указаны въ этихъ краткихъ словахъ очень мѣтко. Отсутствіе серьезныхъ общественныхъ вопросовъ въ жизни повело къ измельчанію литературы, которая поневолѣ должна была

питаться иноземнымъ. Публицистъ взялъ въ Бестужевѣ верхъ надъ критикомъ, и если бы онъ дѣйствительно „яснѣе и подробнѣе изслѣдовалъ причины“ упадка, его статья много бы выиграла въ силѣ и оригинальности.

Но невозможность ли выразиться яснѣе или неохота глубже вникнуть въ вопросъ заставили его отъ этого краткаго введенія перейти къ разбору самихъ памятниковъ текущей словесности, и изъ суроваго критика онъ опять превратился въ любезнаго патріота, хотя уже не столь безпечнаго въ раздачѣ похвальныхъ листовъ и дипломовъ.

Похвалилъ онъ очень Карамзина за послѣдніе томы его исторіи, признать повѣсти Нарѣжнаго, хотя и со справедливой оговоркой, похвалилъ правильно нѣсколько ученыхъ сочиненій, затѣмъ перешелъ къ поэзіи, гдѣ отмѣтилъ со смысломъ поэтическія красоты такихъ произведеній, какъ „Орлеанская Дѣва“ Жуковскаго, „Бахчисарайскій фонтанъ“ „Онѣгинъ“, и „Цыгане“ (которые ему больше всего понравились), благодарилъ Крылова, Гнѣдича и Козлова, ругнулъ какого-то Покровскаго и Олина, но не удержался и сказалъ, что въ „Ночахъ на гробахъ“ Шихматова, въ облакѣ отвлеченныхъ понятій заключаются многія красоты поэтическія, подобно искрамъ золота, вкрапленнымъ въ темный гранитъ“...

Русскій театръ текущаго года въ общемъ ему не понравился, но всѣ погрѣшности сцены искуплены рукописной комедіей Грибоѣдова „Горе отъ ума“. Она—„феноменъ, какого не видали мы отъ временъ Недоросля. Толпа характеровъ, обрисованныхъ смѣло и рѣзко; живая картина московскихъ нравовъ, душа въ чувствованіяхъ, умъ и остроуміе въ рѣчахъ, невиданная доселѣ бѣглость и природа разговорнаго русскаго языка въ стихахъ—все это завлекаетъ, поражаетъ, приковываетъ вниманіе. Человѣкъ съ сердцемъ не прочтетъ ее, не смѣявшись, не тронувшись до слезъ. Будущее поставитъ эту комедію въ число первыхъ твореній народныхъ“.

Къ альманахамъ текущаго года, къ своимъ конкуррентамъ по „Полярной Звѣздѣ“, Бестужевъ отнесся также спра-

ведливо и строго; онъ осудилъ „нетерпѣливую наклонность времени не только мало писать, но и мало читать“, высказалъ сожалѣніе, что примѣръ „Полярной Звѣзды“ породилъ столько подражаній и—совсѣмъ несправедливо ругнувъ кн. Одоевскаго за его страсть писать теоріи, опровергаемыя на практикѣ, за его диктаторскій тонъ и опрометчивость въ сужденіяхъ—довольно вѣрно и безпристрастно оцѣнилъ достоинства другихъ альманаховъ: „Русской Таліи“ Булгарина, „Русской Старины“ Корниловича и „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“ Дельвига. Любопытно, что, говоря о критической статьѣ Плетнева, которая была помѣщена въ „Сѣверныхъ цвѣтахъ“, онъ, какъ бы отрекаясь отъ собственныхъ недавнихъ грѣховъ, —ставитъ критику въ вину его чрезмѣрную снисходительность: „мнѣ кажется, говоритъ онъ, что г-нъ Плетневъ не совсѣмъ правъ, расточая въ обозрѣніи полной рукой похвалы всѣмъ и увѣряя нѣкоторыхъ поэтовъ, что они не умрутъ потому только, что живы“. Остроумно! Но какъ подходитъ это къ словамъ самого Бестужева въ его недавнихъ „Взглядахъ“!

Статья Бестужева кончается обзоромъ періодической печати: тонъ этихъ заключительныхъ словъ, мѣстами очень мягкій, мѣстами остроумный, показываетъ желаніе автора, какъ можно легче задѣть нашихъ журналистовъ. Колкости сказаны только по адресу „Вѣстника Европы“ и „Телеграфа“, съ которымъ Бестужевъ впослѣдствіи былъ такъ друженъ. „Въ Москвѣ явился двухнедѣльный журналъ „Телеграфъ“, издаваемый г. Полевымъ,—писалъ въ заключеніе своей статьи Бестужевъ. Онъ заключаетъ въ себѣ все, извѣщаетъ и судитъ обо всемъ, начиная отъ безконечно малыхъ въ математикѣ до пѣтушьихъ гребешковъ въ соусѣ или до бантиковъ на новомодныхъ башмачкахъ. Неровный слогъ, самоувѣренность въ сужденіяхъ, рѣзкій тонъ въ приговорахъ, вездѣ охота учить и частое пристрастіе — вотъ знаки сего телеграфа, а смѣлымъ владѣетъ Богъ—его девизъ“[193].

Статья заканчивается, впрочемъ, комплиментомъ по ад-

ресу русскихъ журналистовъ, журналы которыхъ врядъ ли уступаютъ иностраннымъ, такъ какъ во Франціи нѣтъ ни одного сноснаго журнала (кромѣ Revue Encyclopédique), а нѣмцы уже давно живутъ только переводами изъ журнала г. Ольдекопа (?!) *).

Таковъ ходъ мысли въ трехъ главныхъ критическихъ статьяхъ Бестужева. Недостатки ихъ бросаются въ глаза сразу. Въ нихъ нѣтъ ни плана, ни руководящей мысли; въ нихъ нѣтъ ни признака какого-нибудь опредѣленнаго эстетическаго масштаба, не только философскаго, но даже просто литературнаго. Авторъ составляетъ для публики докладную записку о всѣхъ вышедшихъ произведеніяхъ русской словесности, стараясь показать товаръ лицомъ и набивая иногда непомѣрно цѣну самыхъ посредственныхъ произведеній.

Но при этихъ крупныхъ для критика недостаткахъ, въ статьяхъ Бестужева есть достоинства, и для своего времени даже большія. Во-первыхъ, статьи самостоятельны по мысли; въ нихъ нѣтъ примѣненія какихъ-либо извнѣ заимствованныхъ „правилъ“ къ текущимъ новинкамъ русской словесности: авторъ мыслитъ самъ; излагаетъ свои мысли несистематично, разбросанно, но всѣ эти мысли—живыя мысли. Живо въ Бестужевѣ и эстетическое чувство, которое всегда прорывается наружу когда авторъ не связанъ обязанностью говорить комплименты.

Но главное значеніе имѣла публицистическая тенденція,

---

*) «Совѣстно было похвалить «Обозрѣніе» писалъ А. И. Тургеневъ И. Дмитріеву. И въ нашихъ журналахъ рѣдко встрѣчаешь такую нелѣпицу. Бестужевъ перещеголялъ Мольеровскихъ барынь! И какое наглое безстыдное самохвальство патріотизма! Мы превзошли Нѣмцевъ и Французовъ журналами! Нѣмцы отнимаютъ суму у Ольдекопа! У Французовъ одинъ журналъ сносный»[194].

«Кромѣ нѣкоторыхъ стихотвореній, писалъ Измайловъ И. Дмитріеву я прочелъ въ «Полярной Звѣздѣ» только «Взглядъ» Завирашки на русскую словесность 1824 и 1825 г. «Взглядъ» Завирашки поднялъ всю мою желчь, хотя истинно я очень хладнокровенъ. Какой варварскій языкъ!! Какой рѣшительный дерзкій тонъ! Ахъ!»[195].

столь сильная въ статьѣ Бестужева. Онъ первый обратилъ вниманіе читателя на связь литературы и жизни, и причину расцвѣта или упадка искусства искалъ въ общественныхъ условіяхъ, при которыхъ оно развивалось. Никто до него не говорилъ такъ много правды о нашемъ жалкомъ общественномъ положеніи, о малой серьезности нашей интеллигентной жизни, о недостаткахъ общественнаго воспитанія, о маломъ біеніи гражданскаго пульса, объ узости классовыхъ интересовъ—вообще, обо всѣхъ недочетахъ той среды, гдѣ литература должна рости и крѣпнуть. Бестужевъ всѣми силами своего сердца любилъ нашу робкую литературу, только начинавшую пускать первые ростки, любилъ больше, чѣмъ пышную литературу Запада, и онъ очень скорбѣлъ, что эта молодая литература такъ не соотвѣтствуетъ богатству душевныхъ силъ, которыя онъ угадывалъ въ родномъ народѣ. Эта скорбь приводила его къ мысли о необходимости способствовать росту „народности“ въ литературѣ, росту народныхъ, самобытныхъ чертъ, безъ которыхъ литература не имѣетъ своей физіономіи. — Въ этомъ смыслѣ Бестужевъ примыкалъ ко всѣмъ своимъ сверстникамъ, которые первымъ условіемъ расцвѣта искусства ставили его „народность“.

XXVII.

Мысль о „народности“ особенно настойчиво тревожила Бестужева. Отчего наша литература такъ бѣдна?—спрашивалъ онъ себя—почему въ ней такъ мало „народности“? *) и какъ бы сдѣлать такъ, чтобы она не жила на чужой счетъ? Въ зависимости отъ этой главной мысли находятся и всѣ тѣ

*) Въ стремленіи къ «народности» Бестужевъ доходилъ иногда до смѣшного, замѣняя иностранныя слова русскими. Такъ пейзажъ обратился у него въ «видопись», карнизъ — въ «прилѣпъ», антикварій въ «старинаря» и т. п.

сужденія, какія Бестужевъ высказываетъ при случаѣ о памятникахъ литературы иностранной и отечественной.

Бестужевъ не обладалъ большой начитанностью въ памятникахъ литературы иностранной, и всю жизнь, насколько могъ, пополнялъ свое образованіе. Онъ зналъ хорошо французскую словесность, хотя имѣлъ основаніе на нее сердиться. „Слишкомъ много пострадала отъ этой словесности наша русская оригинальность — разсуждалъ онъ — и слишкомъ много слѣпокъ парижскаго міра завелось въ Россіи! Но нѣтъ худа безъ добра, — утѣшалъ онъ себя. Мы начали съ французской вѣтренности, но скоро перешли къ ихъ просвѣщенію; мы стали мыслить, желая научиться болтать, и чтеніе принятое въ привычку, какъ мода, обратилось въ нравственную нужду. Познанія вкрадывались—и скоро многіе русскіе захотѣли быть европейцами не по одному имени, и поѣхали въ тѣ мѣста учиться, гдѣ сражались. Ихъ братцы пустились туда воспитываться, гдѣ гуляли ихъ отцы“ [„Военный Антикварій“ 1829].

Александръ Александровичъ былъ, конечно, сторонникомъ молодой французской романтики. Викторъ Гюго приводилъ его въ неописанный восторгъ. Драмами „Le roi s'amuse“ и „Lucrèce Borgia“ онъ восхищался; съ „жаромъ удивленія и съ завистью безсильнаго соревнованія“ читалъ онъ Гюго. „Передъ Гюго—я ницъ,—писалъ онъ. Это уже не даръ, а геній во весь ростъ. Онъ виденъ только въ „Notre Dame“, которая—совершенство въ моемъ вкусѣ *). „Han d'Islande“ неудаченъ, „Bug Jargal“ — золотая посредственность. „Cromwell“ — холоденъ: изъ него нужно вырѣзать куски, какъ изъ арбуза. „Le dernier jour d'un condamné“— ужасная прелесть, это вдохнуто темницей, писано слезами, печатано гильотиной. Какъ счастлива Россія, что у

*) «Съ наслажденіемъ прочелъ Гюго «Ceci tuera cela»; онъ великій мыслитель: другіе перебиваютъ мысль лзъ его выжимковъ. Онъ звѣзда—прочіе спутники: но и онъ звѣзда-комета, звѣзда-предтеча. О, зачѣмъ не доживемъ мы до обновленнаго міра, послѣ потопа, уже вздувающагося!196».

ней нѣтъ причинъ къ подобной книгѣ! Да, Гюго — геній и неподдѣльный. Его „Notre Dame", его „Marion de Lorme", „Il s'amuse" и „Borgia"—такія произведенія, которыхъ страница стоитъ всѣхъ Бальзаковъ вмѣстѣ, оттого, что у Гюго подъ каждымъ словомъ скрыта плодовитая мысль[197]".

Бестужевъ обидѣлъ Бальзака, такъ мимоходомъ, и скоро поспѣшилъ исправить свою ошибку. „Я не устаю перечитывать „Peau de chagrin" — пишетъ онъ два года спустя. Я люблю пытать себя Бальзакомъ. Мнѣ кажется, я бичую себя, какъ спартанскій отрокъ. Какая глубина! Какая истина мыслей! Но хотя у Бальзака и много хорошаго, я все-таки у него учиться не буду. Онъ болѣе блестящъ, чѣмъ ясенъ,— онъ слишкомъ разъединяетъ страсти своихъ лицъ: эта исключительность не въ природѣ[198]".

Нравился Бестужеву и Виньи, надъ которымъ онъ плакалъ.

Не меньше, чѣмъ французскую литературу, если не больше, любилъ Александръ Александровичъ англійскую. Онъ сталъ ею интересоваться очень рано. „Любовь къ возвышенному, романтическому и нравственному" заставила его, какъ онъ самъ говоритъ, перевести статью Блера о Мильтонѣ,—самый отчаянный панегирикъ, который Мильтона ставилъ наравнѣ, чуть ли не выше, Гомера[199]. Въ 1825 году Бестужевъ признается Пушкину, что весь погруженъ въ англійскую литературу и что кромѣ нея нѣтъ спасенія[200]. Какъ глубоко онъ погрузился въ эту словесность—неизвѣстно, но двухъ писателей онъ, дѣйствительно, ставилъ очень высоко. Прежде всего, конечно, Байрона, котораго очень любилъ въ оригиналѣ, но не терпѣлъ въ подражаніяхъ—въ особенности русскихъ, и затѣмъ Вальтеръ-Скотта, въ стихахъ котораго онъ особенно цѣнилъ ихъ музыкальность[201].

Почитывалъ Александръ Александровичъ и итальянскія книги, по крайней мѣрѣ, цитировалъ Данте[202].

Меньше всего Бестужевъ зналъ литературу нѣмецкую— и вообще не любилъ этотъ языкъ[203]. Это былъ большой

пробѣлъ въ его образованіи, который онъ, кажется, до смерти не пополнилъ. Помѣшалъ ему, вѣроятно, въ этомъ его предвзятый взглядъ на тотъ вредъ, какой будто бы нѣмецкая литература принесла нашей словесности. Онъ даже Жуковскому не прощалъ его любви къ нѣмцамъ, а другимъ литераторамъ—и подавно.

Въ одной статьѣ, посвященной разбору одного англійскаго перевода изъ русскихъ поэтовъ, онъ обобщаетъ свои взгляды на западное вліяніе въ нашей словесности. Переводъ русскихъ поэтовъ на англійскій языкъ его очень радуетъ: хорошо—говоритъ онъ—что теперь на западѣ знаютъ, что мы не Мемнонова статуя. Англійскій языкъ силою и простотой близко подходитъ къ нашему, но, къ сожалѣнію, англійская литература на насъ не вліяла. Кромѣ Петрова и Муравьева, всѣ прочіе были воспоены лимонадомъ французскаго Парнасса. Нѣмцы вліяли на насъ также мало: Жуковскій первый ввелъ у насъ аллегорическую и, такъ сказать, неразгаданную поэзію, а уже вслѣдъ за нимъ все пишущее записало бемольными стихами; хорошо, что Батюшковъ и Пушкинъ были противъ этой манеры. Съ нѣмецкимъ вліяніемъ можно бы было помириться, если бы у насъ были переведены лучшіе нѣмецкіе памятники, а то мы пробавляемся все больше мелкотравчатыми балладами. Нѣмцы даже терпѣнію насъ не выучили; если на что они повліяли, то развѣ только на политику (!)[204].

Если собрать во-едино всѣ летучія сужденія Бестужева объ иностранныхъ писателяхъ, то вся ихъ безсистемность и случайность бросится въ глаза. Нашъ критикъ — за малымъ матеріаломъ, которымъ располагалъ — не ставилъ никакихъ, ни историческихъ, ни эстетическихъ вопросовъ, говорилъ лишь о своихъ личныхъ впечатлѣніяхъ и воодушевлялся лишь только тогда, когда отстаивалъ самобытность русской словесности и думалъ о тѣхъ опасностяхъ, которыя могли грозить ей отъ литературнаго преимущества надъ нами нашихъ сосѣдей.

Вотъ почему главнѣйшіе литературные вопросы, которые тогда такъ волновали писателей, остались у Бестужева совсѣмъ безъ рѣшенія. Взять хоть бы вопросъ о классицизмѣ и романтизмѣ. Слова эти были часто на устахъ у нашего критика, но все, что онъ говорилъ по этому поводу, отличается крайней неопредѣленностью и туманностью, хоть онъ и увѣрялъ въ 1829 г. своихъ братьевъ, что онъ „нашелъ, наконецъ, проходъ, раздѣляющій два материка классиковъ и романтиковъ, что онъ очень доволенъ, что распуталъ этотъ хаосъ для своей собственной пользы, что, наконецъ, его сужденіе объ этомъ перестало висѣть въ воздухѣ[205]“. Есть у Бестужева, впрочемъ, одно цвѣтистое сравненіе классицизма съ романтизмомъ, въ которомъ заключена довольно интересная мысль, почему это сравненіе и слѣдуетъ отмѣтить. Борьба романтизма съ классицизмомъ представлена въ видѣ борьбы воды и огня[206].

„Тихо, мѣрно творилъ океанъ (классицизмъ) въ своемъ тогда жаркомъ лонѣ,— пишетъ нашъ поэтъ. Произведенія его крѣпки, кристаллизованы, съ правильными формами, съ неизмѣнными углами: иной подумаетъ, что все это сдѣлалось съ транспортиромъ и линейкою. Но вотъ ворвался новый посолъ природы—и все оборотилъ вверхъ дномъ. Своими порывами вздулъ, взволновалъ еще мягкую кору земли; гдѣ не могъ прорвать ее, разорвалъ гдѣ могъ, и стрѣляя изъ нѣдръ земныхъ гранитными потоками, опрокинулъ осадочныя горы въ бездны, сплавилъ въ стекло цѣлые хребты, сжегъ въ лаву и пепелъ другіе, и выдвинулъ сердца морей подъ облака. Онъ смѣшалъ въ себѣ обломки всего прежняго, какъ завоеватель, увлекающій побѣжденныя племена, и, наконецъ, застылъ въ огромныхъ формахъ. Въ романтизмѣ, какъ въ вулканическихъ произведеніяхъ, вкраплены (incrustés) мелкіе блестящіе кристаллы, яркіе слои порфира, останки щепетильные минувшаго періода, воплощенные въ неизмѣримый, мрачный, но величественный періодъ настоящаго—и надъ ними готовится новое развитіе жизни“.

Послѣднія строки очень характерны: онѣ показываютъ, что Бестужевъ считалъ и романтизмъ уже вполнѣ сложившимся явленіемъ, — литературнымъ направленіемъ, которое должно, и при томъ скоро, разрѣшиться въ нѣчто новое. „Мы не можемъ быть долговѣчны литературной жизнью, мы мыслимъ и говоримъ языкомъ перелома, — писалъ онъ въ частномъ письмѣ, — нашъ періодъ есть куколка хризалиды, обвертка необходимая, но пустая, и будущее сброситъ ее въ забвеніе“[207].

Такъ не станетъ писать человѣкъ, который слѣпо исповѣдуетъ одно какое-нибудь литературное ученіе, и Бестужевъ-Марлинскій, котораго считаютъ обыкновенно самымъ ярымъ романтикомъ, предвидѣлъ конецъ романтизма, какъ школы, и уже предугадывалъ реальное направленіе въ искусствѣ, наступленіе котораго торопилъ въ своихъ собственныхъ беллетристическихъ произведеніяхъ *). Онъ предугадывалъ его еще въ тѣ годы, когда романтизмъ былъ въ полномъ цвѣту, какъ это видно изъ одной переводной статьи, которую Бестужевъ напечаталъ въ 1825 году.

Это была статья Арто „о духѣ поэзіи XIX вѣка“. Пусть въ нашемъ вѣкѣ много положительнаго вкуса,—разсуждаетъ Арто, а за нимъ и Бестужевъ,—но бояться нечего: чувство прекрасного не гибнетъ въ природѣ человѣка, поэтъ состоитъ изъ дара чувствовать и искусства живописать, а люди не перестанутъ созерцать внѣшнюю природу и отзывъ живыхъ

*) Еще въ 1821 году Бестужевъ помѣстилъ въ «Соревнователѣ» переводную статью изъ Gossip's history «о романтическомъ характерѣ». Въ этой статьѣ говорилось, что романтическіе характеры не имѣютъ довольно здраваго разсудка для обращенія въ свѣтѣ, для образа жизни; что героическое великодушіе, романтическая дружба, рыцарская любовь блѣднѣютъ передъ христіанскимъ ученіемъ. Авторъ статьи выражалъ писателямъ-романтикамъ порицаніе за то, что они пріучаютъ насъ стенать отъ бѣдствій собственнаго вымысла и скучать жизнью, прежде нежели солнце бытія достигнетъ своего меридіана. «Умѣрьтесь! — говорилъ Бестужевъ со словъ автора—и не забывайте, что блаженство сотворено не для здѣшняго испытательнаго міра[208]».

ощущеній всегда въ нихъ будетъ. Но, кромѣ того, мы имѣемъ потребность заноситься за грань сущности, религіозную и суевѣрную способность вѣрить въ невидимый міръ, въ сверхъестественныя существа. Эта послѣдняя способность теперь должна исчезнуть, въ вѣкѣ, который все разобралъ и взвѣсилъ. Но у насъ все-таки остается неистощимый вкладъ страстей и чувствъ — неисчерпаемый источникъ красотъ. Убѣжищемъ поэзіи дѣлается теперь область нашей нравственной природы. Отсюда неопредѣленность и задумчивость современной новой школы (т.-е. романтической). У древнихъ этого не было, и поэзія ихъ не содержала въ себѣ ничего глубокомысленнаго. У нынѣшнихъ народовъ отсутствіе публичной жизни и болѣе духовная и душевная религія благопріятствуютъ развитію нравственныхъ силъ. Обращеніе къ самому себѣ стало въ наши дни (послѣ революціи и слѣдовавшей за ней реакціи) неизбѣжнымъ: люди хотятъ отчета въ жизни во всѣхъ ея обѣтахъ и обманахъ и отсюда—мечтательность". Арто преклоняется передъ такими типами, какъ Вертеръ, Рене и герои Байрона, но говоритъ, что недостатокъ всѣхъ такихъ разочарованныхъ романовъ — ихъ однообразіе и безпрестанное разглядываніе предмета. „Нужно обновленіе, и словесность, конечно, обновится. Велика въ данномъ случаѣ заслуга Вальтеръ-Скотта, который возвратилъ жизнь существамъ человѣческимъ и извлекъ поэзію изъ умозрѣній, въ которыхъ она тонула. Онъ уже не романтикъ только, а реалистъ, а *нельзя отрицать, что у насъ теперь уже проявилась наклонность къ дѣйствительному.* Она приводитъ насъ къ собственной исторіи, и всенародный успѣхъ ожидастъ талантъ, который рѣшится слѣдовать внушенію народнаго духа. („Пора бы и намъ русскимъ взяться за собственную исторію, какъ слѣдуетъ", восклицаетъ отъ себя Бестужевъ). *Намъ нужно народное содержаніе.* У насъ народъ остается внѣ литературы, такъ какъ литература у насъ академическая. Будемъ же ровесники нашему времени! будемъ оригинальны и самобытны и совокупимъ во едино всѣ точки

зрѣнія, вмѣстимъ въ себѣ всѣ системы"[209] т.-е. станемъ реалистами по возможности и не будемъ удаляться отъ жизни.

Эти здравыя мысли Бестужевъ горячо рекомендуетъ своимъ читателямъ. Самъ онъ — романтикъ съ очень зоркимъ взглядомъ на дѣйствительность — всецѣло на сторонѣ ихъ. Онъ самъ понимаетъ, что время реализма приближается, и ему такъ пріятно, что работу въ этомъ направленіи можно освятить патріотическимъ чувствомъ и сочетать ее съ воскрешеніемъ народной старины и самобытнаго духа.

XXVIII.

Сужденія Бестужева о русской литературѣ повинуются именно этому патріотическому чувству, и потому иногда поражаютъ своей странностью.—Серьезнаго, самобытнаго и народнаго требуетъ онъ прежде всего отъ писателя, но въ этихъ справедливыхъ требованіяхъ доходитъ подчасъ до педантизма.

Въ общемъ Бестужевъ очень мало доволенъ ходомъ русской литературы. „Земля погибнетъ не отъ огня и потопа, а отъ плоскости, — пишетъ онъ; всѣ возвышенности исчезнутъ и люди погибнутъ отъ болотной лихорадки. Глядя на литературу, я болѣе и болѣе увѣряюсь въ этой теоріи"[210], въ особенности если взглянуть на литературу русскую, „гдѣ литературные геніи самотесы такъ же обыкновенны, какъ сушеные грибы въ Великій постъ; вѣдь мы ученѣе ученыхъ, ибо довѣдались, что наука—вздоръ; и пишемъ мы благонравнѣе всей Европы, ибо въ сочиненіяхъ нашихъ никого не убиваютъ, кромѣ здраваго смысла"[211]. А все это потому, что все намъ очень легко дается:

Литература наша—сѣтка
На ловлю иноморскихъ рыбъ;
Чужихъ яицъ она насѣдка,
То ранній цвѣтъ, то поздній грибъ,
Чужой хандры, чужого смѣха
Всеповторяющее эхо![212]

О! поэты наши! о Кугушевъ! Трилунный, Шевыревъ! и др.

Печальной музы кавалеры!
Признайтесь: только стопы вы
Обули въ новые размѣры,
Не убирая головы;
И рады, что нашли возможность,
На разумъ вѣка не смотря,
Свою распухлую ничтожность
Прикрыть цвѣтами словаря[213].

Впрочемъ, зачѣмъ винить писателей, когда высшіе судебные ихъ трибуналы занимаются пустяками? Стоитъ только взглянуть на нашу журналистику, на Архивъ сѣвернаго вѣтра, пошлую рыночную Молву, будочниковъ Наблюдателей на курьихъ ножкахъ[214] на близорукій Телескопъ[215] или почитать Брамбеуса, который думаетъ, что русская словесность будетъ вертѣться отъ того, что онъ дуетъ въ нее въ два свистка, Брамбеуса, который ничтоженъ и наглъ, который исписался, ибо живетъ краденымъ, у котораго нѣтъ ни души, ни философіи[216]. Сносенъ развѣ только одинъ „Телеграфъ“. „Хотя въ немъ слишкомъ много тщеславія и ученическаго педантизма, и много вздора самаго невѣжественнаго, но въ немъ все-таки попадается и много истинно-просвѣщеннаго“[217].

Итакъ, наши критики вообще едва ли чему научить могутъ; научить можетъ развѣ только сама жизнь, народная, самобытная жизнь, но рѣдко кто изъ нашихъ писателей умѣетъ уловить ея характерный образъ; народность почти никому не дается. Вотъ, у Вельтмана можно, пожалуй, встрѣтить поэзію въ истинно русскомъ духѣ; въ его романахъ есть необычайно хорошія подробности, перо его развязное, легкое, и одаренъ онъ шутливостью истинно русской[218]; много найдется хорошаго и у Луганскаго въ его сказкахъ, и онъ хорошо бы сдѣлалъ, если бы собралъ свои солдатскія сказки, въ которыхъ сохраненъ драгоцѣнный первобытный матеріалъ русскаго языка и отпечатокъ неподдѣльный русскаго

духа[219]. Превзошелъ, однако, въ этомъ отношеніи всѣхъ Полевой: въ его „Клятвѣ при Гробѣ Господнемъ“ русскій духъ совершается воочію передъ читателемъ и прежняя Русь живетъ снова по старому[220]. Полевой, вообще, человѣкъ весьма выдающійся; онъ одинъ изъ мыслителей и двигателей нашего просвѣщенія. Мнѣнія его здравѣе всѣхъ, рѣзки, но основательны. Онъ не безъ ошибокъ, но почти безъ предразсудковъ: онъ и настоящій историкъ съ глубокомысленной зоркостью и яркостью изложенія[221].

О другихъ сказать мало что приходится. Хваленый Булгаринъ прямо смѣшонъ со своей „народностью“, и Загоскинъ искажаетъ святую старину для того, чтобы она уложилась въ золотую табакерку. Что, напр., нагородилъ онъ въ своей „Аскольдовой могилѣ“, гдѣ перемывалъ французское тряпье въ Днѣпрѣ и отбивалъ у другихъ честь всякихъ нелѣпостей?“[222].

Великое это зло—подражаніе; слабыхъ оно губитъ, да и сильныхъ портитъ. Козловъ, напр., корчитъ изъ себя „лорда въ Жуковскаго пудрѣ“ *), да и Баратынскій совсѣмъ исфранцузился[223]. Да и самъ Пушкинъ? Какъ онъ калѣчитъ свой талантъ!!

Отзывы Бестужева о Пушкинѣ—необычайно характерны. Передъ Пушкинымъ нашъ критикъ всего болѣе провинился, и здѣсь, вѣроятно, виновата не столько его критическая смекалка, сколько личныя отношенія, въ которыхъ было и много

*) Объ этой «пудрѣ» говорится и въ извѣстной эпиграммѣ Бестужева на Жуковскаго:

Изъ савана одѣлся онъ въ ливрею,
На пудру промѣнялъ свой лавровый вѣнецъ,
Съ указкой втерся во дворецъ
И тамъ, предъ знатными сгибая шею,
Онъ руку жметъ камеръ-лакею.
Бѣдный пѣвецъ!

Эту эпиграмму Бестужевъ, по словамъ его брата Михаила, сочинилъ на одномъ изъ «русскихъ завтраковъ» Рылѣева. Ср. выше стр. 116.

любви, и много чувства соревнованія *). Впрочемъ, въ тѣхъ странныхъ сужденіяхъ, съ которыми мы сейчасъ ознакомимся, сквозитъ все та же неотвязная мысль о вредѣ подражанія.

Для Бестужева Пушкинъ, конечно, большой человѣкъ. „Ты—надежда Руси—не измѣни ей, не измѣни своему вѣку, не топи въ лужѣ таланта своего, не спи на лаврахъ",—говоритъ Пушкину Бестужевъ. „Я готовъ право схватить Пушкина за воротъ—пишетъ онъ своимъ друзьямъ—поднять его надъ толпой и сказать ему: стыдись! Тебѣ ли, какъ болонкѣ, спать на солнышкѣ передъ окномъ, на пуховой подушкѣ дѣтскаго успѣха? Тебѣ ли поклоняться золотому тельцу, слитому изъ женскихъ серегъ и мужскихъ перстней—тельцу, котораго зовутъ нѣмцы Маммонъ, а мы простаки—свѣтъ?!"[225].

Бестужевъ въ своемъ заточеніи, конечно, не могъ знать, чѣмъ Пушкинъ былъ занятъ въ 1833 году, и эти слова его, при ихъ неправотѣ — любопытны только, какъ показатель того высокаго мнѣнія, какое Бестужевъ имѣлъ о своемъ другѣ, какъ писателѣ. Но, не смотря на это преклоненіе, Бестужевъ не прощалъ Пушкину того, что онъ называлъ „уклоненіемъ отъ вѣка въ общемъ и отъ русской народности въ частности". Когда онъ читалъ легкія лирическія стихотворенія Пушкина, ему казалось, что Пушкинъ – писатель, заблудившійся изъ XVIII вѣка въ XIX[226]. Когда Бестужевъ открывалъ его поэмы, онѣ казались ему „китайскими тѣнями", и онъ не досчитывался въ нихъ „чувства" (?). Онъ позволялъ себѣ, напр., по адресу своего друга такія кощунственныя строки. „Безхарактерность — пишетъ онъ — отличительный признакъ нашей словесности. Но можетъ ли быть иначе, когда Булгаринъ—знаменщикъ прозы, а Пушкинъ—ut, re, mi,

*) Иногда отзывъ поражаетъ своей несправедливой рѣзкостью, напр., слѣдующее мѣсто изъ письма къ К. Полевому:

«Про Пушкина пожалъ плечами... ужели и за его душу пора пѣть панихиду? Я всегда зналъ его за безхарактернаго человѣка, едва ли не за безнравственнаго»[224].

ѣа—поэзіи? Второй изъ нихъ человѣкъ съ геніемъ, но оба они отличаются шаткостью; они заблудились изъ XVIII вѣка. Вдохновеніе увлекаетъ Пушкина въ новый міръ, но Булгаринъ не постигъ его (новаго міра) умомъ, а Пушкинъ не проникся его чувствомъ"[227]. „Итакъ, знаменитый Бѣлкинъ—Пушкинъ?—пишетъ Бестужевъ тѣмъ же пріятелямъ. Никогда бы не ждалъ (я повѣсти эти знаю лишь по слуху). Впрочемъ, и не мудрено. Въ Пушкинѣ нѣтъ одного поэтическаго, это—души, а безъ нея плохо удается и смиренная проза"[228]. Что хотѣлъ Бестужевъ сказать этими странными словами?

Быть можетъ подъ словами „душа и чувство" надо разумѣть романтическій энтузіазмъ и возвышенный подъемъ настроенія, а главное—патетичность самого сюжета, которыхъ Пушкинъ, дѣйствительно, избѣгалъ. По крайней мѣрѣ сужденіе Бестужева о „Борисѣ Годуновѣ" наводитъ на такое толкованіе его странныхъ отзывовъ. „Я ожидалъ бо́льшаго отъ Годунова—пишетъ Бестужевъ -я ожидалъ чего-то, а прочелъ нѣчто. Хоть убей, я не нахожу тутъ ничего, кромѣ прекрасныхъ отдѣльныхъ картинъ, но безъ связи, безъ послѣдствія. Ихъ соединила, кажется, всемогущая игла переплетчика, а не мысль поэта. Избалованный Позами, Теллями и Ричардами Третьими, я, можетъ быть, потерялъ простоту вкуса и не нахожу прелести въ вязигѣ[229]".

Болѣе послѣдовательно, но не менѣе ошибочно, бранилъ Бестужевъ Пушкина и за его мнимое подражаніе иностранцамъ. Въ данномъ случаѣ въ нашемъ критикѣ говорилъ обиженный патріотъ,—и за эту обиду пришлось расплачиваться „Онѣгину".

На всѣ поэмы Пушкина до „Цыганъ" Бестужевъ смотрѣлъ очень косо. „Цыгане" Пушкина выше всего, что онъ писалъ доселѣ—говорилъ онъ; тутъ Пушкинъ—Пушкинъ, а не обезьяна[230]". Но по мѣрѣ того, какъ печатался „Онѣгинъ", Бестужевъ сталъ все больше и больше тревожиться. Сначала ему показалось, что сюжетъ ничтоженъ и пустъ, и Пушкинъ по сему поводу прочиталъ ему нотацію[231].

„Ты не ругай Онѣгина — дождись“,—писалъ Пушкинъ въ отвѣтъ на замѣчаніе Бестужева, что въ наше время нужна настоящая сатира, а не „пустячки“. Бестужевъ ждалъ и всетаки остался недоволенъ. „Пушкинъ ведетъ своего „Онѣгина“ чѣмъ далѣе, тѣмъ хуже“, — говорилъ онъ. „Въ трехъ послѣднихъ главахъ не найдти полдюжины поэтическихъ строкъ. Стихи игривы, но обременены пустяками и нерѣдко небрежны до неопрятности. Характеръ Евгенія просто гадокъ. Это безстрастное животное со всѣми пороками страстей. Дуэль описана прекрасно, но во всемъ видна прежняя школа и самая плохая логика. Со всѣмъ тѣмъ Пушкинъ поэтъ и не дюжинный. Недостатокъ хорошаго чтенія и излишество дурного весьма вредятъ ему“ [232].

Вотъ какъ иногда умнымъ людямъ бываютъ не видны истинные размѣры таланта своихъ современниковъ!

XXIX.

Такими литературными замѣтками испещрялъ Бестужевъ свои частныя письма въ годы неволи. Но эти частныя бесѣды его не удовлетворяли, и, когда представилась возможность, онъ рѣшилъ вновь открыто выступить въ роли критика.

„Въ моемъ положеніи безъ бѣды бѣда писать критики,— признавался онъ, — а писать похвальныя рѣчи перо не подымается. Вотъ почему бросилъ я желѣзный стиль рецензента, хотя теперь, думается, я бы владѣлъ имъ немножко потверже, чѣмъ въ первинки моего словеснаго поприща, когда одна страсть посмѣяться была моимъ ментором. Чешется, правда, крѣпко порой чешется рука схватить за вихоръ иного враля, но вспомнишь золотое правило, что во многоглаголаніи нѣтъ спасенія, и давай стрѣлять въ пустыя бутылки изъ пистолета, хоть на нихъ сбить досаду“ [233].

Но, наконецъ, онъ все-таки рѣшился измѣнить свою мишень.

Въ 1833 году онъ напечаталъ въ „Телеграфѣ“ длинную критическую статью по поводу романа Полевого „Клятва при гробѣ Господнемъ“. Бестужевъ немного покривилъ душой, когда цѣлую картину литературнаго развитія Европы и Россіи вставилъ въ разборъ романа своего друга. „Хочу дать образчикъ европейской критики,—писалъ онъ своимъ братьямъ по поводу этой статьи. Къ роману Полевого я только придрался“ „и критика моя à propos des bottes“ *).

Къ обзору этой критики мы теперь и перейдемъ, отмѣтивъ, однако, одно весьма важное обстоятельство: эта критика была немилосердно искажена цензурой. „Вамъ нельзя судить о цѣломъ и связи въ моей критикѣ,—писалъ Бестужевъ братьямъ,—потому что лучшаго въ ней вы не читали“. „О ней нельзя судить по скелету, обглоданному цензурой,—писалъ онъ также Булгарину. Половина ея осталась на ножницахъ, и вышла чепуха. Самыя высокія по чувству мѣста, гдѣ я доказывалъ, что Евангеліе есть типъ романтизма—уничтожены[235]“ **).

---

*) Бѣлинскій въ «Литературныхъ Мечтаніяхъ» намекалъ на эту статью, когда говорилъ объ «авторахъ обозрѣвателяхъ, которые, наскучивъ своимъ долговременнымъ и скромнымъ молчаніемъ, принатуживъ свои умственныя способности, однимъ разомъ высыпаютъ изъ своихъ головъ весь непстощимый запасъ своихъ огромныхъ и разнообразныхъ свѣдѣній и умѣщаютъ его на нѣсколькихъ страничкахъ пріятельскаго журнала или альманаха» Бѣлинскій въ своемъ отзывѣ былъ неправъ[234].

**) Эти выключенныя цензурою страницы объ Евангеліи сохранились въ Архивѣ III Отдѣленія Собственной Е. И. Величества Канцеляріи какъ отдѣльная статья подъ заглавіемъ «О христіанской религіи». Статья написана съ хорошимъ и искреннимъ пафосомъ.

О Христіанской религіи.

Сперва гонимая, терпаемая скитальница, христіанская вѣра восторжествовала наконецъ благочестіемъ первыхъ христіанъ; и не мечемъ войны, не топоромъ казни покорила она души полумира, нѣтъ, но убѣжденіемъ слова, по истинѣ правилъ св. Евангелія.

Изъ подземныхъ пещеръ она овладѣла землею и соединила землю съ

Но и въ томъ видѣ, въ какомъ эта критика дошла до насъ, она явленіе очень характерное для своего времени.

XXX.

Статья начинается игривой увертюрой на тему о возобладаніи народности въ русскомъ романѣ.

Французскій супъ пріѣлся намъ съ 1812 года, — пишетъ Бестужевъ, — нѣмецкій буттеръ-бродъ полъ туманомъ пришелся вовсе не по желудку; въ англійскомъ ростбифѣ было черезчуръ много крови да перцу, даже ячменный хлѣбъ Вальтеръ-Скотта билъ оскомину... Русскихъ стиховъ также

небомъ. Боги языческіе были порочны какъ люди — Апостолы чисты, какъ Ангелы. Язычникъ унизилъ божество до себя, христіанинъ вознесъ человѣка до Бога. Философія была вѣрою немногихъ мудрецовъ, а христіанская вѣра стала философіею цѣлыхъ народовъ, практическою мудростью гражданъ, не только закономъ, но и наставницей совѣсти. Вникните въ сущность Евангелія, прочтите его даже просто какъ книгу, и вы убѣдитесь, что оно есть высокая поэма, тѣмъ драгоцѣннѣйшая, что каждая страница его—дѣйствительность; что каждое слово его освящено примѣромъ и запечатлѣно кровью Спасителя міра. Да, я смѣло утверждаю, что Евангеліе было первообразомъ новой словесности, первымъ разсадникомъ Идеализма. Оно заключало въ себѣ все, что сказалось и свершилось потомъ и совершается доселѣ. Какихъ стихій новой поэзіи нѣтъ въ благовѣстіи, въ этомъ завѣтѣ неба землѣ, въ завѣтѣ Бога съ человѣкомъ? Не стройно ли сохранено въ немъ одно единство возможное въ природѣ — единство цѣли? Не проникнуто-ль оно одною смѣлою, пылкою священною мыслію побратать всѣ народы любовью, обратить любовь въ вѣру, возвысить и усовершить людей этою вѣрою въ Бога, Который самъ себя назвалъ Любовь, Который завѣщалъ платить добромъ за зло любить враговъ своихъ, Который произнесъ: *Месть Мнѣ.*

Не только на площадяхъ, палатахъ и храмахъ является Спаситель, но и въ пустынѣ, на торжищѣ, въ толпахъ простого народа, въ кругу дѣтей, и прокаженныхъ, на свадьбѣ, на погребеніи, на мѣстѣ казни. Онъ бесѣдуетъ съ мытарями, Онъ спасаетъ блудницу; Онъ съ двѣнадцатью рыбарями бросаетъ живыя сѣмена слова въ души простолюдиновъ. Но съ какою драматическою занимательностью близится кровавая развязка этой умилительной, ужасной трагедіи! Другъ продаетъ его врагамъ за серебро; предаетъ на муки поцѣлуемъ. Любимый ученикъ отрицается его... робкій

никто не сталъ слушать съ тѣхъ поръ, какъ всѣ стали ихъ писать, и раздался общій крикъ: прозы! прозы — воды, простой воды! и дѣйствительно чернильныя тучи взошли отъ поля и отъ моря: закричали гуси, ощипанные безъ милосердія, и запищали гусиныя перья со всеусердіемъ... Посыпались романы, историческіе, фантастическіе, нравоописательные, нравственно-сатирическіе, сатирико-историческіе, и нажили мы не одну дюжину романовъ, въ которыхъ есть все, кромѣ русскаго духа, все, кромѣ русскаго народа... Публика легковѣрна, она все раскупила... разбогатѣлъ и книгопродавецъ и сочинитель... А мы все таки остались бѣдны, едва-ль не нищи оригинальными произведеніями...

Отчего это?—спрашиваетъ Бестужевъ,—отчего такой на-

судья шепчетъ: онъ невиненъ, и даритъ его злобной черни, въ которой большинство—сановники-Іудеи. И вотъ Спаситель міра гибнетъ позорною казнью, распятый между двумя разбойниками, молясь за своихъ злодѣевъ! О, кто ни разу не плакалъ горькими слезами надъ Евангеліемъ, тотъ, конечно, не испыталъ самъ несчастія и не уважалъ его въ другихъ: тотъ нестоитъ и отрады, проливаемой въ души этою святынею. Какой несчастливецъ не подымалъ изъ праха головы, подумавъ, что и Онъ страдалъ: Какъ утѣшительно слѣдить бореніе Божественнаго духа съ земными скорбями, на которыя осужденъ былъ Христосъ тѣломъ. «Лазарь, братъ нашъ умеръ!» — восклицаетъ Онъ и горько плачетъ. Кровавый потъ орошаетъ чело Его, когда Онъ молитъ: «Да мимо идетъ чаша сія»—отравленная чаша судьбы! Онъ, падая, изнемогаетъ подъ крестомъ — Онъ жаждетъ пригвожденный на крестѣ—и Ему на остріѣ копья подаютъ уксусъ. Это страшно и отрадно вмѣстѣ. Страшно потому, что въ этомъ символѣ мы видимъ свѣтъ, каковъ онъ былъ всегда, дѣйствительную жизнь, какова она есть донынѣ—тутъ нѣтъ ни награды добродѣтели, ни казни пороку.

Не извиняюсь, распространившись такъ о Евангеліи, передъ тѣми, у которыхъ привычка очерствила сердце къ красотамъ его; ни предъ тѣми, которые Его исповѣдуютъ языкомъ фарисеевъ и цѣлуютъ устами Іуды! Мнѣ необходимо нужно было указать на стихіи, которыя разовьются потомъ въ нравахъ, обличаясь въ переворотахъ; проявятся въ отшельничествѣ, въ крестовыхъ походахъ, въ освобожденномъ Іерусалимѣ, въ «Адѣ», въ Вертерѣ, въ Чайльдѣ Гарольдѣ, въ Notre Dame de Paris. Я сказалъ и повторяю, что Евангеліе стало знаменіемъ новой словесности, какъ крестъ сталъ знаменіемъ новаго міра, что оно было первою пѣснью, первымъ дѣйствіемъ той огромной поэмы или драмы, которой исторія до сихъ поръ недосказана.

плывъ историческихъ романовъ?—Оттого,—отвѣчаетъ онъ,—что мы живемъ въ вѣкѣ романтизма.

И, кромѣ того, мы живемъ теперь и въ вѣкѣ исторіи. Теперь мы эту исторію видимъ, слышимъ, осязаемъ, ежеминутно. Гостинодворецъ кричитъ вамъ: „купите шапку *Эриванку*“, портной предлагаетъ вамъ скроить сюртукъ *по-варшавски*. Скачетъ лошадь—это Веллингтонъ. Взглядываете вы на вывѣску—Кутузовъ манитъ васъ въ гостиницу; берете щепотку табаку—онъ купленъ съ молотка послѣ Карла X. Запечатываете письмо—сургучъ императора Франца. Вонзаете вилку въ сладкій пирогъ и—его имя Наполеонъ. Какъ при такихъ условіяхъ не писать историческихъ романовъ?

А главное—романтизмъ.

Да что такое въ сущности романтизмъ? спрашиваетъ, наконецъ, авторъ. „Подъ именемъ романтизма,—говоритъ онъ очень глухо и неопредѣленно,—я разумѣю стремленіе безконечнаго духа человѣческаго выразиться въ конечныхъ формахъ“. По духу и сущности,—продолжаетъ онъ, вспоминая, быть можетъ, Шлегеля, M-me de Сталь и В. Гюго,—есть только двѣ литературы: это литература до христіанства и литература со временъ христіанства. Первую можно назвать литературой судьбы, вторую литературой воли; въ первой преобладаютъ чувства и вещественные образы; во второй царствуетъ душа, побѣждаютъ мысли. Первое—лобное мѣсто, гдѣ рокъ—палачъ, а человѣкъ—жертва; вторая—поле битвы, на коемъ сражаются страсти съ волею, и надъ коимъ порой мелькаетъ тѣнь руки Провидѣнія. Случайно древнюю литературу назвали классической, а новую романтической. Названія ничего не говорящія—ну, да какое намъ дѣло,—намъ нуженъ конь, а не попона.

Высказавъ это общее опредѣленіе,—какъ видимъ хоть и не оригинальное, но широкое и вѣрное,—критикъ переходитъ, наконецъ, къ главнѣйшей части своей статьи—къ бѣглому обзору всей исторіи всемірной литературы отъ на-

родной поэзіи дикихъ племенъ до историческаго романа Н. Полевого включительно.

Обзоръ написанъ съ чужихъ словъ, но умно и красиво. Авторъ задается вопросомъ, въ какой поэтической формѣ появилась поэзія впервые въ мірѣ. Отвергнувъ мнѣніе Виктора Гюго, который утверждалъ, что первобытная поэзія всѣхъ народовъ была—гимнъ, славославный и благодарственный; показавъ, какъ странно предполагать присутствіе такихъ гимновъ у первенцовъ міра, у этихъ бѣднягъ, пущенныхъ въ лѣсъ безъ шерсти отъ слѣпней, отъ холода, безъ клыковъ слона, безъ когтей тигра, безъ глазъ рыси, безъ крыльевъ орла,—авторъ полагаетъ, что первобытная поэзія у всѣхъ народовъ непремѣнно зависѣла отъ климата. У кафра, палимаго зноемъ, и у чукчи, дрожащаго отъ мороза, она, какъ первая религія, была заклинаніемъ. У скандинава, у кавказскаго горца, у араба, людей свободныхъ и безстрашныхъ, она была пѣснью самовосхваленія: гимнъ могъ быть развѣ только у грека, силы котораго были въ равновѣсіи съ силами природы. Но въ Египтѣ и въ Индіи, въ этихъ странахъ, столь богатыхъ драгоцѣнностями и заразами всѣхъ родовъ, гдѣ человѣкъ такъ запуганъ природой, поэзія могла быть только молитвой. Въ многобожной Индіи все носитъ на себѣ отпечатокъ религіозный, все, отъ пѣсенъ до политическаго быта, ибо поэзія и вѣра, вѣра и власть тамъ — одно. Магабхарата и Рамайана, это — послѣдняя битва падшей вѣры и государства Магеде съ побѣдительной вѣрою и властью Будды. Какъ ни грубы вѣрованія индійца, какъ ни бездвижны его касты, какъ ни причудливы его воображенія, вы легко замѣтите въ нихъ попытку души вырваться изъ темныхъ цѣпей тѣла, изъ-подъ гнета существенности, изъ плѣна природы. Это—романтизмъ по инстинкту, не по выбору...

Но оставимъ восточную поэзію, которая не имѣла никакого вліянія на романтическую и классическую, останавливаетъ самъ себя авторъ. Помянемъ сладкозвучнаго Фирдуси,

который плавилъ въ радугу преданія Персіи, помянемъ милаго гуляку Гафиза и трогательнаго мудреца Саади и перейдемъ къ Греціи.

Само Провидѣніе избрало Грецію проявить мысль, до какой высоты изящества доступенъ былъ древній міръ. Какъ ранній морской цвѣтокъ, она возникла изъ океана невѣжества, быстро созрѣла сѣменами всего прекраснаго, бросила свое благоуханіе и сѣмена вѣтрамъ — и увяла. Вся поэзія греческая ознаменована недоступною для насъ и плѣнительною для всѣхъ красотою. Не одинъ голый переводъ съ природы, не слѣпое безжизненное подражаніе жизни находимъ мы въ поэзіи грековъ. Въ произведеніяхъ искусствъ мы находимъ идеалъ вещественно-прекраснаго, т.-е. тысячи разсѣянныхъ красотъ, геніально слитыхъ воедино, красотъ, можетъ, никогда невиданныхъ, но угаданныхъ душою... Романтизмъ оперялся понемногу...

Произнесите священное, освященное вѣками имя Омира— и вся Эллада возстаетъ передъ вами изъ праха огромнымъ призракомъ. Что передъ нимъ всѣ хваленыя поэмы міра, начиная съ Энеиды, русскихъ „идъ", „адъ" и „оидъ", кончая надутой Генріадой, этой выношенной до нитки аллегоріи, которой рукоплескалъ XVIII вѣкъ до мозолей, зѣвая подъ шляпою, и надъ которой мы даже не зѣваемъ, оттого что спимъ? Но народъ пересталъ вѣрить сказкамъ, и эпопея перекинулась въ драму. Ужасна была эта античная трагедія, разсѣкавшая преступника своимъ огненнымъ мечомъ пополамъ, показывая его сердце наголо. Но она избирала героевъ, удаленныхъ во мракъ старины, и оттѣнила только одну печальную сторону бытія. Шекспиръ, Шиллеръ, Викторъ Гюго понимали природу шире, и развѣ ихъ герой — падшій ангелъ-человѣкъ, человѣкъ-мѣщанинъ менѣе занимателенъ? Одностороння была и комедія древнихъ; она имѣла всегда политическую цѣль; она колола, смѣша: она была прихожею Пирея или Форума, битвой застрѣльщиковъ. Наша новая драма, которая, какъ жизнь наша, смѣется и плачетъ

въ одномъ часу—полнѣе и правдивѣе античнаго театра. Она не ждетъ, чтобы давность увлекла людей на историческій выстрѣлъ: она судитъ ихъ у гроба, терзаетъ ихъ заживо, будто бы она, какъ орелъ, не можетъ ѣсть ничего, кромѣ животрепещущаго мяса. Современная литература обогатилась, кромѣ того, и новой формой искусства—романомъ. Древніе не знали его, ибо романъ есть разложеніе души, исторія сердца, а имъ некогда было заниматься подобнымъ анализомъ. Они такъ были заняты физическою и политическою дѣятельностью, что нравственныя отвлеченности мало имѣли у нихъ мѣста...

Но о насъ, милльонщикахъ, въ этомъ отношеніи, рѣчь впереди,—обрываетъ себя снова авторъ, — и заканчиваетъ этотъ красивый обзоръ древней словесности такой поэтической картиной. „Тихо готовился въ Элладѣ и въ Римѣ, уже источенныхъ пороками, важный переломъ міра вещественнаго отъ міра духовнаго. Мраморные боги шатались, но стояли еще; зато ихъ треножники были холодны безъ жертвъ, сердца язычниковъ холодны безъ вѣры. Давно уже Сократъ толковалъ объ единствѣ Бога — и выпилъ цикуту, осужденный за безбожіе. Но эта чаша смерти стала заздравной чашей новаго ученія; проникла даже въ сердца его убійцъ. Школа неоплатониковъ разрасталась: она была для земли, раздавленной деспотизмомъ, прелюдіей небесною! Души, томимыя пустотою, чего-то ждали, чего-то жаждали—и свершилось... Древній міръ палъ".

Бестужевъ переходитъ затѣмъ къ обзору историческихъ условій, при которыхъ зародился настоящій романтизмъ. Изложеніе становится еще болѣе несистематичнымъ, запутаннымъ и очень кудрявымъ, но мысли остаются попрежнему для своего времени очень цѣнными.

Для насъ необходимъ фонарь исторіи, говоритъ Бестужевъ, чтобы во мракѣ среднихъ вѣковъ разглядѣть между развалинъ тропинки, по коимъ романтизмъ вторгался въ Европу съ разныхъ сторонъ и, наконецъ, укоренился въ

ней, овладѣвъ ею. Пойдемъ же по этимъ тропинкамъ, но только, ради Бога, безъ костылей и помочей!

Очень бѣгло, но картинно, характеризуетъ Бестужевъ послѣдніе годы античной образованности, когда она увядала, и на западѣ, и на востокѣ, въ византійской Греціи, гдѣ римскому орлу приклеили еще голову, позабывъ, что варвары подрѣзали ему крылья. Какой словесности можно было ожидать въ Византіи, при такомъ дворѣ, въ такомъ выродившемся народѣ? Надутая лесть для знатнаго класса, щепетильная схоластика и богословскія сплетни въ школахъ— вотъ что, подобно репейнику, цвѣло тамъ, гдѣ красовались прежде Тиртей, Сафо, Демосѳенъ. Исключеніе составляли лишь христіанскіе писатели, какъ, напр., Іоаннъ Златоустъ святой Августинъ, Григорій Назіанзинъ и другіе, но сила ихъ краснорѣчія исчезла вмѣстѣ съ ними.

Античный міръ кончился, и началась снова жизнь на западѣ, на развалинахъ Рима, которыми завладѣли варвары; христіанская вѣра быстро разлилась между ними, и возникло невѣдомое варварамъ сословіе духовенства. Непрестанно и безпредѣльно возрастающая власть его доказала свѣту силу слова надъ совѣстью, побѣду духа надъ грубою силою. Крестъ сталъ рукояткой меча; тіара задавила короны, и монастыри — эти надземные гробы — устремили къ небу колокольни свои, сложенныя изъ разрушенныхъ замковъ. Жизнь не текла, а кипѣла въ этотъ вѣкъ набожности и любви, вѣкъ рыцарства и разбоевъ. Всѣ тогда любили славу и славили любовь. Христіанство вывело женщинъ изъ-за рѣшетокъ и покрывалъ, и поставило ихъ наравнѣ съ мужчинами. Рыцарство сдѣлало изъ нихъ идоловъ. Этотъ духовный союзъ душъ, это низменное стремленіе къ предмету своей страсти, это чудное свойство: во всей природѣ чувствовать одно, видѣть одно—не есть ли оно практическій романтизмъ, романтизмъ на дѣлѣ? Прибавьте къ этому установленіе военно-духовныхъ орденовъ, тайныя судилища, инквизицію, вторженіе норманновъ во Францію, мавровъ въ Испанію и кресто-

вые походы. Всѣ эти событія имѣли громадное вліяніе на литературу. Столкновеніе сѣвернаго угрюмаго темперамента скандинавовъ съ темпераментомъ легкомысленнымъ и вѣтреннымъ южанъ породило неподражаемый юморъ — одну изъ главныхъ стихій романтизма, неподражаемый юморъ, который такъ умѣетъ смѣяться въ промежуткахъ страданій; вторженіе мавровъ въ Европу привило европейскому романтизму особую роскошь выраженій и новость стиля. Крестовые походы отразились также на подъемѣ фантазіи и имѣли громадное соціальное значеніе. Они пресытили духовенство окладами, возгордили его властью, проистекшею изъ религіознаго направленія умовъ. Духовенство пробудило въ сердцахъ многихъ народовъ глухое чувство нетерпѣнія къ деспотизму совѣсти, чувство зависти къ церковнымъ помѣстьямъ, выращеннымъ потомъ ихъ. Крестовые походы сказались и на повышеніи культурнаго уровня: крестоносецъ изъ тяжкихъ походовъ своихъ принесъ сѣмена вѣротерпимости. Науки раздвинулись опытнымъ познаніемъ свѣта. Обогатилась и словесность восточными сказками, столь замысловатыми...

По поводу этихъ восточныхъ сказокъ нашъ критикъ дѣлаетъ одно очень характерное отступленіе. „Въ восточныхъ сказкахъ, — говоритъ онъ, — впервые простолюдины стали играть роли наравнѣ съ визирями и ханами, и дворяне въ первый разъ сознались вниманіемъ своимъ, что и народъ можетъ быть очень занимателенъ, народъ, который у себя водили они въ ошейникахъ, будто гончихъ, и цѣнили часто ниже гончихъ“. Эта публицистическая замѣтка заставляетъ автора нѣсколько отклониться въ сторону и посвятить цѣлую страницу „простолюдинамъ и ихъ поэзіи вообще“. Европейскіе простолюдины,—пишетъ онъ,—не имѣвшіе никакихъ правъ, „имѣли свои обычаи, свои забавы, свою поэзію. Составляя часть глыбы земли по закону, по природѣ, они составляли часть человѣчества, и хоть ползкомъ, но подвигались впередъ; жили, какъ вещь, но, какъ живая вещь,

любили, ненавидѣли... они имѣли и свою поэзію, божественную поэзію, къ которой мы теперь только начинаемъ возвращаться. И слава Богу: лучше потолкаться у горъ на масляницѣ, чѣмъ зѣвать въ обществѣ греческихъ боговъ или съ портретами своихъ напудренныхъ предковъ".

Этотъ неспокойный тонъ, въ которомъ критикъ, обрывая историческій обзоръ, излагаетъ свои публицистическія мысли, становится еще болѣе тревоженъ, когда Бестужевъ переходитъ къ исторіи зарожденія и роста третьяго сословія.

Въ Европѣ возникала и крѣпла — пишетъ онъ — совершенно незнаемая въ древности стихія гражданственности, стихія, которая впослѣдствіи поглотила всѣ прочія — мѣщанство, буржуазія. Въ стѣнахъ городовъ вообще, и вольныхъ въ особенности, кипѣло бодрое, смышленое народонаселеніе, которое породило такъ называемое третье сословіе: оно дало жизнь писателямъ всѣхъ родовъ, поэтамъ всѣхъ величинъ, авторамъ по нуждѣ и по наряду, по ошибкѣ и по вдохновенію. Въ нихъ замѣчательно для насъ то, что, родясь въ эпоху мятежей и распрей, въ сословіи мѣщанъ, въ сословіи, понимающемъ себѣ цѣну и между тѣмъ униженномъ, презираемомъ аристократіею, которая въ тѣ блаженныя времена считала все позволеннымъ себѣ въ отношеніи къ нижнимъ слоямъ общества, — авторы воспитали въ своей кастѣ и сохранили въ своихъ сочиненіяхъ какую-то насмѣшливую досаду на вельможъ и дворянъ. Они сражались своими сатирами, комедіями и эпиграммами, а, между тѣмъ, духъ времени работалъ событіями лучше, нежели всѣ они вмѣстѣ. Изобрѣтеніе пороха и книгопечатанія добило старинное дворянство. Первое ядро, прожужжавшее въ рядахъ рыцарей, сказало имъ: опасность равна для васъ и для вассаловъ вашихъ. Первый печатный листъ былъ уже прокламація побѣды просвѣщенныхъ разночинцевъ надъ невѣждами дворянчиками. Ковы и семейныя тайны знатныхъ стали достояніемъ каждаго. Духъ зашевелился вездѣ...

Наступила эпоха реформаціи, возрожденія наукъ и художествъ. Она создала свою литературу. Она принялась подражать до упаду грекамъ, а пуще того римлянамъ, которые сами передразнивали грековъ... Подражаніе стало повальнымъ. Франція, у которой всякій вкусъ загорается страстью, — постриглась въ монахини и заживо замуравила свой умъ въ гробовыя плиты классицизма. Когда Италія имѣла уже Данте, Испанія Кальдерона, Англія закалила духъ Шекспира,—Франція набивала колодки на даръ Корнеля и разсыропливала Расина водою Тибра, съ оржадомъ пополамъ. Французы нарумянили старушку древность краснымъ-красно, облѣпили ее мушками, затянули въ китовые усы, научили танцовать менуэтъ, присѣдать по смычку. Малютку природу, которая имѣла неисправимое несчастіе быть не дворянкой, по приговору Академіи, выгнали за заставу, какъ потаскушку. Французы нашли Божій свѣтъ слишкомъ простонароднымъ и вздумали украшать природу, облагородить языкъ, и стали нелѣпы отъ того, что черезчуръ умничали. Французы, у которыхъ такъ недавно были войны Лиги, Варѳоломеевская ночь, пистолетъ Витри и ножъ Равальяка— на театрѣ боялись брызги крови, капли яду, прятали всѣ катастрофы за кулисы. Жалкіе мудрецы! и они еще увѣрены, что вѣроятность соблюдена у нихъ строго... И все это продолжалось до 1820 г. Франція побыла Республикою, побыла Имперіею, Революція перекипятила ее до млада въ кровавомъ котлѣ своемъ,—но старикъ театръ остался тѣмъ же старикомъ...

И не одинъ театръ остался въ плѣну. Матеріализмъ закабалилъ философію. Рабле, проницательный ловецъ слабостей общества, и Монтенъ, глубочайшій изслѣдователь слабостей человѣка, оба романтика первой степени — были забыты. Мольеръ и Лафонтенъ—два генія, которые смѣли говорить правду—пошли за безцѣнокъ. Вольтеръ сталъ трибуномъ своего вѣка. Гордый ползунъ, льстецъ и насмѣшникъ вмѣстѣ, скептикъ по рожденію и остроумецъ по ре-

меслу, онъ научилъ вольнодумство наѣздинической стрѣльбѣ насмѣшками. Вольтеръ былъ Діогенъ XVIII вѣка, но Діогенъ нѣженка, Діогенъ съ ключомъ на карманѣ. Какъ ни велика была, однакожъ, власть Вольтера, даже у насъ, гдѣ иные до сихъ поръ считаютъ его, жалкаго болтуна, величайшимъ философомъ, Вольтеръ не опередилъ своего вѣка.

Романтизмъ имѣлъ представителя и въ эту пору вещественности: то былъ независимый чудакъ Руссо. До него, около него, въ политикѣ, законовѣдѣніи, въ художествахъ, въ поэзіи ученые не видали никого выше грековъ и римлянъ,—идеалъ совершенства былъ у нихъ назади. За утопіей рылись они въ зе́млѣ, а не въ небѣ. Напротивъ, блестящій сонъ Руссо, увлекательный парадоксъ Руссо, отвергъ не только всѣ обычаи общества, но извратилъ и самую природу человѣка, создалъ своего человѣка, выдумалъ свое общество. Правда, подобно Платону, онъ заблудился въ облакахъ; онъ не достигъ истины, главнаго условія поэзіи; но онъ искалъ ея; онъ первый, хотя и въ бреду, сказалъ, что міръ можетъ быть улучшенъ иначе, какъ есть, иначе, какъ было... Донъ-Кихотъ утопіи, онъ ошибся въ приложеніи; но начала его были вѣрны. Поэтъ безъ риѳмъ, мыслитель безъ педантства, онъ составилъ звено между матеріализмомъ вѣка и духовностью вѣковъ...

На этой блестящей характеристикѣ Руссо обрываются разсужденія Бестужева объ иностранной словесности. Конецъ ихъ очень скомканъ и видно, что статья сокращена не по волѣ автора.

Слова Бестужева — какъ мы могли убѣдиться изъ этихъ длинныхъ выписокъ — должны были обратить на себя вниманіе зоркаго читателя. Это была не литературная критика, а первый и блестящій образецъ критики публицистической. Авторъ, повидимому, говорилъ о литературѣ, но попутно успѣлъ набросать цѣлую картину историческаго развитія человѣческой культуры. Онъ былъ, конечно, не самостоятеленъ въ своихъ сужденіяхъ; поверхностенъ, неточенъ въ

выраженіяхъ, но никто до него не рѣшался на такой смѣлый обзоръ міровыхъ событій. И при всѣхъ своихъ ошибкахъ этотъ обзоръ въ основѣ былъ вѣренъ. Любопытна была въ немъ также и либерально-демократическая тенденція автора. Она продиктовала ему тѣ страницы, на которыхъ онъ говорилъ о судьбѣ простолюдина, объ его подневольномъ положеніи и о жизни „дворянчиковъ"; она заставила его съ такой симпатіей говорить о Руссо и такъ безжалостно и несправедливо обругать Вольтера. Въ словахъ нашего автора проглядывалъ ясно и его романтическій темпераментъ, и его тяготѣніе къ идеализму, которое и побудило его обрушиться опять-таки несправедливо на просвѣтительную литературу XVIII вѣка во Франціи.

Любопытны также сужденія Бестужева о „романтизмѣ". Все самобытное, оригинальное, возникшее органически изъ народной почвы, подходитъ, по мнѣнію автора, подъ понятіе *романтическаго*. Для Бестужева и Монтень, и Рабле, и Руссо романтики въ одинаковой степени; романтизмъ нашелъ онъ и въ Индіи, и у Шекспира. Онъ готовъ вездѣ признать его, гдѣ встрѣчается съ истинной силой вдохновенія. Онъ суровъ только со всѣми подражателями, хотя бы они и были геніи, какъ, напр., Корнель, Расинъ и Вольтеръ. Но этимъ понятіемъ „оригинальнаго" сущность романтизма, по мнѣнію Бестужева, не исчерпывается. Полнота жизни, воплощенная въ искусствѣ, есть тоже романтизмъ, и чѣмъ ближе искусство подходитъ къ жизни, тѣмъ оно романтичнѣе. Въ этомъ смыслѣ и Мольеръ, и Лафонтенъ романтики, какъ и Монтень, и Рабле, потому что они вѣрны природѣ, и коренная ошибка греческаго театра въ томъ, что его комедія и трагедія отражали попеременно лишь одну сторону человѣческой жизни и не возвысились до такого цѣльнаго взгляда на нее, какой былъ у Шекспира.

Какъ видимъ, понятіе туманнаго романтическаго настроенія Бестужевъ упростилъ до чрезвычайности, и слова „ро-

мантизмъ“ и „истинная поэзія“ на его языкѣ стали почти тождественны.

Это произвольное упрощеніе сказалось еще яснѣе на тѣхъ страницахъ его критической статьи, которыя онъ посвятилъ обзору исторіи развитія русской литературы со временъ Петра Великаго до появленія романа Полевого.

Эта бѣглая оцѣнка успѣховъ русской словесности за цѣлое столѣтіе—очень яркій и смѣлый литературный наскокъ талантливаго автора.

Отмѣтивъ основную черту русскаго барина, который искони отличался необыкновенной уступчивостью своихъ нравовъ и пріемлемостью чужихъ, Бестужевъ характеризуетъ въ очень яркихъ словахъ нашу подражательную литературу XVIII-го вѣка. Нѣмцевъ онъ, однако, не бранитъ, но зато онъ безпощаденъ къ французамъ, къ ихъ литературѣ, которая завалила матушку-Русь своими обломками и своими потомками, которая наводнила насъ пѣснями, гравюрами и книгами, постыдными для человѣчества, гибельными для юношества, выдумками, охлаждающими сердца къ доблестямъ старины; которая убила въ цвѣту лучшія надежды Россіи, ставя цѣлью бытія животныя наслажденія, внушая недовѣріе, или, что̀ еще хуже, равнодушіе ко всему благородному въ человѣкѣ, ко всему священному на землѣ... Забывая свои обязанности оцѣнщика художественныхъ сторонъ словесности, Бестужевъ, какъ русскій патріотъ, краснѣя, вспоминаетъ про эту эпоху „графинекъ и князьковъ“, эпоху, въ которую городское дворянство наше такъ же усердно старалось выказывать свою безнравственность, какъ въ другое время ее прячутъ, эпоху, когда продажность гуляла вездѣ безъ укора или скрывалась безъ труда... Кто, однакожъ, выслѣдитъ пути Провидѣнія, кто?—спрашиваетъ нашъ оптимистъ. Можетъ быть, оно нарочно даетъ грязному ручью пробраздить дѣвственную землю, чтобы въ его ложе бросить по веснѣ многоводную рѣку просвѣщенія?

Не объяснивъ, чѣмъ именно французская литература была

такъ грязна, критикъ, упомянувъ вскользь о „миндальномъ молокѣ“ поэзіи Эмина, Княжнина, Сумарокова и Хераскова, спѣшитъ перейти къ огнедышащему Державину, который взбросилъ до звѣздъ мѣдь и пламя русскаго слова. Самородный великанъ этотъ пошелъ въ бой поэзіи по безднамъ, надвинулъ огнепернатый шлемъ, схвативъ на бедро лучъ солнца, раздавливая хребты горъ пятою, кидая башни за облака. Философъ-поэтъ, онъ первый положилъ камень русскаго романтизма не только по духу, но и по дерзости образовъ, по новости формъ. Однако, почему его почитали? Не за его талантъ, а за то, что онъ былъ любимецъ Екатерины и тайный совѣтникъ. Всѣ подражали ему, потому что полагали съ Парнасса махнуть въ слѣдующій классъ, получить перстенекъ или приборецъ на нижнемъ концѣ стола вельможи или хоть позволеніе потолкаться въ его прихожей.

Но поэзія Державина была выше средняго уровня. Публикѣ нужна была словесность для домашняго обихода... И вотъ Богдановичъ промолвился „Душенькой“, Фонъ-Визинъ „замѣдѣнилъ“ для потомства лица своихъ современниковъ-провинціаловъ; явился Дмитріевъ съ легкимъ стихомъ, кой гдѣ съ прозеленью народности. Наконецъ, блеснулъ и Карамзинъ, которому дано было внушить русскимъ романтическую мечтательность и заставить ихъ полюбить родную исторію. Карамзинъ привезъ изъ-за границы полный запасъ сердечности, и „Бѣдная Лиза“, его чувствительное путешествіе, въ которомъ онъ такъ неудачно подражалъ Стерну, вскружили всѣмъ головы. Всѣ завздыхали до обморока, всѣ кинулись ронять алмазныя слезы на ландыши, надъ горшкомъ молока, топиться въ лужѣ. Всѣ заговорили о матери природѣ — всѣ, кто видѣлъ природу только съ просонка изъ окна кареты. — Слова „чувствительность“, „несчастная любовь“ стали шиболетомъ, лозунгомъ для входа во всѣ общества. Это былъ безвременный, разслащенный вертеризмъ. Словесность наша пережевывала Мармонтеля и мадамъ Жанлисъ. Тогда одинъ лишь Крыловъ обновлялъ и умъ, и языкъ

русскій во всей ихъ народности. Только у него народность была свѣжа собственнымъ румянцемъ, удала собственными силами; только у него были природные русскіе мужички, и счастливы мы, имѣвшіе крестными отцами Крылова и XIX вѣкъ. Первый научилъ насъ говорить по-русски; второй мыслить по-европейски.

Скоро и Жуковскій познакомилъ насъ съ послѣдними пѣснями нѣмецкаго вдохновенія. Великое поприще для ума и чувства открыто было въ сосѣдней съ нами Германіи. Шиллеръ усвоилъ нѣмецкой словесности романтизмъ Шекспировъ. Закипѣли словесность, исторія, философія, критика новыми, смѣлыми, плодородными идеями, объяснившими человѣчество, раздвинувшими умъ человѣка уже не бѣглымъ опытомъ, но пытливостью воображенія. Тогда же блеснулъ и Гете, который собралъ въ себѣ всѣ лучи просвѣщенія Германіи, который воплотилъ, олицетворилъ въ себѣ Германію, половина которой была въ пыли феодализма, а другая въ облакахъ отвлеченностей, Германію, простодушную до смѣха и ученую до слезъ. Все яркое въ мірѣ отразилось въ твореніяхъ Гете, все, кромѣ чувства патріотизма, и этимъ-то всего болѣе осуществилъ онъ въ себѣ Германію, которая вынула изъ человѣка душу и разсматривала ее отдѣльно отъ народной жизни. Но Германія, истощенная умственнымъ усиліемъ ея геніевъ, упала въ дремоту и, воротясь изъ всемірнаго облета, усѣлась за частности, за бытъ запечный; нарядилась въ alte deutsche Tracht, заиграла на гудкѣ сельскую пѣсню, зафилософствовала на старый ладъ съ Гегелемъ, затянула съ Уландомъ про *что-то* и *нѣчто*, превратилась въ лепетъ засыпающаго. Вотъ въ эту-то эпоху и засталъ ее Жуковскій и пересадилъ ея романтизмъ въ дѣвственную почву словесности. Онъ пересадилъ, такимъ образомъ, только одинъ цвѣтокъ ея...

Еще Русь отзывалась грустными напѣвами Жуковскаго, когда блеснулъ А. Пушкинъ, рѣзвый, дерзкій Пушкинъ, почти ровесникъ своему вѣку и вполнѣ родной своему на-

роду. Сначала причудливый, какъ Потемкинъ, онъ бросалъ жемчугъ свой въ каждаго встрѣчнаго и поперечнаго; но, заплативъ дань Лафару и Парни, раскланявшись съ Донъ-Жуаномъ, Пушкинъ сбросилъ долой плащъ Байрона и въ послѣднихъ твореніяхъ явился гордъ и самобытенъ.

Жуковскій и Пушкинъ были истинными двигателями нашей словесности и затаврили своимъ духомъ цѣлые табуны подражателей. Жуковскій и Пушкинъ при жизни своей увлекли въ свою колею тысячи, но увлекли нечаянно... Тьма бездарныхъ и полударныхъ крадуновъ пѣвца Минваны сдѣлались вялыми пѣвцами увялой души, утомительными пѣвцами томности, близорукими пѣвцами дали. И потомъ, собачій вой ихъ балладъ, страшныхъ одною нелѣпостью; ихъ бѣсы, пахнущіе кренделями, а не сѣрою; ихъ разбойники, взятые на прокатъ у Нодье, надоѣли всѣмъ и всякому не хуже нынѣшней гомеопатической и холерной полемики. Съ другой стороны, гяуризмъ и донъ-жуанизмъ, выкраденный изъ кармановъ Пушкина, размѣненный на полушки, разбитый въ дробь, полетѣлъ изъ всѣхъ рукъ. Житья не стало отъ толстощекой безнадежности, отъ самоубійствъ шампанскими пробками, отъ злодѣевъ съ биноклями, въ перчаткахъ glacés; не стало житья отъ похмельныхъ студентовъ, воспѣвающихъ сальныхъ гетеръ Фонарнаго переулка. Но какъ бы то ни было, мы перестали играть въ жмурки съ мраморными статуями, и роковое слово: *„романтизмъ“* было, наконецъ, произнесено.

И закипѣлъ бой классиковъ съ романтиками. Должно, однако, признаться, что этотъ бой былъ очень смѣшонъ. Старики не постигали древнихъ, молодежь толковала о новыхъ писателяхъ по наслышкѣ. Одни задыхались подъ ржавыми латами, другіе не умѣли владѣть своимъ духовымъ ружьемъ. Но все-таки фарфоровый Голіаѳъ долженъ былъ брякнуться о земь.

Романтизмъ побѣдилъ, идеализмъ побѣдилъ, и гдѣ-жъ было воевать пудрѣ съ порохомъ? Но не будемъ самолю-

бивы. Не наши силы, не наши познанія были виной такой побѣды—далеко нѣтъ! Насъ выручило время. Мы не приняли романтизма, но онъ взялъ насъ съ боя, завоевалъ насъ, какъ татары, такъ что никто не зналъ, не вѣдалъ откуда взялись они. Романтизмъ скитается между нами, какъ Вѣчный Жидъ; онъ уже строитъ свои фантастическіе замки,— а мы все споримъ, существуетъ ли онъ на свѣтѣ, и, вѣроятно, не ранѣе повѣримъ, что онъ получилъ русское гражданство и княжество, какъ прочитавъ это въ „Гамбургскомъ Корреспондентѣ". Въ нашъ вѣкъ поэтъ не можетъ не быть романтикомъ...

На этомъ категорическомъ утвержденіи Бестужевъ заканчиваетъ введеніе своей критической статьи, чтобы перейти къ обзору русскихъ историческихъ романовъ и въ частности къ разбору романа Полевого.

Какъ видимъ, и примѣнительно къ русской литературѣ, слово „романтизмъ" сохранило свое широкое значеніе. Оно совпало съ понятіемъ всего живого, оригинальнаго, сильнаго въ литературѣ. Романтики это- тѣ, которые оттѣснили стариковъ-подражателей; имъ принадлежитъ будущее; но кто они, какъ художники, какіе ихъ пріемы мастерства, какое міросозерцаніе отдѣляетъ ихъ отъ тѣхъ, кто не романтики— объ этомъ Бестужевъ не говоритъ; для него романтизмъ есть только литературный боевой кличъ молодежи, сильно чувствующей и бурно думающей, и эта молодость души и ума и кажется ему эквивалентомъ любой эстетической теоріи.

Обзоръ историческихъ русскихъ романовъ, который Бестужевъ далъ въ послѣдней части своего критическаго очерка—обзоръ бѣглый, но также не лишенный оригинальныхъ мыслей.

Начинается онъ съ любопытныхъ строкъ, въ которыхъ нашъ авторъ опредѣляетъ свою собственную заслугу передъ русскимъ историческимъ романомъ. Что рѣдко бываетъ— онъ обнаруживаетъ въ этой самооцѣнкѣ достойное безпри-

страстіе. „Историческія повѣсти Марлинскаго, пишетъ онъ, въ которыхъ онъ сбросилъ путы книжнаго языка, заговорилъ живымъ русскимъ нарѣчіемъ, служили дверьми въ хоромы полнаго романа". На похвалы своимъ конкуррентамъ, за исключеніемъ лишь Полевого, Бестужевъ былъ, однако, не очень щедръ. Много комплиментовъ сказалъ онъ Булгарину, но добавилъ, что Булгаринъ не постигъ духа русскаго народа, что онъ изобразилъ не Русь, а газетную Русь, что онъ слишкомъ любилъ романизировать похожденія своихъ героевъ, что, наконецъ, въ нѣкоторыхъ его романахъ историческая часть „вовсе чахоточна". Про Загоскина сказано, что въ истинѣ мелкихъ характеровъ и быта Руси онъ превзошелъ Булгарина, но во взглядѣ на историческія событія не опередилъ его, не говоря уже о томъ, что чужеземная поддѣлка не спряталась у него подъ игривостью русскаго языка. Немного похвальнаго сказалъ Бестужевъ и о Калашниковѣ и Масальскомъ; и одинъ лишь Лажечниковъ—несмотря на „прыгучій слогъ" свой и на двойную путаницу завязки—понравился ему горячей игрой своихъ характеровъ...

Всѣхъ затмилъ, по мнѣнію Бестужева, одинъ лишь Полевой, который съ такимъ пылкимъ самоотверженіемъ посвятилъ себя правдѣ и пользѣ русскаго просвѣщенія. Полевой началъ блестяще, съ „Исторіи русскаго народа", которая не была „златопернатымъ разсказомъ Карамзина", но повѣствованіемъ пернатымъ свѣтлыми идеями. Не изъ толпы, а съ выси горъ смотрѣлъ въ ней авторъ на торжественный ходъ вѣковъ. Это была исторія, достойная своего вѣка. Барантъ, Тьерри, Нибуръ, Савиньи напутствовали автора, и потому-то современность исторіи Полевого съ ея забіячливою походкою возбудила противъ себя всю нашу, даже не золотую посредственность. Зашипѣли кислыя щи пузырныя, и всѣ, которыхъ задѣвалъ Полевой своею искренностью, расходились на французскихъ дрожжахъ. Но Полевой довершилъ свой историческій подвигъ, досказавъ прерванную имъ русскую исторію въ романѣ „Клятва при Гробѣ Господнемъ". Это

была удачная мысль—воскресить въ романѣ наше прошлое и мысль, достойная большого патріота.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ мы плохо умѣемъ цѣнить богатства нашей старины! -восклицаетъ Бестужевъ. Русь это—нѣчто самобытное и оригинальное. Чѣмъ мы хуже Европы? Развѣ мы даромъ прожили вѣка? Русь была отчуждена отъ Европы, не отъ Человѣчества, и оно, при подобныхъ европейскихъ обстоятельствахъ, выражалось подобными же переворотами. За исключеніемъ Крестовыхъ походовъ и Реформаціи, чего у насъ не было, что было въ Европѣ? А, сверхъ того, характеры князей и народа долженствовали у насъ быть ярче, самобытнѣе, рѣшительнѣе, потому что человѣкъ на Руси боролся съ природою болѣе жестокою, со врагами болѣе ужасными, чѣмъ гдѣ-либо. Вглядитесь въ черты князей нашихъ, сперва исполинскія, потомъ лишь удалыя, потомъ уже коварныя, и скажите, чѣмъ хуже они героевъ Вальтеръ-Скотта или Виктора Гюго, для романа? У нихъ какъ вездѣ, былъ свой махіавелизмъ для силы и для безсилія; были свои ковы и оковы, и ядъ подъ ногтемъ, и ножъ подъ полою. У нихъ были свои льстецы-предатели, свои вельможи-дядьки, свои жены—Царь бабы, свои братья Каины. Да и черный народъ нашъ (кромѣ рабовъ), смерды, людины, крестьяне, мѣстичи, безъ сомнѣнья долженствовалъ быть гораздо смышленѣе сервовъ среднихъ вѣковъ. Онъ не составлялъ части земли: онъ имѣлъ свои сходки, онъ уходилъ на войну съ князьями, чего не было въ Европѣ. Руссакъ не былъ низокъ, ибо не терпѣлъ униженія наравнѣ съ вассалами Европы. Ни рвы, ни башни не дѣлили ихъ между собою. Жалобы селянина доступны были боярину, и бытъ боярина, простой почти столько же, какъ бытъ селянина, не давалъ повода первому презирать послѣдняго, ни послѣднему ненавидѣть перваго. Но оставимъ эти историческіе факты—обратимся къ міру вымысла и мы увидимъ, какъ богаты были поэзіей и смысломъ поэтическія воззрѣнія нашихъ предковъ на природу. Наши сказочные образы—чѣмъ они

хуже Пука и Аріэля Шекспира, или Трильби Нодье? Да и что за богатое, оригинальное лицо самъ чортъ нашъ? Онъ не Демонъ, не Ариманъ, не Шайтанъ, даже не Мефистофель -онъ просто бѣсъ, безъ всякихъ претензій на величіе. Онъ гораздо добрѣе всѣхъ ихъ. Онъ большой балагуръ, онъ отчаянный рѣзвецъ, и порой бываетъ проще пошехонца... Какъ хорошо можно эксплуатировать всѣ эти образы для литературныхъ цѣлей! Казакъ Луганскій показалъ, какъ занимательны могутъ быть эти простые цвѣтки русскаго остроумія, свитые искусною рукою. Чародѣй Вельтманъ, который выкупалъ русскую старину въ романтизмѣ, доказалъ также, до какой обаятельной прелести можетъ доцвѣсть русская сказка, спрыснутая мыслью,—и, наконецъ, какъ много веселья и трезваго ума въ такихъ сказкахъ! Она умѣла уколоть шуткою и князя, и боярина, и попа... Отличительная черта русскаго простолюдина, -въ томъ что онъ никогда не былъ изувѣромъ и не смѣшивалъ вѣры со служителями вѣры; благоговѣлъ передъ ризою, но не передъ рясою, и рѣдкая смѣшная сказка или пѣсня обходится у насъ безъ попа или чернеца.

И еще есть у насъ стихія, драгоцѣнная, это –дураки и шуты. Съ тѣхъ поръ, какъ наглую правду выгнали изъ дворца за безстыдство, она прикинулась баснею и шуткою, спряталась подъ ослиное сѣдло, захрюкала, запѣла кукареку, покатилась колесомъ, заломила на бекрень дурацкую шапку и стала ввертывать свои укоры между хохота и ударовъ хлопушки... Однимъ словомъ, шутъ-простолюдинъ, приближенный къ князю, былъ что-то похожее на народнаго трибуна въ каррикатурѣ (!).

Вотъ какое богатство представляетъ наша самобытная жизнь для искусства. Въ нашей жизни, въ нашей исторіи, въ произведеніяхъ нашего народнаго творчества такъ много оригинальнаго, поэтическаго и красиваго! И можно ли исчислить всѣ дѣвственные ключи, которые таятся доселѣ въ кряжѣ русскомъ? Стоитъ генію топнуть, и они брызнутъ обильны, искрометны.

И, какъ наглядное доказательство своей мысли, Бестужевъ пересказываетъ содержаніе романа Полевого „Клятва при Гробѣ Господнемъ“, останавливаясь подробно на характеристикѣ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ. Критическихъ замѣчаній въ этомъ разборѣ мало. Критикъ отмѣчаетъ неровности въ языкѣ романиста, несовершенство слога, какимъ написана повѣсть, но въ общемъ его статья—хвалебный гимнъ: „Клятва“ Полевого это—концертъ Бетховена, сыгранный на плохой скрипкѣ.

Въ данномъ случаѣ Бестужевъ, конечно, преувеличилъ, и его оцѣнка романа Полевого сама по себѣ цѣны не имѣетъ. Въ ней при случаѣ высказанныя мысли важнѣе основныхъ. Такія цѣнныя случайныя замѣтки попадаются и на послѣднихъ страницахъ его отзыва.

Для своего времени очень тонкими были, напр., замѣтки Бестужева о реализмѣ въ искусствѣ. Писатели—говорилъ онъ—иногда выводятъ самыхъ ничтожныхъ лицъ и ведутъ самые пустые разговоры и оправдываются словами: „это съ природы!“ Помилуйте, господа! развѣ простота—пошлость! Природа! послѣ этого, тотъ, кто хорошо хрюкаетъ поросенкомъ, величайшій изъ виртуозовъ, и фельдшеръ, снявшій алебастровую маску съ Наполеона, первый ваятель! Искусство не рабски передразниваетъ природу, а создаетъ свое изъ ея матеріаловъ. Дайте намъ не условный міръ, но избранный міръ, т.-е. дайте намъ типы, а не фотографіи, и при томъ въ русскомъ тѣлѣ, въ русскомъ духѣ...

Такова въ ея главнѣйшихъ мысляхъ эта замѣчательная статья[236]. Она была необычайно смѣла по замыслу. Авторъ былъ правъ, когда говорилъ, что онъ придрался только къ случаю, чтобы изложить свои мысли по самымъ различнымъ предметамъ. Статья разрослась, какъ мы видѣли, въ цѣлый краткій очеркъ всемірной культуры. Авторъ хотѣлъ блеснуть своими историческими и литературными знаніями. Онъ пріобрѣлъ ихъ, конечно, не изъ первыхъ рукъ, но онъ удачно ихъ систематизировалъ, и, благодаря этой историко-

литературной панорамѣ, которую цензура не позволила ему, однако, развернуть полностью, статья получала общеобразовательное значеніе. Русскій читатель узнавалъ изъ нея массу новаго, не говоря уже о томъ, что авторъ поддерживалъ его во все время чтенія въ очень бодромъ настроеніи, въ томъ свѣжемъ, романтическомъ и задорномъ настроеніи, которое онъ такъ цѣнилъ въ себѣ самомъ. И, дѣйствительно, несмотря на цензурные штрихи, статья—какъ мы могли убѣдиться—сохранила мѣстами свой агрессивный публистическій тонъ, по существу либеральный и просвѣщенный.

Статья была замѣчена, и семь лѣтъ спустя послѣ ея выхода въ свѣтъ Бѣлинскій рекомендовалъ ее вниманію своихъ читателей. Отозвавшись съ достаточной небрежностью о всей первой части статьи Бестужева, въ которой говорилось о западноевропейскихъ литературныхъ теченіяхъ, упрекнувъ автора также въ томъ, что онъ не имѣетъ яснаго понятія о романтизмѣ, что въ его глазахъ всѣ талантливые писатели—романтики, а романтизмъ—ключъ ко всякой мудрости, рѣшеніе всего и на землѣ, и подъ землею,—Бѣлинскій съ большой похвалой остановился на „свѣтлыхъ и вѣрныхъ мысляхъ Марлинскаго, на тѣхъ его страницахъ, которыя сіяютъ и блещутъ живымъ, увлекательнымъ краснорѣчіемъ, брилліантовымъ языкомъ. Къ такимъ страницамъ онъ относилъ всѣ тѣ, на которыхъ авторъ разбиралъ русскихъ писателей“... и Бѣлинскій дѣлалъ нѣсколько выписокъ изъ статьи, чтобы читатель могъ судить, насколько его (Бѣлинскаго) мысли совпадаютъ съ мыслями его предшественника.

„Оставляя въ сторонѣ ложность или поверхностность многихъ мыслей, заканчивалъ Бѣлинскій свой отзывъ о Бестужевѣ, какъ о критикѣ, пройдя молчаніемъ неудачныя и неумѣстныя претензіи на остроуміе и оригинальность выраженія - скажемъ, что многія свѣтлыя мысли, часто обнаруживающія вѣрное чувство изящнаго, и все это, высказанное живо, пламенно, увлекательно, оригинально и остроумно—составляютъ неотъемлемую и важную заслугу Бестужева.

Онъ былъ первый, сказавшій въ нашей литературѣ много новаго, такъ что все, писавшееся потомъ въ „Телеграфѣ“, было повтореніемъ уже сказаннаго имъ въ его литературныхъ обозрѣніяхъ *). Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ его примѣчательная и—несмотря на отсутствіе внутренней связи и послѣдовательности, на неумѣстность толковъ о всякой всячинѣ, не идущей къ дѣлу, несмотря на множество софизмовъ и явное пристрастіе—прекрасная статья о „Клятвѣ при Гробѣ Господнемъ“. „Телеграфъ“, во все время своего существованія, ни на одну ноту не сказалъ больше сказаннаго Марлинскимъ, и только развѣ отсталъ отъ него, обратившись къ устарѣвшимъ мнѣніямъ, которыя прежде самъ преслѣдовалъ. Да, Марлинскій немного дѣйствовалъ, какъ критикъ, но много сдѣлалъ,—его заслуги въ этомъ отношеніи незабвенны“...

Въ этихъ словахъ—словахъ писателя, который признаетъ себя должникомъ своего предшественника—указано, хоть и неопредѣленно, но довольно вѣрно то мѣсто, которое занимаетъ Бестужевъ въ исторіи русской критики.

При опредѣленіи его заслуги, какъ критика, не должна однако имѣть рѣшающаго значенія его статья о романѣ Полевого, такъ какъ она была написана въ годы, когда критическая наша мысль уже достаточно окрѣпла. Бестужевъ былъ цѣненъ для насъ, главнымъ образомъ, какъ литературный судья 20-хъ годовъ, когда критика находилась еще въ пеленкахъ.

XXXI.

Наша критическая мысль двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ можетъ быть подведена подъ два основныхъ типа.

*) При своей нелюбви къ Полевому Бѣлинскій, очевидно, преувеличилъ. Критика «Полярной Звѣзды», какъ мы помнимъ, была несравненно уже и голословнѣе всего того, что писалось въ «Телеграфѣ».

Критикъ въ своихъ сужденіяхъ исходилъ либо изъ *теоретическихъ* взглядовъ, заимствованныхъ или самостоятельныхъ, либо онъ руководился своимъ *непосредственнымъ эстетическимъ чувствомъ*, и, вмѣсто того, чтобы оправдывать разборомъ произведенія какую-нибудь теорію, онъ просто обращалъ вниманіе читателя на то, что въ этомъ произведеніи онъ находилъ художественнымъ или нехудожественнымъ. До Бѣлинскаго критика *теоретическая* была представлена Веневитиновымъ, Кирѣевскимъ и Надеждинымъ, а критика, построенная почти исключительно на *непосредственномъ чувствѣ*— Вяземскимъ, Бестужевымъ и Полевымъ. Изъ всѣхъ перечисленныхъ критиковъ Бестужевъ съ Вяземскимъ были старѣйшіе. Но если принять во вниманіе, что расцвѣтъ критики Вяземскаго падаетъ послѣ 1825 года, когда Бестужевъ свою роль, какъ критикъ, уже закончилъ, то именно его — Бестужева—и нужно признать за перваго піонера серьезной критической мысли въ нашей литературѣ.

Бестужевъ не былъ силенъ ни своими знаніями разныхъ теорій, ни способностью въ нихъ углубляться, онъ бралъ врожденнымъ эстетическимъ чутьемъ и вкусомъ, который, какъ мы видѣли, хотя и дѣлалъ крупные промахи, но въ большинствѣ случаевъ попадалъ вѣрно.

Но, кромѣ этого, въ критикѣ Бестужева была еще и другая, весьма значительная и новая сила; она сказывалась—въ публицистической тенденціи автора, въ постоянномъ его стремленіи связать литературу съ жизнью современной въ попыткахъ изслѣдовать общественныя причины ея роста или увяданія *). Эта публицистическая тенденція до Бестужева была въ литературѣ почти совсѣмъ незамѣтна. Въ его время она проскальзывала въ очень общей формѣ у Веневитинова и Кирѣевскаго, когда имъ приходилось касаться ихъ излю-

*) Эта общественная тенденція въ критикѣ Бестужева была въ первый разъ оцѣнена по достоинству С. Шишковымъ въ 70-хъ годахъ. Шишковъ хвалилъ Бестужева даже за его суровые отзывы о Пушкинѣ[237].

бленнаго вопроса о культурномъ призваніи русской націи и государства; она встрѣчалась у Вяземскаго, который умѣлъ быть иногда острымъ и деликатнымъ сатирикомъ; попадалась она также въ статьяхъ Полевого и Надеждина, въ формѣ болѣе грубой.—И только у Бестужева, который раньше ихъ всѣхъ выступилъ со своимъ словомъ,—эта публицистическая тенденція проступала наружу вполнѣ опредѣленно, какъ руководящая тенденція, которой авторъ придавалъ большое значеніе *).

И если Бестужевъ былъ предшественникомъ Бѣлинскаго—какъ теперь уже признано—то Бѣлинскій могъ вспомнить о немъ не тогда, когда развивалъ какія-нибудь теоріи или когда отдавался непосредственному своему эстетическому чувству, а въ тѣ минуты, когда благодарилъ или упрекалъ искусство за его внимательное или невнимательное отношеніе къ явленіямъ дѣйствительности.

Таковы были работы Марлинскаго въ области критики и публицистики. И на этихъ работахъ, какъ видимъ, остался отпечатокъ его личности—нервной, возбужденной и впечатлительной.

Она—эта личность и была центральной фигурой, которая привлекала къ себѣ общее вниманіе и пользовалась общей симпатіей. Въ ней кроется и главная причина успѣха Марлинскаго какъ писателя.

---

*) Въ свое время эта тенденція была отмѣчена цензурой и «Марлинскаго отзывы, въ «Телеграфѣ» помѣщаемые», послужили обвинительными пунктами противъ Полевого, когда Уваровъ настоялъ на закрытіи его журнала... Въ числѣ такихъ опасныхъ отзывовъ и выраженій Бестужева были приведены напр., слѣдующіе: «русскій солдатъ - животное въ самой тяжкой долѣ», «государственные люди у Булгарина черезчуръ просты и трусливы; имъ ли быть главами заговорщиковъ?», «русскій баринъ разъ въ мундирѣ, онъ грудью полѣзъ въ нѣмцы», «исторія буянила, разбивала царства, ничтожила народы, выводила въ князи изъ грязи» и т. п.[238].

XXXII.

Самъ Бестужевъ любилъ при случаѣ намекнуть на то, что онъ личность интересная *).

„Я посвятилъ себя изученію людей, но себя постичь не могу доселѣ: настоящій микрокозмъ[239]... мое нервозное сложеніе — эолова арфа[240]... я какъ Шенье у гильотины могу сказать, ударяя себя по лбу: тутъ что-то есть, но это еще связано, темно или, лучше сказать, такъ ярко, что умъ ослѣпленъ и ничего не различаетъ[241]...—говорилъ онъ нѣсколько любуясь собой. Онъ вообще не умѣлъ и не любилъ исчезать изъ поля зрѣнія читателя. Почти во всѣхъ своихъ повѣстяхъ появлялся онъ, уступая на время свои чувства и мысли герою или героинѣ, давая совѣты и поясненія, то имъ, то читателю или, наконецъ, прерывая нить разсказа своими личными воспоминаніями. Случалось Марлинскому иногда и прямо говорить отъ своего лица, разсказывать о себѣ самомъ **)—и никогда рѣчь его не была такъ стремительна, такъ горяча и богата всевозможными украшеніями, какъ въ эти минуты личныхъ признаній. Воспользуемся же этими откровенными бесѣдами и всѣми автобіографическими намеками, разсѣянными въ его повѣстяхъ, чтобы возсоздать образъ самого писателя,—образъ вдвойнѣ интересный какъ матеріалъ для исторіи человѣческаго сердца и ума вообще, и какъ историческій портретъ эпохи александровскаго царствованія.

А Марлинскій былъ, дѣйствительно, типичный представитель этого царствованія,—одинъ изъ лучшихъ выразителей его гуманныхъ идеаловъ, писатель, которому суждено было

---

*) Друзья называли его—«Шехеразада».

**) Какъ, напр., въ повѣстяхъ «Вечера на бивуакѣ», «Листки изъ дневника гвардейскаго офицера», «Выстрѣлъ», «Журналъ Вадимова», «Месть», «Онъ былъ убитъ», «Прощаніе съ Каспіемъ», «Путь до города Кубы», «Свиданье».

говорить объ этихъ идеалахъ въ эпоху для нихъ очень враждебную. Не о своей лишь разбитой жизни говорилъ съ грустью нашъ авторъ, не одну лишь память о себѣ хотѣлъ онъ въ своихъ повѣстяхъ спасти отъ забвенія: онъ боялся, какъ бы не изгладились изъ памяти современниковъ тѣ порывы чувствъ и тѣ мысли, которыми жили онъ и многіе другіе не такъ давно, въ годы ихъ юности. И каждый, кто бралъ повѣсти Марлинскаго въ руки, не могъ не чувствовать обаянія этой недавней старины: сквозь всѣ покровы, при всѣхъ умолчаніяхъ, сквозь всѣ намеки проглядывала эта недавняя жизнь. Марлинскій напоминалъ о ней, и въ этомъ скромномъ и глухомъ напоминаніи была заключена вся прогрессивная сила его кудрявыхъ словъ.

И, дѣйствительно, въ тридцатыхъ годахъ его личность съ ея міросозерцаніемъ, настроеніемъ и рѣчью должна была приковать къ себѣ вниманіе: такъ непохожа была она на всѣхъ лицъ, съ которыми встрѣчалась и говорила. Въ эпоху, когда страстность, энергія, восторженность чувства и смѣлость мысли признавались опасными симптомами жизни, во времена очень неблагопріятныя для всякаго возбужденія, Марлинскій былъ однимъ изъ весьма немногихъ авторовъ, которые повышали въ читателѣ на нѣсколько градусовъ теплоту чувства и энергію мысли.

Страстность и порывистая восторженность были главными основными качествами натуры Марлинскаго, и каждое чувство, настроеніе, каждая мысль, попадая въ эту горячую струю симпатіи или антипатіи, проявлялась весьма своеобразно.

Марлинскій любилъ и цѣнилъ въ себѣ эту горячку ума и сердца. Въ трудныя тоскливыя минуты, столь частыя въ его жизни, онъ щупалъ свой пульсъ и былъ очень доволенъ, когда могъ сказать себѣ: „сердце мое шевелится еще, и слишкомъ“ или: „душа моя все-таки растетъ“.

„Терпѣнье — добродѣтель верблюдовъ, не людей“, говаривалъ нашъ писатель еще въ счастливые годы своей сво-

боды, и терпѣливо, какъ вьючное животное перенося свою участь, онъ въ мечтахъ и въ мысляхъ всегда протестовалъ противъ этой добродѣтели. „Что-жъ добраго дѣлалось бы на свѣтѣ съ ледъ-головами!“—думалъ онъ, когда иногда упрекалъ себя за излишній жаръ своей головы... но смирить этотъ жаръ онъ не старался. Его самого тѣшила невыразимость его чувствъ, быстрота его мыслей, которыя, сверкнувъ, исчезали, какъ „исчезаетъ въ долинѣ мгновенная тѣнь поднебеснаго сокола“... Казалось, пусть молнія увьетъ его перо, пусть свѣтъ его вспыхнетъ огненными чертами—то и тогда выраженіе будетъ лишь однимъ призракомъ его невыразимаго чувства. „Исполинскія думы и бурныя чувства роятся въ груди моей, — говорилъ онъ. Гнѣвъ, воспоминанія, надежды, мечты вливаются, тѣснятся, рвутся въ душу мою вмѣстѣ и порознь, то услаждая, то терзая ее. Гдѣ найду я ноты сердечныя, чтобы изобразить всѣ оттѣнки, всѣ измѣненія, всѣ звуки ощущеній моихъ?“

Марлинскій, впрочемъ, находилъ такіе звуки: они были нѣсколько рѣзкіе, вычурные звуки, но они передавали то настроеніе, въ какомъ находился нашъ писатель почти всегда, когда бралъ перо въ руки. Не въ примѣръ своимъ современникамъ, томнымъ молодымъ мечтателямъ, рыцарямъ луны и при томъ туманной, — онъ любилъ больше дневной яркій свѣтъ, и, глядя на романтическую луну, иногда кощунствовалъ. „Тихая сторона мечтаній! — говорилъ онъ. Для чего такъ мило сердцу твое мерцаніе? Какъ дружескій привѣтъ или ласка матери? Прелестна ты, звѣзда покоя, но земля наша, обиталище бурь, еще прелестнѣе и потому не вѣрю я мысли поэтовъ, что туда суждено умчаться тѣнямъ нашимъ. Нѣтъ! Ты могла быть колыбелью, отчизной нашего духа; тамъ, можетъ быть, расцвѣло его младенчество; но не тебѣ, тихая сторона, быть пріютомъ буйной молодости души человѣческой! Въ полетѣ къ усовершенствованію, ея доля—еще прекраснѣйшіе міры и еще тягчайшія испытанія“.

Бури просила его душа, и онъ любилъ бурю во всѣхъ

ея видахъ: въ снѣжной степи, въ горахъ и ущельяхъ, и въ особенности на морѣ. У Марлинскаго нѣтъ почти ни одной повѣсти, въ которой бы природа не бурлила въ унисонъ съ человѣческимъ сердцемъ, или по контрасту съ нимъ; и надо отдать справедливость нашему писателю, онъ умѣлъ рисовать гнѣвный ликъ разбушевавшейся стихіи. Крутые частые валы, съ ихъ пѣнистымъ гребнемъ катились очень красиво на его страницахъ, вѣтеръ свистѣлъ пронзительно, гналъ ихъ, рылъ ихъ и рвалъ; молнія блистала, правда, слишкомъ часто, но зато ярко; иногда показывались смерчи или тромбы; вздымались они бѣлые изъ валовъ, какъ духъ бурь, описанный Камоэнсомъ, головы ихъ касались тучъ, ребра увивались безпрерывными молніями... море съ глухимъ гуломъ кипѣло и дымилось котломъ около—они вились, вытягивались и распадались съ громомъ, осыпая валы фосфорическими огнями. „Люблю встрѣтить бурю лицомъ къ лицу,— говорилъ Марлинскій, любуясь ея гнѣвомъ, какъ гнѣвомъ красавицы, и радостно крещусь, привѣтствуя первый громъ. Привольно, весело мнѣ, свѣжо на сердцѣ, съ наслажденіемъ глотаю капли дождя—эти ягоды полей воздушныхъ. Полною грудью вдыхаю вихорь... о! въ бурѣ есть что-то родственное человѣку! Дремлетъ чайка въ затишьи, но чуть взыграло море, она встрепенется, раскинетъ крылья на высь, съ радостнымъ крикомъ взрѣжетъ вѣтеръ, смѣло поцѣлуется съ бурунами. Таковъ и духъ мой! Съ самаго младенчества я любилъ грозы: громъ для меня всегда былъ милѣе пѣсни, молнія краше радуги“.

И особый таинственный смыслъ прочиталъ Марлинскій въ этомъ гнѣвѣ природы. „Львиной страстью—говорилъ онъ любитъ небо нашу землю: поцѣлуй его—всепронзающая молнія, его ласки развѣваютъ въ прахъ утесы, плавятъ металлы какъ воскъ. Но развѣ не такова любовь всего великаго, всего сильнаго на землѣ? Кто дерзкій осмѣлится сказать, что гроза безполезна, что природа разрушаетъ не для того, чтобы творить? Отвѣтствуй за нее разливъ Нила и пожаръ

Москвы! Еслибъ грозы и не очищали воздуха, не приносили никакой вещественной пользы для земли, то уже одно нравственное впечатлѣніе на умы людей ставитъ ихъ въ число величайшихъ явленій природы. Сѣмена Божьяго страха глубоко западаютъ въ сердца, размягченныя перуномъ, и если хоть одно раскаяніе зазеленѣетъ на нихъ добрымъ намѣреніемъ, заколосится добрымъ дѣломъ — человѣчество больше выиграло, чѣмъ напоеніемъ цѣлой нивы"...

Да! буря спасительна, думалъ нашъ романтикъ, и вотъ почему всякій разъ, когда ему приходилось описывать, какъ она замираетъ, какъ утихаетъ— какая-то затаенная грусть слышалась въ его элегической рѣчи. „Синева бездѣйствія подернула лицо моря, — писалъ онъ однажды; оно дышало уже тяжело, подобно умирающему и, наконецъ, душа его излетѣла туманомъ, какъ будто проображая тѣмъ, что все великое на землѣ дышетъ только бурями, и что кончина всего великаго повита въ саванъ тумана, непроницаемый равно для дѣятеля, какъ для зрителя"...

Человѣку съ такимъ темпераментомъ должно было дышаться трудно и не при такихъ тяжелыхъ условіяхъ, при какихъ замиралъ и утихалъ самъ Марлинскій. Чуя грозу въ собственномъ сердцѣ и думая надъ тѣмъ, что онъ подъ этой грозой успѣлъ сказать и сдѣлать, онъ впадалъ въ грустное раздумье. Mon âme est du granit, la foudre même n'y mordra pas—повторялъ онъ знаменитую фразу Наполеона; но если, дѣйствительно, ударъ 1825 года не сокрушилъ этой гранитной души,—она давала подчасъ трещины, когда въ продолженіе долгихъ лѣтъ на нее капали слезы.

Перебирая въ памяти все, что имъ было сказано, Марлинскій съ грустью замѣчалъ, „что въ его словахъ сохраненъ лишь слабый отблескъ и слабый отзвукъ тѣхъ грозъ, которыя проносились въ его умѣ и сердцѣ". „Полвѣка бы не стало на высказъ того, что крутится вихрями въ моемъ воображеніи, на перепись думъ, насыпанныхъ въ сокровищницу ума, на разработку рудниковъ, таящихся въ лонѣ

души",—говорилъ онъ устами Вадимова, которому довѣрилъ всѣ свои самыя интимныя думы. „Какъ выразить то, что не поддается выраженію? Великое дѣло мысль, великое дѣло чувство, но это два океана — ихъ не вычерпать черепомъ человѣческимъ, и это тѣмъ безнадежнѣе, что зачерпнутое должно храниться въ рѣшетѣ выраженія: нѣтъ у насъ другого сосуда, другого орудія передачи"...

Ни одна изъ страницъ, написанныхъ Марлинскимъ не передастъ вѣрно и полно того пафоса, съ какимъ этотъ возбужденный человѣкъ относился къ страстямъ, создающимъ всю поэзію людской жизни. Развѣ въ какой-нибудь дремотѣ могъ онъ приблизиться къ этой тайнѣ, осилить эту трудность и полуяснымъ словами дать намъ понять, что ему знакомы какія-то чувства почти безформенныя. „Какой-то новый міръ, вовсе незнакомый, ощутительный, но безвидный обнималъ меня,—признавался онъ однажды; какія-то чудныя существа тѣснились въ душѣ... мнѣ казалось, я слышу лепетъ ихъ крыльевъ, шумъ стопъ, жаръ дыханья, невнятный ихъ говоръ... порой передо мной вились, сверкали, огнились символическія ихъ письмена, которыя вмѣстѣ были и буквами и живыми образами; самые звуки принимали на себя какую-то неопредѣленную форму. Я трепеталъ какъ струна, издающая божественный голосъ; томный и вмѣстѣ сладостный ужасъ пробѣгалъ по моимъ жиламъ: я хотѣлъ постичь его, и болѣзненно сознавался, что природа не дала самой душѣ органовъ для вкушенія этого безымяннаго чувства; на меня находила тогда тоска; я походилъ на человѣка, который страстно любитъ музыку и страждетъ случайной глухотой". Какъ должны были удивлять такія рѣчи читателя тѣхъ годовъ и какъ онѣ знакомы намъ, пережившимъ такъ называемое „декадентское" настроеніе души человѣческой. Для Марлинскаго онѣ были полны таинственнаго смысла: именно только такими необычными словами и сравненіями могъ онъ передать тотъ восторгъ, ту бурю, которая охватывала его, когда онъ чувствовалъ себя поэтомъ. А такое ощущеніе

онъ испытывалъ часто и, писалъ ли онъ повѣсть или частное письмо, онъ не могъ уберечь себя отъ подъема въ настроеніи и въ мысли, подъема, который сейчасъ же отражался и на его стилѣ.

Марлинскій обоготворялъ поэта, и это обожествленіе нѣсколько ласкало его самолюбіе, но когда приходилось довѣрять свой восторгъ бумагѣ и потомъ спокойно взглянуть на то, что написано, художникъ унывалъ, понимая всю разницу, какая существуетъ между мечтой, издали манящей, и мечтой, скованной словами.

Въ своихъ повѣстяхъ нашъ авторъ часто говорилъ о поэтѣ и о поэтическомъ настроеніи тѣхъ, кто осужденъ страдать отъ окружающей ихъ прозы. Эту банальную тему, весьма популярную въ его время, онъ дополнилъ одной, дѣйствительно, глубоко трагической деталью...

Никто изъ его современниковъ не умѣлъ такъ дать почувствовать всю муку, которую испытываетъ поэтъ не отъ сосѣдства толпы, а отъ сосѣдства своей музы, своей богини; какъ бы ни были жгучи ея ласки, она всегда остается ему чуждой и далекой, и свиданье съ ней не есть осуществленіе того блаженства, о которомъ мечтаетъ поэтъ, когда чуетъ ея приближеніе.

„Воображеніе поэта всесильно, — говорилъ Марлинскій. Оно претворяетъ свѣчку въ звѣзду утреннюю, кроитъ радужныя крылья ангела изъ пестраго плаща. Не разрушайте хрустальнаго міра поэта, но и не завидуйте ему. Какъ Мидасъ, онъ превращаетъ въ золото все то, къ чему ни коснется: зато и гибнетъ, какъ Мидасъ, ломая съ голоду зубы на слиткѣ“.

„Грустно!—записалъ Марлинскій однажды въ своемъ дневникѣ. — Листопадъ не въ одной душѣ моей, но повсюду. Блеклые листья роятся по воздуху и съ шорохомъ падаютъ... Мутная волна уноситъ ихъ далеко; замѣчательно, что листья осенью переходятъ по всѣмъ цвѣтамъ радуги: изъ зеленаго въ голубоватый, потомъ въ желтый, въ оранжевый, въ крас-

ный, и облетаютъ. Не таково-ль воображеніе? Мало ему луча небеснаго: надобно, чтобы онъ отражался подъ извѣстнымъ угломъ".

Отраженіе небеснаго луча подъ извѣстнымъ угломъ жизни еще удавалось нашему писателю. Но ему этого было мало: ему хотѣлось уловить этотъ безцвѣтный небесный лучъ—ему хотѣлось, чтобы общая совокупность всего, что онъ думалъ и чувствовалъ, озарилась бы этимъ лучемъ, въ которомъ тонутъ всѣ оттѣнки жизни, который одинъ и проникаетъ собою всю вселенную.

Такое желаніе—а оно сквозитъ во всѣхъ жалобахъ Марлинскаго на „неизъяснимость", „невыразимость", „безымянность" его поэтическаго восторга—заставляло нашего писателя повышать и въ себѣ самомъ, и въ своихъ герояхъ всѣ чувства, изображать ихъ почти всегда въ неспокойномъ состояніи духа.

Когда ему, уже въ предчувствіи смерти, пришло желаніе записать въ дневникъ всѣ свои завѣтныя мысли о Богѣ, природѣ, людяхъ и о себѣ самомъ, онъ придумалъ для этихъ признаній очень оригинальную форму. Онъ набросалъ „Журналъ Вадимова". Это былъ дневникъ—„зачумленнаго" человѣка.

Въ Ахалцыхѣ, въ самый разгаръ чумы прощается больной Вадимовъ съ жизнью... Онъ чувствуетъ порой, какъ раскаляются его легкія, какъ расторгаются они и стрѣляютъ молніями въ жилы... онъ чувствуетъ, какъ кипитъ, клокочетъ кровь его будто растопленная мѣдь, то прорываясь въ жилахъ потокомъ, то капля по каплѣ цѣдясь сквозь суставы". И чудится ему, что онъ самъ растягивается огромной рѣкой; онъ дышетъ тихой зыбью, онъ пьетъ свѣтъ, онъ весь—тишина и ясность... И въ эти минуты отчаяннаго, предсмертнаго, болѣзненнаго подъема силъ—пытается онъ отвѣтить самому себѣ, на вопросъ, что̀ есть жизнь и какъ онъ ее прожилъ. Отвѣчаетъ онъ, конечно, иносказательно, туманно; для всѣхъ непосвященныхъ въ его тайну онъ—риторъ, но въ

сущности онъ несчастный поэтъ, который не въ силахъ обуздать свою мысль и фантазію, и совладать со своимъ бѣшенымъ вдохновеніемъ, непокоряющимся никакому слову.

„Гомеръ, Данте, Мильтонъ, Шекспиръ, Байронъ, Гете, яркое созвѣздіе, вѣнчающее человѣчество! — восклицаетъ умирающій поэтъ. Великаны, которымъ не вѣритъ свѣтъ! чувствую, что мои думы могли быть ровесниками вашимъ; но если я скажу это своему лѣкарю, единственному существу, которое посѣщаетъ меня, онъ не засмѣется только изъ жалости... онъ покачаетъ головой, онъ подумаетъ „болѣзнь переходитъ у него въ бредъ“, онъ назоветъ меня бѣдняжкой, меня, раздавленнаго сокровищами, меня, какъ Мидаса, умирающаго съ голоду на горахъ золота!.. Это мучительно, это невообразимо мучительно!“

„Да! огромную, необъятную поэму замышлялъ начертить я: „Человѣчество“ было бы имя ея, человѣчество во всѣхъ его возрастахъ, во всѣхъ кризисахъ. Я бы сплавилъ въ этой поэмѣ небо съ землей, поднялъ бы изъ праха вѣка, допытался бы отъ судьбы неразгаданныхъ доселѣ приговоровъ ея; зажегъ бы надъ мертвецомъ минувшаго погасшіе лучи жизни, озарилъ бы молніями будущее, и въ облака, въ океанъ, въ землю полными руками посѣялъ бы сѣмена неиспытанныхъ, незнаемыхъ звуковъ, мыслей, ощущеній, — зерна столь же сладостныя, какъ райская роса, какъ улыбка неба!.. Засѣялъ бы полными руками землю звѣздами неба, засѣялъ бы небо мыслями земли и сплавилъ бы радугой въ одно: небо съ землей... *Я*, все, что было, что свершилось на дѣлѣ, на письмѣ, въ душѣ и въ волѣ, въ мѣди и въ мраморѣ, въ звукахъ и взорахъ, исторію и басню, романъ, драму, ученость и заблужденіе, вѣру, суевѣріе—все это стопилъ бы я въ необъятномъ горнилѣ труда, все поглотилъ, всосалъ бы какъ море, и послалъ къ небу въ чистыхъ испареніяхъ или, переработанное, очищенное, сокрылъ бы въ лонѣ своемъ яркими кристаллами“.

Конечно, весь этотъ безсвязный бредъ никакъ нельзя счи-

тать точнымъ выраженіемъ думъ и намѣреній самого Марлинскаго, но если въ этомъ потокѣ словъ и образовъ искать не смысла, а настроенія, то таковое окажется. Это именно настроеніе человѣка, чувствующаго страшную тайну жизни, невыразимую ея поэзію, при одномъ представленіи о которой мысль начинаетъ путаться и теряетъ всякое самообладаніе. Припоминая тѣ странички изъ поэмы „Человѣчество“, которыя ему удалось кое-какъ написать, авторъ говорилъ: „какъ онѣ ничтожны!“ Онъ искренно скорбѣлъ о томъ, какъ мало онъ для человѣчества сдѣлалъ, онъ признавался, что въ сочиненіяхъ его много не прочувствованнаго, и, наконецъ, какъ бы боясь того, что люди сочтутъ его сочиненія за полное отраженіе его личности — онъ громогласно заявлялъ, что литература только „ничтожная страничка его существованія“.

При такой тревогѣ духа, какъ было мыслимо успокоеніе и довольство въ трудѣ?

Заставить сердце „пропитаться той энергіей, которая движетъ всѣмъ Космосомъ“, наполнить его той поэзіей, которая разлита во всемъ мірѣ одушевленномъ и неодушевленномъ, дать „высочайшее счастіе въ сознаніи всего высокаго и прекраснаго“ — вотъ какой побѣдой удовлетворилась бы артистически честолюбивая душа нашего писателя, — которому былъ данъ талантъ безспорный, но не крупный, умъ тревожный и пытливый, но не геніальный, и фантазія игривая, но не творческая.

Но и этихъ даровъ было достаточно, чтобы разъяснить читателю смыслъ и передать ему красоту нѣкоторыхъ вѣчныхъ идей и настроеній, какими жило и живетъ человѣчество.

XXXIII.

Какъ многіе изъ его сверстниковъ, Марлинскій былъ человѣкъ религіозный, хотя, насколько можно судить по его

сочиненіямъ, онъ не связывалъ своей вѣры тѣсно съ догмами какого-нибудь опредѣленнаго вѣроисповѣданія.

Съ религіознымъ смиреніемъ покорялся онъ Высшей Волѣ, но эта покорность не всегда могла осилить въ немъ его печаль и раздраженіе. Его душу—какъ онъ говорилъ—всегда сжимала рука несчастія и только въ тишинѣ покоя могла она развернуться съ оиміамомъ мольбы. Онъ считалъ робостью въ минуту опасности вымаливать у Всевышняго пощаду и не хотѣлъ позднимъ раскаяніемъ или безвременной молитвой оскорбить вѣчную справедливость. „Но когда Богъ отгонялъ своимъ дыханіемъ волны моря и онѣ, расхлынувъ, стѣной стояли вдали, алчныя, но безсильныя пожрать его, когда Богъ дарилъ ему минуты радости"—онъ молился безкорыстной благодатной молитвой.

Ни въ письмахъ его, ни въ его сочиненіяхъ не сохранилось этихъ молитвъ, и потому трудно судить о глубинѣ и искренности его вѣры; всякій разъ, когда Марлинскому приходилось говорить о Богѣ, его слова были восторженны и красивы, но въ нихъ проглядывалъ скорѣе пѣвецъ Божьей славы и поклонникъ красоты божьяго міра, чѣмъ смиренно молящійся. Даже въ слова о загробной жизни, въ которую Марлинскій вѣрилъ, онъ вкладывалъ ту тревогу воображенія, ту страстность, съ какой онъ говорилъ обо всемъ поэтическомъ въ жизни людей и природы. Въ присутствіи Бога въ немъ просыпался прежде всего поэтъ.

„Путь жизни моей — говорилъ онъ — провела судьба по терпамъ и камнямъ, сквозь ночь и облака; но и мнѣ порой свѣтили звѣзды, и я умѣлъ благословлять каждый лучъ, до меня достигавшій; и чаще всего и чище слетали на меня искры благодати, когда я скитался по вершинамъ горъ; я душой постигъ тогда хвалебный гимнъ: „Слава Богу въ вышнихъ и на земли миръ"... „Вотъ и ночь; она щедро осыпала звѣздами сводъ неба, и ярко, но таинственно, сверкаютъ очи подъ голубымъ черепомъ: это вѣдь мысли вселенной, вѣчно

свѣтлыя, вѣчно неизмѣнныя; это буквы, изъ коихъ мы едва угадываемъ одно цѣлое слово—и это слово „Богъ“!

И мечта увлекала художника, сравненіе громоздилось на сравненіе, символъ на символъ и получалась картина, въ которой не было святости, но зато были необычайно смѣлые колоритные мазки. Богъ становился для поэта одушевленной природой, весь міръ воплощеніемъ любви, и любовь была Богомъ. „Цвѣтокъ увядаетъ отъ нѣги зачатія — говорилъ онъ — соловей отдаетъ свои поэмы добрямъ, кровожадный тигръ ластится, металлъ плавится съ металломъ ударомъ электричества, магнитная стрѣлка сохраняетъ неизмѣнное постоянство и пути сферъ сгибаются въ обручальное кольцо около перста „Предвѣчнаго“... „Да, созерцая сводъ неба, мнѣ кажется, грудь моя расширяется, растетъ и обнимаетъ пространства. Солнцы согрѣваютъ кровь мою, миріады кометъ и планетъ движутся во мнѣ; въ сердцѣ кипитъ жизнь безпредѣльности, въ умѣ совершается вѣчность. Не умѣю высказать этого необъятнаго чувства, но оно просыпается во мнѣ каждый разъ, когда я топлюсь въ небѣ... оно — залогъ безсмертія, оно — искра Бога! О! я не доискиваюсь тогда, лучше ли называть Его Іегова, Dios или Алла? Не спрашиваю съ нѣмецкими философами: Онъ ли das immerwährende Nichts — или das immerwährende Alles: но я Его чувствую вездѣ, во всемъ, и тутъ — въ самомъ себѣ!“

Въ этихъ словахъ художникъ обнаружилъ всю тайну своей религіозной мысли. Она, дѣйствительно, религіозна, но она мысль свободнаго мыслителя, философа-поэта. Въ сущности она — религіозный восторгъ передъ природой, ея тайной и красотой.

Красота Божьяго міра наводитъ поэта на разсужденія, съ виду какъ будто глубокомысленныя, но на дѣлѣ представляющія лишь видоизмѣненія одного единственнаго восторженнаго поклоненія природѣ. Судя по ссылкамъ на Велланскаго, которыя попадаются въ сочиненіяхъ Марлинскаго *);

*) «Ужъ если вѣрить гипотезамъ, то Велланскій, послѣдователь Шел-

можно думать, что и онъ въ своей юности успѣлъ перелистать одну-другую страницу изъ натуръ-философіи; и тогда понятна та увѣренность, съ какой Марлинскій излагалъ передъ читателемъ свои собственныя фантазіи на тему объ одушевленности природы. Онъ понималъ, что не только разгадать эти тайны, но и передать всю внѣшнюю красоту ихъ человѣкъ безсиленъ, что смѣшонъ человѣкъ, „когда онъ строитъ Вавилонскій столпъ, чтобы убѣжать отъ природы"; и вдвое смѣшонъ, когда хочетъ поймать ее на палитру или умѣстить въ чернильницу; но уберечься отъ искушенія произвести надъ ней это насиліе Марлинскій не могъ, въ особенности онъ, для котораго природа была единственной собесѣдницей, не вызывавшей никакихъ печальныхъ думъ и воспоминаній.

Мы бы никогда не кончили, если бы стали выписывать всѣ тѣ нѣжныя и восторженныя слова, которыми Марлинскій благодарилъ эту собесѣдницу за умиротвореніе его тревожной души. Мы уже знакомы съ его образными, иногда очень вычурными пейзажами. Онъ въ нихъ почти всегда — психологъ, который свои собственныя чувства, настроенія и мысли стремился пояснить картинами природы, — почему и небеса, синія или сѣрыя, облака, прозрачныя или свинцовыя, туманы и дымки, хребты горъ, покрытые снѣгомъ или черные своими скалами, ущелья и потоки, лѣса суровые или ласковые, долины и холмы, и наконецъ, море съ его симфоніей въ мажорномъ или минорномъ ключѣ, съ его грустнымъ лепетомъ и свирѣпой угрозой—все было одновременно видоизмѣненіемъ и лика Божія, и души самого писателя. Поэтъ надѣлялъ природу своимъ голосомъ, своимъ настроеніемъ и потомъ удивлялся, что она такъ умѣло разговариваетъ съ нимъ отъ души или всегда такъ одѣта по его вкусу.

Засматриваясь на нее, онъ чувствовалъ себя, какъ самъ

линга, всѣхъ правдоподобнѣе, хотя закутанъ въ шубу едва понятныхъ эпитетовъ. Давно бы пора бросить матеріализмъ силъ природы, но привычка, не хуже зелена-вина, такъ и тянетъ къ матушкѣ-грязи»[242].

говорилъ, и добрѣе, и чище, и любовнѣе. „Душа его горѣла, не заплывая страстью, разумъ расправлялъ крылья, пытался взлетѣть за облака, проглянуть бездны земли и моря". „Это была не радость и не тоска,—говорилъ онъ,—не покой и не треволненіе, это была зыбь (души), которая хранитъ въ себѣ слѣды бури и начатки тишины"... И онъ слышалъ гармонію, которая сливала въ одинъ ладъ, въ одинъ блескъ и земное, и небесное. Передъ нимъ возносилась радуга прекраснаго, возникающая, какъ мостъ между міромъ и Богомъ. „Прекрасное,—разсуждалъ онъ,—есть заря истиннаго, а истинное—лучъ Божества, переломленный о вѣчность... И самъ я вѣченъ! кажется, колыбель моя качалась волнами вонъ того водопада, а вѣтры горъ убаюкивали меня въ сонъ; кажется, я бродилъ по этимъ хребтамъ во дни моего ребячества, когда Божій міръ былъ моимъ ровесникомъ. Развѣ пылинки, составляющія мое тѣло, не современные ему? Развѣ душа моя не жила довѣчно въ лонѣ Провидѣнія?"

И, вспоминая старые разговоры, которые ему въ юности приходилось, вѣроятно, вести съ кѣмъ-нибудь изъ его друзей, молодыхъ адептовъ натуръ-философіи, Марлинскій смѣло начиналъ философствовать: „неслышимо природа своею бальзамической рукой стираетъ съ сердца глубокіе, ноющіе рубцы огорченій — говорилъ онъ; сердце яснѣетъ, хрусталѣетъ. Вы начинаете тогда разгадывать вѣроятность мнѣнія, что вещество есть свѣтъ, поглощенный тяжестью, а мысль нравственное солнце, духовное око человѣка, вещество, стремящееся обратиться опять въ свѣтъ, посредствомъ слова. Тогда душа пьетъ вино полной чашей неба, купается въ раздольѣ океана, и человѣкъ превращается весь въ чистое, безмятежное, святое чувство самозабвенія и мироневѣдѣнія, какъ младенецъ, сейчасъ вынутый изъ купели и дремлющій на зыби материнской груди, согрѣтый ея дыханіемъ, улелѣянный ея пѣснью..."

Могъ ли не благодарить природу за такія окрыленныя чувства и мысли поэтъ, который, думая о людяхъ, о ихъ дѣй-

ствительной жизни, долженъ былъ не расправлять крылья своей фантазіи, а, наоборотъ, ихъ складывать?

И грустныя мысли приходили иногда Марлинскому въ голову, когда онъ, любуясь на дѣвственную красоту природы, вспоминалъ о человѣкѣ. „Придетъ время,—говорилъ онъ,—люди найдутъ на тебя и ты упьешься ихъ потомъ, какъ теперь росою небесъ, и они заселятъ твои завѣтныя ущелья и тѣснины, затмятъ тебя вывѣсками общественной жизни, загрязнятъ, притопчутъ до самой маковки; источатъ твое сердце рудниками и каменоломнями, извлекутъ наружу твои внутренности; научатъ вѣтры горъ свистать свои жалкія пѣсни, принудятъ водопады твои молоть кофе, и въ дѣвственныхъ снѣгахъ твоихъ станутъ холодить мороженое. Мелочные люди выживутъ даже шакаловъ изъ пещеръ, отнимутъ гнѣзда у орловъ и подложатъ въ нихъ кукушкины пестрыя яйца"...

Споръ между природой и человѣкомъ Марлинскій разрѣшалъ въ пользу послѣдняго. „Человѣчество,—говорилъ онъ,—живая волна океана: вѣтеръ свиваетъ и чеканитъ ее въ причудливые кристаллы по произволу; природа -гора исландскаго хрусталя. Въ обоихъ сверкаетъ Божество, но въ первомъ видны лишь бѣгучія, перелетныя искры, въ другой—постоянныя тучи. Со всѣмъ тѣмъ волны морскія величественнѣе скалъ прибрежныхъ; и величіе, и прелесть ихъ, заключены въ жизни, въ движеніи, въ разнообразіи. Вотъ почему the proper study of mankind — is man. „Приличнѣйшая наука для человѣчества—есть человѣкъ".

Этой наукой Марлинскій очень интересовался, и въ сочиненіяхъ его, и, въ особенности, въ письмахъ разсыпано много сентенцій, въ которыхъ ясно проглядываютъ его, въ общемъ, очень оптимистическіе взгляды на человѣка и его судьбу въ мірѣ.

Нашъ писатель больше, чѣмъ кто-либо, имѣлъ право смотрѣть грустно на жизнь, и онъ купилъ это право цѣной очень тяжелой. Если въ молодые годы своей свободы онъ, повинуясь романтической модѣ, говорилъ, что

„въ немъ душевная веселость цвѣтетъ столь же рѣдко, какъ цвѣтъ на алоэ", тогда какъ на самомъ дѣлѣ она цвѣла, какъ свѣжая роза, — то въ зрѣлые годы, годы неволи, онъ былъ дѣйствительно, очень мрачно настроенъ. Что въ эти минуты тоски и печали ему могли приходить въ голову самыя мрачныя мысли, это вполнѣ естественно. Жизнь безъ настоящаго и будущаго, съ однимъ лишь свѣтлымъ прошлымъ, была полужизнью. Вращаясь со своими мечтами все время въ этомъ заколдованномъ кругѣ грустныхъ воспоминаній о счастливомъ прошломъ, сожалѣній о настоящемъ и страховъ о будущемъ — можно было придти къ полному безочарованію и начать повторять нѣкоторые тогда очень ходкіе пессимистическіе афоризмы. Можно было пожалѣть, „что человѣку не дано способности, какъ сурку, засыпать на всю зиму настоящаго горя, чтобы хоть во снѣ дышать вешнимъ воздухомъ юности"; можно было „пить отраву воспоминанія и чувствовать, какъ оно кровью капаетъ изъ сердца, какъ мутенъ и слабъ источникъ порождаемаго имъ воображенія, которое творитъ не изъ настоящаго, а течетъ сквозь могилу"... „Что такое воспоминаніе и что такое надежда?"—можно было спросить и отвѣтить:—„хвастовство минувшаго и будущаго! То и другое надуваютъ"... „Да и вообще, что жизнь?"—„Высоко ширяется въ поднебесьѣ орелъ, купаетъ крылья въ радугѣ, хочетъ закрыть ими солнце, и на землѣ уже все мое, думаетъ онъ, — и вдругъ, откуда ни возьмись, зашипѣла стрѣла—вѣтка только-что оперившаяся, на которой онъ отдыхалъ не далѣе, какъ вчера,— и властитель воздуха, пробитый ею, издыхаетъ въ грязи, игрушкой ребятишекъ"! „Что имя, что слава?" — павшій листъ между осенними листьями, волна между волнами океана, флагъ топущаго корабля, который на минуту вѣется надъ бездной: мелькнулъ и нѣтъ его! Забвеніе пожираетъ память — безъимянная могила, свинцовый гробъ, ничего не отдающій стихіямъ .. „Что, наконецъ, вся земля?" — кладбище, бездна ничѣмъ не наполняемая и вѣчно несытая... Лучше и не думать

обо всемъ этомъ: мысль вообще тяжелое бремя; съ чувствомъ живется легче. „Мысль—братъ; чувство—любовница; чувство сладостнѣе, горячѣе, нѣжнѣе мысли...“ А еще лучше забыться и уснуть... „А что, если грусть начнетъ проникать и въ сонъ?“

Такія мысли обступали иногда Александра Александровича. Въ нихъ мало характернаго, но есть въ нихъ два достоинства: во-первыхъ, ихъ искренность, и затѣмъ, полное отсутствіе въ нихъ злобы. Личныя страданія поэта не отзывались на томъ снисходительномъ, любовномъ чувствѣ, съ какимъ онъ вообще относился къ людямъ, и собственное несчастье его не озлобило *).

Въ письмахъ и сочиненіяхъ Марлинскаго найдутся, конечно, мѣста, въ которыхъ онъ всею силою своего неистоваго краснорѣчія обрушивается на людей за многіе ихъ пороки и слабости—но за такими рѣзкими выходками слѣдуютъ у него почти всегда слова примиренія и прощенія. Трогательно читать въ его частныхъ письмахъ, напр., такія слова: „Странная вещь! Никогда менѣе не было мнѣ причинъ любить людей, какъ теперь (1831 — тяжелый годъ жизни въ Дербентѣ) и никогда любовь къ нимъ не была во мнѣ теплѣе; я прежде любилъ ихъ или негодовалъ на нихъ какъ на братій; теперь я ихъ жалѣю какъ дѣтей“. „Знаете ли, что я простилъ всѣхъ враговъ своихъ въ сердцѣ, что отнынѣ мнѣ люди могутъ быть и врагами, и злодѣями, но я имъ нисколько, я, который столько испыталъ несправедливостей!“ „Одно только во мнѣ постоянно,—это любовь къ человѣче-

*) «Не думаете ли вы, любезные братья, что я всегда кукую? Право, нѣтъ: не могу при мысли о страданіяхъ родныхъ моихъ запретить себѣ печали; но вы очень хорошо знаете, что я отъ природы весьма веселаго характера и самыхъ миролюбивыхъ привычекъ. Если бы отъ меня зависѣло все въ свѣтѣ, то люди плясали бы съ утра до вечера»[243].

Марлинскій - временами столь воинственный, въ статьѣ «Кавказскіе очерки» высказывался рѣшительно противъ завоевательной системы и насилія надъ горцами.

ству, по крайней мѣрѣ зерно ея, потому что стебель носилъ цвѣты разнородные, начиная отъ чертополоха до лиліи". Да и за что въ сущности ненавидѣть людей? — спрашивалъ Марлинскій.—Все ихъ несчастіе отъ недостатка ума; все злое, порочное, мстительное—глупость въ разныхъ видахъ. Люди не злы, а глупы, они не злодѣи, а дураки *). „Одно отрадное чувство, мирительное чувство нашелъ я въ себѣ,—писалъ онъ своимъ братьямъ, разсказывая имъ, какъ онъ пережилъ страшную минуту болѣзни, когда былъ близокъ къ смерти—одно чувство, это—совершенное отсутствіе ненависти или вражды: я искалъ ихъ для исповѣди и не нашелъ; я не постигалъ, какъ можно быть врагомъ кому-нибудь, я, который былъ столько разъ жертвою незнакомыхъ мнѣ непріятелей".

---

*) «Для меня—чѣмъ дальше я живу, я убѣждаюсь, что злые люди — сумасшедшіе, и все зло, которое они дѣлаютъ, они дѣлаютъ по недоразумѣнію...» 244.

«Напрасно жалуются на злобу людей: надобно бы обвинять ихъ глупость: слишкомъ много чести называть этихъ копѣечныхъ Геростратовъ злодѣями; они просто дураки. Они или ослы съ тигровыми лапами, или хищные орлы съ поросячьимъ рыльцемъ, и вотъ почему я никогда не принималъ близко къ сердцу ни обмановъ, ни коварства ихъ. «Больше разницы между человѣкомъ и человѣкомъ, — сказалъ Монтань, — чѣмъ между человѣкомъ и скотомъ: можетъ ли же крайнее существо обидѣть меня, будь оно хоть съ рогомъ, хоть съ зубомъ, хоть съ жаломъ? Ей Богу, нѣтъ! Оно можетъ уязвить, измучить, истерзать меня, но огорчить развѣ на минуту. Свѣтъ есть огромный желтый домъ, въ которомъ и лѣкаря, по несчастію, если не безумнѣе, то едва ли не глупѣе прочихъ. Послѣдуйте мнѣ, и вы увидите, какъ цѣлебно подѣйствуетъ на васъ это убѣжденіе. Это не гордость, не презрѣніе; сохрани Богъ, нѣтъ, это сожалѣніе, участіе къ злому мальчишкѣ—человѣчеству; ибо съ мыслью о ребячествѣ связано желаніе дѣлать ему добро, даже долгъ дѣлать его, несмотря на отплату зломъ: дѣти всегда бранятся и плачутъ, когда ихъ моютъ. Но всѣ ли таковы люди?.. Одинъ лукавый могъ бы отвѣчать: *есть*»245.

«Я зналъ людей и прежде, я не разлюбилъ человѣчества и теперь; я былъ обязанъ разсѣкать сердца многихъ, какъ насѣкомое, для изслѣдованія; видѣлъ ихъ ничтожность, и оттого мало ошибался, что мало отъ людей ожидалъ. Я убѣдился, что нельзя полагаться на правила, но можно вычислить страсти ихъ, обращать въ пользу общую не добродѣтели, а слабости...»246.

Приходится удивляться такому добродушію въ человѣкѣ столь много страдавшемъ. Онъ отъ природы былъ добръ и добродушенъ *), онъ — забіяка, драчунъ, вспыльчивый человѣкъ и насмѣшникъ. Но помимо природы, надъ этими добрыми чувствами его сердца поработали и люди. Кругъ, въ которомъ онъ выросъ, заставилъ его такъ высоко думать о человѣкѣ, и у насъ есть прямое тому доказательство въ одномъ изъ самыхъ интимныхъ его писемъ.

Н. Полевому, съ которымъ онъ былъ очень откровененъ, Марлинскій писалъ однажды: „Несчастны вы, что судьбой брошены въ такой огромный кругъ мерзавцевъ. Я былъ счастливѣе васъ, живучи въ свѣтѣ; я зналъ многихъ, у которыхъ самый большой порокъ былъ лишь то, что они считали себя героями. Я счастливѣе васъ и въ этомъ преддверіи ада, въ которомъ маюсь, ибо знаю людей, для коихъ паденіе стало вознесеніемъ. О, какія высокія души, какое ангельское терпѣніе, какая чистота мыслей и поступковъ! Самая злая, низкая клевета не могла бы въ шесть лѣтъ искушенія найти ни въ одномъ пятнышка, и въ какое бы болото ни бывали они брошены, приказное презрѣніе превращалось въ невольное уваженіе. Безупречное поведеніе творитъ около нихъ очарованную атмосферу, въ которую не смѣетъ вползти никакая гадина. Сколько познаній, дарованій погребено вживѣ! Вы помирились бы съ человѣчествомъ, если бы познакомились съ моимъ братомъ Николаемъ! Такія души искупаютъ тысячи навѣтовъ на человѣка!“

Рѣдко кому удавалось сказать о декабристахъ столь теплое и правдивое слово.

---

*) «Труженикъ, труженикъ, утѣшься! Не ты одинъ поспишь неутоленную жажду въ груди своей... Огонь Прометея свѣтитъ и жжетъ вмѣстѣ, или, лучше сказать, пожираетъ быстрѣе, чѣмъ озаряетъ. Одинъ только неповитый глупецъ можетъ быть доволенъ самъ собою... Утѣшься, если отрадно знать, что и другіе страдаютъ наравнѣ съ нами. «На людяхъ и смерть красна», говорятъ русскіе; но *на людяхъ* не значитъ съ людьми. Я бы презрѣлъ самолюбца, который бы пожелалъ, чтобы съ нимъ умирали товарищи для компаніи»[247].

При такомъ взглядѣ на человѣка, взглядѣ, насквозь проникнутомъ прощеніемъ и идеализмомъ самой высшей пробы, можно было быть оптимистомъ, какимъ и былъ Александръ Александровичъ въ своихъ конечныхъ мысляхъ о судьбахъ человѣчества.

Еще въ самые юные годы задумалъ онъ въ драматической формѣ высказать свое сужденіе о міропорядкѣ, и въ неоконченной комедіи „Оптимистъ“ онъ писалъ:

Не множь собой, мой другъ, хулителей число;
Небесной мудрости познай закопъ священный
И вѣрь, что создано все къ лучшему въ вселенной.

Были ли эти слова тогда сказаны въ шутку или въ серьезъ — но только Марлинскій не отступилъ отъ нихъ во всю свою жизнь. Конечно, говоря объ оптимистическомъ міросозерцаніи Марлинскаго, нужно помнить, что это былъ оптимизмъ вовсе не наивный, что это была вѣра въ конечное торжество своихъ идеаловъ, не исключавшая страшнаго негодованія на тѣ испытанія, которымъ эти идеалы подвергались, и печали о такихъ испытаніяхъ. „Не повѣрите, — говорилъ нашъ оптимистъ,—какъ глубоко трогаетъ меня всякая низость—не за себя, за человѣчество: тогда плачу и досадую; я краснѣю, что ношу Адамовъ мундиръ“. Но рядомъ съ этимъ признаніемъ Марлинскій сейчасъ же дѣлалъ другое. „Гнѣвъ,—говорилъ онъ,—досада, негодованіе на мигъ пролетаютъ сквозь мое сердце, какъ молнья сквозь трубу, и безъ слѣда. Я болѣе всего не понимаю мщенія“.

На проявленіе зла въ мірѣ смотрѣлъ нашъ писатель особеннымъ, философскимъ и очень успокоительнымъ взглядомъ. „Существуетъ ли въ мірѣ хоть одна вещь,—спрашивалъ онъ,—не говоря о словѣ, о мысляхъ, о чувствахъ, въ которой бы зло не было смѣшано съ добромъ? Пчела высасываетъ медъ изъ беладонны, а человѣкъ высасываетъ изъ нея ядъ. Вино оживляетъ тѣло трезваго, и убиваетъ даже душу пьяницы. Бросимъ же смѣшную идею исправлять

словами людей: это забота Провидѣнія. Приморскій житель ужасается вечеромъ, видя гибель корабля, а на утро собираетъ остатки кораблекрушенія, строитъ изъ нихъ утлую ладью, сколачиваетъ ее костями братій, и, припѣваючи, пускается въ бурное море"...

Такія рѣчи можно принять иногда и за иронію, но авторъ необычайно послѣдователенъ въ развитіи ихъ основной мысли. Онъ готовъ былъ назвать близорукими тѣхъ, которые жалуются на землетрясенія, которые негодуютъ на то, что у Петра провалился домъ, а у Ивана жена. „Пускай себѣ проваливаются,—говорилъ онъ. Отъ этого тысячамъ гдѣ-нибудь и когда-нибудь будетъ лучше. Ржавчина разрушенія и пепелъ вулкановъ нужны для сѣмянъ новаго бытія, безъ чего они не принялись бы на граненомъ камнѣ... Впрочемъ—заканчиваетъ онъ эту странную мысль—я надѣюсь, что вы не прострете моего сравненія за границы шутки"... Но пусть это и была шутка, что̀ въ данномъ случаѣ весьма вѣроятно, но и въ самыхъ серьезныхъ размышленіяхъ нашего писателя смыслъ этой шутки повторялся, только въ формѣ патетическихъ возгласовъ.

Анализируя однажды очень подробно и тонко врожденное человѣку желаніе прославиться, стушевывая все эгоистическое, что̀ присуще такой жаждѣ славы, нашъ оптимистъ хотѣлъ видѣть въ ней лишь „потребность любви за гробомъ". Потребность славы онъ признавалъ безкорыстной и справедливой *), и думалъ, что живая электрическая связь, соединяющая міръ прошлаго съ міромъ предыдущаго, скуется до самаго неба. „Каждый разъ,—говорилъ онъ,— когда Провидѣніе допускаетъ дальнихъ потомковъ прибавить нѣсколько колецъ достойныхъ подвиговъ или высокихъ мыслей къ этой цѣпи воспоминанія прежнихъ достойныхъ подвиговъ, и прежнихъ свѣтлыхъ открытій—можетъ быть эфирная часть умер-

*) «Я не люблю Наполеона. Онъ слишкомъ думалъ о роли своей и слишкомъ мало о долгѣ. Сынъ прошлаго вѣка, онъ не могъ понять новаго»[248].

шихъ виновниковъ, зачателей всего этого, гдѣ бы ни витала она, чувствуетъ сладостное потрясеніе, вѣнчающее и на землѣ райскій мигъ творенья". „Лестная мечта!" восклицалъ Марлинскій, самъ себя ободряя. И въ самомъ дѣлѣ, какъ счастливъ тотъ, кто вѣритъ, что ни одна крупица добра въ мірѣ не пропадаетъ и нанизывается на одну вѣчную цѣпь совершенствованія, которая „скуется до неба". Конечно, все это мечты какъ раньше были шутки, но любопытно, что и въ мечтахъ и въ шуткахъ одно и то же направленіе мысли.

Въ одномъ частномъ письмѣ, уже совсѣмъ серьезно, Марлинскій писалъ своему другу Полевому: „Человѣчество есть великая мысль, принадлежащая собственно нашему вѣку (т.-е. мысль о прогрессѣ, развитіе которой, дѣйствительно, одна изъ заслугъ XIX столѣтія). Она утѣшительна: быть убѣжденну, что если одинъ народъ коснѣетъ въ варварствѣ, если другой отброшенъ въ невѣжество, зато десять другихъ идутъ впередъ по пути просвѣщенія, и что масса благоденствія растетъ съ каждымъ днемъ — это льетъ бальзамъ въ растерзанную душу частнаго человѣка, утѣшаетъ гражданина, обиженнаго обществомъ. Но все это лишь въ отношеніи къ будущему, которое не должно и не можетъ уничтожать настоящихъ обязанностей"... Эти слова мы и можемъ принять, какъ конечный итогъ всѣхъ мыслей Марлинскаго о судьбахъ человѣчества.

Таковы основныя положенія оптимистическаго міросозерцанія нашего автора, насколько о нихъ можно судить по его отрывочнымъ признаніямъ.

Но мысль не была главнымъ двигателемъ психической жизни нашего поэта. Самъ онъ признавался, что „ему казалось и кажется, что онъ рожденъ лучше чувствовать, нежели говорить и болѣе дѣйствовать, чѣмъ думать"; и характеристика его какъ человѣка была бы не полна, если бы мы обошли молчаніемъ тѣ бурныя романтическія чувства, которыя помогли гонимому человѣку справиться съ одной изъ труднѣйшихъ задачъ—съ сохраненіемъ воли къ жизни

при условіяхъ самыхъ враждебныхъ и гибельныхъ для этой воли.

XXXIV.

Съ однимъ изъ такихъ чувствъ—съ развитымъ чувствомъ эстетическимъ, находящимъ себѣ относительное удовлетвореніе въ творчествѣ, мы уже достаточно знакомы. Мечта была для Марлинскаго всегда желанной гостьей. Съ прямымъ намекомъ на себя писалъ онъ въ началѣ своей неволи:

«Успокойся, путникъ юный,
Ты разбитъ и утомленъ;
На тебя златыя струны
Назвенятъ глубокій сонъ.
И приникнувъ къ изголовью,
Сновидѣній красота
Обойметъ тебя съ любовью
Тихокрылая мечта.
Чаровница за собою
Умалитъ и уведетъ:
Ступишь легкою стопою
На коверъ на самолетъ;
И завѣтною долиной
Вдаль за тридевять земель
Съ быстротою соколиной
Упорхнетъ душа отсель».

(«Андрей Переяславскій», 1829 г.).

Мечту Марлинскаго нельзя, конечно, назвать „тихокрылой"; наоборотъ, она своими крыльями производила шумъ очень рѣзкій; но она своего достигала: она помогала его душѣ упорхнуть отъ скучной жизни.

Въ эту монотонную жизнь вносило большое разнообразіе и другое чувство, сильно развившееся въ нашемъ писателѣ въ годы его кочевой, походной жизни. Это былъ—его военный пылъ. „Послѣ восторга любви, - - говорилъ онъ, — я не знаю высшаго восторга для тѣлеснаго человѣка, какъ по-

бѣда, потому что къ чувству силы примѣшано тутъ чувство славы".

„Раскинь же на вѣтеръ коршуновы крылья твои, духъ войны — писалъ Марлинскій въ одномъ изъ своихъ походныхъ дневниковъ; повеселись сердце богатырское; разгуляйся конь! Весело удалому топтать подковой ледяной вѣнецъ горъ, давать имъ новую денницу пожаромъ, крушить скалы своею молніей. Творить божественно, но и разрушать тоже божественно. Разрушеніе—тукъ для новой лучшей жизни".

Читая такія строки, можно подумать, что передъ нами какой-то рыцарь разрушенія, въ особенности, когда онъ, увлекаемый своей мечтой, начинаетъ увѣрять насъ, что онъ закалилъ до жестокости свое сердце, что ребячески радовался, когда отъ его пули падалъ въ прахъ какой-нибудь наѣздникъ, что съ восхищеніемъ онъ вонзалъ шашку ближнему въ сердце и вытиралъ кровавую полосу о гриву коня.

На самомъ дѣлѣ этотъ военный пылъ увлекалъ Марлинскаго до самозабвенія лишь на первыхъ порахъ, когда онъ послѣ томительной якутской скуки попалъ сразу на поле сраженія подъ Байбуртомъ. За всѣ годы своей кавказской жизни онъ разстрѣлялъ, конечно, не мало зарядовъ и рубилъ направо и налѣво; но за этимъ воодушевленіемъ военнымъ—по пятамъ всегда плелась грустная мучительная мысль: „къ чему все это?", и нѣтъ сомнѣнія, что отвага Марлинскаго—какъ онъ самъ неоднократно признавался,—была отвагой отчаянія. Онъ былъ искрененъ, когда говорилъ, что искалъ смерти, а тотъ, кто ищетъ ее для себя, тотъ не испытываетъ восторга, нанося ее ближнему.

Иначе и быть не могло; гуманистъ и филантропъ, сожигающій сакли свободныхъ горцевъ и уводящій въ плѣнъ ихъ семьи, становился въ безысходное противорѣчіе съ самимъ собой. Не онъ ли, блуждая по горамъ Кавказа и пользуясь гостепріимствомъ горцевъ, со словами укоризны обращался къ людямъ, которые любятъ свои оковы и уютные раззоло-

ченные гробы; „песчаныя души! пресыщенныя чувственностью и окостнѣвшія въ безчувствіи, что могли бы вы принести сюда, въ это царство свободы, кромѣ своей лицемѣрной скуки?“ спрашивалъ онъ ихъ. Это „царство свободы“ Марлинскій понималъ, впрочемъ, преимущественно какъ царство свободной величественной природы, и мы знаемъ, что насчетъ умственныхъ и нравственныхъ качествъ ея дикихъ обитателей онъ не заблуждался: но не могъ же онъ, все-таки, хладнокровно ихъ рѣзать, не пожалѣвъ объ ихъ судьбѣ и о своей собственной? Онъ и жалѣлъ часто. Сколько величаваго пафоса и уваженія къ врагу звучитъ, напримѣръ, въ той предсмертной пѣснѣ, которую онъ вложилъ въ уста затравленнымъ въ ущельяхъ и на смерть осужденнымъ горцамъ:

Слава намъ! Смерть врагу!
Алла-га! Алла-гу!
Плачьте красавицы въ горномъ аулѣ,
Правьте поминки по насъ:
Вслѣдъ за послѣднею мѣткою пулей,
Мы покидаемъ Кавказъ!
Здѣсь, не цѣвница къ ночному покою,
— Насъ убаюкаетъ громъ;
Очи, не милая черной косою—
Воронъ закроетъ крыломъ!
Дѣти! забудьте отцовскій обычай:
Онъ не потѣшитъ насъ русской добычей!
. . . . . .
. . . . . .
Не плачь, о, мать! твоей любовью
Мнѣ билось сердце высоко,
И въ немъ кипѣло львиной кровью
Родимой груди молоко;
И никогда нагорной волѣ
Удалый сынъ не измѣнялъ:
Онъ въ грозной битвѣ, въ чуждомъ полѣ,
Постигнутъ Авраамомъ, палъ;
Но кровь моя, на радость краю,
Петлѣнымъ цвѣтомъ будетъ цвѣсть;
Я дѣтямъ славу завѣщаю,
А братьямъ гибельную месть!
. . . . . .

О, братья! творите молитву;
Съ кинжалами ринемся въ битву!
Ломай ихъ о русскую грудь...
По трупамъ безстрашнаго путь!
Слава намъ, смерть врагу!
Алла-га, Алла-гу!

„Отчего на этихъ мѣстахъ истребленія и запустѣнія не могла бы процвѣтать мирная культура?“—спрашивалъ иногда нашъ воинъ... „Вѣдь русскіе такъ великодушны, добродушны и справедливы; только изувѣрство заставляетъ горцевъ смотрѣть на русскихъ, какъ на вѣчныхъ враговъ; и горцы – они честны и по-своему добры; зачѣмъ имъ вздыхать о старинѣ, которая для нихъ была такъ кровава и полна притѣсненій! Отчего имъ не покинуть свои предразсудки и не стать нашими братьями по просвѣщенію?“

„Опять набѣги, опять убійство! — Когда-то перестанетъ литься кровь на угорьяхъ?“

„Когда горные потоки потекутъ молокомъ и сахарный тростникъ заколышется на снѣжныхъ вершинахъ“ — отвѣчаетъ мрачный горецъ въ одной повѣсти Марлинскаго. Но авторъ ему не повѣрилъ. „Много, но не долго литься на Кавказѣ дождю кровавому, — увѣрялъ онъ, — гроза расцвѣтетъ тишью, желѣзо бранное будетъ поражать только грудь земли — и цѣпные мосты повиснутъ черезъ пропасти, подъ которыми страшно было видѣть и радугу. Дайте Кавказу миръ, и не ищите земного рая на Евфратѣ“.

Такими пожеланіями и пророчествами спѣшилъ Марлинскій выпутаться изъ затрудненія, въ какое попадалъ, когда хотѣлъ самъ для себя осмыслить свою роль на Кавказѣ.

Ему помогало, впрочемъ, въ данномъ случаѣ его очень горячее патріотическое чувство. Онъ любилъ родину и какъ офицеръ дорожилъ ея военной славой. Увлеченіе этой славой ожесточало его противъ ея враговъ.

Заставляло оно его также любить того, кому охрана этой славы была довѣрена; и Александръ Александровичъ, какъ многіе изъ его сотоварищей по несчастію, примирился съ

императоромъ на другой же день катастрофы, тѣмъ болѣе, что въ немъ никогда особенно и не былъ силенъ духъ политическаго протеста...

Когда мы въ его частныхъ письмахъ читаемъ, какъ онъ въ Якутскѣ идетъ „молиться за своего благодѣтеля и пожелать сердечно, чтобы русскіе солдаты въ свѣтлый день рожденія Государя сдѣлали ему достойный подарокъ въ видѣ турецкой крѣпости", или когда изъ одного письма, писаннаго изъ Дербента, мы узнаемъ взгляды Марлинскаго на польское возстаніе, которое его разогорчило и раздосадовало настолько, что у него самого явилась мысль „промѣнять пули съ панами добродзѣями, которые не забыли своихъ своевольныхъ вольностей и хотятъ быть скорѣе несчастными по своей прихоти, чѣмъ счастливыми по русскому разуму"— когда мы читаемъ такія строки, то прежде всего у насъ является подозрѣніе, не писаны ли онѣ для тайныхъ читателей? Но объясняются онѣ гораздо проще: въ нихъ сказался тотъ самый патріотъ, который и въ своихъ раннихъ повѣстяхъ любилъ говорить о военной славѣ императора Александра I, противъ котораго ораторствовалъ въ тайномъ обществѣ. Что въ данномъ случаѣ говорилъ не столько раскаявшійся политиканъ, сколько именно патріотъ, это доказывается, напримѣръ, тѣмъ, что въ томъ же самомъ письмѣ, въ которомъ Марлинскій порицалъ польское возстаніе, онъ конечно, весьма осторожно, привѣтствовалъ іюльскую революцію во Франціи, той Франціи, „которая, какъ исполинское знамя, какъ боевая пушка, даетъ знакъ переворотовъ".

Во всякомъ случаѣ, если Марлинскій — насколько можно судить по опубликованнымъ документамъ — сталъ хладнокровно относиться къ тѣмъ политическимъ идеямъ, за которыя онъ пострадалъ, то сущность его общественной мысли — осталась неизмѣнной за всю его жизнь. Писатель могъ, передумавъ свои политическія мысли, придти къ выводу, что онѣ слишкомъ опередили русскую жизнь, и онъ могъ отъ нихъ отказаться, какъ онъ и сдѣлалъ, но едва ли

могъ онъ отступиться отъ тѣхъ взглядовъ, которые въ немъ укрѣпились, главнымъ образомъ, въ силу его возмущеннаго нравственнаго чувства.

Отъ этихъ взглядовъ Марлинскій и не отступилъ; и во всѣхъ своихъ повѣстяхъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, твердилъ онъ о томъ, что такое общественная порядочность человѣка и что такое соціальная справедливость. Касаясь этой темы, онъ, конечно, былъ вынужденъ повторять многое всѣмъ извѣстное и тривіальное. Но не будемъ его судить строго за такія повторенія и не забудемъ, что въ его положеніи бывало иногда невозможно выдти изъ общихъ фразъ въ обличеніи общественныхъ пороковъ.

Тѣмъ не менѣе Марлинскій имѣлъ смѣлость объ одной изъ такихъ общественныхъ язвъ постоянно напоминать своимъ читателямъ.

Марлинскій не вникалъ подробно въ вопросъ о крестьянствѣ, проектовъ никакихъ не строилъ, но не упускалъ случая въ самыхъ же первыхъ своихъ повѣстяхъ — отъ дѣйствительной жизни очень далекихъ — направлять на этотъ вопросъ вниманіе читателя. Въ своей „Поѣздкѣ въ Ревель“ (1821) онъ говорилъ о состояніи ливонскихъ крестьянъ и отмѣчалъ, какъ владѣльцы, содѣйствуя цѣли мудраго правительства, улучшаютъ крестьянскій бытъ въ нравственномъ и физическомъ отношеніи, какъ народъ отвыкаетъ отъ пьянства, лѣни и всѣхъ пороковъ, невѣжество сопровождающихъ. Эти свѣдѣнія онъ почерпалъ не изъ книгъ, а слѣдуя своему правилу: „слушать богатыхъ людей и заставлять говорить бѣдныхъ“. Впрочемъ, Марлинскій перелистывалъ и исторію того края, по которому путешествовалъ и отмѣчалъ тяготу налоговъ и работъ, падавшихъ нѣкогда на бѣдныхъ обитателей, которыхъ владѣльцы мучили изъ чистой прихоти. Разсказы о такихъ мученіяхъ вставлялъ онъ въ свои повѣсти, когда говорилъ, напр., о грозномъ владыкѣ „Замка Вендена“, жестокомъ баронѣ, который вытаптывалъ конями крестьянскій хлѣбъ и немилосердно дралъ поселянъ

нагайками, или о властителѣ „Замка Эйзена“, духовномъ рыцарѣ, который изъ каприза рубилъ головы крестьянамъ, заставлялъ ихъ вымѣнивать лошадей на его собакъ и также далъ ихъ нещадно.

Въ повѣстяхъ изъ русской жизни, написанныхъ уже въ годы неволи, Марлинскій не могъ такъ сгущать краски, но продолжалъ подчеркивать свою гуманную идею. Если ему случалось говорить теперь о разныхъ насиліяхъ помѣщиковъ надъ крестьянами, то виновными оказывались не русскіе, а польскіе паны. Они грабятъ холопа и топчутъ его въ грязь, они отдаютъ щенковъ выкармливать кормилицамъ, отнимая у нихъ грудныхъ младенцевъ [„Наѣзды“ и „Латникъ“]... Русскому мужику, утверждалъ Марлинскій, живется легче, чѣмъ польскому крестьянину; русскій можетъ хоть сбѣжать отъ злого барина. Объ этихъ злыхъ русскихъ барахъ нашъ авторъ, какъ видимъ, хранилъ невольное молчаніе, позволяя себѣ иногда лишь поговорить неодобрительно о барской спеси и вообще о нерадѣніи дворянъ къ хозяйству. Марлинскій предпочиталъ говорить о добрыхъ барахъ и обличать порокъ, прославляя добродѣтель. Мы видѣли какъ онъ хвалилъ помѣщика, не разрѣшившаго своимъ сосѣдямъ для пустой охотничьей забавы топтать крестьянскія озими, травить овецъ собаками и палить лѣсъ отъ ночлеговъ [„Поволжскіе разбойники“]. Въ повѣсти „Испытаніе“ онъ не могъ налюбоваться гвардейскимъ офицеромъ, который втайнѣ дѣлалъ пожертвованія для улучшенія участи своихъ крестьянъ, перешедшихъ къ нему, какъ большая часть господскихъ крестьянъ, полуразоренными и полуиспорченными въ нравственности. Этотъ свѣтскій человѣкъ понялъ, что нельзя „чужими руками и наемной головой устроить, просвѣтить, обогатить крестьянъ своихъ, и рѣшился уѣхать въ деревню, чтобы упрочить благосостояніе нѣсколькихъ тысячъ себѣ подобныхъ, разоренныхъ барскимъ нерадѣніемъ, хищностью управителей и собственнымъ невѣжествомъ“.

Наконецъ, должно упомянуть и еще объ одномъ порядкѣ чувствъ и ощущеній, которыя, быть можетъ, больше, чѣмъ какія-либо, иныя были выдвинуты на первый планъ во всѣхъ повѣстяхъ нашего автора. Они, конечно, всего больше способствовали его успѣху у средней публики. Это—любовная горячка во всѣхъ ея видахъ, начиная отъ томной теплоты чувства, кончая все испепеляющимъ пожаромъ.

На характеристикѣ этой стороны темперамента нашего писателя можно было бы и не останавливаться, тѣмъ болѣе, что изъ разсказа объ его жизни, а также изъ разбора его сочиненій видно съ достаточной ясностью, какую роль играло чувство любви въ его настроеніи. Если мы заговоримъ о немъ, то только затѣмъ, чтобы оградить писателя отъ нѣкоторыхъ нападокъ на его искренность.

Критики, осуждавшіе Марлинскаго за неискреннюю декламацію и за пристрастіе къ фразѣ, указывали всего чаще на тѣ страницы его сочиненій, на которыхъ онъ старался читателю передать силу охватившей его любовной страсти. Въ погонѣ за „огненнымъ нарѣчіемъ страсти“ Марлинскій, дѣйствительно, повышалъ иногда свою рѣчь до комической вычурности. Тутъ была и „голубица, утомленная полетомъ въ небо“, и „кровь, которая лилась въ жилахъ, какъ густое вино Токая“, тутъ и „молнія плавила страсти любовниковъ въ одно недѣлимое“ и „мысль какъ ласточка закрадывалась въ домъ кролика чувства“; „очарованный кругъ прелести горѣлъ вѣнчикомъ святыни“, „лава прожигала снѣгъ“, „падучія звѣзды крестили въ глазахъ“ и „громко бились всѣ пульсы“, и вообще было много словесной мишуры, которая любому критику представляла очень удобную мишень для ударовъ. Писатель нерѣдко заговаривался, готовъ былъ „потонуть въ пламени любви и землекрушенія“, лепеталъ безсвязныя рѣчи изъ однихъ подлежащихъ безъ сказуемыхъ или наоборотъ, пускался въ дебри чисто словесной метафизики, выводилъ формулы для всемірной любви, и вообще

смѣшилъ или сердилъ читателя, оставаясь самъ необычайно серьезнымъ.

Но если бы читатель постарался усвоить себѣ ту серьезность, которую не хотѣлъ замѣтить въ авторѣ, то онъ могъ бы найти иной разъ и довольно любопытное содержаніе въ этихъ кудрявыхъ словахъ, хотя бы, напр., въ такомъ разсужденіи: „пусть кто хочетъ говоритъ, что любовь есть безуміе; по-моему, въ ней таится искра высокой премудрости. Въ ней мы испытываемъ по чувству то, къ чему приводитъ насъ впослѣдствіи философія по убѣжденію. Какимъ благороднымъ довѣріемъ, какою чистою добротой бываемъ мы тогда переполнены! Разница только въ томъ, что философія исторгаетъ человѣка изъ общей жизни и, какъ побѣдителя, возвышаетъ надъ природою, а любовь, побѣждая его частную свободу, сливаетъ его съ природою, которую онъ, одушевляя, возвышаетъ до себя. Сладостны созерцанія и мудреца, и любовника, хотя ощущенія послѣдняго живѣе, а понятія перваго явственнѣе. Любовникъ, кажется, внемлетъ сердцемъ бытію жизни во всемъ твореніи, гармоніи блага во всемъ творимомъ. Передъ умственными взорами другого разсвѣтаютъ мрачныя бездны, развивается свитокъ судьбы міровъ и народовъ. Только это двоякое созерцаніе даетъ человѣку вполнѣ насладиться своимъ совершенствомъ, то въ самозабвеніи, то въ забвеніи всѣхъ золъ его окружающихъ“.

Кто имѣлъ случай читать Жуффруа, Дежерандо или Кузена, того не удивитъ такая попытка „оправданія“ любви.

Марлинскій вообще много думалъ надъ этимъ чувствомъ, которое, какъ съ перваго взгляда кажется, владѣло имъ безсознательно, и потому его неистовая рѣчь прерывалась нерѣдко очень тонкими психологическими наблюденіями и замѣтками. Онъ хорошо зналъ психологію любви и могъ сказать, что любовь была для него не „одно сердце, не одна душа, но самъ онъ весь: его мысль, его свѣтъ, его жизнь“.

Въ одномъ частномъ письмѣ онъ признавался, что съ девятнадцатилѣтняго возраста любовь была маятникомъ

всѣхъ его занятій, что она подстрекала и удерживала его на пути познаній". „Сколько времени бросилъ я на кормъ своему несчастному сердцу — говорилъ онъ. Болѣе пылкій, чѣмъ постоянный, и, можетъ быть, болѣе сладострастный, чѣмъ нѣжный, я губилъ годы въ волокитствѣ, почти всегда счастливомъ, но рѣдко дававшемъ мнѣ счастіе. Моя безумная, бѣшеная страсть палила женщинъ какъ солому и нерѣдко такъ же быстро прогорала. ...Я стыдился моихъ идоловъ. На бѣду мою изъ всѣхъ тѣхъ, которыя владѣли моими мыслями, не было ни одной, которая бы могла оцѣнить мои дарованія и потребовать отъ меня цѣльнаго, создать или, такъ сказать, вылѣпить изъ меня что-нибудь геніальное. Любила ли хоть одна изъ нихъ мой умъ болѣе моей особы, мою славу болѣе своего наслажденія?"[249].

Для читателя эта интимная грустная и очень любопытная деталь сердечной жизни Марлинскаго оставалась, конечно, тайной. Всѣ, кто слушалъ его говорящимъ о любви, были увлечены стремительнымъ потокомъ его „огненной рѣчи" и не улыбались, какъ улыбаемся теперь мы; и они были правы, потому что, какъ бы ни была въ данномъ случаѣ вычурна рѣчь Марлинскаго, она была не наборомъ пышныхъ словъ, а лишь несдержаннымъ отзвукомъ дѣйствительно сильнаго чувства.

И сколько было въ тѣ годы молодыхъ людей, которые въ минуту душевнаго подъема отчеркивали на поляхъ сочиненій Марлинскаго всѣ неистовыя его тирады, или въ минуту грусти перечитывали такія, мало кому теперь извѣстныя, строки:

Скажите мнѣ, зачѣмъ пылаютъ розы
Эфирною душою, по веснѣ,
И мотылька на утреннія слезы
Манятъ, зовутъ привѣтливо онѣ?
Скажите мнѣ!

Скажите мнѣ, не звуки-ль поцѣлуя
Даютъ свою гармонію волнѣ?

И соловей, плѣнительно тоскуя,
О чемъ поетъ во мглѣ и тишинѣ?
Скажите мнѣ!

Скажите мнѣ, зачѣмъ такъ сердце бьется,
И чудное мнѣ видится во снѣ:
То грусть по мнѣ холодная прольется,
То я горю въ томительномъ огнѣ?
Скажите мнѣ!

или —

Я за моремъ синимъ, за синею далью
Сердце свое схоронилъ,
Я тоской о быломъ ледовитой печалью,
Словно двойной нерушимою сталью,
Грудь отъ людей заградилъ.
И крѣпокъ мой сонъ. Не разбитъ, не расколотъ
Щитъ мой. По во мракѣ ночей
Мнится порой, растопился мой холодъ—
И снова я ожилъ, и снова я молодъ
Взглядомъ прелестныхъ очей.

XXXV.

Много смѣлыхъ мыслей, молодыхъ, сильныхъ и добрыхъ чувствъ будилъ въ своихъ читателяхъ Марлинскій.

Отводя его сочиненіямъ ихъ скромное мѣсто въ исторіи нашей словесности, мы не будемъ забывать объ условіяхъ, въ которыхъ они были созданы. Они въ своемъ развитіи были такъ же несвободны, какъ несвободенъ былъ ихъ авторъ, который къ тому же умеръ въ полномъ цвѣту своихъ духовныхъ силъ. Сказалъ ли онъ все, что могъ сказать, и пришла ли смерть къ нему во-время? Если вѣрить ему, то—да. Но можно ли безусловно довѣрять словамъ человѣка, который уставалъ стоять подъ пулями, ожидая своей очереди?

Въ общемъ разочарованный взглядъ на свое творчество, котораго придерживался Марлинскій, и неоднократно высказанное имъ желаніе смерти находитъ свою поправку въ

иныхъ словахъ, сказанныхъ имъ, быть можетъ, въ самыя печальныя, но болѣе спокойныя минуты. Онъ понималъ, что все, что имъ создано, есть лишь обѣщаніе и намекъ, по которымъ нельзя судить о затаенныхъ въ немъ силахъ.

Онъ понималъ это, но только становилось ли ему легче отъ такого сознанія?

„Печальны всѣ эти образы, повиты крепомъ и кипарисомъ. Для меня вчера и завтра—два тяжкіе жернова, дробящіе мое сердце. И скоро, скоро это бѣдное сердце распадется прахомъ: я это предчувствую. Заснуть навѣкъ, умереть? такъ что же! Сейчасъ приди за мной смерть, и я подамъ ей руку съ привѣтомъ... Обнаженная жизнь моя такой же остовъ, какъ она сама; живой я свыкся уже съ ночью и съ сыростью могилы“ [„Онъ былъ убитъ“].

„Итакъ, я долженъ умереть, — умереть неизбѣжно... въ цвѣтѣ лѣтъ, въ расцвѣтѣ надеждъ моихъ! Ужасно! И эта рука, для которой тяжкая сабля была легка какъ перо— черезъ день не въ силахъ будетъ сбросить могильнаго червяка; о, мое сердце! неужели и оно распадется прахомъ? Неужели пламень, его оживлявшій, погаснетъ въ тлѣніи? Неужели гробовой гвоздь можетъ прибить къ гробу духъ мой, а всесильная могила заклепать навѣки мои мысли? Ужели голова моя, это поле-океанъ, на которомъ носились онѣ, станетъ имъ гробомъ и свѣтъ не услышитъ высокихъ пѣсенъ, звучавшихъ только для моего слуха, и люди не наслѣдуютъ торжественныхъ глаголовъ, которые такъ долго хранилъ я въ себѣ, и лелѣялъ и растилъ невысказанные?.. Никто, ничто не угадаетъ мыслей моихъ, не повторитъ ихъ! На землѣ нѣтъ эха моей душѣ, нѣтъ слѣда! Я умру, весь умру, я поглощенъ буду смертію, я, который могъ мечту воображенія, грезу своего сна облечь жизнью!“...“ [„Журналъ Вадимова“].

Приложеніе I.

Записка А. Бестужева о составѣ тайнаго общества.

Первый кругъ состоитъ изъ основателей общества и членовъ ими избранныхъ. Онъ составляетъ думу (или верхнюю думу). Число ихъ неопредѣленно, смотря по надобности общества и способности годныхъ къ тому людей.

Кругъ сей каждые два года избираетъ изъ среды своей двоихъ *распорядителей*, ежегодно перемѣняя по одному *). На нихъ лежатъ сношенія съ отсутствующими членами, сборъ и расходъ денежный и всѣ текущія дѣла общества. Они сзываютъ думу, и тогда голосъ ихъ на ряду съ прочими. Ихъ дѣло также ободрять лѣнивыхъ и искать новыхъ членовъ.

Каждый членъ имѣетъ право выбрать только двухъ адептовъ **), и никогда не сводить ихъ вмѣстѣ; такъ далѣе послѣдовательно. Кто принялъ, совѣтуется съ своимъ пріемникомъ и съ своими принятыми по одиночкѣ ***). Слѣд. кромѣ

---

*) Сперва распорядители были безъ смѣны, но Рылѣевъ, вступя въ думу, настоялъ, чтобы ихъ перемѣняли и вмѣсто Трубецкаго выбранъ былъ онъ вмѣстѣ съ оставшимся Оболенскимъ. (Это было до меня).

**) Въ этомъ наше общество совершенно разнилось съ бывшимъ (какъ я слышалъ) до сей исторіи. У насъ система *двойственная*, а у нихъ была *десятичная* и каждый десятокъ составлялъ ложу или думу.

***) Сіе правило не очень строго соблюдалось и многіе члены между собою знались. Третьяго принять тоже, хотя рѣдко позволялось, но смотря по члену.

верхней, думъ другихъ нѣтъ. Члены изъ перваго круга могутъ выбирать членовъ болѣе двухъ. Для пріема, замѣтивъ человѣка, членъ передаетъ его имя принявшему, тотъ выше и наконецъ въ думѣ рѣшаютъ стоитъ или нѣтъ такой-то пріема — и тогда рѣшеніе идетъ внизъ и членъ принимаетъ другого *).

Принять въ члены значило показать ему механизмъ общества и позволить избирать самому **). О цѣли и мѣрахъ говорили не вдругъ, и не все, и не всѣмъ одинаково, смотря по степени его характера, образованности и образа мыслей; принявшій долженъ былъ *обрабатывать* тѣхъ, которые не готовы.

Условія: *Честное слово* не открывать что̀ будетъ ему сказано ***), не *любопытствовать* о тѣхъ, кто еще члены, хотя бы и подозрѣвалъ кого; и наконецъ *повиновеніе* безусловно къ принявшему.

Въ случаѣ отъѣзда на долгое время, уѣзжающій членъ передаетъ свою вѣтвь принявшему его и тутъ впервые знакомитъ своего пріемыша съ своимъ пріемникомъ *). Для расходовъ общества, какъ-то: для посылокъ и другихъ непредвидѣнныхъ случаевъ, каждый членъ, если можетъ, вноситъ посильно сколько-нибудь денегъ. Члены ничего не должны писать о дѣлахъ общества и другъ къ другу по почтѣ и быть весьма осторожну въ словахъ.

Общество не носитъ никакого имени, не имѣетъ между членами никакихъ знаковъ для опознанія и запрещаетъ всѣ

---

*) По настоящему должно бы спрашивать всѣхъ членовъ думы, но рѣшали это обыкновенно распорядители, за тѣмъ, что дума рѣдко сходилась

**) Члену не поставлялось въ обязанность непремѣнно выбирать двухъ. Онъ могъ и одного и даже никого не выбрать, если не находилъ достойныхъ.

***) Это крѣпко наблюдалось. Я, напримѣръ, только прошлаго лѣта открылся брату Михаилу.

****) Большею частью сношенія были черезъ вѣрныхъ членовъ, которые по службѣ или въ отпускъ ѣздили. Но въ случаѣ надобности посылали и нарочно, какъ, напр., Свистунова въ Кіевъ.

наружные, какъ-то: кольцы, булавки и прочее. Также запрещаетъ списки и все письменное, могущее обличить какое-либо намѣреніе.

Правила для пріема были слѣдующія. Во-первыхъ, изслѣдовать жизнь того, на кого мѣтятъ. Всѣ люди, преданные игрѣ, винѣ и женщинамъ, исключались безъ вопроса.

Членъ долженъ былъ быть не запятнанъ ни однимъ подлымъ поступкомъ, дознаннаго безкорыстія, твердаго характера, если можно храбръ (на войнѣ или на поединкѣ) и даже крѣпкаго здоровья, чтобы могъ служить обществу не струсивъ, и не измѣнить ему, когда попадется. Чтобы узнать образъ мыслей, начинать противорѣчить, и когда тотъ разгорячится, то и видѣть образъ его мыслей. Разсудительныхъ брать со стороны доказательствъ, а пылкихъ блестящими картинами будущаго. Впрочемъ, хотя и выбирать людей чистыхъ и первымъ условіемъ предлагать самоотверженіе — чтобы онъ все несъ въ жертву отечеству, но какъ люди — люди, то честолюбивымъ оставлять надежду, какъ они будутъ славны, а людямъ, требующимъ руководителей ужъ съ именемъ, не обманывая—намекать, что тутъ есть люди... впрочемъ вести постепенно и смотря по усердію открывать полную цѣль и намѣренія общества. Впрочемъ о времени и рѣшительныхъ мѣрахъ никто не долженъ былъ знать, кромѣ думы, во избѣжаніе измѣны.

Нѣкоторыхъ принимали въ члены только для того, чтобы они служили орудіями, когда будетъ нужно. Тѣмъ говорили только что ихъ дѣло рубиться. Нѣкоторыхъ неосторожныхъ болтуновъ и головорѣзовъ (crânes) оставляли на примѣтѣ до случая, чтобы они своимъ поведеніемъ не ввели бы въ безславіе или въ опасность общество.

О цѣли, намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ общества я уже изложилъ въ прибавленіяхъ къ первымъ показаніямъ.

Вотъ чрезъ какое общество, за призракомъ патріотизма и безразсудностью молодости вовлеченъ я былъ въ преступленіе, и вовлекъ съ собою несчастныхъ моихъ братьевъ.

Я готовъ дать подробные поясненія на счетъ сказаннаго, и участія членовъ, если оныя востребуются. Случай выставилъ меня впередъ, въ дурномъ поступкѣ—теперь по чувствамъ души я не останусь назади въ раскаяніи и признательности къ Государю Императору.

1826 года 21 генваря.

Приложеніе II.

Записка А. Бестужева о членахъ сѣвернаго общества.

На запросъ отъ 28 генваря честь имѣю отвѣтствовать слѣдующимъ.

Мнѣ казалось, что я изложилъ ясно составъ тайнаго общества, и потому покорнѣйше прошу Высочайше учрежденный комитетъ назначить именно какія мѣста требуютъ поясненія: на что отвѣтствовать буду охотно. Теперь же ко всему въ различныхъ вопросахъ мною показанному могу только прибавить на счетъ общества, что оно имѣло обширные замыслы и ничтожныя средства; состояло болѣе изъ людей молодыхъ съ возгораемымъ воображеніемъ, а не съ зрѣлымъ разсудкомъ. Дѣйствія онаго доказали его безразсудство, и къ счастію распространеніе его захвачено въ самомъ младенчествѣ. Изъ конституціи Никиты Муравьева можно подробно видѣть цѣль общества; намѣренія состояли въ устраненіи Царствующей Фамиліи или въ уничтоженіи Оной, дабы ввести новый порядокъ вещей; а увлеченье солдатъ—средства къ захваченію власти и удержанія въ порядкѣ народа. Повторю, что я убѣжденъ въ той истинѣ, что общество безъ обстоятельствъ, которыя дали ему силы, десятки лѣтъ провело бы въ бездѣйствіи; но междуцарствіе привело въ движеніе всѣ страсти и всѣ надежды, и склонило на сторону общества многихъ,

которые думали дѣйствовать только въ пользу Цесаревича.

Что же касается до участія членовъ, то я изложу ниже, какъ это было прежде и во время 14 декабря. Только долгомъ считаю прибавить, что я по характеру своему любилъ уединеніе, читалъ и учился, и потому не былъ знакомъ со многими, немногихъ могу и описать. А будучи весьма равнодушенъ къ обществу, не зналъ и половины именъ сочленовъ. Вслѣдствіе сего я изложу теперь дѣйствіе лицъ болѣе замѣчательныхъ и которыя находились у меня на глазахъ.

Князь Трубецкой, думаю, одинъ изъ основателей общества. Рылѣевъ мнѣ всегда хвалилъ его хладнокровіе и осторожность. Личнаго съ нимъ знакомства не имѣлъ я до конца ноября 1825 г. Тутъ мы ознакомились какъ члены. Онъ давалъ извѣстія, что слухи о завѣщаніи подтверждаются и какія движенія замѣтны при дворѣ. Дня за 4 избранъ начальникомъ, для чего и я черезъ Рылѣева далъ свой голосъ. Но когда Рылѣевъ назвалъ его Диктаторомъ — я сказалъ, что это кукольная комедія. За два дня онъ говорилъ, чтобы дѣйствовать какъ можно тише и не лить крови; и тутъ и во время извѣстія о смерти проговаривалъ, что нельзя ли Имп. Елисавету на тронъ возвести. Тутъ же сказалъ онъ „впрочемъ, господа, если видите здѣсь свое малосиліе, отпустите меня въ Кіевъ, я ручаюсь, что 2-й корпусъ не присягнетъ". Въ день дѣйствія обѣщалъ онъ ждать войскъ на площади, но отчего тамъ не явился, не знаю. Это имѣло рѣшительное вліяніе и на насъ, и на солдатъ, ибо съ маленькими эполетами и безъ имени принять команду никто не рѣшился.

Князь Евг. Оболенскій. Ревностный патріотъ и мечтатель — онъ набралъ, кажется, довольно членовъ. Онъ съ Рылѣевымъ обыкновенно разсуждалъ и толковалъ о конституціи, а я ѣзжалъ къ нему больше поспорить о нѣмецкой философіи, которую онъ защищалъ, а я надъ ней смѣялся. Знакомъ съ нимъ года съ полтора. У него собиралась дума. Съ 27 числа ноября былъ у Рылѣева почти ежедневно, гдѣ и рѣшили мы, что надобно дѣйствовать. Тутъ мы оба говорили, что

обществу при Императорѣ Николаѣ Павловичѣ не существовать, ибо онъ имѣетъ чрезвычайно проницательный глазъ: отъ него не скроется наша цѣль. У него также собирались дня за два, по офицеру съ полковъ, на которые надѣялись; чтобы условиться, какъ чему быть. Въ день происшествія онъ явился на площадь и командовалъ однимъ пикетомъ. Передъ разсѣяніемъ нашимъ онъ далъ мнѣніе, чтобы идти за шинелями въ полкъ—потомъ я уже его не видалъ.

Никита Муравьевъ занимался сочиненіемъ конституціи, которой нѣкоторыя части и написалъ. Мнѣніе съ нами о чистомъ народномъ правленіи раздѣлялъ одинаково. Давалъ онъ мнѣ однажды часть о земскомъ уложеніи, для замѣчаній, но я возвратилъ, ничего не написавъ, сказавши, что немного въ законовѣдѣніи смыслю. Коротокъ съ нимъ никогда не былъ. Видѣлъ его какъ члена дважды у Оболенскаго, и разъ у Рылѣева. Кавалергардскій братъ его Муравьевъ со мною, кромѣ поклоновъ, знакомъ не былъ, но я думаю черезъ него приняты были офицеры Кв. полка. Никита былъ въ отпуску и потому участвовать въ послѣднихъ мѣрахъ общества не могъ. Меньшой же его братъ во время болѣзни Рылѣева разъ его посѣтилъ, но какъ тутъ были чужіе, то ничего не говорилъ. Въ день происшествія я его не видалъ, равно какъ и прочихъ кавалергардовъ.

Рылѣевъ. Одинъ изъ самыхъ ревностныхъ членовъ общества, человѣкъ весь въ воображеніи, но кромѣ либерализма, составлявшаго, такъ сказать, точку его помѣшательства чистѣйшей нравственности. Онъ вѣровалъ, что если человѣкъ дѣйствуетъ не для себя, а на пользу ближнихъ, и убѣжденъ въ правотѣ своего дѣла, то значитъ само Провидѣніе имъ руководитъ. Это мнѣніе частію дѣлили съ нимъ многіе изъ насъ. Хотя онъ былъ лучшій мой другъ, но для истины не скрою, что онъ былъ главною пружиною предпріятія; воспламенялъ всѣхъ своимъ поэтическимъ воображеніемъ, и подкрѣпляя своею настойчивостью. Онъ первой далъ мысль, чтобы служить въ палатахъ для показанія, что люди облаго-

раживаютъ мѣста и для примѣра безкорыстія. Ему послѣдовалъ Пущинъ, и потомъ по переходѣ сего послѣдняго въ Москву въ надворный судъ, многіе молодые люди сдѣлали тоже. Онъ часто укорялъ меня за лѣность и равнодушіе къ обществу — я отзывался, что берегу свою дѣятельность на дѣло. Пріѣздъ и намѣреніе Якубовича зажгло потухшую искру—начать дѣйствіе, но какъ бы то ни было, если замыселъ Якубовича былъ непреложенъ, онъ болѣе всѣхъ содѣйствовалъ къ отклоненію удара. Въ вопросѣ объ уничтоженіи Царствующей Фамиліи онъ всегда былъ мнѣнія, чтобы оставить въ покоѣ Константина Павловича, для того, чтобы новое правленіе не раздѣлилось на партіи, имѣя грозу на границахъ. Изъ этого видно, какіе дѣтскіе были у насъ разсчеты; да и въ преобразованіи Россіи, признаюсь, насъ болѣе всего прельщало русское платье и русскія названія чиновъ. Со смертію Государя Императора его квартира была сборнымъ мѣстомъ заговорщиковъ. Онъ приглашалъ къ себѣ новыхъ знакомцевъ изъ полковъ, принималъ извѣстія, уговаривалъ всѣхъ. Дня за два у насъ было шумное засѣданіе— между прочимъ Рылѣевъ думалъ, что если не удастся, то съ поднятыми полками ретироваться на поселенія. Я сказалъ, что для марша надобны деньги—и для этого не худо захватить положенныя въ Губернскомъ Правленіи, заимообразно. Онъ очень разсердился за такое мнѣніе и сказалъ, что это будетъ грабежъ, что собственность должна быть неприкосновенна. Впрочемъ прибавилъ, теперь нечего разсуждать наше, дѣло будетъ слушаться приказовъ начальника. Съ вечера сдѣлавъ распорядокъ, кому гдѣ быть и какъ идти — разошлись. Передъ дѣломъ я зашелъ къ нему спросить нѣтъ ли какихъ новыхъ распоряженій, онъ сказалъ—„теперь Богъ управитъ остальное“. На площади его видѣлъ мелькомъ съ Гвард. Экипажемъ и болѣе уже не видалъ. Первыя мои прибавленія и показанія другихъ усовершитъ описаніе его дѣйствій.

Иванъ Пущинъ. Въ обществахъ давно прежде былъ весьма разсудителенъ и говорилъ, что начинать прежде 10 лѣтъ

и подумать нельзя: что нѣтъ для того ни людей, ни средствъ. Въ бытность мою въ Москвѣ (въ маѣ) онъ повторялъ то же самое. Но послышавъ о смерти Государя Императора, тотчасъ пріѣхалъ въ Петербургъ и уже говорилъ наравнѣ съ другими, что такого случая упускать не должно. Привезъ и конно-сапернаго брата своего, который сказалъ, что онъ говорилъ съ вахмистромъ и эскадронъ вывести можно. Но наканунѣ сказалъ, что люди идутъ въ караулъ и потому онъ приведетъ только человѣкъ 40 пѣшихъ. Въ день дѣйствія сего послѣдняго не видалъ; но Иванъ Пущинъ былъ на площади, ободрялъ солдатъ, и даже когда никто не принялъ команды, онъ взялъ это на себя, сказавъ солдатамъ, что служилъ въ военной службѣ. Въ то время, какъ онъ говорилъ, что надобно еще подождать темноты, что тогда можетъ быть перейдутъ кой-какіе полки на нашу сторону—осыпали насъ картечами, народъ смялъ фронтъ, солдаты разсѣялись, и несмотря на наши усилія ихъ остановить, увлекли всѣхъ въ бѣгство.

Штейнгель. Дѣйствіями не помогалъ — но мнѣнія былъ того же, что и другіе. Не помню, онъ или Булатовъ сказалъ, что если теперь невозможно, то въ Москвѣ удобный случай въ день Коронаціи будетъ. Это мнѣніе не имѣло никакихъ продолженій, ибо рѣшено было здѣсь начать, и только показываетъ, что онъ неискренно желалъ начала. Въ день 14 д. на площади не былъ.

Князь Одоевскій. Принятъ мною съ прошедшей зимы; но по пылкости своей сошелся болѣе съ Рылѣевымъ, и очень ревностно взялся за дѣло. Такъ какъ осенью ничего не предвидѣлось, то онъ и уѣхалъ на 4 мѣс. въ отпускъ, и мы очень удивились, когда онъ въ первыхъ числахъ декабря явился Петербургъ. Въ это время я видѣлъ его раза два мелькомъ, и онъ очень радовался, что пришло время дѣйствовать. Наканунѣ стоялъ онъ въ караулѣ и потому не успѣлъ передать мнѣ своихъ офицеровъ, отчего ни одного изъ нихъ на площади не было. Къ каре прискакалъ онъ верхомъ, но

слѣзъ, и ему сейчасъ дали въ команду взводъ для пикета. Стоялъ онъ тутъ съ пистолетомъ,—болѣе его не видалъ.

Каховскій. Мнѣ не очень нравился, ибо назначался для нанесенья удара. Я хотѣлъ удалить его, и видя, что онъ надоѣлъ Рылѣеву своими вопросами: кто тутъ замѣчательные люди? подстрекнулъ его и довелъ до того, что Рылѣевъ отказалъ ему отъ общества. Но потомъ какъ-то они помирились. Онъ сносился съ лейбъ гренадерами. Въ день 14 д. заѣзжалъ ко мнѣ въ Моск. полкъ, потомъ я увидѣлъ его на площади безъ шинели, и онъ сказалъ мнѣ, что насилу ушелъ изъ Гвард. Экипажа. Тутъ онъ взялъ у меня пистолетъ, потомъ отдалъ и взялъ опять передъ пріѣздомъ гр. Милородовича. Послѣ, помнится, онъ просилъ у меня патрона. Когда Сутгофъ привелъ роту, онъ сказалъ: „каковъ мой Сутгофъ?" потомъ уже я его потерялъ изъ виду.

Сутгофъ. Я узналъ его въ концѣ ноября. На другой день извѣстія о смерти онъ сказалъ, что говорилъ съ ротою и что она на все готова. Онъ напомнилъ Рылѣеву о Булатовѣ, привезъ его къ нему и требовалъ, чтобы тотъ поднялъ полкъ. 14 декабря онъ привелъ роту, а Пановъ и полкъ. Больше о нихъ не знаю.

Булатовъ. Принятъ Рылѣевымъ на послѣднихъ дняхъ передъ происшествіемъ. Мнѣ неудалось сказать ему и двадцати словъ. Когда я спросилъ у Рылѣева, зачѣмъ же онъ не ѣдетъ въ полкъ, а хочетъ его на площади ждать — онъ отвѣтилъ: „нельзя же ото всѣхъ всего требовать, довольно того, что онъ раздѣляетъ наше мнѣніе и будетъ дѣйствовать славно". На ночь 14 декабря онъ заѣхалъ проститься и сказалъ, что благословилъ своихъ малютокъ — у насъ навернулись слезы, а онъ поѣхалъ къ Якубовичу. У каре не былъ.

Арбузовъ. Увѣрительно не знаю, былъ ли онъ принятъ въ общество, но всѣ мнѣнія съ нами раздѣлялъ и очень горячо, и сказалъ, что онъ за свою роту ручается. Наканунѣ мы съ Якубовичемъ были у него и уговорили не присягать *Пущина.* Впрочемъ, онъ сдѣлалъ это нехотя и былъ немного

навеселѣ. Тутъ были двое *Бѣляевыхъ*, и потомъ *Бодиско*. Изъ нихъ настоящія намѣренія знаетъ только Арбузовъ. Про дѣйствія его 14 декабря неизвѣстенъ.

Глѣбовъ. Что онъ членъ, я узналъ только на площади; онъ тутъ очень суетился. Кажется, у него былъ пистолетъ.

Гр. Коновницынъ старшій имѣлъ порученіе вмѣстѣ съ *Искрицкимъ* наблюдать за движеніями въ полкахъ, чтобы вдругъ начать, если гдѣ подымется одинъ. Онъ былъ на площади и я послалъ его къ лейбъ-гренадерамъ сказать, что мы уже на мѣстѣ. Искрицкій у каре не былъ. А меньшой *гр. Коновницынъ* сказалъ наканунѣ, что онъ вырветъ пальникъ, если станутъ приказывать стрѣлять по насъ, сколько я знаю, онъ членомъ общества не былъ.

Я. Ростовцевъ былъ членомъ общества и пріятель Оболенскаго, былъ раза два у Рылѣева, когда многіе изъ нашихъ пріѣзжали. За 3 дня я видѣлъ его во дворцѣ и сказалъ ему, что дѣло доходитъ до палашей, и онъ промолвилъ, чтобы часовые слышали: да палаши — хороши. Въ тотъ же день узналъ я, что онъ писалъ письмо къ нынѣ царствующему Императору. Сначала онъ обманулъ Оболенскаго, сказавъ, что будто бы Николай Павловичъ журилъ его за какіе-то стихи, а потомъ отдалъ и письмо, но настоящее ли, мы сомнѣвались, и это еще болѣе придало намъ рѣшительности.

Якубовичъ, хотя и не былъ членомъ общества, но обо всѣхъ мѣрахъ его узналъ съ 27 ноября, и все это время говорилъ съ жаромъ въ нашемъ смыслѣ, и воспламенялъ колеблющихся. Однакоже по странному его поведенію въ день 14 декабря я имѣю причину думать, что въ немъ было болѣе хвастовства, нежели храбрости. Онъ встрѣтилъ Московскій полкъ у Краснаго моста, потомъ былъ на площади, и сказалъ мнѣ, что у него голова болитъ, исчезъ. Мы изумились, когда онъ явился парламентеромъ и больше его не видалъ.

Флота лейтенантъ Завалишинъ — бойкая особа, но черезчуръ съ заносчивымъ воображеніемъ. Рылѣевъ принялъ-было

его въ члены, но узналъ что онъ писалъ изъ Бразиліи письмо къ Государю Императору, содержанія коего не хотѣлъ сказать, пріостановился открывать ему все, и послѣ не встрѣчался ему. Впрочемъ, мнѣніе о перемѣнѣ порядка вещей онъ самъ излагалъ. Въ октябрѣ уѣхалъ въ отпускъ и потому никакимъ образомъ участвовать въ предпріятіи на 14 число не могъ.

Николай Бестужевъ; пусть начальники и товарищи его засвидѣтельствуютъ, какъ служилъ онъ, и какое доброе имѣетъ сердце! Прежде вступленія въ кругъ моего знакомства онъ вовсе не имѣлъ либеральнаго образа мыслей. Но по переходѣ въ Петербургъ, мало-по-малу примѣръ пріятелей увлекъ и его. Чѣмъ болѣе однакожъ узнавалъ онъ Рылѣева, тѣмъ менѣе сталъ довѣрять средствамъ общества, и не разъ говорилъ мнѣ, что все это химера; слушалъ мечтанія Рылѣева, не говоря ни слова — и доказывалъ, что содѣйствіе Кронштадта и невозможно, и безполезно. Послѣ извѣстія о смерти онъ уже дѣйствовалъ по убѣжденію, что это принесетъ пользу отечеству; и сказалъ: „разсуждайте, какъ быть—а я сдѣлаю что мнѣ укажутъ". Впрочемъ, онъ всегда держался кроткихъ мѣръ. Раза два я видѣлъ его по утрамъ у Рылѣева, но не въ собраніи. Наканунѣ ѣздили уговаривать Моллера. Въ день 14 декабря былъ съ Гвардейскимъ экипажемъ. Потомъ я его видѣлъ только при свѣтѣ выстрѣла—вдали, въ Галерной.

Михаилъ Бестужевъ по характеру своему весьма далекъ отъ того, чтобъ быть заговорщикомъ, и оттого я даже никогда съ нимъ объ обществѣ не говорилъ, и Рылѣевъ также. Когда начали ужъ думать о поднятіи полковъ, я хотѣлъ по братской любви устранить его, говоря, что онъ для этого не годится, ибо не поблажаетъ солдатамъ, недавно командуетъ ротою, и при томъ душевно любитъ Великаго Князя Михаила Павловича, обязанный ему за переводъ въ гвардію и ласковое обхожденіе, но вдругъ, за 5 дней, входя къ Рылѣеву, я вижу тутъ и брата (въ первый разъ послѣ 27 числа),

котораго онъ обнимаетъ, говоря, что мы всѣ въ тебѣ ошибались, ты настоящій патріотъ. Рылѣевъ уже уговорилъ его. Тутъ и я, поцѣловавъ его, наставилъ, какъ дѣйствовать. На завтра опъ привезъ Щепина, а потомъ, на другой день, Волкова и князя Кудашева. Въ засѣданіяхъ не былъ. Въ ротахъ ходилъ со мною и въ своей говорилъ. На дворѣ былъ въ толпѣ около знаменъ, въ каре — стоялъ на Невскомъ углу Сената, слѣдовательно, не могъ слышать увѣщаній генераловъ. Потомъ его не видалъ.

Петръ Бестужевъ. Онъ такъ молодъ, что не зналъ, что дѣлать; и въ этихъ двухъ братьяхъ я дамъ отвѣтъ Богу и Государю. Я виноватъ въ ихъ проступкахъ. Онъ въ собраніяхъ нашихъ не былъ, зналъ очень немного и немногихъ, пріѣхалъ ко мнѣ въ полночь на 14 число и поутру я посылалъ его въ Экипажъ. Потомъ онъ заѣзжалъ свѣдать ко мнѣ въ Московскій полкъ и какъ уже все было готово, я велѣлъ сказать въ экипажѣ, что полкъ выходитъ. Потомъ я видѣлъ его на площади съ гвардейскимъ экипажемъ. Оружія никакого не имѣлъ.

Торсонъ одинъ изъ самыхъ отличныхъ и ученыхъ флотскихъ офицеровъ, и самыхъ кроткихъ людей, какихъ я знаю. Въ обществѣ держался по дружбѣ съ его братомъ, и оттого что не предвидѣлъ такихъ послѣдствій. На мнѣнія наши не говорилъ ни да, ни нѣтъ; и со дня смерти я видѣлъ его у больного Рылѣева только однажды. На площади не былъ.

Этимъ ограничивается знакомство мое съ членами общества. Теперь я изложу участіе людей, которые, не бывъ сочленами, дѣйствовали въ его видахъ, и которыхъ я видѣлъ по смерти Государя Императора у Рылѣева или въ день происшествія на площади.

Князь Щепинъ-Ростовскій; ему, кажется, всего не сказали— только, что хотятъ Цесаревича съ конституціею, въ первый разъ онъ очень горячо за это взялся, но на другой у Оболенскаго, увидѣвъ Финл. полка Розена, который сомнѣвался, и самъ началъ колебаться. Но мы его передъ товарищами

подстрекнули и онъ снова загорѣлся. *Волковъ* говорилъ за другими. Въ день 14 декабря онъ кипѣлъ и говорилъ красно и какъ старшій взялся вести полкъ. Я никакъ не предвидѣлъ, что онъ такъ разсвирѣпѣетъ, тѣмъ менѣе, что я взялся удалить генераловъ, и конечно бы въ этомъ успѣлъ грозою и массою. Онъ построилъ полкъ въ каре и потомъ я только дважды видѣлъ его издали. Въ ротахъ *Волковъ и Броке* ничего не говорили, а *Кудашевъ* еще прежде куда-то уѣхалъ.

Рѣпинъ. Онъ далъ большую надежду на Финляндскій полкъ, но потомъ спустилъ тонъ. Говорилъ очень горячо о томъ, что ненадобно упускать времени, и что Россіи нужна перемѣна. Въ день 14 декабря. Онъ пріѣхалъ къ каре, но Пущинъ сказалъ, чтобы онъ безъ солдатъ и не являлся,—онъ уѣхалъ, обнадеживая, что это будетъ,—и уже я его не видалъ. Съ нимъ пріѣхалъ *Цебриковъ*, которому я назначилъ мѣсто на уголъ каре къ монументу. Другіе Финляндскіе офицеры, которые, по словамъ Рѣпина, хотѣли пріѣхать одни къ намъ—не явились.

Кожевниковъ пріѣзжалъ наканунѣ 14 числа къ Рылѣеву съ какимъ-то измайловскимъ офицеромъ (кажется съ Фокомъ), гдѣ я видѣлъ его въ первый и въ послѣдній разъ. Онъ очень насъ обрадовалъ, сказавъ, что солдаты готовы не присягать. Въ этомъ полку я зналъ, что будетъ еще съ нашей стороны *Милютинъ*, но онъ сдѣлалъ это по молодости.

Корниловичъ пріѣхалъ дня за 3 изъ Кіева, и хотѣлъ было войти въ кабинетъ Рылѣева, гдѣ собраны были многіе, но я увелъ его къ себѣ, какъ не члена, гдѣ и сказалъ онъ мнѣ то, что я изложилъ въ примѣч. 27 декабря. Въ день 14 декабря онъ встрѣтилъ полкъ у Садовой и потомъ мелькомъ я видѣлъ его на площади. Въ члены его не выбрали мы для того, что онъ очень вѣтренъ.

Кромѣ того около каре суетились лица, которыхъ я не видывалъ сроду; да они, кажется, были тутъ волонтерами и только кричали: ура.

Можетъ статься, что со всѣмъ желаніемъ быть полнымъ и подробнымъ, я упустилъ что-нибудь въ такомъ множествѣ лицъ, мнѣній и происшествій. Я человѣкъ, и человѣкъ удрученный несчастіемъ, почему и прошу, о чемъ нужно спрашивать меня отдѣльными пунктами, и я охотно исправлю вину моей памяти, но не совѣсти, ибо говорю все искренно.

Сердце обливается кровью, когда я вздумаю, что судьба привела меня быть обличителемъ друзей и братьевъ, которыхъ люблю болѣе себя, но Богъ свидѣтель, что не малодушіе водитъ перомъ моимъ. Я ввелъ многихъ въ погибель, принявъ заблужденіе за истину: чего же не сдѣлаю для самой истины?

29 генваря 1825 г.

Примѣчанія.

Князь Александръ Ивановичъ Одоевскій.

1. „Полное собраніе стихотвореній князя А. И. Одоевскаго“ собралъ баронъ *А. Е. Розенъ*. Спб. 1883. „Сочиненія князя А. И. Одоевскаго съ біографическимъ очеркомъ и примѣчаніями, составленными *М. Н. Мазаевымъ*. Ежемѣсячное приложеніе къ журналу „Сѣверъ“ за іюль 1893“. „Собраніе стихотвореній декабристовъ“. Лейпцигъ. 1862, 7—44. Кромѣ краткихъ упоминаній въ нѣкоторыхъ общихъ обзорахъ русской словесности, А. И. Одоевскому посвящена статья *А. И. Сиротинина* „Князь А. И. Одоевскій. Біографическій очеркъ“, „Историческій Вѣстникъ“ 1883. Май. См. также *В. А. Тимирязевъ*. „Піонеры просвѣщенія въ западной Сибири“, „Историческій „Вѣстникъ“ 1896, томъ LXIV, 638—9.

2. Баронъ Розенъ ошибается, утверждая, что нѣкоторыя мелкія стихотворенія Одоевскаго были напечатаны Пушкинымъ въ „Литературной Газетѣ“ (*А. Розенъ*. „Въ ссылку“. Записки декабриста. М. 1900, 210). Единственное при жизни автора напечатанное стихотвореніе было „Сенъ Бернаръ“, которое Плетневъ помѣстилъ въ Современникѣ 1838 г. (Т. X, отд. III, стр. 167).

3. Срв. *М. Мазаевъ*, XI.

4. Это былъ христіанскій идеализмъ, который выразился у Одоевскаго наиболѣе симпатичнымъ образомъ. *А. Пыпинъ* „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I“. Спб. 1885, 456—7.

5. *А. Розенъ*. „Стихотворенія кн. А. И. Одоевскаго“. Спб. 1883, 9, 10.

6. „Государственный Архивъ“ I. В., № 347. Дополнительныя свѣдѣнія объ Одоевскомъ имѣются въ нижеслѣдующихъ дѣлахъ этого Архива №№ 62, 113, 192, 208, 217, 222 и 229.

7. Письмо къ теткѣ 1836, изъ Иркутска „Русскій Архивъ“ 1885, I, 130.

8. Изъ неизданныхъ писемъ къ В. Ѳ. Одоевскому, хранящихся въ Имп. Публичной Библіотекѣ.

9. „Изъ переписки В. Ѳ. Одоевскаго“ 1821, 2/х. 1823, 23/хп. „Русская Старина“ 1904. Февраль, 372, 377.

10. 1821 г. 10 октября — юнкеръ. 1822 г. 1 мая — эстандартъ-юнкеръ. 1823 г. 23 февраля—корнетъ.

11. Изъ неизданнаго письма 1822 г. 3/VI изъ Великихъ Лукъ (Импер. Публичная Библіотека).

12. Изъ неизданнаго письма къ В. О. Одоевскому 1821, 24/VIII (Импер. Публичная Библіотека).

13. „Изъ переписки В. О. Одоевскаго" 1823, 2/III „Русская Старина" 1904. Февраль, 376.

14. „Изъ переписки В. О. Одоевскаго" 1821 2/X „Русская Старина" 1904. Февраль, 372.

15. Изъ неизданнаго письма 1824 г. (Импер. Публич. Библіотека). Смыслъ этихъ писемъ не совсѣмъ соотвѣтствуетъ словамъ бар. А. Розена, который говоритъ, что Одоевскій былъ христіанинъ съ „философическими воззрѣніями Канта и Фихте". „Полное собраніе стихотвореній А. И. Одоевскаго". Спб. 1883, 10. Одоевскій былъ въ значительной степени равнодушенъ къ философіи.

16. Вотъ это неизданное стихотвореніе: оно не изъ сильныхъ („Изъ переписки В. О. Одоевскаго" 1821, 5/X. „Русская Старина" 1904. Февраль, 373—4.

сбросивъ бремя свѣтскихъ узъ,
Въ крылатые часы отдохновенья,
Съ безпечностью любимца музъ,
Питаю огнь воображенья
Мечтами лестными, цвѣтами заблужденья.
Мечтаю иногда, что я поэтъ,
И лавра требую за плодъ забавы,
И дерзостнымъ орломъ лечу, куда зоветъ
Упрямая богиня славы:
Безъ заблужденья—счастья нѣтъ.
За мотылькомъ бѣжитъ дитя во слѣдъ,
А я душой парю за призракомъ волшебнымъ,
Но вдругъ существенность жезломъ враждебнымъ
Разрушила мечты—и я ужъ не поэтъ!
Я не поэтъ!—и тщетныя желанья
Духъ юный отягчили мой!
Надежда робкая и грустны воспоминанья
Гостьми нежданными явились предо мной.

17. Изъ неизданнаго письма 1824 г. 19/III (Импер. Публичная Библіотека).

18. Изъ записокъ П. И. Лорера „Русскій Архивъ" 1874, II, 646—7.

19. Въ письмахъ къ В. О. Одоевскому „Русская Старина" 1904 февраль, 371—378.

20. Prince de mon âme —называлъ его А. Бестужевъ.

21. *В. Лясковскій*, „А. С. Хомяковъ" Москва 1897, 12.

22. Онъ удерживалъ Грибоѣдова отъ излишняго увлеченія закулисными цирцеями „А. С. Грибоѣдовъ" „Русская Старина" 1874, томъ X, 276. а также „Русскій Архивъ" 1874, I, 1537.

23. *А. Розенъ.* „Полное собраніе стихотвореній кн. А. И Одоевскаго". Спб. 1883, 187—8.

24. „14 Декабря" И. Пущина. „Всемірный Вѣстникъ" 1903, VI—VII, 229. Срв. *Д. Завалишинъ* „Записки" Мюнхенъ 1904, I, 309.

25. „Собраніе стихотвореній декабристовъ". Лейпцигъ 1862, 14—15.

26. *М. Корфъ* „Восшествіе на престолъ императора Николая I" Спб. 1857, 116.

27. Срв. „14 Декабря" *И. Пущина.* „Всемірный Вѣстникъ" 1903, VI—VII, 235—7.

28. *Н. Гастфрейндъ.* „Кюхельбекеръ и Пущинъ въ день 14 Декабря 1825" Спб. 1901, 10, 14, 18.

29. „Русская Старина" 1874, томъ X, 157.

30. *И. Даниловъ.* „Забытая писательница." „Историческій Вѣстникъ" 1900 Іюль, 198. Мордвиновъ здѣсь очевидно спутанъ съ Ланскимъ.

31. *Schnitzler,* „Histoire intime de la Russie" I, 248.

32. „Декабристы въ разсказѣ помощника квартальнаго" Берлинъ 1903, 20—26. Разсказъ этотъ перепечатанъ подъ заглавіемъ „Изъ воспоминаній петербургскаго старожила" въ „Историческомъ Вѣстникѣ" 1904. Январь.

33. „Записки князя Трубецкого" Лейпцигъ 1874, 22.

34. „Записки М. Бестужева", „Русская Старина" 1870, I, 274 (II изданіе).

35. Донесеніе коммиссіи о разрядахъ, стр. 35.

36. *Н. Басаргинъ.* „Записки", 56.

37. *А. Бѣляевъ.* „Воспоминанія декабриста", 204.

38. Жизнь декабристовъ въ Читѣ и въ Петровскомъ заводѣ подробно разсказана по этимъ свѣдѣніямъ *С. Максимовымъ* „Сибирь и Каторга" III, гл. 2-ая. Много архивныхъ свѣдѣній дано въ книгѣ *Дмитріева-Мамонова.* „Декабристы въ западной Сибири".

39. *Д. Завалишинъ.* „Записки" II, 80—81, 164.

40. *А. Бѣляевъ.* „Воспоминанія декабриста" 212—3.

41. *Д. Завалишинъ.* „Записки" II, 86—87.

42. *А. Бѣляевъ.* „Воспоминанія декабриста", 231.

43. *Д. Завалишинъ.* „Записки" II. 225.

44. *Д. Завалишинъ.* „Записки" II, 94, 95, 97.

45. Срв. *А. Сиротининъ.* „Князь А. И. Одоевскій" „Историческій Вѣстникъ" 1883, Май 400.

46. *Н. Басаргинъ.* „Записки" 86.

47. *Д. Завалишинъ.* „Записки" II, 103.

48. „Изъ записокъ П. И. Лорера" „Русское Богатство" 1904, VII, 78—79.

49. *А. Розенъ.* „Полное собраніе стихотвореній А. И. Одоевскаго" 10—12.

50. *А. Бѣляевъ.* „Воспоминанія декабриста", 241.

51. *А. Розенъ.* „Записки" Лейпцигъ 1874, 230.

52. *А. Розенъ.* Стихотворенія кн. А. И. Одоевскаго, 189.

53. *А. Розенъ.* Стихотворенія кн. А. И. Одоевскаго, 7.

54. *А. Розенъ.* „Записки", 255.

55. *А. Бѣляевъ.* „Записки декабриста" 242.

56. *Н. Басаргинъ.* „Записки", 127.

57. I экспедиція № 61 часть 86.

58. *Дмитріевъ-Мамоновъ.* „Декабристы въ западной Сибири", 135—6.

59. „Изъ записокъ П. И. Лорера" „Русскій Архивъ", 1874, I, 366—8.

60. „Изъ воспоминаній Н. М. Сатина" „Починъ" Москва 1895, 243—4.

61. „Изъ автобіографическихъ разсказовъ бывшаго Кавказскаго офицера" „Русскій Архивъ" 1881, II, 231.

62. *А. Розенъ.* „Въ ссылку" Москва 1900, 208, 9.

63. „Полярная Звѣзда" 1861, VI, 338 и слѣд. Статья „Кавказскія Воды".

64. *А. Бѣляевъ.* „Записки декабриста", 413.

65. „Изъ записокъ Н. И. Лорера" „Русскій Архивъ" 1874, II, 646—7.

66. *А. Розенъ.* „Стихотворенія кн. А. И. Одоевскаго", 192—3.

67. „Изъ записокъ П. И. Лорера" „Русскій Архивъ", 1874, II, 649—50.

68. „Воспоминанія Г. И. Филипсона" Москва 1885, 202—4.

69. „Воспоминанія Г. И. Филипсона", 202—4.

70. *А. Розенъ.* „Стихотворенія кн. А. И. Одоевскаго, 17, 18.

71. „Воспоминанія Г. И. Филипсона" 202—4.

72. „Изъ записокъ Н. И. Лорера" „Русскій Архивъ" II, 1874, 651.

73. *А. Розенъ.* Стихотворенія кн. А. И. Одоевскаго 19, 20.

74. *П. Каратыгинъ.* „Воспоминанія" „Русская Старина" 1875, XII томъ, 736.

75. *А Розенъ.* „Стихотворенія кн. А. И. Одоевскаго", 9.

76. *Н. Гастфрейндъ* „Кюхельбекеръ и Пушкинъ", 36

77. *И. Даниловъ.* „Забытая писательница" „Историческій Вѣстникъ" II. 1900, Іюль, 193—205.

78. „Село Михайловское". Спб. 186 5I, 53, 55, 57, 60, 65, 207, 208, 227, II, 134, 213, III, 4, 7, 10, 213, 223.

79. *А. Розенъ.* „Записки" 1870. Лейпцигъ, 364.

80. *А. Розенъ.* „Записки", 260.

81. *А Бѣляевъ.* „Воспоминанія Декабриста", 206.

82. Изъ Пятигорска „Русская Старина" 1904 Іюль, 161.

83. „О трагедіи Вѣнцеславъ, сочиненіе Ротру, передѣланной г. Жандромъ" „Сынъ Отечества" 1825 т. XCIX и „Перечень изъ писемъ къ издателямъ „Сына Отечества" изъ Москвы" „Сынъ Отечества" 1825 т. CII.

84. Первая, вторая и четвертая часть поэмы сохранились: третью потерялъ Бѣляевъ. Въ ней былъ заговоръ Давида о погубленіи Василька, вступленіе Василька съ дружиной въ Кіевъ, посѣщеніе ими храма, раздача милостыни, наконецъ явленіе Василька во дворецъ къ Святополку, его арестованіе и отправленіе за городъ. „Русская Старина" 1882, XXXIV, 564.

85. „Собраніе стихотвореній декабристовъ" Лейпцигъ 1862, 32.

86. *Д. Завалишинъ.* „Записки" II, 145, 149.

87. „Собраніе стихотвореній декабристовъ“ Лейпцигъ 1862, 35—36.

88. Одинъ списокъ былъ присланъ въ Редакцію „Русской Старины“ крестьяниномъ Самсоновымъ „Русская Старина“ 1875, IX, 47.

89. Въ особенности Завалишинъ, который говоритъ, что Одоевскій раньше надѣлялъ царское семейство самыми язвительными эпитетами, а затѣмъ написалъ это стихотвореніе. *Д. Завалишинъ* „Декабристы“ „Русскій Вѣстникъ“ 1884, II, 856—7.

90. *А. Розенъ.* „Записки“ Лейпцигъ, 364.

91. *М. Мазаевъ.* „Стихотворенія“ кн. А. И. Одоевскаго“. IX.

92. *М. Мазаевъ.* „Стихотворенія кн. А. И. Одоевскаго“, 71.

93. „Изъ записокъ Н. И. Лорера“ „Русскій Архивъ.“ 1874 I, 363—4.

Александръ Александровичъ Бестужевъ.

1. *М. Мазаевъ.* „А. Ѳ. Бестужевъ“ въ „Критико-біографическомъ словарѣ русскихъ писателей и ученыхъ“ *С. А. Венгерова* III, 177—178.

2. Всѣ факты, упомянутые въ этой главѣ, равно какъ и всѣ строки, заключенныя въ кавычки, взяты изъ статьи *М. А. Бестужева* „Дѣтство и юность А. А. Бестужева (Марлинскаго) 1797—1818“. „Русское Слово“ 1860, XII, 1—16.

3. „Записки Михаила Александровича Бестужева“ „Русская Старина“, 1881 г., Ноябрь, 622.

4. „Изъ архива О. В. Булгарина“, „Русская Старина“, 1900 г., Февраль, Письма отъ 28/x 1821 г. и 14/i 1822 г.

5. „Путешествіе въ Ревель“ и „Листки изъ дневника гвардейскаго офицера“, 1821—1822 г.

6. Письмо Каченовскаго къ Булгарину 1823. 26 III „Русская Старина“ 1903. Декабрь, 606.

7. „Письма В. А. Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“ Москва 1895, 209.

8. Письмо къ К. Полевому 1832 22/ix.

9. „Русскій Вѣстникъ“ 1870, VI, письмо 1831 г. 19/i.

10. Срв. *Бартеневъ*, „Пушкинъ въ южной Россіи“, „Русскій Архивъ“, 1868 г., стр. 1199.

11. „Знакомство А. А. Бестужева съ А. С. Грибоѣдовымъ, статья Бестужева, сохранившаяся въ бумагахъ Е. А. Бестужевой“, „Отечественныя Записки“, 1860 г., т. CXXII, Октябрь, 633—640.

12. „Изъ архива О. В. Булгарина“, „Русская Старина“, 1900 г., Февраль, 392—404, письмо 15/III 1832 г.

13. „Письма А. А. Бестужева къ Н. и К. Полевымъ“, письмо 4/II 1832 г.

14. „Воспоминанія о Вѣгичевѣ“, *Е. Саковниной*, „Историческій Вѣстникъ“, 1889 г. т. XXXV, 672.

15. *Бартеневъ* „Пушкинъ въ Южной Россіи“ „Русскій Архивъ“ 1868, 1199.

16. „Записки М. А. Бестужева“ “Русская Старина“ 1881, Ноябрь, 610.

17. „Изъ архива Ѳ. В. Булгарина", „Русская Старина" 1900, Февраль, 392—404.

18. Письмо къ А. Андрееву 1831 г. 9/IV „Русскій Архивъ" 1869, 606-7.

19. Тамъ же письма 26/V 1821, 6/IX, 1821 22/X, 1821.

20. Показаніе 14 Марта 1826.

21. Слова „продажность" въ печатномъ текстѣ письма пѣтъ. На экземплярѣ публичной библіотеки оно приписано карандашемъ съ замѣткой: „изъ подлиннаго письма П. Полевой".

22. „Письма А. А. Бестужева къ П. А. и К. А. Полевымъ". „Русскій Вѣстникъ" 1861, т. XXXII. Предисловіе К. Полевого, стр. 285—6.

23. „Русскій Архивъ" 1880, III, 461.

24. „Записки Ф. Ф. Вигеля". Москва. 1892, VI, 57.

25. „Изъ архива Ѳ. В. Булгарина". „Русская Старина". 1900, Февраль, 392—409.

26. Съ этимъ согласны и біографы. См. *А. Пыпинъ.* „Исторія русской литературы". IV, 408. *С. Венгеровъ.* „Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ". III, 157.

27. „Къ литературной и общественной исторіи 1820—1830 г." *В. И. Якушкинъ.* „Русская Старина". 1888. Ноябрь, 319.

28. Показанія хранятся въ государственномъ Архивѣ, Дѣло I В № 339.

29. *П. Гречъ.* „Записки о моей жизни". Спб. 1886, 391.

30. „Донесеніе слѣдственной коммиссіи" 1826, 52.

31. *Д. Завалишинъ.* „Декабристы" „Русскій Вѣстникъ" 1884, II, 843.

32. *Н. Гречъ.* „Записки о моей жизни", 394.

33. А. Ѳ. Воейковъ къ княгинѣ Е. Волконской. „Русскій Архивъ", 1899, II, 294—5.

34. „Вступленіе на престолъ императора Николая I. Изъ записокъ ген.-лейт. М. Даниловскаго „Русская Старина" 1890. Ноябрь, 502.

35. „Сборникъ снимковъ съ автографовъ русскихъ дѣятелей 1801—1825" Спб. 1873, 7.

36. „Отголоски 14 Декабря" 1825, 34.

37. „Записки кн. П. С. Голицына" „Русская Старина" 1880, XI, 605.

38. „Изъ записокъ П. А. Бестужева". Памяти братьевъ Бестужевыхъ Лейпцигъ 1880, 29.

39. *П. Гречъ.* „Записки о моей жизни", 394, 395.

40. *А. Розенъ.* „Записки декабриста" Лейпцигъ 1870, 104.

41. Письмо къ А. С. Хомякову его отца о событіи 14 Декабря 1825 г. „Русскій Архивъ" 1893 II, 127—8.

42. „А. Д. Боровковъ и его автобіографическія записки" „Русская Старина" 1898 Ноябрь, 340, 341.

43. „Донесеніе" 56. „Г. С. Батенковъ" „Русская Старина" 1889. Августъ, 313, 362. Бестужевъ, кажется, имѣлъ виды и на князя Вяземскаго. „Полное Собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго" IX. 107.

44. „Верховному уголовному суду отъ коммиссіи, избранной для основанія разрядовъ—Донесеніе“ Спб. 1826.

45. Хранится въ Государственномъ Архивѣ.

46. „Изъ записокъ декабриста Якушкина“ „Русскій Архивъ“ 1870 1569—70, 573—7, 1584—5.

47. Письмо къ К. Полевому. Дербентъ 1831 г. 12/II „Русскій Вѣстникъ“ 1861. Томъ XXXII, 293.

48. *А. Розенъ.* „Записки декабриста“ Лейпцигъ 1870, 324.

49. „Воспоминанія Матвѣя Ивановича Муравьева-Апостола“, „Русская Старина“ 1886. Сентябрь, 525—528.

50. Встрѣча А. Бестужева съ братьями разсказана нѣсколько иначе въ запискахъ И. Д. Якушина.

51. Они изданы *М. Семевскимъ* въ статьѣ „Александръ Бестужевъ въ Якутскѣ. Неизданныя письма его къ роднымъ 1827—1829“, „Русскій Вѣстникъ“ 1870, V, 213—264.

52. *А. Розенъ.* „Записки декабриста“, 271.

53. *A. Erman.* Reise um die Erde Berlin 1838, I. 2, 269—271, 274—5.

54. „Собраніе стихотвореній декабристовъ“. Лейпцигъ 1862, 183—185, 225.

55. „Письмо Александра Бестужева—графу Дибичу 1829“. „Русская Старина“ 1881. Декабрь, 886, 887.

56. Письмо къ П. Полевому 1831. 29 Января „Русскій Вѣстникъ“ 1861, XXXII, 292.

57. Жизнь Бестужева на Кавказѣ можетъ быть съ достаточной полнотой возстановлена по его обширной перепискѣ 1829—1837 годовъ. Переписка эта напечатана М. И. Семевскимъ и Полевымъ, смотр. *М. И. Семевскій.* „А. А. Бестужевъ на Кавказѣ“ „Русскій Вѣстникъ“ 1870, V, VI и VII. „Письма А. А. Бестужева къ П. А. и К. А. Полевымъ“ „Русскій Вѣстникъ“ 1861, т. XXXII.

58. „Воспоминанія“ *Гангеблова,* 204—5.

59. *Т.* „Воспоминанія о Кавказѣ и Грузіи“ „Русскій Вѣстникъ“ 1869 г., т. 80, Апрѣль, 701.

60. „Дѣло“ А. Бестужева въ Архивѣ III Отдѣленія Собственной Е. В. Канцеляріи.

61. „Воспоминанія о Кавказѣ и Грузіи“ „Русскій Вѣстникъ“ 1869, т. 80, Апрѣль, 701.

62. „Воспоминанія А. С. Гангеблова“ 204—209.

63. Виновникомъ этого заточенія былъ, кажется, Паскевичъ. „Меня обошли при Байбургѣ—писалъ Бестужевъ Булгарину—Богъ судья Паскевичу, который положилъ представленіе обо мнѣ подъ сукно и потомъ преслѣдо, валъ меня какъ лютый звѣрь и какъ лютаго звѣря“.

64. Изъ воспоминаній *Я. И. Костенецкаго* „Русская Старина“ 1900, XI, 443.

65. Изъ воспоминаній *Я. И. Костенецкаго* „Русская Старина“ 1900, XI, 442.

66. „Русскій Вѣстникъ“ XXXII, 326. Письмо къ Н. Полевому 1832, 19 г.

67. „Русскій Архивъ“ 1874, II, 7—8. Письмо къ П. Полевому. Дербентъ 1833.

68. См. „Русская Старина“ 1886, Сентябрь, 702.

69. „Русское Обозрѣніе“ 1894, X, 824 „Письма А. Бестужева къ братьямъ Полевымъ“ письмо 1832 г. 1/IX.

70. Письмо къ Н. Полевому изъ Дербента 1834, 3 Мая.

71. Смр. „А. А. Бестужевъ. Изъ воспоминаній *Я. И. Костенецкаго*“, „Русская Старина“ 1900, Ноябрь, 452—3.

72. „Изъ воспоминаній *Я. И. Костенецкаго* „Русская Старина“ 1900, Ноябрь 445—7.

73. „Русскія Вѣдомости“ 1888 № 91, VII „Дербентъ“ *В. И. Немировича-Данченка.*

74. „Новое Время“ 1888 № 4349 „Письмо въ редакцію“ *А. Зиссермана.*

75. „Бестужевъ на Кавказѣ“ „Русскій Вѣстникъ“ 1870, VII, 48—49.

76. *М. Семевскій* „А. А. Бестужевъ“ „Отечественныя Записки“ 1860, № 5, 159.

77. „Русскій Вѣстникъ“ 1861, XXXII, 310—311. Письмо къ П. Полевому 16 Декабрь 1831.

78. „А. А. Бестужевъ. Изъ воспоминаній Я. И. Костенецкаго„ „Русская Старина“ 1900, Ноябрь, 455.

79. Второе полное собраніе сочиненій А. Марлинскаго. Спб. 1847, т. X, 5—12. „Прощаніе съ Кавіемъ“.

80. Сочиненія Марлинскаго 1847. X, 13—83.

81. „Путь до города Кубы“. Сочиненія Марлинскаго 1847. X, 60—62.

82. „Русскій Вѣстникъ“ XXXII, 316.

83. „Къ исторіи покоренія Кавказа. Письмо изъ отряда, дѣйствующаго за Кубанью, 24 Октябрь 1894 г.“ „Русскій Архивъ“ 1877, III, 106—9.

84. „Воспоминанія“ *Г. И. Филипсона* Москва 1885, 107.

85. *А. П. Берже*. „А. А. Бестужевъ въ Пятигорскѣ въ 1835 г.“ „Русская Старина, т. XXIX, 417—422.

86. Срв. „Изъ Архива О. В. Булгарина“ „Русская Старина“ 1901. Февраль.

87. *И. Ховенъ*. „Мое знакомство съ декабристами“ „Древняя и Новая Россія“ 1877, I, 221.

88. *А. Розенъ*. „Записки Декабриста“ Лейпцигъ 1870, 367.

89. Въ бумагахъ III Отдѣленія Собственной Е. В. Канцеляріи.

90. „Онъ былъ убитъ“. Сочиненія Марлинскаго 1847. IX, 93, 106, 108, 112, 113, 119, 126, 127, 133.

91. *М. Семевскій* „А. А. Бестужевъ“. „Отечественныя Записки“ 1860. Іюль, 71—72.

92. „Восточная поэма на смерть Пушкина“. „Русская Старина“ 1874. Сентябрь, 76—79.

93. „Послѣднія минуты Марлинскаго“. Иллюстрація 1848 г., № 21.

92. Этотъ разсказъ о смерти Бестужева напечатанъ въ статьѣ *М. Семевскаго* „Александръ Бестужевъ на Кавказѣ“ „Русскій Вѣстникъ“ 1870, VII, 79—83. Онъ составленъ главнымъ образомъ на основаніи воспоминаній *К. А. Давыдова* („Нѣсколько словъ о смерти А. А. Бестужева“ „Московскія Вѣдомости“ 1861, № 24).

95. *В. Савинова* „Куда дѣвался Марлинскій“ „Семейный кругъ“ 1858—1859 I, 1—21.

96. Письмо къ Н. Полевому 1832, 1 Январь изъ Дербента „Русскій Вѣстникъ“ 1861, XXXII, 319.

97. *М. Семевскій.* „А. А. Бестужевъ“ „Отечественныя Записки“ 1860, CXXX, 144.

98. Письмо къ Н. Полевому 1833 г. 18 Мартъ.

99. „Русскій Вѣстникъ“ XXXII, 1861, 439.

100. Письмо 1833 г. 18 Мартъ.

101. „Отечественныя Записки“ 1860, CXXX, 332.

102. *М. Бестужевъ.* „Дѣтство и юность А. Бестужева“, 10.

103. Письмо къ П. Полевому 1832 г. 1 Сентябрь „Русское Обозрѣніе“ 1894, X, 824.

104. Письма Пушкина къ А. Бестужеву 1824 г. 12 Январь; 1825, 21 Марта; 1826, 30 Ноября.

105. Письмо Вяземскаго къ Бестужеву 1823. 23 Января „Русская Старина“ 1888, XI, 313.

106. Письмо Грибоѣдова 1825. 22 Ноября „Русская Старина“ 1889, 322.

107. Дневники В. Кюхельбекера „Русская Старина“ XXXIX, 1883, 253, 271, 1884. II, 340, 1883, 263, 1884, II, 362.

108. *А. Кирпичниковъ*, „Между славянофилами и западниками“ „Русская Старина“ 1898, XI, 318 *Кенигъ.* Очерки русской литературы. Спб. 1862, 150, 151.

109. Письмо Сенковскаго къ Пушкину „Русскій Архивъ“ 1881, I, 444.

110. „Историческій Вѣстникъ“ 1889. VII 116—117.

111. „Воспоминанія М. О. Каменской“ „Историческій Вѣстникъ“ 1894, IV, 34.

112. *П. Полевой.* Взглядъ на русскую литературу 1838 и 1839 годовъ. „Сынъ Отечества“ 1840, I, 435.

113. „Телескопъ“ 1832. № 17, 1116.

114. „Маякъ“ 1840 № 4, 192—193.

115. *П. Куликовъ.* „А. С. Пушкинъ и П. В. Нащокинъ“ „Русская Старина“ 1881, VIII, 599.

116. Дневникъ А. В. Никитенко 1834 г.

117. *С. Венгеровъ.* Полное собраніе сочиненій Бѣлинскаго I, 444.

118. „Письмо къ издателю „Маяка“ приведено въ статьѣ А. Григорьева „Оппозиція застоя“ 1861 г. Сочиненія А. Григорьева I, 582.

119. „Въ это время только что начала издаваться Сенковскимъ знаменитая „Библіотека для Чтенія“. Сенковскій, въ числѣ литераторовъ, при-

гласными участвовать въ этомъ журналѣ, помѣстилъ и Марлинскаго, не спроси предварительно его на то согласія.

— Такая наглость Сенковскаго,—говорилъ Бестужевъ,—мнѣ очень не понравилась, и когда онъ потомъ, въ письмѣ своемъ ко мнѣ, просилъ присылать статьи мои для помѣщенія въ журналѣ, то, чтобы наказать его, я согласился на это не иначе, какъ съ платою за каждый печатный листъ по тысячѣ рублей ассигнаціями, и Сенковскій принялъ это условіе.

Такъ дорого цѣнились тогда сочиненія Марлинскаго. „Изъ Воспоминаній Костенецкаго“ „Русская Старина“ 1900, XI, 448.

120. *В. В. Стасовъ.* „Училище Правовѣдѣнія“ „Русская Старина“. 1881, II, 409—410.

121. *С. Венгеровъ.* „Критико-біографическій словарь“. Спб. 1892, III, 149,

122. *А. Григорьевъ.* „Сочиненія“ I, 289, 250, 331, 528, 521.

123. *Н. Чернышевскій.* „Очерки Гоголевскаго Періода“, 250.

124. *С. Венгеровъ.* Полное собраніе сочиненій Бѣлинскаго. Спб. 1900, I, 443—4.

125. „Характеры Маріи Стюартъ и Елисаветы“ (переводъ изъ Робертсона) „Соревнователь“ 1824, № V, 222—229. „Къ читателямъ „Сына Отечества“. „Сынъ Отечества“ 1825, № VII, 303—304. „О нынѣшнемъ нравственномъ и физическомъ состояніи лифляндскихъ и эстляндскихъ крестьянъ“ (изъ книги де Брея Essai critique sur l'histoire de la Livonie) „Сынъ Отечества“ 1818, № 38, 241—254. (Въ статьѣ дано описаніе правовъ, одежды, древнихъ обычаевъ и приведены пѣсни. Много сказано комплиментовъ по адресу русскихъ крестьянъ въ виду ихъ нравственныхъ преимуществъ надъ другими).

126. „О деревянномъ строеніи въ Россіи“ 1825.

127. „Письмо Попа къ епископу Рочестерскому передъ его изгнаніемъ“. „Соревнователь“ 1824, № III, 298—301. (Съ англійскаго).

128. „Ораторъ“ „Соревнователь“ 1824, № III, 302—303.

129. „Рѣчь Лорда Чатама объ американскихъ дѣлахъ въ 1777 году“. „Соревнователь“ 1824, № VIII, 113—118.

130. „Исторія серебрянаго рубля“ 1820.

131. Удачно вышли, напр., портреты красавицъ въ разные періоды ихъ жизни, отъ ребенка въ фижмахъ до семидесятилѣтней старухи въ статьѣ: „Портретная галлерея“ „Соревнователь“ 1824, № VII, 40—43.

132. Смотри, напр., описаніе мокраго пасмурнаго дня въ англійскомъ трактирѣ въ статьѣ „День въ трактирѣ англійскаго городка“. „Соревнователь“ 1824, № VII, 44—49.

133. Такъ, напр., купчикъ, желающій въ трактирѣ спросить у сосѣда воды, говоритъ: „я вѣдь, впрочемъ, не для ради чего иного прочаго, а такъ изъ кампанства, хотѣлъ только, утрудивъ, побезпокоя васъ, попросить соблаговоленія, чтобы нашему чайнику возымѣть соединяемое куппосообщеніе съ этимъ самоваромъ-съ“. „Новый русскій языкъ“ 1833.

134. „О публикѣ“ письмо къ издателю (съ французскаго), „Благонамѣренный“ 1820, № XXI, 166—171.

135. „Рекомендательное письмо“ 1834.

136. „Объявленіе отъ общества приспособленія точныхъ наукъ къ словесности“ 1831.

137. „Письмо къ издателю“. „Благонамѣренный“ 1820, № VI, 398—408.

138. „Утѣшеніе въ несчастіяхъ“ (изъ Вейса). „Литературные Листки“, 1824, № XXI, XXII, 81—86.

139. „Ученіе“. „Соревнователь“ 1824, № VII, 50—52.

140. Въ одной сказкѣ разсказывается путешествіе въ подземныхъ онвскихъ гробницахъ („Соревнователь“ 1822, № VIII, 163—181). Другая любовная: о дервишѣ и его свиданіяхъ съ царевной („Устье Босфора“, изъ путешествія по Востоку І. Сенковскаго „Соревнователь“ 1822, № VII, 39—73). Бестужеву, кажется, принадлежитъ и переводъ „Прокаженнаго города Аосты“, напечатанны въ „Библіотекѣ для Чтенія“ 1822—23 г., книжка II, 1—35.

141. „Исторія знаковъ препинанія“ 1821 г.

142. „Страсть споритъ“. „Соревнователь“ 1824, № 5, 230—235.

143. „Способъ объясненія посредствомъ музыки и живописи (съ франц. Бершу). „Благонамѣренный“ 1820, № IX, 200—202 (Пустой анекдотъ о музыкантѣ, который въ трактирѣ спрашивалъ супъ съ клецками, итальянскіе макароны и ничего не могъ добиться).

144. Ага-фонъ, А-ракъ. „Соревнователь“ 1819, № X, 87.

145. „Кавалерійская школа“, сочиненіе de la Гериньера „Сынъ Отечества“ 1820, № 26, 308—317.

146. „О верховой ѣздѣ. Введеніе“. „Соревнователь“ 1824. № VII, 53—73. Бестужевъ, какъ онъ самъ заявляетъ, намѣревался извлечь изъ лучшихъ учителей основныя правила выѣздки, приспособить ихъ къ фронту и составить изъ этого ручную книжку для употребленія въ конныхъ полкахъ. Онъ успѣлъ написать только главу: „Общія понятія о выѣздкѣ“.

147. „Письмо къ издателю“. „Сынъ Отечества“ 1820, № XLIV, 157—172. Какъ на удачный образчикъ его критики, можно, напр., указать на слѣдующія строки: „Улиссъ, претерпѣвшій кораблекрушеніе передъ Навзикаей“, работы Карла Брюлло, показываетъ богатство воображенія въ изобрѣтеніи, но малую опытность въ исполненіи. За то „Нарциссъ“ его прекрасенъ въ полномъ смыслѣ слова. Художникъ весьма замысловато скрылъ лицо его, ибо для изображенія идеальной прелести Нарцисса едва ли бы довлѣло живой кисти Апеллесса. Жаль только, что правая нога не совсѣмъ кругла и не сохраняетъ въ колоритѣ общаго тона въ цѣломъ, будучи желтѣе корпуса. Лѣвый бокъ въ абрисѣ своемъ могъ бы имѣть болѣе игры, поелику согнутъ въ дугу, но со всѣмъ тѣмъ талантъ и вкусъ молодого артиста замѣтны въ каждой чертѣ“.

148. „Критика на Походныя Записки русскаго офицера изд. И. Лажечниковымъ“ „Соревнователь“ 1821. № II, 301—2.

149. „Отчетъ о торжественномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ“ “Соревнователь“ 1821 № II, 305—311. Бестужевъ, разбирая въ этомъ отчетѣ рѣчь Шишкова „о древности и превосходствѣ русскаго языка

передъ другими въ звукоподражательномъ и логическомъ отношеніяхъ", высказывалъ нѣсколько опасеній и сомнѣній насчетъ такого превосходства и указывалъ на отсутствіе напр., у насъ языка философскаго. Эта замѣтка разсердила читателей и одинъ изъ нихъ въ очень неуклюжей статьѣ („Письмо къ издателямъ „Соревнователя" „Соревнователь" 1821, № IV 91—102) выговаривалъ Бестужеву за то что онъ, имѣя мало знаній, сталъ критиковать Шишкова. Бестужевъ отвѣчалъ на эту замѣтку статьей („Отвѣтъ на письмо къ издателямъ „Соревнователя" „Соревнователь" 1821, № V, 209—219) въ которой говорилъ о томъ значеніи, какое имѣетъ писатель какъ творецъ языка.

150. На эти мелкія рецензіи указываетъ П. Каратыгинъ въ своихъ „Запискахъ".

151. „Метроманія или страсть къ стихотворству, комедія въ 5 дѣйствіяхъ въ стихахъ, сочиненіе Пирона, вольный переводъ П. В. Сушкова". „Сынъ Отечества" 1821, № VII, 307—320.

152. Этотъ разборъ „Эсфири" („Сынъ Отечества" 1819, ч. LVI, № 3, 107—124) чуть-чуть не вовлекъ Бестужева въ дуэль съ Катенинымъ (Записки М. А. Бестужева. „Русская Старина" 1881, XI, 628). Случай этотъ надѣлалъ тогда много шума и повеселилъ литературную братію. По крайней мѣрѣ, Пушкинъ въ веселую минуту предлагалъ Гнѣдичу опять стравить Бестужева съ Катенинымъ (Письмо Гнѣдичу 27 Іюня 1822). Самъ Катенинъ долго не могъ забыть этой критики (Письмо Катенина къ Пушкину 24 Ноября 1825, „Русскій Архивъ" 1881, I).

153. „Сынъ Отечества" 1819, ч. LI, № 6, 252—273.

154. „Русская Старина" 1900, VIII, 391—395. „Бесѣды въ обществѣ любителей русской словесности" III, 1871, III, 25—27.

155. „Звѣзда" издавалась регулярно въ продолженіе 3-хъ лѣтъ, въ 1823, 1824 и 1825 году. Въ 1825 году издатели, тогда занятые усложнившимися дѣлами тайнаго общества (Записки *М. А. Бестужева* „Русская Старина" 1881, XI, 630), за недосугомъ рѣшили издать вмѣсто „Звѣзды". „Звѣздочку", объемомъ поменьше. Нѣсколько листовъ этой „Звѣздочки, было набрано до 14 Декабря, и она затѣмъ почти полвѣка хранилась въ кладовой департамента Генеральнаго Штаба („Русскій Архивъ" 1869. „Альманахъ Звѣздочка" 1826 г.). Всѣ хлопоты по составленію и печатанію „Полярной Звѣзды" лежали на Бестужевѣ („Отечественныя Записки" 1860, CXXX, 136).

156. „Сынъ Отечества" 1823, № IV, 174—175. „Отвѣтъ на критику, помѣщенную въ № 4, 5, 6, 7 „Русскаго Инвалида".

157. „Благонамѣренный" 1824, № 1, 77.

158. „Литературные Листки" Булгарина 1824, № I, 64. Издатели печатно протестовали противъ „варварскаго права Корсаровъ" и запрещали перепечатки („Русскій Архивъ" 1871, № 4, 5, 0964).

159. „Литературные Листки" Булгарина 1824, № II, 64. Едвали справедливо извѣстіе „Русскій Архивъ" 1890, VI, 146) что издатели „подкупали" цензора.

160. „Сѣверный Архивъ". 1823, № 4, 406—407.

161. „Литературные Листки" 1824, № 1, 27—29.

162. „Русскій Инвалидъ" 1823, № 4, 5, 6, 7.

163. *Д. Р. К.* „Четвертое письмо на Кавказъ". „Сынъ Отечества" 1825, № X 202—216.

164. „Сынъ Отечества" (1825, № II, 223—225) стихотвореніе П. Катенина „Знакомая Звѣзда".

165. „Письмо С. Хомякова о событіи 14 декабря". „Русскій Архивъ" 1893, II, 127—8.

166. Къ матери 1829, 25 мая. „Русскій Вѣстникъ" 1870, т. 87, 262—3.

167. „О Вкусѣ" изъ Кюльса. "Благонамѣренный" 1820. № XI, 315—325

168. „Опредѣленіе поэзіи" (съ англійскаго). „Соревнователь Просвѣщенія" 1824, № III, 304—305.

169. Письмо къ бр. Полевымъ 29 Января 1831.

170. „Подарокъ сыновьямъ моимъ на новый годъ". Повѣсти А. Коцебу. „Сынъ Отечества" 1820, № XLVII, 21—28.

171. „Письмо къ издателю" А. Б. „Сынъ Отечества" 1821, № XII, 244—257.

172. Письмо О. Сомова къ Рылѣеву. *П. Ефремовъ* „Сочиненія Рылѣева" 1875 г.

173. „Письмо къ издателю". „Сынъ Отечества" 1821, № XIII.

174. Разборъ „Краткаго памятника для полевыхъ офицеровъ". М. Бестужева-Рюмина. Вильманстрандскаго полка адъютанта". „Сынъ Отечества" 1819, № 15, 132 –136.

175. Такъ случилось тогда съ небезъизвѣстнымъ писателемъ Жандромъ который на одну строку Бестужева отвѣтилъ цѣлой статьей („Разговоръ отъ „Полярной Звѣзды". „Сынъ Отечества" 1823, № 9, 64—72). Въ споръ ввязался какой-то другой любитель и написалъ свой отвѣтъ Жандру („Письмо къ А. А. Бестужеву". „Сынъ Отечества" 1823, № 12, 223 –229), на что Жандръ опять сталъ твердить свое („Бѣда отъ правды". „Сынъ Отечества" 1823, № 14, 310—312). Но получилъ опять сдачи („Бѣда отъ неправды". „Сынъ Отечества" 1823, № 15, 32—35). Жандръ не успокоился и поставилъ вновь какіе-то „Вопросы вмѣсто отвѣта" („Сынъ Отечества" 1823, № 16, 83—86), на что неугомонный спорщикъ отвѣчалъ „Отвѣтами на вопросы" („Сынъ Отечества" 1823, № 17, 124—128). И долго, вѣроятно, длилась-бы эта перебранка, если-бы самъ редакторъ Гречъ не закричалъ на своихъ сотрудниковъ: пора перестать! и не пригрозилъ имъ, что дальше этой белиберды печатать не будетъ („Письма на Кавказъ". „Сынъ Отечества" 1823, № 20, 265). И все это изъ-за двухъ трехъ строкъ Бестужева.

За этого Жандра сочла нужнымъ заступиться даже сама цензура, которая предложила Бестужеву произвести въ его статьѣ кое какія поправки. Бестужевъ отвѣтилъ письменно, что онъ признаетъ неприкосновенность г-на Жандра наравнѣ съ священными цыплятами Капитолія, но печатать свою статью въ исправленномъ цензурой видѣ не желаетъ (Срв. *В. Е.*

Якушкинъ. „Къ литературной и общественной исторіи 1820—1830 г.“. „Русская Старина“ 1888, X, 167—168).

176. „Нѣчто о глупцахъ“. „Соревнователь Просвѣщенія“ 1820, № XII, 305—307.

177. „Главные періоды датской литературы“ (изъ нѣмецкаго журнала). „Сынъ Отечества“ 1822, № LXXIX. 145—155.

178. „Поѣздка въ Ревель“ 1821. „Станція Варгель“.

179. „Почему?“. „Сынъ Отечества“ 1822. ч. LXXVII, 158—168. Въ этой же статьѣ онь дѣлаетъ Гречу упрекъ въ томъ, что онъ при обзорѣ современной русской литературы обошелъ молчаніемъ „политическія сочиненія“ Н. И. Тургенева.

180. „Замѣчанія на критику, помѣщенную въ № 13 „Сына Отечества“, касательно опыта краткой исторіи русской литературы“. „Сынъ Отечества“, 1822, ч. LXXVII, 253—269.

181. Разборъ „Essai sur l'origine du mal par un officier“. "Сынъ Отечества“ 1819, ч. LIV, 70—75.

182. „О разборѣ книги: Опыты Василія Перевощикова“. „Сынъ Отечества“ 1822, ч. LXXX, 108—109. Статья любопытна по восторгу, съ какимъ Бестужевъ при случаѣ говоритъ о „благороднѣйшемъ“ человѣкѣ Тацитѣ, авторѣ „Жизни Агриколы“, которую должны съ благоговѣніемъ читать всѣ имѣющіе „сердца“.

183. „Соревнователь Просвѣщенія“ 1823, № II, 228—229.

184. Сочиненія Пушкина въ изданіи Литературнаго фонда, VII, 32, 50 70, 116, 128.

185. „Соревнователь“ 1823. № 1. Критика стр. 97—116. „Сынъ Отечества“ 1823. № II, 111.

186. „Вѣстникъ Европы“ 1823, № 2, стр. 134—136. Нѣсколько замѣчаній на книгу „Полярная Звѣзда“.

187. *М. Е.* „О взглядѣ на старую и новую словесность въ Россіи“. „Вѣстникъ Европы“ 1823, № 2, стр. 139—147.

188. „Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву“. Спб. 1866. 345.

189. „Письма А. Измайлова къ И. И. Дмитріеву“. Январь 1823 г. „Русскій Архивъ“ 1871, 975.

190. „Отвѣтъ на критику „Полярной Звѣздѣ“, помѣщенную въ 4, 5, 6, 7 номерахъ „Русскаго Инвалида“ 1823 г., „Сынъ Отечества“ 1823, № IV, стр. 174—190.

191. „Письма на Кавказъ“. „Сынъ Отечества“ 1823, № I, стр. 17—18, 111—113.

192. Письмо кн. П. А. Вяземскаго къ А. А. Бестужеву 20 Января 1824, „Русская Старина“ 1888, XI, стр. 322—325.

193. „Московскій Телеграфъ“ отнесся, впрочемъ, очень благодушно къ этому наскоку Бестужева. Рецензентъ „Телеграфа“ назвалъ статью Бестужева неправильной, ошибочной, несправедливой, но остроумной, рѣзкой и выразительной. Основная мысль, говорилъ онъ, положимъ, ошибочна: у насъ много критикъ, но критиковъ пока еще нѣтъ. Они—на западѣ и

намъ, живущимъ на чужой счетъ, не слѣдуетъ ругать иностранные журналы. Бестужевъ любитъ софизмы, но они искренни и потому могутъ быть прочтены съ пользой. Бестужевъ, вообще, по слогу обѣщаетъ хорошаго писателя, но только слогу его нужно перебѣситься („Московскій Телеграфъ“ 1825, № VIII, 320—336. Подпись „А“).

194. „Письма А. И. Тургенева къ И. И. Дмитріеву 1825“. „Русскій Архивъ“ 1867, 669.

195. „Письма А. Измайлова къ И. И. Дмитріеву 1825“. „Русскій Архивъ“ 1871, 988.

196. Письмо къ Полевому 1883 г. „Русскій Архивъ“ 1874, II, 8.

197. Письма къ бр. Полевымъ 9 Марта и 8 Мая 1833, 16 Декабря 1831 и письмо къ матери 21 Декабря 1833.

198. Письма къ бр. Полевымъ 26 Января 1833; къ братьямъ 21 Декабря 1833.

199. „О потерянномъ раѣ“. „Соревнователь Просвѣщенія и Благотворенія“ 1820, № XII, 285—293.

200. *Бартеневъ*. Бумаги А. С. Пушкина I, 148.

201. „Кенильвортъ“. Романъ Вальтеръ Скотта (Edinburg Rewiew). „Соревнователь Просвѣщенія“ 1824, № VI, 325—330.

202. Правда, не безъ грѣха, смотри „Онъ былъ убитъ“ 1834.

203. *М. Бестужевъ*. „Дѣтство А. А. Бестужева“.

204. „Русская Антологія или образчики русскихъ поэтовъ, Джона Бауринга ч. II“ „Литературные Листки Булгарина“ 1824, № XIX, XX, 32—45.

205. Письмо къ братьямъ изъ Якутска 9 Марта 1829.

206. „Письмо къ Эрману“ 1829.

207. Письмо къ бр. Полевымъ 21 Февраля 1831.

208. „Соревнователь“ 1821. VI, 294—298.

209. „О Духѣ поэзіи XIX вѣка“. Изъ Artaud пер. А. Б. „Сынъ Отечества“ 1825, № XV, 276—288, № XVI, 386—398.

210. „Пасьмо къ Эрману“ 1829.

211. „Мореходъ Никитинъ“ 1834.

212. Письмо къ бр. Полевымъ 13 Августа 1831.

213. Письмо къ бр. Полевымъ 1 Января 1832.

214. „Путь до города Кубы“ 1834.

215. Письмо къ бр. Полевымъ 1 Сентября 1832.

216. Письмо къ бр. Полевымъ 27 Іюля 1834.

217. Письмо къ братьямъ изъ Якутска 9 Марта 1829. „Русскій Вѣстникъ“ 1870, т. 87, 252.

218. Письма къ бр. Полевымъ 28 Мая, 18 Августа, 1331, 4 Января 1833.

219. Письмо къ бр. Полевымъ 14 декабря 1832.

220. Письмо къ бр. Полевымъ 25 Іюня 1832.

221. Письмо къ брату Павлу 26 Мая 1835 (срв. отзывъ о „Телеграфѣ“ выше отъ 1829 года), письмо къ матери 19 Января 1831.

222. Письма къ Полевымъ 1 Января 1832 и 4 Января 1833.

223. Письмо къ Пушкину 9 Марта 1825. *Бартеневъ*. Бумаги А. С Пушкина. I, 148.

224. Письмо къ Полевому 22 Сентября 1832.

225. Письма къ бр. Полевымъ 26 Января и 9 Марта 1833.

226. Письмо къ матери 19 Января 1831.

227. Письмо къ бр. Полевымъ 29 Января 1831.

228. Письмо къ бр. Полевымъ 24 Мая 1832.

229. Письмо къ бр. Полевымъ 13 Августа 1831.

230. Письмо къ В. Туманскому 1825, 15 Января, „Кіевская Старина“ 1899, т. 64, № 3, 300.

231. Пушкинъ Бестужеву 25 Января 1825. Изд. Лит. Фонда VII, 106—7, 116, 117.

232. Письмо къ братьямъ 25 Декабря 1828.

233. Письмо къ бр. Полевымъ 28 Іюня 1832.

234. *С. Венгеровъ*. Полное собраніе сочиненій Бѣлинскаго I, 314—315.

235. Изъ Архива О. В. Булгарина, „Русская Старина“ 1900, I. 392—404.

236. „Московскій Телеграфъ“ 1833 г. № XV. Августъ 399—420; № XVI 541—555; № XVII Сентябрь 85—107; № XVIII, 216—244.

237. *С. Шашковъ*. „Эпоха Бѣлинскаго“ „Дѣло“ 1877 I, 27—39.

238. *М. Сухомлиновъ*. „Изслѣдованія и статьи“ II, Спб. 1889 „II. А. Полевой и его журналъ“ „Московскій Телеграфъ“ 415, 421—2, 425.

239. Письмо къ Полевому. 19 Май 1832 г.

240. „Отечественныя Записки“ № 7 1860, 48.

241. „Русскій Вѣстникъ“ 1861. XXXII, 430.

242. „Русскій Вѣстникъ“ XXXII, 330.

243. Письмо къ братьямъ. Дербентъ 27 Декабрь 1830.

244. „Отечественныя Записки“ № 7 1860. 44.

245. Письмо къ Н. Полевому 16 Декабрь 1331 г.

246. Письмо къ Н. Полевому 23 апрѣль 1831.

247. Письмо къ Н. Полевому 16 Декабрь 1831.

248. Письмо къ К. Полевому 2 августъ 1834.

249. „Письма Бестужева къ Н. и К. Полевымъ“ „Русское Обозрѣніе“. 1894. X, 821.

Оглавленіе.

Князь Александръ Ивановичъ Одоевскій.

	стран.
Юношеская жизнь. Раннее міросозерцаніе. Литературныя связи. I	1— 15
Вступленіе въ тайное общество; работа въ немъ. День 14 декабря. Бѣгство и поимка. II, III .	15— 24
Тюрьма. Болѣзнь. Поведеніе на судѣ. Судъ и отправка въ Сибирь. IV	25— 34
Жизнь на каторгѣ и на поселеніи. Переѣздъ на Кавказъ. V, VI, VII	34— 47
На Кавказѣ. Болѣзнь и смерть. VIII, IX . . .	47— 59
Характеристика какъ человѣка. X	59— 63
Литературный талантъ. XI.	63— 64
Критическіе опыты. Поэма „Василько“. XII . .	64— 72
Лирическія стихотворенія съ религіознымъ и философскимъ смысломъ. XIII, XIV . . .	72— 80
Описанія природы. XV	80— 82
Стихотворенія съ патріотической и политической тенденціей. XVI	82— 90
Личныя воспоминанія. XVII, XVIII.	90—102
Общая характеристика жизни и творчества. XIX, XX.	103—104

Александръ Александровичъ Бестужевъ-Марлинскій.

	стран.
Дѣтскіе годы. Жизнь въ корпусѣ. I	107—114
Офицерская служба. Литературныя связи. II . .	114—122
Политическія мысли и работа въ сѣверномъ обществѣ. III, IV	122—132
День 14 декабря. Арестъ. Тюрьма. Письмо къ царю. V, VI	132—148
Заключеніе въ фортѣ „Слава“. Литературныя занятія. На пути въ Сибирь. Поселеніе въ Якутскѣ. Стихотворенія этого времени. VII, VIII, IX	148—164
На Кавказѣ. Боевые подвиги. Жизнь въ Дербентѣ. X.	165—190
Походы. Послѣдніе годы. XI, XII, XIII	191—215
Общая характеристика какъ писателя. Обзоръ повѣстей. XIV.	215—219
Повѣсти сентиментально-романтическія ранняго времени. XV	219—233
Повѣсти этнографическія изъ Сибирской и Кавказской жизни. XVI, XVII	234—255
Повѣсти съ реальной тенденціей изъ военной и свѣтской жизни. XVIII, XIX	255—282
Историческое значеніе повѣстей Марлинскаго. Ихъ стиль. XX	282—285
Отзывы современной критики о повѣстяхъ Марлинскаго. XXI.	285—295
Мелкія журнальныя статьи Бестужева. XXII . .	295—302
Участіе его въ „Полярной Звѣздѣ“. XXIII. . .	302—305
Историко-критическія статьи Бестужева и „обзоры русской словесности“. XXIV, XXV, XXVI	305—329
Сужденія Бестужева объ иностранной и русской литературѣ. XXVII, XXVIII	329—341
Критическая статья Бестужева о романѣ Полевого „Клятва при Гробѣ Господнемъ“. XXIX, XXX	341—365

	стран.
Общая оцѣнка заслугъ Бестужева какъ критика и публициста. XXXI	365–367
Характеристика писателя и человѣка. XXXII, XXXIII, XXXIV, XXXV.	368–401
Приложеніе I. Записка А. Бестужева о составѣ тайнаго общества	402–405
Приложеніе II. Записка А. Бестужева о членахъ сѣвернаго общества	406–416
Примѣчанія къ статьѣ „Князь А. И. Одоевскій“	419–423
Примѣчанія къ статьѣ „А. А. Бестужевъ“. . . .	424–435